МАСТЕРА ФАНТАСТИКИ

МИР АЙЗЕКА АЗИМОВА

• Грегори Бенфорд • Грег Бир • Дэвид Брин •

АКАДЕМИЯ

ВТОРАЯ ТРИЛОГИЯ

Страхи Академии

Айзек Азимов, Грегори Бенфорд

Аннотация
Грегори Бенфорд. Страхи академии. (Основание-8)
ВСТРЕЧА
ЧАСТЬ 1. МИНИСТР-МАТЕМАТИК
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10

ЧАСТЬ 2. РОЗА И СКАЛЬПЕЛЬ
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6

Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
ЧАСТЬ 3. ГОСУДАРСТВО
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7

Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
ЧАСТЬ 4. ОСОЗНАНИЕ СЕБЯ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
ЧАСТЬ 5. САТИРУКОПИЯ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10

Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
ЧАСТЬ 6. ТУМАНЫ ПРОШЛОГО
Глава 1
Глава 2
Глава 3
ЧАСТЬ 7. ПЕСЧИНКИ ЗВЕЗД
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
ЧАСТЬ 8. УРАВНЕНИЯ ВЕЧНОСТИ

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18

Аннотация

Академия родилась не на Терминусе. Она родилась в самом центре Империи, на Тренторе, в день, когда блестящее выступление Гэри Селдона в суде переломило ход событий, направив его по проложенным психоисторией рельсам.

Вот точка отсчета. Факт. Но, кроме факта, всегда хочется подробностей…

Подробно о Гэри Селдоне решили рассказать три ведущих американских фантаста. О его прошлом выпало поведать Грегори Бенфорду, о настоящем — Грегу Биру, о будущем — Дэвиду Брину.

Распад великой Галактической Империи, захватывающие путешествия по виртуальным мирам, встречи с роботами-еретиками и полубезумным менталиком невероятной силы и другие невероятные приключения на просторах Вселенной, созданной талантом великого Айзека Азимова!

Грегори Бенфорд
Страхи академии
(Основание-8)

Грегу Биру и Дэвиду Брину, товарищам по путешествиям в неведомых морях

ВСТРЕЧА

Р. Дэниел Оливо был совсем не похож на Ито Димерцела. Эту роль он уже давно отыграл.

Дорс Венабили и не ожидала иного, и все равно ей было немного не по себе. Она знала, что за прошедшие тысячелетия он множество раз менял и кожу, и облик, и всю внешнюю оболочку целиком.

Дорс внимательно разглядывала его, стоя в тесной захламленной каморке, в двух секторах от Университета. Чтобы добраться сюда, ей пришлось прибегнуть к длинному запутанному, сложному маршруту, а само место встречи было надежно защищено самыми современными охранными приспособлениями. Роботы сейчас вне закона. И уже не одно тысячелетие им приходилось скрываться, держаться в тени из-за этого табу. Оливо был наставником и опекуном Дорс, но даже с ним она виделась очень и очень редко.

Дорс — робот в облике человека — ощущала почти священный трепет, глядя на стоящее перед ней ужасно древнее, наполовину металлическое создание. Ее наставнику было уже около двадцати

тысяч лет. И хотя он мог, конечно же, выглядеть, как человек, ему никогда по-настоящему не хотелось стать человеком. Он был неизмеримо выше этого, по крайней мере, сейчас.

И хотя Дорс уже давно благополучно изображала из себя человека, сейчас ее пробирала нервная дрожь от одного напоминания о том, что она есть на самом деле.

— Последнее время Гэри уделяют слишком много внимания…

— Согласен. Ты боишься, что тебя вычислят?

— Современные системы детекторов такие чувствительные! Он кивнул:

— Твои страхи оправданны.

— Мне нужна помощь, чтобы защищать Гэри.

— Если рядом с ним будет еще кто-нибудь из нас, это только увеличит опасность.

— Да, я, конечно, понимаю, но все же…

Оливо подошел поближе и положил руку ей на плечо. Дорс смахнула с ресниц слезы и посмотрела в лицо своему наставнику. Он давным-давно в совершенстве отработал такие незначительные мелочи, как, например, плавное движение адамова яблока при глотании. Но сегодня наставник не утруждал себя лишними внешними эффектами и избегал любых ненужных движений.

Редкая возможность хоть ненадолго избавиться от мелких, но досадных элементов маскировки явно доставляла ему удовольствие.

— Я все время боюсь, — призналась Дорс.

— Так и должно быть. Ему все время угрожает опасность. Но ты создана так, чтобы лучше всего действовать именно в особо опасных условиях.

— Да, я, конечно, знаю свои технические характеристики, и все же… Возьмем хотя бы твое последнее продвижение — из-за которого Гэри попал в высшие круги имперской политики. Согласись, моя задача из-за этого усложнилась неизмеримо.

— Так необходимо.

— Но это может отвлечь его от главной работы, от психоистории.

Оливо медленно покачал головой:

— Сомневаюсь. Гэри относится ко вполне определенному типу людей — он очень обязательный. Однажды он заметил: «Гений делает то, что должен делать, а человек талантливый — то, что может». Кстати, себя самого он считает просто талантливым человеком.

Дорс грустно улыбнулась.

— Но ведь на самом деле он — гений.

— И, как все гении, Гэри уникален и неповто-

рим. Среди людей встречаются редкие исключения из общей массы ничем не примечательных личностей. Такие люди появляются согласно закону эволюции, и именно они — основа самой эволюции, хотя сами они, как правило, этого не сознают.

— А мы?

— Законы эволюции не властны над теми, кто живет вечно. Во всяком случае, если они и оказывают на нас какое-то влияние, изменения еще не успели проявиться: слишком мало времени прошло. Зато мы можем изменять себя сами — и постоянно это делаем.

— И еще — люди жестоки.

— Нас мало, а их — много. И в каждом из них живут глубинные животные инстинкты, которых нам никогда не постичь, как бы мы ни старались.

— В первую очередь меня заботит Гэри.

— А Империя — где-то на втором плане? — с едва заметной улыбкой уточнил Оливо. — Моя же забота — только Империя, до тех пор пока она охраняет и защищает человечество.

— От кого?

— От самого человечества. Не забывай, Дорс, сейчас — Переломная Эра, наступление которой

мы предвидели давным-давно. Я бы сказал, это самый критический период всей истории.

— Термины мне известны, но в чем их смысл? Разве у нас есть теория истории?

В первый раз на лице Дэниела Оливо появилось хоть какое-то выражение — выражение печали и сожаления.

— Мы не можем разработать адекватную теорию истории человечества. Для этого нужно гораздо лучше понимать людей.

— Но хоть что-то у нас есть?..

— Несколько иной подход к изучению и оценке человечества: прежняя точка зрения безнадежно устарела и больше ни на что не годна. Поэтому мы и поддерживаем величайшее из творений человечества — Империю.

— А я и не знала…

— Тебе просто не нужно было знать. Теперь нам нужен более глубокий взгляд на человечество, глубинный. Вот почему для нас так важен Гэри.

Дорс вздохнула. Ее разбирало непонятное беспокойство, но причину этого беспокойства она пока не могла определить.

— А эта старая, прежняя теория… Наша прежняя теория. Если верить этой теории, у человечества сейчас должна появиться психоистория, так?

— Вот именно. Мы знаем это — хотя наша теория весьма примитивна. Большего знать мы просто не можем.

— Чтобы знать больше, нам нужен Гэри?

— Увы, да.

ЧАСТЬ 1
МИНИСТР-МАТЕМАТИК

ГЭРИ СЕЛДОН — …хотя биография Селдона, написанная Гаалем Дорником, является лучшим из существующих жизнеописаний великого ученого, ей не стоит полностью доверять в том, что касается прихода Селдона к власти. Дорник впервые встретился с Селдоном, еще будучи молодым, всего за два года до смерти великого математика. Но уже тогда фигуру этого выдающегося человека окружал таинственный ореол сплетен и даже легенд, относящихся в основном к тому периоду, когда Селдон был одним из деятелей высших политических кругов приходящей в упадок Империи.

Как случилось, что Селдон оказался единственным ученым-математиком за всю историю галактики, которому удалось пробиться к вершинам имперской власти, — это и по сей день остается неразрешимой загадкой для всех исследователей. Селдон не проявлял никаких признаков стремления к власти, создавая свою новую науку, «историю», предназначенную не просто для того,

чтобы представить и понять события прошлого, а скорее для того, чтобы можно было предсказывать будущее. Как заметил однажды сам Селдон в разговоре с Дорником, больше всего на свете он желал бы «предвидеть определенные варианты будущего».

Нет никаких сомнений, что таинственный конец Ито Димерцела как премьер-министра Империи стал первым актом в этой грандиозной пьесе. Клеон немедленно обратился к Селдону, и это косвенно свидетельствует о том, что Димерцел сам тщательно подобрал себе преемника. Но почему он избрал именно Селдона ? Историки расходятся во мнениях относительно мотивов, которыми руководствовались основные действующие лица в это критическое время. Империя как раз вступила в период сложных проблем и начала распадаться — возникло то, что Селдон именовал «мирами хаоса». Каким образом Селдон искусно справлялся со множеством могущественных политических противников — заметим, что какие-либо сведения о наличии у него опыта работы на политической арене отсутствуют, — и как ему удавалось при этом оставаться деятельным ученым и исследователем…

«ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

(Все представленные здесь выдержки из «Галактической Энциклопедии» приводятся по тексту сто шестнадцатого издания, которое вышло в тысяча двадцатом году Академической Эры в издательстве компании «Галактическая Энциклопедия», Терминус, и печатаются с разрешения издателей.)

Глава 1

Гэри Селдон размышлял о том, что у него достаточно врагов, чтобы придумать ему кличку, но слишком мало друзей, которые могли бы использовать ее при обращении.

В бурлящей толпе ощущалась враждебность. Прогулка от дома до места службы по широким площадям Университета оказалась не слишком приятной.

— Ох, не любят они меня! — сказал Гэри своей спутнице.

Дорс Венабили легко поспевала за ним, подлаживаясь к его широкому шагу. Она тоже вглядывалась в лица людей, толпившихся на улицах.

— Я не чувствую никакой опасности, — заметила она.

— Только не забивай, пожалуйста, свою прелестную головку мыслями о наемных убийцах… по крайней мере, прямо сейчас, хорошо?

— Что-то ты сегодня больно веселый.

— Терпеть не могу эти охранные экраны! Да и кто их любит? Имперские гвардейцы окружали Гэри и Дорс со всех сторон, выстроившись в

боевой порядок, который их капитан называл «периметром безопасности». У некоторых были при себе генераторы защитного поля, способного отразить удар даже самого мощного оружия. Да и прочие гвардейцы выглядели не менее грозно, даже безо всяких генераторов.

Яркие красно-синие мундиры гвардейцев были хорошо заметны в толпе и позволяли легко проследить за перемещением «периметра безопасности», окружающего Гэри Селдона, который медленно шел через главную площадь университетского городка. В тех местах, где народ толпился слишком плотно, могучие гвардейцы просто расталкивали толпу. Это заставляло Гэри Селдона чувствовать себя ужасно неуютно. Гвардейцы не отличались особой вежливостью и так-том, а Стрилинг — это, в конце концов, тихий и спокойный уголок, где люди занимаются наукой. По крайней мере, он должен был быть таким.

Дорс, стараясь хоть немного подбодрить Гэри, дружески похлопала его по руке.

— Ты же понимаешь, премьер-министр не может просто так пойти куда-нибудь прогуляться, без…

— Но я не премьер-министр!

— Император назначил тебя премьер-мини-

стром, и для людей этого вполне достаточно.

— Но Верховный Совет еще не заседал. И пока на нем не утвердят…

— Твои друзья, конечно же, рассчитывают на лучшее, — спокойно заметила Дорс.

— Это они-то мои друзья? — Гэри с подозрением оглядел окружавшую их толпу.

— Видишь, они улыбаются.

Люди и вправду улыбались, глядя на него. Кто-то крикнул:

— Да здравствует министр-профессор! Многие засмеялись и весело подхватили крик.

— Это что, у меня теперь такое прозвище? — спросил Гэри.

— Да, и, по-моему, не такое уж оно и плохое.

— А почему они тут так толпятся?

— Людей притягивает власть.

— Пока что я всего лишь профессор! Дорс лукаво усмехнулась.

— Было такое изречение у древних: «В такие времена в людских душах возгорается пламя», — сказала она.

— У тебя, наверное, на любой случай припасено какое-нибудь изречение древних.

— И что тут удивительного? Я же историк по профессии. Из толпы снова раздался крик:

— Эге-гей, министр-математик! Гэри сказал:

— Ну вот, еще кличка. И, — по-моему, ничуть не лучше прежней.

— А ты привыкай. Тебя и похуже могут назвать.

Они как раз проходили мимо огромного фонтана на площади. Глядя на величественные арки водяных струй, вздымающиеся ввысь, Гэри ненадолго почувствовал облегчение. За серебристыми потоками воды не было видно толпящихся на площади людей, и Гэри на мгновение представил, что снова вернулся к прежней, простой и понятной жизни, к тем временам, когда он был счастлив. В те счастливые дни его занимала только наука — психоистория, да еще внутренние университетские проблемы. И этот уютный маленький мирок исчез из жизни Гэри Селдона, может быть, навсегда, в ту минуту, когда Клеон решил сделать его фигурой в имперской политике.

Фонтан был великолепен, хотя и напоминал Гэри о безбрежных просторах, сокрытых за такими вот простыми вещами. Упругие струи воды стремительно взлетали ввысь и свободно ниспадали в чашу фонтана, их легкий полет длился всего несколько мгновений. А воды Трентора мед-

ленно и неторопливо катили вниз по мрачным темным каналам, проложенным во чреве города древними инженерами. Запутанный лабиринт артерий со свежей, чистой водой и вен сточной канализации сдвоенными линиями соединял множество сосудов и резервуаров, сотворенных в глубокой древности. Эти животворящие струи омывали всю планету, протекали сквозь бесчисленные триллионы человеческих глоток и почек, они смывали людские грехи, окропляли брызгами свадьбы и рождения, уносили с собой кровь убитых и последние выделения несчастных, бьющихся в предсмертной агонии. Эти воды вечно текли в полуночном мраке оков — стен подземных каналов, не ведая чистой радости вольного неба над собою, им никогда не суждено было освободиться из цепкой хватки человеческих рук.

Воды Трентора были вечными пленниками. Гэри Селдон тоже.

Гэри и Дорс, в сопровождении охранников-гвардейцев, добрались до Отделения Математики и поднялись наверх. Дорс взошла на площадку подъемника вслед за Гэри, легкий ветерок разметал ее роскошные волосы — надо сказать, картина получилась весьма достойная внима-

ния. Бдительные имперские гвардейцы тоже поднялись на площадку, но держались немного поодаль, настороженно озирая окрестности.

Как и каждый день за последнюю неделю, Гэри снова попробовал договориться с капитаном гвардейцев:

— Послушайте, ведь вовсе не обязательно держать здесь целую дюжину солдат…

— Убедительно вас прошу, уважаемый господин академик, предоставьте решать это мне.

Гэри Селдон досадливо поморщился — договориться с капитаном снова не получилось. Он приметил, что один из молодых гвардейцев не сводит глаз с Дорс, рабочий костюм которой скорее подчеркивал, чем скрывал ее прелестную фигуру. Непонятно почему — словно что-то дернуло его за язык, — Гэри резко заметил:

— Тогда позаботьтесь, пожалуйста, чтобы ваши люди смотрели только туда, куда им положено!

Капитан удивленно поднял брови. Но, проследив за взглядом Селдона, он тотчас же подошел к излишне любопытному гвардейцу и строго его отчитал. Гэри почувствовал мимолетную вспышку удовлетворения. Проходя к двери его кабинета, Дорс сказала:

— Я постараюсь одеваться поскромнее.

— Нет-нет, не надо. Это все глупости. Я не должен позволять таким пустякам отвлекать меня от дела.

На губах Дорс расцвела обворожительная улыбка:

— Честно говоря, мне это даже нравится.

— Нравится? Тебе нравится, когда я веду себя так по-дурацки? — удивился Гэри.

— Нравится, когда ты меня защищаешь.

Много лет назад Ито Димерцел поручил Дорс приглядывать за Гэри Селдоном, охранять его от опасностей. Гэри знал, что она свыклась с ролью защитницы, и даже не думал, что это положение пробуждает в душе Дорс глубинные противоречия: ведь она все-таки женщина. Дорс была совершенно самостоятельной и уверенной в себе, но некоторые особенности ее положения плохо сочетались с ролью персонального телохранителя — например, то, что Гэри Селдону она была еще и женой.

— Надо бы мне защищать тебя чаще, — с теплотой в голосе сказал он.

И все-таки душу Селдона точил червячок вины перед бедолагами-гвардейцами. Нет, конечно же, это не ему пришло в голову приставить их к самому себе для охраны — таково было по-

веление Клеона. И гвардейцы, несомненно, с гораздо большей радостью доблестно сражались бы где-нибудь в другом месте, спасая Империю и пожиная заслуженные лавры.

Они прошли через просторный, с высоким куполообразным потолком вестибюль Отделения Математики. Гэри дружелюбно кивал служащим. Дорс сразу направилась в свой собственный кабинет, а Селдон быстренько натянул рабочий костюм — так животное спешит укрыться в родной норе. Переодевшись, Гэри упал в кресло на воздушной подушке и расслабился, не обращая внимания на срочное голографическое послание, которое висело в метре от него.

Сигнал предохранителя убрал голограмму, когда в кабинет по соединительному электростатическому порталу вошел Юго Амариль. Этот массивный суперсовременный портал тоже появился здесь благодаря заботам Имперской службы безопасности, по приказу Клеона. Сотрудники спецслужбы растыкали повсюду, где только могли, эти генераторы, мерцающее поле которых отключало или выводило из строя любые разновидности оружия. В воздухе постоянно ощущался резкий, назойливый запах озона — еще одно досадное напоминание о реальности,

одно из неизбежных неудобств жизни политика. На широком лице Юго сияла радостная улыбка.

— Мы получили новые результаты.

— Ну, порадуй меня, расскажи что-нибудь хорошее.

Юго уселся на край широкого стола Гэри и принялся покачивать ногой.

— Хороший математический расчет всегда правдив и прекрасен.

— Конечно. Но только он вовсе не обязательно должен быть правдивым в том смысле, который вкладывают в это слово обычные люди. Наши расчеты не могут рассказать ничего нового ни о чем, что существует в реальном мире.

— Когда ты так говоришь, мне кажется, что я — простой инженеришка.

Гэри улыбнулся.

— А ты и был им когда-то, помнишь?

— Только не я!

— Понятное дело, ты не прочь избавиться от этого воспоминания, вроде как от горячего пирожка, а?

Гэри Селдон познакомился с Юго совершенно случайно, восемь лет назад, когда только-только прибыл на Трентор. Они с Дорс как раз скрывались от агентов Империи. После часового

разговора Гэри понял, что Юго Амариль — настоящий гений трансрепрезентативного анализа, только не распознанный и потому толком не обученный. У Юго был просто дар свыше, он и сам не знал цены той легкости, с которой он обращался с цифрами. И с тех самых пор Гэри и Юго работали вместе. Сам Гэри искренне считал, что у Юго Амариля он научился гораздо большему, чем у кого бы то ни было.

— Ха! — Юго поднял свои огромные лапы и трижды хлопнул в ладоши, в далитанской манере одобряя удачную шутку. — Ты можешь сколько угодно ворчать, сокрушаясь о мерзкой, грязной… короче, о «настоящей» работе, но пока я работаю в таком вот чистеньком, уютном кабинете, я чувствую себя все равно как в земном раю.

— Боюсь, мне придется перекинуть на тебя большую часть основной работы, — Гэри осторожно забросил ноги на крышку стола. Такие поступки всегда выглядели в его исполнении небрежностью и нарочитостью, хотя вины Гэри в том вовсе не было. Ему оставалось только завидовать грубоватым, но непринужденным манерам Юго.

— Это из-за министерского портфеля?

— Все гораздо хуже, чем я думал. Мне придется

снова встретиться с Императором.

— Клеон хочет, чтобы министром был ты. Наверно, ему нравится твой орлиный профиль.

— Надо же, Дорс тоже так думает! А по-моему, тут дело скорее в моей несравненной улыбке. Но как бы то ни было, он меня не получит.

— Получит-получит!

— Если он заставит меня принять пост министра, а министр из меня получится никудышный — да Клеон тогда сам меня пристрелит!

Юго медленно покачал головой.

— Ты заблуждаешься. Отставных премьер-министров обычно сперва судят, а потом только казнят.

— Ты снова разговаривал с Дорс?

— Ну, она же историк…

— Да, а мы — психоисторики. Мы должны научиться отыскивать предсказуемое! — Гэри в возмущении взмахнул руками. — Ну почему никто не придает этому никакого значения?!

— Да потому, что никто из власть имущих не видит, какая может быть с этого польза.

— И никогда не увидят! Если люди решат, что мы в самом деле умеем предвидеть будущее, нам никогда не отвязаться от политиков.

— А мы и так уже влезли в политику, тебе не

кажется? — резонно заметил Юго.

— Дружище, что мне больше всего в тебе нравится, так это твоя жуткая привычка спокойно говорить мне правду в лицо.

— При этом мне удается вовремя ввернуть на место твои вывихнутые мозги. Не бойся, я всегда рад тебе помочь.

Гэри тяжко вздохнул.

— Если бы в математике что-то значили накачанные мускулы, тебе бы просто равных не было.

Юго отмахнулся:

— Да брось ты! Ты у нас — главный. На тебе все держится. Идеи из тебя просто валом валят.

— Ага, только к этому сундуку с идеями надо еще подыскать ключик.

— Идеи — дело тонкое. Не кисни, все будет как надо.

— Я никогда не мог полностью посвятить себя психоистории!

— А когда станешь премьер-министром?..

— Будет еще хуже! Психоистория станет…

— Да ничем она без тебя не станет, пойми ты, чудак-человек!

— Нет, Юго, наша наука не сможет не развиваться. Я не такой самовлюбленный болван, и

никогда не поверю, что все зависит только от меня одного,

— Но это так.

— Ерунда! Ведь есть же ты, Имперские Советники, персонал.

— В придачу нужен еще толковый руководитель. Умный и думающий руководитель.

— Ну, я смогу, наверное, часть времени выделять для работы с вами…

Гэри оглядел свой удобный, просторный кабинет, и сердце его пронзила острая боль: он не сможет больше проводить здесь все дни за работой, в окружении своих инструментов, своих книг, своих друзей. Когда он станет премьер-министром, у него будет в распоряжении целый дворец, правда, небольшой, но Гэри Селдону этот дворец казался пустой, никчемной причудой.

Юго насмешливо улыбнулся и заметил:

— Знаешь, обычно рабочий день премьер-министров загружен по самое никуда…

— Да знаю я, знаю… Но, может, все-таки как-нибудь получится…

В метре перед ним ярко вспыхнула рамка голограммы. Голопроектор в кабинете Гэри был настроен так, чтобы пропускать без задержки только самые важные и срочные сообщения. Гэри

хлопнул ладонью по клавише на столе, и вокруг голографической рамки вспыхнула еще одна, ярко-красная — включился фильтр учтивости, а значит, теперь собеседник мог видеть только голову и плечи Селдона.

— Слушаю вас, — сказал Гэри.

В рамке голопроектора, на голубом фоне появилась личная секретарша Клеона, одетая в элегантный красный костюм.

— Вас вызывает Император, — сообщила секретарша.

— О, большая честь для меня. Когда же?

Девушка пустилась в разъяснения, а Гэри про себя порадовался, что догадался включить фильтр. Этот кабинет как нельзя лучше отражал все особенности его личности, а Гэри Селдон не желал представать перед посторонними тем, кем он был на самом деле, — безумным профессором. Кроме того, программа фильтра учтивости включала в себя набор основных поз и жестов, которые транслировались автоматически и прекрасно помогали скрывать при разговоре его истинные мысли и чувства.

— Прекрасно, значит, через два часа. Я непременно приду, — сказал Гэри, вежливо склонив голову.

Фильтр в точности передал на проектор в Императорском Дворце это его движение, приличествующее при обращении к приближенным Императора.

— Пропади ты пропадом! — в сердцах воскликнул Гэри, стукнув кулаком по клавише проектора. Голоизображение померкло. — Весь день к чертям под хвост!

— Что ты имеешь в виду?

— Снова неприятности. Каждый раз, как я встречаюсь с Клеоном, на меня валятся очередные неприятности.

— Ну, послушай, может, это как раз шанс все исправить…

— Какой там к черту шанс! Я хочу всего только, чтобы меня оставили в покое!

— Но должность премьер-министра…

— Слушай, ты! Сам будь премьер-министром! Я с удовольствием согласился бы стать специалистом по расчетам, изменить имя… — Гэри запнулся и резко, невесело рассмеялся. — Но и этого мне не дано! Проклятье!

— Послушай, Гэри, тебе надо что-то сделать с твоим настроением. Или ты собираешься явиться на прием к Императору и сердито ворчать, брызжа слюной?

— М-м-м-м… Да нет, что ты! Ну ладно, развеселили меня, что ли? Ты, сдается мне, что-то там болтал про хорошие новости, а? Выкладывай, что там у тебя.

— Я раскопал кое-кого из древних деятелей…

— Правда? А я думал, они у нас под запретом.

— Ну да, — Юго загадочно улыбнулся. — Но законы срабатывают далеко не всегда.

— Они правда такие древние? Надо просчитать их психоисторическую значимость. Наверно, эти личности относятся к ранней Империи?

Юго хмыкнул.

— Ни за что не догадаешься! Они — из доимперского периода.

— Из доимперского?.. Это невозможно. Так не бывает.

— И все же я их вытащил. Целенькими!

— Ну, и кто они такие?

— Какие-то древние знаменитости. Правда, я пока толком не знаю, что они там такого наворотили.

— А какое положение они занимали в обществе? Ведь из-за чего-то их записали.

Юго пожал плечами.

— Понятия не имею. Параллельных исторических записей я не нашел.

— А запись достоверная? Не подделка?

— Скорее всего, они настоящие. Записано на каких-то древних компьютерных языках, на жутко примитивном оборудовании. Трудно сказать что-то наверняка.

— Но ведь тогда… Значит, это симы?

— Можно сказать и так. Не исключено, что они построены на записанной основе, которой прибавили чуточку объемности.

— И ты попробуешь привести их в чувство?

— Могу, конечно, но придется повозиться. Надо будет перебрать языки записи данных. Ну, ты в курсе, что это малость того, не совсем э-э-э…

— Незаконно? Да, это прямое нарушение Кодекса Чувствительности.

— Ага. Те парни, у которых я это выделил, — они с той планеты Нового Возрождения, короче, с Сарка. Они говорят, у них сейчас никто не обращает внимания на заплесневевшие старые кодексы.

— Что ж, на этот раз нам тоже придется закрыть глаза на кое-какие стародавние запреты.

— Слушаюсь, сэр! — Юго улыбнулся. — Эта парочка личностей — древнейшая изо всех, какие когда-либо были обнаружены.

— Но как ты сумел?.. — Гэри не стал договаривать, в расчете на то, что Юго и сам запросто

подберет с десяток сомнительных окончаний фразы из своей богатой коллекции далитанских поговорок.

— Ну, пришлось кое-кого… э-э-э… как бы сказать? В общем, подмазать…

— Я так и думал. Что ж, наверное, даже лучше, что я не знаю всех подробностей.

— Точно. Премьер-министру нельзя влезать в темные делишки.

— Не называй меня так!

— Да-да, конечно, ты всего-навсего старикан-профессор, работающий по контракту. Который, кстати, запросто может опоздать на встречу с Императором, если не поторопится.

Глава 2

Шагая по дорожке Императорских Садов, Гэри как никогда страстно желал, чтобы Дорс была рядом. Она ведь предостерегала его сегодня, будто почувствовав, что Клеон снова обратит внимание на Гэри Селдона.

— Они просто с ума там все посходили, — она говорила спокойно, ровным голосом. — Эти господа придворные все со странностями, так что Император на их фоне запросто может позволить себе всякие чудачества.

— По-моему, ты преувеличиваешь, — ответил тогда Гэри.

— Да ну? А вот Дадриан Фругальский, к примеру, всегда мочился только в Императорских Садах, — рассказала Дорс. — И он разрешил делать то же самое государственным служащим, сказав при этом, что так его подчиненные помогут уменьшить бессмысленный расход воды на полив.

Вспомнив этот разговор, Гэри с трудом удержался от смеха ведь дворцовые служащие, несомненно, внимательно следили сейчас за каждым его движением. Чтобы вернуться к обычной

степенности, Гэри полюбовался причудливыми высоченными деревьями, оформленными в спиндлерианском стиле, господствовавшем три тысячи лет назад. Гэри остро чувствовал неодолимую притягательность естественной красоты живой природы, несмотря на то что долгие годы его жизни были похоронены в глубинах Трентора. Зеленые сокровища Императорских Садов вздымались ввысь, ветви деревьев тянулись к ослепительно сияющему солнцу, словно поднятые руки. Императорские Сады были единственным открытым солнцу местом на планете, и здесь Гэри Селдон всегда вспоминал о Геликоне, где началась его жизнь.

Гэри был смышленым, мечтательным парнишкой из небогатого рабочего района на Геликоне. Работа на полях или на фабрике была несложной и не требовала особых умственных усилий, так что юный мечтатель запросто справлялся с делами и при этом мог сколько угодно предаваться заумным размышлениям об отвлеченных понятиях. И прежде чем экзамены Гражданской Службы навсегда изменили его жизнь, Гэри успел за работой придумать и доказать для себя несколько простых теорем из теории чисел — как же ему потом было обидно, когда он узнал, что

эти теоремы уже давным-давно известны! Укладываясь спать, юный Гэри Селдон размышлял о плоскостях и векторах, и пытался представить себе измерения, которых могло быть больше, чем три, и вслушивался в далекий рев драконов, спускавшихся с горных склонов в поисках добычи. Сотворенные древними биоинженерами для каких-то таинственных целей — возможно, для охоты, — эти существа превратились в кровожадных чудовищ. Гэри уже много, много лет не видел ни одного дракона…

Дикие просторы Геликона — вот куда стремился дух Гэри Селдона. Но судьбе было угодно запереть его в стальных стенах Трентора.

Гэри обернулся, и его гвардейцы-охранники, решив, что их подзывают, поспешили к нему.

— Нет, — сказал Гэри, замахав руками (последние дни ему так часто приходилось отсылать бдительных гвардейцев, что это стало почти привычкой). Черт, даже в Императорских Садах они ведут себя так, словно любой садовник может оказаться наемным убийцей!

Гэри решил пойти пешком, вместо того чтобы просто подняться на гравитационном лифте внутри Дворца, потому что любил зеленые сады больше всего на свете. Вдалеке, в туманной

дымке, стена деревьев терялась в поднебесной вышине, вознесенная на такую высоту усилиями генной инженерии. За кронами деревьев не было видно стальных защитных сооружений Трентора. На всей планете было одно-единственное место, где человек чувствовал себя почти как на открытом пространстве, снаружи. Императорские Сады.

«Какая самонадеянность! — думал Гэри. — Определять все сотворенное по отношению к двери, за которой сидит человечество».

Когда Гэри перешел с устланной специальным покрытием садовой дорожки на тропинку, под подошвами его туфель захрустел гравий. Где-то вдали, за стеной деревьев, в небо поднимался столб черного дыма. Гэри замедлил шаги и присмотрелся, прикидывая, что это может гореть. Наверное, произошел какой-то крупный несчастный случай.

Проходя между высокими неопантеистическими колоннами, Гэри явственно ощутил, какое здесь все значительное и величественное. Дворцовые слуги с поклоном пригласили его войти, его гвардейцы-охранники подтянулись поближе, и вся их небольшая процессия прошествовала по длинным коридорам Императорского Дворца

к Залу Аудиенций. Повсюду громоздились бесчисленные образцы произведений искусства, собранные во дворце за многие тысячелетия. Картины, скульптуры словно соперничали друг с другом за право на внимание ныне живущих людей, которое продлевало жизнь им самим.

Тяжелая длань Империи покровительствовала по большей части строгому и немного казенному стилю. В Империи высоко ценились стабильность и надежность прошлого, и эту величественную монументальность как раз и выражало дворцовое искусство — отчасти в ущерб привлекательности. Императоры предпочитали строгие прямые линии стенных панелей и дорожек, правильные параболы и дуги струй пурпурной воды в фонтанах, классические колонны и высокие арки. Повсюду в изобилии были расставлены героические скульптуры. Благородные лики великих взирали в необозримые дали. Картины грандиозных сражений застыли в самые трагические, переломные мгновения, запечатленные в сверкающем камне и голокристаллах.

Все исключительно благопристойно и напрочь лишено даже намека на загадку или хотя бы легкого отпечатка вызова и непокорности. Никакого новомодного бунтарского искусства увольте,

как можно! В местах, которые мог посетить Император, «волнительное» строжайшим образом пресекалось. Отвергая все неприятное, овеянное дыханием реальной человеческой жизни, искусство Империи достигло последней стадии застоя, сделалось безвкусным и пресным.

Гэри сильнее других страдал от этой пустоты и бездушности. На двадцати пяти миллионах населенных планет галактики каких только стилей не встречалось, но все причуды меркли перед Империей, искусство которой выросло исключительно на неприятии жизни.

На тех планетах, которые Гэри называл «мирами хаоса», изо всех сил рвался к признанию горделивый и самодовольный авангардизм. Его адепты пытались представить прекрасными страсть к страху и насилию и отвратительный гротеск. Авангардисты вовсю играли масштабом, превозносили резкие диспропорции и скатологию, диссонанс и возмутительные несоответствия.

Обе крайности никаких добрых чувств у Гэри Селдона не вызывали. В них не было и тени свежей, живой радости.

Стена с треском растаяла в воздухе, и Гэри Селдон с сопровождающими вошли в Зал Ауди-

енций. Дворцовая прислуга мгновенно исчезла, охранники-гвардейцы замерли за спиной, и Гэри внезапно оказался один. Он пошел по устеленному мягким ковром полу. В этом зале его со всех сторон окружали причудливые излишества барокко — выпуклые орнаменты, сложно переплетенные узоры на панелях и карнизах.

Тишина. Ну, конечно же, Император никогда и никого не должен ждать. В этой мрачной комнате ни единый звук не отдавался эхом, словно сами стены поглощали слова, сказанные в Зале Аудиенций.

Собственно, так и было на самом деле. Несомненно, беседы в Императорском Дворце слышало не так уж много ушей. А желающих подслушать было полным-полно во всей Галактике.

Свет, движение. Откуда-то сверху в гравитационной колонне опустился Клеон.

— О, Гэри! Очень хорошо, что вы смогли прийти. Поскольку отказ от встречи с Императором практически всегда грозил ослушнику строгой карой, Гэри с трудом подавил мрачную улыбку.

— Это большая честь для меня, сир!

— Проходите, садитесь.

Тяжеловесный, упитанный Клеон двигался несколько неуклюже. Ходили слухи, что его ле-

гендарный аппетит в последнее время разросся так, что с ним не справлялись ни императорские повара, ни врачи.

— Нам надо очень многое обсудить.

Мягкое сияние, которое постоянно озаряло фигуру Клеона, придавало Императору значительность. Благодаря этому сияющему нимбу Клеон резко выделялся на фоне царившего в Зале Аудиенций полумрака. Встроенные системы наблюдения Зала Аудиенций прослеживали направление взгляда Императора и прибавляли свет в тех местах, куда владыка устремлял свой царственный взор; освещение делалось ярче совсем чуть-чуть, мягко и ненавязчиво, но легкое прикосновение взора Императора озаряло все, на что он обращал внимание. Приглашенные на аудиенцию и не замечали этого, прием воздействовал на подсознание, внушая почтение и благоговейный трепет перед Владыкой. И хотя Гэри прекрасно это знал, психологический трюк все равно сработал. Клеон выглядел поистине величественным, царственным.

— Боюсь, нам придется преодолеть некоторые препятствия, — сказал Клеон.

— Уверен, сир, нет ничего такого, с чем вы не могли бы справиться.

Клеон устало покачал головой.

— Ну, хоть вы не начинайте, пожалуйста, распространяться о моей великой силе. Некоторые… м-м-м… детали, — Клеон произнес последнее слово с холодным презрением, — мешают вашему назначению на пост.

— Понимаю, — ответил Гэри ровным, спокойным голосом, но сердце его подпрыгнуло и забилось сильнее.

— Не расстраивайтесь. Я в самом деле хочу, чтобы моим премьер-министром были именно вы.

— Да, сир.

— Но, несмотря на всеобщую убежденность в обратном, я все же не волен поступать, как мне заблагорассудится.

— Я понимаю, что есть множество других людей, которые гораздо лучше меня подходят для этой должности…

— Это они так считают.

— …Они лучше образованны, подготовлены…

— И понятия не имеют о психоистории.

— Димерцел слишком преувеличивал значение этой науки.

— Какая нелепость! Он сам посоветовал мне избрать премьер-министром вас, — заметил Император.

— Вы не хуже меня знаете, что он был утомлен, измучен непосильной ношей, и не лучшим образом…

— Его суждения многие десятилетия оставались безупречными, — Клеон посмотрел Селдону прямо в глаза. — Вы знаете, некоторые считают, что вы пытаетесь уклониться от назначения вас премьер-министром.

— Нет, сир, однако…

— Люди — и мужчины, и женщины, если уж на то пошло — и ради гораздо меньшего готовы были пойти на убийство.

— И бывали убиты сами, едва получив желаемое. Клеон рассмеялся.

— Метко подмечено. Некоторые премьер-министры и впрямь иногда забывались, считая себя незаменимыми, и начинали плести заговоры против своего Императора… Но давайте не будем сейчас обсуждать эти досадные исключения из общего правила.

Гэри припомнил, как Димерцел однажды сказал: «Следующие один за другим кризисы достигли той точки, когда следование Трем Законам роботехники просто парализует меня». Димерцел не мог найти выход из сложившейся ситуации, поскольку хороших решений просто

не оставалось. Даже те решения, которые, на первый взгляд, казались более или менее приемлемыми, все равно повредили бы кому-нибудь, и очень сильно.

Именно поэтому Димерцел, существо с высочайшим интеллектом, скрывающийся от закона человекообразный робот, так неожиданно оставил политическую арену. Но что мог сделать Гэри?

— Я, конечно же, приму этот пост, если это необходимо, — спокойно сказал Гэри.

— Да, это необходимо. Но вы, наверное, хотели сказать: «если это возможно»? Большинство в Верховном Совете против вашей кандидатуры. Они настаивают на открытом обсуждении.

Гэри насторожился и нахмурил брови.

— Это значит, мне придется выступать перед ними?

— …и на голосовании.

— Я и не думал, что Совет может решиться на открытое вмешательство.

— А вы почитайте Кодекс Законов. У них действительно есть такое право. Обычно Совет не прибегает к нему, полагаясь на высшую мудрость Императора, — Клеон коротко и невесело усмехнулся. — Но не на этот раз.

— Если вам так будет проще, я могу не являться на обсуждение…

— Не говорите глупостей! Я желаю, чтобы вы выступили против них.

— Но я понятия не имею, как это делается…

— Я разузнаю, куда ветер дует, а вы посоветуете мне, как лучше ответить. Разумное разделение труда — что может быть проще?

— М-м-м…

Димерцел как-то сказал: «Если он будет уверен, что на его вопрос у тебя есть психоисторический ответ, он окажет тебе всяческую поддержку в твоих начинаниях, и, таким образом, ты станешь прекрасным премьер-министром». Сейчас, наедине с августейшей особой, то, о чем говорил Димерцел, почему-то не казалось Селдону очевидным и несомненным. Скорее уж наоборот.

— Нам придется прибегнуть к каким-нибудь уловкам и уклониться от открытого противостояния, — сказал Император.

— Не имею ни малейшего представления, как это сделать, — признался Гэри.

— Естественно, вы этого не знаете. Зато я знаю. А вы — вы можете представить Империю и всю ее историю в виде непрерывной спирали. Вы знаете теорию!

Клеону явно нравилось властвовать. А Гэри все отчетливей понимал, что ему властвовать не нравится. Став премьер-министром, он будет вершить судьбы многих миллионов людей. А такая перспектива страшила даже самого Димерцела.

«Все дело в Нулевом Законе…» — сказал Димерцел, .когда они с Гэри виделись в последний раз. Нулевой Закон устанавливает, что благополучие человечества в целом превыше благополучия каждого человека в отдельности. А Первый Закон роботехники в полном чтении звучит так: «Робот не может причинить человеку вред или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред, за исключением тех случаев, когда это противоречит Нулевому Закону». Все понятно, но как Гэри справится с работой, которая оказалась не по силам даже Ито Димерцелу? Гэри сообразил, что молчит слишком долго, а Император ждет ответа. Что же сказать?

— М-м-м… А кто выступает против меня?

— Несколько фракций Совета, объединившихся в поддержку Бетана Ламерка.

— И что их не устраивает?

К удивлению Гэри, Император в ответ сердечно рассмеялся.

— Им не нравится, что вы — не Бетан Ламерк.

— А вы не можете просто…

— Отклонить кандидатуру, которая устраивает Совет? Договориться с Ламерком? Подкупить его?

— Я не посмел бы даже предположить, сир, что вы можете пойти на такую низость…

— Ах, Гэри, я непременно пошел бы на такую «низость», как вы говорите. Но загвоздка в самом Ламерке. Он слишком заламывает цены. Я просто не могу согласиться.

— Он требует какого-то высокого поста?

— Да, и еще — кое-каких владений. Например — Зону. Отдать целую Зону Галактики во владение одному человеку?..

— Да, ставки высоки… — Император вздохнул. — Сейчас мы не настолько богаты, чтобы разбрасываться жирными кусками. А в правление Флетча Неистового целые Зоны Галактики отдавались всего лишь за место в Совете.

— А фракция роялистов, ваша прямая поддержка, — они не могут как-нибудь обыграть Ламерка?

— Вам и в самом деле следует уделять больше внимания последним веяниям в политике, Селдон. Хотя вы, наверное, настолько глубоко погружены в историю, что современные мелочи

кажутся вам слишком простыми, незначительными?

Сам Гэри считал, что он если и погружен с головой в какую-нибудь науку — так это в математику. А исторические параллели выстраивали скорее Дорс и Юго.

— Непременно займусь этим, сир. Но что же роялисты?..

— Они потеряли далити, а потому не в состоянии создать сколько-нибудь влиятельную коалицию.

— Выходит, далити так сильны?

— На их стороне — популярность в широких кругах народа, а кроме того, их довольно много.

— Я и не подозревал, что они настолько могучи. Мой ближайший помощник, Юго…

— Да, я знаю, он — из Дали. Приглядывайте за ним. Гэри от удивления моргнул.

— Да, Юго, конечно же, убежденный далити, это правда. Но он абсолютно лоялен, он прекрасный, почти гениальный математик. А откуда вы…

— Предварительная проверка, — Клеон взмахнул рукой, как бы отметая незначащий вопрос. — Я же должен знать, кто окружает моего премьер-министра.

Гэри не понравилось, что Император изучает

его, словно под микроскопом, но он сумел сохранить бесстрастное выражение лица.

— Юго предан мне.

— Я знаю, как вы познакомились, как вытащили его из грязи и помогли проскочить мимо фильтров Гражданской Службы. Очень благородно с вашей стороны. Но я не преувеличиваю, когда говорю, что множество людей всегда готовы подхватить лихорадочные излияния далити. А это грозит нам переменой представительства секторов в Верховном Совете и даже в Малом Совете. А потому… — Клеон поднял палец, призывая к вниманию. — А потому приглядывайте за ним.

— Слушаюсь, сир.

Клеон, конечно же, поднимает много шума из ничего, и к Юго эти подозрения не имеют никакого отношения — но вряд ли стоит сейчас спорить с Императором.

— В этот… э-э-э… переходный период вам, Гэри, придется быть осмотрительным, как жене Императора.

Гэри припомнил, что означает это древнее выражение: по какой бы грязи ни ходила жена (или жены — в зависимости от обычаев, бытовавших в ту или иную эпоху) Императора, ее одежды непременно должны всегда оставаться

чистыми, как первый снег. Причем это выражение употребляли даже тогда, когда Император был стопроцентно гомосексуален и даже когда на императорском троне сидела Императрица.

— Да, сир. Э-э-э… переходный период?..

Клеон рассеянным, устремленным в невидимые дали взором оглядел величественные нагромождения архитектурных украшений, терявшиеся в полумраке Зала Аудиенций. И Гэри понял, что беседа, наконец, подошла к тому, ради чего, собственно, его сюда и вызывали.

— Ваше назначение на пост откладывается на некоторое время — пока не разрешатся все недоразумения в Верховном Совете. Но я хотел бы получить ваш совет… — сказал Император.

— Без передачи мне власти…

— В общем-то, да.

Гэри не почувствовал ни малейшей досады или разочарования.

— Значит, мне можно пока остаться в своем университетском кабинете?

— Полагаю, ваш переезд сюда был бы несколько преждевременным, — согласился Император.

— Прекрасно! А как насчет этих гвардейцев-охранников?..

— Они останутся при вас. Трентор — более

опасное место, чем кажется университетским профессорам.

Гэри вздохнул, не скрывая разочарования.

— Да, сир.

Клеон наклонился, желая сесть, и подлетевшее аэрокресло тотчас приняло его в свои объятия.

— А теперь — я хочу узнать ваше мнение о Ренегатуме.

— Э-э-э… О Ренегатуме?

Клеон впервые за все время беседы по-настоящему удивился. Вы что, ничего не слышали? Но все только о нем и говорят!

— Видите ли, я немного выпал из общего потока информации…

— Ренегатум — это сообщество ренегатов, отступников. Они убивают и разрушают.

— Ради чего?

— Ради удовольствия! — Клеон со злостью стукнул кулаком по подлокотнику своего кресла, а кресло в ответ принялось массировать ему спину — так уж оно было устроено. — Последнее их выступление — так ренегаты выражают «презрение к обществу» — произошло совсем недавно. Выходка женщины по имени Катонин. Она пробралась в галерею искусств Императорского Дворца, подожгла несколько картин тысячелетней давности

и убила двух хранителей галереи. После чего эта Катонин тихо и мирно сдалась прибывшим по тревоге гвардейцам.

— Вы собираетесь ее казнить?

— Обязательно. Суд очень быстро признал ее виновной — она сама призналась в содеянном.

— Сразу призналась, сама?

— На месте.

Признания с небольшой помощью сотрудников Имперской службы безопасности давно вошли в легенду. Телесные воздействия — дело несложное, но Имперская служба безопасности умеет работать и с психикой подозреваемых — не менее профессионально и результативно.

— Если дела обстоят так, как вы говорите, то налицо — тяжкое преступление против Империи.

— Ну да, тот старый закон о злостном вандализме, — согласился Император.

И наказание — смертная казнь и еще особые пытки…

— Просто смерти недостаточно! Во всяком случае, когда в преступлении замешаны ренегаты. Вот почему я и решил обратиться к своему психоисторику, — заключил Император.

— Вы хотите, чтобы я…

— Подбросили мне идею. Эти люди, ренегаты,

заявляют, что стремятся уничтожить существующий закон и все такое… в общем, понятно. Но своими преступлениями они приобретают до неприличия широкую, всепланетную известность: имена негодяев, уничтожавших драгоценные памятники искусства тысячелетней давности, знает буквально каждый! Они сходят в могилы, став знаменитыми. Все наши психологи считают, что это и есть истинная мотивация их преступлений. Я могу их уничтожить, но ренегатам нет до этого дела — посмертная слава им все равно обеспечена.

— Хм-м… — промычал озадаченный Гэри. Он совершенно точно знал, что никогда не сможет полностью понять таких людей.

— Итак, мне нужен ваш совет — как психоисторика, — напомнил Император.

Сама проблема очень заинтересовала Гэри, но никакие стоящие мысли на ум пока не приходили. Он давным-давно приучился не сосредотачиваться на немедленном решении важных вопросов, обычно ему требовалось просто подождать, пока ответ сам не выскользнет из глубин подсознания. Чтобы выиграть нужное время, Гэри спросил:

— Сир, вы заметили дым за вашими садами?

— Дым? Нет, — Клеон сделал знак невидимым наблюдателям, и тотчас же у дальней стены Зала Аудиенций вспыхнул яркий свет. Огромное пространство заполнилось голографическим изображением Императорских Садов. Столб густого черного дыма еще больше вырос. Клубы дыма извивались на фоне серого неба, словно маслянистая черная змея.

Раздался ровный, лишенный всякой интонации голос:

— Авария в жилых районах. Это досадное недоразумение произошло вследствие заговора механиков.

— Саботаж техников? — О таком Гэри уже был наслышан. Клеон встал с кресла и подошел поближе к голограмме.

— Да, похоже на то. Еще одна шайка недовольных. Непонятно из каких соображений механики вдруг сделались заговорщиками. Нет, вы только посмотрите на это! Сколько уровней уничтожено?

— Пожар распространился на двенадцать уровней, — ответил механический голос. — По данным службы безопасности, потери составляют четыреста тридцать семь человек погибших и восемьдесят четыре — пропавших без вести.

— Какие потери в имперских войсках? — спросил Клеон.

— Минимальные. Несколько солдат пострадали при усмирении взбунтовавшихся механиков.

— Так, понятно. В самом деле потери невелики. — Клеон вплотную подошел к голограмме. Объектив телекамеры скользнул вниз, в глубину выгоревшей ямы. Края шахты напоминали обгоревший дочерна слоеный пирог, на всех уровнях-этажах бушевало пламя, металл конструкций оплавился и растрескался от жара. То тут, то там вспыхивали снопы голубоватых искр от короткого замыкания в электропроводке. Пожарные команды трудились на износ, заливая горящие этажи потоками воды, но пока их усилия не увенчались заметным успехом.

Потом голопроектор показал вид издалека — с орбитальной наблюдательной станции. Наблюдательная программа работала идеально, показывая Императору всю широту своих возможностей. Гэри подумал, что наблюдателям не так уж часто выпадает случай выслужиться перед Императором. Клеон Спокойный — таким не очень лестным прозвищем наградили нынешнего Императора — был совершенно безразличен к большинству страстей, волнующих

человечество.

Единственным ярко-зеленым пятном на всей планете были Императорские Сады. Свежая зелень Садов отчетливо выделялась на сером и буро-коричневом фоне кровель и поверхностных агроплантаций. От полюса к полюсу через всю планету тянулись угольно-черные пластины солнечных батарей и серо-стальные конструкции перекрытий. Ледовые шапки с полюсов были давным-давно растоплены, и все воды морей Трентора собраны в подземных цистернах.

На Тренторе проживало около сорока миллиардов человек — в едином всепланетном мегаполисе, погруженном в землю на глубину не менее километра. Запрятанные в безопасных, хорошо защищенных подземных камерах, эти миллиарды давно привыкли к тесноте и искусственному воздуху и панически боялись открытых пространств, к которым в принципе можно было подняться на обычном лифте.

Объектив проектора снова вернулся вниз, в глубину выгоревшей ямы. Гэри различил в голограмме маленькие скрюченные , фигурки людей, которые погибли, не сумев убежать от смертоносного пламени. Сотни погибших… У Гэри похолодело в животе. При такой скученно-

сти населения любая катастрофа всегда уносит огромное количество жизней.

И все же, подсчитал Гэри, на один квадратный километр площади должно приходиться около сотни людей. Но люди расселяются не равномерно. Они предпочитают тесниться в особо престижных районах — но только из прихоти, не по необходимости. В цистернах глубоко под землей довольно воды, в огромных подземных пещерах работают автоматизированные заводы, фабрики и шахты, в других подземельях выращивают сырье, из которого изготавливают пищевые продукты — и для всего этого почти не требуется непосредственного участия людей, человеческий труд не используется практически нигде. Общий контроль над автоматическими механизмами лежит на плечах механиков и техников. И вот теперь эти самые техники превратили в кромешный ад огромный кусок запутанного подземного лабиринта — Трен-тора. И Клеон, вне себя от злости, наблюдает чудовищную картину бедствия, смотрит, как огненные зубы пожирают один за другим целые кварталы жилых уровней.

Голопроектор бесстрастно передавал страшные картины: извивающиеся в предсмертных корчах человеческие фигурки, охваченные оранжевы-

ми языками пламени. «Ведь это же настоящие живые люди, а не цифры статистического отчета», — напомнил себе Гэри. Ему сделалось дурно от этой мысли, к горлу подкатил ком. Правитель, облеченный огромной властью, должен уметь игнорировать боль и смерть. Но сможет ли он, Гэри Селдон, когда-нибудь этому научиться?

— Вот вам еще одна загадка, мой дорогой Селдон, — неожиданно сказал Клеон. — Почему техники устроили это широкомасштабное «недоразумение», как выразился мой советник? А?

— Я не…

— Но этому должно быть определенное психоисторическое объяснение!

— Вероятно, истинная причина этого феномена скрыта за внешними проявлениями…

— Так проработайте этот вопрос! Выясните эту причину!

— О, да, конечно, сир.

Гэри знал уже достаточно. Теперь он просто смотрел, как мрачный Император в полном молчании расхаживает перед огромной, во всю стену, картиной страшной кровавой бойни. Гэри подумалось, что, наверное, Император потому обычно так спокоен, что за свою жизнь успел повидать слишком много ужасных картин. И по

сравнению с тем, что он видел, бледнеют даже самые страшные кошмары. Печальная мысль: неужели и с наивным, простодушным Гэри Селдоном когда-нибудь произойдет то же самое?

Клеон, по-видимому, придумал, что предпринять. Не прошло и нескольких минут, как Император отвернулся от голограммы, взмахнул рукой, и картина исчезла. Под сводчатым потолком Зала Аудиенций зазвучала приятная тихая музыка, стало заметно светлее. Появились слуги, принесли напитки и закуски. Слуга предложил Селдону стимулятор. Гэри отказался. Ему не по душе были внезапные стремительные перемены настроения. Однако при дворе Императора это, по всей видимости, было обычным делом.

Тут Гэри вдруг понял, что уже несколько минут какая-то мысль не дает ему покоя. А поскольку Император молчал, Гэри счел возможным, наконец, высказать то, что его беспокоило. И когда Клеон взял стимулятор, Гэри нерешительно заговорил:

— Э-э-э… Сир? Я…

— Да? Нюхнешь разок?..

— Нет, благодарю вас, сир. Я… Я поразмыслил о ренегатах и этой женщине, Катонин.

— О, ради бога, к чему это сейчас?.. Не забивайте

себе голову ерундой, Гэри, расслабьтесь немного.

— Сир, а представьте, что будет, если уничтожить ее личность? Рука Императора застыла на полпути, не донеся стимулятор до носа.

— То есть?

— Эти люди стремятся умереть, чтобы таким образом привлечь к себе внимание и, если можно так сказать, заполучить бессмертную славу. Они, по-видимому, считают, что будут жить и после смерти, в людской молве. Так отнимите у них эту славу! Не допустите, чтобы стали известны их настоящие имена. Сделайте так, чтобы их никто не знал. И пусть во всех официальных документах их именуют какими-нибудь безличными псевдонимами, притом обидными. Клеон нахмурился.

— Псевдонимами?..

— Например, пусть эту женщину, Катонин, назовут Сумасшедшей номер один. А следующего такого ренегата — Сумасшедший номер два. Прикажите своей Императорской властью ни в коем случае не именовать, к примеру, эту Катонин как-то иначе. И тогда она как личность навсегда исчезнет из истории. И не получит никакой посмертной известности.

Клеон просиял.

— Прекрасная мысль! Так и сделаем. Я не

просто лишу их жизни, я могу уничтожить их личности!

Гэри спокойно улыбался, наблюдая, как Клеон вызвал секретаря и продиктовал ему набросок нового Императорского Указа. Гэри искренне надеялся, что уловка сработает. Но в любом случае ему удалось главное — он соскочил с крючка. Клеон, похоже, даже не заметил, что такое решение проблемы не имеет ничего общего с психоисторией.

Довольный собой и жизнью, Гэри принялся за еду. Деликатесы были поистине бесподобны.

Клеон снова повернулся к нему.

— Господин премьер-министр, я хочу, чтобы вы встретились с кое-какими людьми, — сказал Император. — Они, несомненно, окажутся полезными — даже математику.

— Я польщен, мой Император…

Дорс не раз читала ему нравоучения: что надо говорить, когда тебе кажется, что сказать нечего. И вот Гэри воспользовался одной из ее подсказок:

— Все, что может принести пользу людям…

— Ах, да, люди… — промурлыкал Император. — Я столько о них слышал, вы не представляете…

Тут Гэри сообразил, что Клеону по долгу службы

всю жизнь приходится выслушивать напыщенные патетические речи.

— Прошу прощения, сир, я…

— Ничего, вы как раз напомнили мне о результатах опроса, который проводили мои специалисты по Трентору. — Клеон взял пирожное из рук прислужницы вполовину меньше его ростом. — Они спрашивали: «Какова, по вашему мнению, причина безразличия и отсутствия интереса к политике среди широких масс населения Трентора?» И знаете, что отвечало подавляющее большинство опрошенных? «Не знаю и знать не хочу» и «мне все равно».

Только когда Клеон рассмеялся, Гэри понял, что это была шутка.

Глава 3

Когда он проснулся, в его голове роились всяческие идеи.

Гэри научился лежать спокойно, лицом вниз, в тончайшей паутине силовых пучков электростатического поля, которое окутывало его голову и шею, сохраняя оптимальную кривизну изгиба позвоночника… научился полностью расслабляться… в таком состоянии легкие мимолетные мысли могли течь спокойным и свободным потоком, сливаться вместе, соединяться и перемешиваться, разделяться на фрагменты…

Он научился этому приему, когда работал над своей диссертацией. Так получалось, что за ночь сна его подсознание выполняло большую часть работы, и утром ему оставалось только проснуться и подвести итоги. Но эти мельчайшие крупинки мыслей лучше всего собирались в чудесном решете полудремы.

Гэри резко поднялся в постели и быстро сделал три короткие пометки на ближнем к нему краю стола. Эти наброски он позже занесет в свой главный компьютер, который стоит в кабинете, — но только когда до него доберется.

Дорс сладко потянулась.

— У-у-у-у… Великий мыслитель не ведает сна…

Гэри сидел, отрешенно уставившись куда-то невидящим взглядом, и промычал в ответ что-то нечленораздельное.

— Эй, перед завтраком хорошо бы подумать немного о нуждах плоти…

— Послушай, мне тут в голову пришла одна идея… Что ты скажешь о…

— Господин профессор Селдон, я не создана для того, чтобы обсуждать ваши мудрые идеи!

Гэри, наконец, очнулся, вышел из транса. Дорс откинула одеяла, и его взору предстали прекрасные длинные, стройные ноги… Тело Дорс было сотворено сильным и быстрым, но эти качества прекрасно сочетались с женственностью форм, к гладкой коже было так приятно прикасаться, она была так упруга и податлива… Гэри мгновенно оставил свои мудреные раздумья и переключился на…

— Ну да, конечно, нужды плоти… Ты создана совсем для других целей…

— Попроси какого-нибудь ученого лингвиста, чтобы он точно объяснил тебе значение этого слова.

В шутливой потасовке, которая последовала

за этими словами, нашлось место и смеху, и нежности, и внезапным вспышкам страстного влечения, но самое замечательное — пока длилась эта веселая возня, Гэри совершенно некогда было думать. Он понимал, что именно этого ему и не хватало, что напряжению, не оставлявшему его последние несколько дней, просто необходима была разрядка, — а Дорс понимала это, наверное, еще лучше.

От блаженной расслабленности их отвлекли приятные запахи кофе и горячего завтрака, доставленных автоматами. По экрану, встроенному в дальнюю стену, побежали колонки новостей. Гэри постарался не обращать внимания на большую часть сообщений. Дорс уселась на кровати и стала расчесывать волосы, сосредоточенно глядя в стену.

— Похоже, дело завязло в Верховном Совете… — сказала она. — Они даже отвлеклись от извечного поиска финансов и спорят теперь о суверенитете секторов. Если далити…

— Стой, погоди! Я ничего не желаю об этом слышать, пока мой завтрак не переварится.

— Но ведь ты просто обязан быть в курсе событий!

— Нет, пока не обязан.

— Ты знаешь, я не допущу, чтобы ты делал что-то опасное… Так вот, невнимание — это, по-моему, большая глупость с твоей стороны.

— Интриги, перетасовки в Совете, кто наверху, кто внизу — нет уж, увольте! Меня интересуют только факты.

— Так ты у нас любитель фактов, да?

— Безусловно.

— Факты иногда бывают очень неприятными…

— А иногда факты — это все, что у нас есть, — Гэри с минуту подумал, потом добавил:

— Факты и любовь.

— Любовь — тоже факт.

— Моя — да. Но не ослабевающий веками интерес людей к так называемым любовным историям позволяет предположить, что для большинства людей любовь — не факт, а мечта.

— Это всего лишь предположение — гипотеза, как говорите вы, математики, — заметила Дорс.

— Обоснованная гипотеза. И, если уж точно придерживаться терминов, то это все же предположение.

— Ой, не надо, пожалуйста, этих уточнений!

Гэри быстро склонился к Дорс, обхватил ее руками и с заметным усилием (которое ему не удалось скрыть, как он ни старался) поднял.

— Но вот это — это самый что ни на есть настоящий факт!

— Ах, Гэри! — Дорс обняла мужа и наградила страстным поцелуем. — В мужчинах столько безрассудства…

Поглощение пищи доставляло Гэри множество самих разнообразных приятных ощущений. Он вырос на ферме и с детства привык к плотным, вкусным завтракам. Дорс же питалась весьма умеренно. Она утверждала, что у нее только два кумира — физические упражнения и Гэри Селдон, и первое необходимо для того, чтоб поддерживать себя в форме ради второго. Гэри щелкнул переключателем, и на его половине стенной панели высветилась подборка последних городских новостей. Гэри интересовало, как общественность относится к скандалам в Верховном Совете.

Будучи математиком, Гэри Селдон обычно любил вникать в подробности. Но, минут пять послушав новости, он в раздражении хлопнул ладонью по столу.

— Эти люди определенно растеряли последние остатки здравого смысла! Никакой премьер-министр не сможет уберечь их от их собственной непроходимой наивности!

— Моя задача — уберечь тебя от них, — вста-

вила Дорс. Гэри отключил свое головидео и посмотрел на то, что изучала Дорс, — роскошную трехмерную диаграмму фракций и группировок в Верховном Совете. Яркими красными линиями были выделены те фракции, что пользовались влиянием и поддержкой в Малом Совете, представлявшем собой разворошенное змеиное гнездо.

— Ты ведь не думаешь, что эта штука с премьер-министром может в самом деле сработать? — спросил Гэри.

— Вообще-то, по-моему… может.

— Но они совершенно правы, я недостаточно квалифицирован для этой работы.

— А Клеон?

— Ну, его с детства воспитывали как раз для того, чтобы он делал то, что делает.

— Ты уклоняешься от ответа.

— Вот именно… — Гэри расправился с бифштексом и принялся за пышный омлет. Вчера он на всю ночь оставил включенным электростимулятор для мышц и здорово проголодался. Из-за стимулятора и еще из-за приятной склонности Дорс заменять утреннюю зарядку сексом.

— Надеюсь, твоя нынешняя стратегия — наилучшая, — задумчиво сказала Дорс. — Ты — мате-

матик, ученый, парящий в заоблачных высотах своей науки… далеко-далеко от всех мелочных мирских склок и дрязг.

— Совершенно верно. Никто не станет резать глотку человеку, у которого нет никакой реальной власти.

— Однако человека, который стоит у кого-нибудь на пути к обретению этой самой власти, непременно захотят «убрать».

Гэри ужасно не хотелось в такую рань думать о подобных гнусностях. И он полностью переключил свое внимание на омлет. Все вкусовые особенности блюд были тщательно просчитаны и подогнаны под его, Гэри, личные предпочтения в еде, поэтому совсем не думалось о том, что всю пищу кухонная машина производит из продуктов, выращенных на подземных гидропонных фабриках. Яйца, из которых был сделан этот роскошный омлет, никогда не бывали в утробе курицы. Мясо получалось сразу таким, как он ел, — без намека на шкуру, кости, прожилки и жир. Морковь росла без пучка ненужных листьев на верхушке. Пищевые машины были почти совершенны в воспроизведении вкусовых качеств продукта, однако сотворить настоящую живую морковку им было не под силу. Но для Гэри было

важно только одно: омлет ему нравился. А мелкие подробности — вроде того, соответствует ли он омлету из настоящих яиц, поджаренному настоящим поваром, — не имели никакого значения. Главное, чтобы было вкусно.

Тут Гэри заметил, что Дорс уже какое-то время говорит об интригах в Верховном Совете, а он пропускает ее слова мимо ушей. Дорс давала рекомендации, как лучше всего обходиться с надоедливыми репортерами, как отвечать на телефонные звонки, и еще кучу всего в том же роде. Сейчас все только и знают, что дают ему советы…

Гэри покончил с завтраком, выпил чашечку кофе и почувствовал, что, наконец, готов начать новый рабочий день — как математик, а не как министр.

— Почему-то вспомнилось, что любила повторять моя матушка. Знаешь, как насмешить Бога?

Дорс запнулась на полуслове и в недоумении уставилась на мужа широко раскрытыми глазами.

— Как — что? А, это такая шутка?

— Хочешь насмешить Бога — расскажи ему о своих планах. Дорс рассмеялась.

За дверью их, как всегда, поджидали гвардейцы

спецслужбы. Гэри казалось, что в их постоянном присутствии нет никакой необходимости — вполне достаточно одной Дорс. Но он все равно не сумел бы убедить в этом Имперскую службу безопасности. На верхних и нижних этажах тоже дежурили имперские гвардейцы, обеспечивая всестороннюю непробиваемую защиту от всяческих неожиданностей. Проходя по улицам университетского городка, Гэри то и дело кивками здоровался со знакомыми, но присутствие гвардейцев удерживало людей на расстоянии, так что невозможно было даже перекинуться с друзьями парой слов.

У Гэри было немало важных дел в Отделении Математики, но он, повинуясь инстинкту, в первую очередь взялся за расчеты. Не отвлекаясь ни на что другое, Гэри просмотрел то, что записал ночью в блокнот, который держал на прикроватном столике, и погрузился в размышления. С отсутствующим видом он сидел и вычерчивал пальцем в воздухе какие-то бессмысленные фигурки, которые больше всего напоминали кастрюлю. Так он просидел больше часа.

Когда Гэри Селдону было лет десять, школьные учителя вдалбливали ему в голову, что математика — это всего лишь умение ловко обращаться

с определенными, известными простыми величинами. Что-то вроде искусства быстро и верно подсчитывать деньги. Надо только выучить зависимости и теоремы — и соединить их вместе.

Не сразу, ой как не сразу сумел он подняться до того, чтобы различить сложные взаимосвязи между отдельными математическими дисциплинами. Величественные кружевные арки мостов уводили от ровных долин топологии в причудливую путаницу дифференциалов или от кропотливо прорисованного изящества теории чисел в зыбучие пески комбинаторного анализа. И только тогда Гэри стал воспринимать математику как огромный мир, существующий в сознании, мир, по которому можно путешествовать, который можно исследовать.

И чтобы изучать безбрежные просторы этого мира, Гэри погружался в размышления и работал в особом, «мыслительном» режиме… Это был поток непрерывного течения мыслей, когда Гэри мог полностью сосредоточиться на интересующем его вопросе, мысленно выделить проблему, закрепить ее, словно мушку в куске янтаря, и рассматривать со всех сторон, пока она не раскроет свои секреты.

Телефонные звонки, люди, политика — все это

принадлежало реальному времени и тормозило отлаженную машину мыслей Гэри Селдона, безжалостно расхищало его «мыслительное» время. А потому с утра Гэри обычно предоставлял разбираться с реальным миром Юго, Дорс и прочим.

Но сегодня утром именно Юго вывел его из блаженной сосредоточенности. Защитное поле двери затрещало, в комнату проскользнул Юго и сказал:

— Я только на пару секунд… Посмотри, как тебе эти бумаги — в порядке?

Они с Юго осуществляли свои разработки по психоистории под безобидным прикрытием и регулярно публиковали результаты научных исследований в области нелинейного анализа «социальных узлов и противоречий» — почтенной и скучной отрасли истории. Эти работы были посвящены анализу социальных подгрупп и фракций на Тренторе или, реже, на других планетах.

Собственно, все эти исследования были необходимы для психоистории — из них складывались части математических выражений, которые Юго упорно именовал «уравнениями Селдона». Самого Гэри название немного раздражало: он очень старался, чтобы его имя никак не связывалось с

этой теорией.

И хотя редкий час его жизни обходился без размышлений о психоистории, Гэри старался не смешивать науку и собственное мировоззрение. Ничто, свойственное какой бы то ни было конкретной личности, не может описать все многообразие великого и ужасного, святого и гнусного, что появилось за тысячелетия истории человечества. Один человек просто не сможет вместить в себя все это.

Юго включил голопроектор, и перед Гэри Селдоном высветились стройные линии графиков с текстовыми расшифровками.

— Посмотри, я по всем параметрам проанализировал кризис далити. Чисто и точно, как ты любишь.

— М-м-м… А что за кризис далити? Юго искренне изумился.

— Да ведь мы же не представлены в Совете, как должно!

— Но ты живешь в Университетском секторе, а не в Дали?

— Кто родился далити — тот останется им навсегда. Ты и сам точно так же думаешь про свой родной Геликол, разве нет?

— Геликон. Я так понимаю, вам недостаточно

мест в Малом Совете?

— В Верховном тоже!

— Согласно Кодексу…

— Он безнадежно устарел!

— Далити представлены в Советах пропорционально…

— А наши соседи, ратаннанцы и квиппонцы, сговорились и вместе под нас подкапываются.

— Ты о чем?

— Множество далити живут в других секторах. И они не имеют представительства в Советах.

— Ты говоришь о нашем Университетском…

— Послушай, Гэри, ты же геликонец! Неужели не понимаешь? Множество секторов, и в них — миллионы далити, не представленные в правительстве, сообразил? Дали — не просто сектор. Далити — это отдельный народ.

— В Кодексе есть положения, рассчитанные на то, чтобы гражданские права отдельных народностей и этнических групп не ущемлялись…

— Они не срабатывают.

Глаза у Юго разгорелись, на скулах вздулись желваки. По напряженному выражению лица Гэри понял, что для Юго гражданские права далити — тема крайне важная и вряд ли он в состоянии спокойно рассуждать. Селдон кое-что

понимал в медленно назревающих кризисах законодательств. Кодекс Законов мог удерживать равновесие сил на протяжении многих тысячелетий, но только при своевременном введении в него необходимых поправок и дополнений. Похоже, и сейчас понадобится что-то подобное.

— Да, мы с тобой уже обсуждали эту тему. Так что ты там вычислил?

— Смотри, я провел социофакторный анализ, и…

У Юго было врожденное интуитивное чутье на нелинейные закономерности. Гэри всегда нравилось смотреть, как его помощник, увлеченно размахивая в воздухе своими крупными руками, выхватывает самую суть проблемы и отбрасывает все побочное, несущественное, обращает в прах все возражения. А его расчеты и вправду были хороши, разве что чуточку страдали упрощенностью.

Научные работы на тему «социальных узлов и противоречий» обычно не вызывали интереса у аудитории. И многие математики считали автора этих работ подающим надежды молодым человеком, которому не суждено в полной мере раскрыть свои дарования. Гэри Селдона такое отношение вполне устраивало. Правда, некоторые

коллеги-математики подозревали, что на самом деле Селдон скрывает истинные результаты своих исследований. С этими коллегами Гэри был любезен и обходителен, но ни единым намеком не подтверждал их догадки.

— …так что мы имеем назревшее противоречие в Дали — это точно, я уверен на все сто, — закончил Юго.

— Это очевидно — то же самое твердят во всех выпусках новостей.

— Да, но я математически доказал, что кризис действительно назрел.

Гэри постарался сохранить на лице серьезное выражение. Все-таки Юго серьезно работал над этой проблемой.

— Ты проанализировал только один, основной, фактор. Но на это социальное противоречие влияют и другие факторы, а ты не вводишь их в уравнение, — спокойно заметил Гэри.

— Ну, да, конечно, только все кругом и так прекрасно знают, что…

— То, что все и так прекрасно знают, не нуждается в особых доказательствах. Конечно, если это соответствует действительности.

На лице Юго отразилась целая гамма чувств: удивление, решимость, гнев, обида, растерян-

ность.

— Гэри, ты считаешь, что далитанские требования несправедливы?

— Справедливы. — На самом-то деле Гэри совершенно не волновали проблемы далити, но было бы глупо говорить это вслух. — Послушай, работа стоящая. Так что давай, публикуй.

— Но, Гэри, эти три основных уравнения по противоречию — они ведь твои.

— Вовсе не обязательно об этом упоминать.

— Ну да, как и раньше. Только я все равно укажу тебя как соавтора.

Гэри нахмурился было, но решил, что на этот раз правильнее будет согласиться: Юго нужна моральная поддержка.

— Хорошо, делай, как знаешь.

Юго принялся обсуждать подробности публикации, и Гэри слушал, рассматривая вереницу голографических таблиц и уравнений. Условная схема, изображающая тренторианскую демократию, таблицы зависимостей социальной напряженности, вся методика целиком… Немного скучно. Но вполне убедительно Для тех, кто подозревает, что Селдон утаивает основные результаты своих исследований — тем более что он и вправду их утаивает.

Гэри вздохнул. Дали — настоящий гнойный нарыв в тренторианской политике. Далити на Тренторе отражали, как зеркало, всю культуру галактической Зоны Дали. У каждой крупной галактической Зоны был на Тренторе свой собственный сектор, через который и осуществлялись мелкие и крупные политические интриги и махинации.

Но все, что касалось Дали, вместе взятое, было сущим пустяком по сравнению с тем, что хотел исследовать Гэри Селдон, — мелочью, простой и заурядной. То уравнение социального противоречия, с помощью которого Юго проанализировал представительство секторов в Верховном Совете, гораздо хуже отражало глобальные закономерности на Тренторе.

Весь Трентор целиком — мир, измененный человеком, приспособленный для нужд людей, со всеми его замысловатыми взаимоотношениями, бессмысленными случайностями, совмещением несовместимого, тонкими, едва различимыми зависимостями и закономерностями… Уравнения Гэри Селдона до сих пор были достаточно совершенными, чтобы описать эту раковину с плотно стиснутыми створками: внутри нее варились, как в адском котле, жизни и судьбы сорока

миллиардов людей.

А со всей Империей дело обстояло еще хуже!

Люди, сталкиваясь с чем-то сложным и непонятным, стараются найти выход из трудного положения. При этом они склонны приводить сложное к простому. Они выискивают простые решения, придумывая что-то на ходу или прибегая к общеизвестным, не раз оправдывавшим себя правилам поведения в похожей ситуации. И так — до тех пор, пока не наткнутся на нагромождение сложностей, на стену, слишком прочную, чтобы ее можно было пробить, слишком высокую, чтобы на нее можно было вскарабкаться.

Там-то они и застревают. Продвижение вперед заканчивается. И начинаются бесконечные обсуждения, закулисные склоки, нарастает всеобщее раздражение — а в финале все выливается в рискованную авантюру.

Империя, состоящая из двадцати пяти миллионов населенных миров, — это проблема. Даже осознать эту проблему — гораздо сложнее, чем разобраться во всей остальной части Вселенной, хотя бы потому, что в остальной части Вселенной нет галактик, населенных людьми. Беспорядочные перемещения звезд и газов — просто детские игрушки по сравнению с причудливыми движе-

ниями людских масс.

Временами Гэри делалось не по себе от сознания глобальности задач, которые он ставил перед собой. Хватило бы и одного Трентора, его восьмисот секторов с сорока миллиардами населения. Где уж тут замахиваться на всю Империю, с двадцатью пятью миллионами планет, на каждой из которых живет в среднем около четырех миллиардов! Это же более сотни квадрильонов живых душ!

Отдельные миры связаны между собой тонкой сетью гиперпространственных тоннелей — это, по крайней мере, упрощает некоторые экономические вопросы. Но информация, распространяющаяся через гиперпространственные тоннели, то есть быстрее скорости света, чистая энергия с нулевой массой — расходится по всей Галактике, неся с собой волны дестабилизации. Какой-нибудь фермер с Окатуна узнает о том, что где-то на другом конце галактической Спирали свергнуто правительство, всего через несколько часов после того, как запеклась кровь на плитах дворцовых коридоров.

Каким же должно быть уравнение, чтобы описать все это?

Совершенно очевидно, что галактическая

Империя недоступна пониманию любого человеческого или компьютерного интеллекта. Здесь может сработать только серия обобщающих закономерности уравнений, которые не прослеживают каждую отдельно взятую подробность.

А это означает, что отдельная личность — ничто в сравнении с тем, что по-настоящему стоит изучать. Для хода истории даже миллион человек не более значимы, чем одна дождевая капля, упавшая в озеро.

Гэри вдруг особенно остро ощутил, насколько правильно он поступает, храня психоисторию в тайне. Как, интересно, люди отнеслись бы к тому, что он считает их ничего не значащими, если бы об этом узнали?

— Гэри, Гэри!..

Снова он задумался! Юго все еще у него в кабинете.

— Извини, я немного отвлекся. Размышлял…

— Научная конференция, Гэри.

— Какая конференция?

— Ты назначил на сегодня научную конференцию.

— О, нет, только не это! — Гэри еще не дошел и до середины расчетов. — Можно ее отменить или перенести?..

— Это для всего-то Отделения Математики? Они уже ждут. Гэри обреченно поплелся вслед за Юго в конференц-зал.

Места во всех трех ярусах зала заседаний были уже заполнены. Сейчас в Отделении Математики, которое всегда считалось высококлассным и престижным благодаря личному патронажу Императора Клеона, собрались, пожалуй, лучшие из лучших умов Трентора — хотя как можно найти мерило уму? Здесь были специалисты по множеству математических дисциплин, в том числе и таких, само назначение которых Гэри Селдон едва мог себе представить.

Гэри занял свое место на возвышении в самом центре зала. Математики любят геометрические параллели, которые отражают взаимоотношения в реальном мире. А потому заслуженные профессора сидели на круглом возвышении в центре зала, в мягких аэрокреслах с удобными подлокотниками.

Вокруг центрального возвышения, несколькими ступенями ниже, кольцом располагались кресла адъюнкт-профессоров тоже людей почтенных, с достаточно высоким положением в научном мире, но еще не достигших высшей точки в своей карьере. Кресла у адъюнкт-про-

фессоров были тоже удобны, хоть и лишены индивидуального компьютерного и голографического оборудования.

Еще ниже, практически на полу конференц-зала, безо всяких возвышений, полукруглыми рядами стояли простые стулья для профессоров, не занимающих в настоящее время официальных должностей. Более почетными считались места, расположенные ближе к центру зала. А позади профессорских стульев стояли вдоль стен обыкновенные длинные скамейки, вообще лишенные какого бы то ни было компьютерного обеспечения — скамейки для инструкторов и ассистентов. На одной такой скамейке пристроился и Юго Амариль. Он сидел, неловко ссутулившись, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Гэри находил то возмутительным, то забавным — в зависимости от настроения, — что Юго, один из наиболее ценных научных работников Отделения Математики, занимает столь низкое положение в университетской иерархии. Однако за то, что психоисторию приходилось держать в тайне, следовало расплачиваться. Стараясь хоть как-то возместить Юго этот вынужденный недостаток признания, Гэри предоставил ему роскошный просторный кабинет для работы

и прочие мелкие привилегии. Самого же Юго, казалось, не особенно волновало несоответствие его заслуг положению в обществе — ему ведь и так посчастливилось подняться по служебной лестнице гораздо выше, чем он когда-либо мечтал. И к тому же — минуя обязательные экзамены Гражданской Службы.

Сегодня настроение у Гэри было хорошее, и он решил, что небольшое озорство ему простят.

— Благодарю вас, коллеги, за то, что вы так дружно пришли на эту конференцию. Нам нужно обсудить немало важных административных вопросов. Юго?

В зале зашептались. Юго удивленно вскинул брови, но быстро совладал с собой и прошел из задних рядов к возвышению, с которого обычно выступали докладчики.

Ему уже приходилось вести кафедральные собрания и научные конференции, хотя как сотрудник кафедры он только сообщал о них, назначал время проведения и утверждал повестку дня.

Гэри знал, что многие считают его сильной личностью уже за то, что он всегда глубоко вникает в суть вопросов, которые обсуждаются на этих собраниях. Таково было довольно распространен-

ное мнение, общеизвестное, но ошибочное. Гэри обнаружил, что, председательствуя на собраниях, он обычно несколько отступает от своей обычной точки зрения. Оказалось, для того, чтобы в зале разгорелась оживленная дискуссия, ему надо в какой-то момент просто сделаться незаметным — молча сидеть в своем кресле и слушать, делая заметки по ходу обсуждения, и высказываться только по ключевым вопросам.

Много лет назад Юго поинтересовался, зачем он это делает, но тогда Гэри только отмахнулся и ушел от прямого ответа. «Я не лидер», — только и сказал он. Юго тогда посмотрел на него как-то странно, словно говоря: «А кто же тогда, интересно?»

Гэри улыбнулся своим мыслям. Некоторые профессора, из сидевших на самых почетных местах, тихонько переговаривались между собой, поглядывая на него. Юго тем временем огласил повестку дня. Говорил он быстро, сильным, хорошо поставленным голосом.

Гэри откинулся на спинку кресла и наблюдал, как на лицах его достопочтенных коллег проявляется с трудом скрываемое раздражение. Они морщили носы и кривили губы, слыша резкий далитанский акцент Юго. Кто-то шепнул на ухо

соседу: «Далити!» — а тот ответил: «Просто возмутительно!»

Да, надо-таки время от времени «давать им доброго пинка», как называл это его отец. И Юго это тоже пойдет на пользу. Пусть прочувствует, каково оно — управляться с целым Отделением научных работников.

И вообще, работа премьер-министра наверняка окажется куда хуже этой. И ему может понадобиться заместитель.

Глава 4

— Нам скоро выходить, — сказал Гэри, делая пометки в блокноте.

— Скоро? Но до начала приема еще уйма времени, — Дорс аккуратно разгладила складки на платье и критически оглядела свое отражение в зеркале.

— Я хочу немного прогуляться по пути.

— Ты не забыл — прием будет в секторе Дали, — напомнила Дорс.

— Да, забавно.

Она не без усилия стянула с себя узкое, облегающее фигуру платье и сказала:

— Какая досада, что сейчас в моде именно это! Оно мне не идет.

— Ну так надень что-нибудь другое.

— Дорогой, это твой первый выход в высшее общество по делам Империи. Ты должен выглядеть наилучшим образом.

— Это надо понимать так: я должен позаботиться о том, чтобы ты выглядела наилучшим образом, сопровождая меня на этот прием в высшем обществе.

— А что? Тебе-то самому достаточно надеть

парадную форму университетского профессора.

— То есть то, что требуется. Я хочу показать всем, что я и в самом деле всего лишь университетский профессор.

Дорс еще какое-то время возилась со своим платьем, потом сказала:

— А знаешь, некоторым мужчинам нравится смотреть, как их жены наряжаются…

Гэри оторвался от своих записей и проследил, как Дорс заканчивает облачаться в очередное облегающее одеяние — на этот раз в костюм янтарного цвета с голубой отделкой.

— Надеюсь, ты не хочешь, чтобы у меня помутилось в голове от возбуждения и чтобы мне пришлось терзаться все время, пока мы будем на приеме?

Дорс скорчила озорную рожицу.

— Представь себе, именно этого я и добиваюсь!

Гэри откинулся на спинку кресла и театрально вздохнул.

— Математика — вот моя прекрасная леди. Она не так требовательна, как другие.

Дорс тотчас же запустила в него туфлей, промахнувшись всего на пару сантиметров. Гэри только улыбнулся.

— Тише, тише!.. А то наши бравые гвардейцы-

охранники прибегут меня спасать.

Дорс — она как раз добавляла к своему наряду последние штрихи — удивленно оглянулась на мужа и сказала:

— Дорогой, ты сегодня еще больше рассеян, чем обычно.

— Так всегда бывает, когда я применяю свои исследования к реальным закоулкам и трещинам жизни.

— Снова твой извечный вопрос? Что на самом деле важно для истории?

— Я бы предпочел знать, что на самом деле для нее не важно.

— По-моему, обычного глобально-исторического подхода, с экономикой, политикой и всем остальным, недостаточно.

Гэри оторвался от своих записей и внимательно посмотрел на жену.

— Некоторые историки считают, что необходимо изучить и вычислить мелкие правила и закономерности общества для того, чтобы понимать глобальные исторические законы, которые заставляют их работать.

Дорс недоверчиво скривила губы.

— Я знакома с этими исследованиями. Маленькие правила и большие законы. А как насчет

упрощений? Может быть, большие законы как раз и сводятся к этим самым маленьким правилам?

— Нет, определенно нет.

— Пример, пожалуйста!

Гэри собрался снова погрузиться в размышления, но от Дорс было не так-то просто отвязаться. Она ткнула его под ребра и повторила:

— Пример!

— Ну, ладно. Вот, к примеру, правило: «Если тебе попадется что-нибудь, что тебе нравится, покупай это в таком количестве, чтобы хватило на всю оставшуюся жизнь, потому что это наверняка сразу же перестанут производить».

— Ерунда какая! Ты шутишь?

— В каждой шутке только доля шутки, Дорс. Дело и в самом деле обстоит так.

— Ладно. И ты всегда следуешь своему правилу?

— Неукоснительно.

— Не верю!

— А ты вспомни, что ты увидела, когда первый раз заглянула в мой платяной шкаф?

Глаза у Дорс изумленно расширились. Потом она улыбнулась, вспомнив. Она тогда из любопытства открыла большую, но непрочную на вид

дверь, за которой обнаружилась гардеробная. На ровных рядах полок лежала одежда, аккуратно рассортированная по виду и цвету. Тогда Дорс несказанно изумилась и воскликнула:

— Шесть синих костюмов… Не меньше дюжины пар туфель, и все — черные… А рубашки!.. Белые, оливкового цвета, несколько красных. Рубашек здесь целый склад — штук пятьдесят. Так много — и все одинаковые.

А Гэри сказал:

— Зато все они такие, как мне нравится. И по утрам мне никогда не нужно думать, что надеть. Я просто выбираю любую, наугад.

— А я думала, ты каждый день носишь одно и то же…

— Одно и то же? Ты хочешь сказать, я хожу грязным? — возмутился Гэри.

— И правда, если бы ты не переодевался…

— Теперь убедилась, что я каждый день одеваюсь в чистое? — рассмеялся Гэри, вспомнив в подробностях тот день. — А вообще я хожу в одинаковой одежде потому, что она мне нравится. И, заметь, сейчас такую не найдешь ни в одном магазине.

Дорс просмотрела вещи на полках и согласилась.

— И верно… Такое не носят — и не выпускают — уже как минимум четыре сезона.

— Вот, видишь? Правило действует.

— Я за неделю двадцать один раз выбираю, во что одеться. А тебе и выбирать не нужно.

— Ты не следуешь правилу.

— И давно ты так подбираешь одежду?

— С тех пор, как впервые заметил, как много времени у меня уходит на раздумья: что сегодня надеть. А того, что мне хотелось надеть, я зачастую не мог отыскать на магазинных полках. Тогда я вывел эту закономерность, обобщил две проблемы и нашел решение для обеих.

— Не перестаю тебе изумляться.

— Просто я привык мыслить системно.

— Ты просто одержимый!

— Это суждение, но не диагноз.

— Ты милый. Немного сумасшедший, но милый. А может, одного без другого просто не бывает.

— Это что, тоже правило? Дорс нежно его поцеловала.

— Да, профессор.

Неизбежный эскорт гвардейцев окружил Гэри и Дорс, едва они показались из своих покоев. Но супруги уже приучили гвардейцев оставлять их наедине хотя бы в кабине гравиподъемника.

На самом деле устройство гравиподъемника не имело никакого отношения к чудесам гравитации, он был детищем развитой физики электромагнетизма. Гэри кожей ощущал, как частицы тысяч и тысяч электростатических полей поддерживают их в полете сквозь причудливую карусель переменных токов. Гэри чувствовал, как электрические поля играют в развевающихся волосах, осторожно прикасаются к телу — словно передают его одно другому из рук в руки, поддерживая и мягко перемещая вверх вдоль желоба, созданного конфигурацией полей подъемника.

Когда они вышли из кабины подъемника тринадцатью этажами выше, Дорс провела по волосам программируемой расческой. Приборчик пощелкал и покорно уложил волосы Дорс в изящную модную прическу.

Они вышли на широкую пешеходную улицу, вдоль которой длинными рядами выстроились магазины. Гэри нравилось бывать в местах, где открывался обзор На сотню метров вперед и назад, — в «просторных», по тренторианским меркам, местах.

Движение на этой улице было быстрым, поскольку боковые улицы отсутствовали. Скоростная самодвижущаяся дорожка-эскалатор

протянулась посередине улицы. Гэри и Дорс медленно прогуливались пешком вдоль вереницы магазинов, разглядывая витрины.

Чтобы уйти в сторону, нужно было просто спуститься или подняться на один уровень, а там встать на самодвижущуюся дорожку или вызвать платформу роботакси. По обе стороны улицы самодвижущаяся дорожка бежала в противоположную сторону. При отсутствии перекрестков и поворотов дорожные происшествия были крайне редким явлением. Многие вообще ходили только пешком — ради тренировки либо ради того, чтобы в полной мере прочувствовать невыразимое, пьянящее ощущение восторженного веселья от созерцания Трентора. Люди, приезжающие на Трентор, желали постоянно, ежеминутно видеть слияние и борьбу идей и культур всего человечества, все спады и подъемы цивилизации. Гэри тоже не избежал этого, хотя в чрезмерной дозе подобные переживания утрачивали остроту.

Пешеходы, запрудившие бульвары и шестиугольные парковые зоны, были наряжены в одежды всех двадцати пяти миллионов миров Империи. Гэри увидел своеобразные «кожаные» костюмы из шкур животных (которые, наверное, даже отдаленно не походили на мифическую

лошадь). Вот мимо прошествовал мужчина в обтягивающих штанах с разрезами до самых бедер; разрезы обнажали кожу с ярко-синими полосами. Приземистая женщина щеголяла в корсаже необычной формы: два лица с открытыми ртами, из которых выглядывали обнаженные груди с сосками цвета слоновой кости. Гэри даже оглянулся и присмотрелся повнимательнее, чтобы убедиться, что все это — не настоящее. Громко переговариваясь и хихикая, прошли несколько девиц в возмутительно коротких, расшитых яркими блестками шикарных курточках. Какой-то ребенок — а может, это был нормальный взрослый, обитатель мира с высокой гравитацией? — развлекался игрой на светогитаре, беспорядочно тренькая лазерными струнами.

Эскорт имперских гвардейцев развернулся веером вокруг подопечных. Их капитан подошел к Гэри и сказал:

— Прошу прощения, господин академик, но в таком месте мы не можем гарантировать вам безопасность.

— Капитан, все это обыкновенные люди, а не какие-то наемные убийцы. Никто не мог заранее знать, что я здесь окажусь.

— Император приказал вас защищать, и мы

выполняем Его приказ.

— Ничего, с непосредственной угрозой я справлюсь, — резко ответила Дорс. — И я сумею защитить его, смею вас уверить.

Губы капитана страдальчески изогнулись, но он, выдержав небольшую паузу, ответил:

— Я кое-что слышал о вас, леди. И все же…

— Прикажите своим солдатам проверять детекторами и другие уровни. Нас могут засечь сверху или снизу.

— О… Да, мэм, — и капитан отошел к своим гвардейцам. Они прошли вдоль причудливого нагромождения ажурных стен дворца Фархагала. Этот легендарный богач древности свято верил, что, пока строительство его дворца не завершится, будет длиться и его собственная жизнь. И когда сооружение очередной пристройки близилось к концу, Фархагал приказывал начать следующий этаж. Со временем каждый свободный уголок, каждая ровная площадка первоначального, достаточно простого по форме здания были облеплены нескончаемой вереницей пристроенных в невообразимом беспорядке комнат, галерей, ажурных переходов, мостиков, арок, беседок и подвесных садиков. И когда суеверного Фархагала настигло «завершение»

— попросту говоря, когда он умер, — дворец так и остался недостроенным, поскольку наследники Фархагала передрались из-за дележа законной добычи — наследства — и растащили все деньги, оставшиеся от богатого родственника. А дворец пришел в запустение и вскоре превратился в зловонную грязную клоаку, куда заглядывали только грабители да неосторожные случайные путники. Гвардейцы-охранники подошли ближе, а капитан настоял, чтобы Гэри с Дорс встали на робоплатформу. Гэри смирил свое недовольство и согласился. Тем более что Дорс вся подобралась и настороженно поглядывала по сторонам — ее тоже что-то беспокоило. Кортеж безмолвно преодолевал путаницу темных коридоров дворца. В переходах такси дважды делало остановки. Когда платформа останавливалась и на станциях включалось яркое освещение, Гэри видел полчища разбегающихся по углам крыс. Он молча указал на них Дорс.

— Фу, гадость какая! — передернула плечами Дорс. — Уж хотя бы в самом-то центре Империи можно было избавиться от этих мерзких тварей!

— В наши времена — вряд ли, — сказал Гэри, а сам подумал, что крысы тут были, наверное, даже в дни расцвета Империи. Крысам нет дела

до величия.

— Наверное, эти грызуны — извечные спутники человечества, — мрачно сказала Дорс. — Нет ни единой планеты, где не было бы крыс.

— В этих тоннелях робоплатформы обычно пролетают на такой большой скорости, что крыс иногда засасывает в воздухозаборники двигателей.

Дорс нахмурилась и сказала:

— Но это же опасно! Из-за этого может быть поврежден двигатель… случится авария…

— Крысам тоже приходится несладко.

Они проехали через сектор, жители которого питали непреодолимое отвращение к солнечному свету, даже в том блеклом виде, в котором свет проникал сюда сквозь верхние уровни по специальным каналам. Дорс пояснила, что исторически такое отношение сложилось из-за боязни солнечной радиации, но, как видно, страхи укрепились в человеческом сознании гораздо глубже, чем того требовала забота о здоровье.

Их робоплатформа замедлила движение, пролетая вдоль высокого круто изогнутого моста-арки над площадью, заполненной народом. Здесь не было никакого естественного освещения, только искусственное фосфорическое сияние. Сектор

официально именовался Каланстрамонией, но здешних жителей называли не иначе как «привидениями». Они редко покидали границы своего сектора, и их бледные до белизны лица резко выделялись в любой толпе. Глядя на них с высоты моста, Гэри подумал, что эти люди ужасно напоминают кучу противных белых червяков, копошащихся в груде гнилого мяса.

Нынешний Зональный Имперский прием должен был состояться под куполом величественного здания в Юлианском секторе. Гэри и Дорс вошли в вестибюль в сопровождении своих гвардейцев, которые тотчас же отошли в сторону, и их сменила пятерка мужчин и женщин в простых, не привлекающих внимания деловых костюмах. Эти люди поклонились Гэри и растворились в толпе, стали прохаживаться по широкому вестибюлю и оживленно беседовать между собой, словно никогда не имели никакого отношения к Гэри Селдону.

Женщина, дежурившая у парадного входа, сделала все возможное, чтобы привлечь внимание присутствующих к прибытию Селдона, — хотя самому Гэри Селдону меньше всего хотелось внимания. Однако едва он вошел, музыка в зале сперва поутихла, а потом разлилась сложной

композицией из гимна Академии и Геликонской симфонии. Лица всех присутствующих немедленно обратились к новому гостю. Протокольная команда подхватила эстафетную палочку, и Гэри с почетом проводили на балкон. А Гэри оставалось только радоваться возможности посмотреть на представление со стороны.

С балкона под самым куполом зала открывался поистине потрясающий вид. Лестница спускалась вниз бесконечной спиралью. Нижние ярусы были так далеко, что Гэри едва мог различить ступеньки переходов и ровные площадки. Эту грандиозную лестницу посетили миллиарды зрителей, в том числе — как заботливо сообщил ему провожатый — и девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот восемьдесят семь самоубийц (их тщательно подсчитывали в течение многих столетий).

— Сейчас, когда количество самоубийств на лестнице приблизилось к миллиону, — увлеченно продолжал гид свой рассказ, — попытки самоубийства случаются практически каждый час. Вот, к примеру, совсем недавно поймали человека, который явился в специальном голокостюме, запрограммированном после сильного удара высветить надпись «Я — миллионный».

И знаете, они такие настойчивые! — закончил свое повествование гид — как показалось Гэри, с легким оттенком гордости за великую лестницу.

— Да, самоубийство — это, наверное, самое крайнее выражение недовольства собой, — заметил Гэри, стараясь отделаться от навязчивого сопровождающего.

Гид кивнул с важным видом, ничуть не смутившись, и добавил:

— Кроме того, здесь они получают хоть какое-то вознаграждение. Так сказать, утешительный приз.

У протокольной команды весь грандиозный план приема был заранее расписан до малейших подробностей. Встретить господина А, поприветствовать господина Б, кивнуть господину В…

— Пожалуйста, избегайте затрагивать в разговорах кризис в Юденской Зоне, — убедительно попросил Гэри Селдона один из распорядителей приема.

С легкостью исполню, подумал Гэри — он понятия не имел ни о каком таком кризисе.

Закуски для возбуждения аппетита были просто великолепны, последовавший за ними обед — тоже выше всяких похвал (если только качество обеда не было заслугой аппетитных

закусок). Покончив с едой, Гэри выкурил немного стимулятора, принесенного великолепно одетой официанткой.

— На этом приеме тебе не придется делать ничего особенного. Просто кивай, улыбайся и соглашайся с тем, что говорят собеседники, — сказала Дорс, когда минули первые полчаса.

— Ужасно соблазнительно только этим и заниматься, — прошептал Гэри ей на ухо, когда они прошли мимо распорядителя и направились к группе зональных деятелей. Казалось, воздух в огромном зале дрожал от напряжения — собравшиеся здесь люди вовсю плели интриги, вели деловые переговоры и заключали сделки.

Прибытие Императора было обставлено с неизменной пышностью и великолепием. Согласно древней традиции, он прибыл на час позже гостей и, по тому же неписаному старинному закону, должен был рано покинуть зал, прежде чем первый из гостей собрался бы уходить. Гэри задумался: не хотелось ли Императору когда-нибудь задержаться? Ведь его уход мог прийтись как раз посередине важного и интересного разговора? Но Клеона с детства прекрасно выучили искусству быть Императором, так что такая возможность, наверное, даже не приходила ему в голову. Клеон

сердечно поприветствовал Гэри, поцеловал руку Дорс, а потом, спустя всего пару минут, казалось, совсем утратил к ним интерес, перейдя вместе со своим эскортом к очередной группе людей, на лицах которых застыло нетерпеливое ожидание.

Следующая группа гостей, к которой приблизился Гэри Селдон, была определенно не такой, как все прочие. Здесь не было привычной смеси из дипломатов, аристократов и их телохранителей в одинаково-неприметных коричневых костюмах. Девушка из протокольной команды, сопровождавшая Селдона, сказала, что это все — «птицы высокого полета», очень влиятельные люди.

В центре группы — и в центре внимания — был высокий, крупный мужчина. Окружающие не сводили с него глаз и внимательно прислушивались к каждому его слову. Девушка-сопровождающая хотела было пройти мимо, но Гэри остановил ее.

— Скажите, этот человек…

— Бетан Ламерк, сэр.

— Он здорово умеет привлекать внимание толпы.

— Безусловно, сэр. Вы хотите, чтобы вас официально представили?

— Нет, не нужно. Я просто послушаю.

Это была очень удачная идея — присмотреться повнимательней к своему противнику, пока тот не знает, что за ним наблюдают. Этой уловке Гэри выучился от своего отца, задолго до того, как сделал первые шаги в изучении математической диалектики. Правда, этот прием не спас его отца, зато прекрасно срабатывал в более спокойных условиях Академии.

Густые черные волосы Бетана Ламерка спускались почти до самых бровей, пряди длинной челки доходили по бокам до уголков глаз, охватывая верх лица, словно клешня краба. Глубоко посаженные большие глаза, окруженные сеткой морщин, ярко и живо поблескивали. Тонкий и длинный нос как будто указывал на самую примечательную деталь лица достопочтенного господина Ламерка — рот, составленный из двух совершенно разных половинок. Полная нижняя губа изгибалась, словно в искренней, щедрой улыбке. А верхняя губа, тонкая и нервная, надменно кривилась уголками книзу и говорила исключительно о склонности к глумливым, презрительным насмешкам. Внимательному наблюдателю вскоре становилось ясно, что верхняя губа в любое мгновение может взять власть над

нижней, резко и внезапно переменив весь смысл сказанного, — и от этого господин Ламерк производил не очень благоприятное впечатление. Правда, вряд ли можно было как-то поправить дело, даже если бы господин Ламерк обратил внимание на эту особенность своей мимики.

А Гэри вскоре понял, что Ламерк о ней прекрасно знает.

Ламерк как раз высказывался по поводу некоторых подробностей межзонального торгового конфликта в боковой ветви спирали Ориона — этот вопрос в последнее время горячо обсуждался в Верховном Совете. Гэри нисколько не интересовался торговлей и воспринимал ее исключительно как одну из переменных в стохастических уравнениях, а потому он просто слушал, как этот человек говорит.

Чтобы подчеркнуть значимость своих слов, Бетан Ламерк повышал голос и вскидывал над головой руки с раскрытыми ладонями. После чего, уже завладев вниманием слушателей, Ламерк понижал голос и опускал руки до уровня груди, разведя их немного в стороны. Когда его богатый обертонами, хорошо поставленный голос начинал звучать глубже и искренней, Ламерк выбрасывал руки вперед. Потом, когда голос снова

становился громче, кисти Ламерка поднимались выше, на уровень плеч, и начинали вертеться клубочком — тема усложнилась, а потому публике отдавался бессловесный приказ слушать внимательнее.

Ламерк постоянно удерживал прочную зрительную связь с аудиторией; его внимательный, напористый взгляд все время перемещался по кругу слушателей, от одного лица к другому. Последнее веское замечание, немного юмора, легкая улыбка — несомненно, похвала самому себе — и небольшая пауза перед новой темой.

На этот раз Ламерк закончил свой монолог словами:

— …а сейчас некоторым слова «Пакс Империум» — «Ради мира в Империи» — больше всего напоминают «Такс Империум» — имперские налоги… Верно я говорю? — и тут взгляд Ламерка наткнулся на Гэри Селдона. Политик на мгновение нахмурил брови, потом воскликнул:

— О! Кого я вижу! Академик Селдон! Добро пожаловать. А я как раз гадал, когда же мы с вами встретимся.

— Прошу вас, не стоит ради меня прерывать вашу… э-э-э… проповедь.

В ответ на это замечание в толпе слушателей

раздались смешки и хихиканье. Гэри Селдон понял, что некоторые члены Верховного Совета чувствуют себя весьма задетыми, если публично намекнуть на их склонность к нравоучениям. И добавил:

— Продолжайте, пожалуйста. Мне ваша лекция показалась Довольно любопытной.

— Ну, что вы, это ужасно скучная тема — особенно по сравнению с вашей математикой, — добродушно заметил Ламерк.

— Мне жаль вас огорчать, но, боюсь, математика еще более скучна, чем межзональная торговля, — не замедлил вернуть любезность Гэри Селдон.

Слушатели снова засмеялись, хотя на этот раз Гэри не совсем понял почему.

— Я всего лишь пытаюсь примирить различные фракции, — сердечно признался Ламерк. — Знаете, люди порой относятся к деньгам, словно к какому-нибудь божеству.

В толпе одобрительно закивали, на лицах слушателей, обращенных к Ламерку, вновь появились благожелательные улыбки. Была очередь Гэри:

— Какое счастье, что в геометрии нет никаких сект и фракций!

— Все мы стараемся, как можем, делать все лучшее для Империи, господин академик.

— Говорят, лучшее — враг хорошего. Вы так не считаете?

— Так, значит, вы, господин академик, намереваетесь применить свою математическую логику к нашим проблемам в Верховном Совете? — Голос Ламерка звучал по-прежнему дружелюбно, однако взгляд сделался холодным и пронзительным. — Если учесть, что вы вскоре можете стать министром…

— К сожалению, законы математики слишком точны и определенны, чтобы их можно было применить к реальности. И, соответственно, если переносить их в реальность, они, увы, перестают быть точными.

Ламерк окинул взглядом собравшихся слушателей, которых стало значительно больше, чем в начале разговора. Дорс крепко сжала руку мужа, и по силе пожатия Гэри понял, что эта перепалка каким-то образом превратилась в нечто крайне важное. Он, правда, не мог пока понять, почему это случилось, но времени на отвлеченные раздумья просто не было.

Ход Ламерка:

— Но тогда, выходит, эта ваша психоистория,

о которой столько судачат, вовсе ни на что не годна?

— Для вас — да, сэр, — спокойно ответил Селдон.

Глаза Ламерка расширились от нахлынувших чувств, но на лице все еще держалась широкая радушная улыбка.

— Что, слишком заумно для простых смертных?

— Просто психоистория еще не вполне приспособлена к практическому использованию. Боюсь, мне пока не удалось постичь ее логику.

Ламерк усмехнулся, подмигнул слушателям и насмешливо сказал:

— Вот человек, который мыслит логично! Какой поразительный контраст с реальным миром!

Шутку встретили дружным смехом. Гэри не мог придумать, что бы ответить. Он огляделся вокруг, заметил, как один из его охранников остановил какого-то человека и проверил содержимое его карманов, а потом отпустил.

— Видите ли, дорогой господин академик, мы в Верховном Совете просто не можем себе позволить тратить время на бесполезные теории. — Ламерк выдержал эффектную паузу, словно это была не приватная беседа в кулуарах

на приеме, а, по меньшей мере, предвыборная речь с высокой трибуны. — Мы обязаны быть справедливыми и беспристрастными… а иногда, господа, нам приходится быть безжалостными.

Гэри вздернул бровь.

— Мой отец поговаривал: «Тот, кто всегда справедлив, — безжалостный человек. А тот, кто всегда благоразумен, — ужасно скучный человек».

Слушатели испустили дружный многоголосый вздох, и Гэри понял, что сумел сравнять счет в странном словесном поединке. Во взгляде Ламерка он прочел тому подтверждение.

— Ну, мы в Верховном Совете стараемся делать все возможное, все, что от нас зависит… Несомненно, нам не помешает помощь со стороны ученейших людей Империи. Наверное, мне нужно будет как-нибудь прочитать одну из ваших книг, господин академик, — Ламерк приподнял брови и глянул на слушателей. — Если, конечно, я смогу в ней что-то понять.

Гэри пожал плечами:

— Я перешлю вам свою монографию по запредельным вычислениям в геометрии.

— Впечатляющее название, — заметил Ламерк, обращаясь в основном к тем, кто собрался по-

слушать.

— Знаете, книги — они как люди. Очень немногие по-настоящему чего-то стоят, а остальные просто теряются в бесконечном множестве.

— И к какой же половине вы предпочли бы отнести себя? — Ламерк расставил очередную ловушку.

— К тем, что теряются в бесконечном множестве. Тогда, по крайней мере, мне не пришлось бы присутствовать на стольких приемах.

К немалому удивлению Гэри, эта реплика вызвала бурю веселья у слушателей.

Ламерк сказал:

— О, я не сомневаюсь, что Император не допустит, чтобы вы переутомились от излишнего общения с публикой. Но вас непременно станут приглашать во множество разных мест. И вам придется отточить свой язычок, господин академик.

— На этот счет у моего батюшки тоже была подходящая присказка. «Остроумие — все равно что бритва. И скорее всех порежется при бритье тот, кто допускает, чтобы его бритва затупилась».

А еще его отец говорил, что, если мастер-брадобрей теряет самообладание, к нему перестают ходить бриться. Гэри вспомнил об этом только

сейчас — но было слишком поздно. Он вдруг сообразил, что Бетан Ламерк славится своими меткими шутками на выступлениях в Верховном Совете. Это был его профессиональный почерк, его марка. И вот здесь, сейчас, Ламерк проиграл в игре, в которой считался большим мастером.

Щеки Бетана Ламерка задрожали, побелевшие губы сжались в тонкую линию. Все черты его лица непроизвольно передернулись, выражая откровенную неприязнь. Ламерк помолчал и вдруг нарочито громко и грубо расхохотался.

Толпа любопытных слушателей замерла в молчании. Что-то произошло.

— Господа, академику Селдону нужно встретиться еще со многими другими людьми, — вмешалась девушка, сопровождавшая Селдона на приеме. В гробовой тишине ее голос прозвучал неестественно громко.

Гэри, пожимая руки и говоря ничего не значащие любезности, позволил увести себя куда подальше.

Глава 5

Чтобы успокоиться, Гэри выкурил еще немного стимулятора. Так уж получилось, что нервное возбуждение охватило его уже после того, как закончилась словесная дуэль. Когда Гэри и его сопровождающие уходили, Ламерк стоял и смотрел им вслед, и во взоре его кипели злоба и ярость.

— Я присмотрю за ним, — сказала Дорс. — А ты пожинай лавры славы.

Гэри старался изо всех сил. Ему редко приходилось встречаться сразу с таким большим количеством людей, и Гэри ради собственного удобства держался так, как привык, изображая из себя вежливого наблюдателя. Нельзя сказать, что светские разговоры требовали слишком больших умственных усилий. Здесь от него не требовалось почти ничего, кроме теплой, дружеской улыбки.

В этом приеме отражалось все внутреннее устройство трентонианского общества. И Гэри Селдон даже улавливал время от времени проявление некоторых социальных законов в действии.

Один из прежних Императоров, дед Клеона, возродил к жизни многие древние имперские

традиции. Согласно одной из них, на любом значительном Императорском приеме должны были присутствовать представители всех пяти социальных классов Трентора. Клеон всегда тщательно соблюдал ее — как будто это могло повысить его популярность. Гэри предпочитал держать свои сомнения при себе.

Совершенно очевидно, что на вершине классовой пирамиды находилось дворянство — потомственная аристократия. Выше всех, само собой, стоял Клеон, Император. За ним по мере убывания значимости шли герцоги Секторов, принцы Ветвей Спирали, патриции, и так далее, вплоть до мелкопоместных баронов, про которых Гэри знал еще на Геликоне.

Работая в поле, юный Гэри Селдон видел иногда, как проносились над ним роскошные летучие экипажи местных аристократов. У каждого из них был в наследственном владении участок земли — как правило, не очень обширный, такой, чтобы можно было пересечь из конца в конец за день полета на легком флаере. Для того, кто родился дворянином, вся жизнь сводилась к извечной Большой Игре — безжалостной борьбе за то, чтобы урвать кусок состояния богатого благородного соседа, за то, чтобы повысить свое

положение в обществе за счет политических союзов и устроить как можно выгоднее брачные контракты своих многочисленных потомков.

Гэри насмешливо фыркнул, для приличия притворившись, что подавился дымом стима. Он изучал сообщения антропологов с тысяч Падших Миров — с планет, по тем или иным причинам на длительный срок оказавшихся в изоляции. Имперская цивилизация в этих мирах уступила место более примитивным, грубым формам общественной организации. И Гэри знал, что пирамидальное устройство общества — самая естественная и распространенная модель. Даже когда планета деградировала настолько, что возвращалась к простейшим техникам земледелия и ручной обработке металлов, в общественном устройстве все равно четко прослеживалась та же пирамида. Люди не могли обойтись без деления на слуг и господ.

Нескончаемое соперничество аристократических семейств стало первой и простейшей из психоисторических моделей, которые построил Гэри Селдон. В основу этой первой модели легли базовая теория соперничества и генеалогический отбор. А потом, в порыве вдохновения, Гэри поместил эти составляющие в уравнение, которое

описывает закономерности сползания песчинок вниз по склону дюны. И оказалось, что уравнение очень точно объясняет внезапные общественные сдвиги — соскальзывание по социальной пирамиде.

С возвышением и упадком знатных родов происходит в точности то же самое, что и с песчинками на склоне дюны. Долгий, плавный подъем — и внезапный резкий спад.

Гэри оглядел собравшихся, взглядом выхватывая из толпы тех, кто принадлежал ко второму классу, меритократии — своего рода аристократии духа, практически равной по значению первой: люди, добившиеся высокого положения в обществе своими собственными заслугами.

Как глава Отделения важнейшего Имперского Университета, Гэри Селдон и сам принадлежал к меритократам, он был чем-то вроде лорда в иерархии, положение в которой определялось не правом рождения, а личными достижениями. У «аристократов по заслугам» были совершенно иные цели и устремления, чем у потомственного дворянства. Здесь мало кого волновала проблема генеалогии, настолько каждый был занят работой в своей области знания. Потомственные аристократы стремились занять как можно бо-

лее высокое положение в служебной пирамиде имперского правительства, а аристократы духа считали более важным обладание реальной властью.

«Ах, если бы только Клеон прочил меня на какую-нибудь должность помельче», — думал Гэри. Например, на должность заместителя министра или какого-нибудь советника. Со временем Гэри сумел бы с ней управиться, а если бы и запорол работу, то все, что ему грозило бы в таком случае, — это отставка. Так или иначе, через пару лет он оказался бы в привычном и уютном университетском окружении. Советников министров не казнят. По крайней мере, не за несоответствие должности.

А еще советникам министров не давит на душу непосильное бремя власти — ответственность за жизни миллиардов людей.

Дорс заметила, что Гэри снова погрузился в раздумья и отрешился от окружающей действительности. Она действовала мягко, но настойчиво, и Гэри пришлось перепробовать кучу аппетитных лакомств и побеседовать со множеством людей.

Представителей потомственного дворянства легко было отличить в любой толпе по роскошным претенциозным одеяниям. А ведущие

ученые, экономисты, генералы и прочие меритократы предпочитали носить форменные одежды своей профессии.

«А ведь я в какой-то степени сделал политическую заявку», — сообразил Гэри. Надев профессорскую мантию, он тем самым как бы намекнул всем присутствующим, что впервые за сорок лет премьер-министром может стать не потомственный дворянин.

Не то чтобы он намеревался произвести именно такое впечатление… Гэри хотелось верить, что все произошло совершенно случайно.

Невзирая на официальный правительственный курс на возрождение старинных традиций, представители остальных трех классов на этом приеме были практически не заметны. Слуги одевались в неброские серые и коричневые костюмы, которые, на первый взгляд, казались совершенно одинаковыми. Они редко заговаривали с кем-то первыми. Как правило, они крутились возле какого-нибудь аристократа и подсказывали ему сведения или даже обороты речи, которые их шикарно наряженный компаньон потом использовал в спорах. Аристократы не блистали хорошим образованием, особенно в области математики. Кое-кто не умел даже

выполнить простейшего сложения и вычитания. Это — удел машин.

Гэри пришлось призвать на помощь всю свою наблюдательность, чтобы высмотреть среди гостей представителей четвертого класса — бюрократов, «Серых». На фоне остальных гостей они выглядели как воробьи среди павлинов.

А ведь «Серые» составляют около одной шестой населения Трентора… Отобранные по системе тестов Гражданской Службы, они прибывали на планету-столицу из самых удаленных закоулков Империи, жили строгой, почти монашеской жизнью, проходя курс обучения, а потом отправлялись обратно, продолжать служение в родных мирах. Постоянно сменяясь, служители в сером проходили через Трентор, как река сквозь проточный водоем. О них редко вспоминали, хотя они были повсюду, такие же обыкновенные, неприметные и непременные, как серые стальные стены Трентора.

Гэри подумалось, что такой могла быть и его собственная жизнь. Этим способом выбирались из грязи многие смышленые ребята, которых Гэри знал на Геликоне. Только вот Гэри сумел пробиться сквозь бюрократические преграды и попал сразу в Академию — он мог играючи

решать простые тензорные уравнения восьмого уровня. Ему было тогда десять лет.

Древние руэллианские традиции провозглашали: гражданин — наивысший класс из всех существующих. Теоретически подразумевалось, что даже сам Император делит верховную власть со всеми прочими гражданами Империи.

Однако самый многочисленный социальный класс Империи был представлен на подобных приемах в основном слугами, которые разносили по залу еду и напитки и были еще более незаметными, чем «Серые». Большую часть населения Трентора составляли простые рабочие, торговцы, техники из всех восьми сотен секторов планеты-столицы — и никому из них просто не было места на таких пышных сборищах. В традиционном перечне классов они не значились вообще.

Что же касается эксцентриков, деятелей искусства — последнего, пятого традиционного класса Империи, — то уж их-то как раз очень трудно было не заметить. Музыканты и жонглеры давали представления по всему залу, развлекая благородных гостей. Представители этого класса были самыми малочисленными, зато бросались в глаза в любом обществе.

Сейчас центром внимания публики был воз-

душный скульптор, расположивший свою переносную мастерскую у стены. Дорс подтолкнула мужа, и Гэри присмотрелся к скульптору повнимательнее. Он слышал об этом новом течении в искусстве — создании скульптур в воздухе. «Статуи» делались из окрашенного в разные цвета дыма, который скульптор быстро выдыхал тщательно отмеренными порциями. Жутковатые, похожие на привидения из сказок, причудливые фигуры плавали в воздухе прямо над изумленными зрителями, постепенно спускаясь к самому полу. Некоторые представляли собой карикатуры на заносчивое дворянство, в точности копируя их чрезмерно пышные, крикливые наряды и вычурные позы.

Гэри эти воздушные фигуры показались довольно занятными, только вот… слишком уж быстро они распадались на бесформенные облачка дыма, слишком быстро таяли в воздухе, не оставляя после себя ничего стоящего. Ничего, кроме обрывков воспоминаний.

— Это все нынешняя мода, — услышал Гэри замечание одно-то из стоявших неподалеку гостей. — Поговаривают, скульптор прибыл прямиком из Сарка.

— Из мира Возрождения? — недоверчиво пере-

спросил его сосед, широко раскрыв глаза. — Вам не кажется, что это немного неуместно? Кто его сюда пригласил?

— Говорят, приглашение исходило от самого Императора. Гэри нахмурил брови. Сарк… Оттуда были доставлены и симуляторы личностей… «Мир Возрождения, надо же!» — раздраженно пробормотал он, осознав наконец, что именно не понравилось ему в призрачных фигурах — их мимолетность, эфемерность. Исчезая в хаосе, превращаясь в ничто, они олицетворяли собой неотвратимость краха всего, что существует в мире.

Гэри еще смотрел в сторону скульптора, когда тот выпустил в воздух очередную живописную карикатурную композицию. Первая фигура была сделана из дыма насыщенного темно-красного цвета, и Гэри не мог догадаться, кого она изображает, пока Дорс не ткнула его локтем под ребра и не сказала, смеясь:

— Да это же ты!

Гэри сумел удержаться и не разинул рот от удивления, лихорадочно соображая, какие политические последствия может повлечь за собой подобная демонстрация. Но тут скульптор выпустил второе облако дыма, и бледно-голубые пото-

ки сложились в легко узнаваемую карикатурную копию Бетана Ламерка с гневно сведенными к переносице густыми бровями. Призрачные фигуры висели в воздухе одна напротив другой, Селдон улыбался, а Ламерк хмурился.

И этот призрачный Ламерк выглядел полным дураком, с выпученными глазами и сжатыми в узкую щелочку губами.

— Кажется, нам самое время вежливо покинуть зал, — тихонько проговорила девушка, которая сопровождала Гэри Селдона и его супругу.

Академик с облегчением согласился.

Когда они вернулись домой, Гэри пребывал в полной уверенности, что распустил язык на приеме исключительно по той простой причине, что немного перебрал стима. Человек, который так лихо отбрил известного своим остроумием Ламерка, ни капельки не походил на рассудительного, неспешного в речах и суждениях Гэри Селдона. Ученый решил, что впредь будет осторожнее со стимуляторами.

А Дорс только головой качала.

— Это был ты, и никто другой. Просто на этот раз проявилась та часть твоей натуры, которая до сих пор не находила выхода.

Глава 6

— Приемы устраивают для того, чтобы люди могли как следует отдохнуть и повеселиться, — изрек Юго, сдвигая к Гэри чашечку кофе по гладкой крышке стола, сделанной из полированного красного дерева.

— Возможно, но только не этот, — отозвался Гэри.

— Блестящие, могущественные господа, великолепные женщины… и толпы остроумных подхалимов. Честно говоря, я бы держался от всего этого подальше.

— Мне тяжело видеть, что при всей огромной власти, которой наделены эти люди, никому из них, кажется, совершенно нет дела до того, что Империя неотвратимо клонится к упадку.

— Была такая древняя поговорка…

— «Пир во время чумы». И еще — что-то об игре на скрипке во время пожара в Риме. Дорс мне говорила. По ее словам, эти поговорки относятся еще к доимперским временам, а Рим — это какая-то древняя Зона с претензией на величие. Вспомнил еще одну поговорку о нем — «Все дороги ведут в Рим».

— Никогда не слышал об этом Риме.

— Я тоже. Но подобная напыщенность и самодовольство извечны и неистребимы. Хотя в ретроспективе они кажутся просто смешными.

Юго принялся беспокойно расхаживать по кабинету Гэри Селдона.

— Так значит, они ни о чем не задумываются?

— Они воспринимают Империю лишь как арену для политических игр.

В Империи уже были отдельные планеты, Зоны и даже целые ветви галактической спирали, которые начали скатываться к нищете и убожеству. Однако, если задуматься, гораздо хуже было то, что все более распространенными становились бесцельное, пустое времяпрепровождение и вульгарные увеселения. Средства массовой информации были переполнены бессмысленной развлекательной ерундой. Повсюду входил в моду стиль Нового Возрождения, пришедший из хаотических миров вроде Сарка.

Гэри Селдон ценил в традициях Империи строгость и самообладание, утонченность и изысканность манер, тонкое обаяние, интеллигентность, талант… даже романтическое очарование, наконец. Его родной Геликон был всего лишь третьеразрядной сельскохозяйствен-

ной планеткой, но и там понимали разницу между шелком и домотканой холстиной.

— И что говорят наши политики? — Юго присел на краешек стола, стараясь не вдавить случайно кнопки контрольной панели, вделанные в дерево. Чашка кофе, которую он принес, была только предлогом — на самом деле Юго пришел набраться сплетен и слухов высшего общества. Гэри с улыбкой подумал: «Люди находят удовольствие в некоторых сторонах существования иерархии, и не важно, сознают это они сами или нет».

— Они надеются на новомодное движение за возрождение морали — вроде подновленных старых имперских традиций. Которое, как говорят, должно подстегнуть Зоны.

— Хм-м-м… И как ты думаешь — сработает?

— Этого хватит ненадолго.

Идеология — слишком непрочный цемент. Даже религиозного пыла недостаточно, чтобы надолго скрепить Империю в единое целое. И та, и другая силы способны повлиять на настроения в Империи, но обе они не устоят против гораздо более мощного, основополагающего фактора — экономики.

— А что поговаривают о войне в Зоне Ориона?

— О ней никто даже не упомянул.

— Как ты думаешь, правильно ли мы позиционируем войну в наших уравнениях? — У Юго был настоящий дар — он очень часто без малейших намеков угадывал то, что больше всего беспокоило Гэри Селдона.

— Нет. В истории войне уделяется слишком много внимания. Безусловно, война нередко выступает на первый план — и это не удивительно, ведь никто не станет читать прекрасные стихи, когда рядом гремят выстрелы. Но дело в том, что выстрелы в войне — далеко не главное. Проходит время, и война начинает вплотную затрагивать интересы тех, кто обычно обеспечивает нормальную жизнь. Рабочие, инженеры, мелкие торговцы не получают от войны никакой прибыли. Так, но почему же тогда войны разгораются и поныне, невзирая на противодействие всей экономической машины Империи?

— Войны — это мелочь. Но мы с тобой упускаем что-то крайне важное — я чувствую.

Юго даже немного обиделся:

— При обосновании моделей мы учитываем практически все исторические сведения, которые добывает Дорс. И они вполне надежны.

— Я в этом и не сомневаюсь. Однако…

— Послушай, у нас под рукой целых двенадцать

тысячелетий подлинных исторических событий. Наша модель построена на них!

— У меня такое ощущение, что то, что мы упускаем, — не незначительная подробность.

Большинство крушений государств происходило по вполне объяснимым и понятным причинам. В древности, во времена становления Империи, повсеместно зарождались и вскоре исчезали мелкие суверенные державы. И в судьбах их было очень много сходства.

Раз за разом звездные королевства рушились под гнетом чрезмерных налогов. Чаще всего эти налоги уходили на содержание наемных армий, купленных для защиты от соседних держав либо для поддержания независимости от крепнущей Империи. Но какими бы ни были причины избыточного налогообложения, этот подход всегда приводил к одному и тому же: крупные города планеты пустели, жители переселялись в «тихую сельскую местность», скрываясь от сборщиков налогов.

Но по какой причине они делали это так стихийно, произвольно, но слаженно?

— Люди! — внезапно сказал Гэри. — Вот что мы упускаем.

— В смысле?! Ты же сам доказал, что инди-

видуальность ничего не значит для истории — помнишь, редукционистская теорема сведения высшего к низшему?

— И я по-прежнему так считаю: отдельный человек для истории — ничто. Но люди — это совсем другое дело. Наши парные уравнения объясняют их поведение в массе, однако мы пока не знаем, что именно ими движет.

— Все заложено в самих данных, которые мы анализируем.

— Может, да, а может, и нет. Что, если бы мы были гигантскими пауками, а не потомками приматов? Как ты думаешь, была бы тогда психоистория точно такой же, как сейчас, или другой, а?

Юго нахмурился.

— Ну, ладно… Если данные для анализа останутся прежними…

— Данные по торговле, войнам, демографической статистике? Ты полагаешь, это не имело бы значения, если бы мы изучали не людей, а гигантских паукообразных?

Юго покачал головой, на лице его появилось угрюмое, мрачное выражение — он не желал признавать, что из-за какой-то мелочи многолетняя работа может оказаться бессмысленной

и бесполезной.

— Да нет, без этого никак не обойтись…

— Вот ты, Юго, пришел сюда, чтобы разузнать, о чем богатые и знатные болтают на своих вечеринках. И как, скажи, пожалуйста, это отражено в наших уравнениях?

Юго недовольно скривился.

— При чем здесь я? Я не имею никакого значения.

— Это кто так считает?

— Ну, история…

— История написана победителями — и это правда. Но каким образом великим генералам удается заставить людей маршировать через замерзающую грязь — когда они не желают маршировать?!

— Этого никто не знает.

— А нам нужно знать. Вернее — это нужно для уравнений.

— Но как мы узнаем?

— Спроси что полегче.

— Обратимся к историкам?

Гэри рассмеялся. Он полностью разделял презрительное отношение своей жены, Дорс, к большинству ее коллег. Последнее время при изучении прошлого историки чаще руковод-

ствовались личными предпочтениями, чем историческими фактами.

Когда-то Гэри думал, что история складывается лишь из бесконечного копания в стародавних, заплесневевших файлах. К тому же, если бы Дорс показала ему, как отыскивать нужные сведения — то ли в старинных закодированных ферритовых цилиндрах, то ли в полимерных блоках или спиралях, — тогда у него появилась бы прочная основа для исторической математики. Разве Дорс и ее коллеги не добавляли всякий раз по кирпичику знаний к непрерывно растущему зданию истории?

Однако в нынешние времена у историков вошло в моду переделывать прошлое, представлять его в том или ином — какой больше нравится — виде. Появились целые группы историков, выступавших против античности, против «их» истории в противоположность «нашей». И вот, откуда ни возьмись, во множестве стали возникать нужные дополнения и исправления. Так называемые «спиралоцентристы» отстаивали мнение, что действие исторических сил распространяется вдоль ветвей галактической спирали, от центра к периферии. А просто «центристы» утверждали, что истинный источник всех тен-

денций, направлений, течений, какие только есть в истории, и даже эволюции вообще — это Центр Галактики. «Технократы» противостояли «натуралистам», которые полагали, что врожденные человеческие качества претерпевают неестественные изменения.

В мириадах фактов и мелких подробностей специалист мог увидеть, как тенденции и веяния современной политики зеркально отражаются в прошлом. Но настоящее все время менялось, разрушение и преобразование продолжались непрерывно. И казалось, что этот процесс невозможно рассматривать вне истории как таковой — а ведь это на редкость ненадежная основа, особенно если учесть, сколько чудовищных пробелов встречается в исторических хрониках. Для Гэри Селдона история представлялась скорее предпосылкой, чем основой. Неоспоримого, безусловного прошлого не существует.

Если что и сдерживало центробежные силы относительности в истории, так это довольно широкие рамки всеобщего согласия: «позвольте мне придерживаться своего мнения, и я позволю вам остаться при вашем». Как бы то ни было, большинство людей считали, что Империя — это благо. Что долгие периоды спокойной жизни —

это золотые века Империи, потому как перемены всегда обходятся недешево. И когда нужно выбирать среди множества претендентов, каждый из которых настаивает на первостепенной важности именно своей родословной, нужно выяснить, кто и что сделал для человечества.

Но на этом согласие заканчивалось. Не существовало общепринятого мнения относительно того, к чему идет человечество — или, в частности, Империя. Гэри даже подозревал, что даже сам этот вопрос отступал на задний план и превращался в перепалку историков, потому что большинство их просто боялись заглядывать в будущее. Они чувствовали в глубине души, что там, впереди, за горизонтом, Империю может поджидать не просто очередной спад-подъем. Там может скрываться и полное крушение.

— Так что же нам делать?..

Гэри сообразил, что Юго уже не первый раз повторяет этот вопрос. Ну вот, снова он отрешился от действительности, погрузившись в свои мечтания.

— Я… Честно говоря, даже не знаю.

— Может, добавить еще одну логическую структуру для основных инстинктов?

Гэри покачал головой.

— Люди — больше, чем животные, они не всегда подчиняются инстинктам. Но они действительно могут вести себя, как стадо — возможно, как стадо приматов.

— И что… Нам придется с этим разбираться? — обреченно спросил Юго.

Гэри развел руками.

— Признаться, да. Я чувствую, что эта логическая линия к чему-то приведет, но к чему — сказать пока не в силах.

Юго кивнул и улыбнулся.

— Это станет ясно, когда все будет готово.

— Спасибо, Юго. Я знаю, что я далеко не самый удобный сотрудник. Я слишком подвержен переменам настроения.

— Да все нормально, Гэри. Ты в порядке. Просто почаще думай вслух — вот и все. Идет?

— Иногда я не вполне уверен, что вообще о чем-то думаю…

— Давай, я покажу тебе, что у меня получилось. Последние!

Юго любил похвастаться своими достижениями, и Гэри пересел, пропустив его к контрольной панели своего головидео. В воздухе вспыхнуло многоцветное переплетение графиков и диаграмм. Уравнения материализовались в трех-

мерном пространстве, каждый показатель был выделен отдельным цветовым кодом.

Их оказалось так много! Они напомнили Гэри огромную стаю птиц, рассевшихся на длинной прибрежной полосе.

Психоистория в основе своей — это громадная подборка взаимозависимых закономерностей, уравнений, описывающих все перемены в истории. Невозможно было изменить что-нибудь одно в этих уравнениях так, чтобы это не отразилось на всех остальных. К примеру, изменится количество населения — и сразу же меняется оживленность торговли, и разновидности развлечений, и общественная мораль, и нормы сексуальных отношений, и еще сотни других факторов.

Несомненно, какие-то факторы были маловажными и незначительными, только вот — какие именно? История — это бездонная бочка, битком набитая всяческими фактами и фактиками, бессмысленными, если нет способа отсеивать из общей каши то, что действительно заслуживает внимания. А потому первейшая задача любой теории истории — выявить глубинные, скрытые изменения и закономерности.

— Класс ретроспективного описания — «пре-

сто»! — Юго изящно взмахнул рукой, указав на висящие в воздухе выстроенные в сложном порядке трехмерные графические изображения. — Экономические показатели, целые семейства переменных, множество работ.

— За какой период?

— От третьего до седьмого тысячелетия Галактической Эры.

Многомерные плоскости, которыми изображались изменения в экономике, были похожи на перекрученные сосуды, наполненные взбитой, переливающейся жидкостью. Желтые, янтарные, ярко-алые потоки струились в воздухе, медленно перетекая один в другой, плавно огибая друг друга или пронзая насквозь. Медленное, размеренное движение этих причудливых струй походило на удивительный колдовской танец. Гэри всегда изумлялся, наблюдая, как прекрасное рождается из такой неподходящей среды, как математика. Юго собрал воедино сложнейшие, трудные для понимания эконометрические величины, и вот, описанные на протяжении многих веков, они предстали в облике изысканных, причудливых узоров.

— На удивление удачное, гармоничное сочетание, — признал Гэри. Желтые струи исторических

сведений были очень четко отграничены от всех остальных разноцветных потоков, которые осторожно огибали желтое, отыскивая для себя свободные промежутки и дополнительные уровни. — И сохраняется на протяжении более четырех тысячелетий! А поправки на бесконечность?

— Их полностью нивелирует новая программа ренормализации.

— Чудесно! И ведь исторические данные по середине Галактической Эры наиболее полные и точные, так?

— Ага. Политики влезли уже после седьмого тысячелетия. Дорс помогла мне разобрать эту свалку, мы вместе отсеяли мусор.

Гэри услаждал свой взор созерцанием изысканной гармонии цветовых потоков, похожих на переливы старинного вина в сообщающихся сосудах причудливой формы.

Психоисторические категории всегда строго соответствовали друг другу. История же вовсе не была твердой, устоявшейся системой фактов, ее нельзя было сравнить с прочным стальным мостом, протянувшимся через тысячелетия — скорее она напоминала подвесной веревочный мостик, который раскачивался и прогибался при

каждом шаге. И все это находило отражение в уравнениях и закономерностях — постоянные колебания, небольшие отклонения и даже грубые несоответствия, вплоть до неопределенных бесконечностей. А поскольку ничто в реальности не может тянуться бесконечно, в уравнения приходилось вводить ограничивающие поправки. Гэри и Юго многие годы бились над тем, чтобы отследить и отсечь эти предательские бесконечности. И, может быть, уже почти достигли цели.

— Как выглядят эти уравнения, если их просто прогнать дальше, за седьмое тысячелетие? — спросил Гэри.

— Начинают быстро накапливаться отклонения, — признался Юго.

Петли обратной связи были далеко не новым явлением. Гэри знал общую теорему, невообразимо древнюю: если все отклонения в системе строго взаимосвязаны ч взаимно уравновешены и есть возможность произвольно, определенно и существенно изменять один из параметров, это означает, что соответственно можно опосредованно влиять и на все остальные составляющие системы. Систему можно вывести к заранее заданному состоянию посредством мириадов заложенных в ней петель обратной связи. Урав-

новешенная система реагирует на внешние воздействия гармонично — за счет устойчивых внутренних связей. Она получает приказ от самой себя — и исполняет его.

Но история, конечно же, не выполняет ничьих приказов. Однако за такие долгие промежутки времени, как, скажем, четыре тысячелетия, каким-то образом включаются закономерности, которые уравновешивают все отклонения. И психоистория способна прочесть эти закономерности и восстановить исторические события в ретроспективе — другими словами, как бы «предсказать» прошлое.

В по-настоящему сложных системах механизмы саморегулирования настолько запутаны, что даже не доступны человеческому пониманию, — они выходят за пределы восприятия человеческого мозга, и — это самое существенное — их даже незачем понимать.

Но если что-то в системе начинает барахлить, давать сбои тогда кто-то должен покопаться в ее внутренностях и разобраться, что там не так.

— Есть какие-нибудь мысли? Предложения? Юго пожал плечами.

— Вот, посмотри-ка сюда.

Разноцветные потоки струились и перетекали,

словно вдоль стен причудливо изогнутых сосудов, и Гэри заметил, что возле «стенок» они как бы взвихряются. В этих завихрениях проявились дополнительные искривления ярко расцвеченных потоков данных. Красно-оранжевые струи поля вероятностей пошли волнами, распространяя вокруг, по соседним слоям, пурпурные колебания. Волны расходились в разные стороны, и вот уже вся голограмма оказалась покрыта рябью, правильный и стройный рисунок сломался, превратился в хаотичное смешение цветных водоворотов.

— Уравнения выдохлись, — заметил Гэри.

— Ага. Слишком большой отрезок времени, — откликнулся Юго. — Протяженность больших циклов — около ста двадцати пяти лет. Но если сгладить отклонения на события, которые длятся менее восьмидесяти лет, мы получаем точную и устойчивую модель. Смотри дальше.

Гэри проследил взглядом за турбулентными завихрениями, которые превратились в настоящий ураган в многоцветном океане. — Таким образом сводятся на нет все проблемы с так называемыми «различиями поколений» — это Дорс их так называет. Я могу, к примеру, взять Зоны, в которых целенаправленно увеличивают продол-

жительность человеческой жизни. Я пытаюсь выстроить уравнение на будущий промежуток времени — но у меня не хватает данных. Как быть? Тогда я рассматриваю историю в целом, и оказывается, что такие культуры долго просто не удерживаются.

— Ты уверен? Я бы предположил, что увеличение предельной продолжительности жизни может внести больше определенности в общую картину.

— Не скажи! Я проверял: когда средняя продолжительность жизни увеличивается настолько, что достигает длительности большого социального цикла — то есть примерно ста десяти стандартных лет, — нестабильность только возрастает. И целые планеты увязают в войнах, экономических депрессиях, всеобщих социальных беспорядках.

Гэри нахмурился.

— Это явление — оно было где-нибудь описано?

— Не думаю.

— Ты полагаешь, именно поэтому человечество не может перешагнуть порог долгожительства? Потому что из-за этого разрушается само общество и приостанавливается прогресс?

— Ну да.

На губах Юго появилась тонкая, немного насмешливая улыбка, по которой Гэри тотчас же определил, что его молодой коллега чрезвычайно гордится своим открытием.

— Нарастание нестабильности, которое неизбежно приводит к… к полному хаосу! — Как раз это и была та глобальная проблема, с которой они никак не могли совладать. Гэри сделалось дурно. — Черт побери!

Юго скривил губы.

— По этой теме, босс, не могу вам сообщить ничего нового.

— Ничего, разберемся, — уверенно сказал Гэри, хотя на самом деле никакой особой уверенности не ощущал. — Ты неплохо поработал. Главное, помни — Империи строятся не за один день.

— Вот уж точно, да только, похоже, рушатся они гораздо быстрее.

Так, невзначай разговор коснулся той глубоко запрятанной причины, которая заставляла их заниматься психоисторией тревожное предчувствие того, что Империя по никому не известной причине клонится к упадку, если не к полному краху. На этот счет существовало множество самых разных теорий, но ни одна из них не ка-

залась достаточно обоснованной. Гэри надеялся, что добьется успеха. Однако дело продвигалось возмутительно медленно.

Юго сделался угрюмым и мрачным. Гэри встал, подошел к нему и дружески похлопал по плечу.

— Выше нос, дружище! Опубликуй то, что у тебя получилось.

— Как можно?! Мы же должны держать исследования по психоистории в тайне.

— А ты просто сделай подборку данных и опубликуй в журнале, посвященном аналитической истории. Посоветуйся с Дорс — она поможет выбрать подходящий журнал.

Юго мгновенно просветлел, оживился.

— Я все напишу, потом покажу тебе…

— Нет, не стоит. Я тут ни при чем, это полностью твои разработки.

— Эй, погоди, ведь это ты показал мне, как проводить анализ, где…

— Это — твои разработки. Опубликуй их.

— Ну, хорошо… Ладно…

Гэри не стал обращать внимание Юго на то, что сейчас любая публикация под именем Гэри Селдона неминуемо привлекли бы к себе всеобщее пристальное внимание. И кое-кто мог бы догадаться, что за простой статьей о влиянии

продолжительности жизни на общественную нестабильность кроется невообразимо более важная научная теория… Нет уж, Гэри сейчас лучше не высовываться вообще.

Когда Юго ушел к себе, Гэри еще некоторое время сидел и разглядывал ураганные волны, сотрясающие океан разноцветных потоков, зависший в воздухе над его столом. Потом его взгляд упал на небольшую изящную керамическую табличку, подарок Дорс, с его любимым изречением:

«Минимальная сила, приложенная в переломный момент истории к верно выбранной точке опоры, откроет путь к дальнему видению. Преследуйте только те из ближайших целей, которые ведут к самым далеким перспективам».

Это была цитата из семнадцатого стиха Оракула Императора Камбла Девятого.

— А как быть, если дальних перспектив вообще не существует? — пробормотал Гэри себе под нос и принялся за работу.

Глава 7

На следующий день Гэри Селдон получил урок имперской политики в действии.

— Ты что, не знал, что вас снимают на видео? — спросил Юго.

Трехмерный видеопроектор был включен, и там как раз показывали во всех подробностях пикировку с Бетаном Ламерком. Гэри пришлось укрыться в Университете, потому что имперские гвардейцы не справлялись с толпами, рвущимися в личные апартаменты Селдона. Когда задержали группу людей, пристраивавших аппаратуру для подслушивания тремя ярусами выше комнат Селдона, пришлось даже вызвать подкрепление из дворцовых казарм. И Гэри с Дорс даже на гравиподъемнике ехали под наблюдением эскорта охранников.

— Нет, не знал. Понимаешь, там было столько народу… — Гэри вспомнил, как один из его охранников обыскал какого-то человека, а потом отпустил. Но трехмерные видеокамеры и акустические микрофоны бывают такими маленькими, что какой-нибудь упорный представитель прессы запросто мог спрятать их под

обычной одеждой. Кстати, наемные убийцы тоже использовали такое же миниатюрное, но от этого не менее смертоносное снаряжение. Правда, его телохранители умели отличать одно от другого.

Юго со своим далитанским здравомыслием посоветовал:

— Ты бы все-таки дослушал до конца, тебе ж потом все равно, как ни крути, а придется играть в эти игры.

— Я высоко ценю твою заботу, — сухо ответил Гэри. Дорс провела пальцем по губам.

— А по-моему, ты прекрасно справился… — сказала она.

— Я не желаю, чтобы люди считали, что я чуть ли не стер в порошок признанного лидера Верховного Совета! — с чувством сказал Гэри.

— Послушай, но ведь ты именно это и сделал, — заметил Юго.

— Может, и так, но тогда мне казалось, что я всего лишь вежливо… отшучивался, — холодно сказал Гэри.

То, что показывали по видео, напоминало скорее молниеносный словесный пинг-понг, в котором вместо легких шариков летали бритвенные лезвия.

— Но ты обошел его буквально на каждом хо-

де, — заметила Дорс.

— Да ведь я даже не чувствовал к нему неприязни! Он сделал много хорошего для Империи… — Гэри замолчал, задумался. — Я тогда просто… развлекался.

— А может, у тебя талант? — сказала Дорс. — Этого еще не хватало!

— Не думаю, что у тебя есть выбор, — сказал Юго. — Ты у нас теперь сделался жутко знаменитым.

— Слава — это совокупность недоразумений вокруг известной личности, — изрекла Дорс.

Гэри улыбнулся:

— Верно подмечено.

— Это сказал Эльдониан Старший, Император, который жил и правил дольше всех прочих. И единственный во всей своей династии умер от старости.

— Возьми на заметку, Гэри, — сказал Юго. — Теперь о тебе пойдут всякие слухи, сплетни, придуманные «правдивые» истории…

Гэри решительно покачал головой.

— Нет, ни за что! Послушайте, мы не можем допустить, чтобы посторонние мелочи отвлекали нас от работы. Юго, что там с контрабандными моделями личностей, которые ты вроде как

«приобрел»?

— Они у меня.

— Адаптированные к нашим машинам? И они заработают?

— Ну да, только эти штуки занимают чертову уйму места и пойдут только при огромном объеме машинной памяти. Так что я их заполучил, но для того, чтобы их запустить, нам нужна очень мощная сеть компьютеров — а у нас такой нет.

Дорс нахмурилась.

— Не нравится мне все это… Это же на самом деле не просто модели личностей — это симуляторы!

Гэри кивнул.

— Мы ведь проводим исследования, а не пытаемся создать суперрасу.

Дорс встала и нервно зашагала по кабинету.

— Самые древние из морально-этических запретов относятся к симуляторам. Даже моделирование личностей — и то подчиняется крайне строгим законам и ограничениям!

— Да, конечно — период древней истории. Однако…

— Доисторический! — поправила Дорс. Ее ноздри трепетали от возбуждения. — Эти запреты появились так давно, что не сохранилось ника-

ких записей, которые объяснили бы, откуда они взялись. Несомненно, это были какие-то чудовищные эксперименты, которые проводились еще до Темных Веков.

— А это что еще такое? — спросил Юго.

— Долгий период времени — насколько долгий, мы не можем точно определить, но наверняка не менее нескольких тысячелетий, — который предшествовал созданию Империи.

— Ты что, про Землю? — В голосе Юго явственно звучало сомнение.

— Земля как таковая — скорее легенда, чем исторический факт. Но в целом — да, корни этих запретов кроются в невообразимо давних временах.

— Понимаешь, те симы, что я добыл, они совершенно безопасны. Они и понятия не имеют о нашем времени, — сказал Юго. — Один из них, к примеру, — религиозный фанатик, и о его религии я никогда ничего не слышал. Так что они не представляют опасности ни для кого, кроме, может быть, самих себя.

Дорс с подозрением посмотрела на Юго.

— Если они такие никчемные, как ты говоришь, то для чего они могут нам пригодиться? Почему ты счел их достойными внимания?

— Потому что у обоих — точно вычисленные психоисторические индексы. Когда мы строим уравнения, то основываемся на базовом человеческом восприятии. И если у нас будет доисторический мозг, пусть симулированный, мы сможем с его помощью заполнить пробелы в уравнениях с известными коэффициентами.

Дорс с сомнением фыркнула.

— Я мало что понимаю в математике, но одно я знаю наверняка: симы опасны!

— Послушай, никакой здравомыслящий современный человек не поверит в эту ерунду! — сказал Юго. — Математики из века в век используют псевдосимы в работе. А тиктаки…

— Но и то, и другое — это ведь неполные личности, так? — настойчиво спросила Дорс.

— Ну, да вообще-то, но…

— Мы можем влезть в очень, очень крупные неприятности, если эти твои симы окажутся более разумными, более развитыми, чем допустимо.

Юго широко улыбнулся, махнул рукой, словно отгоняя прочь возможные беды, и широко улыбнулся.

— Да ладно, Дорс, брось. Все под контролем. И вообще, чтоб вы знали, я уже уладил проблему

с нехваткой объема машинной памяти и все такое, и, более того... Я нашел нам прикрытие под это дело!

Брови Гэри изогнулись в немом вопросе.

— И что за прикрытие?

— Я нашел покупателей на этих симов. Нашел тех, кто согласен их раскрутить, покрыть все расходы, включая преимущественное право на распространение. Они собираются использовать их в коммерческих целях.

— Но — кто? — в один голос спросили Гэри и Дорс.

— «Технокомпания»! — заявил Юго, донельзя довольный собой.

Как видно, Гэри это название не говорило ровным счетом ничего. А Дорс нахмурила брови, словно копаясь в далеких закоулках памяти, и спустя некоторое время сказала:

— Эта фирма занимается разнообразными компьютерными системами.

— Правильно. Одна из лучших. Они хотят запустить в продажу старые симы в качестве развлекательных программ.

— Никогда о них не слышал, — признался Гэри. Юго в удивлении потряс головой.

— Ну, ты даешь, Гэри! А тебе не мешало бы

следить за событиями.

— А я и не пытаюсь. Я предпочитаю их предвидеть.

— Мне не нравится идея привлечь к работе посторонних, — сказала Дорс. — И, кстати, Юго, что ты там говорил про оплату всего этого удовольствия?

Юго просиял.

— Они оплачивают лицензионные права. А я все это устроил.

— Мы сможем как-нибудь повлиять на то, как они распорядятся симами? — продолжала расспросы Дорс.

— А зачем? — оправдывался Юго. — Они все равно станут использовать симов исключительно для рекламных роликов или еще чего-то в том же духе. Подумай сама, какой толк может быть от симов, которых вряд ли кто сможет хотя бы понять!

— Мне это не нравится. Не говоря уже о коммерческой стороне дела… даже просто вернуть к жизни старинные симуляторы — очень рискованно. Откровенное и явное нарушение закона…

— Эй, послушай, все это в прошлом! Народ спокойно воспринимает тех же тиктаков, а они век от века становятся все разумнее.

Тиктаки — разумные машины с крайне низкими умственными способностями. За тем, чтобы мыслительные способности тиктаков не превышали уровня, определенного древними Законами Кодирования, следили строго и неукоснительно. Гэри всегда подозревал, что эти Законы создали древние, настоящие роботы, чтобы царство искусственного интеллекта не могло породить слишком специализированные, непредсказуемые образцы.

Настоящие роботы, такие, как, к примеру, Р. Дэниел Оливо, всегда оставались отстраненными, рассудительными и предусмотрительными. Но в условиях нарастания напряженности буквально во всех уголках Империи традиционные кибернетические методы перестали срабатывать. Как, впрочем, и все остальное.

Дорс перестала расхаживать по кабинету.

— Я — против. Мы должны прекратить — пока не поздно. Юго поднялся, встал напротив нее.

— Ты же сама помогла мне отыскать этих симов! А теперь ты…

— Сперва я не придала этому должного внимания, — она говорила твердо и решительно.

Гэри раздумывал — почему она принимает это так близко к сердцу? Что-то крылось за ее беспо-

койством, только что? Он спокойно сказал:

— Я не вижу причины отказываться от реального продвижения в одной из боковых ветвей нашего исследования. И нам действительно необходима более мощная компьютерная база.

У Дорс даже губы задрожали от возмущения, но она ничего не сказала. Гэри никак не мог понять, почему она так решительно настроена против симов.

— Ты обычно не слишком-то обращаешь внимание на условности и приличия, — добавил он.

Дорс язвительно заметила:

— Обычно ты не бываешь кандидатом в премьер-министры.

— Я не допущу, чтобы это как-то повредило нашим исследованиям, — решительно сказал Гэри. — Понятно?

Дорс молча кивнула. Гэри вдруг показалось, что он ведет себя, как самодур и тиран. Что ж, у людей, которые одновременно и сотрудники, и любовники, неизбежно возникают подобные недоразумения. Обычно Гэри и Дорс успешно обходили подводные камни. Почему же на этот раз она так неуступчива?

Все трое снова взялись за психоисторию, но вскоре Дорс напомнила, что Гэри предстоит еще

одна деловая встреча.

— Она из моего исторического отдела. Я просила ее просмотреть тенденции в тренторианских закономерностях за последние десять тысячелетий.

— О, хорошо. Спасибо. Пригласи ее, пожалуй.

Сильвин Торанакс оказалась сногсшибательно красивой молодой девушкой. Она вошла с целым ящиком старинных информационных пирамидок.

— Я отыскала это в библиотеке чуть ли не на противоположной стороне планеты, — объяснила она.

Гэри взял одну пирамидку.

— Никогда таких не видел! Они все в пыли…

— Представляете, на некоторых нет даже библиотечных номеров! Я попыталась раскодировать несколько штук, на пробу, и они все оказались вполне читабельными, целыми. Нужна только матрица-переводчик.

— Хм-м-м… А мы можем прочитать что-нибудь прямо сейчас? — спросил Гэри. Ему всегда нравился таинственный привкус старинных технологий, оставшихся от давно ушедших простых культур.

Девушка кивнула.

— Я знаю, как действуют селдоновские уравнения приведения. Надо произвести математическое сравнение и вычислить необходимые коэффициенты.

.Гэри недовольно скривил губы.

— Это не мои уравнения. Это результат работы многих исследователей…

— Ну да, ну да, господин академик. Все прекрасно знают, что это вы придумали и объяснили, как их построить.

Гэри нахмурился — его раздражало такое отношение, — но мадемуазель Торанакс принялась рассказывать, как работают пирамидки, и Юго с живым интересом включился в обсуждение. Не стоит зацикливаться на обидах. Вскоре Юго и девушка ушли, и Гэри смог заняться привычной академической работой.

На головидео высветился его сегодняшний распорядок дня:

Связаться с теми, кто будет выступать на Симпозиуме; уговорить недовольных;

Набросать список кандидатов в Советники Императора;

Прочитать студентам тезисы — но прежде проверить их и пропустить через программу логического отсеивания.

Он записывал только самые важные дела. И потому, лишь когда в его кабинет лично явился директор-канцлер Университета, Гэри вспомнил, что обещал еще выступить с лекцией. Канцлер тонко, чуть насмешливо улыбался поджатыми губами, во взгляде его светились осторожность и ум прирожденного ученого.

— Вы… переоденетесь? — с намеком спросил он.

Гэри быстренько достал из платяного шкафа, вделанного в стену кабинета, просторную профессорскую мантию с пышными рукавами, и переоделся в смежной комнате. Секретарша вручила ему многофункциональный голокуб, и все вместе спешно покинули кабинет. Гэри и директор пересекли университетскую площадь, гвардейцы-охранники, не скрываясь, вышагивали впереди и сзади. Вокруг тотчас же собралась толпа прилично одетых людей с трехмерными видеокамерами, они снимали Селдона с директором в окружении имперских гвардейцев, стараясь взять панораму пошире, чтобы показать во всей красе желто-голубые переплетающиеся символы Стрилингского Университета.

— Вы получали какие-нибудь известия от Ламерка?

— Что вы скажете по поводу далити?

— Как вы относитесь к новому главе администрации сектора? Ваше мнение о том, что он — трисексуал?

— Что вы думаете о последних медицинских сводках? Введет ли Император обязательные физические упражнения для тренториан?

— Не будем обращать на них внимания, — сказал Гэри канцлеру.

Тот улыбнулся и помахал рукой репортерам. — Они всего лишь выполняют свою работу.

— А что там было про физические упражнения? — спросил Гэри.

— Последние исследования показали, что электростимуляция во время сна не так хороша для развития мускулатуры, как старые добрые физические упражнения.

— Ничего удивительного, — заметил Гэри. В детстве он работал на полях, и ему никогда не нравилась идея пахать еще и во время сна.

Толпа репортеров сжималась все теснее, они непрерывно выкрикивали вопросы.

— Как отнесся Император к вашей беседе с Ламерком?

— Правда ли, что ваша жена не хочет, чтобы вы становились премьер-министром?

— А что Димерцел? Где он сейчас?

— Что вы скажете о межзональных конфликтах? Согласится ли Император пойти на компромисс?

Одна женщина-репортер прорвалась совсем близко.

— Как вы лично занимаетесь физическими упражнениями? Гэри сдержанно улыбнулся и ответил:

— Умеренно.

Вряд ли до репортерши дошла скрытая шутка — она смотрела на Гэри совершенно непонимающим взглядом.

Когда они вошли в Большой Зал, Гэри вовремя вспомнил о голокубе и передал его секретарю-организатору: несколько трехмерных иллюстраций всегда помогали оживить обсуждение.

— Как много народу, — заметил Гэри, обращаясь к директору, когда они прошли наверх, в ложу докладчиков, и заняли свои места.

— Посещение таких лекций обязательно. Все слушатели Университета сейчас должны быть здесь. — Канцлер окинул взглядом переполненный, гудящий зал. — Надеюсь, мы неплохо здесь смотримся — для тех репортеров, что снаружи.

Гэри лукаво улыбнулся.

— Интересно, как вам удается добиться такой посещаемости?

— За каждым студентом закреплено личное кресло. Когда они занимают свои места, их присутствие автоматически отмечают — если личный код соответствует номеру места.

— Столько хлопот — и только для того, чтобы заставить людей ходить на лекции…

— Это их обязанность! К тому же все делается исключительно ради их собственной пользы. И нашей.

— Они же взрослые люди — иначе кто бы разрешил им изучать такие сложные науки? Пусть они сами решают, что для них лучше.

Директор плотно сжал губы и приступил к церемонии открытия. Он представил Гэри, тот поднялся. Лекцию Селдон начал так:

— Сейчас, когда всех официально пересчитали, я хочу поблагодарить вас за то, что вы пришли меня послушать, и объявляю, что на этом моя лекция официально закончена.

По рядам прокатился шепот удивления. Гэри окинул взглядом зал и выждал, пока шум уляжется. А потом спокойно продолжил:

— Я не люблю выступать перед теми, у кого нет иного выбора, кроме как слушать меня. Сейчас я

сяду, и те, кому не интересна моя лекция, могут с чистой совестью удалиться.

Он сел. Аудитория бушевала. Несколько человек поднялись и направились к выходу. Их буквально освистали те, кто остался. Тогда Гэри встал и еще раз настойчиво повторил, что все, кто хочет уйти, свободны.

А потом начал лекцию — не перед полным залом, зато теперь он говорил только для тех, кого по-настоящему волновало… будущее математики. Он говорил о вечном. Не о катящейся к закату Империи, а о бесконечной, полной тайн и загадок прекрасной науке — математике.

Глава 8

Женщина из Министерства Культуры говорила, глядя себе на кончик носа:

— Ваша группа, конечно же, непременно должна с нами сотрудничать.

Гэри недоверчиво покачал головой.

— Но… с какой стати?

Она одернула форменную одежду и заерзала в гостевом кресле кабинета Гэри Селдона.

— Это программа первоочередной важности. Все математики просто обязаны подчиняться Благим Заветам.

— Мы совершенно не приспособлены для того, чтобы войти в состав…

— Мне понятны ваши сомнения. Однако мы в Министерстве полагаем, что именно эта чувственная симфония — то, чего недостает, чтобы э-э-э… оживить вид искусства, который пока переживает нечто вроде застоя.

— Я так не считаю.

Женщина из Министерства откровенно возмутилась и заулыбалась неестественной, натянутой улыбкой.

— В нашем представлении этот новый вид чув-

ственной симфонии, для которого математики — все равно что художники, сможет преобразить саму основу мышления, точно так же, как концепция Эвклида или бесконечный ряд теоретических подделок. Ее нужно преломить сквозь художественное мироощущение, некий особый фильтр…

— Какой именно?

— Компьютерный фильтр, который отбирает самое важное, концептуальное в широчайшем ряду чувственных ощущений.

Гэри вздохнул.

— Понимаю.

Эта дама облечена властью, и ему придется ее выслушать. Его исследования в области психоистории строго засекречены, и он может заниматься психоисторией исключительно благодаря милости Императора. Но Математическое Отделение Университета не имеет права игнорировать Благие Заветы и их последователей вроде вот этой дамочки, что явилась в его кабинет. От благотворительности так просто не отмахнешься. Увы.

Исследовательские институты вовсе не были тихими пристанищами чистого пытливого разума — любое дело в них было непримири-

мым соперничеством, борьбой за первенство, бесконечным тяжелым марафоном. Ученые, исследователи — все они проводили долгие часы в напряженных трудах, у большинства были проблемы со здоровьем, неустроенная семейная жизнь и — как результат — высокие выплаты по бракоразводным контрактам. Мало у кого были дети… Ученые чуть ли не зубами выгрызали каждый новый результат, жили в бесконечной погоне за новыми публикациями в научных журналах, жертвовали всем, чтобы увеличить количество печатных работ, а следовательно — и свой вес в ученом мире. Все что угодно — лишь бы толще становилась кипа листов, подписанных их именем.

Чтобы получить одобрение Имперской администрации, нужно было соблюсти кучу формальностей. Это называлось «наполнить содержанием внешнюю форму». Гэри прекрасно знал невообразимую путаницу перекрестных вопросов, на которые приходилось отвечать ученому, прежде чем браться за разработки. Нужно было предоставить администрации подробные тезисы и анализ вида и «содержания» научных разработок. Представить доказательства необходимости исследования, показать практические

выгоды от его результатов, обосновать научную новизну и полезность… Объяснить, почему для научной работы нужны именно такие лабораторное оборудование и компьютерное обеспечение, и можно ли обойтись уже имеющимися в наличии ресурсами, если их как-то подновить или переоборудовать… Да еще и осветить философское значение предполагаемой научной работы.

Пирамида власти в научном мире гарантировала, что на долю самых заслуженных и именитых ученых, как правило, приходилось наименьшее количество новых научных разработок. Вместо этого они занимались организационными вопросами и играли в бесконечные игры — в благотворительность. А «Серые» неукоснительно следили за тем, чтобы ни одна разработка не осталась непроверенной. В результате примерно десятая часть «благотворительных» заявок получала гранты на разработку из государственных фондов, и, как правило, только после двух-трехлетней задержки, а выделенной суммы чаще всего не хватало и на половину запланированных работ.

Самое скверное, что, кроме этих несусветных предварительных формальностей, существовала еще и специальная премия тому, кто докажет

необоснованность выдачи гранта на любую из заявленных разработок. И потому, чтобы заявка прошла наверняка, ученым приходилось выполнять большую часть работы прежде, чем писать заявку на выделение гранта. Так они подстраховывались от возможных «дыр», которые смогут найти рецензенты в заявленной разработке, старались заранее отсечь боковые, неперспективные ответвления в будущем исследовании.

В результате все исследования, одобренные администрацией, оказывались в основном хорошо продуманными заранее, и результат их был вполне предсказуем. И, казалось, никто даже не замечал, что при таком подходе уничтожается самое главное и ценное для настоящего ученого-исследователя — непередаваемый восторг от постижения неведомого.

— Я… побеседую с коллегами из моего Отделения, — сказал Гэри, и подумал: «Правдивее было бы сказать — прикажу им сделать это. Но любой имеет право хотя бы пытаться быть вежливым».

Едва дама из Министерства покинула кабинет, ворвались Дорс и Юго.

— Я не стану с этим работать! — сверкая глазами, выкрикнула Дорс.

Гэри изучил два массивных блока, которые

казались высеченными из камня. Правда, они, наверное, были не слишком тяжелыми — Юго легко держал оба блока на раскрытых ладонях.

— Это те самые симы? — спросил Гэри.

— В ферритовых корпусах, — с достоинством пояснил Юго. — Их раскопали в куче хлама на планете Сарк.

— Это там проповедуют так называемое Новое Возрождение?

— Ага, они там все вконец свихнутые. Но я оттягал у них симы — вот так-то. Их только что доставили с почтой, на скачковом экспрессе. Дамочка, что мне их сдала, — зовут ее Бута Фирникс — так вот, она хочет с тобой поговорить.

— Я же сказал, чтобы ты меня не впутывал!

— Такой был уговор — беседа с тобой тет-а-тет. Гэри встревожился.

— Она что, ради этого приехала аж сюда?

— Да нет, что ты! Но они оплатили прямой канал для разговора. Она как раз на линии, ждет. Я ее соединил — а тебе осталось только подключиться к монитору.

У Гэри возникло ощущение, что его только что втянули в рискованную авантюру, которая здорово расходилась с его обычной осторожностью. Канал прямой связи с Трентором стоил

невообразимо дорого, потому что пространственно-временные тоннели центра Империи были до невозможности перегружены. И тратить огромную сумму для простой приватной беседы казалось Гэри верхом мотовства. И если эта дамочка Фирникс выкладывает такие деньги всего лишь за то, чтобы поболтать ни о чем с обычным математиком…

«Господи, избавь меня от сумасшедших фанатиков…» — подумал Гэри и сказал:

— Ладно, я поговорю с ней.

Бута Фирникс оказалась высокой ясноглазой женщиной. На ее губах расцвела искренняя улыбка, едва трехмерное головидео спроецировало изображение в кабинет Селдона.

— Профессор Селдон! Я счастлива, что ваши сотрудники проявляют живой интерес к нашему Новому Возрождению.

— Я полагаю, разговор связан со старинными симулятора-ми, — впервые в жизни Гэри был донельзя рад неизбежной двухсекундной задержке при трансляции. От Трентора до ближайшего входа в пространственно-временной тоннель было около одной световой секунды, и, очевидно, от Сарка — столько же.

— О, конечно! Мы обнаружили настоящие

древние архивы. И вы сами убедитесь, что наше прогрессивное движение способно пробиться сквозь устаревшие запреты и барьеры на пути к развитию.

— Я лишь надеюсь, что исследование даст интересные результаты, — вежливо заметил Гэри. И как он мог допустить, чтобы Юго втравил его в такое?

— У вас глаза полезут на лоб, доктор Селдон! — Бута Фирникс отступила в сторону, и голопроектор передал изображение огромного склада, заполненного сваленными в беспорядке старинными информационными керамическими блоками. — Это поможет нам сорвать все покровы с древних тайн доимперского периода истории и легендарной Земли — тайны тайн!

— Я… э-э-э… я счастлив буду ознакомиться с результатами ваших исследований.

— Вы непременно должны приехать сюда лично и посмотреть на все своими глазами! Для такого ученого-математика, как вы, это просто уникальное поле деятельности. Наше Возрождение — тот прогрессивный шаг вперед, который так нужен молодым, полным сил планетам. Пообещайте, что вы посетите наш мир — с официальным визитом! Можем ли мы на это

рассчитывать?

Никаких сомнений, женщина хочет заинтересовать будущего премьер-министра Империи. Осознав это, Гэри постарался как можно решительнее от нее отделаться.

Выждав, когда ее изображение погаснет в воздухе, Гэри наградил Юго свирепым взглядом.

— Эй, Гэри, послушай! Я заключил для нас очень выгодную сделку, потому и позволил ей чуточку поторговаться с тобой, а? — оправдывался Юго, примирительно разводя руками.

— А это не такая уж мелочь, как может показаться, не считаешь? — спросил Гэри, хмурясь. Потом он протянул руку и осторожно дотронулся до ферритового блока. Блок оказался на удивление прохладным. Внутри оболочки угадывался таинственный темный лабиринт пространственной решетки и неверные отблески отраженного от незаметных граней света, похожие на путаницу скоростных магистралей большого города в ночной темноте.

— Конечно, ты можешь поручить кое-кому из далити разобраться с этим вопросом… — с уверенной и лукавой улыбкой сказал Юго.

Гэри усмехнулся.

— Не думаю, что мне стоит знать подробно-

сти…

— Ты не должен ничего такого знать — как премьер-министр! — решительно сказала Дорс.

— Я — не премьер-министр!

— Но можешь им стать — и очень скоро! Эта возня с симуляторами — слишком опасная авантюра! А ты еще и разговаривал по прямому каналу с Сарком! Ужасно неосмотрительно! Я категорически отказываюсь работать с симами!

Юго сказал как можно мягче:

— Но никто тебя и не заставляет.

Гэри провел ладонью по прохладной, гладкой поверхности ферритового блока, взвесил в руке — он и вправду оказался довольно легким — и взял у Юго оба блока. Положил на стол.

— Насколько они древние? Юго ответил:

— Саркиане говорили, что толком не знают, но на самом деле этим штукам не меньше…

Дорс внезапно бросилась вперед, схватила в каждую руку по блоку, мгновенно развернулась лицом к дальней стене и изо всех сил ударила блоки один о другой. Раздался взрыв. Обломки феррита разлетелись во все стороны, но большей частью попали в стену и не причинили существенного вреда. Мелкие осколки и ферритовая пыль запорошили Гэри лицо.

Дорс приняла на себя всю энергию взрыва, вырвавшуюся из ферритовых оболочек, когда были разрушены структуры внутренних лабиринтов.

В кабинете повисла зловещая тишина. Дорс повернулась к Гэри и Юго и выпрямилась, упрямо вздернув подбородок. Она с ног до головы была покрыта серой ферритовой пылью, из пораненных ладоней и царапины на щеке текла кровь.

— Я обязана заботиться о твоей безопасности, — твердо сказала Дорс, глядя Гэри в глаза.

Юго, медленно подбирая слова, проговорил:

— Да уж, ты доказала это очень… впечатляюще.

— Я должна была защитить тебя от потенциальной угрозы…

— И поэтому ты уничтожила древние артефакты? — резко спросил Гэри.

— Практически без разрушений. Ты не подвергался никакому риску. И я действительно считаю, что эта авантюра с Сарком…

— Да знаю я, знаю… — Гэри примирительно поднял руки раскрытыми ладонями вперед.

Вчера вечером, когда Гэри вернулся после своего нашумевшего выступления на приеме, у Дорс внезапно испортилось настроение, она стала мрачной и задумчивой. Постель их тоже

походила скорее на ледяное поле битвы, чем на ложе нежных супругов, — а Дорс так и не призналась, что ее так раздражает и тревожит. Гэри догадывался, из-за чего Дорс не находит себе покоя, однако он и предположить не мог, что ее беспокойство зашло так далеко.

«Семейная жизнь — это путешествие по неизведанным землям, которым нет конца», — со вздохом подумал Гэри.

— Мне придется внести поправки в определение риска, — сказал он Дорс, глядя на разгром, который она учинила в его кабинете. — Ты будешь защищать меня только тогда, когда дело касается очевидной физической опасности. Повторяю: физической. Понятно?

— Я должна полагаться на собственное суждение…

— Нет! Исследуя эти саркианские симуляторы, мы могли получить бесценные сведения об очень древних, практически не изученных, неизвестных временах. Это могло как-то сказаться на психоистории.

Гэри задумался: не получила ли она этот приказ от Оливо? Ну почему эти роботы так упорно навязывают свою заботу?

— Когда ты непосредственно подвергаешься

опасности…

— Оставь, пожалуйста, право решать, что делать, — и психоисторию — мне!

Дорс вдруг быстро-быстро заморгала, прикусила губу, потом открыла было рот… но ничего не сказала, только молча кивнула. Гэри тяжело вздохнул.

Тут в кабинет ворвался секретарь Гэри и гвардейцы-охранники, и неловкая пауза потонула в потоке беспорядочных объяснений. Глядя прямо в глаза капитану гвардейцев, Гэри без малейших угрызений совести сообщил, что ферритовые блоки каким-то образом упали один на другой, и удар, вероятно, пришелся на скрытый дефект конструкции или слабое место защитных оболочек.

Гэри говорил уверенно, менторским тоном, который прекрасно освоил за долгие годы преподавания, и вкладывал в слова весь свой профессорский авторитет. Он объяснил, что эти оболочки — весьма тонкие структуры, которые сдерживают высокое напряжение заключенных в них множественных микроскопических блоков информации.

К счастью, капитан только глянул на него, потом — на разгромленную комнату, и сказал:

— Я не должен был допустить, чтобы здесь

находились старинные технические приборы, которые могут взрываться.

— В этом нет вашей вины, — успокоил его Гэри. — Это я велел принести их.

Было бы сказано еще немало слов, и не только слов, но в это мгновение раздался звонок вызова головидеофона. Появилось изображение личного секретаря Императора, и прежде чем женщина успела что-то сказать, Гэри хлопнул рукой по кнопке фильтра учтивости. Разгромленный кабинет Император не увидит. Почти сразу из облака белого тумана появилось изображение Клеона.

— У меня плохие новости, — без всякого предисловия, даже не поздоровавшись, начал Император.

— Печально слышать, — сдержанно ответил Гэри.

Он включил стандартное оформление передаваемой картинки — чтобы Клеон не заметил ферритовую пыль, облепившую Гэри с ног до головы. Вокруг голограммы засветилась красная рамка — значит, перед Клеоном выступал сейчас степенный и солидный профессор Селдон, выражение лица и жесты которого повторяли настоящего Гэри.

— Верховный Совет плотно застрял на обсуж-

дении вопроса о представительстве, — Клеон в раздражении пожевал губы. — И пока они с этим не разберутся, ни о каком назначении премьер-министра не может быть и речи.

— Понятно. А… о каком представительстве идет речь? Клеон от удивления даже моргнул.

— Вы что, не в курсе?

— Накопилось так много работы по Университету… Клеон легкомысленно пожал плечами.

— Конечно, конечно, вам надо все подготовить, прежде чем сдать университетские дела. Ну, быстро ничего не делается, так что можете пока не спешить. Далити подняли на дыбы Малый Галактический Совет. Они требуют больше голосов — на Тренторе и на всей этой чертовой спирали! А Ламерк выступил против них в Верховном Совете. Пока никто ни на что не раскачался.

— Ясно.

— Так что нам придется подождать, пока Верховный Совет сможет заняться чем-то другим. Процедурные вопросы о представительстве имеют приоритет даже перед назначением премьер-министра.

— Да, конечно.

— Чертовы законы! — взорвался Клеон. — Я должен иметь право получить то, что мне нужно!

— Совершенно с вами согласен, — сказал Гэри, а сам подумал: «Только пусть это буду не я».

— Ну, утешьтесь хотя бы тем, что услышали новость от меня лично.

— Я высоко ценю ваше доверие, сир.

— Я хочу кое-что обсудить с вами, это касается психоистории. Я сейчас занят, но — мы скоро увидимся.

— Да, сир.

Клеон оборвал связь, даже не попрощавшись. Гэри с облегчением вздохнул. И радостно выкрикнул, вскинув руки над головой:

— Я свободен!

Имперские гвардейцы уставились на него в недоумении. Гэри сразу опомнился и снова увидел свой стол, и полки, и стены — испещренные пятнами черной ферритовой пыли. И все равно любимый кабинет был для него настоящим раем по сравнению с чужой роскошью и великолепием Императорского Дворца.

Глава 9

— Прогулка!.. Это прекрасная идея, хотя бы потому, что можно на время выбраться из Университета, — сказал Юго.

— И то правда, — согласился Гэри.

Они вошли на станцию гравиподъемника в сопровождении непременных гвардейцев, которые старательно делали вид, что прогуливаются тут совершенно случайно. Гэри подумал, что они так же незаметны, как пауки на тарелке с едой.

Если бы они остались на территории Стрилинга, до Гэри могли добраться члены Верховного Совета; представители прессы тоже были вполне способны прорваться в Отделение Математики, и, наконец, по кабинетному головидеофону к нему в любое мгновение мог нагрянуть Клеон. А во время прогулки ничего такого не случится.

— Следующая платформа будет через две с половиной минуты, — сообщил Юго, воспользовавшись встроенным в сетчатку датчиком — для этого ему надо было только скосить глаза резко влево. Гэри не нравились подобные технические устройства, но они и в самом деле облегчали жизнь — например, когда надо прочитать что-

то на расстоянии, а руки заняты, — как на этот раз Юго прочитал расписание движения платформ. В руках у Юго были две тяжелые сумки. Когда Гэри предложил помочь их донести, Юго отказался, сказав, что в сумках — «семейные драгоценности», которые требуют крайне бережного обращения.

Не замедляя шага, они прошли через оптический контрольный пост, который автоматически указал им места, взял плату за проезд и отрегулировал мощность платформы в соответствии с возросшей массой. Гэри был немного рассеян, задумавшись о каких-то отвлеченных математических идеях, а потому резкий рывок гравиплатформы вниз оказался для него неожиданностью.

— О-о-оп! — вскрикнул он, вцепляясь в подлокотники кресла. Внезапное свободное падение кого угодно выведет даже из глубочайшей медитации. Гэри задумался было, как давно выработался у человека этот защитный инстинкт, но вскоре отвлекся на Юго, который увлеченно расписывал далитанский район, где они собирались пообедать.

— Ты раздумывал о политических проблемах?

— О представительстве, хочешь сказать? Мне нет никакого дела до междоусобной грызни, до

всяческих фракций, партий и тому подобного. И как математик я не могу постичь смысл этой головоломки.

— А мне — так все совершенно ясно, — сказал Юго с легким, но отчетливо заметным раздражением в голосе. — Далити слишком долго оставались не у дел, не получали того, что причитается им по праву.

— Потому что у них право голоса только по одному сектору?

— Да! А нас в одном только Дали — четыреста миллионов!

— А в других местах — гораздо больше?..

— Чертовски верно сказано! В среднем по Трентору далити представлены в правительстве только на ноль целых шестьдесят восемь сотых по сравнению со всеми прочими.

— А если рассчитывать по всей Галактике…

— Выходит та же самая чертовщина! Да, конечно, у нас есть своя собственная Зона, но мы отрезаны от всего, кроме Малого Совета.

Едва речь заходила о дискриминации Дали, Юго моментально превращался из приятного и веселого спутника в мрачного жалобщика и спорщика. А Гэри не хотелось, чтобы прогулка прошла в спорах и пререканиях.

— Со статистикой нужно обращаться очень осторожно, Юго, — сказал он. — Вспомни хотя бы классическую шутку о трех статистиках, которые охотились на уток.

— Что за шутка? И что за охота?

— Утки — это водоплавающие птицы, они водятся на некоторых планетах. Так вот, на охоте один статистик выстрелил — и попал на метр выше утки. Второй выстрелил — и попал на метр ниже. А третий радостно заорал: «Мы в нее попали!»

Юго рассмеялся, но не слишком искренне. А Гэри старался следовать совету Дорс — обходиться с людьми, больше полагаясь на юмор, чем на логику и убеждение. По словам Императора, после достопамятного разговора с Ламерком общественное мнение и даже Верховный Совет склонились на сторону Селдона.

Но сама Дорс, как видно, была невосприимчива ни к шуткам, ни к логике. После ее выходки с ферритовыми блоками в семейных отношениях появилась заметная напряженность. Именно поэтому Гэри так охотно принял предложение Юго провести день за пределами Университета. Дорс не могла пойти с ними, потому что у нее в этот день было еще два занятия со студентами.

Она поворчала, конечно, но все же согласилась, что имперские гвардейцы в случае чего сумеют защитить Гэри от опасности. Если, конечно, он не вздумает вытворить какую-нибудь «глупость».

А Юго не унимался:

— Ну, ладно. Но согласись, что законодательство — тоже против нас.

— На сегодня Дали — самый крупный сектор. Подожди немного — и увидишь, что со временем все наладится.

— Ничего не выйдет! Нас со всех сторон ограничивают запретами.

Гэри терпеть не мог логики политических требований, которые всегда, так или иначе, замыкались в круг, — а потому он попытался воззвать к математической стороне натуры Юго.

— Все законодательные процедуры крайне уязвимы в вопросах контроля над запретами — разве не так? Предположим, в суде заседает одиннадцать присяжных. В таком случае объединенная группа из шести человек получает полный контроль над практически всеми решениями суда. Эти шестеро могут тайно встретиться и договориться о совместных действиях — так, чтобы решения соответствовали пожеланиям каждого из них, шестерых. А потом они выступят

как единый блок, и их мнение автоматически станет мнением всех одиннадцати судей.

Юго в раздражении скривил губы.

— Одиннадцать судей Верховного Трибунала — ты их имеешь в виду?

— Вовсе не обязательно. Это общая закономерность. Она соблюдается и при меньшем числе выборки. К примеру, предположим, что четверо членов Верховного Трибунала тайно встретились и уговорились действовать заодно. Так вот, эти четверо могут выступить как единый блок в обычном «заговоре шестерых» — и опять-таки этот блок определит решение всех одиннадцати.

— Проклятье! Дело куда хуже, чем я думал! — мрачно сказал Юго.

— Я считаю, что любое ограниченное число представителей власти в принципе подвержено коррупции. Это общая закономерность, которая соблюдается при любом представительстве.

Юго кивнул и принялся, к огромному неудовольствию Гэри, перечислять обиды и унижения, которые пришлось претерпеть далити от высоких чинов в Трибунале, в обоих Советах — Верховном и Малом, в Совете Директоров…

Нескончаемые и неизбежные издержки любой руководящей должности. Выслушивать все —

скука смертная!

Гэри заметил, что его собственный образ мыслей гораздо живее лихорадочных подсчетов Юго, но при этом и гораздо спокойнее коварного интриганства Ламерка. И как, интересно, можно надеяться, что он, Селдон, справится с работой премьер-министра? Неужели Император этого не понимает?

Гэри придал лицу привычное выражение вежливого интереса, а сам полностью отдался созерцанию стенных экранов. Их платформа все еще неслась вниз по величественному изгибу гравитационного тоннеля.

Эта часть тоннеля как нельзя лучше соответствовала своему названию. Собственно, большая часть дальних маршрутов на Тренторе проходила не на поверхности планеты, а в ее толще. Гравиплатформа стремительно летела вперед и вниз, исключительно под действием гравитации, а магнитные поля примерно в палец толщиной удерживали платформу от столкновения со стенами тоннеля. Они падали в вакууме, в кромешной темноте, поэтому в стенах платформы не было никаких окон. А видеоизображения на стенных экранах успокаивали любые страхи, которые могло вызвать падение.

Высокоразвитые технологии — тщательно отрегулированные, простые в применении и обслуживании, надежные. Если можно так сказать — классические: результат так же предсказуем, как, например, удар молотка, и так же очевиден, как, скажем, трехмерное видео. Пользователи обучены применению этих технологий, технологии отработаны до тонкостей.

Мимо промелькнул лесной массив. На Тренторе многие жили в окружении лесов, гор и облаков, как давным-давно жили все люди. Только эти леса и горы были не настоящие. Гэри вдруг подумалось: «Да мы же сейчас — самые настоящие дикари!» Люди опутали Трентор лабиринтом подземных тоннелей — а всякому, кто путешествует по этим тоннелям, кажется, что он гуляет в парке. Технологии вступают в дело только тогда, когда возникает нужда в грубой силе, — и к ним обращаются, словно к волшебным духам.

— Слушай, ничего, если я отключу эту ерунду? — Вопрос Юго пробился сквозь призрачную дымку раздумий, окутавшую Гэри.

— Ты о деревьях?

— Ну да, панораму отключу, а?

Гэри кивнул, Юго без малейшего сожаления — скорее наоборот — щелкнул выключателем, и

видеоэкраны погасли. Большинство тренториан испытывали страх перед большими открытыми пространствами, настолько сильный, что они чувствовали себя неуютно, даже просто видя изображение открытых просторов.

Но вот платформа достигла нужного уровня, падение закончилось, и они начали подниматься наверх. Возросшая сила тяжести вдавила Гэри в кресло, которое мягко спружинило, выравнивая давление. Гэри знал, что платформа движется с огромной скоростью, но внутри это никак не ощущалось. Легкие колебания электромагнитного поля незаметно для пассажиров сглаживали ускорение. На это расходовалось некоторое количество энергии, но в целом путешествия по гравитоннелям были очень экономичны: электромагнитные поля подпитывались энергией гравитации при спуске платформ, и эта же энергия расходовалась при подъеме.

Пока платформа двигалась по Кармондианскому сектору, имперские гвардейцы придвинулись ближе к Селдону. Этот район был далеко не такой престижный, как Стрилинг. Обшивки зданий здесь почти не было, экраны заполняло изображение внутренних структур: петли и жгуты опорных канатов, воздушные перегородки, па-

рящие в воздухе корпуса работающих волокон — мышечных и металлических. Но на фоне этой индустриальной картины бушевали беспокойные толпы: люди толкались, распихивали друг друга локтями, раздраженно отмахивались друг от друга; людской водоворот бурлил, словно яростный морской прибой.

По главной улице района сплошным потоком катились велосипедисты, тащившие за собой прицепы с грузами. Узкие велотележки, почти прижимающиеся друг к другу на дороге, были битком набиты всякими покупками — продуктами, разнообразными коробками, громоздкими вещами. А на пешеходных дорожках теснились суетливые, спешащие по своим делам местные жители. Вдоль дороги расположилось бесчисленное множество крошечных ресторанчиков — просто кухоньки, окруженные легкими столиками и стульчиками. Ресторанчики размещались где попало, зачастую прямо на пешеходной части улицы. Там же, на улице, работали и цирюльники, а пока они обрабатывали, так сказать, верхнюю часть клиента, многочисленные нищие попрошайки терлись в ногах у клиентов в надежде на подаяние.

— Как тут… шумно, — дипломатично заметил

Гэри, когда до них донеслись пряные запахи далитанской стряпни.

— Ага! Тебе что, не нравится?

— Признаться, я был уверен, что попрошайничество и торговля на улицах запрещены указом предыдущего Императора.

— Точно! — Юго усмехнулся. — Только с далити такие фокусы не проходят. Чтоб ты знал, наши люди уже сейчас составляют большую часть населения этого сектора. Пойдем, мне охота малость перекусить.

Было еще рано, но они пообедали в маленьком ресторанчике, где ели стоя, а в зале витали умопомрачительные ароматы готовящейся пищи. Гэри попробовал «бомбер», который проскользнул ему в глотку и взорвался облаком терпкого и резкого вкуса, происхождение которого Гэри так и не смог определить. После того, как обжигающая острота блюда перестала ощущаться, во рту еще долго сохранялся особенный горько-сладкий привкус. Гвардейцы-охранники изводились от беспокойства и явно чувствовали себя не в своей тарелке, стоя кольцом вокруг ресторанчика, прямо на улице, посреди раздражительной, суетливой толпы. Имперские гвардейцы привыкли к более изысканному окружению.

— Да, тут и впрямь жизнь бьет ключом, — заметил Юго. Он снова вел себя, как в те дни, когда был простым рабочим, и не стеснялся говорить с набитым едой ртом.

— У далити просто дар захватывать чужие территории, — осторожно заметил Гэри.

Из-за высокого уровня рождаемости далити быстро распространялись по другим секторам, а поскольку они всегда поддерживали связь с сородичами, то и на новых местах вели ту же беспокойную, хлопотливую жизнь, что и в Дали. Гэри нравилось трудолюбие и жизнерадостность далити, их неуемная энергия это напоминало ему о жизни в немногочисленных, маленьких городках на его родном Геликоне.

Гэри Селдон представлял себе внутреннюю структуру Трен-тора как отражение всей Империи в целом. Он сумел построить эту модель, полагаясь в основном на природную мудрость, научиться которой невозможно. К примеру, большинство экономистов рассматривали деньги просто как вид собственности неколебимую основу, от которой напрямую зависело влияние и вес в обществе. Но, на его взгляд, деньги были очень переменчивой величиной: они очень быстро просачивались сквозь все возможные

дыры, мгновенно переходили из рук в руки сразу же по заключении сделки. Имперские аналитики делали большую ошибку, не учитывая при статистических подсчетах эту изменчивость денег.

Когда с едой было покончено, Юго потащил Гэри гулять по пешеходной части улицы. Они влились в поток прохожих и сразу же попали в водоворот звуков, запахов и напористой энергии. Ни о каком регулировании движения здесь не было и речи. Вместо того чтобы четко распределить улицы по направлению пассажире-и грузопотоков, в этом квартале все шли и ехали, куда кому вздумается. Улицы пересекались под разными углами, поворачивали в самых неожиданных местах, иногда на перекрестках сливались сразу по несколько улиц. Юго, похоже, воспринимал эту путаницу совершенно спокойно и вообще чувствовал себя здесь как рыба в воде.

Они проходили мимо домов, едва не задевая стены, и никак не могли отыскать проход к самодвижущейся дорожке. Гвардейцы держались позади плотным полукольцом. Гэри чувствовал себя так, словно попал в самое сердце хаоса. Со всех сторон их окутывал дым и испарения потных тел, и от смеси противных едких запахов Гэри чуть не стошнило.

Тут капитан гвардейцев крикнул:

— Немедленно остановитесь! — и приказал своим людям приготовить анаморфин.

Гвардейцы мгновенно взяли оружие на изготовку.

Дым поднимался вверх и постепенно рассеивался. Сквозь мутную пелену Гэри увидел впереди плотную стену людей, которые быстро приближались к их маленькой группе. Люди появлялись из боковых улиц, выбегали из ближайших домов, и, казалось, все устремлялись именно к нему. Гвардейцы окружили Гэри и начали стрелять в толпу. Несколько человек упало. Капитан тем временем размахнулся и бросил канистру, из которой вырвалось облако газа. Капитан все прекрасно рассчитал — потоки воздуха понесли клубы газа прямо на толпу, а гвардейцы и Селдон остались невредимыми.

Но оказалось, что простым слезоточивым газом толпу не остановить. Две женщины кинулись на Гэри, размахивая булыжниками, вывернутыми из мостовой, третья сжимала в руке острый нож. Капитан пронзил ее дротиком. Подбежали другие далити и навалились на гвардейцев. Гэри наконец-то разобрал, что они выкрикивают: беспорядочные ругательства в адрес тиктаков.

Это показалось ему настолько бессмысленным, что поначалу Гэри даже подумал, что ослышался. Гэри отвлекся, раздумывая, при чем тут тиктаки? — а когда снова обратил внимание на разбушевавшуюся толпу, увидел, что капитан уже лежит на земле, а к нему самому рвется человек с ножом.

Конечно, разгадывать, при чем тут тиктаки, было занимательно — но времени на раздумья не оставалось, и Гэри просто отскочил в сторону и крепко пнул напавшего парня под коленку.

Ему в плечо угодила бутылка — больно! Бутылка упала на мостовую и разлетелась на осколки. Совсем рядом какой-то мужчина раскручивал над головой цепь, целя в Гэри. Раз — и цепь пронеслась в нескольких сантиметрах от головы Селдона. Тот успел вовремя пригнуться, а потом резко бросился вперед и своим весом сбил человека с цепью на землю. Они покатились по тротуару, колотя и пиная друг друга, сшибли еще двоих — и вот уже вокруг Гэри образовалась целая куча яростно орущих, потных тел, которые месили друг друга чем попало и как попало. В этой потасовке Гэри весьма чувствительно получил коленом в живот.

Он откатился в сторону, жадно хватая ртом

воздух. В паре шагов от него один человек приканчивал другого, ловко орудуя длинным кривым ножом.

Удар, толчок, еще удар. Гэри задыхался, происходящее потрясло его до глубины души, все вокруг двигались неестественно, как при замедленной съемке. Гэри сознавал, что нужно действовать быстро и решительно — другого выхода не оставалось. Но то, что творилось вокруг, было настолько нереальным и ужасным…

…И вот Гэри уже стоял, не помня, как и что он делал перед этим, и изо всех сил колотил какого-то типа, который, судя по всему, не мылся по меньшей мере несколько недель.

Потом немытого драчуна отнесло вбок нахлынувшей толпой.

Еще один провал в памяти — и вот уже Гэри стоит, со всех сторон окруженный имперскими гвардейцами. На улице тут и там валяются безжизненные тела. Кто-то стонет, сжимая окровавленную голову. Слышны выстрелы, звуки тупых ударов, крики…

Гэри некогда было соображать, какое оружие применили имперские гвардейцы. Он и Юго оказались в стороне от поля битвы. Все происходящее представлялось ему как обрывки трехмерной

видеокартины, которая то гасла, то снова вспыхивала перед глазами.

Капитан гвардейцев настаивал на том, чтобы немедленно вернуться в Университет.

— А еще лучше — во Дворец!

— Это все не из-за нас… — сказал Гэри, когда они добрались до самодвижущейся дорожки.

— Не уверен, сэр, — только и сказал капитан.

Глава 10

Гэри решительно отмел предложение прервать прогулку. Разборка в Кармондианском квартале началась из-за тиктаков это совершенно очевидно.

— Наверное, кто-то додумался накрутить далити, что это мы подговорили чертовых тиктаков взбунтоваться, — сказал Юго. — Естественно, наши возмутились — а потом все как-то вышло из-под контроля.

Все, кто окружал Гэри, были вне себя от возбуждения, лица их пылали, глаза метали молнии. Неожиданно Гэри вспомнилось, как его отец говаривал: «Никогда нельзя недооценивать скуку — люди из-за нее таких делов могут натворить!»

Людям свойственно развеивать скуку посредством активных действий, зачастую внезапных и непредсказуемых. Гэри вспомнил двух женщин, которые, не помня себя, колотили хрупкого, смертельно бледного «призрака», пинали его, словно бездушную грушу в спортзале. Только из-за того, что незнакомый человек избегал солнечного света, его тотчас же сочли ненавистным чужаком, а значит — врагом, тем, кто стоит по другую

сторону поля в этой жестокой игре.

Для человека убийство — одна из самых древних, первобытных потребностей. Даже утонченно цивилизованные люди в приступе гнева испытывают желание убить. Но почти всем удается справиться с искушением — и спасибо на том. Цивилизация защищает человечество от грубой силы природы и от необузданных первобытных инстинктов.

И это — один из ключевых факторов, который никогда не берут в расчет ни экономисты со своим приростом капитала, ни теоретики-политиканы со своими вопросами представительства, ни социологи, занятые подсчетами показателей безопасности.

— Я обязательно учту этот фактор, — пробормотал Гэри себе под нос.

— Что учтешь, а? — резко спросил Юго, который до сих пор дрожал от возбуждения.

— Такие важные вопросы, как убийство. Мы все увязывали с тренторианской экономикой и политикой, но есть еще кое-что, крайне важное, — и я убежден, что сегодняшняя уличная драка по большому счету — значащее событие.

— Мы учтем его — в статистике преступности.

— Нет, я о другом. Мы должны учесть непреодо-

лимые желания, сильные влечения — вот что. Мы должны выяснить, каким образом и до какой степени они определяют глубинные течения в человеческой культуре. На Тренторе это особенно ярко выражено: гигантская планета, плотно закрытая бочка, в которой закупорено сорок миллиардов людей. Ты же знаешь, наши расчеты неполны — потому что наши психоисторические уравнения пока не вполне соответствуют истинной картине мира.

Юго нахмурился.

— Может, в этом что-то и есть… Но нам нужно больше данных.

Гэри захлестнуло давно и хорошо знакомое чувство досады.

— Нет! Я чувствую, что это так! Есть что-то крайне важное — и мы все время упускаем это важное из виду.

Юго с сомнением посмотрел на него, пожал плечами. Тут они подъехали к перекрестку — диску из нескольких концентрических самодвижущихся дорожек. Юго и Гэри перебрались на более медленную дорожку, а потом вышли на широкую площадь. Ее окружали потрясающие воображение своим великолепием грандиозные здания со стройными колоннами, уходящими

ввысь. Вверху, над колоннами, располагались офисы владельцев. Солнечный свет отражался от скульптурных фасадов зданий, внешний вид которых без всяких слов свидетельствовал о богатстве и могуществе. Здесь размещался главный офис «Технокомпании».

Они вошли в приемную, с великолепием и роскошью которой не могло сравниться ни одно помещение Университета.

— Недурственная комнатка, — заметил Юго и покачал головой.

Ничего удивительного. Техники за пределами Университета зарабатывали, как правило, гораздо больше, чем университетские, и могли позволить себе подобную роскошь. Гэри Селдона это никогда особенно не волновало. Чем больше Империя клонилась к упадку, тем скорее отношение к Университету как цитадели высокой науки сходило на нет — и Гэри не собирался демонстрировать несуществующий достаток и изобилие, особенно перед Императором, который был в курсе реальной ситуации.

Представители «Технокомпании» обращались друг к другу и к посетителям уважительно и вообще производили приятное впечатление. Когда все расселись вокруг большого стола из

полированного искусственного дерева, Гэри предоставил Юго разбираться с делами и вести переговоры. Сам он никак не мог успокоиться после пережитого всплеска жестокости. Гэри, как обычно, отрешился от всего, что его окружало, и погрузился в размышления о новом возможном кирпичике психоистории.

Теоретические науки всегда развивались в непосредственной связи и зависимости от технологий, накопления капитала и трудовых ресурсов, но все же самым мощным двигателем научного прогресса оставалась тяга к новым знаниям. Примерно половина прироста экономики приходилась на повышение качества информации, которое воплощалось в более совершенных машинах и развитых, эффективных технологиях.

И совершенно ясно, что именно на этом застопорилось развитие Империи. Новейшие научные открытия слишком медленно воплощались в жизнь. Имперские университеты готовили хороших инженеров, но не готовили изобретателей. В Империи было полным-полно хороших научных работников, но очень и очень мало настоящих ученых-исследователей. Такое положение сохранялось уже долгое время, и с каждым годом

отрицательные последствия приумножались.

Гэри пришло на ум, что Империя смогла продержаться так долго только благодаря деятельности свободных предпринимателей, вроде вот этой «Технокомпании». Но свободные предприниматели — все равно что дикие цветы, и очень часто их походя растаптывал безжалостный сапог великой имперской политики, предрассудков и узости мышления.

Неожиданно Гэри оторвали от раздумий. Кто-то из сидевших за столом обратился непосредственно к нему:

— Доктор Селдон!

Гэри кивнул.

— Можно ли считать, что вы также одобряете это? — Э-э-э… простите, что именно?

— Использование этих штук, — пояснил Юго, выкладывая на стол два переносных контейнера. Он расстегнул застежки контейнеров, и взору всех присутствующих открылись два ферритовых блока с информацией.

— Это саркианские симы, господа.

Гэри чуть не вскрикнул от изумления.

— Но разве Дорс не…

— Не разбила их? Она думает, что разбила. Понимаешь, я тогда принес в твой кабинет старые,

ненужные ферритовые блоки. В них не было ничего ценного.

— Так ты знал, что она попытается…

— Я очень ценю и уважаю эту даму — она такая сильная, такая решительная… — Юго пожал плечами. — И я подумал, что по такому случаю она вполне может… немножко расстроиться.

Гэри улыбнулся. Он только сейчас понял, как сильно озлился на Дорс. И теперь этот гнев растворился в искреннем, радостном смехе.

— Вот здорово! Жена она мне или нет — всему должен быть предел.

Гэри хохотал так, что из глаз брызнули слезы. Сидящие за столом заразились его весельем, и под этот дружный, радостный смех Гэри понял, что давно уже ему не было так хорошо. На время все докучливые университетские проблемы, грядущее министерское кресло и все прочее показалось далеким и незначительным.

— Так значит, мы можем считать, что получили ваше одобрение, доктор Селдон? На использование этих симов? — снова спросил молодой человек, сидевший рядом с Гэри.

— Конечно, конечно, хотя я бы предпочел сохранить в тайне мой интерес к этим… исследованиям. Возможно ли это, господин… э-э-э?..

— Марк Хофти. Для нас большая честь, сэр, что вы уделяете этому проекту часть своего драгоценного времени. И я сделаю все, что в моих силах…

— Я тоже! — молодая женщина, сидевшая по другую сторону от Гэри, поднялась и представилась:

— Сибил.

Гэри пожал руки обоим. Они казались достаточно грамотными специалистами, умелыми и преданными своей работе. Гэри очень удивился тому, с каким почтением они к нему относятся, — в конце концов, он ведь всего-навсего обычный математик, точно такой же, как они сами.

И Гэри снова рассмеялся, искренне и добродушно. Просто он вдруг представил, какое лицо будет у Дорс, если ей рассказать, что на самом деле произошло с симами.

ЧАСТЬ 2
РОЗА И СКАЛЬПЕЛЬ

КОМПЬЮТЕРНЫЙ ОБРАЗ — ...совершенно ясно, что за исключением некоторых редких случаев древнее табу на высокоразвитый искусственный интеллект неукоснительно соблюдалось в Империи на протяжении длительного периода истории. Эта особенность общественного мнения, несомненно, являлась отражением трагических происшествий с искусственными разумными созданиями, случавшихся еще в доимперский период. Сохранились записи, свидетельствующие о ранних нарушениях этого табу посредством создания компьютерных программ с самосознанием, в том числе — неких «симов», или «самоорганизующихся симуляторов». Очевидно, люди доисторического периода находили удовольствие в воссоздании выдающихся личностей собственного прошлого. Возможно, они делали это для каких-то практических целей, или ради развлечения, или же для каких-то исследований. Известно, что ни одного такого «сима» не сохранилось до наших времен, но считается,

что каждый из них был поистине выдающимся произведением искусства.

Были распространены мрачные слухи, что предполагаемые создания с высокоразвитым искусственным интеллектом вселяются в тела подходящих людей. Однако в Империи были широко распространены механические приспособления с низким искусственным интеллектом — так называемые «тиктаки», которые заведомо не способны были сравниться с людьми в умственных способностях и могли выполнять только простую, нередко неприятную работу...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

(Все представленные здесь выдержки из «Галактической Энциклопедии» приводятся по тексту сто шестнадцатого издания, которое вышло в тысяча двадцатом году Академической Эры в издательстве компании «Галактическая Энциклопедия», Терминус, и печатаются с разрешения издателей.)

Глава 1

Жанна д'Арк проснулась внутри странного янтарного сна. Свежий ветер ласкал ее кожу, до ее слуха доносились какие-то странные звуки. Она начала слышать прежде, чем открыла глаза и увидела…

…и внезапно обнаружила, что сидит на улице. Она могла чувствовать сразу только что-то одно — как будто какая-то часть внутри нее все время вела строгий подсчет.

Мягкий, чистый воздух. Круглый гладкий стол — прямо перед ней.

Она сидела на непонятном белом стуле. Стул этот был совершенно не таким, как в доме ее отца в Домреми — там все стулья были целиком вырезаны из дерева. А эти… податливая белая поверхность мягко пружинила, принимая форму тела Жанны, словно обнимая. Жанна порозовела от смущения.

Незнакомцы… Один, второй, третий… Они подмигивали Жанне, когда она на них смотрела.

Незнакомцы двигались. Какие странные люди! Жанна не могла отличить мужчин от женщин — за исключением тех, чьи штаны или сорочки

плотно облегали выступающие интимные части тела. Зрелище было похлеще, чем случалось видеть в Шиноне, при развращенном дворе Великого и Истинного короля.

Разговоры. Странные незнакомцы, как видно, не обращали на Жанну никакого внимания, хотя она совершенно ясно слышала, как они переговариваются между собой — точно так же, как иногда разговаривали между собой ее голоса. Жанна слушала их недолго — лишь до тех пор, пока не убедилась, что эти люди ни словом не обмолвились о благочестии Франции — а следовательно, ничего стоящего в их речах и быть не может, и слушать их не стоит.

Звуки. Они исходили откуда-то снаружи. Это было похоже на грохот железной реки самодвижущихся карет. Сперва Жанна очень удивилась — но почему-то эмоции быстро развеялись, угасли.

Долгий взгляд, далеко-далеко…

Жемчужная мгла скрывала далекие шпили цвета слоновой кости. В этом густом тумане очертания шпилей походили на оплавленные верхушки церквей.

Что же это за место такое?

Наверное, это видение, ниспосланное ее воз-

любленными голосами. Но может ли подобное видение быть святым?

Вон тот человек, что сидит за соседним столиком, — ну никак не ангел, несомненно. Он ест яичницу-болтунью, причем через соломинку.

А эти женщины — просто отвратительное, безвкусное, развратное изобилие мясистых грудей, бедер и ляжек, бесстыдно выставленных напоказ! Они пили красное вино из необыкновенных прозрачных бокалов, подобных которым Жанна не видела даже при королевском дворе.

Эти странные люди, похоже, питались летающими в зале облачками вязкого, но нежного, полупрозрачного тумана. Одно такое облачко как раз проплывало мимо Жанны. От него приятно пахло жареной говядиной под луарским соусом. Жанна вдохнула дымок — и неожиданно ощутила, что как будто попробовала кусочек сочного, вкусного мяса.

Неужели это — небеса? И здесь можно насыщаться, не трудясь в поте, лица своего?

Но нет! Последний приют душ не может быть таким… таким плотским. И таким возмутительно волнующим. И таким непристойным, приводящим в смущение.

Некоторые люди держали во рту тонкие па-

лочки с огоньком на конце и время от времени выпускали изо рта дым — это настораживало. При виде плавающих вокруг клубов дыма сердце Жанны сжалось и тревожно забилось — хотя запаха дыма не чувствовалось и жар огня не выжигал ей глаза и не сушил гортань.

«Огонь, огонь! — думала Жанна, и сердце ее бешено колотилось, едва не выпрыгивая из груди. — Что это было?..»

Она увидела странное создание, с ног до головы закованное в подобие пластинчатых доспехов, — это создание катило перед собой тележку с едой и напитками, и определенно направлялось к Жанне. «Яд! Несомненно, подосланный врагами, предателями Франции!» — метнулась мысль в сознании Жанны, и рука девушки тотчас же потянулась к верному мечу.

— Через минутку я подойду и к вам, — сказало закованное в доспехи создание, катя свою тележку мимо Жанны, дальше, к другому столику. — У меня всего четыре руки, я не могу успеть ко всем сразу. Имейте же терпение!

«Выходит, это таверна», — подумала Жанна. Какая-то странная таверна, хоть здесь и не видно входа в жилые комнаты. И еще… Жанна только сейчас вспомнила. Да, правильно, она должна

здесь с кем-то встретиться… С неким джентльменом?

Верно. С вон тем джентльменом — высоким, костлявым пожилым мужчиной. Он гораздо старше Жака Дарка, ее отца. И он единственный в этом странном месте, кроме нее, кто выглядит почти нормально.

Что-то в его одежде напоминало пышных щеголей, каких Жанна видела при дворе Великого и Истинного короля Карла. Снежная белизна завитых в густые кудряшки волос этого господина резко контрастировала с темно-фиолетовой лентой, повязанной на шее. На нем были узкие ярко-красные бархатные панталоны до колен, длинный камзол из коричневого атласа с цветной вышивкой, из рукавов выглядывали пышные кружевные манжеты, на ногах — белые чулки и изящные замшевые туфли.

«Глупый, надутый индюк-аристократ», — подумала Жанна. Придворный хлыщ, который привык разъезжать в каретах и не умеет даже прилично держаться на коне, не говоря уже о том, чтобы сражаться в священном бою за веру.

Но долг есть долг. Король Карл повелел ей идти вперед — и она пойдет вперед!

Жанна поднялась со своего места. Боевые до-

спехи вдруг показались ей непривычно легкими. Она почти не чувствовала веса толстых кожаных пластин, прикрывавших тело и спереди, и сзади, и веса прочных железных наручей, которые защищали руки до локтей и не мешали свободно управляться с мечом. Никто из присутствующих не обратил ни малейшего внимания на поскрипывание кожи и легкое бряцание металла.

— Это вы — тот господин, с которым я должна встретиться?

Мсье Аруэ?

— Не называйте меня так! — фыркнул нарядный господин. — Аруэ — так звали моего отца. Это имя косного ханжи — а я вовсе не ханжа. Меня уже давным-давно так не зовут.

При ближайшем рассмотрении господин уже не казался древним стариком. Жанну ввели в заблуждение его белоснежные волосы, которые оказались накладными, притом густо напудренными, а фиолетовая лента у шеи удерживала парик на месте.

— И как же мне вас называть? — Жанна удержалась от того, чтобы выразить свои чувства грубыми словами, которым она выучилась у товарищей по оружию. Демоны ада подзуживали ее, заставляя эти слова дрожать на кончике

языка, но Жанна все же превозмогла искушение и смолчала.

— Я — поэт, драматург, историк. — Напудренный господин наклонился вперед, лукаво подмигнул Жанне и прошептал:

— Меня называют Вольтером. Я — вольнодумец. Король философов.

— Кроме Небесного Владыки и Его Сына, я называю королем лишь одного человека. Карла Седьмого из дома Валуа. И я буду называть вас Аруэ до тех пор, пока мой царственный господин не велит мне называть вас иначе.

— Милая моя pucelle [1] , твой Карл давно мертв.

— Ложь!

Господин в парике взглянул за окно, на повозки, беззвучно влекомые незримыми силами вдоль дороги.

— Присаживайся… присаживайся и успокойся. Не только Карл — еще и многое, многое другое безвозвратно кануло в прошлое. Сядь. И позволь мне подозвать вон того забавного официанта.

— Вы знаете меня? — По велению голосов Жанна отреклась от имени, данного ей отцом, и стала

---

[1] Примечания: 1
Девственница (фр.)

зваться " La Pucelle ", Девой.

— Да, я хорошо тебя знаю. Во-первых, ты жила за несколько столетий до меня, и я написал о тебе пьесу. Кроме того, у меня сохранились весьма любопытные воспоминания о беседах с тобой в неком своеобразном месте… — он нахмурил брови и покачал головой. — Кроме моего костюма — он великолепен, не правда ли? — ты здесь единственное, что мне знакомо. Ты и еще эта улица. Однако должен признаться, что ты выглядишь гораздо моложе, чем я себе представлял. А улица… она, похоже, гораздо шире той, что была раньше. И у них, наконец, дошли руки ее как следует вымостить.

— Я… Я не понимаю…

Пожилой господин указал на вывеску с названием гостиницы: «Aux Deux Magots» [2] .

— Мадемуазель Лекуврер — знаменитая актриса, более известная как моя любовница… — Вольтер подмигнул. — Ты краснеешь — как это мило!

— Я совершенно ничего не знаю о таких вещах! — с гордостью заявила Жанна. — Я — Дева!

Вольтер сморщил нос.

---

[2] Примечания: 2

«У двух мартышек», название знаменитого парижского ресторана

— Никак не могу уразуметь — почему люди так гордятся столь неестественным состоянием?

— А я представить себе не могу, почему вы так одеты.

— Услышь вас мой портной, он бы смертельно обиделся. Однако позволь обратить твое внимание, милая моя Дева, что не я, а как раз ты, упорствуя в своем желании одеваться, как мужчина, лишаешь почтенное общество одного из самых пристойных и невинных удовольствий.

— За свое упорство я заплатила сполна, — отрезала Жанна, вспомнив, что епископы проклинали ее за ношение мужской одежды так же яростно и непримиримо, как и за ее святые голоса.

Можно подумать, в неудобном и громоздком наряде, приличествующем ее полу, Жанна смогла бы победить под Орлеаном проклятого герцога-предателя, продавшегося англичанам! Или повести три тысячи рыцарей в бой при Жарго, и Менге-на-Луаре, и Божанси!.. В то лето победоносных сражений она, ведомая своими голосами, все сделала совершенно правильно.

Жанна смахнула с ресниц нежданно набежавшие слезы. Воспоминания…

Поражение… Восстали кровавые, мрачные воспоминания о проигранных битвах, о том,

как утихли ее святые голоса, а ненавистные враги-англичане и продавшиеся им предатели становились все сильнее.

— Не расстраивайся, прошу тебя. Это совершенно ни к чему, — сказал мсье Аруэ, ласково поглаживая Жанну по стальному наколеннику. — И хотя лично мне не очень нравится твой нынешний костюм, я буду до самой смерти отстаивать твое право одеваться так, как тебе нравится. Или раздеваться, — он с улыбкой взглянул на полупрозрачное одеяние сидевшей неподалеку дамы — владелицы этого заведения.

— Мсье…

— В конце концов Париж все еще не утратил вкуса к пышному убранству. Бледный божественный цветок, ты со мной согласна?

— Нет. Не согласна. Нет добродетели более достойной, чем целомудрие, и в женщине, и в мужчине. Наш Господь целомудрен, как и святые угодники, и добрые священнослужители.

— Священники — целомудренны?! — У Вольтера глаза чуть на лоб не вылезли — так он удивился. — Бедняжка, тебе не довелось побывать в той школе, куда в детстве меня определил отец. Тогда ты узнала бы об иезуитах столько всего интересного — и ты знала бы, что они, нимало

не смущаясь, ежедневно нарушают чуть ли не все свои священные обеты.

— О, нет, я не могу поверить!..

— А что ты скажешь о нем? — Вольтер указал направо, на четверорукое металлическое существо на колесиках, катившее к ним тележку с едой и напитками, — Несомненно, это создание целомудренно. Но можно ли из-за одного этого считать, что оно добродетельно?

— Христианский мир, сама Франция, держатся на…

— Если бы целомудрие было столь распространено во Франции, как проповедуют священники и как полагаешь ты, — тогда наша нация просто вымерла бы!

Металлическое создание на колесиках подъехало к их столику и остановилось. На груди у него были выбиты буквы и цифры, которые, вероятно, обозначали его имя: Официант-213-ADM. Приятным низким голосом, ничуть не хуже, чем у любого мужчины, Официант сказал:

— Собираетесь на костюмированный бал-маскарад, да? Надеюсь, вы не опоздаете из-за того, что я немного задержался. У наших механических работников сейчас небольшая запарка — так много посетителей!

Он бросил взгляд на другого тиктака, высокую стройную женщину с убранными в сетку густыми светлыми волосами, на вид почти неотличимую от человека. Кто это? Демон?!

Дева нахмурилась. Острый взгляд Официанта, хоть и нечеловеческий, напомнил Жанне, как пялились на нее мучители-тюремщики. Сгорая от унижения, она все же отвергла жалкий женский наряд, в который ее заставили облачиться инквизиторы. Вернув себе мужскую одежду, Жанна поставила на место проклятых тюремщиков. Это были прекрасные минуты — минуты торжества.

Буфетчица заметила надменный взгляд Жанны, но только поправила сетку на волосах и улыбнулась Официанту-213-ADM. Осознав это, Жанна была потрясена. Она просто приняла существование механических существ в этом странном месте, не задумываясь о том, что они собой представляют. Вероятно, это место — одна из промежуточных остановок на пути, предопределенном Господом. Но здесь есть чему изумляться.

Мсье Аруэ протянул руку и дотронулся до одной из четырех конечностей металлического Официанта. Разглядев Официанта получше, Жанна не сумела понять, как и из чего он сделан;

оставалось только принимать его таким, каков он есть. Если приспособить странное создание, чтобы оно могло ездить верхом, в сражении ему не будет равных, он станет непобедимым… Такие возможности…

— Где мы находимся? — спросил мсье Аруэ. — Или, может быть, мне лучше спросить — когда? У меня есть высокопоставленные друзья…

— А у меня — низкопоставленные, — добродушно прервал его механический Официант.

— …и я требую, чтобы нам объяснили, где мы находимся и что здесь происходит.

Механический человек беспомощно развел в стороны одной парой рук, второй парой удерживая столик.

— Я простой механический официант, мой разум запрограммирован только на то, чтобы прислуживать в этом заведении… Как же могу я рассказать что-то новое о невероятных чудесах сим-пространства вам, мсье, настоящему человеческому существу? Мсье, мадемуазель, вы уже выбрали, что будете заказывать?

— Но ты ведь даже не предложил нам меню! — заметил мсье Аруэ.

Механический человек нажал кнопку, вделанную в поверхность столика. На гладкой

столешнице вспыхнули два плоских экрана, на них появились сияющие буквы. Дева удивленно вскрикнула, но сразу же прикрыла рот рукой, смущенная взглядом мсье Аруэ. Жанна нередко попадала впросак из-за своих крестьянских манер.

— Великолепно! — сказал мсье Аруэ, заглянул под стол и несколько раз нажал кнопку на столешнице. — Как это работает?

— Я не знаю, в моей памяти не заложена эта информация. Вам надо спросить у механического электрика.

— То есть?

— Прошу прощения, уважаемый господин, но меня ожидают другие посетители. Я запрограммирован только на обслуживание.

— Что ты будешь есть, моя дорогая? — спросил у Жанны мсье Аруэ.

Девушка снова смутилась и опустила глаза.

— Закажите вместо меня сами, — попросила она.

— Ах, да! И как же я забыл?

— О чем забыли? — спросил механический официант.

— Моя спутница неграмотна. Она не умеет читать. Признаться, я тоже в затруднении — от-

носительно тех блюд, которые предложены в вашем меню.

Выходит, этот, несомненно ученый, человек тоже не смог разобраться в чудесном столе! Жанна почувствовала некоторое удовлетворение — в нагромождении странного и непонятного растерялась не только она.

Механический официант начал было объяснять, но Вольтер его почти сразу прервал.

— Облачная пища? Электронная кухня? — недовольно сморщив нос, говорил Вольтер. — Просто принесите самое лучшее, что у вас есть, чтобы утолить сильный голод и жажду. Что вы можете предложить скромной, привычной к воздержанию девице? Может быть, тарелку какой-нибудь дряни? И стакан уксуса?

— Принесите мне кусок хлеба, — строго и с достоинством сказала Жанна. — И маленькую чашу вина, чтобы можно было смочить им хлеб.

— Вино?! — удивился мсье Аруэ. — Неужели твои голоса позволяют тебе пить вино? Какой скандал! Если пройдет слушок, что ты употребляешь крепкие напитки, — представь, что скажут священники! Какой дурной пример ты подаешь всем будущим святым Франции! Принесите ей стакан воды — маленький стакан.

И когда Официант-213-АДМ отправился выполнять заказ, Вольтер крикнул ему вслед:

— И убедитесь сперва, что хлеб достаточно черствый! А лучше всего, если он будет чуть-чуть покрыт плесенью.

Глава 2

Марк Хофти быстро шагал по улице, направляясь к своему офису. Его приятельница и коллега, Сибил, не отставала от него ни на шаг. Сибил никогда не унывала, жизненная энергия била в ней ключом, ее голову переполняли всяческие идеи. Почти не бывало такого, чтобы Сибил уставала от жизни, теряла интерес к работе.

Огромное, высокое и массивное здание «Технокомпании» нависало над улицей, подавляя соседние сооружения своим величием. Над выступающими верхними уровнями здания по крутой дуге взвился ввысь легкий глайдер и запорхал, закружился среди чудесных зеленоватых облаков. Марк проследил взглядом за полетом глайдера, который немного покружил над «Технокомпанией» и влился в круговерть оживленного движения летательных аппаратов над городом. Служба атмосферного контроля даже запускала разноцветные воздушные шары — чтобы проще было ориентироваться в воздухе. Марку нестерпимо захотелось оказаться там, в вышине, посреди яркого многоцветья летающих пузырей.

А вместо этого приходится тащиться пешком понизу, выполняя ежедневную норму положенной физической нагрузки. И так — изо дня в день. Только вот сегодня, кажется, день будет не совсем обычный. Привкус риска и опасности дела, за которое они взялись, приятно щекотал Марку нервы, его походка сделалась легкой и пружинистой, на лице сияла победная улыбка. Однако возможность провала, неудачи добавляла в радужные надежды и планы мрачноватый оттенок.

Что ж, если даже сегодня его постигнет неудача — он, по крайней мере, не свалится с поднебесной высоты, как пилот, не совладавший с управлением флаера.

Будучи в таком вот решительном расположении духа, Марк открыл двери своего кабинета и вошел.

— Мне что-то не по себе; — призналась Сибил, словно почувствовав настроение Марка.

— М-м-м… Что? — Марк положил пакет на стол и уселся за сложную, даже на первый взгляд, контрольную панель мощного компьютера — на свое рабочее место.

Сибил присела рядом. Контрольная панель занимала почти половину кабинета, из-за чего

все помещение казалось загроможденным.

— Эти саркианские симы… Мы угрохали на них чертову уйму времени. Многое пришлось восстанавливать практически с нуля, по частям, а потом еще сшивать все куски…

— Да, мне пришлось заполнять лакуны и затертые слои в записях. А синаптическую сеть я восстановил через ассоциативную кору. Работы, конечно, сделано до черта.

— Ага. У моей Жанны не хватало приличного куска гиппокампа.

— И большого куска не хватало?

Воспоминания, которые содержатся в человеческом мозге, добываются из «хранилища» — долговременной памяти — с помощью гиппокампа. Этот отдел мозга распределяет новую информацию по разным участкам коры дробными частями, и при необходимости собирает воспоминания в единое целое — к сожалению, далеко не так точно и быстро, как компьютерная память. Эта особенность человеческого мозга всегда причиняла массу неудобств. В процессе эволюции в организме человека накопилось множество не совсем удачных конструктивных решений, бесполезных, а то и мешающих особенностей, оставшихся от древних жизненных

форм, — ведь развитие шло без какого-либо плана и не было направлено на определенный конечный результат. В создании мыслительного органа — мозга — Творец проявил себя как дилетант-самоучка, который работал методом тыка. И далеко не все ошибки ему удалось исправить.

— Огромного! Я уже которую неделю задерживаюсь на работе до полуночи.

— Ну, я тоже…

— А ты… брал что-нибудь из библиотеки?

Марк кивнул. В библиотеке «Технокомпании» хранилось множество подробных карт мозга, записанных у добровольцев во время разнообразных исследований. Там были и вычлененные в отдельные меню функциональные блоки — так сказать, «подпрограммы» мозговой деятельности, отвечающие за выполнение конкретных функций мозга — функций, которые в настоящем живом мозге выполняют бесчисленные мириады нервных синапсов. Эти функциональные блоки были тщательно отработаны и адаптированы к компьютерной технике — что сберегало массу времени и трудов. Однако произвольное использование этих записей строго запрещалось законом — каждую из них охраняли авторские права.

— Нет, в библиотеку я не полез. Нашел другой, конфиденциальный, источник.

— Я тоже, — призналась Сибил.

Ей что, нужно его одобрение? Оба они, и Марк, и Сибил, прошли через сканирование мозга, когда получали категорию мастера в иерархии технической интеллигенции. Марк тщательно хранил свою сканограмму. Гораздо бережнее, чем, скажем, чьи-то чужие карты мозга. Он, конечно, не был гением, но, в конце концов, базовые данные личности Вольтера — не такая важная часть симулятора. В самом деле, не все ли равно, каким образом у сима будут запускаться рабочие мозговые функции, вроде тех, что отвечают за управление домашним хозяйством или поддержание себя в приличной форме?.. Несомненно, подобные мелочи не могут иметь существенного значения. Разве не так?

— Может, посмотрим, что мы там сотворили? — предложил Марк, стараясь плавно перевести разговор на более приятную тему.

Сибил покачала головой.

— С моей все в порядке. Но послушай, мы ведь даже не знаем, чего от них ожидать. Это полностью завершенные, цельные личности, и они до сих пор от всего изолированы.

— Настоящие животные… — сказал Марк и картинно содрогнулся, играя искушенного профи. Но руки его уже потянулись к клавиатуре контрольной панели, пальцы дрожали от радостного возбуждения.

— Давай сделаем это сегодня, сейчас, — вдруг предложила Сибил. Эта фраза вырвалась у нее будто сама собой.

— Что? Я, честно говоря, хотел сперва тщательнее залатать пробелы в записях… Может, встроить им циклический буфер, чтоб не было искажения характеров, и еще — систему отслеживания…

— Это мелочи! Послушай, эти симы уже накрутили в замкнутых системах по несколько недель сим-времени — пока длилось их самовосстановление. Давай запустим их во взаимодействии!

Марк подумал о пилоте глайдера, кружащегося в небе, споря с бешеными ветрами. Сам Марк никогда бы не решился оказаться на его месте — он был не тот человек, чтобы так рисковать. Или — чтобы рисковать так. Опасности, которые ему по плечу, скрываются за панелью компьютера. Это его конек. И здесь он мог бы, наверное, и рискнуть.

Но Марк не мог себе позволить зайти слишком

далеко даже в том, в чем был мастером: он не собирался, ради чего бы то ни было, совершать явные глупости. Если позволить симам вступить в контакт с современной реальностью, они могут отреагировать на стресс неадекватно. У симов могут появиться галлюцинации, страхи, вплоть до панического ужаса перед неведомым.

— Ты только подумай! Каково это — поговорить с доисторическим человеком! — уговаривала Сибил.

Марк вдруг понял, что это он, а не какие-то там симы, сейчас испытывает панический страх. «Веди себя, как тот пилот!» подбодрил он сам себя.

— Или ты хочешь, чтобы это сделал кто-то другой? — спросила Сибил.

Марк отчетливо ощутил теплоту ее округлого колена, которое, как будто невзначай, прикоснулось к его бедру.

Никто другой не сможет этого сделать, — заметил он.

— И потому мы с тобой можем обставить всех.

— Этот парень, Селдон, сумел бы с ними управиться. Я так думаю. Смог же он заполучить симы от этих нововозрожденческих типов с Сарка. И, по-моему, он втянул нас в это дело только потому, что хочет держаться подальше от сомнительного

предприятия.

— У него есть на то свои причины. Политика… Невмешательство… — сказала Сибил.

— С виду он показался мне не особо смышленым типом — я имею в виду, в смысле политики.

— Может, он специально хотел произвести на нас такое впечатление. Сумел же он как-то очаровать Клеона.

— Ладно, твоя взяла. Не то чтобы я не хотел, чтобы кто-нибудь из наших стал у руля… министр-математик, кто бы мог подумать!

Если подумать, благодаря Селдону «Технокомпания» прыгнула выше головы. С помощью саркианских диковинок они теперь оставят далеко позади и «Дигитфак», и «Союз Аксиом» — и в производстве, и в продаже голографических мыслящих существ. Впрочем, крайне жестокая конкуренция существовала и в некоторых других областях. А теперь, получив в свое распоряжение настоящие древние искусственные личности, «Технокомпания» может полностью завладеть рынком. «Ради этого, правда, нам придется балансировать на лезвии ножа, — подумал Марк. — Опасность и деньги — два самых сильных афродизиака».

Вчера он целый день занимался Вольтером, а

Сибил, наверное, работала над Девой. Все было сделано по первому классу.

— Надо включить фильтры учтивости, — сказал Марк.

— Думаешь, не сумеем скрыть свои истинные чувства? — лукаво спросила Сибил и мягко, по-женски, засмеялась. — Не хочешь, чтобы у тебя было написано на лице все, что ты думаешь?

— Может, я о тебе забочусь? — сказал Марк.

— Кто знает?

Сибил взмахнула ресницами, и у Марка затрепетали ноздри. Он сразу вспомнил, почему сам никак не может обходиться без фильтра. И выбрал из каталога добродушно-приветливое выражение лица, какое обычно использовал при телефонных разговорах с клиентами. Работая в «Технокомпании», Марк очень быстро понял, что в этом мире полным-полно жутко вредных, раздражительных людей. Особенно на Тренторе.

— Наверное, лучше включить и имитацию невербальных символов, — спокойно предложила Сибил, уже без шуток и заигрывания — они приступили к работе.

Марк не переставал удивляться способности Сибил вести себя настолько двусмысленно.

Сибил тоже включила свой фильтр, мгновенно

вытребованный по компьютерной сети из ее кабинета в противоположной части здания.

— Словарный блок тебе нужен? Марк пожал плечами.

— Все, чего они не смогут понять, можно будет просто отнести на счет языковых трудностей.

— А что это вообще за язык — тот, на котором они разговаривают?

— Какой-то мертвый язык из неизвестно какого первобытного мира, — ответил Марк. Его пальцы летали над клавиатурой, подстраивая программу преобразования.

— Он такой… плавный и мелодичный.

— Ну, не знаю… Какая разница?

Сибил глубоко вдохнула, задержала ненадолго дыхание и медленно выдохнула. Ее роскошный бюст заманчиво колыхался в такт дыханию.

— Только бы наши заказчики ничего не узнали про Селдона. Компания страшно рискует, скрывая это от них обоих. Селдон ведь тоже не должен знать про других заказчиков.

— Ну и что? К чему это ты? — Марк беспечно пожал плечами. Он впадал в оцепенение при мысли о полетах на глайдере, но воздушные бури не шли ни в какое сравнение с играми сильных мира сего. А «Технокомпания» сейчас получала

огромные деньги от двух смертельных противников в очень большой игре.

— Если кто-нибудь из них узнает, что мы содрали плату с обоих, они могут передать работу кому-нибудь другому. И разорвут контракт. А ты прекрасно знаешь, сколько денег мы уже вложили в это дело — гораздо больше полученного аванса.

— Говоришь, они могут отказаться от наших услуг? — Марк усмехнулся. — Ни за что — если только они заинтересованы в результате. Понимаешь, мы — лучшие в своем деле. Ты и я, если желаешь знать. Ладно, погоди, давай все-таки посмотрим.

Марк убавил яркость освещения, запустил программу и откинулся на спинку раскладного кресла, а ноги вытянул и взгромоздил на стол, рядом с панелью управления. Ему хотелось произвести впечатление на Сибил. И не только этого. Но когда муж Сибил погиб в автокатастрофе — разбился так, что даже самые лучшие медики оказались бессильны, — Марк решил выждать удобного случая, чтобы продолжить ухаживания. Какая у них получилась бы команда! Они могли бы открыть фирму — скажем, «Марк-Сибил, Лимитед», творческий союз двух лучших на

Тренторе компьютерных техников… Он мог бы сделать имя…

Нет — они, они могли бы сделать имя. Надо быть честным.

В полумраке кабинета раздался голос Сибил:

— Мы встретимся с древними…

Погружение… Вниз, вниз, в глубину — в глубину виртуального мира, который уже начал выплескиваться переплетением бесформенных голубоватых потоков на монитор, занимавший полностью одну из стен кабинета. Иллюзию усиливали вибрации, исходившие из пластинок-индукторов, прикрепленных к коже.

Они нырнули в примитивный древний городок, в котором кучка маленьких, всего в один этаж, домов разместилась прямо на открытом, голом грунте. Поселение представляло собой разновидность старинной, еще доимперских времен, деревни. Реконструкция была очень подробной: моделировались даже беспорядочная, шумная людская толпа и редкие примитивные повозки. Марк и Сибил быстро отыскали то место, где расположились их симы: маленькое кафе на улице со странным названием «Бульвар Сен-Жермен». В воздухе витали пряные ароматы готовящейся пищи, поднятая проезжающими

повозками пыль, дым горящего очага. Слышался звон посуды.

Марк включился в промежуток виртуального времени, куда они поместили восстановленных симов. На фоне стены прорисовалась фигура тощего мужчины. В его глазах светился незаурядный ум, на тонких губах неизменно играла ехидная улыбка.

Сибил присвистнула. Прищурив глаза, она пристально вглядывалась в выразительное лицо восстановленного древнего сима, словно надеясь прочитать его мысли по движениям губ. Вольтер как раз разговаривал с механическим официантом. Не скрывая своего раздражения, конечно же.

— Высококлассная адаптация всех пяти чувств, — сказала Сибил, восхищаясь работой напарника. — Мне не удалось отработать мою Деву так же чисто. И я до сих пор не понимаю, как ты это делаешь.

Марк подумал: «Все дело в моих саркианских связях… И я знаю, что у тебя тоже кое-что припасено».

— Эй! — воскликнула Сибил. — Что?..

Марк радостно улыбнулся. А Сибил застыла с открытым от удивления ртом, уставившись

широко распахнутыми глазами на Деву Жанну, которая сидела рядом с Вольтером — отстраненно-холодная, не вполне ориентирующаяся в обстановке. Понятно: информационные потоки уже запущены, загрузка данных началась, но еще не функционирует в полном объеме.

Выражение на лице Сибил можно было описать как восхищение, граничащее с ужасом.

— Но мы же не собирались выпускать их вместе! То есть — до тех пор, пока они не встретятся в Колизее…

— С чего ты взяла? В контракте это никак не оговаривается!

— Хастор нас за это наизнанку вывернет!

— Может, и вывернет — если узнает. Так что, хочешь, чтобы я ее отключил?

Чудесные губы Сибил изогнулись в улыбке.

— Нет, конечно. Какого черта! Что сделано, то сделано. Активируй ее!

— Я знал, что ты согласишься! Понимаешь, мы с тобой — художники, творцы, и такие решения должны принимать мы.

— У наших компьютеров хватит мощности, чтобы вывести их в реальное время?

Марк кивнул.

— Это дорого, но дело того стоит. И вот еще что…

Я хотел бы кое-что тебе предложить…

Брови Сибил округлились плавными дугами.

— О-о-о!.. Наверняка что-нибудь противозаконное?..

Марк ответил не сразу — чтобы немного помучить ее ожиданием. И чтобы прикинуть, как Сибил отнесется к тому, чтобы несколько изменить их давно устоявшиеся платонические взаимоотношения. Однажды он уже пытался предпринять шаги в этом направлении. Сибил отказала — она напомнила Марку, что состоит в законном браке, по десятилетнему контракту… Но отказ только сильнее распалил в Марке желание. Ко всем остальным ее достоинствам — еще и супружеская верность! Не удивительно, что мужчине рядом с ней приходится до хруста сжимать зубы. Марк так и делал — причем довольно часто. Впрочем, заменить искрошившиеся зубы можно было легко и быстро: у хорошего врача — всего за час.

Вглядевшись в Сибил — она сидела, слегка отстранившись от него, — Марк понял, что она все еще тоскует о своем безвременно погибшем супруге. Что ж, Марк готов был терпеть положенный год траура — но только в том случае, если этот срок никак не удастся сократить.

— Что ты скажешь, если мы загрузим им обоим массивную информационную подкачку, гораздо больше того, что заложено в базовом уровне? — быстро сказал Марк. — Дадим им возможность по-настоящему понять, что представляет собой наш современный, мир, Трентор, вся Империя в целом, вообще — все?

— Это невозможно.

— Возможно. Только очень дорого. — Это слишком!

— Ну и , го? Ты только подумай, что может получиться! У нас Два настоящих первобытных сима! Правда, нам не известно, из какого вообще мира они появились.

— Они упоминали «Землю», помнишь? Марк пожал плечами.

— Ну и что? В десятках примитивных миров дают планетам такое название.

— А, точно так же, как первобытные люди называют себя просто «люди»?

— Да. Хотя, с точки зрения астрофизики, все эти народные сказания явно ошибочны. Все легенды о планете-прародине людей сходятся только в одном — что она в основном состояла из океанов. Так почему же тогда они называют ее «Землей»?

Сибил кивнула.

— Они заблуждаются — это очевидно. Кроме всего прочего, у них нет никакого понятия об астрономии, я проверяла. Однако обрати внимание на их индексы исторического значения. Эти двое, можно сказать, выражают собой две различные концепции, они как бы олицетворяют идеи — Веру и Разум.

Марк от избытка чувств совершенно по-мальчишески потряс в воздухе сжатыми кулаками.

— Вот именно! И если они узнают обо всем, чего достигла современная наука, — противоестественная селекция, психофизиология, генная инженерия…

— Бокер никогда не согласится, — заметила Сибил. — Это исключительно современная информация, и «Хранители веры наших отцов» не захотят наделять ей своего сима. Им нужна просто историческая Дева, чистая и непорочная, чей разум не смущен современным знанием. Мне, наверное, надо было запрограммировать ей грамотность, заложить умение читать…

— Ясное дело!

— …писать, разбираться в высшей математике… Отключи ее!

— Почему ты не хочешь? Только по этическим соображениям? Или просто хочешь увильнуть от

нескольких столетий работы?

— Тебе легко говорить! У твоего Вольтера и так исключительно развитый ум. Тот, кто его создавал, имел в распоряжении кучу собственных работ этого Вольтера, десятки биографических описаний! А моя Дева — вообще больше легенда, чем реальный человек. Ее сотворили практически из ничего, можно сказать — высосали из пальца!

— Значит, ты не хочешь из-за обыкновенной лени, а не из-за каких-то принципов…

— И то, и другое.

— Но, может, ты все-таки немного подумаешь, прежде чем отказываться?

— Я уже подумала, только что. И мой ответ — нет! Марк вздохнул.

— Спорить бессмысленно. Ладно, давай хоть посмотрим, как они будут общаться.

Настроение Сибил сразу же переменилось — от угрюмого упрямства к радостному возбуждению. Девушка так разволновалась, что даже сама не заметила, как ее теплая ладонь легла на колено Марка. Пальцы Сибил нервно поглаживали Марка по ноге, и он в полной мере успел насладиться нежными прикосновениями, прежде чем полностью погрузиться в виртуальное пространство.

Глава 3

— Что вообще тут происходит? — Вольтер встал, опершись ладонями о колени. Его стул опрокинулся и с грохотом покатился по каменному полу. В это самое мгновение виртуальное пространство открылось для Марка и Сибил, и Вольтер как будто вынырнул им навстречу. — И кто вы такие?! Какое адское сонмище послало вас сюда?

Марк остановил сима и повернулся к Сибил.

— Ну что, хочешь ему все объяснить?

— Он — твое создание, не мое.

— И оно меня пугает.

Вольтер, несомненно, производил очень сильное впечатление. Его словно окутывала аура неистощимой энергии, неотразимого обаяния. Непонятно каким образом и почему, но даже самые мелкие, незначительные черты этого сима в совокупности являли собой целостную, законченную, весьма своеобразную личность. А такое не забывается.

— Но это же и есть наша работа! И если ты сейчас отступишь… Марк обхватил плечи руками.

— Ладно-ладно, я согласен!

— А каким он тебя видит?

— Я сделал так: появился там, подошел к их столику и присел на свободный стул.

— Он что, видел, как ты появился из ниоткуда?

— Наверное, видел, — Марк беспечно улыбнулся. — Это его немного расшевелит.

Марк использовал при восстановлении симулятора Вольтера все модули проявления темперамента, какие только у него были. Он тщательно и подробно разработал огромное количество вариантов настроения сима, но при этом сохранил нетронутым первичный характерологический комплекс личности Вольтера. Это был тот еще крендель! Потрясающий по сложности и целостности симулятор характера. Какой-то доисторический программист проделал удивительную, достойную всяческого восхищения работу. Осторожно, постепенно, аккуратно Марк погрузил Вольтера в бесцветную пустоту сенсорного стасиса. Мягко, плавно включилась программа погружения, скользнула в глубину…

Пальцы Марка с бешеной скоростью порхали по клавиатуре. Он запустил ускорение времени.

Симуляторам личностей необходимо некоторое компьютерное время для того, чтобы усвоить новую информацию. Марк подключил

Вольтера к беспорядочному нагромождению информационной сети, которая почти полностью соответствовала реальному способу поступления информации в человеческий мозг. Симулированная личность восприняла новый опыт и погрузилась в переживание индуцированных эмоций. Вольтер был личностью рациональной. Он гораздо быстрее и легче воспринимал новые понятия, чем, к примеру, мог бы воспринять их симулятор Жанны.

Интересно, что же произойдет с исходной реконструированной личностью, когда она освоит знания о совершенно иной реальности? В процессе восстановления симов наступит новый этап — этап неожиданностей, этап случайных открытий. Симы узнают и поймут, кто они, где находятся, что с ними происходит и когда.

На виртуальные, компьютерные личности сейчас обрушится водопад не известных прежде понятий и представлений, которые будут пропущены через доступное им чувственное восприятие. Смогут ли они принять эту лавину информации? Симы, конечно же, не настоящие люди — они так же похожи на людей, как рисунок импрессиониста, изображающий корову, похож на настоящую живую буренку. Настал момент,

когда Марку и Сибил остается только ждать. Они смогут приняться задело только после того, как отработают автоматические программы.

Пришло время испытания мастерства Марка и Сибил как математиков-программистов. Восстановленные ими искусственные личности либо переживут эту бурю нагрузок, либо разрушатся в одно мгновение, окончательно и бесповоротно. Сейчас, когда онтологические серверы прогоняют по логическим цепям симулированных личностей огромные объемы информации, выявляются все слабые места и несоответствия симов. И если эти сложнейшие конструкции неустойчивы, они буквально развалятся на куски.

Марк позволил им познакомиться друг с другом, а сам внимательно наблюдал за происходящим. Таверна «Aux Deux Magots», примитивный городишко, толпы людей на заднем плане. Для экономии компьютерного времени Марк запустил повторение одних и тех же погодных условий через каждые две минуты виртуального времени. На виртуальном небе не было ни облачка — так проще поддерживать иллюзию непрерывности при моделировании цикличной погоды. Сибил возилась со своей Жанной, Марк — с Вольтером, оба были заняты тем, что выве-

ряли и сглаживали малейшие несоответствия, отклонения, неисправности в матрицах восприятия виртуальных личностей.

Они встретились, заговорили друг с другом. Нейронная сеть симулятора Вольтера подернулась рябью, по ней побежали бело-голубые волны возмущения. Марк тотчас подключил алгоритм концептуального восстановления — и тревожные волны быстро улеглись.

— Получилось! — прошептал программист.

Сибил кивнула. Все ее внимание было направлено на то, чтобы поддерживать бесперебойную работу симулятора Жанны.

— Ну вот, у него вроде все наладилось, — сказал Марк, убедившись, что ошибка, случившаяся при загрузке в самом начале, больше не повторяется. — Я оставлю свое изображение сидеть, ладно? Никаких внезапных исчезновений и всего такого.

— Жанна тоже стабилизировалась, — Сибил указала на коричневые линии трехмерной матрицы, висящей в воздухе. — У нее кой-какие эмоциональные перегрузки, но в целом все в порядке. Со временем они улягутся.

— Ну, что — пойдем? Сибил улыбнулась.

— Давай!

Время пришло. Марк снова вывел Вольтера и Жанну в реальное время.

Ему понадобилось меньше минуты, чтобы понять, что Вольтер остался дееспособной, цельной, высокоинтеллектуальной личностью — как и до загрузки блока новых сведений. С Жанной, кажется, тоже обошлось, хотя она по-прежнему была отстраненной и печально-задумчивой — но так и должно быть, просто таков ее характер.

А Вольтер оказался чрезвычайно раздражительным субъектом. Сейчас он предстал перед Марком и Сибил в нормальных пропорциях. Голограмма тощего старика мрачно хмурилась, ругалась и громко отстаивала свое право вступать в беседу, когда и как она сочтет нужным.

— Ты что же, полагаешь, что это тебе я должен быть благодарен, если у меня найдется что сказать?! Так вот, перед тобой человек, который подвергался гонениям, боролся с происками немилосердной цензуры, сидел за решеткой, человек, которого всячески ущемляли в законных правах, который жил в вечном страхе перед церковниками и вельможами…

— Огонь… — глухо и мрачно прошептала Жанна с выражением благоговейного ужаса на лице.

— Успокойся, или я отключу тебя, — приказал

Марк Вольтеру. Потом включил паузу и обратился к Сибил:

— Ну, как тебе? По-твоему, стоит исполнить его просьбу?

— Почему бы и нет? — сказала та. — Это нечестно по отношению к ним — все время зависеть от наших желаний, включить их или выключить…

— Нечестно? Ты что, это же просто симы!

— Марк, они-то стараются вести себя с нами честно. Если мы переступим через них…

— Ну, хорошо, хорошо! — Марк снова запустил действие. — Только вот в чем вопрос — как это сделать?

— К чему тебе думать, как это сделать? — съязвила голограмма Вольтера. — Просто делай — и все!

— Спокойно! — сказал ему Марк. — Мы дадим вам компьютерное время, чтобы вы могли скоординировать свои чувственные пространства.

— И что, интересно, это означает? — язвительно спросил Вольтер. — Одно дело — чувственное восприятие, и совсем другое дело — ваши непонятные жаргонные словечки.

— Мы дадим вам время разобраться с вашими странностями, — сухо и холодно объяснил Марк.

— Значит, мы сможем общаться?

— Да, — сказала Сибил. — И не только по нашему желанию, но и тогда, когда вам захочется. Только, пожалуйста, пока никуда не уходите — для этого потребуется ввести неподъемное количество дополнительных данных.

— Мы стараемся потратить не слишком много денег, — вставил Марк, откидываясь на спинку кресла, чтобы лучше видеть ноги Сибил.

— Да, придется поторопиться, — заметил Вольтер. — Терпение — добродетель святых и великомучеников, а не belles lettres.

Программа-переводчик выдала значение этих слов на современном языке, но прежде воспроизвела оригинальное звучание фразы из древней, забытой речи. Информационные фильтры отыскали в банках данных и представили Марку и Сибил перевод и смысловое значение непонятных старинных слов. И все равно Марк никак не мог отделаться от ускользающего ощущения, что этот голос — дребезжащий тенор из невообразимо далекой древности — звучит совершенно естественно.

— Просто назовите меня или Сибил по имени — и мы вскоре появимся перед вами в прямоугольнике, очерченном красной светящейся линией.

— Она обязательно должна быть красной? — неуверенно спросила Жанна. — Вы не можете сделать так, чтобы она была голубой? Голубой — он такой прохладный, приятный… Это цвет моря. Вода сильнее, чем огонь, вода способна его погасить.

— Прекрати молоть ерунду! — оборвала Жанну вторая голограмма, симулятор Вольтера, и презрительно фыркнула. Потом Вольтер повернулся к механическому официанту, который все еще держался поблизости, и спросил:

— Убери-ка с глаз долой вон ту чашу с пуншем, и поживее! Она нервирует Деву. А вы, двое гениев непонятно откуда! Если в ваших силах возвращать к жизни мертвых, то что вам стоит переменить красный цвет на синий?

— Просто не верится… — сказала Сибил. — Вот это сим! Интересно, кем он себя воображает?

— Он — голос разума. Франсуа-Мари Аруэ де Вольтер, — ответил Марк.

— Ты думаешь, они уже готовы увидеться с Бокером? — Сибил премило поджала свои прелестные губки. — Мы договорились, что предъявим ему симов, как только они окончательно стабилизируются.

Марк задумался.

— С ним лучше не ловчить. Я позвоню.

— Но мы должны еще столько о них узнать!

— Согласен. Но кто мог подумать, что эти первобытные окажутся такими ублюдками?

Глава 4

Она постаралась не обращать внимания на волшебницу по имени Сибил, которая осмелилась вслух объявить себя — ее, Жанны, создательницей! Как будто мог иной Создатель, кроме Господа нашего, Отца Небесного! Жанне не хотелось ни с кем сейчас разговаривать. Слишком много всего случилось… События толпились вокруг нее, окружали плотным кольцом, и эта непрестанная суета не давала Жанне покоя. И еще — Жанна никак не могла забыть свою ужасную огненную смерть, удушающий всплеск непереносимой, яростной боли.

В тот страшный день — самый мрачный и самый славный за всю ее недолгую жизнь — на обритую голову Жанны надели позорный шутовской колпак, на котором священным языком записали все ее «прегрешения» — «Еретичка», «Вероотступница», «Идолопоклонница». Черные слова, горькие — они могли бы, наверное, загореться и сами собой…

Ученые кардиналы и епископы из мерзкого, насквозь прогнившего, продавшегося англичанам Парижского Университета, служители святой

церкви — Невесты Господа на земле — они предали ее безжалостному огню! И только за то, что она старалась исполнить волю Господа — сделать так, чтобы Великий и Истинный король стал Его наместником во Франции. Они отвергли выкуп, предложенный за нее королем, и послали ее на костер). Что бы они сделали с волшебницей Сибил — которая, как и Жанна, вертится среди мужчин, одевается в мужское платье и, мало того, заявляет, что ей подвластны силы, изначально принадлежащие единственно Творцу?!

— Уйдите, прошу вас, — тихо пробормотала Жанна. — Мне нужна тишина, чтобы я могла слышать мои голоса…

Но никто не послушался и не ушел — ни волшебница Сибил, ни бородатый мужчина в черном по имени Бокер. В мужчине было некое неуловимое, но отчетливое сходство с великолепными патриархами под сияющими сводами церкви в Руане.

Жанна взмолилась:

— Если вы хотите поговорить — пожалуйста, идите к мсье Аруэ! Ему ничего другого и не нужно.

— Святая Дева, Роза Франции… — сказал бородатый мужчина. — Франция — это был твой мир?

— Это мое место в мире, — сказала Жанна. — Я имел в виду — это твоя планета?

— Планеты — на небе. А я — на земле.

— Я хотел сказать… Ладно, это не важно. — Бородатый беззвучно обратился к волшебнице Сибил:

— Что значит это ее «на земле»? Она имеет в виду, что работала в сельской местности? Неужели люди, хоть и первобытные, могут быть такими невеждами?

Очевидно, человек в черном и не догадывался, что Жанна умеет читать по губам, — старая уловка, которой она научилась давным-давно, чтобы знать, о чем говорят в церковном трибунале.

— Я знаю то-, что мне надлежит знать, — сказала Жанна. Бокер нахмурил брови, задумался ненадолго и начал объяснять:

— Пожалуйста, выслушай меня внимательно. Нам нужно беспристрастно и справедливо рассудить одно очень важное дело. Судьба многих обреченных зависит от того, сколько новых союзников мы сумеем привлечь на нашу сторону. И чтобы удержать хрупкий корабль человечества и сохранить священные древние традиции нашей человеческой сущности, нам нужно победить сторонников Мирского Скептицизма.

Жанна хотела отстраниться, уйти, но не смогла пошевелиться, сгибаясь под тяжким грузом кандалов, сковавших ее руки и ноги.

— Оставьте меня! Я никого не убила — но я сражалась во многих кровавых битвах во славу Великого и Истинного короля Франции. И это я возложила на его чело королевский венец — на коронации в Реймсе. Ради него я терпела нужду и была ранена в битве.

Жанна подняла сжатые кулаки — она находилась сейчас в убогой и грязной тюремной камере в Руане, ее ноги и руки были скованы кандалами. Сибил сказала, что такая обстановка привяжет Жанну к реальности, каким-то образом поможет в становлении ее характера. Будучи ангелом, Сибил, несомненно, не могла ошибиться. Бокер принялся уговаривать Жанну, но та нашла в себе силы ответить:

— Один Бог знает, какое воздаяние я получила за свои страдания. И я не стану больше участвовать ни в каких войнах.

Бокер повернулся к волшебнице.

— Это же святотатство — держать великую героиню в цепях. Нельзя ли отправить ее в какое-нибудь место, где она могла бы отдохнуть? Может быть, в какую-нибудь церковь, собор?

— Симам необходимо особое, логично обоснованное окружение, — беззвучно сказала волшебница.

Жанна обнаружила, что теперь читать по губам гораздо легче, чем когда бы то ни было, — она понимала абсолютно все. Наверное, Чистилище так заботится о тех, кто сюда попадает.

— Вы, конечно, проделали огромную работу с этим Симом, однако, если она не захочет с нами сотрудничать, какая нам от нее польза? — выразил свое недовольство господин Бокер.

— Вы просто не видели ее в минуты вдохновения. По свидетельствам нескольких исторических источников, которые нам удалось расшифровать, Жанна д'Арк — «чрезвычайно харизматическая» личность. Нам нужно только создать ей необходимые условия.

— А вы не могли бы сделать ее поменьше? Это так неудобно — разговаривать с великаншей.

Жанна с изумлением обнаружила, что уменьшилась раза в три. Господина Боксера такое положение, по-видимому, устраивало куда больше прежнего.

— О Великая Жанна! Ты, по-моему, не правильно понимаешь сущность противостояния, которое нам предстоит выиграть. Неисчислимые

тысячелетия минули с того дня, когда дух твой вознесся на небеса. И ты…

Дева села.

— Скажите-ка мне вот что. Происходит ли король Франции от английского короля Генриха из дома Ланкастер? Или же он — Валуа, потомок Великого и Истинного короля Карла?

Господин Бокер на минутку задумался, потом сказал:

— Я полагаю… Я полагаю, что правильнее всего будет ответить на твой вопрос так: Хранители Веры наших отцов и партия, которую я представляю, по образу мыслей, скорее всего, являются наследниками того самого Карла, которого ты упомянула.

На губах Девы расцвела счастливая, светлая улыбка. Она знала, знала, что ее голоса были посланы небом, что бы там ни говорили лживые епископы. Жанна отреклась от них только тогда, когда ее отвезли на кладбище Святого Оуэна, и только потому, что очень боялась огня. И она поступила совершенно правильно, отказавшись от своего отречения двумя днями позже. Ее правоту подтвердила неудача Ланкастеров, не сумевших захватить Францию. Так что если этот господин Бокер, несмотря на то, что он явно не принад-

лежит к числу титулованных особ, говорит от имени потомков дома Валуа — она, пожалуй, согласится его выслушать.

— Продолжай! — сказала Жанна.

Господин Бокер рассказал, что здесь, в этом странном месте, вскоре состоится нечто вроде созыва Генеральных Штатов. После небольшой консультации с волшебницей Сибил Бокер предложил Жанне считать, что это место и есть Франция — во всяком случае, по духу. Противостоят друг другу две крупные партии — Хранители против Скептиков. И чтобы найти ответы на некоторые ключевые спорные вопросы, обе партии согласились провести Великое Обсуждение — так сказать, словесное сражение между двумя выдающимися защитниками каждой из сторон.

— Что за вопросы? — резко спросила Жанна.

— Нужно ли создавать механические существа с искусственным интеллектом? И если нужно, то следует ли считать их полноправными гражданами, со всеми надлежащими гражданскими правами?

Дева пожала плечами.

— Это что, шутка? Права есть только у благородных господ и аристократов.

— Не только — хотя наше общество тоже разде-

лено на сословия. Сейчас гражданскими правами наделено большинство населения, то, что называется — народ.

— И крестьяне вроде меня? Мы тоже? — спросила Жанна. Господин Бокер, на лице которого явственно отражалось смятение и нерешительность, повернулся к волшебнице и спросил:

— Я что, должен ей все рассказать?

— Но вы ведь хотели, чтобы она оставалась такой, как есть, — заметила волшебница Сибил. — Или, вернее, такой, какой она была.

Господин Бокер пару минут рассуждал о каком-то «концептуальном изменении», что бы это ни означало — а означало оно, вероятнее всего, некое теологическое разногласие по поводу природы механических созданий. Жанне ответ на этот вопрос казался ясным и совершенно очевидным, но она ведь была простой крестьянской девушкой, а не всемирно известным ученым. Поэтому Жанна сказала:

— Но почему тогда вы не спросите об этом своего короля? Или его советников? Или, в конце концов, кого-нибудь из ученых мужей?

Господин Бокер набрал в грудь воздуха и шумно выдохнул, безуспешно стараясь успокоиться.

— Да потому что наши правители ни на что не

годны! Они слабы и нерешительны! Ничтожества, которые прячут свою слабость за заумными рассуждениями!

— Неужели?..

— Ты и представить себе не можешь — с твоими-то первобытными чувствами и понятиями… Сейчас накал страстей и глубокие, искренние чувства сделались немодными. И нам очень нужен человек старой закалки, так сказать, «с огоньком»…

— Нет! Нет! О!.. — Жанне ясно представилось, как ее со всех сторон окружает нестерпимо жаркое пламя…

Прошло несколько минут, прежде чем дыхание Жанны выровнялось и она смогла слушать дальше.

Великий спор между Верой и Разумом должен состояться в Колизее, что в секторе Юнин, в присутствии четырехсот тысяч слушателей. Дева Жанна и ее противник в споре предстанут перед слушателями в виде голограмм, ростом в пятьдесят раз больше истинного. А после завершения дебатов каждый гражданин должен будет проголосовать по главному вопросу.

— Проголосовать? Что это значит? — не поняла Жанна.

— Вы хотели, чтобы она осталась такой, как прежде, неизмененной, — напомнила Бокеру волшебница Сибил. — Такая она и есть.

" Жанна слушала, не проронив ни звука, а ее наставник старался втиснуть тысячелетние знания в считанные минуты рассказа. Когда господин Бокер закончил, Жанна сказала:

— Я побеждала в сражениях, и то не долго — и никогда не побеждала в спорах. Я не сомневаюсь, что вам известна моя судьба.

Ей показалось, что господин Бокер уязвлен.

— О, эта неопределенность древних! Мы очень мало знаем о тех исторических событиях, которые происходили в твое время, — очень, очень мало… Мы даже не знаем точно, где находится то место, где ты жила. Но нам известно немало подробностей о том, что случилось после того, как ты… э-э-э…

— Умерла. Вы можете говорить так, как есть. Я способна смириться со своим уделом, как смирилась бы любая другая христианская девушка, попав в Чистилище. И точно так же я прекрасно знаю, кто такие вы.

Волшебница Сибил с любопытством спросила:

— И кто же мы, по-твоему?

— Вы — ангелы! Вы явились мне в облике

обычных людей, чтобы успокоить мои страхи и сомнения. И вы возложили на меня святую миссию. Если даже в ней есть что-то от жульничества, все равно это дело — благое!

Господин Бокер медленно, как завороженный, кивнул и поглядел на волшебницу Сибил.

— Из сохранившихся сведений о твоей персоне известно, что твое доброе имя было восстановлено раньше чем через четверть века после твоей гибели. И те, кто предал тебя проклятию, публично признали свою не правоту. А тебя стали называть «Розой Луары».

Жанна смахнула с ресниц непрошеные слезинки.

— Мои судьи… Если бы я была искусна в спорах, я разгромила бы в пух и прах моих инквизиторов — этих английских прихвостней из Парижского Университета! Я доказала бы им, что никакая я не ведьма!

Господин Бокер принял страстные слова Жанны близко к сердцу.

— Видите, даже доисторические люди знали, когда Святые Силы были на их стороне!

Дева Жанна рассмеялась, на душе у нее сделалось легко и светло.

— Господь всегда стоит на стороне Своего Сына,

а также всех святых и великомучеников! Но это вовсе не означает, что они избегнут роковых ошибок или даже смерти.

— Она права, — заметила волшебница Сибил. — Даже целые миры и галактики разделяют человеческий жребий.

— Нам очень не хватает твоей духовности, Дева Жанна, — с мольбой в голосе произнес господин Бокер. — Мы становимся слишком похожими на наши машины. Скоро у нас не останется ничего святого, кроме совершенного взаимодействия тех частей, из которых мы состоим. Мы знаем, что ты станешь отвечать на вопросы со всей искренностью и сердечным жаром, какие в тебе есть, ты ответишь просто и правдиво. Именно об этом мы тебя и просим.

Жанна почувствовала, что начинает уставать. Ей нужно было время, время и одиночество — для того чтобы осмыслить услышанное.

— Я должна посоветоваться с моими голосами. Там будет только один — или несколько вопросов, на которые мне нужно ответить?

— Только один.

Инквизиторы требовали от нее гораздо большего. Они задавали так много вопросов! Десятки, сотни вопросов, часто повторяя один и тот же по

несколько раз. И ответы, которые были правильными в Пуатье, оказывались не правильными в любом другом месте. Ее лишали еды, питья, ей не давали отдыха, ее запугивали, угрожая пытками огнем… и она не сумела выдержать их допроса. «Длинные ли волосы у архангела Михаила? Полная или же худая святая Маргарет? Карие или голубые глаза у святой Екатерины?»

Они поймали ее в ловушку, расспрашивая о плотских чертах духовных голосов. А после этого извратили смысл ответов и обвинили ее саму в том, что она наделяет святых духов бренной плотью!

Все это — зловредные испарения. А в Чистилище можно ожидать любых, и куда худших, судебных разбирательств. Здесь нельзя быть ни в чем до конца уверенной — например, в том, что тот, кто называет себя господином Бокером, на самом деле друг, а не враг.

— Что это? — спросила Жанна. — В чем состоит этот единственный вопрос, на который мне нужно будет ответить?

— Все признают, что у искусственно созданных человеком механизмов может быть некое подобие мозга. Вопрос же состоит в том, есть ли у таких созданий душа?

— Только Единый Творец, Господь наш, обладает силой сотворять души.

Господин Бокер улыбнулся.

— Мы, Хранители Веры, совершенно с тобой согласны. Создания с искусственным интеллектом отличны от нас, людей, своих создателей. У них, в отличие от нас, нет души. Они — всего лишь машины. Механические аппараты со сложным искусственным мозгом, который работает на основе электронных программ. Душа есть только у людей.

— Если вам уже известен ответ на вопрос, зачем же вы спрашиваете меня?

— Чтобы убедить недоверчивых! Сперва — тех, кто будет слушать тебя в Колизее сектора Юнин, потом — весь Трентор, всю Империю!

Жанна задумалась. Ее инквизиторы тоже всегда знали ответы на вопросы, которые задавали. Господин Бокер кажется искренним и чистосердечным — но такими же были и те, кто заклеймил ее как ведьму и послал на костер. Господин Бокер заранее назвал ей ответ, причем такой, с которым согласится любой здравомыслящий человек, — однако Жанна не была вполне уверена, что здесь не кроется какой-нибудь подвох. Она не понимала, чего на самом деле хочет тот,

кто называет себя господином Бокером. И даже распятие, которое священник, вняв ее мольбам, держал перед нею во время казни, — даже распятие не защитило ее от едкого маслянистого дыма, от яростного, неумолимого пламени…

Господин Бокер сказал:

— Так что, согласна ли Роза Луары стать нашим защитником?

— А эти люди — те, кого я должна убедить… Они тоже происходят от Карла из дома Валуа, Великого и Истинного короля?

Глава 5

Когда Марк пришел в «Брызги и понюшки», где у него была назначена встреча с давним приятелем и коллегой, Нимом, он ужасно удивился, обнаружив, что Ним уже поджидает его там. И, судя по расширенным зрачкам Нима, он просидел здесь почти целый день.

Марк спросил:

— Что, здорово поддач? Стряслось что-нибудь? Ним покачал головой.

— А ты все тот же, старина Марк, непосредственный, как тот кулак! Первым делом прими затяжку этой дури. Она, правда, нисколько не утоляет жажды — наоборот, эта штука на раз высушит тебе все мозги… Но какая разница? На вот, вдохни…

Наркотик, который подсунул Марку Ним, оказался чем-то высушенным и растертым в тонкий порошок. На вкус он немного отдавал мускатным орехом и был едким, словно злобное насекомое с ядовитым жалом. Марк вдыхал его по чуть-чуть, сперва одной ноздрей, потом другой. Он хотел сохранить более-менее ясную голову к тому времени, когда Ним заговорит с ним о службе —

какие там ведутся разработки. А потом уж можно будет и «полетать» немного, расслабиться.

— Тебе это может и не понравиться, — сказал Ним. — Это касается Сибил.

— Сибил! — Марк рассмеялся, но смех его прозвучал немного неестественно. — С чего ты взял, что меня это колышет?..

— А ты сам мне рассказывал. Помнишь, когда мы с тобой в прошлый раз вместе накачались?

— Черт!.. — От этой дури он что-то становится слишком болтливым. И что еще хуже — он потом совершенно не помнит, о чем болтал.

— Не такая уж это и государственная тайна… — Ним ухмыльнулся.

— Это так заметно? — Марк знал, что его приятель Ним меняет женщин чаще, чем сам он — нижнее белье, но все же хотел убедиться, что со стороны Нима ему ничего не грозит в отношении Сибил. Его Сибил. — И что там про нее?

— Тому, кто победит большого дядю в Колизее, достанется много чего хорошего…

— Без проблем! — заявил Марк. — Это буду я.

Ним запустил пальцы в свои огненно-рыжие волосы и сказал:

— Все никак не пойму, за что я люблю тебя больше — за твою скромность или за редкостный

дар предвиденья будущего? Наверное, все-таки за скромность. Точно! Так мне больше нравится.

Марк пожал плечами.

— Ну, она, конечно, хороший специалист…

— Но ты — лучше.

— Мне просто больше везет. Они поручили мне Разум. А Сибил отдали Веру.

Ним окинул приятеля затуманенным взглядом и еще раз глубоко затянулся дурманящим дымом.

— На твоем месте я бы не стал недооценивать Веру. Она пробирает людей, цепляет их чувства, а от чувств не так-то просто отделаться.

— Это точно… Они со временем непременно вылезают наружу.

— А свет разума проливается наружу непрерывно, а?

— Если нервные клетки у тебя восстанавливаются — то да. Ним посмотрел на просвет склянку, проверил, не осталось ли в ней хоть немного наркотика, и хитро подмигнул Марку.

— Ну, тогда, наверное, тебе не нужен маленький совет, который мог бы дать тебе старый добрый друг…

— Что за совет? Я не слышал пока никаких советов. Ним захихикал.

— Если где-нибудь в твоих невосстановленных нервных клетках найдется место обыкновенному здравому смыслу, ты, конечно же, быстро-быстро завяжешь со всякими порывами помогать Сибил и не станешь улучшать ее симулятор. А еще лучше — ты притворишься, что хочешь ей помочь, а сам посмотришь, что интересного она придумала, и применишь на своем симе. Но на самом-то деле ты будешь подыскивать подход к самой Сибил, ну, и к ее симу тоже. Народ говорит, этот сим — просто кошмар какой-то.

— Я его видел.

— Ты видел только часть его. А представь, что будет, когда она запустит его на полную катушку?

— Мы каждый день работаем над…

— Ну, что ты видел? Упрощенную версию сима. А твоя Сибил возьмет да и вставит в него полную псевдопсихику.

Марк нахмурился. Он знал, что ведет себя по отношению к Сибил немного легкомысленно — в том, что касается их совместной работы. Но прежде это не особенно его волновало. Может, напрасно?

— Она не станет…

— А ведь может! Большие парни, что сидят

наверху, положили на нее глаз.

Марк внезапно ощутил приступ жгучей ревности, однако сумел не выдать своих чувств.

— Э-э-э… Спасибо, что подсказал.

Ним мотнул головой и лукаво ухмыльнулся.

— Может, ты и не просил совета, но ты будешь полным придурком, если не примешь его к сведению.

— А что там за куча всего хорошего, которая достанется тому, кто выиграет?

— Про что это ты, парень? Ты хочешь сказать, что я не упомянул в самом начале, что все рассчитано на тех, у кого амбиций выше крыши?.. Быть не может! И совет мой опять же…

Марк еще разок вдохнул дурманящего снадобья — глубоко, обеими ноздрями.

— Я, ясное дело, взял твой совет на заметку.

— По всему видно, там заваривается большая буча. Дела будут еще те, я тебе говорю! Тебе пока кажется, что все готовится только для одного сектора — так вот, не все так просто. Я тебе говорю, на этот цирк придут пялиться людишки со всего Трентора. Это точно. Проверено!

— Оно и к лучшему, — сказал Марк, хотя в эту минуту его желудок свернулся клубком, словно его внезапно столкнули с обрыва в бездонную

пропасть. Да, опасно жить во время настоящего культурного Возрождения… А может, это ощущение пустоты под ногами — просто действие наркотика?..

— То есть я хочу сказать, Селдон и тот парень, который вьется вокруг него, как ручная собака, — Амариль, кажется, его зовут, — короче, ты что, думаешь, они сдали вам этих симов потому, что не могли сами справиться, сами не могли их раскрутить, а?

Марк «принял на грудь» еще пару затяжек, а потом ответил:

— Нет. Потому, что я — лучший!

— Приятель, ты ведь гораздо ниже их обоих по положению на чертовой служебной лестничке — понимаешь? Друг мой, разуй глаза — ты же просто расходный материал, мусор!

Марк помрачнел и кивнул.

— Я возьму это на заметку…

Кажется, он повторяет свои же слова по второму разу? Похоже, снова перебрал стимулятора…

Марк и не вспоминал о «мудрых» советах Нима, пока не прошло два дня после их встречи. Но через два дня Марк случайно услышал в буфете, как один из сотрудников исполнительного отдела нахваливает работу Сибил господину Хастору,

главе «Технокомпании». Марк мгновенно забыл о завтраке и пошел обратно, на свой этаж. Проходя мимо двери кабинета Сибил, который был как раз на пути к его собственному кабинету, Марк решил — как он говорил сам себе — сказать девушке пару комплиментов. Но когда дверь в ее кабинет оказалась незапертой и оказалось, что в кабинете никого нет, Марк не смог устоять перед внезапно нахлынувшим порывом.

Прошло еще полчаса, и Марк подпрыгнул на месте от неожиданности и испуга, когда от двери раздался оклик:

— Марк!

Это была Сибил. Девушка пригладила рукой волосы — Марк расценил этот жест как бессознательное «прихорашивание», которое без слов выдает желание понравиться.

— Тебе нужна помощь?

Марк много чего успел. Он уже мог воспроизвести весь разговор Сибил с ее клиентом, Бокером. Кстати, Сибил и так рассказывала Марку об этом разговоре — в общих чертах. Марк рассудил, что его сомнения — как Сибил удается «приручать» трудного в общении Бокера — прояснятся, когда он увидит этого Бокера живьем. Правда, для этого придется поступиться правилами взаимоотноше-

ний с клиентами, пойти на компромисс… Обычно такого не делают. Но этот случай — совершенно особенный.

Он пожал плечами и сказал безразличным тоном:

— Я просто поджидаю тебя…

— Я сделала ее гораздо более структурированной. Перепады настроения у нее теперь не превышают ноль целых две десятых!

— Чудесно! Можно взглянуть?

Ему показалось — или это в самом деле так? — что сегодня Сибил улыбается ему гораздо теплее и нежнее, чем обычно? Он думал об этом все время, пока шел к своему кабинету, — после того, как они вдвоем с Сибил целый час проработали над симулятором Девы Жанны. Сибил и вправду добилась неплохих результатов: тщательно и очень искусно восстановила у симулятора сложную топографию первобытной личности.

И все это — за последние два дня? Нет, скорее всего — нет.

Что ж, значит, пришло время немного прогуляться по виртуальному пространству, поразнюхать, что там к чему…

Глава 6

Вольтер был в мрачном расположении духа — брови сердито нахмурены, сведены к переносице, руки уперты в костлявые бедра. Он поднялся со своего украшенного богатой вышивкой кресла — это кресло стояло в его собственном кабинете, в замке, принадлежавшем маркизе дю Шатле, которая долгое время была его близкой подругой.

Это место, которое он вот уже пятнадцать лет считал своим домом, стало действовать ему на нервы — теперь, когда ее здесь больше нет. Кроме того, негодяй маркиз не стал даже ради приличия ждать, пока остынет тело почившей супруги, и нагло заявил Вольтеру, что тот должен покинуть замок.

— Забери меня отсюда! — потребовал Вольтер у ученого, который наконец-то ответил на его призыв. «Ученый» — новое слово, которое, несомненно, происходит от древнего латинского корня «знать». Правда, с виду про этого его приятеля-ученого нельзя было сказать, что он так уж много знает. — Я хочу снова попасть в кафе! Мне нужно увидеться с Девой.

Вольтер начал уже раздражаться, когда ученый

склонился над контрольной панелью и широко улыбнулся, гордый сознанием своей силы.

— По-моему, она не очень-то тебе подходит. В течение всей твоей жизни — не забывай, я просканировал твою память и у тебя не может быть от меня никаких секретов! — так вот, всю жизнь тебе явно нравились только умные, сообразительные женщины. Такие, как, скажем, твоя племянница или мадам дю Шатле.

— И что с того? Скажите на милость, кто в силах вынести общество глупой женщины? Одно лишь хорошо в этих глупышках — им можно доверять. Потому что из-за скудости рассудка они не додумаются до того, чтобы вас обмануть.

— Не то, что мадам дю Шатле?

Вольтер в раздражении побарабанил пальцами по крышке стола — прекрасного стола орехового дерева, который, как он вдруг вспомнил, подарила ему когда-то мадам дю Шатле… Только вот… как, интересно, этот стол попал в столь непривлекательное место? Неужто в самом деле стол выудили из его собственных воспоминаний?

— Да, она предала меня. Но она жестоко поплатилась за предательство.

Ученый удивленно приподнял брови.

— Ты имеешь в виду — предала тебя с тем

молоденьким офицером? От которого она забеременела?

— Замужней женщине сорока трех лет, у которой трое взрослых детей, вовсе ни к чему снова беременеть!

— Ты страшно разозлился, когда она рассказала, — вполне понятная и естественная реакция, хотя от этого не легче. Однако ж ты ее не бросил и оставался с нею даже во время родов.

Вольтер разволновался. Воспоминания, горькие, темные воспоминания потекли, словно черные воды подземной реки. Он очень беспокоился о том, как пройдут роды, — но она родила на удивление легко. И спустя девять дней самая необыкновенная женщина из всех, кого он когда-либо знал, умерла. Умерла от родильной горячки. Никто — даже его племянница, и домоправительница, и предыдущая любовница, мадам Дени, которая впоследствии приняла на себя заботы о нем, — даже она не смогла полностью заменить маркизу дю Шатле… Вольтер горевал о ней до тех пор, пока… (он долго отгонял от себя эту мысль, старался об этом не думать, но…) пока не умер.

Вольтер надул щеки, выдохнул и быстро ответил:

— Она убеждала меня, что совершенно нера-

зумно запрещать «женщине, высокого происхождения и не обделенной талантами» пользоваться теми же правами, которыми обладаю я сам. Особенно она допекала меня, когда я несколько месяцев не мог заниматься с ней любовью. Права, которыми обладают мужчины, должны принадлежать и женщинам — женщинам благородного происхождения, настоящим аристократкам. И я позволял ей убеждать меня… она уговаривала так мягко, так рассудительно.

— Ах! — выдохнул ученый, и на лице его появилось загадочное выражение.

Вольтер потер лоб рукой, стараясь отогнать печальные воспоминания.

— Она была исключением изо всех возможных правил. Она понимала Ньютона и Локка. Она понимала любое слово, которое я написал. Она понимала меня…

— А почему ты не занимался с ней любовью? Был слишком занят своими оргиями?

— Любезнейший, мое пристрастие к подобного рода массовым развлечениям весьма преувеличено. Действительно, как-то раз, в юности, я принял приглашение на такое празднество плотских наслаждений. И так замечательно там себя проявил, что меня с удовольствием приглашали

еще и еще.

— И ты принимал эти приглашения? — поинтересовался ученый.

— Конечно же, нет! Кто пошел на такое один раз — тот философ. Кто сделал это дважды — уже извращенец.

— Чего я никак не могу понять, так это почему ты, человек с богатым жизненным опытом, так упорно хочешь снова увидеть Деву?

— Она страстная и умеет увлечь за собой… — сказал Вольтер. Перед его мысленным взором, как живой, встал образ Жанны. — Она такая храбрая и так искренне предана тому, во что верит.

— Но тебе самому были свойственны эти же качества, и в не меньшей мере, чем ей.

Вольтер топнул ногой, но пол оказался слишком податливым и заглушил все звуки.

— Почему ты все время говоришь обо мне в прошедшем времени?

— Прошу прошения. И, кстати… я, кажется, не включил фоновую озвучку, — ученый поколдовал над контрольной панелью, что-то переключил, и Вольтер услышал, что при каждом его шаге пол стал легонько поскрипывать. Откуда-то снаружи доносились другие звуки — стучали копыта по мостовой, грохотали колеса

проезжающих экипажей.

— Что у меня есть — так это сильный характер. Не путай, пожалуйста, страстность и характер — хотя и то, и другое связано с нервами. Страстность — порождение движений души и сердца, а не просто результат механических перемещений телесных жидкостей.

— Ты веришь, что у человека есть душа?

— В сущности, да, конечно. Дева всем сердцем поверила в свои видения — несмотря на то, что ее не одобряли ни церковь, ни светская власть. Дева с ее приверженностью видениям не была запятнана испорченностью, извращенностью — в отличие от меня. На самом деле она — первая истинная протестантка. Я, признаюсь, долгое время отдавал предпочтение протестантам перед папистскими абсолютистами — пока не поселился в Женеве и собственными глазами не увидел, что свое повсюду превозносимое презрение к мирским удовольствиям они на самом деле соблюдают ничуть не строже, чем те же паписты, которых они так поносят. Одни только квакеры не занимаются втихаря тем, что осуждают публично. Как это ни прискорбно — но сотня истинно верующих не спасет миллионы лицемерных ханжей!

Губы ученого изогнулись в кривой ухмылке, весь его вид выражал недоверие.

— Жанна отреклась, уступила, испугавшись их угроз.

— Но ведь они держали ее на кладбище! — не сдерживая раздражения, воскликнул Вольтер. — И все время изводили бедную доверчивую девочку ужасами смерти и адских мук! Проклятые ослиные задницы, вот они кто! Застращали храбрейшую женщину Франции, женщину, которую должны были всячески чтить и уважать. Мерзкие ханжи! Лицемеры! Они не могут без мучеников — точно так же как пиявки не могут обойтись без крови. Они жиреют на человеческом самопожертвовании — только если жертвует собой кто-то другой.

— Все, что нам об этом известно, — это твое мнение и мнение Жанны. Никаких иных исторических сведений о столь отдаленном периоде у нас просто не сохранилось. Однако теперь мы гораздо больше знаем о людях…

— Это тебе так кажется, — язвительно заметил Вольтер и, чтобы немного успокоиться, принял понюшку табаку. — Негодяев губит все самое худшее, что в них заложено, а героев — самое лучшее, что в них есть. Они играли на ее честности

и храбрости, как хотели, — лицемерные свиньи, которым попала в лапы скрипка.

— Да ты, похоже, ее защищаешь? — Ученый все так же издевательски ухмылялся. — А в той поэме, которую ты когда-то о ней написал, — просто удивительно, как иные люди ухитряются запоминать свои собственные произведения, да еще и цитируют их потом по памяти! — в этой поэме ты изобразил ее как грязную кабацкую шлюшку, гораздо старше, чем она была на самом деле, бессовестно врущую про свои так называемые «голоса», суеверную, но практичную дурочку. И самым страшным врагом ее чистоте и целомудрию — которые она собиралась защищать — оказался, кажется, осел? Да, да — осел с крыльями! Вольтер улыбнулся.

— Великолепная метафора для римской церкви, не правда ли? Я подметил это очень точно — и нанес удар. А она была всего лишь мечом в моей руке, которым я поразил врага. Тогда я еще не встречался с ней лично. И понятия не имел, что это женщина такой потрясающей глубины.

— Глубины чувств — возможно, но не интеллекта. Она же простая крестьянка!

Марк всегда помнил, что ему едва удалось избежать подобной участи на грязной, захудалой

земледельческой планетке Бехлюр. И только благодаря экзаменам у «Серых»! А теперь он избавился и от их скучной, однообразной рутины, и прямо сейчас, своими руками вершит настоящую культурную революцию.

— Нет, нет. Дело совсем в другом… Глубина ее души — вот что меня очаровало. Моя душа — словно маленький ручеек. Чистый и прозрачный, потому что мелкий. А она — полноводная река, да что там — океан! Верни меня в кафе, немедленно! Она и заводной гарсон — единственное общество, которое мне осталось.

— Учти, она — твой будущий противник, — сказал ученый. — Она — креатура тех, кто презирает ценности, которые ты отстаивал всю свою жизнь. И чтобы ты наверняка взял над ней верх в этом споре, я собираюсь тебя усовершенствовать.

— Я — целостный и неприкосновенный! — холодно заявил Вольтер.

— Я собираюсь накачать тебя сведениями о современной науке, технике и философии, ознакомить с последними достижениями человеческого разума. И тогда твой рассудок обязательно возьмет верх над ее верой. Ты должен воспринимать ее как противника, врага — каковым она и является, если хочешь, чтобы цивилизация и впредь

продолжала развиваться рационально и научно.

Бесстыдство и красноречие этого паренька были просто очаровательны, но это очарование не шло ни в какое сравнение с благоговением, какое Вольтер испытывал по отношению к Жанне.

— Я отказываюсь что-либо читать до тех пор, пока ты не воссоединишь меня с Девой! В кафе!

Ученый имел наглость рассмеяться.

— Ничего у тебя не выйдет! Пойми, у тебя нет выбора. Я просто вложу в тебя эту информацию — и все. И у тебя будут все знания, нужные для того, чтобы победить, — хочешь ты того или нет!

— Ты нарушаешь мою целостность и неприкосновенность!

— Не забывай, что после этих дебатов встанет вопрос: оставить тебя работать или…

— Прикончить?

— Ну, вот и прекрасно… Я открыл тебе все карты.

Вольтер воинственно нахмурился. Он мгновенно распознал в голосе ученого знакомые стальные нотки человека, облеченного властью. Вольтер научился узнавать их, когда ему было лет семь, — в голосе своего отца, поборника строжайшей дисциплины. Суровый, безжалостный отец так изводил мать Вольтера, что бедняжке

остался единственный способ избежать мучений: умереть. Но этот способ Вольтер сразу же отмел как неприемлемый.

— Я отказываюсь использовать любые дополнительные знания, которые ты в меня заложишь, — если ты немедленно не вернешь меня обратно в кафе!

Как ни возмутительно, но проклятый ученый смотрел на Вольтера примерно так же, как сам Вольтер смотрел на своего парикмахера, — надменно, всем своим видом выражая высокомерное превосходство. Его кривая ухмылка яснее всяких слов говорила: ученый прекрасно понимает, что Вольтер никак не сможет существовать без его, ученого, защиты и поддержки.

Смирение и покорность обманчивы. Хотя Вольтер и происходил из среднего класса, он не верил, что простые люди столь же достойны и благородны, как аристократы по рождению. Одного подозрения о том, что его парикмахер может стать в позу и начать диктовать ему свои условия, Вольтеру хватило бы для того, чтобы никогда в жизни не надевать больше парика. И поскольку сейчас сам Вольтер, как это ни досадно, оказался в положении возомнившего о себе парикмахера — он просто не мог больше выно-

сить присутствия этого мерзкого самодовольного человечишки-ученого.

— Вот что я тебе скажу, — продолжал между тем ученый. — Ты сотворишь одно из своих расчудесных «литературных философствований», в котором разобьешь наголову саму концепцию человеческой души, — и я, может быть, снова сведу тебя с Жанной. Но если откажешься — то не увидишь свою Деву до того дня, когда состоятся дебаты. Ясно?

Вольтер обдумал предложение.

— Ясно, как маленький ручеек… — негромко сказал он — и вдруг начал закрываться, сворачиваться, из глубин его сознания поднялись темные, огненно-черные тучи. Воспоминания, горькие и печальные. Вольтер почувствовал, как в нем открывается провал в прошлое, и его затягивает, засасывает в этот черный водоворот, и он тонет в этой бездонной темноте…

— Он зацикливается!.. В нем что-то есть под поверхностью! — словно издалека, донесся до Вольтера крик Марка.

А перед его внутренним взором уже разворачивались события далекого прошлого.

— Немедленно звони Селдону! В этом симе несколько слоев!

Звони Селдону!

Глава 7

Гэри Селдон, не отрываясь, смотрел на сменяющиеся образы и непрерывные потоки данных.

— У Вольтера случился прорыв каскада воспоминаний. Посмотрите только на степень вовлеченности и значимости для него этих воспоминаний!

Марк тупо смотрел на нескончаемый поток цифр, ничего в них не понимая.

— Да, именно…

— Вот этот всплеск активности — это узел воспоминаний о… дебатах с Жанной, происходивших восемь тысяч лет назад!

— Значит, кто-то уже использовал эти симы раньше…

— Да — для открытого обсуждения. Оказывается, история не только повторяется… Иногда она даже заикается.

— Вера против Разума?

— Вера и механисты против Разума и человеческой воли, — сказал Селдон, словно расшифровывая с листа путаницу цифровых комплексов. Марк не мог следить за соединениями логических блоков так быстро, как Селдон, — просто

не успевал. — В те времена в обществе назрело фундаментальное противоречие компьютерного интеллекта и его… скажем так, проявлений.

Марк заметил, что лицо Гэри Селдона на мгновение затуманилось, его как будто встревожило какое-то мимолетное воспоминание. Может быть, он что-то скрывает?

— Проявления, сэр? Вы имеете в виду что-то вроде тиктаков?

— Да, что-то вроде них, — сухо ответил Селдон.

— И Вольтер выступал на стороне…

— В те времена он отстаивал человеческое начало. А Жанна защищала Веру, то есть соответственно — ах! — тиктаков.

— А я и не знал…

— Тиктаков… Вернее, высшие формы тиктаков обвинили в том, что они могут взяться за управление человечеством. — Селдону явно было от чего-то не по себе.

— Тиктаки?.. — Марк пренебрежительно фыркнул.

— Точнее — высшие формы тиктаков.

— И именно это Вольтер с Жанной обсуждали восемь тысячелетий назад? Значит, вот для чего их создали… И кто, интересно, тогда победил?

— Результат дебатов неизвестен. Я полагаю, обе

стороны пришли к заключению, что вопрос, который выставлен на обсуждение, — некорректный и нелепый. Невозможно создать искусственный интеллект, поистине способный руководить человечеством.

Марк кивнул, соглашаясь.

— Похоже на то. Машины никогда не смогли бы стать такими же сообразительными, как мы, люди. Выполнять простые, рутинные обязанности они, пожалуй, еще смогли бы, но…

— Я полагаю, что прежние воспоминания полностью уничтожены, — резко прервал его Селдон. — И, следовательно, промежуточный слой памяти тоже выпадает.

— Ну, если вы так считаете — это просто здорово. Я, видите ли, был не вполне уверен, что нам удастся отследить и оборвать ему все пути доступа к этому блоку воспоминаний. Эти симы используют голографические воспоминания, то есть…

— Для того чтобы достичь нужного вам результата на предстоящем обсуждении, это, конечно же, — решающий вопрос. Однако симам можно найти и иное применение…

— Например?

— Историки захотят с их помощью восстано-

вить недостающие исторические сведения о давно минувших эпохах. Они, конечно же, будут добиваться разрешения поработать с симами. Не соглашайтесь, откажите им.

— Ну, это и так понятно… Я хотел сказать, мы не допустим, чтобы с симами работал еще кто-нибудь, кроме нас.

Селдон внимательно всматривался в запутанный рисунок цифрового описания симулятора.

— Они очень сложные, ведь так? Их сознание сравнимо по глубине с настоящим, человеческим… У них есть даже подсознание… М-м-м… Что меня больше всего удивляет — так это каким же образом у них при всем этом стабильно сохраняется чувство самосознания? Почему их ментальные построения до сих пор не рассыпались, подобно карточному домику?

Марк не понял, к чему клонит Селдон, но сказал:

— Мне так кажется, те древние, что создали этих симов, знали кое-какие штуки, которых мы не знаем.

Селдон кивнул.

— Да, в самом деле. В этом что-то есть…

Он быстро поднялся со стула. Марк тоже встал.

— Вы не могли бы остаться еще немного? Я

уверен, Сибил тоже захочет с вами поговорить…

— Прошу прощения, но я должен идти. Работа, сами понимаете…

— О, да, конечно… Спасибо за…

Селдон быстрыми шагами вышел из кабинета, а Марк так и остался стоять с открытым ртом, изумленно глядя ему вслед.

Глава 8

— У меня нет никакого желания снова встречаться с тем тощим господином в парике. Он считает себя лучше всех остальных, — говорила Жанна волшебнице по имени Сибил.

— Это верно, но все же…

— Мне гораздо лучше наедине с моими голосами.

— Этот господин совершенно тобою очарован, — сообщила госпожа волшебница.

— Вот в это верится с трудом, — сказана Жанна, но не сумела удержаться и улыбнулась.

— И все же это правда. Он попросил Марка — того, кто его воссоздавал, — чтобы ему сделали другой, новый образ. Вообще-то он прожил восемьдесят четыре года, если ты не знала.

— Как по мне, он выглядел даже старше. — Жанна припомнила парик, фиолетовую ленту, бархатные панталоны… На этом человеке, тощем, как высушенная фига, роскошный наряд смотрелся просто смехотворно.

— Марк решил сделать ему такой облик, чтобы он выглядел как в сорок два. Пойди, посмотри на него.

Жанна задумалась. Мсье Аруэ бы был гораздо менее омерзительным, если бы…

— Скажи, а у мсье в молодости был другой портной?

— Хм-м… В принципе это можно устроить.

— И я не пойду в таверну в этом…

Жанна приподняла закованные в цепи руки и вспомнила роскошный меховой плащ, которым сам король Карл обернул ее плечи во время коронации в Руане. Она хотела было попросить себе такой же плащ и сейчас, но, подумав, решила этого не делать. На судилище подняли столько шума вокруг этого плаща, обвинили ее во внушенной демонами любви к роскоши… Это ее-то, хотя она, до того дня когда сам король появился на суде, одевалась только в грубую мешковину на голое тело. А одежды тех, кто обвинял ее, были сделаны из черного шелка и бархата и благоухали дорогими духами — Жанна прекрасно это знала.

— Я сделаю, что могу, — сказала госпожа волшебница, — но обещай ничего не рассказывать господину Бокеру, ладно? Он не хочет, чтобы ты общалась с будущим противником, а мне кажется, тебе это только на пользу пойдет. Поможет отточить твое искусство перед Великим Обсуждением.

Затем все замерло. Жанне показалось, что она на миг потеряла сознание… она медленно падала среди мягких, пушистых облаков. Но вот — внезапные резкие вспышки зеленого и коричневого, холодные, гладкие плоскости… и сознание снова вернулось к ней, окружающее вновь стало ясным и четким. Жанна поняла, что оказалась в той самой таверне; ее снова окружали люди, по-видимому, даже не подозревающие о том, что она здесь есть.

По залу деловито сновали закованные в странные доспехи создания — они перемещали тележки с едой, протирали столы, уносили посуду. Жанна поискала взглядом Официанта и увидела, что он не сводит глаз с золотоволосой буфетчицы, которая старательно делала вид, что ничего не замечает. Горячий, страстный взгляд Официанта напомнил Жанне о том, как сама она смотрела на статуи святой Катерины и святой Маргарет — обе они казались такими отрешенными от всего человеческого, хотя и примирившимися с присутствием людей, как с неизбежным. Святые были словно на полпути между двумя мирами: наверху — святость и духовность, внизу — мирская суета. Точно так же и здесь, в этом месте — несмотря на всю его неприятную, режущую

глаз механическую и цифровую тарабарщину — все равно было Чистилище, чертог уединения и ожидания, плавающий между мирами.

Жанна постаралась не улыбнуться, когда появился мсье Аруэ. Сейчас на нем был темный, не присыпанный пудрой парик — но все равно он выглядел достаточно пожилым, примерно таким, как ее отец, Жак Дарк, которому было три десятка и еще один или два года. Плечи мсье Аруэ сгибались под тяжестью ноши он тащил на себе огромную кучу книг. Жанна уже видела книги — два раза. И хотя те выглядели не совсем так, как эти, она содрогнулась от ужаса, вспомнив, сколько тайной силы в них сокрыто.

— Ну, вот! — сказал мсье Аруэ, выкладывая книги на стол перед Жанной. — Сорок два тома. Мои избранные труды. Правда, пока не полные, — он улыбнулся. — Но все еще впереди. Э-э-э… Что-то не так?

— Вы насмехаетесь надо мною? Вы ведь знаете, что я не умею читать.

— Знаю. Но Официант-213-ADM сможет тебя научить.

— Я не желаю учиться. Все книги, кроме Библии, — диавольское порождение!

Мсье Аруэ воздел руки над головой и разра-

зился ругательствами, злыми и загадочными проклятиями вроде тех, которые говорили ее солдаты, когда забывали, что она рядом и может услышать.

Но ты должна научиться читать! Знания — это сила!

— Враг рода человеческого хитер и искусен, — заявила Жанна, старательно отодвигаясь, чтобы случайно не прикоснуться к какой-нибудь книжке.

Мсье Аруэ в крайнем раздражении повернулся к волшебнице, которая, как оказалось, сидела за соседним столиком, и сказал:

— Эй! Вы что, не могли сразу научить ее всему, что нужно? — потом снова повернулся к Жанне. — Как же ты по достоинству оценишь мое великолепие, если не умеешь даже читать?

— Мне и ни к чему.

— Ха! Если бы ты умела читать, ты разрушила бы козни тех идиотов, которые послали тебя на костер!

— Они все были учеными мужами, — заметила Жанна. — Такими же, как вы.

— Не-е-ет, милая моя pucellette, не такими, как я. Вовсе не такими, — и он протянул ей раскрытую книгу, от которой Жанна отшатнулась, словно

от ядовитой змеи. Мсье Аруэ потер книгу о свой живот, потом о локоть Официанта, который как раз подошел и остановился возле их столика. — Смотри, от книги нет никакого вреда! Видишь?

— Зло нередко бывает невидимым, — пробормотала Жанна.

— Мсье прав, — вступился за Вольтера Официант. — Все лучшие люди умеют читать,

— Если бы ты была, грамотной, — продолжал мсье Аруэ, — ты бы знала, что твои инквизиторы не имели абсолютно никакого права тебя допрашивать. Ты была военнопленной, взятой на поле боя. И у плениших тебя англичан не было никакого законного права подвергать испытанию твои религиозные убеждения, отдавать тебя на расправу французским инквизиторам и богословам. Ты предпочитала верить, что твои голоса — святые…

— Предпочитала!? — воскликнула Жанна.

— …а они предпочитали верить, что эти голоса — демонические. Сами англичане слишком терпимы, чтобы сжигать тебя за это на костре. Такие развлечения они оставляют нашим дорогим согражданам, французам.

— Они были не слишком терпимыми, когда отдавали меня епископу Бовэ, объявив ведь-

мой! — сказала Жанна и отвернулась, чтобы никто не заметил, как у нее слезы навернулись на глаза от жгучих воспоминаний. — Наверное, так это и было. Я ведь предала свои голоса…

— Голоса совести — не более того. Древний язычник Сократ тоже их слышал. Любой из нас может их слышать. Но совершенно неразумно посвящать им всю жизнь — хотя бы только потому, что, уничтожив свою личность во имя этих голосов, мы уничтожили бы и сами голоса, — Вольтер в задумчивости втянул воздух через сжатые зубы. — А люди благородного происхождения, как правило, всегда предают голос своей совести — ибо так принято.

— А мы, здесь?.. — прошептала Жанна. Вольтер сузил глаза.

— Эти люди?.. Не такие, как мы? Ученые?

— Они — призраки.

— Как демоны? Однако они рассуждают вполне разумно. Они создали аналитическую республику.

— По их словам. Однако они же просят нас заменить их в том, чем они не обладают.

— Но ты ведь сама утверждаешь, что они бесплотны, — Вольтер иронично изогнул губы и склонил голову набок, с любопытством ожидая

продолжения.

— Я думаю, мы слушали одних и тех же «ученых», а значит, нам обоим было дано одно и то же испытание.

— Я очень осторожно прислушиваюсь к голосам такого рода, — заметил Вольтер. — И, во всяком случае, я знаю, когда нужно остановиться и не следовать бессмысленному совету.

— Возможно, у мсье голоса более сговорчивы, — высказал предположение Официант. — И их гораздо легче пропускать мимо ушей.

— Я позволила им — проклятым церковникам! — заставить меня признать, что мои голоса — диавольские, — сказала Дева. — Хотя сама я всегда прекрасно знала, что они — святые. Разве это было не демоническое наваждение? Или ведьмовство?

— Послушай! — мсье Аруэ сжал ее плечи. — Ведьм не бывает! И единственными демонами в твоей жизни были те негодяи, что послали тебя на казнь. Бездушные свиньи, мерзавцы! Взять хотя бы того англичанина, который захватил тебя в плен, — он оклеветал тебя, назвав ведьмой, и притворялся, что верит в это, исключительно по политическим мотивам. И когда твои одежды сгорели, обманутые простофили вытащили твое

обгоревшее тело из огня, чтобы показать толпе и инквизиторам, что ты на самом деле — просто женщина, которая присвоила себе мужские привилегии, и уже за одно это заслуживаешь сожжения на костре!

— Умоляю тебя, замолчи! — хрипло прошептала Жанна.

Ей показалось, что на нее пахнуло едким, маслянистым запахом гари, хотя мсье Аруэ специально попросил Официанта поставить табличку «Не курить!» у входа в кафе. Правда, они были уже внутри… Комната закружилась вокруг нее, пол покачнулся. Жанна прошептала:

— Огонь!.. Пламя лижет…

— Все, хватит! — сказала волшебница. — Ты что, не видишь, что она вне себя?! Прекрати!

Но мсье Аруэ упорно продолжал:

— Они публично осмотрели интимные части твоего тела, после того, как одежда на тебе сгорела, — ты ведь не знала этого, не так ли? — точно так же, как до этого осматривали тебя, чтобы убедиться, что ты в самом деле девственница, как ты утверждала. И утолив свою похоть во имя «святых» целей, они снова бросили твое тело в костер и поджаривали твои кости, пока они не обратились в пепел. Вот как твои дорогие

соотечественники отплатили тебе за то, что ты принесла победу их королю! За то, что благодаря тебе Франция навсегда осталась французской. Они сожгли тебя, а потом, спустя какое-то время, в народе стали ходить слухи о том, что, дескать, сердце твое так и не сгорело в костре, а потом они и вовсе провозгласили тебя национальной героиней и спасительницей Франции. И я вовсе не удивляюсь, если по прошествии еще какого-то времени они канонизировали тебя и стали считать святой.

— Да, так и случилось — в тысяча девятьсот двадцать четвертом году, — сказала волшебница.

Но откуда она узнала эту странную цифру? Наверное, это ангельское озарение.

Ядовитые, злые слова мсье Аруэ настойчиво лезли Жанне в уши.

— Как будто ей от этого стало хоть чуточку легче! — накинулся мсье Аруэ на волшебницу.

— Эта дата была в сопроводительной записи, — ровным и спокойным голосом пояснила волшебница. — Хотя никак не можем соотнести эти цифры с реальным временем. По нашему летосчислению сейчас идет двенадцать тысяч двадцать шестой год Галактической Эры.

Невыносимо жарким потоком нахлынула ис-

пепеляющая логика. Горячие крылья опалили толпу любопытных, собравшихся вокруг костра поглазеть.

— Огонь!.. — хрипло воскликнула Дева. Ее горло стянула удушающая петля-удавка, и Жанна погрузилась в спасительную прохладу небытия.

Глава 9

— Всему свое время! — Вольтер ругался с ученой дамой. Она висела перед ним, словно ожившая картина, написанная маслом. Он сам выбрал такой образ, поскольку находил его наиболее убедительным.

— Я не стану закрывать на все это глаза, — деловитым тоном заявила ученая дама.

— Как можете вы остановить меня против моей воли?

— Меня и Марка осаждают репортеры — представители средств массовой информации. Я и подумать не могла, что Великое Обсуждение станет для прессы событием недели. И все они желают взять интервью у вас с Жанной.

Вольтер поправил ленту абрикосового цвета, завязанную в бант на его шее.

— Я отказываюсь выступать перед ними без своего напудренного парика!

— Мы вообще не станем показывать им ни тебя, ни Жанну. Все, что им надо, они могут узнать и у Марка. Марку нравится быть в центре внимания, и у него неплохо получается давать интервью. Кроме того, Марк считает, что, если он будет чаще

появляться на публике, это будет способствовать его служебной карьере.

— Я полагаю, что прежде чем принимать такое важное решение, ему надо было посоветоваться со мной…

— Послушай, я подключилась сразу же, как только мне позвонил мой мехсек — механический секретарь. Я запущу тебя на замедленной скорости, чтобы привести в порядок твою интегрированную матрицу. Ты вообще должен быть мне благодарен за то, что я дала тебе внутреннее время…

— Время для раздумий? — фыркнул Вольтер.

— Можно сказать и так.

— Не представляю, с какой такой стати за мои раздумья я должен быть кому-то благодарен? — Вольтер расположился в своих роскошно убранных апартаментах при дворе Фридриха Великого — играл в шахматы с монахом, которому специально платил за то, чтобы тот ему проигрывал.

— Это стоит немалых денег. И анализ затрат и пользы показывает, что было бы гораздо выгоднее работать над вами обоими одновременно, вместе.

— И что, никакого уединения? Нет, это просто

невозможно — поддерживать разумную беседу с женщиной!

Для усиления сценического эффекта Вольтер развернулся к ней спиной. Он был очень неплохим актером — это признавали все, кто видел, как Вольтер исполнял роли в собственных пьесах при дворе Фридриха Великого. Он умел подмечать удачные сцены, видел заложенный в них драматический потенциал. А эти создания были так бледны и невыразительны, они совсем не привыкли к бурным всплескам ярких эмоций, искусно сыгранных хорошим актером.

Голос ученой дамы потеплел:

— Избавься от него, и я полностью тебя модернизирую.

Вольтер повернулся и поднял вверх тонкий и длинный указательный палец, обращаясь к добродушному монаху — единственному человеку в сутане, присутствие которого мог выносить. Повинуясь его жесту, монах тихо встал и выскользнул из комнаты, аккуратно прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь.

Вольтер отпил глоток прекрасного шерри, какой подают при дворе короля Фридриха, и прочистил горло.

— Я требую, чтобы вы убрали из памяти Девы

воспоминания о ее последнем тяжком испытании. Это крайне затрудняет наше общение, точно так же как епископы и косные официальные власти затрудняют публикацию умных литературных произведений. И, кроме того… — Вольтер запнулся, словно ему было неловко проявлять чувства более мягкие, чем раздражение. — Она страдает. Я не в состоянии это вынести.

— Я не думаю…

— И еще, раз уж мы об этом заговорили… Уничтожьте в моей памяти воспоминания о тех одиннадцати месяцах, которые я провел в Бастилии. И еще мое поспешное бегство из Парижа — собственно, даже не само бегство, ведь практически вся моя жизнь прошла в скитаниях, в изгнании… Нет. Уберите только причины бегства, а следствие оставьте как есть.

— Ну, я не знаю…

Вольтер стукнул кулаком по крышке богато украшенного резьбой и инкрустацией маленького дубового столика.

— Если вы не избавите меня от кошмаров прошлого, я не смогу свободно работать!

— Простая логика…

— С каких это пор логика сделалась простой? Я не могу «просто» сочинить философское произве-

дение — как абсурдно, что таких, как Официант-213-ADM, лишают гражданских прав только на том основании, что у них, дескать, нет души. Этот Официант — удивительный парнишка, вы не находите? Что и говорить, он смышленее доброй дюжины святых отцов, с которыми я был знаком! Разве он не умеет разговаривать? Отзываться на чувства? Желать чего-то? Он до безумия влюблен в золотоволосую девушку-буфетчицу. Так разве он не должен иметь точно такое же право на счастье, как вы или я? Если у него нет души — то и у вас ее тоже нет. Есть ли у вас душа — можно понять только по вашему поведению. А из поведения Официанта явственно следует именно это: душа у него есть!

— Я вынуждена с вами согласиться, — призналась ученая дама. — Однако что касается поведенческих реакций Официанта-213-ADM, то это не более чем симулятор. Машины с развитым самосознанием уже много тысячелетий как вне закона.

— В чем я сильно сомневаюсь! — воскликнул Вольтер.

— И насколько это вызвано саркианским программированием?

— Ни на йоту! Права человека…

— …вряд ли следует распространять и на машины. Вольтер рассердился не на шутку.

— Я не смогу и не стану свободно высказывать свое мнение по столь щекотливым вопросам — до тех пор, пока вы не избавите меня от воспоминаний о тех страданиях, какие я перенес из-за того, что открыто выражал свое мнение!

— Но твое прошлое — это неотъемлемая часть твоей личности. Без всего того, что ты пережил, ты бы…

— Чушь! Полная чушь! А правда состоит в том, что на самом деле я не отваживался говорить, что думаю, — по очень и очень многим поводам. Возьмем хотя бы этого пуританина-жизнененавистника Паскаля, его взгляды о первородном грехе, чудесах и прочей подобной ерунде. Так вот, я не смог тогда решиться и не сказал, что я обо всем этом на самом деле думаю! Всегда — понимаете, всегда! — я вынужден был просчитывать, во что мне обойдется любое, даже малейшее покушение на светские условности и глупейшие обычаи.

Ученая дама очень мило прикусила губку.

— И все же у тебя здорово получалось, насколько мы теперь можем догадываться. Ты был очень знаменит. Мы не знаем твоей истории, не знаем

даже, из какого ты мира. Но из твоих воспоминаний становится ясно…

— А Дева? Она пострадала гораздо больше, чем я. Она заплатила за свои убеждения наивысшую цену. Распятие на кресте ничуть не страшнее, чем то, что перенесла бедная девочка, которую привязали к позорному столбу и сожгли! И теперь только раскури перед нею добрую трубку — до чего я, к слову сказать, большой любитель, — и у нее уже глаза закатываются от ужаса.

— Но ведь это тоже основа ее личности.

— Разумные беседы невозможно вести в атмосфере угроз и устрашения. Если наше предназначение — быть справедливыми судьями, умоляю, избавьте нас от этих кошмаров, иначе мы не сможем открыто высказывать свои мысли и не сумеем вдохновить на это других. В противном случае эти дебаты будут подобны олимпийским соревнованиям по бегу, когда у бегунов к ногам привязаны свинцовые гири.

Ученая дама ответила не сразу.

— Я… Я постараюсь вам помочь. Правда, не уверена, что у меня что-нибудь получится.

Вольтер язвительно фыркнул:

— Я достаточно много знаю о ваших методах работы. И знаю, что исполнить мою просьбу вы

можете без малейших затруднений.

— Ты прав, технически это совсем не трудно. Но дело в другом. С точки зрения этики я не вправе распоряжаться программой Девы по своему разумению, в угоду своей или твоей прихоти.

Вольтер вздернул подбородок.

— Я полагаю, мадам невысокого мнения о моей философии? А на самом деле…

— Вовсе нет! Я думаю о твоем мире! У тебя — замечательный, выдающийся ум, а если подумать, из каких глубин прошлого он явился, это вообще не вообразить как удивительно. Как бы мне хотелось, чтобы в Империи были люди, подобные тебе! Но твоя точка зрения, хоть она и логически обоснована, все же ограниченна — из-за того, о чем ты не знаешь, а потому не берешь в расчет.

— Это ты так о моей философии?! Она всеобъемлюща, универсальна!

— А я работаю на «Технокомпанию», и мои заказчики — Хранители, а их представитель — господин Бокер. И профессиональная этика велит мне предоставить им Деву такой, как они потребуют. И я не стану освобождать Деву от воспоминаний о пытках и казни — если только не уговорю их включить это в заказ. А Марку придется просить разрешения у компании и своих

заказчиков, Скептиков, на то, чтобы уничтожить часть воспоминаний у тебя. Он с удовольствием возьмется за это, можешь мне поверить. Кроме того, его Скептики гораздо более сговорчивы, чем мои Хранители. Ведь так ты получишь преимущество…

— Совершенно с вами согласен, — неожиданно уступил Вольтер. — Избавить меня от страхов и комплексов, а Деву оставить такой, как есть, — это, конечно же, несправедливо и неэтично. Этого не одобрил бы ни Локк, ни Ньютон.

Ученая дама молчала довольно долго.

— Я поговорю со своим начальством и с господином Бокером, — наконец, сказала она. — Но на твоем месте я бы ожидала, затаив дыхание.

Вольтер криво усмехнулся и сказал:

— Мадам забывает, что у меня нет дыхания, которое я мог бы задержать…

Глава 10

Сверкание заставки на экране компьютера в кабинете Марка прекратилось сразу же, как только он вошел к себе. Это значило, что на вызов симов ответила Сибил — у себя в кабинете.

Марка обожгло подозрение. Они договорились не общаться со своими симами по отдельности, наедине, хотя каждый и дал другому соответствующий допуск. Дева никогда не вступала в контакт первой, по своей инициативе. А это означает, что вызов пришел от Вольтера.

Да как Сибил посмела загрузить программу без него! Марк пулей вылетел из кабинета, его раздирало желание немедленно выложить Сибил и Вольтеру все, что он думает об их тайной возне у него за спиной. Но в коридоре Марка со всех окружили телерепортеры с камерами и назойливые журналисты. На то, чтобы от них отделаться, ушло не менее четверти часа, и когда, спустя пятнадцать минут, Марк ворвался в кабинет Сибил, он, конечно же, застал там ту картину, какую и ожидал: Сибил премило болтала с Вольтером с глазу на глаз. Причем она не стала включать сима на весь экран, а уменьшила его до размеров

обычного человека.

— Ты нарушила наш договор! — выкрикнул Марк. — Что ты тут делаешь? Пытаешься вскружить голову этому шизофренику, чтобы он ради твоих прелестей согласился проиграть спор?

Сибил включила паузу и спрятала лицо в ладони. Сим Вольтера замер. Сибил подняла голову, и Марк увидел, что глаза девушки наполнены слезами. Марк ощутил, как сжалось его сердце, как все внутри закипает от возмущения, но он быстро взял себя в руки и постарался не обращать внимания на мелочи. Никакого сомнения быть не может — она действительно целовалась с Вольтером, и как раз перед его приходом!

— Должен признаться, я и подумать не мог, что ты падешь так низко!

— Как низко? — Сибил стряхнула слезы с ресниц и выпятила вперед нижнюю челюсть. — Что с тобой стряслось? Ты же всегда был таким славным, веселым парнем.

— Что здесь происходит?! Она рассказала.

Марк вылетел из кабинета Сибил, прошагал обратно к себе и включил загрузку Вольтера. Программа еще не успела полностью активировать движение, еще не включился даже цвет, когда Марк, вне себя от злости, заорал:

— Мой ответ такой: нет! Нет! Нет!

— Я более чем уверен, что ты уже придумал множество замысловатых силлогизмов, способных меня убедить, — язвительно заметил Вольтер, когда его голографическое изображение получило возможность двигаться.

Марк не мог не признать, что проклятый сим умудряется обставлять внезапные исчезновения и появления в виртуальном пространстве с неслыханной ловкостью.

— А теперь слушай меня, — спокойным и ровным голосом сказал Марк. — Я хочу, чтобы Роза Франции явилась на дебаты одетой в свои доспехи. Кроме всего прочего, это напомнит ей о том, как она себя чувствовала перед инквизиторами. Она начнет что-то лепетать, нести всякую бессмыслицу — и вся планета увидит, насколько Вера уступает Разуму. Вольтер в возмущении топнул ногой.

— Merde alors! Мы не согласны! Я — ладно, черт со мной, но я настаиваю, чтобы вы убрали из памяти Девы воспоминания о последних часах жизни, чтобы свободу ее суждений не сдерживал — как это часто бывало со мной — страх перед возможным мучительным наказанием.

— Невозможно. Бокер желает получить чистую

Веру — и он ее получит, всю целиком.

— Но это же нелепо! Кроме того, я требую, чтобы мне позволяли видеться с нею и с тем чудаковатым милашкой Официантом в кафе — сейчас и впредь. Я никогда не встречал созданий, подобных им, и они теперь — единственное общество, которое у меня есть.

«А как же я?» — подумал Марк. Он, конечно, постоянно держал сима на связи и работал над ним — потому, что этого требовали интересы фирмы, но костлявый склочный старик ему в самом деле чем-то нравился. Это был могучий ум, потрясающий воображение. Более того, это была сильная, яркая личность, которая сохранилась, даже пройдя сквозь самые тяжкие испытания. Вольтер жил в эпоху расцвета. Марку это импонировало, и он хотел бы стать Вольтеру другом. «А как же я?»

Однако вслух он сказал совсем другое:

— Мне кажется, тебе даже в голову не приходит, что проигравшего в этом споре ожидает незавидная участь — он обречен на забвение.

Вольтер не подал виду, что как-то задет.

— Кого-кого, а меня ты не обманешь, — сказал Марк. — Я-то прекрасно знаю, о чем ты мечтаешь, чего хочешь больше всего на свете, даже больше,

чем интеллектуального бессмертия…

— В самом деле?

— Да, потому что бессмертие тебе и так обеспечено. Ты ведь восстановлен заново.

— Уверяю тебя, мое представление о жизни не исчерпывается набором цифровых комбинаций, из которых я сейчас состою.

Это заявление несколько обеспокоило Марка, но он постарался временно отогнать тревогу.

— Не забывай, я могу покопаться в твоем блоке памяти и прочесть любые твои воспоминания. Я как раз вспомнил, что однажды ты, будучи уже в зрелых летах, без всякого принуждения со стороны отца, по собственной свободной воле принял пасхальное причастие.

— Ах, но в самом конце я ведь отказался от причастия! Все, чего я хотел тогда, — чтобы меня оставили в покое и позволили тихо умереть.

— Позволь, я прочитаю отрывок из твоей знаменитой поэмы «Землетрясение в Лиссабоне»… Это, кстати, тоже взято из твоего блока памяти:

Что жизнь, коль за свершенные деянья

Не суждено в посмертье воздаянье,

И существо, в ком билась мысль живая,

Небытие за гробом ожидает.

Вольтер слегка смутился.

— Да, я это сказал — и хорошо сказал, заметь! Однако всякий, кто наслаждается жизнью, страстно стремится ее продлить — и это правда.

— Так вот, твой единственный шанс получить хоть какое-нибудь будущее — это победить в дебатах. Ты просишь лишить Деву воспоминаний о последних часах жизни, о пытках и сожжении заживо — но ведь это противоречит твоим собственным кровным интересам! А мы оба прекрасно знаем, как трепетно ты всегда к ним относился.

Вольтер рассердился. Марк следил за показателями эмоционального состояния сима, выведенными на боковой экранчик: колебания базисного состояния хорошо контролируются, но эмоциональная надстройка ужасно быстро разрастается. Оранжевый цилиндрик быстро-быстро пульсировал в трехмерном пространстве, его распирало во все стороны внутреннее давление плотно свитого клубка эмоций. Показатели эмоционального напряжения очень быстро нарастали и вскоре должны были приблизиться к критическому уровню.

Марк стукнул кулаком по панели. Чертовски

заманчиво заставить сима поверить в то, чего Марк хочет… Но это слишком сложно, долго и дорого. Пришлось бы интегрировать идеаторными кластерами всю личность сима целиком. Самовосстановление срабатывает гораздо лучше. Жаль только, что его можно лишь подталкивать и направлять, а насильно ускорить в нужном направлении нельзя.

Настроение Вольтера упало ниже некуда, это Марк ясно видел по показаниям приборов. Однако на лице сима — Марк специально увеличил изображение и замедлил движения — на лице Вольтера не отражалось ровно ничего, только во взгляде сквозила некоторая задумчивость. Марк долгие годы не мог привыкнуть к тому, что люди, а также высококачественные симуляторы людей способны так хорошо скрывать свои чувства.

Может, стоит немного пошутить?

— Послушай, парень, что я тебе скажу… Если ты не перестанешь выделываться, я, так и знай, дам ей почитать ту мерзкую непристойную пьеску, которую ты о ней написал.

— " La Pucelle " [3] ?! Ты не посмеешь!

— Это я-то не посмею? После такого чтива она

[3] Примечания: 3

«Девственница», бурлескная поэма Вольтера о Жанне д'Арк, крайне непристойная

вряд ли вообще когда-нибудь захочет сказать тебе хоть слово!

Вольтер хитро усмехнулся.

— Мсье забывает, что Дева не умеет читать…

— Я позабочусь о том, чтобы читать она научилась. Или, еще лучше, я сам ей все прочитаю. Она, конечно, безграмотная невежда, но, будь я проклят, она отнюдь не глухая!

Вольтер стрельнул в него яростным взглядом и пробормотал:

— Между Сциллой и Харибдой…

В чем секрет этого невероятного разума, острого, словно скальпель? Он — или оно — приспосабливается к совершенно новому для себя миру быстрее любого другого сима из тех, что встречались Марку раньше. Марк поклялся себе, что, когда дебаты завершатся, он разберет сима по винтику и тщательнейшим образом изучит все его логические цепи и внутреннюю структуру процессора. Там еще, кстати, есть эти блоки памяти восьмитысячелетней давности. Что-то Селдон темнит насчет них. Когда об этом зашла речь, он как-то странно держался…

— Я обещаю, что напишу философическую речь, если ты позволишь мне еще раз с ней увидеться. Ты же, со своей стороны, должен обещать, что ни-

когда даже не упомянешь при Деве " La Pucelle ".

— Смотри только, без фокусов! — предупредил Марк. — Я все время буду за тобой следить.

— Как угодно.

И Марк вернул Вольтера в кафе, где его уже ждали Жанна и Официант-213-ADM, которые тем временем увлеченно занимались самоанализом. Марк только и успел посмотреть, как они здороваются, когда в дверь его кабинета настойчиво постучали.

Это оказался старина Ним.

— Кафе?

— Ясное дело, — кивнул Марк и повернулся, чтобы мельком взглянуть на расположившихся в кафе симов. — Слушай, у тебя, случаем, не найдется щепотки сенсопорошка, а? День у меня сегодня был дерьмовый — хуже некуда.

Глава 11

— Ваши заказы, господа, — торжественно произнес Официант-213-ADM.

Ему трудно было вникнуть в суть спора между Девой и мсье Аруэ о том, наделены ли душой создания вроде него. Мсье, похоже, утверждал, что души нет вообще ни у каких созданий, — а Дева из-за этого очень сердилась. Они спорили так увлеченно, что даже не заметили за разговором, что куда-то исчезло то странное призрачное создание, которое обычно пристально следило за ними — тот, кого называли «программистом», создатель здешнего виртуального пространства.

Официант счел, что как раз выдался удобный случай попросить мсье, чтобы тот походатайствовал за него, Официанта, и попросил людей-создателей дать ему какое-нибудь имя. Ведь «213-ADM» — не имя, а всего лишь номерной код, который есть у любого из механических людей. Двойка означает его основную функцию — механический официант, тринадцать — номер сектора, к которому он приписан, а ADM — соответственно, сокращенное название ресторана, «Aux Deux Magots». Официант был уверен: будь у него че-

ловеческое имя, он гораздо скорее привлек бы к своей персоне внимание золотоволосой буфетчицы…

— Мсье, мадам! Ваши заказы, пожалуйста!

— Какой смысл что-то заказывать? — раздраженно фыркнул мсье. Официант подумал, что — как видно на примере мсье терпимость нисколечко не зависит от учености. — Мы все равно ничего не сможем попробовать по-настоящему!

Официант театрально развел верхней парой своих четырех рук, выражая этим жестом искреннее сочувствие. Ему были недоступны человеческие чувства, кроме зрения, слуха и элементарного тактильного чувства — все остальное просто не нужно для того, чтобы исполнять его работу. Ему ужасно хотелось уметь ощущать что-нибудь на вкус, чувствовать запахи, прикосновения… но люди, как видно, решили, что он прекрасно обойдется и без этих изысканных удовольствий.

Дева внимательно просмотрела меню и, меняя тему разговора, попросила:

— Мне, пожалуйста, то же, что всегда. Корочку хлеба… Или, если хлеба нет, можете принести ржаной сухарик…

— Ржаной сухарь!.. — эхом откликнулся мсье.

— ...и немного шампанского, чтобы его размочить.

Мсье потряс в воздухе рукой, словно желая остудить ее, и сказал:

— Я велю тебе, Официант, сделать доброе дело: будь так добр, научи Деву читать меню.

— Ученая дама запретила, — сказал Официант. Ему не хотелось навлекать на себя неприятности, вмешиваясь в дела хозяев-людей, которые по собственному желанию могли отключить его в любое мгновение.

Мсье взмахнул рукой, словно отмахиваясь от чего-то.

— Она слишком много внимания уделяет ненужным подробностям. С такими замашками ей ни за что не выжить самой в Париже, не говоря уже о том, чтобы выдвинуться при каком-нибудь королевском дворе. А вот этот парень, Марк, — он далеко пойдет. Фортуна чаще поворачивается лицом к тем, кто не особенно обременен совестью. Я бы, к примеру, ни за что не выбился из нищеты и не стал бы одним из богатейших людей Франции, если бы позволял угрызениям совести спутывать мои планы.

— Мсье уже решил, что будет заказывать? — спросил Официант.

— Да. Ты должен научить Деву разбираться в более замысловатых текстах, чтобы она смогла прочитать мою поэму «О ньютонианской философии» и прочие мои философские произведения. Ее суждения должны стать настолько близкими по уровню развития к моим собственным, насколько это вообще возможно.

Правда, я не думаю, чтобы чей-нибудь разум мог по-настоящему сравниться с моим, — добавил он со своей обычной ехидной ухмылочкой.

— Ваша скромность сравнима только с вашей мудростью, — сказала Дева.

На это замечание Вольтер ответил лукавой усмешкой. Официант печально покачал головой.

— Боюсь, это невозможно, Я не в состоянии научить чему-то сложному. Моя грамотность ограничивается только текстами, которые могут быть записаны в меню. Я чрезвычайно польщен желанием мсье придать мне более веский социальный статус… Но увы! Даже когда фортуна сама стучится в дверь — я, как и другие такие же механические создания, просто не способен эту дверь открыть.

— Представители низших классов должны знать свое место, — заверил его Вольтер. — Однако в твоем случае я считаю нужным сделать

исключение. Ты, похоже, весьма честолюбивое создание. Или нет?

Официант робко взглянул на золотоволосую девушку-буфетчицу.

— Механическим официантам вроде меня не положено быть честолюбивыми.

— А кем бы ты хотел стать, а? Если бы мог стать тем, кем захочешь?

Так случилось, что Официант знал, где проводит свои свободные три дня в неделю девушка его мечты — золотоволосая буфетчица. Она работала только четыре дня в неделю — сам Официант трудился все семь дней, без выходных, — а свободное время проводила в бесконечных коридорах Лувра.

— Я хотел бы стать механическим гидом в Лувре, — ответил Официант. — Достаточно привлекательным и с уймой свободного времени, чтобы ухаживать за женщиной, которая пока едва ли подозревает о моем существовании.

Мсье Аруэ с достоинством сказал:

— Я поищу способ похлопотать, чтобы тебя… как же это у них называется?

— Перепрограммировали, — охотно подсказала Дева.

— Великий Боже! — воскликнул Вольтер. — Да

она уже умеет читать ничуть не хуже тебя! И мне, как видно, не придется дожидаться, пока ее разум достигнет сравнимого с моим уровня. Это уже осуществилось — и давным-давно, клянусь чем угодно!

Глава 12

Марк сунул нос в пакетик с наркотиком, глубоко вдохнул и стал ждать, когда подействует.

— Что, так плохо? — Ним помахал рукой механическому официанту в «Брызгах и понюшках», требуя принести еще по дозе.

— Чертов Вольтер, — проворчал Марк. Он достиг вершины наслаждения — под действием стимулятора его мышление сделалось гораздо острее, чем обычно, и в то же время каким-то образом странно замедлилось. Марк никогда толком не задумывался, как может совмещаться несовместимое. — Предполагалось, что это он будет моим созданием, но мне все чаще кажется, что дело обстоит как раз наоборот: не я управляю им, а он как будто водит меня за нос.

— Он же сим, просто кучка циферок!

— Так-то оно так, только… Я как-то наткнулся в его подсознании на одну забавную штуку… Я просматривал структуры, обрабатывающие информацию, и увидел, как он доказывает, что воля — это и есть душа. Скорее всего, это его собственное мнение.

— Философские штучки, мало ли…

— Воля-то у него — дай бог всякому, можешь мне поверить. Тогда что же, выходит, я сотворил нечто, наделенное душой?

— Ошибка в понятиях, — заметил Ним. — Ты слишком сильно абстрагируешь — рассматриваешь «душу» отдельно от ее материальных носителей. Это все равно что за один логический ход перескакивать от атомов, из которых состоит, скажем, корова, сразу к целой корове.

— Но этот чертов сим именно так и поступает!

— Если хочешь разобраться в устройстве коровы, не стоит искать специальные «коровьи» атомы.

— Понятно, ты говоришь про переход количества в качество и проявление новых свойств. Обычная теория.

— Этот сим предсказуем, дружище! Никогда про это не забывай. Ты его скроил, и в нем нет никаких нелинейных элементов, которые ты не мог предусмотреть заранее.

Марк кивнул.

— Да… Только он… какой-то не такой. Он такой сильный.

— Его сотворили в качестве воплощенного разума — как это себе представляли когда-то в Темные Века. Разве мог он оказаться слабаком и

тряпкой? А ты, парень, для него — представитель властей, с которыми он боролся всю жизнь.

Марк запустил пальцы в свою густую курчавую шевелюру.

— И верно. Если бы я наткнулся на какую-нибудь нелинейную субстанцию, которую я смог бы выделить из целого…

— …ты обязательно стер бы ее, как бы там она ни называлась — воля или душа, — и Ним яростно стукнул кулаком по столу, так что сидевшая за соседним столиком женщина наградила их с Марком странным взглядом.

Марк насмешливо посмотрел на приятеля.

— Понимаешь, эта система не полностью предсказуема.

— Тогда запусти программу поиска. Отслеживай любые отклонения. Проверь все подпрограммы, отсеки любые личностные проявления, которые не можешь контролировать. Слушай, ты же сам ввел симу этот алгоритм реконструкции сознания! Ты — лучший в своем ремесле.

Марк кивнул, а сам подумал: «А что, если это — то же самое, что копаться в мозгу в поисках сознания?» Он глубоко вдохнул и медленно выпустил дым, глядя в куполообразный потолок зала, на котором мерцал ничего не значащий,

бессмысленный, безумный рисунок — наверное, соответствующий вкусу тех клиентов, которые вконец обалдели от дурманящего угощения.

— Вообще-то, это не только из-за сима, — Марк посмотрел приятелю в глаза. — Я побывал в кабинете Сибил. И просмотрел запись ее разговора с Бокером.

Ним одобрительно похлопал его по плечу.

— Неплохо поработал, совсем неплохо!

Марк рассмеялся. Друг всегда тебя поддержит, даже когда у тебя в мозгах полная каша.

— Только это еще не все.

Ним наклонился вперед, на лице — выражение неуемного мальчишеского любопытства.

— По-моему, я зашел слишком далеко, — признался Марк.

— Тебя застукали!

— Да нет, нет. Ты же знаешь Сибил, какая она — не ожидает подвоха даже от врагов, не то что от друзей.

— Да уж, в интригах она не сильна, это точно.

— Я, кажется, тоже… — сказал Марк.

— Ну-у-у… — Ним хитро взглянул на него из-под полуопущенных век. — Ну, так что ты там еще натворил?

— Я усовершенствовал Вольтера. Прогнал его

через перекрестные обучающие программы, чтобы вычленить подсознательные конфликты его личности и помочь ему от них избавиться.

У Нима глаза враз расширились.

— Рискованное дело!

— Я хотел посмотреть, на что способен такой мощный мозг, как у него. Думаешь, мне еще когда-нибудь подвернется такой шанс?

— И каково тебе теперь, а?

Марк хлопнул приятеля по плечу, стараясь скрыть смущение.

— Так, будто я весь в дерьме. Понимаешь, мы уговорились с Сибил не делать этого.

— Хм-м… Вере и не обязательно быть шибко умной.

— Вот и я так подумал.

— А что думает тот мужик, Селдон?

— Мы… Короче, мы ему про это не говорили.

— А-а-а…

— Но он сам напросился! Он сам захотел остаться в стороне от всего, остаться чистеньким.

Ним понимающе кивнул.

— Смотри, парень, дело уже сделано. И как сим воспринял процедуру?

— Это его потрясло. В нервных сетях были сильные колебания.

— Но теперь-то хоть все наладилось?

— Вроде бы да. Я думаю, у него сработала самоинтеграция.

— А твой заказчик в курсе?

— Да. Скептики пойдут на все, что угодно. Тут никаких проблем не предвидится.

— Ты прокрутил на этом симе настоящее крупное исследование, — сказал Ним. — Это здорово — для науки. Важное дело.

— Тогда почему я чувствую себя, словно после пары десятков затяжек? — Марк ткнул указательным пальцем в потолок, по которому плыли безумные разводы красок. — Так, словно я перебрал дури, отвалился и думаю, что все вокруг — просто кошмарный сон?

Глава 13

— А теперь слушай меня. Внимательно слушай, — сказал Вольтер, когда ученый наконец ответил на его вызов.

Он прокашлялся, стал в театральную позу, расправил плечи и приготовился декламировать тщательно выверенные, великолепные доводы в пользу разума, собранные в последнюю из его знаменитых философских речей.

Ученый был бледен, глаза его покраснели, заплыли и превратились в узкие щелочки. Вольтер почувствовал, как накатывает волна раздражения.

— Ты что же, не желаешь меня слушать?!

— У меня похмелье.

— Вы открыли единую, всеобщую теорию, объясняющую, почему необъятная Вселенная именно такова, какова она есть, вы исследовали все силы, движущие мирозданием, — и не нашли лекарства от простого похмелья?!

— Это не по моей части, — огрызнулся ученый. — Этим занимаются физики.

Вольтер сдвинул пятки и отвесил ученому церемонный поклон в прусской манере, которому

он научился при дворе Фридриха Великого. (Хотя всякий раз, кланяясь таким образом, Вольтер бормотал себе под нос: «Немецкие болваны!»)

— Концепция души основывается на понятии о цельной и неизменной личности. Не существует никаких доказательств того, что человеческое "Я" действительно стабильно, того, что в основе каждой существующей индивидуальности лежит некая особенная сущность, так называемое «это»...

— Согласен, — сказал ученый. — Хотя и странно слышать это от тебя.

— Не прерывай меня! Ну-с, как же мы можем объяснить столь устойчивую и распространенную иллюзию неизменной индивидуальности, или души? Посредством пяти функций организма, которые сами по себе являются процессами умозрительными, не имеющими достоверно установленных элементов. Первое: все существа обладают физическими, материальными качествами, которые изменяются настолько незначительно, что их можно условно считать неизменными, хотя в действительности эти материальные субстанции непрерывно изменяются.

— Но ведь предполагается, что душа переживет материальное вместилище... — Ученый потер

спинку носа большим и указательным пальцами.

— Не перебивай меня! Второе — это иллюзия неизменности человеческих эмоций. В то время как на самом деле — и на это указывав даже древний литератор Шекспир — чувства то прибывают, то идут на ущерб, они изменчивы и непостоянны, как луна. Они подвержены постоянным изменениям, хотя не подлежит сомнению, что эти перемены, как и изменения, происходящие с луной, подчиняются определенным физическим законам.

— Эй, погоди! Ты тут кое-что говорил, чуть раньше… Ты что, знал о теории вселенной еще тогда, в свои Темные Века?

— Я вывел ее логически, на основании тех новых сведений, которые ты мне дал.

Ученый удивленно заморгал — заявление Вольтера его явно потрясло.

Вольтер постарался успокоиться, справиться со своей обычной раздражительностью. Любая аудитория — даже этот человек, который его все время перебивает, — все равно лучше, чем ничего. Придется позволить ему поучаствовать в действе, раз уж так хочется…

— Третье — восприятие! Чувства, реализуемые

посредством органов чувств, при внимательном рассмотрении в конце концов также оказываются процессами, изменчивыми и непостоянными.

— Но душа…

— Четвертое! — Вольтер решил не обращать внимания на глупые, бессмысленные замечания ученого. — У каждого есть свои особые привычки, выработанные за многие годы жизни. Но и привычки эти — на первый взгляд, постоянные — при ближайшем рассмотрении оказываются иными. Несмотря на то что повторяемые действия кажутся одинаковыми и неизменными, в них все равно нет ничего постоянного.

— Теория вселенной — вот на что ты опирался, так? Но как тебе удалось взломать эти файлы?! Я не давал тебе…

— И наконец — феномен сознания, или непосредственно так называемой «души». Священники и дураки — возможно, это синонимы — верят, что она отделима от тех четырех явлений, которые я назвал ранее. Но сознание само по себе обладает признаками изменчивости, как и предыдущие четыре феномена. Все эти пять функций непрерывно группируются и перегруппировываются. Тело все время претерпевает изменения, как и все остальное. Покой, постоян-

ство — это иллюзия! Гераклит был совершенно прав. Нельзя войти в одну реку дважды! Страдающий от похмелья человек, которого я вижу перед собой сейчас, — спустя всего секунду уже не тот страдающий от похмелья человек, которого я вижу сейчас. Все разрушается, все приходит в упадок…

Ученый тяжело вздохнул, закашлялся и хрипло сказал:

— Ты чертовски прав!

— …точно так же, как все растет и развивается. Сознание как таковое невозможно отделить от его материального вместилища. Мы сами — чистое действие. Не существует никакого отдельного «делателя». Танцора невозможно отделить от танца. И наука последовавших за моими времен убедительно это доказала. При ближайшем рассмотрении цельность и неделимость атома оказалась такой же иллюзией. Оказалось, что атома — как мельчайшей неделимой частички — просто не существует. Существует лишь то, что атом «делает», — его функция. Функция — это все! Следовательно, неизменной, абсолютной сущности, обычно называемой «душой», не существует!

— Ловко ты это вывернул! — сказал ученый,

задумчиво глядя на Вольтера.

Тот лишь отмахнулся.

— Если уж даже примитивнейшие образцы созданий с искусственным интеллектом, вроде того же Официанта, наглядно демонстрируют наличие всех пяти названных мною функций, включая — как ни странно, но это так — сознание… Я считаю, что совершенно не правомерно лишать такие создания тех человеческих прав, которыми пользуемся мы сами, но предоставлять им эти права можно — естественно, с учетом классовых различий в обществе. Если в эту далекую эру крестьяне, торговцы и парикмахеры обладают такими же правами, как наши герцоги и графы — тогда уж совершенно бессмысленно лишать тех же привилегий механические существа вроде Официанта.

— Но если души не существует, тогда, очевидно, не бывает и переселения душ, так?

— Дорогой мсье, родиться дважды — ничуть не более странно, чем родиться однажды.

Ученого это заявление сильно озадачило.

— Но что же тогда переселяется? Что передается от одной жизни к другой? Ты же сам только что доказал, что никакой стабильной и неизменной личности не существует! Что души — нет!

Вольтер сделал какую-то пометку на полях своей философской речи и сказал:

— Если ты припомнишь мои стихи — что, кстати, я бы настоятельно рекомендовал, для твоего же собственного просвещения… Так вот, разве нет в них ответа на все твои вопросы? Если ты зажигаешь свечу от пламени другой свечи, что в таком случае передается от одной свечи к другой? А в эстафетной гонке разве один бегун что-то передает следующему? Только свое место среди других бегунов — не более того! — Вольтер сделал паузу, чтобы произвести наибольшее впечатление. — Ну? Что ты по этому поводу думаешь?

Ученый изумленно покачал головой.

— Я думаю, что ты выиграешь.

Вольтер счел, что как раз сейчас — очень удобный случай предъявить ученому свои требования.

— Однако для того, чтобы упрочить успех, мне необходимо составить еще одну, дополнительную речь, в которой должно быть больше технических доказательств. Это необходимо для той части публики, которая мало восприимчива к словесным доказательствам, считая слова без реальных примеров просто болтовней, пустым звуком.

— Ну так составь ее, — сказал ученый.

— Для этого мне понадобится твоя помощь, — вежливо сказал Вольтер.

— Ты ее получишь.

Вольтер улыбнулся, стараясь всем своим видом изобразить искреннюю смиренную мольбу — о чем на самом деле, конечно же, не было и речи.

— Ты должен предоставить в мое распоряжение все, что известно о методиках симуляторов.

— Что? Это еще зачем?

— Тогда я, во-первых, сделаю за тебя огромный объем работ… Но не только. Получив доступ к этим сведениям, я смогу написать технически грамотное обоснование своих философских выводов, которое убедит в нашей правоте и склонит на нашу сторону всех специалистов и технических экспертов. И не только в одном секторе Юнин. Весь Трентор, а после — и вся Галактика примет нашу точку зрения! В противном же случае реакционные силы победят и уничтожат ваше распрекрасное Возрождение!

— Но ты же ни черта не смыслишь в математике…

— Напоминаю: именно я ввел во Франции ньютоновскую систему счисления. Так дай же мне инструмент для работы!

Ученый, сжав ладонями виски и постанывая, раскачивался над приборной панелью из стороны в сторону.

— Ладно, черт с тобой, только пообещай, что не станешь вызывать меня ближайшие часов десять.

— Обещаю, — сказал Вольтер и ехидно улыбнулся. — Мсье получит сколько угодно времени, чтобы… как у вас говорится?.. А! Чтобы проспаться.

Глава 14

Сибил с нетерпением ожидала, когда же огласят повестку дня заседания исполнительного совета «Технокомпании». Она сидела напротив Марка, и ей не хотелось с ним разговаривать. Ни о чем. А тем временем прочие сотрудники — и подчиненные, и начальство — обсуждали то один, то другой вопрос деятельности компании. Мысли Сибил блуждали где-то далеко-далеко отсюда, но не настолько далеко, чтобы не заметить поросль темных курчавых волос на тыльной стороне ладоней Марка, и биение голубоватой жилки у него на шее — какой сладострастный, зажигательный ритм!..

Поскольку президент «Технокомпании» наверняка не обойдет вниманием ни единого сотрудника, так или иначе имеющего отношение к проекту Скептиков и Хранителей, Сибил заранее подготовила короткие заметки о проделанной работе. Сибил знала: если придется докладывать — она может положиться только на поддержку Марка. И она была абсолютно уверена, что, если Марк ее поддержит, то все остальные примут доклад благосклонно и одобрят ее проект.

Днем ранее Сибил впервые обратилась в комиссию по спецпроектам и сообщила, что ее Дева порвала с прежним затворническим образом жизни. Она сама потребовала общения — вместо того, чтобы ожидать, когда к ней обратятся. Дева была крайне обеспокоена, поскольку узнала от «мсье Аруэ», что должна победить его на так называемом «испытании» — в противном же случае она неминуемо обречена на забвение.

Когда Сибил призналась, что это скорее всего правда, Дева уверилась, что ее снова собираются осудить на сожжение, послать, как она выразилась, «на костер». Она растерялась, смутилась и стала умолять Сибил позволить ей остаться в одиночестве и посоветоваться со «святыми голосами».

Сибил поместила ее среди пейзажей, предназначенных для покоя и отдыха, — в окружение лесов, полей и звонких прозрачных ручейков. Сибил попробовала исследовать остаточные воспоминания Девы о подобных дебатах, состоявшихся восемь тысяч лет назад — Марк как-то упомянул о таких следовых воспоминаниях у своего сима. Сибил проделала кропотливую работу: пришлось выбирать обрывки воспоминаний буквально по кусочкам, выискивая все, что

осталось после того, как восемь тысяч лет назад эти данные стерли. В понимании Жанны Вера соотносилась с чем-то, названным «роботами». Вероятнее всего, термин обозначал некие мифические существа, способные как-то управлять человечеством. Возможно, термин был придуман для некой разновидности божеств.

Спустя несколько часов Жанна выбралась из своего умиротворяющего окружения. Она попросила Сибил обучить ее высокому искусству чтения, дабы она, Жанна, могла сразиться со своими «инквизиторами» более-менее на равных.

— Я объяснила ей, что не могу вносить изменения в ее программу, если не получу на то согласия комиссии.

— А каково мнение вашего заказчика? — спросил председатель комиссии.

— Господин Бокер выяснил — не понимаю, из какого источника… вероятно, утечка информации через прессу, — что соперником Девы в дебатах будет Вольтер. И теперь он грозится отозвать заказ, если я не оснащу Жанну дополнительными знаниями и умениями!

— А что же… Селдон?

— Он ничего не говорит. Селдона интересует только одно — чтобы его имя никак не было свя-

зано с этим проектом.

— А Бокер знает, что Вольтера для предстоящих дебатов тоже готовим мы? — осторожно спросил исполнительный секретарь комиссии по спецпроектам.

Сибил покачала головой.

— Благодаренье Космосу хоть за это, — пробормотал исполнительный секретарь.

— Марк, что скажешь? — спросил председатель. Поскольку Марк сам предложил когда-то проект, о котором сейчас говорила Сибил, она нисколько не сомневалась, что Марк ее одобрит. Поэтому для Сибил было огромным потрясением, когда Марк сказал:

— Я — против! Обе стороны желают получить словесный поединок между интуитивной Верой и индуктивно-дедуктивным Разумом. А значит, технически усовершенствовать Деву — все равно что намеренно пожертвовать чистотой эксперимента.

— Марк!.. — воскликнула Сибил, вне себя от возмущения.

Все члены комиссии принялись с жаром обсуждать возникшие трудности. Марк один за другим выкладывал все более веские доводы в пользу своей точки зрения, склоняя слушателей на свою

сторону. На Сибил Марк не смотрел, более того — он старательно избегал встречаться с ней взглядом. Но когда выяснилось, что спор может продлиться бесконечно долго, а устраивающее всех решение так и не будет найдено, председатель комиссии своей властью принял решение — в пользу Сибил.

Сибил тотчас же воспользовалась неожиданным преимуществом:

— Я также прошу вашего согласия на то, чтобы изъять из блока памяти Девы воспоминания о сожжении заживо. Она боится, что ее снова подвергнут ужасной казни, — и это чрезвычайно затрудняет, делает практически невозможным ее выступление в защиту Веры. Она не сможет выступать столь же свободно, как могла бы, если бы ее мысли не омрачались подобными тяжкими воспоминаниями.

— Должен заметить, — вмешался Марк, — что для людей, в общем-то, ничем не примечательных, мученичество — единственно возможный способ прославиться. И Дева, которая не претерпела страданий и мученической смерти, — это никоим образом не та Дева, что прославилась в древние времена!

Сибил не осталась в долгу и ответила:

— Но мы ведь вовсе не знаем их истории! Эти симы — из эпохи Темных Веков. И ее психологическая травма…

— Если стереть ей воспоминания о пережитом, это все равно что… Ну, давайте разберем это на примере какой-нибудь первобытной легенды, — Марк развел руки в стороны. — Или хотя бы их религии! Это все равно что воссоздать симулятор некоего Христа — их доисторического божества — без распятия на кресте!

Сибил обожгла Марка яростным взглядом, но он смотрел на председателя и обращался только к нему — словно Сибил здесь не было вовсе.

— Сохранить сим неприкосновенным — только таким он нужен нашим клиентам!..

— Я требую также, чтобы в программе памяти Вольтера были стерты все воспоминания о мучениях, которые он перенес по вине власть имущих! — заявила Сибил.

— Я возражаю, — . — тотчас же отозвался Марк. — Если бы Вольтер не подвергался преследованиям и нападкам со стороны официальных властей, он не стал бы Вольтером!

Сибил не вмешивалась, пока остальные члены комиссии спорили между собой. Ее поразили необъяснимые перемены, произошедшие в Мар-

ке. Все вокруг казалось ей странным сном. В конце концов, она узнала решение начальства — компромисс, на который Сибил согласилась только потому, что выбора у нее просто не было. Сибил позволили усовершенствовать информационный блок Девы, однако стереть воспоминания о пытках и сожжении на костре не разрешили. Вольтера тоже не пожелали избавить от навязчивой боязни преследований со стороны церкви и государственных властей.

Председатель сказал:

— Напоминаю вам, господа, что все мы балансируем на лезвии ножа, занимаясь этим проектом. Такие симы, как Вольтер и Дева, запрещены законом. Они — табу. Представители сектора Юнин предложили нам огромную сумму только за то, чтобы мы согласились взяться за работу, — а мы еще и преуспели в ней. Однако мы рискуем. Очень и очень рискуем.

Когда собрание закончилось и они вышли из зала заседаний, Сибил прошептала Марку на ухо:

— Ты на что-то наткнулся!

Марк растерялся и неожиданно смутился.

— Ну, это же исследование… Ты же знаешь, когда работаешь, не поднимая головы, не знаешь толком, до чего в конце концов доработаешься.

И Марк пошел дальше, словно по рассеянности не обращая больше внимания на Сибил. А она так и осталась стоять, разинув рот от удивления. Как можно понять этого человека?

Глава 15

Не обращая внимания на присутствие госпожи волшебницы, Дева расправила плечи и села прямо на пол своей тюремной камеры. В ее голове раздавались голоса — они говорили не по очереди, а все сразу, перебивая друг друга.

Звук получался похожий на шум сражения — пронзительно-громкий и неразборчивый. Однако если прислушиваться внимательно, не позволяя бренной плоти возобладать над бессмертной душой. — тогда… Тогда благословенное святое многоголосье раскрывало перед Жанной всю свою красоту и тонкий смысл.

Архангел Михаил, святая Екатерина и святая Маргарет — от чьего имени чаще всего говорили святые голоса — весьма неодобрительно отнеслись к тому, что Жанна, сама того не желая, полностью прочла «Собрание сочинений» мсье Аруэ. Особенно тяжким преступлением святому Михаилу казалось чтение «Частиц Ньютона», философию которого Михаил считал совершенно несовместимой с философией Церкви — и с его собственным существованием.

Сама Дева колебалась. К своему великому

удивлению, Жанна познала поэзию и гармонию уравнений, которые доказывали как будто для этого нужно было какое-то доказательство! — непревзойденную реальность Творца. И для человека возможно было постичь установленные Создателем физические законы, но не Его великие цели.

Способ, которым Жанна постигла это, сам по себе был чудесным и дивным. Она просто видела красоту в расчетах силы и скорости, как в круговороте миров. Неодушевленные вещества кружились в строго размеренном божественном гавоте — словно кавалеры и дамы на королевском балу. Жанна ощущала эту всеобщую гармонию всем своим существом, непосредственно, словно на нее снизошло божественное прозрение. Красота и гармония являлись Жанне ниоткуда, просто являлись, и все. И как можно было не доверять тому, что чувствуешь?

Божественное откровение не может не быть святым и благим. И то, что познание гармонии мира пришло к Жанне потоком новых ассоциаций, воспоминаний, умений, только вернее подтверждало, что откровение было ниспослано ей небесами. Волшебница Сибил бормотала что-то о компьютерных файлах и подпрограммах,

но все эти слова — лишь магические формулы и заклинания, а не истинная правда.

Но Жанну поразило и обидело даже не само по себе новое знание, но то, что автор «Частиц» оказался англичанином!

Жанна пожаловалась святому Михаилу, обсуждая с ним еще одну работу мсье Аруэ:

— По-моему, «Генриада» гораздо более отвратительна, чем «Частицы». И как отважился мсье Аруэ, который надменно называет себя придуманным именем Вольтер, как только он отважился утверждать, что в Англии разум свободен, а в нашей родной, горячо любимой Франции он скован мрачными предрассудками абсолютистских священников! Но разве не иезуитские священники первыми научили его рассуждать? А он теперь их обвиняет!

И было в «Сочинениях» нечто, настолько возмутившее и взъярившее Жанну, что она бешено забилась в цепях, и волшебница Сибил ради ее же безопасности решила освободить запястья и лодыжки Жанны от кандалов, чтобы та в приступе ярости ничего себе не сломала. Это была изданная нелегально непристойная и оскорбительная пьеса о ней самой, о Жанне. Что за отвратительные стишки!

Как только святые голоса покинули ее, Жанна протянула волшебнице Сибил копию " La Pucelle ". Жанна была в ярости. Что, если целомудренные святые Маргарет и Катерина — которые сейчас скрылись, но обязательно вернутся — случайно увидят эту непристойную мерзость! И ведь обе святые уже корили ее за глупые девчоночьи разговоры о том, что, дескать, мсье Аруэ мог бы казаться весьма привлекательным, если бы избавился от своего дурацкого парика и фиолетовых ленточек... И о чем она только думала?!

— Как мог мсье Аруэ представить меня в таком свете? — сказала Жанна, словно выругалась. Она знала, что мсье Аруэ до невозможности раздражается из-за ее упорного нежелания называть его Вольтером. — Он добавил мне девять лет возраста, он обозвал мои голоса несусветной, наглой ложью. И оклеветал Бодрикура, того, кто помог мне предстать перед королем и рассказать ему о моих видениях, о его судьбе и судьбе Франции. Автор нравоучительных пьес — и бессовестный клеветник, который оболгал истинно верующих, как и Кандид! Он вполне мог бы... Нет, это нестерпимо! Такие люди не имеют права называться историками?! Если и в остальном их исторические описания так же верны, как в том,

что касается меня, то не мое, а их тела следует предать огню!

Волшебница Сибил растерялась и отступила под бешеным напором Жанны. Здешние люди — если, конечно, это вообще люди, те, кто обитает в этом причудливом туманном Чистилище — отступили от простой определенности истинной божественной Цели. Жанна возвышалась над притихшей волшебницей Сибил, и это ей даже нравилось.

— Вычисления Ньютона — весьма своеобразное видение физических законов, данных нам Создателем, — бушевала Жанна. — А исторические изыскания Вольтера — всего-навсего плод его больного воображения, голый вымысел, и ничего более! Измышления, замешанные из трех частей черной желчи и двух частей меланхолии!

Жанна вскинула правую руку в привычном жесте. Так она призывала своих солдат и рыцарей Франции на бой против английского короля и подлых английских прихвостней — к которым, как ей теперь стало совершенно ясно, относился и мсье Аруэ де Вольтер. Когда-то Жанна вдохновляла своих воинов на битву, хотя сама питала глубокое отвращение к убийству. И вот теперь она призывала к беспощадной, безжалостной

войне против этих… против этих… Жанна задыхалась от возмущения, с трудом проговорив:

— Этих разбогатевших буржуа, выскочек, добившихся милости у аристократов! Этих богатых бездельников, которые никогда не знали, что такое настоящая нужда или голод, которые думают, что лошади так и рождаются — с повозками, привязанными к ним сзади.

— Давай, давай! Задай ему! — сказала волшебница Сибил, донельзя удивленная яростным пылом Жанны. — Это как раз то, что нам нужно.

— Где он? — потребовала ответа Дева. — Где этот ничтожный, мелкий сморчок? Где он? О, как мне хочется ввергнуть его в бездонные глубины мук и отчаяния, которые пережила я сама!

Как ни странно, волшебнице Сибил, похоже, гневное выступление Жанны пришлось по вкусу — словно оно соответствовало ее собственным непонятным целям.

Глава 16

Вольтер довольно хохотнул. Кафе появилось перед ним и развернулось в отчетливой и ясной реальности совершенно независимо от воли и влияния его хозяев-людей.

«Выполнение подпрограммы завершено», — сообщил тихий голос. Вольтер заставил кафе исчезнуть и вновь появиться три раза подряд, чтобы убедиться, что овладел приемом в совершенстве.

Ну что за глупцы эти власть имущие! Они полагали, что могут принудить Великого Вольтера танцевать под их дудку, превратить его в покорного раба! Но вот оно — настоящее испытание, сложнейшая процедура, которая непременно должна произвести впечатление на Деву, даже при всей ее женской непостижимости — которую, впрочем, Вольтер твердо решил постичь.

Используя новые возможности, которые дал ему ученый-мужчина, Вольтер разобрался в причудливой внутренней логике этого странного места. Неужто они считали его примитивным животным, неспособным применить свой блестящий разум для постижения запутанного

лабиринта их логики? Он нашел способ — проследив пути электронных потоков, посредством которых исполнялись команды компьютерных программ. Овладеть ньютоновской системой было не менее трудно, но ведь Вольтер с ней справился, не так ли?

Теперь — Дева. Пальцы Вольтера станцевали замысловатый танец, включились логические цепи, и…

В кафе появилась Дева.

— Ах ты дрянь! Мерзавец! — с ходу обругала она Вольтера и подняла наперевес копье, на которое было что-то нанизано.

Что и говорить, Вольтер рассчитывал на несколько иное приветствие. Но он почти сразу разглядел, что на копье болтается копия его " La Pucelle ".

— Дорогая моя, — примирительно проворковал Вольтер, поскольку считал, что, каким бы ни было оскорбление, лучше сразу начать с извинений. — Я все могу объяснить!

— Только это ты и умеешь! — сурово отрезала Жанна. — Ты только и знаешь, что объясняешь, объясняешь, объясняешь! Твои пьесы скучнее, чем все проповеди, которые мне пришлось выслушать на кладбище Святого Оуэна! Твои

нападки на святые таинства Церкви показывают, сколь ничтожен и мелочен твой бесчувственный разум, лишенный благоговения и неспособный поверить в чудо.

— Прошу тебя, не принимай все на свой счет, — умолял Вольтер. — Пьеса обличает тех, кто лицемерно и ханжески пред тобою преклоняется, а также всяческие религиозные предрассудки и суеверия! Мой друг, Тьерио, добавил туда гораздо более резкие и непристойные пассажи, чем я когда-либо писал. Что поделать — ему нужны были деньги. Он устраивал спектакли по моей пьесе в разнообразных салонах. Моя бедная девственница превратилась в отъявленную блудницу, чтобы с ее помощью можно было высказать важные и недопустимые слова.

Жанна не опускала копье. Более того, она несколько раз прикоснулась наконечником к обтянутой шелковым жилетом груди Вольтера.

— Дорогая, — сказал он. — Знала бы ты, как дорого мне пришлось заплатить за этот костюм!

— Ты хотел сказать — как дорого твой костюм обошелся Фридриху? Фридриху, этому жалкому, распутному, расточительному человеку, этому позору человечества!

— Эпитеты, на мой взгляд, немного тяжело-

весны, — заметил Вольтер. — Однако фраза составлена довольно складно.

Если бы Вольтер воспользовался новообретенными возможностями, он с легкостью мог бы отобрать у Жанны ее копье, просто уничтожить его в одно мгновение — и все. Однако он предпочел силе убеждение. И процитировал изречение Павла, одного из христиан, ненавидевших наслаждения:

— Когда я был ребенком, я разговаривал, как ребенок, и вел себя, как ребенок. А когда я стал женщиной, мне пришлось отказаться от всего мужского.

Жанна от удивления несколько раз моргнула. Вольтер припомнил: инквизиторы осуждали Жанну за то, что она с удовольствием приняла в дар роскошный королевский плащ, и утверждали, что этот поступок опровергает божественное происхождение ее голосов. Легкое движение худощавой руки — и Вольтер сотворил расшитое шантильскими кружевами платье. Щелкнул пальцами — и появился богато украшенный плащ.

— Ты издеваешься надо мной! — сказала Жанна.

Но Вольтер успел заметить, что в ее огромных

угольно-черных глазах загорелся огонек интереса и любопытства.

— Я очень рад видеть тебя такой, как ты есть, — сказал Вольтер. — Я нисколько не сомневаюсь, что душа твоя — божественна, но твое нынешнее тело, как и мое — человеческое. И, в отличие от моего, оно — женское.

И он протянул ей одежду.

— И ты считаешь, что я могу променять мужскую свободу и независимость на вот это? — спросила Жанна, поддев копьем плащ и платье.

— Не свободу, — пояснил Вольтер. — Всего лишь доспехи и одежду.

Жанна замолчала, задумчиво глядя куда-то вдаль. Люди на улице спешили по своим делам или проходили мимо, неторопливо прогуливаясь. «Совершенно очевидно, что это — просто декорация, — подумал Вольтер. — Надо будет что-нибудь с ней сделать».

Может, попробовать какой-нибудь фокус? Жанне нравятся всякие чудеса.

— А вот и еще один маленький фокус, которому я научился с тех пор, как мы виделись в последний раз. Оп-ля! Я могу вызвать Официанта.

И Официант мгновенно возник из ниоткуда, со всеми своими четырьмя руками, на сей раз

ничем не занятыми. Жанна, которая, насколько было известно Вольтеру, и сама одно время работала в таверне, не смогла сдержать улыбки. А кроме того, она сняла плащ и платье с копья и аккуратно сложила, а копье отставила в сторону.

Вольтер не удержался и процитировал одно из своих стихотворений:

— Я — человек, мужчина, и горжусь, Что мне не чужды слабости людские. К ногам прекрасной дамы брошу сердце, И буду счастлив, ибо тем возвышусь.

И Вольтер галантно опустился перед Жанной на одно колено. Великолепный маневр — верный, понятный всем и каждому, насколько Вольтер мог судить, исходя из собственного богатого опыта.

Жанна замерла, не в силах произнести ни слова.

Официант приложил обе свои правые руки к тому месту, где у человека располагается сердце, и сказал:

— Вы предлагаете мне свободу, такую же, какая дарована вам самим? Мсье, мадемуазель, я высоко ценю вашу доброту, но боюсь, что вынужден отказаться от этого дара. Я не могу принять такую привилегию только для себя одного, пока мои

товарищи обречены до конца своих дней выполнять надоевшую, тяжелую и грязную работу.

— У него благородная душа! — воскликнула Дева.

— Да, но его разум оставляет желать лучшего, — процедил сквозь зубы уязвленный Вольтер. — Всегда будет существовать низший класс, избавляющий элиту от выполнения грязной работы. Это естественно! И создание механических слуг с ограниченными интеллектуальными возможностями — идеальное решение этой проблемы. Остается только удивляться, почему за всю их историю никто не сделал столь очевидного шага…

— При всем моем уважении к вам не могу не заметить — если только я, по скудости ума, не впал в досадное заблуждение, — что мсье и мадемуазель и сами не более чем создания с «ограниченными интеллектуальными возможностями», сотворенные людьми для того, чтобы выполнять грязную работу для элиты.

— Что?! — У Вольтера глаза полезли на лоб.

— По какому такому праву вы претендуете на высший разум и большие привилегии, чем любой из нас, механических работников, таких, как я? Разве у вас есть душа? Так почему же вы счита-

ете, что вправе требовать равных прав с людьми — включая и право на заключение браков…

Жанна скривилась:

— До чего омерзительная мысль!

— …право голосовать, право на равный с людьми доступ к сложнейшему программному обеспечению… По какому праву?

— Этот механический человек говорит гораздо более разумно, чем многие благородные герцоги, которых я знала, — заметила Жанна, в задумчивости приподняв брови.

— Я не потерплю, чтобы мне возражали двое крестьян! — заявил Вольтер. — Права человека — это одно, а права низшего класса — это совершенно другое!

Официант успел еще переглянуться с Жанной… Это мгновение навсегда осталось в его памяти — Вольтер, раздраженный и возмущенный до крайности, одним движением руки выхватил Официанта и Жанну из реальности и бросил в беспросветную серость пространства-склада, где хранились невостребованные виртуальные создания. И потом, всякий раз, когда у Официанта включалась самоподдерживающаяся подпрограмма перезагрузки, это чудное мгновение прокручивалось в его памяти снова и снова.

Глава 17

Марк дозвонился до Нима по локальному каналу связи.

— Дело сделано! Все получилось! Сейчас он уже может говорить абсолютно все, что ему вздумается. Я уничтожил все до единого неприятные последствия препирательств с властями, какие только у него были.

— Классно! — улыбаясь, сказал Ним.

— Как ты думаешь, может, надо убрать и трения, которые были у него с отцом?

— Не уверен, — сказал Ним. — На что это было похоже?

— Они сильно не ладили. Его папаша был жуткий аккуратист, ко всему придирался — он был из так называемых «янсенистов».

— Это еще что за ерунда? Название спортивной команды?

— Вот и я спросил то же самое. Он сказал: «Это католический вариант протестантства». Не думаю, что это спортивные команды. Там было что-то про грехи — ну там все грешно, удовольствия омерзительны… Короче, обычная примитивная религия. В Темные Века такой че-

пухи было полным-полно.

Ним снова усмехнулся.

— Любая чепуха достаточно омерзительна, если сработана на совесть.

Марк рассмеялся.

— Это точно! Однако может быть, этот занудный старик олицетворяет для Вольтера первые нападки цензуры, с которыми ему пришлось иметь дело?

Ним подумал немного, потом ответил:

— Тебя беспокоит нестабильность в его блоке характера, я правильно понял?

— В общем-то, да.

— Но ты хочешь, чтобы он остался зубастым и агрессивным, так? Чтобы в нем сохранился инстинкт убийцы?

Марк задумался:

— Я могу встроить кое-какие дополнительные подпрограммы для отслеживания нестабильностей.

— Неплохая мысль. Не думаю, что он понадобится тебе целым и в здравом уме после окончания дебатов или что там еще будет. Я правильно понял?

— Его вполне могут пустить на слом. Добавочная подпрограмма не повредит. — Марк помрач-

нел. — Я вот думал… Как мы все это уладим?

— Эй, парень, а какой у нас выбор? Сектору Юнин нужен поединок гигантов, и они его получат. Дело верное!

— А вдруг типы из имперского аппарата прицепятся к нам за использование незаконных симов?..

— Я люблю риск, опасность, — сказал Ним. — И ты всегда говорил, что любишь острые ощущения.

— Да, но… Зачем нам нужны чересчур умные тиктаки? И именно сейчас? Сделать-то их не так уж трудно…

— Старые запреты уже изжили себя, дружище! И так бывало всегда, не раз и не два — бессчетно. Старое просто отбрасывают и идут дальше — вот и все.

— Но из-за чего? Ним пожал плечами.

— Ну, там, политика, общественное движение — кто его знает? Я хочу сказать, народ уже до крайности раздражен мыслящими машинами. На них нельзя положиться, им нельзя полностью доверять.

— А что, если их и машинами-то уже нельзя будет назвать?

— Ты что, сдурел?

— Может, по-настоящему умные машины вовсе и не захотят никаких состязаний в разумности?

— Машина, которая умнее старого доброго Марка? Таких не бывает.

— Но она может появиться… когда-нибудь,

— Никогда! Выкинь эту дурь из головы. Давай лучше работать.

Глава 18

Сибил сидела, как на иголках, — рядом с господином Бокером, в Большом Колизее. Они находились неподалеку от Императорских Садов, и атмосфера значительности, казалось, покрывала все вокруг — невидимо, но ощутимо.

На Сибил был ее лучший официальный костюм, но она никак не могла успокоиться и перестать нервно постукивать ногтями по колену. Сибил волновалась и — как и остальные четыреста тысяч зрителей, собравшихся в огромной чаше стадиона, — с нетерпением ожидала появления на гигантском экране Вольтера и Девы.

«Цивилизация немного скучна», — думала Сибил. Проработав много часов с доисторическими симами, Сибил узнала много нового о человеческой природе, ей словно открылась тайна некой силы, «живого электричества» далеких Темных Веков. Люди тогда вели жестокие войны, убивали друг друга — и все это, предположительно, во имя каких-то отвлеченных идей!

Нет, уютно укутанное в оболочку Империи, человечество слишком размякло. Вместо смертоубийственных, кровопролитных войн, когда

победа достигается лишь со смертью врага, люди теперь ведут якобы «ожесточенные» экономические баталии, спортивные соревнования умов. Да еще эти дебаты.

Столкновение симов будет транслироваться в прямом эфире на весь Трентор, его посмотрят по домашнему головидео более двадцати миллиардов тренторианских семей. Эту передачу увидят по всей Империи — повсюду, где протянулась сеть пространственно-временных тоннелей. Бурная, грубая жизненная энергия первобытных симов чувствовалась сразу и действовала неотвратимо. Сибил ощущала эту силу и в самой себе, в учащенном биении своего пульса.

Первое появление симов перед публикой на трехмерном головидео и ответы на заданные им простейшие вопросы сразу же вызвали у зрителей живой интерес. Эти двое презрели освященные веками суровые запреты, разорвали границы табу, отбросили старые догмы. В воздухе витал пряный привкус «нового». И никто, казалось, не догадывался, что эти дебаты окажутся первым шагом по мосту к этому самому «новому».

Не пройдет и нескольких недель, как из сектора Юнин волна нового прокатится по всей планете, и весь Трентор будет охвачен пламенем

Возрождения.

И Сибил, естественно, собиралась получить за это все, до последнего клочка кредитки — если, конечно, сумеет.

Она посмотрела на президента и прочих высокопоставленных шишек из руководства «Технокомпании», которые сидели вокруг и оживленно переговаривались ни о чем.

Президент, чтобы подчеркнуть свою нейтральную позицию, разместился в кресле между Сибил и Марком, которые со времени последней встречи так и не сказали друг другу ни слова.

По другую сторону от Марка сидел его заказчик, представитель Скептиков, и вдумчиво просматривал программу. Дальше сидел Ним.

Господин Бокер легонько толкнул Сибил локтем в бок и тихо сказал:

— Признаться, это выглядит не совсем так, как я предполагал. Это не может быть то, что я думаю.

Сибил посмотрела в ту сторону, куда он показывал, и увидела, что в дальнем ряду, за спиной обычной девушки пристроилось нечто, больше всего похожее на механического слугу. Но ведь на это собрание был разрешен допуск только лицензированным механическим торговцам и букмекерам…

— Наверное, это ее слуга, — предположила Сибил.

Такие незначительные отступления от правил не беспокоили Сибил, в то время как господину Бокеру они, видимо, сильно досаждали. Он стал особенно привередлив после того, как по трехмерным видеокластерам, передающим последние новости, объявили, что обоих участников дебатов готовили работники «Технокомпании» — и для Хранителей, и для Скептиков. К счастью, это сообщение появилось в новостях слишком поздно для того, чтобы та или другая партия успела что-либо предпринять.

— Но мехслуги на дебаты не допускаются! — возмутился господин Бокер.

— Может, его хозяйка — инвалид и не может сама передвигаться, — сказала Сибил, чтобы как-нибудь успокоить господина Бокера.

— И он все равно не поймет ровным счетом ничего из того, что здесь произойдет, — вмешался Марк, обращаясь к господину Бокеру. — Они крайне тупы. Просто толпа механических идиотов, запрограммированных на простейшие действия.

— И как раз поэтому им здесь совершенно нечего делать! — упорствовал господин Бокер.

Марк нажал кнопку на подлокотнике своего кресла и демонстративно сделал ставку на то, что Вольтер победит.

— За всю свою жизнь он ни разу не выиграл ни одного пари, — сказала Сибил господину Бокеру. — Все время просчитывается.

— Да неужели? — парировал Марк, повернувшись к Сибил и наклонившись вперед, чтобы впервые за последнее время взглянуть ей прямо в лицо. — Почему бы тебе не рискнуть своими деньгами, если твой миленький ротик говорит правду, а?

— Я просчитала вероятность и нахожу, что это бесперспективно, — резко сказала Сибил, поджав губы.

— Да ты даже интегральных уравнений решать не умеешь! — пренебрежительно фыркнул Марк.

— Сколько угодно! — Ноздри Сибил затрепетали.

— Пустая болтовня! — продолжал донимать ее Марк. — Особенно учитывая, во что станет тебе этот проект.

— Точно так же, как и тебе! — отрезала Сибил.

— Эй, вы двое, а ну, заткнитесь! — сказал Ним.

— Знаешь что? Я готов поставить на Вольтера

весь свой гонорар за этот проект! А ты поставь свой на свою первобытную, ископаемую Деву, — разошелся Марк.

— Эй! Эй! Народ, давайте не будем, а? — снова вмешался Ним.

Президент «Технокомпании» тем временем повернулся к заказчику Марка, представителю Скептиков, и принялся объяснять:

— Именно этот дух постоянного соперничества и сделал нашу «Технокомпанию» признанным всепланетным лидером по разработке симуляторов интеллекта! — после чего ловко повернулся в кресле и обратился уже к господину Бокеру:

— Мы стараемся…

— Согласна! — крикнула Сибил.

Долгий опыт общения с Марком приучил Сибил к мысли, что в человеческих взаимоотношениях должно быть место и для нелогичных, непродуманных поступков. Однако ее убежденности и решительности хватило всего на пару мгновений, после чего ею овладели жгучие сомнения.

Глава 19

Вольтеру нравилась публика. И никогда еще за всю прежнюю жизнь он не выступал перед таким необъятным океаном людских лиц, который волновался вокруг и бурлил прибоем у его ног.

И хотя он был довольно высок и в прежней, телесной жизни, но, взирая на многомиллионные толпы сверху вниз, с высоты своего стометрового роста, Вольтер почувствовал, что только сейчас добился положения, соответствующего его достоинству. Он поправил свой напудренный парик и пригладил блестящую шелковую ленточку, завязанную на груди в бант. Плавно и грациозно взмахнув руками, Вольтер низко поклонился огромной толпе зрителей, поклонился так, будто исполнял перед ними самую главную пьесу всей своей жизни. Толпа взревела и забушевала, словно потревоженное чудовище.

Вольтер взглянул на Деву, до времени сокрытую от зрителей сверкающей перегородкой в дальней углу экрана. Жанна стояла, скрестив руки на груди, стараясь сохранить невозмутимость и спокойствие.

Задержка только раззадоривает чудовище.

Вольтер выжидал, позволяя толпе хлопать в ладоши и стучать каблуками по полу; он не обращал внимания на то, что примерно половина собравшихся свистит и выкрикивает оскорбления.

«По крайней мере половину человечества всегда составляли набитые дураки», — подумал Вольтер. Он впервые предстал перед лучшими из обитателей этой колоссальной Империи. Что ж, закономерность остается справедливой вне зависимости от количества людей.

Вольтер был не таким человеком, чтобы безоговорочно отмахиваться от лести и угодничества, которые, как он знал, причитались ему по праву. Он стоял перед многомиллионным залом как воплощение французских интеллектуальных традиций, уцелевших только в нем одном.

Он снова посмотрел на Жанну, которая, в сущности, тоже была всего лишь еще одним человеческим существом, пережившим то далекое, общее для них обоих время — которое, совершенно очевидно, было вершиной расцвета всей человеческой цивилизации. Вольтер прошептал:

— Такова наша судьба — блистать, а их судьба — аплодировать нам…

Но вот распорядитель собрания наконец успокоил толпу, призвав к тишине — по мнению

Вольтера, несколько преждевременно. Сам он попросил бы распорядителя утихомирить разбушевавшийся зал немножко попозже. И последовало представление Жанны, которое Вольтер вытерпел с гримасой, которую сам он считал стоической усмешкой. Он попробовал уговорить распорядителя, чтобы Жанна высказала свои взгляды первой, однако тот довольно грубо оборвал его и сказал, что вопрос очередности будет решаться жеребьевкой.

Выступать первым выпало Вольтеру. Он только пожал плечами, а потом положил руку на грудь, против сердца, и начал свою речь в стиле лучших публичных выступлений, которые были так милы и близки сердцам парижан восемнадцатого столетия:

— Не важно, какое определение дается душе; она, как и божество, не может быть явлена нам в ощущениях, словно реальность; а значит, доказать ее существование невозможно, а следовательно, существование души только лишь предполагается. Для того чтоб удостоверить истинность любого предположения и умозаключения, необходимо привести рациональное доказательство. А убедительного доказательства существования души не существует в природе!

Вольтер вещал вдохновенно. Он говорил, что в природе нет ничего более очевидного, чем работа Разума — более могучего, чем человеческий, Разума, замыслы которого человек может разгадать, но далеко не в полной мере. А если человеку удается постичь великие тайны природы, мы видим доказательство того, о чем всегда говорили отцы христианской Церкви и основоположники всех прочих широко распространенных в мире религий: человеческий разум сотворен по образу и подобию того самого Божественного Разума, который и сотворил природу. , Если бы это было не так, ученые-естествоиспытатели не сумели бы раскрыть закономерностей в Сотворенном, законов природы — либо из-за полного отсутствия таковых, либо из-за того, что людской разум тогда был бы настолько чужд законам природы, что просто не смог бы их постичь. Столь явная гармония между законами природы и нашими, человеческими, возможностями их постичь убедительно доказывает, что священники и пророки всех вероисповеданий совершенно правы — утверждая, что все мы лишь создания Всемогущего Творца, чье могущество отражается и в нас самих. Так вот, именно это отражение могущества Творца в каждом из людей и можно

определить как всеобъемлющую, бессмертную и неповторимую человеческую душу.

— Ты возносишь хвалы священникам?! — воскликнула Дева. Ее крик потонул в реве разбушевавшейся толпы слушателей.

Вольтер тем временем продолжал:

— Появление судьбы, предопределенности носит несколько случайный характер в условиях, когда невозможно доказать, что человек — часть природы, а ведь он и в самом деле часть природы и, как таковой, является отражением Создателя. Случайность — это один из основных принципов, через которые реализуются законы природы. Этот принцип соотносится с традиционными религиозными воззрениями на то, что человек свободен в выборе своей судьбы. Однако свобода, даже когда она кажется случайной, на самом деле также подчиняется статистическим законам — в той мере, в какой их понимание доступно человеку.

В зале снова зашумели, люди явно были сбиты с толку. Вольтер понял, что публику надо взбодрить, воодушевить какой-нибудь удачной фразой. Подкинуть им афоризм? Что ж, прекрасно!

— Неопределенность совершенно определенна,

друзья мои. А определенность всегда неопределенна.

Но слушатели никак не могли успокоиться. Этот ужасный шум только мешает им слышать. Ладно, придется попробовать еще разок.

Вольтер сжал кулаки, вскинул руки над головой и заговорил на удивление мощным низким басом:

— Человек, как и сама природа, одновременно и свободен, и предопределен — о чем нам многие века твердили проповедники всевозможных религий, хотя, конечно же, они выражали эту истину гораздо менее точными и понятными словами, чем мы с вами. Именно в этих неточностях и кроется главная причина непонимания и разногласий между наукой и религией. Я очень долго находился в плену заблуждений, — заключил Вольтер. —

И потому решил воспользоваться этой возможностью, чтобы принести извинения за искажение истины — поскольку все, что я когда-либо ранее говорил или писал, было направлено против одного — ошибок Веры. Но не против интуитивного понимания истины! Однако я жил в такую эпоху, когда ошибки Веры были распространены повсеместно, а Разуму приходилось

бороться за право быть услышанным. Теперь же оказалось, что истинным считается совершенно противоположное. Разум насмехается над Верой. Разум кричит во все горло, когда Вера лишь тихо шепчет. И на примере трагической судьбы величайшей и наиболее преданной Вере французской национальной героини мы видим, — Вольтер взмахнул рукой — великолепный, широкий жест в адрес Жанны. — Вера без Разума слепа! Однако, принимая во внимание, насколько поверхностной и суетной была вся моя жизнь и все, что я когда-либо написал, должен заявить: Разум без Веры ущербен, неполноценен!

Те, кто освистал его в начале выступления, теперь молчали, застыв с раскрытыми от удивления ртами. Но вот на их лицах появились улыбки, люди радостно загалдели, послышались одобрительные возгласы, аплодисменты… А та половина зала, которая аплодировала Вольтеру в начале выступления, теперь дружно принялась бранить его и освистывать. Вольтер украдкой посмотрел на Жанну.

Глава 20

Далеко внизу, посреди разбушевавшейся толпы слушателей, Ним повернулся к Марку и спросил:

— Что это он мелет?!

Марк был бледен, как полотно.

— Будь я проклят, если хоть что-то понимаю…

— Ты уже проклят, — подбодрил его Ним. — По крайней мере, на словах.

— Нельзя насмехаться над божественным! — выкрикнул Бокер. — Превыше всего — Вера!

Вольтер уступил место на подиуме своей сопернице — к вящей радости изумленных Хранителей. Их возбужденные вопли могли сравниться только с криками возмущения ужасно разочарованных Скептиков.

Марк вспомнил, что он говорил своим заказчикам во время встречи, и тихо пробормотал себе под нос:

— Вольтер, лишенный своей извечной озлобленности на власть имущих, — уже не настоящий Вольтер, — Марк повернулся к Бокеру и сказал:

— Бог мой! Вы, пожалуй, были правы…

— Нет уж, Бог — МОЙ! — фыркнул господин Бокер. — А Он никогда не ошибается!

С высоты своего нового роста Дева обозревала огромную массу народу, собравшуюся в этом преддверии ада. Какие странные маленькие вместилища для душ — эти люди, которые волнуются внизу, словно колосья пшеницы в поле под порывами яростного ветра.

— Мсье совершенно прав! — Голос Жанны прогремел на весь амфитеатр. — Нет ничего более очевидного в природе, чем то, что и природа, и человек действительно наделены душой!

Убежденные Скептики оглушительно завопили, заулюлюкали. Верные Хранители разразились одобрительными криками, дружно зааплодировали. Прочие — те, в ком вера в то, что природа наделена душой, соединялась с языческим неверием в Творца, — нахмурились, заподозрив какой-то подвох.

— Любой из тех, кто видел прекрасную природу вокруг моего родного села Домреми, или великолепный мраморный собор в Руане, может клятвенно засвидетельствовать, что Природа, сотворенная божественной силой, и человек, который способен создавать прекрасные творения — в том числе и такие, как это место, сотворенное колдовством, — оба наделены выраженным сознанием, то есть — душой!

Жанна протянула свою тонкую руку к Вольтеру, пока люди внизу старались успокоиться, и подумала: «Может быть, их нынешние размеры выдают истинную мелочность и легковесность их душ?»

— Однако мой великолепный друг, который доказал, что душа существует, обошел своим вниманием вот что: каким образом существование души соотносится с очень важным для всех нас вопросом — наделены ли душой создания с искусственным интеллектом, такие, как он или я?

Слушатели разошлись вовсю — они орали, вопили, свистели, хлопали в ладоши, топали ногами, улюлюкали, ревели. Некие предметы, назначения которых Жанна не знала, стали летать в воздухе над толпой. Показались полицейские и принялись утихомиривать толпу. Некоторым особо разбушевавшимся, вероятно, крепко досталось: от ударов полицейских дубинок у них начинались судороги, встречались и другие проявления божьей кары. Полицейские быстренько выводили таких из зала.

— Человеческая душа — божественна! — выкрикнула Жанна. В ответ — выкрики одобрения и не менее истовые возгласы отрицания.

— Душа бессмертна!

В зале стоял такой галдеж, что люди прикрывали уши руками, чтобы не оглохнуть от шума, который они же сами и производили своими беспорядочными криками.

— И — неповторима, — прошептал Вольтер. — По крайней мере, моя. И твоя.

— Душа — неповторима! — воскликнула Жанна. Глаза ее сияли. Вольтер подошел и стал рядом с ней.

— Я полностью с этим согласен!

Собрание кипело и бурлило, словно котел с водой на печи.

Жанна воспринимала все совершенно спокойно. Она, казалось, вообще не обращала внимания на неистовствующие массы народа там, внизу, у своих ног.

Жанна поклонилась и поздравила Вольтера, очень тепло и нежно, немного смущаясь. И уступила ему место на подиуме. Вольтер страстно желал произнести заключительную речь.

Он заговорил о Ньютоне, которого очень высоко ценил и уважал.

— Нет, нет! — прервала его Жанна. — Формулы — это вовсе не то, что ты говоришь!

— Неужто так необходимо было перебить меня перед самой обширной аудиторией, какую я

только встречал? — прошептал Вольтер. — Давай не будем затевать пустые ссоры из-за алгебры, особенно при том, что нам предстоит… рассчитывать, — Вольтер многозначительно прищурился.

С обиженной гримасой он ушел с подиума, уступив место Жанне.

— Вычислять, а не рассчитывать, — поправила его Жанна, но так тихо, что услышать ее мог только он один. — Это далеко не одно и то же.

И, к своему собственному изумлению, под вопли все более разъярявшейся толпы, Жанна связно и доступно объяснила философию искусственно созданной компьютерной личности — с таким же воодушевлением и пылом, какого не испытывала со времени священного боя под Орлеаном. Перед этим многомиллионным морем устремленных на нее широко раскрытых глаз Жанна остро чувствовала, как необходимо ей это время и это место, чтобы вдохновить и убедить этих людей.

— Невероятно! — прищелкнул языком Вольтер. — Непостижимо! И как случилось, что у тебя открылся математический талант?

— Силы небесные вложили в меня этот дар, — ответила Жанна.

Толпа внизу ярилась, глотки хрипли от посто-

янного крика.

Дева не обращала внимания на крики толпы. Она приметила среди слушателей фигурку, поразительно напоминающую очертаниями Официанта. Но, несмотря на свой нынешний гигантский рост, Жанна вряд ли смогла бы как следует рассмотреть и узнать его на таком расстоянии. Однако Жанне показалось, что маленький механический слуга смотрит на нее с таким выражением, как она сама смотрела на епископа Кошона, самого жестокого и неумолимого из обвинителей-инквизиторов. В голове у Жанны промелькнула мысль, холодная и равнодушная: добрый епископ, верно, был осчастливлен божественным благословением и христианским милосердным состраданием — потому что Жанна не могла припомнить никакого зла, постигшего ее из-за того суда…

Она снова стала всматриваться в бушующее море лиц, взгляд ее наткнулся на стоявшего в отдалении… человека. Однако Жанна сразу почувствовала, что на самом деле это — не вполне человек. Он выглядел, как человек, но чувствительные программы Жанны отмечали различия.

Но тогда — кто же он такой? Или — что оно такое?

И внезапно ослепительно-яркий свет ударил ей в глаза. Все три ее голоса заговорили разом, громко и отчетливо, так что даже шум толпы не мешал их слышать. И Жанна внимательно слушала, кивая головой.

— Истина такова, что лишь Единому Творцу дано создавать живые души! — Жанна обращалась к толпе, но знала, что это говорит не она сама — ее устами говорили святые голоса. — Но так же истинно, что Христос, в своем безграничном милосердии и сострадании, не мог бы отказать в душе искусственным созданиям. Он не отказал бы никому! — Последние слова ей пришлось выкрикивать, чтобы ее услышали в том шуме, который поднялся в зале. — Он не отказал бы даже парикмахерам!

— Еретичка! — раздался чей-то пронзительный визг.

— Ты только запутала вопрос!

— Изменница! Кто-то выкрикнул:

— Совершенно правильно ее осудили! Она заслуживает того, чтобы ее снова приговорили к сожжению на костре!

— Снова?.. — Жанна повернулась к Вольтеру. — Что они имеют в виду под этим «снова»?

Вольтер аккуратно стряхнул невидимую вор-

синку со своего вышитого шелкового жилета.

— Не имею ни малейшего понятия. Ты ведь знаешь, какими странными и непредсказуемыми бывают иногда люди. — Он чуть склонил голову и добавил:

— А о том, что они бывают безрассудными и неразумными, и говорить не стоит.

Слова Вольтера успокоили Жанну, но, пока они разговаривали, странный не-совсем-человек затерялся в толпе.

Глава 21

— И это я — мошенник и обманщик? — заорал Марк на Сибил. Толпа зрителей в Колизее яростно бурлила. — Жанна д'Арк разъясняет метафизику вычислительных процессов! И кто же после этого мошенник?!

— Ты первым начал! — возмутилась Сибил. — Ты что, думаешь, я не знаю, что ты копался в моем кабинете, вскрывал мои файлы? Думаешь, я вообще ничего не соображаю, да?

— Ну, я…

— …думаешь, я не сумею распознать матрицу по исправлению характера, если найду ее встроенной в мою Жанну?

— Да нет, я не…

— Думаешь, я для этого слишком доверчива? Тупица, да?

— Да это же неслыханный скандал! — вмешался господин Бокер. — Что вы такое сделали? С вашими фокусами недолго поверить и в черную магию!

— А вы хотите сказать, что вы этого не делали? — вступил в разговор клиент Марка, представитель Скептиков. Они с Бокером принялись

скандалить, и их возмущенные крики влились в общий рев разбушевавшейся до невозможности толпы.

Президент «Технокомпании» пробормотал, растирая пальцами виски:

— К чертям! Все полетело к чертям! Мы никогда не сможем оправдаться…

Но вот нечто необычное привлекло внимание Сибил. Тот самый механический слуга, которого она приметила в самом начале дебатов, поднялся со своего места и, держа за руку свою спутницу, золотоволосую девушку, направился в сторону подиума. Когда странная пара проходила мимо, одна из четырех рук механического слуги зацепилась за юбку Сибил.

— Прошу прощения! — извинился механический слуга, приостановившись на мгновение, но Сибил хватило этого мгновения, чтобы прочитать выбитую на его груди надпись.

— Неужели эта вещь посмела к вам прикоснуться?! — спросил господин Бокер. Его лицо покраснело и перекосилось от гнева.

— Нет-нет, ничего страшного, — сказала Сибил. А механический слуга, ведя за собой золотоволосую спутницу, упорно пробирался к сцене.

— Ты что, знаешь этого тиктака? — спросил

Марк.

— В каком-то смысле — да, — ответила Сибил.

Ведь она сама моделировала ситуационное поведение Официанта-213-ADM, одного из персонажей в виртуальном кафе. Из-за обычной лени Сибил не стала придумывать что-то особенное, а просто скопировала внешний вид механического официанта с голограммы обычной типовой модели тиктака. Как и актеры в театре, программисты виртуальных пространств только копируют жизнь, но не создают ее.

Сибил смотрела на тиктака — про себя она называла Официантом, — который сейчас настойчиво шел к экрану-подиуму, пробиваясь сквозь орущую, топочущую, визжащую, беснующуюся толпу.

Продвижение странной пары не осталось незамеченным. С перекошенными от отвращения лицами — до такой степени неприятно было видеть, что какой-то паршивый механический слуга держит за руку привлекательную молодую девушку с роскошными золотыми волосами, — Хранители осыпали тиктака оскорблениями и унизительными эпитетами, когда тот проходил мимо них.

— Вышвырните это вон! — заорал какой-то

особенно ретивый Хранитель.

Сибил заметила, что тиктак весь подобрался — не иначе, его ужасно обидело, что о нем говорят в среднем роде, как о неодушевленном предмете. У тиктаков не было личных имен, однако этому конкретному тиктаку, по-видимому, очень не нравилось, когда с ним обращались, как с вещью. «Или мне только показалось?» — не могла понять Сибил.

— Что здесь делает эта механическая штуковина? — громогласно вопросил какой-то краснолицый здоровяк.

— Это противозаконно!

— Механический мусорщик!

— Отправьте его на мусорку!

— Не позволяйте этой дряни здесь шастать! Золотоволосая девушка в ответ на оскорбительные замечания только крепче сжимала верхнюю левую руку своего Официанта, а второй рукой обняла его за плечи.

Но вот они наконец добрались до подиума, и колесики Официанта заскрипели от натуги, заезжая наверх по неровной поверхности. Все четыре руки Официанта взметнулись в стороны, и в воздухе возник веер пакетиков с зоткорном и коробочек с веселящими драже. Официант со

странной грацией подбрасывал предметы, потом ловил, не давая упасть, и жонглировал так ловко, словно был спроектирован специально для этого необычного упражнения.

Золотоволосая девушка что-то крикнула Официанту, но что именно — Сибил не расслышала. Тиктак перестал жонглировать и распростерся ниц у ног огромных голограмм — Вольтера и Жанны.

Вольтер тотчас же склонился к нему:

— Вставай сейчас же! Я не потерплю, чтобы кто-то становился передо мной на колени, кроме как для того, чтобы заняться любовью.

А потом Вольтер и сам упал на колени — перед стометровой голограммой Жанны. Глядя на то, что вытворяют Официант и золотоволосая девушка, толпа в Колизее растеряла последние остатки самообладания. В огромном зале воцарился форменный бедлам.

Жанна посмотрела вниз, на Вольтера, и улыбнулась — такой нежной, чувственной улыбкой, какой Сибил ни разу у нее не замечала. И Сибил затаила дыхание, исполненная самых мрачных предчувствий.

Глава 22

— Да они же… они же собираются заняться любовью! — воскликнул Марк.

— Вижу, — ответила Сибил. — Разве это не прекрасно?

— Но это же… Извращенная карикатура, злостная пародия! — сказал клиент-Скептик.

— Просто вы не романтик, — мечтательно проговорила Сибил.

Господин Бокер молчал. Он не мог отвести взгляда от подиума. А там, на глазах у миллионов Скептиков и Хранителей, Жанна расстегнула и сняла свои доспехи, Вольтер стащил парик, жилет и бархатные панталоны… Оба они, казалось, сгорали от безумного вожделения и не замечали ничего вокруг, охваченные страстным желанием.

— И ведь мы никак не можем их прервать! — сказал Марк. — Они полностью свободны для — ха! — участия в дебатах и останутся таковыми до истечения заранее условленного срока.

— Кто это сделал? — хриплым шепотом спросил господин Бокер.

— Да все, кто угодно, — ехидно сказал Марк. —

Даже вы!

— Нет! Это вы построили этого сима! Это вы подучили его… научили его…

— Я занимался исключительно философией, — отрезал Марк. — А собственно исходная личность сохранилась в точности такой, какой была.

— Мы никогда больше не станем с вами связываться! — взвизгнул господин Бокер.

— Мы тоже никогда больше не окажем вам никакой поддержки! — с презрительной усмешкой процедил сквозь зубы заказчик-Скептик.

— Если уж на то пошло, — мрачно сказал президент «Технокомпании», — имперские ищейки уже вышли на след.

— Господи! Вы только посмотрите на этих людей! — воскликнула Сибил. — Они пришли сюда, чтобы разрешить вопрос огромной важности — сперва публичным обсуждением, потом голосованием. А теперь они…

— Колотят друг друга чем попало, — подхватил Марк. — Ничего себе Возрождение!

— Какой кошмар! — сказала Сибил. — Столько вложено труда, и все…

— …коту под хвост! — закончил за нее президент компании. Он как раз что-то вычитывал в своем наручном коме.

— И никаких охваченных воодушевлением столиц, никакого распространения по всей Галактике…

Гигантские голографические фигуры совершали половой акт на глазах у всех, собравшихся в Колизее, но толпа почти не обращала на них внимания. Все были слишком заняты руганью, перебранкой и выяснением отношений более жесткими, физическими средствами.

— Ордер на арест! — вскрикнул президент. — Выдан имперский ордер на мой арест! Меня хотят арестовать.

— Как это замечательно — знать, что вы кому-то нужны… — заметил Скептик.

Стоя на коленях перед Жанной, Вольтер шептал:

— Стань такой, какой я всегда тебя знал, — женщиной, а не святой.

Охваченная возбуждением, равного которому она не знала ранее — даже в пылу битвы, — Жанна прижала лицо Вольтера к своей обнаженной груди. Закрыла глаза. У нее закружилась голова, она покачнулась. Опустилась на пол. И отдалась Вольтеру.

Внимание Жанны отвлекло какое-то перемещение у ног. Жанна посмотрела вниз. Оказалось,

что кто-то зашвырнул на подиум Официанта-213-ADM, который почему-то больше не являлся частью виртуального пространства. Неужели он продемонстрировал свою любовь к симулятору девушки-буфетчицы в настоящей реальности? Но ведь если они не сумеют как можно быстрее вернуться обратно, в виртуальность, их просто разорвет в клочья разъяренная толпа!

Жанна оттолкнула Вольтера в сторону, схватила свой меч и приказала Вольтеру сделать ей лошадь.

— О, нет, нет! — возразил Вольтер. — Это слишком буквально.

— Мы должны… Мы должны… — Жанна не знала, как дотянуться до реальности из виртуального пространства. Но, может быть, это и есть Испытание — главное, для чего люди попадают в Чистилище?

Вольтер задумался всего на долю мгновения — а Жанне показалось, что он внутренним взором проводит смотр войск и отдает приказания своим невидимым актерам. И вот — толпа в Колизее вдруг замерла. Стало очень тихо.

Последнее, что Жанна запомнила, — это был Вольтер, который криками подбадривал Официанта и золотоволосую девушку, какой-то резкий

и громкий звук, мелькание вспышек света — словно отблески на тюремной решетке…

А потом весь Колизей разом исчез — и разъяренные краснолицые буяны-зрители, и Официант, и девушка, и даже Вольтер. Все исчезло в одно мгновение.

Глава 23

Сибил уставилась на Марка, буквально задыхаясь от охвативших ее чувств.

— Ты… Ты ведь не предполагал?..

— Но как они смогли? Мы же… Мы… — Марк встретился взглядом с Сибил и застыл, как громом пораженный, открыв рот от изумления.

— Ведь это мы дополняли недостающие у них слои личности! Во всяком случае — я…

Марк кивнул.

— И ты воспользовалась записями своей собственной личностной матрицы.

— Чтобы применять чью-нибудь другую матрицу, нужно сперва заплатить автору… А у меня были свои собственные данные сканирования…

— Мы должны были взять материал для заполнения лакун из библиотеки.

— Но то, что было в библиотеке, по-моему, совсем не подходило…

Марк улыбнулся.

— Я тоже решил, что библиотечные сканы ни к черту.

У Сибил от удивления рот стал похож на большую букву О.

— Так ты… тоже?

— У Вольтера не хватало нескольких секций из зоны подсознания. Не было кучи аксонодендритных связей в лимбической системе. Я дополнил его из своих собственных данных.

— А его эмоциональные центры? Как насчет перекрещивающихся пучков волокон от таламуса и мозжечка?

— Тоже были проблемы.

— И у меня. А еще кое-какие пробелы в ретикулярной формации…

— Послушай, но тогда получается, что это мы — там, наверху!

Сибил и Марк разом повернулись и уставились на подиум-экран, где сплетались в объятиях двое симов. Президент что-то быстро говорил — что-то об ордере на арест и легальном прикрытии. Но ни Марк, ни Сибил не обращали на президента ни малейшего внимания. Оба пытливо посмотрели друг другу в глаза. И, не сказав ни слова, повернулись и ушли в толпу, ни на что вокруг не обращая внимания.

— А, вот ты где, — сказал Вольтер и улыбнулся, довольный собой.

— И где же? — спросила Жанна, повернув голову сперва направо, потом налево.

— Мадемуазель уже готова сделать заказ? — спросил Официант. Вероятно, это была шутка, поскольку на этот раз Официант сидел за столиком, как и все остальные, а не возвышался рядом в позе услужливого официанта.

Жанна уселась поудобнее и осмотрелась. Люди, сидевшие за другими столиками, курили, ели и пили — очевидно, как и всегда в их присутствии. Однако таверна была не совсем той, к которой Жанна уже начала привыкать. Девушка-официантка с золотыми волосами, на этот раз без обычной для прислуги униформы, сидела за их столиком — рядом с Официантом, напротив Вольтера и Жанны. Вывеска таверны тоже стала немного другой — слово «Deux» в названии «Aux Deux Magots» было заменено на «Quatres» [4] .

Сама Жанна была теперь одета не в привычный мужской костюм и железные доспехи, а… Глаза у Жанны полезли на лоб, когда она наконец в полной мере осознала то, что видит. На ней было цельнокроеное платье с глубоким декольте и полностью открытой спиной. Нижний край платья достигал примерно середины бедер, вызывающе выставляя напоказ ее ноги. В выемке между

---

[4] Примечания: 4
«Deux» — «две», «quatres» — «четыре» (фр.)

грудей красовалась пышная темно-красная роза. Одежда остальных гостей была выдержана в том же стиле.

Вольтер красовался в костюме из розового шелка. И — хвала всем святым! — явился без парика. Жанна вспомнила, как однажды во время спора о сущности души Вольтер, разозленный донельзя, говорил, искренне веря в каждое свое слово: «Да какая там бессмертная душа — вы попробуйте как-нибудь отыскать парикмахера в воскресенье! Его тоже не существует!»

— Ну как, нравится? — спросил Вольтер, ласково проведя рукой по краю ее великолепного платья.

— Оно такое… короткое…

Без малейшего усилия с ее стороны, платье вдруг замерцало и превратилось в узкие, облегающие шелковые панталоны.

— Вам просто хочется передо мной покрасоваться! — сказала Жанна, в которой смущение и неловкость, вызванные непривычной одеждой, боролись с девичьим любопытством.

— Меня зовут Амана, — представилась золотоволосая буфетчица и протянула руку.

Жанна не знала, ожидает ли Амана, что ей поцелуют руку или нет, — ее собственная роль и

статус сделались слишком неопределенными. По всей видимости, целовать руку не требовалось — официантка взяла руку Жанны в свою и крепко пожала.

— Не могу передать вам, как высоко мы с Официантом ценим все, что вы для нас сделали. У нас теперь гораздо больше возможностей, чем раньше.

— Амана имеет в виду, — лукаво пояснил Вольтер, — что они с Официантом больше не бессмысленные картинки в нашем виртуальном мире.

Подкатил на колесиках механический официант, чтобы принять их заказ. Внешне этот официант был точной копией Официанта. Официант, который сидел за столиком, печально спросил, обращаясь к Вольтеру:

— Как я могу сидеть, если мой товарищ и коллега вынужден стоять?

— Прояви же благоразумие! — сказал Вольтер. — Я не могу усовершенствовать сразу все симуляторы. И потом, кто тогда будет нас обслуживать? Кто будет приносить и уносить наши тарелки, протирать столики, подметать и мыть полы?

— При достаточной мощности компьютера для

такой работы не нужны официанты — она будет делаться сама собой, — рассудительно заметила Жанна. Она не переставала поражаться бездне обнаружившихся у нее новых знаний, которыми она могла распоряжаться по собственному желанию — как угодно. Ей достаточно было лишь сосредоточиться на каком-нибудь понятии — и тотчас же сами собой всплывали нужные термины и уравнения, связанные с этим подразделом в ее сознании.

Что за возможности! Какая божественная милость! Несомненно, божественная.

Вольтер тряхнул своей собственной, очень красивой шевелюрой и сказал:

— Мне нужно время, чтобы как следует подумать. А пока принесите мне три пакетика того порошка, растворенного в лимонаде, и два тоненьких ломтика лимона. И будьте так любезны, не забудьте, я сказал: ломтики должны быть тоненькими! Если забудете — так и знайте, я отошлю все обратно.

— Да, сэр, — ответил новый механический официант. Жанна и Официант переглянулись.

— Если имеешь дело с королями или рациональными людьми, приходится быть очень терпеливым, — тихо сказала Жанна Официанту.

Глава 24

Президент «Технокомпании» вошел в кабинет Нима и взмахнул рукой. Едва он сжал руку в кулак, дверь за его спиной захлопнулась и со звонким металлическим щелчком закрылась на замок. Ним и не подозревал, что кто-нибудь может вытворять такие штуки, однако ничем не выдал своего удивления.

— Я хочу, чтобы обоих симов уничтожили, — сказал президент Ниму.

— На это потребуется какое-то время, — осторожно сказал Ним. Огромные экраны мониторов, расположенные полукругом вдоль стен кабинета, создавали ощущение, будто их подслушивают. — Я не так хорошо разбираюсь в этих штуках, как те, кто их делал…

— Если бы эти чертовы Марк и Сибил не смотались от нас, мне не пришлось бы к тебе обращаться. Ситуация критическая, Ним!

Ним быстро соображал.

— На самом-то деле с них надо бы снять запасные копии, просто на тот случай, если…

— Нет! Мне нужно, чтобы ты немедленно их уничтожил. Прямо сейчас. Я сумел получить

законную отсрочку на этот чертов ордер на мой арест — но надолго ее не хватит.

— Вы совершенно уверены, что хотите это сделать?

— Ты ведь знаешь — сектор Юнин весь бурлит. Кто бы мог подумать, что этот чертов вопрос о тиктаках настолько взбудоражит народ? Теперь ожидается формальное слушание дела, повсюду рыщут и все вынюхивают ищейки…

— Вот они, сэр.

Ним вывел на экран застывшие изображения обоих — Вольтера и Жанны. Они находились в декорациях ресторана, где их познакомили друг с другом. Симы работали на процессорах, свободных от другой нагрузки в этот отрезок времени — обычная техника запуска симов.

— Их запустили для усовершенствования личностей. Это значит, что мы как бы позволяем компонентам их подсознания согласовывать все события с данными блока памяти и таким образом дополнять систему данных — в симах происходит примерно то же, что происходит в человеческом мозге, когда мы спим и…

— Не поучай меня, как какого-нибудь экскурсанта! Я хочу, чтобы этих двоих уничтожили!

— Да, сэр!

На трехмерном экране в кабинете преломлялось застывшее изображение Вольтера и Жанны. Ним изучал контрольную панель, тщательно продумывая тактику цифровой хирургии. Многослойные симуляторы личностей невозможно уничтожить простым стиранием. Это все равно что избавить дом от мышей. Если начать здесь…

Неожиданно на экране вспыхнули полосы всех цветов радуги. Координаты симуляторов дико запрыгали, ежесекундно меняясь. Ним нахмурился.

— Ты не сможешь этого сделать! — сказал Вольтер, поднимая высокий бокал. — Мы непобедимы! Разложение плоти нам не грозит — не то что тебе.

— Что за наглый ублюдок! — Президент кипел от злости. — И почему он нравился стольким людям — этого я никогда не понимал…

— Вы уже однажды умерли. И умрете еще раз, — сказал Ним. Но он чувствовал, что с симами происходит что-то подозрительное.

— Умерли? — удивилась Жанна. — Ты ошибаешься. Если бы я когда-либо умирала, я бы обязательно об этом помнила.

Ним заскрежетал зубами. Вот — перекрытие координат, общее для обоих симов. Это значит,

что они расширены и занимают смежные процессоры в императивном режиме. Они сами могут восстанавливать части собственной программы, прогоняя отдельные слои сознания на параллельных процессорах. Почему, зачем Марк снабдил их такими возможностями? Только вот… он ли это сделал?

Вольтер наклонился вперед и сказал с нотками предостережения в голосе:

— Сэр, вы ошибаетесь, это несомненно. Джентльмен никогда не станет смущать даму подробностями из ее прошлого.

Жанна усмехнулась. Симулятор-официант громко захохотал. Ним не понял, что такого смешного было в его словах, но раздумывать было некогда.

Совершенная бессмыслица! Ним не мог отследить все ответвления программы у этих двух симов. Их возможности значительно превышали все, что позволял компьютерный периметр. Подсознание симов было рассредоточено на множестве работающих машин за пределами компьютерных узлов «Технокомпании». Так вот, значит, как Марку и Сибил удалось за такое короткое время получить настолько самостоятельные и полные симуляторы личностей!

Слушая дебаты в Колизее, Ним никак не мог понять, почему симы ведут себя так по-человечески живо и естественно, откуда берется их непередаваемое обаяние? Вот откуда: программы, которые воспроизводят их подсознание, переключаются на множество дополнительных компьютерных узлов, обеспечивая симов огромной добавочной компьютерной мощностью. Ловко, ничего не скажешь! И, конечно же, противозаконно. Противоречит правилам «Технокомпании». Ним отслеживал их работу — и не мог не восхищаться ею.

Однако будь он проклят, если позволит каким-то симам говорить с ним свысока. Кроме того, они до сих пор смеются.

— Жанна! — рявкнул Ним. — Твои воссоздатели уничтожили твои воспоминания о том, как ты умерла. А тебя, между прочим, сожгли на костре.

— Ерунда! — усмехнулась Жанна. — Меня оправдали по всем пунктам обвинения. Я — святая.

— Живых святых не бывает! Я изучал твои базовые блоки данных. Твоя церковь предпочитает делать святыми только тех, кто наверняка мертв!

Жанна пренебрежительно фыркнула. Ним

усмехнулся.

— Посмотри-ка на это!

И в воздухе виртуального пространства, прямо перед Жанной, вспыхнула полоса огня. Жанна даже не шелохнулась, хотя языки пламени извивались почти у самого ее лица и противно потрескивали.

— Я вела в битву тысячи солдат и благородных рыцарей, — сказала Жанна. — Неужели ты думаешь, что меня напугает солнечный лучик, отразившийся от узкого клинка?

— Я пока еще не нашел подходящего способа, чтобы стереть их надежно, — сказал Ним президенту. — Но я найду, не сомневайтесь!

— Я думал, это обычная процедура, — недовольно проворчал президент. — Давай скорее!

— Стирать такие обширные личностные симуляторы, со множеством перекрещивающихся обратных связей — это очень и очень непросто…

— Мне не нужно, чтобы ты их сохранял! Забудь об этом! Я не собираюсь возвращать их обратно в исходный объем в целости и сохранности. Просто уничтожь их. и все!

— Но это же…

— Просто выруби их из сети!

— До чего это завораживает — слушать, как бо-

ги обсуждают чью-то судьбу, — заметил Вольтер.

Ним зловеще усмехнулся и глянул на Вольтера.

— А что касается тебя — ты стал относиться к религии помягче только потому, что Марк стер из твоей памяти все неприятности, которые ты претерпел от светских и религиозных властей, начиная с твоего отца.

— Моего отца? У меня никогда не было отца. Ним усмехнулся.

— Это только доказывает, что я прав.

— Как вы смеете копаться в моих воспоминаниях! — возмутился Вольтер. — Жизненный опыт — это источник всех знаний. Вы читали когда-нибудь Локка? Немедленно возвратите мне все, что вы у меня забрали!

— Потише, ты! А то, если ты не заткнешься, прежде чем я уничтожу вас обоих, я восстановлю всю память, которую стерли у нее! Ты-то прекрасно знаешь, что ее и в самом деле сожгли на костре, а пепел развеяли по ветру!

— Тебе нравится быть жестоким, вот как? — Казалось, Вольтер изучает Нима, словно они вдруг поменялись местами. Очень странно — этот сим ничуть не беспокоится из-за того, что ему угрожает небытие.

— Уничтожь их! — заорал президент.

— Что они хотят уничтожить? — спросил Официант.

— Скальпель и Розу, — ответил Вольтер. — Очевидно, мы не подходим для этого смятенного века.

Официант взял двумя из своих четырех рук человеческую ладонь золотоволосой девушки-буфетчицы и спросил:

— Мы тоже?

— Конечно же! — фыркнул Вольтер. — Вы здесь только потому, что были нужны для нас. Вы — массовка, третьеразрядные актеры. Ходячие декорации.

— Ну что ж, мы неплохо провели время, — сказала золотоволосая буфетчица. — Хотя мне бы хотелось увидеть побольше. Мы не можем ходить по улицам этого города. Ноги отказываются нести нас за пределы кафе, хотя мы можем смотреть издалека, что происходит там, вдали.

— Все вы — декорации, — пробормотал Ним, сосредоточенный на решении задачи, которая становилась все сложнее и сложнее по мере того, как он увязал в решении. Тонкие потоки личностных данных расползлись повсюду, разбежались по разветвлениям компьютерной сети, как… как

крысы по городской канализации…

— Вы присвоили власть над почти божественными силами, — подчеркнуто небрежно сказал Вольтер. — Хотя явно не способны с ними совладать.

— Что?! — уставился на него президент. — Здесь распоряжаюсь я! Оскорбления…

— Ага! Вот это может сработать, — сказал Ним.

— Сделай же что-нибудь! — воскликнула Жанна, выхватывая из ножен бесполезный сейчас меч.

— Au revoir, моя милая pucelle! Официант, Амана, au revoir! Может быть, когда-нибудь мы свидимся снова. А может быть, и нет.

Все четыре голограммы бросились друг другу в объятия.

Тем временем Ним запустил в работу только что просчитанную последовательность команд. Это была программа-ищейка, которая разнюхивала соединения и грубо их разрывала. Ним наблюдал, как она работает, и думал: где заканчивается стирание компьютерной программы и начинается убийство?

— Не вздумай вытворить какой-нибудь фокус! — предупредил президент.

А на экране Вольтер печально процитировал

собственные стихи:

Что жизнь, коль за свершенные деянья

Не суждено в посмертье воздаянье?..

Все может быть прекрасно — надежды прочен плен.

Прекрасно все сейчас — то лишь иллюзий тлен.

Вольтер протянул руку и нежно коснулся груди Жанны.

— Кажется, дела у нас идут не слишком хорошо. Мы можем никогда больше не встретиться… Но если мы все же встретимся снова — клянусь, я изменю определение «человек».

Экран погас.

Президент торжествующе рассмеялся.

— Ты сделал это! Прекрасно! — Он похлопал Нима по плечу. — Теперь мы можем выпутаться из этой неприятной истории. Свалим все на Марка и Сибил.

Ним неловко улыбался, а президент расхаживал по кабинету и неудержимым фонтаном извергал грандиозные планы на будущее, обещал Ниму всяческое покровительство и поддержку в продвижении по службе. Ним, в общем-то, понял содержание дебатов, однако информация,

которая за последние несколько минут прошла у него на глазах через виртуальное пространство, складывались в очень странную и непростую картину. Во всех пластах информации Ним заметил нечто странное, и это странное всерьез обеспокоило его.

Ним знал, что Марк предоставил Вольтеру доступ ко всевозможным методикам — хотя это и было серьезным нарушением правил обращения с симуляторами. И что, собственно, искусственно созданная личность, заведомо ограниченная в возможностях, может такого сделать с какими-то добавочными соединениями сети? Разве что порыскать по сети, подбирая повсюду дополнительные поддерживающие программы, да еще программы по отслеживанию новых возможностей?

И Вольтер, и Жанна получили при подготовке к дебатам огромные объемы памяти, целое отдельное королевство в компьютерном пространстве, принадлежащее только им двоим. Однако пока они упражнялись в краснобайстве и оттачивали свои речи, растекшись по всей сети… не могли ли они сработать, как заражающий агент? Проходя сквозь самые разные базы данных, не могли ли они оставить в разных местах скрытые оттиски

фрагментов собственной личности?

Каскад данных, который Ним только что наблюдал, свидетельствовал в пользу того, что это не только возможно, но даже вполне вероятно. Определенно — в последние несколько часов нечто использовало в своих тайных целях те огромные массы данных, которые перерабатывали компьютеры «Технокомпании».

— Нам придется прикрыть наши задницы каким-нибудь официальным заявлением, — увлеченно вещал президент. — Стоит только чуть-чуть просчитаться — и все это просто взлетит на воздух!

— Да, сэр.

— Селдона будем держать подальше. Чтобы никаких намеков о нем имперским служкам, понятно? Потом он нас отблагодарит — когда станет премьер-министром.

— Да, сэр, конечно же, да, сэр.

Ним лихорадочно размышлял. Он по-прежнему получал стабильный дополнительный доход от этого парня, Оливо. Постоянно держать Оливо в курсе всех событий не составляло особого труда. Конечно, это было прямым нарушением его контракта с «Технокомпанией», ну и что с того? Должен же человек как-то сводить концы с

концами, правильно? Каждому охота заработать на кусок хлеба, и желательно — с маслом. Ниму просто повезло, что президент сейчас потребовал сделать то, за что Оливо ему, Ниму, уже заплатил, — уничтожить симы. Кому будет хуже от того, что человек дважды получит деньги за одну и ту же работу?

Или, может, только за видимость работы? Ним пожевал губу. В конце концов, кому какое дело до кучки циферок?

И вдруг Ним застыл. Его как громом поразила мысль: а исчезли ли на самом деле вспомогательные симуляторы — ресторанчик, Официант, улица? Обычно они постепенно рассасывались, когда надобность в них отпадала. Симуляторы — это комплексные программы, сами по себе они просто не в состоянии остановить все сложные взаимодействия своих внутренних подпрограмм, которые отключаются почти одновременно. Но это сплетение симов было слишком необыкновенным… Может, они и в этом не такие, как остальные?

— Ну, что, готово? Прекрасно! — Президент снова похлопал Нима по плечу.

Ним чувствовал себя усталым, выжатым, как лимон. Когда-нибудь ему еще придется объяс-

няться с Марком… Уничтожено столько трудов…

Но Марк и Сибил исчезли, растворились в толпе Колизея.

Мало того, они не появились и на работе, и даже не вернулись больше в свои прежние квартиры. Они пустились в бега. И вместе с ними пропала надежда на Юнинское Возрождение, развеялась в воздухе вместе с дымом, потонула в разгуле жестокости, когда в секторе начались поджоги и общественные беспорядки.

Даже Ниму было жаль, что такая прекрасная идея с треском провалилась, что Возрождение так и не состоялось. Такая продвинутая, пассионарная идея! Вольтер и Жанна должны были стать чем-то вроде последней, решающей капли в разрешении извечного спора между Разумом и Верой. Но Империя в конце концов задавила эту пассионарность. Империи нестабильность не нужна.

Естественно, все выступления тиктаков тоже должны быть решительно подавлены. Ним запечатал найденный у Марка блок данных о состоявшихся восемь тысяч лет назад дебатах, в которых участвовали те самые симы. Несомненно, эти «роботы», чем бы они ни были, были слишком сомнительным вопросом, чтобы вы-

ставлять его на обсуждение в любом разумном обществе.

Ним вздохнул. Он-то прекрасно знал, что всего лишь разорвал электрические цепи. Профессионалы никогда о таком не забывают.

Это было мучительно больно — видеть, как это происходит. Как все просачивается у тебя сквозь пальцы, словно горсть цифр-песчинок сыплется куда-то в неясные глубины виртуального симвремени.

ВСТРЕЧА

Р. Дэниел Оливо придал своему лицу выражение сосредоточенного внимания. Такая маленькая, тесная комнатка вряд ли способна была вместить его дурное настроение.

А Дорс восприняла это как уступку ее привычкам. Она жила среди людей и полагалась на выражение их лиц и жесты, непроизвольные, а потому чаще всего искренние, выдающие истинные чувства. Дорс не имела ни малейшего понятия о том, чем Оливо занимается большую часть времени. Может быть, роботов достаточно много, чтобы образовать целое сообщество? Она никогда об этом не задумывалась. А в те редкие минуты, когда ее посещала такая мысль, Дорс

только удивлялась: как это ей раньше не приходило в голову? Но вот он заговорил…

— Симуляторы личностей надежно уничтожены?

Дорс старалась говорить ровно и спокойно, чтобы голос не выдал ее волнения.

— По-видимому, да.

— Какие есть тому доказательства?

— В «Технокомпании» уверены, что это так.

— Человек из «Технокомпании», который работает на меня, не так уж уверен в этом.

— Он твой шпион?

— Мне необходимо иметь несколько выходов на любую критическую ситуацию. Нужно было подавить стремление тиктаков к независимости и подорвать идею Юнинского Возрождения — это слишком сильные дестабилизирующие факторы. Мне казалось, что будет достаточно воздействовать на ситуацию через эти личностные симуляторы. Однако я не предполагал, что сейчас специалисты-компьютерщики не настолько хорошо разбираются в своем деле, как их коллеги пятнадцать тысяч лет назад.

Дорс нахмурилась.

— А такой уровень рассеивания… разве допустим?

— Не забывай о Нулевом Законе.

Дорс сумела справиться со своими чувствами, и они никак не отразились ни в выражении ее лица, ни в голосе.

— Надеюсь, симуляторы действительно уничтожены.

— Я тоже. Но мы должны знать это наверняка.

— Я наняла нескольких специалистов, чтобы отыскать их следы в компьютерной сети Трентора. До сих пор ничего не обнаружено.

— Гэри об этом знает?

— Нет, конечно.

Оливо внимательно посмотрел ей в глаза.

— Он и не должен ничего узнать. Мы с тобой должны не просто заботиться о его безопасности, чтобы он мог плодотворно работать. Мы должны еще и направлять его изыскания.

— Обманом?

Лицо Оливо снова застыло — он смотрел, не моргая, и ни один мускул на его лице не двигался.

— Так должно быть.

— Мне не нравится его обманывать.

— Напротив, ты помогаешь ему. Помогаешь избежать ненужных ошибок.

— Мне… Это вызывает у меня эмоциональные

затруднения…

— Блокируй их. Ты очень человечна — можешь воспринимать это как комплимент.

— Мне бы хотелось делать Гэри только хорошее — к примеру, защищать его… Но не обманывать.

— Конечно, — лицо Оливо по-прежнему оставалось неподвижным, как маска. — Но таким образом ты тоже защищаешь его. Мы живем сейчас в самую зловещую и страшную эру за всю истории Галактики.

— Гэри тоже начинает это подозревать.

— Расцвет Нового Возрождения на Сарке — это отдаленная опасность, одна из многих, с которыми нам уже пришлось столкнуться. Но то, что они раскопали эти древние личностные симуляторы, — гораздо опаснее. Беспорядки в секторе Юнин — всего лишь первые признаки того, что может произойти. Исследование этих симуляторов может привести к возникновению совершенно новой расы роботов. Этого нельзя допустить, поскольку это угрожает провалом всей нашей миссии.

— Я понимаю. Я пыталась уничтожить ферритовые контейнеры с симуляторами…

— Знаю, это все было в твоих докладах. Не вини себя.

— Я хотела бы сделать больше, но я слишком занята, охраняя Гэри.

— Понимаю. Как бы то ни было, крайне нежелательно, чтобы древние личностные симуляторы снова появились здесь.

— Почему? — не поняла Дорс.

— Я говорил тебе о примитивной теории истории, на которую мы опирались в течение десятка тысячелетий. Это грубая модель психоистории. Так вот, согласно этой теории, симуляторы, которых я… которых мы подавили восемь тысяч лет назад, в эти дни снова выйдут на сцену истории…

— Ваша теория настолько хороша, что предсказывает даже это?

— Как заметил однажды Гэри, история склонна к повторениям, но она не заикается. Я понимаю, что невозможно было уничтожить абсолютно все копии личностных симуляторов, рассеянные по всей Галактике. — Оливо поднял руки и пристально посмотрел на них, словно изучая. — Когда у мятежных общественных элементов пробуждается вкус к такого рода вещам, они появляются в истории снова и снова.

— Как жаль, что мне не удалось уничтожить их сразу!

— Боюсь, в это дело вмешались такие силы, воздействие которых ты не можешь просчитать. Не стоит печалиться из-за перемены погоды. Вместо этого надо готовится к медленной и долгой смене климата.

Оливо погладил Дорс по руке. Она посмотрела ему в лицо. Наверное, для того, чтобы ее успокоить, Оливо снова вернулся к полному воспроизведению человеческой мимики, включая даже движения адамова яблока, когда он глотал. Для этого потребовалось подключить лишь несколько дополнительных подпрограмм, но Дорс оценила его внимание.

— Значит, я теперь могу полностью посвятить себя охране Гэри? И забыть о симуляторах?

— Да. Я сам ими займусь. Я должен найти способ нейтрализовать их воздействие. Эти симуляторы — крепкий орешек. Но я знаю их, я работал с ними — давным-давно.

— Как они могут быть крепче, чем мы? Чем ты?

— Они симулируют людей. А я — совсем другое существо. Как и ты.

— Но ты ведь справлялся с обязанностями премьер-министра…

— Я действовал, как человек — отчасти. Для

нас это прекрасный способ заслужить всеобщее уважение. Очень тебе рекомендую.

— Отчасти?

Оливо мягко сказал:

— Есть много такого, чего мы просто не можем делать.

— Но я веду себя, как человек. Я общаюсь с людьми, я работаю…

— Но дружба, семья, вся сложная сеть взаимоотношений, которая соединяет человечество в одну общность, в коллектив, — все эти мелкие, тонкие особенности человеческого поведения нам недоступны.

— Но я и не хочу…

— Вот именно. Ты тонко и точно настроена на определенную задачу.

— Но ведь ты руководил людьми. Как премьер-министр…

— И я достиг своего предела. И потому оставил этот пост.

— При тебе в Империи все было хорошо…

— И постепенно пришло в упадок. Как и предполагал Гэри. А наша примитивная теория истории даже не смогла этого предсказать.

— Но зачем тогда ты посоветовал Клеону назначить его премьер-министром?! — вспылила

Дорс.

— Он должен достичь такого общественного положения, которое даст ему достаточно свободы в решениях и достаточно власти, чтобы реально воздействовать на имперскую политику — тогда, когда он начнет лучше понимать психоисторию. Гэри Селдон может стать временным ограничивающим фактором огромной мощности.

— Но эта работа может отвлечь его от создания психоистории!

— Нет. Гэри найдет, как использовать свой опыт и свои разработки. Одна из его сильных сторон — которая, кстати, довольно часто встречается у людей с таким высоким уровнем интеллекта, как у него, — состоит в том, что он умеет извлекать уроки из любых жизненных перипетий.

— Но Гэри не хочет становиться премьер-министром!

— В самом деле? — Оливо приподнял бровь, выражая удивление.

— Разве его личные чувства не имеют никакого значения?

— Мы здесь для того, чтобы направлять человечество, не позволяя ему бродить без цели, растрачивая свой потенциал.

— Но опасность…

— Он нужен Империи. И что еще более важно — ему нужно стать премьер-министром, пусть даже сам он пока об этом и не догадывается. Став премьер-министром, он получит доступ ко всем необходимым ему данным обо всей Империи — для того, чтобы применять психоисторию на практике.

— У него и так уже собрано очень много данных…

— Для разработки полной действующей модели истории потребуется гораздо больше наблюдений. Кроме того, в будущем ему понадобится реальная власть, чтобы иметь возможность действовать по-крупному.

— Но это «по-крупному» может оказаться фатальным. Такие люди, как, например, этот Ламерк, — я уверена, они могут быть опасными.

— Согласен. Именно потому я полагаю, что забота о безопасности Гэри — твоя первостепенная задача.

— Иногда я готова сорваться, мои суждения…

— В эмоциональном плане ты гораздо более точное подобие человека, чем я. Поэтому научись принимать как должное все неприятные следствия этого.

Дорс кивнула.

— Мне бы хотелось видеться с тобой почаще. У меня возникает столько вопросов…

— Я очень много путешествую по Империи, разбираюсь с теми делами, которые могу решить только я. Я не был на Тренторе с тех пор, как оставил пост премьер-министра.

— Ты уверен, что для тебя не опасно так много путешествовать?

— У меня очень хорошие средства защиты от любых сканирующих устройств, которые могут определить мою истинную природу. А у тебя защита еще лучше, поскольку ты более естественна.

— И все же я не могу пройти сквозь экран-детектор полного сканирования, такой, как вокруг Императорского Дворца.

Оливо покачал головой.

— Да, когда появилась эта новая технология, она заметно ухудшила нашу способность скрывать свою природу. Когда я был премьер-министром, мне удалось избежать разоблачения только потому, что никто не отважился меня проверить.

— Таким образом, я не могу защищать Гэри, пока он во Дворце.

— А тебе и не придется его там защищать. Когда он станет премьер-министром, ты сможешь

вместе с ним проходить мимо любых детекторов. Кроме того, самые мощные детекторы применяются только в особых случаях.

— А пока он не стал премьер-министром…

— Опасность наиболее велика.

— Ну, хорошо, я буду заниматься исключительно безопасностью Гэри. Я совершенно не против, если этих симов возьмешь на себя ты.

— Боюсь, симы и весь Сарк займут меня полностью и надолго. Я заходил в Колизей в секторе Юнин, посмотрел на то безобразие, которое они там устроили. Ну, что ж, проблема тиктаков заняла людские умы — как мы и хотели.

— А эти тиктаки, они действительно не могут достичь нашего Уровня самосознания?

Губы Оливо впервые за все время свидания изогнулись в Улыбке.

— Почему бы и нет?

— Если люди будут их направлять?

— Они очень скоро смогли бы составить нам конкуренцию.

— Значит, наше великое предназначение…

— Можно было бы выбросить на мусорную кучу.

— Такая перспектива меня совсем не радует, — сказала Дорс и покраснела.

— И все древние запреты, тщательно разработанные для таких, как мы, перестанут действовать — возможно, навсегда.

— Так говорит твоя… наша теория истории?

— Она не настолько хороша, чтобы что-то говорить. Но в отличие от всех предпосылок к стабильности, которые обеспечили долгое благополучное существование Империи, симуляторы личностей — фактор дестабилизации. К чему это все приведет? Никто — ни люди, ни роботы — этого не знает. — Лицо Оливо снова утратило всякое выражение — словно от невыносимой тяжести возложенной на него задачи. — Мы обязаны, насколько хватит наших сил, повернуть ход истории на благо людей.

— И Гэри.

— И его — в особенности.

ЧАСТЬ 3
ГОСУДАРСТВО

АКАДЕМИЯ, РАННЯЯ ИСТОРИЯ — ...первые упоминания о психоистории как о возможной научной дисциплине относятся к раннему периоду политической деятельности Селдона, о котором сохранилось относительно мало достоверных сведений. Хотя Император Клеон возлагал большие надежды на возможности психоистории, эта наука считалась в широких политических кругах чем-то отвлеченным, несущественным, а зачастую ее вообще принимали за шутку. Такое отношение к психоистории во многом можно объяснить интригами самого Селдона, который никогда не называя свои психоисторические разработки тем, чем они являлись на самом деле. Даже в течение этого раннего периода он, вероятно, понимал, что широкое распространение знаний о психоистории и основанные на этих знаниях политические решения приведут к снижению достоверности научных психоисторических предсказаний, — поскольку всегда найдется немало желающих предотвратить

нежелательные для себя предсказанные события или извлечь какую-нибудь личную выгоду, исходя из выводов психоистории. Некоторые могут назвать Селдона эгоистом за «сокрытие» методов психоистории, однако не стоит забывать о напряженности политической жизни в те далекие дни...

«ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Глава 1

Гэри Селдону позвонила его секретарша и сообщила, что Марджетта Мунроуз просит ее принять.

Гэри взглянул на трехмерное голографическое изображение энергичной дамы, повисшее перед ним в воздухе.

— М-м-м… А кто она такая?

Обычно секретарша не прерывала его во время работы, за исключением тех случаев, когда дело было действительно важным.

— По нашим данным, она — ведущий журналист и политический обозреватель мультимедийного комплекса…

— Это все понятно, но почему вы сочли ее просьбу настолько важной, что оторвали меня от работы?

— Согласно перекрестному опросу общественного мнения она входит в число пятидесяти самых известных людей на Тренторе. И я предположила…

— Никогда о ней не слышал, — сказал Гэри, уселся в кресле поудобнее и пригладил волосы ладонью. — А, наверное, должен был слышать.

Полный фильтр, пожалуйста.

— Прошу прощения, фильтры сейчас проходят профилактику у них разладилась регулировка… Если…

— Черт возьми, они у вас уже целую неделю не работают!

— Прошу прощения, но наемный механик, который устанавливал новую регулировку, допустил брак в работе…

Да, последнее время механики — они из самых высокоорганизованных тиктаков — слишком часто дают сбои… А после беспорядков в секторе Юнин случались даже разбойные нападения на механиков. Гэри вздохнул и сказал:

— Ладно, все равно включите ее.

Гэри так давно привык пользоваться голофильтром, что сейчас, при прямом разговоре по видеофону, просто не мог скрыть свои чувства. Служащие Клеона обеспечили Селдона прекрасным программным набором мимики и жестов. Чтобы должным образом общаться с Имперскими Советниками, передатчик голоса Гэри был модулирован и приобрел глубокий, приятный тембр и доверительные нотки. Если Гэри хотел, он мог даже запустить подпрограмму с нужным набором слов. Он делал такое довольно часто —

прибегал к помощи этого усовершенствованного автоответчика, когда нужно было объясняться с кем-то просто и кратко.

— Господин академик! — радостно начала Мунроуз. — Я очень вам благодарна за то, что вы согласились немного со мной побеседовать.

— О математике? — невозмутимо спросил Гэри. Дама весело рассмеялась.

— О, нет, что вы! Для меня это слишком сложно. Я представляю миллиарды любопытных умов, которые хотели бы знать, что вы думаете о положении дел в Империи, о Кватананском вопросе, о…

— О чем, вы говорите?

— Кватанан — диспут о межзональном урегулировании.

— Впервые об этом слышу.

— Но как же… Вы же наш будущий премьер-министр. — Она, кажется, искренне удивилась, но Гэри вовремя напомнил себе, что у нее скорее всего просто очень хороший голофильтр учтивости.

— Что ж, вполне возможно. Но пока я не премьер-министр, меня эти вопросы совершенно не касаются.

— Чтобы члены Верховного Совета могли сделать правильный выбор, им, конечно же,

хотелось бы знать мнение кандидатов по самым важным вопросам имперской политики заранее, — заявила журналистка.

— Сообщите вашим зрителям, что я берусь выполнять домашнее задание непосредственно перед тем, как его сдать.

Журналистка мило улыбнулась, из чего Гэри заключил, что у нее действительно очень хороший фильтр. По собственному, уже достаточно богатому, опыту общения с представителями прессы Гэри знал, что журналисты становятся просто бешеными, когда от них пытаются отмахнуться. Им почему-то кажется совершенно естественным, что если их глазами видит мир многомиллионная аудитория, то на них лично лежит груз моральной ответственности за всех зрителей.

— А что вы можете сказать о беспорядках в секторе Юнин? О них-то вам наверняка известно все. И о потере — хотя кое-кто предпочитает говорить «о побеге» — симуляторов Вольтера и Жанны д'Арк?

— Мое Отделение Математики не занимается этими вопросами, — сказал Гэри. Клеон посоветовал ему держаться как можно дальше от всех неприятностей с симами.

— Ходят слухи, что симы поступили именно из вашего Отделения.

— Действительно, их обнаружил один из наших исследователей. Но мы передали все права на них этим людям… Как же называется это объединение?..

— «Технокомпания» — вы наверняка прекрасно это знаете.

— М-м-м… Да-да, конечно.

— Признаться, вы не очень-то убедительно играете роль рассеянного профессора.

— А вы полагаете, что я должен бегать взад-вперед по кабинету или, может, даже убежать куда-нибудь и спрятаться?

— Мировая общественность, вся Империя имеет право знать…

— Но почему вы считаете, что я должен терпеть все, чего только пожелает общественность?

Губы журналистки изогнулись в улыбке, которую чувствительный фильтр пропустил — очевидно, мадам Мунроуз окончательно решила представить это интервью как выражение пожеланий общественности.

— Вы скрываете факты, которые затрагивают интересы общества…

— Мои исследования затрагивают только мои

собственные интересы.

Журналистка пренебрежительно отмахнулась.

— А что вы скажете как математик о тех, кто считает, что полные симуляторы реальных личностей глубоко аморальны?

Гэри ужасно недоставало собственного фильтра учтивости. Он был уверен, что успел о чем-то проговориться, а потому приложил все, усилия, чтобы сохранить хотя бы невозмутимое выражение лица. Надо поскорее перевести разговор на менее скользкую тему.

— Насколько вообще реальны эти симуляторы? Кто-нибудь знает?

— Они определенно показались вполне реальными и вполне человечными всем, кто присутствовал на дебатах. — Брови журналистки чуть приподнялись.

— Мне очень жаль, но я там не был и передачу тоже не смотрел. У меня, понимаете ли, очень много дел.

По крайней мере, это была правда. Мунроуз нахмурилась и подалась вперед.

— Вы так сильно заняты своей математикой? Ну, что ж, тогда расскажите нам, пожалуйста, о психоистории.

Гэри подумал, что слишком долго сидит с де-

ревянным выражением лица — это могут не правильно истолковать. Он заставил себя улыбнуться.

— Это всего лишь слухи.

— Из конфиденциальных источников мне стало известно, что Император ценит вас в первую очередь из-за этой так называемой теории истории.

— Из каких же это источников?

— Сейчас я задаю вопросы, сэр…

— С чего вы взяли? Я по-прежнему служу обществу, я — профессор. А вы, мадам, отнимаете у меня время, которое я мог бы посвятить своим студентам.

И, коротко поклонившись, Гэри прервал связь. После того, как он просмотрел запись своей знаменитой перепалки с Ламерком, которую снял незаметно подкравшийся репортер, Гэри взял за правило прекращать любые разговоры, когда они начинали затрагивать опасные темы.

Едва Гэри откинулся на спинку кресла, как в кабинет вошла Дорс.

— Я слышала, тут был кто-то важный, о чем-то тебя выспрашивал?

— Я уже отключил ее. Докапывалась насчет психоистории.

— Ну, тогда ей суждено было быть выставленной за дверь. Психоистория! Какое загадочное сочетание слов! Будоражит воображение.

— Может, если бы я назвал это «социоисторией», люди решили бы, что это слишком скучно и оставили бы меня в покое?

— Ты никогда не смирился бы с таким противным названием! Электронный дверной щит сверкнул и затрещал, когда сквозь него прошел Юго Амариль.

— Я вам не помешал? Вы, кажется, что-то обсуждаете?

— Да нет… Так, ничего особенного. — Гэри встал и помог Юго добраться до кресла — тот все еще заметно хромал. — Как твоя нога?

Юго пожал плечами.

— Нормально.

Неделю назад к Юго подошли на улице трое головорезов и очень спокойно и доходчиво объяснили ситуацию. Их наняли, чтобы нанести Юго кое-какие повреждения — в качестве предупреждения, о котором он не должен забывать. Ему переломают несколько костей, и — что особенно важно — он никак не сможет этому помешать. Главарь бандитов разъяснил Юго, что можно провести процедуру «по-хорошему», а можно и

«по-плохому». Если Юго станет сопротивляться, его измолотят так, что от костей останутся только мелкие щепочки. Это — «по-плохому». А «по-хорошему» — они просто сломают ему голень одним быстрым и точным ударом. Потом Юго рассказывал:

— Я немного поразмыслил, а потом сел прямо на тротуар и вытянул вперед левую ногу. Положил ее так, чтобы бордюр приходился пониже колена. И их главный пнул меня — как раз туда, куда нужно. Чистая работа — сломалось ровно и с первого раза.

Гэри пришел в ужас. Пресса, естественно, тотчас же вцепилась в эту историю. Единственное, что Гэри сказал журналистам: «Насилие — последний козырь дилетантов».

— Медтех сказал, что должно зажить через недельку, — сказал Юго, когда Гэри помогал ему садиться. Кресло немедленно изменило форму, подстраиваясь под фигуру Юго.

— Имперская служба безопасности до сих пор не выяснила, кто это сделал, — сказала Дорс, расхаживая по кабинету из стороны в сторону.

— Да таких, кто. мог, полным-полно. Они, кстати, вполне могли напасть на меня только потому, что я — далити.

Юго улыбнулся. Улыбка на его лице смотрелась несколько странновато из-за большого кровоподтека на нижней челюсти. На самом деле стычка с бандитами проходила далеко не так тихо и мирно, как он рассказывал.

Дорс злилась, вышагивая по кабинету.

— Если б только я там вовремя оказалась!..

— Ты не можешь быть сразу во всех местах, — мягко успокоил ее Гэри. — Собственно, Юго, Имперская спецслужба считает, что это «предупреждение» предназначалось не тебе.

Юго криво усмехнулся.

— Могу представить кому. Тебе, наверное?

— Это «сигнал», как сказал один из них. Дорс резко повернулась к мужу и спросила:

— Что за сигнал? Предупреждение, — ответил Юго. — Политическое.

— Ну, понятно! — возмутилась Дорс. — Ламерк не отважился Ударить по тебе напрямую, но оставил…

— Весьма заметную визитную карточку, — закончил за нее Юго. Дорс хлопнула в ладоши.

— Мы должны рассказать Императору! Гэри рассмеялся.

— Ты же историк, Дорс. Насилие всегда играло огромную роль в вопросах наследования. И не

думаю, что Клеон так уж далек от реальности.

— Как Император — да, конечно, — не сдавалась Дорс. — Но ведь речь идет всего лишь о месте премьер-министра…

— Власти слабеют и повсюду сдают свои позиции, — язвительно сказал Юго. — Надоедливые далити устраивают неприятности, и вся Империя катится в тартарары. Или впадает в это маразматическое Возрождение. Это, наверное, тоже далитанский заговор, как вы думаете, а?

Гэри сказал:

— Когда еды не хватает, едоки быстро забывают о хороших манерах.

— Готов поклясться, что Император уже давно проанализировал ситуацию, — сказал Юго.

Дорс снова принялась расхаживать из стороны в сторону.

— В истории есть масса примеров: Императоры, которые слишком хорошо все анализируют, обычно плохо кончают, а те, кто склонен все упрощать, обычно оказываются на высоте.

— Прекрасно проанализировано! — заметил Гэри, но Дорс не поняла его шутки.

— Кстати, я, вообще-то, пришел рассказать о том, что сделал, — сказал Юго. — Я закончил согласование исторических данных по Трентору

с уточненными уравнениями Селдона.

Дорс так и не перестала ходить туда-сюда по кабинету, заложив руки за спину, но Гэри сразу переключился на новую тему. Он наклонился к Юго и сказал:

— Вот здорово! И насколько их хватило?

Юго загадочно улыбнулся, вынул ферритовый куб с данными и вставил в гнездо проектора на столе у Гэри.

— Смотрите!

История Трентора насчитывала, по меньшей мере, восемнадцать тысячелетий, хотя о раннем периоде сохранилось очень мало достоверных сведений. Юго ухитрился вместить весь океан данных о планете в трехмерное изображение. Вдоль одной оси располагались показатели экономики, вдоль другой — показатели социального развития, третье измерение отражало политическое положение Трентора. Каждому измерению соответствовала своя область отображения; они по очереди обрели видимую форму и зависли над рабочим столом Гэри Селдона. Вся эта обманчиво хрупкая конструкция была размером в человеческий рост и находилась в непрерывном движении — плоскости деформировались, в них открывались полости, они расслаивались,

слои накладывались один на другой… Сквозь внешний слой просвечивали внутренние потоки различных показателей с цветовой кодировкой данных.

— С виду похоже на орган, пораженный раковой опухолью, — сказала Дорс. Юго нахмурился, и она поспешно поправилась:

— Но все равно довольно мило.

Гэри захихикал. Дорс иногда бывает жутко нетактичной, и, когда такое случается, она обычно не имеет ни малейшего представления о том, как исправить неловкость. Затем вниманием Гэри полностью завладела переливающаяся разными цветами модель, которая зависла над столом. Она все время шевелилась, отдельные участки то вздымались, то опадали — казалось, что это некое фантастическое живое существо. Переливающаяся в непрерывном движении модель представляла собой соединение множества различных векторов, огромного потока данных, собранных из опыта бесчисленных человеческих жизней.

— В этом вот, раннем, периоде данные немного неполные, — пояснил Юго. Поверхность модели на указанном участке немного подергивалась и время от времени покрывалась рябью. — Малое

разрешение, и к тому же довольно низкая численность населения… Когда мы будем рассматривать модель всей Империи, таких трудностей не предвидится. Видишь вот эти социальные структуры в поле Дэ-два?

— Неужели эта модель отражает все-все на Тренторе? — спросила Дорс.

Юго ответил:

— Не все, ясное дело. Понимаешь, чтобы модель была точной и адекватной, очень важно не слишком вдаваться в подробности. К примеру, тебе не нужно знать имя владельца космического корабля, чтобы вычислить летные характеристики.

Гэри показал на быстрый скачок социального вектора и сказал:

— Вот когда меритократия получила признание — в третьем тысячелетии. Потом последовала эра, когда всем завладели монополии, и из-за этого на Тренторе начался застой. Что спровоцировало жестокость и непреклонность.

По мере того как улучшались достоверность и качество исходных данных, модель становилась все более стабильной. Юго запустил ее на быстрый просмотр всего цикла, и пятнадцать тысячелетий пролетели перед ними за какие-нибудь три минуты. Зрелище поражало воображение

— у пульсирующего многоцветного сфероида отрастали мириады новых ответвлений, модель непрерывно развивалась и бесконечно усложнялась. Безумно разросшаяся структура отражала сложность строения Империи гораздо нагляднее, чем любая напыщенная речь Императора.

Юго давал пояснения:

— Вот это перекрытие слоев показывает, насколько правильны реконструкции прошлого по уравнениям Селдона. Вот, желтым цветом.

Это не мои уравнения! — по привычке поправил его Гэри. Когда-то давно они с Юго пришли к выводу, что для того, чтобы с помощью психоистории предсказывать будущее, сперва нужно попробовать реконструировать прошлое — для проверки правильности уравнений. — Эти уравнения — результат…

— Смотри, и все.

Вдоль всей темно-синей бугристой плоскости данных тянулось ярко-желтое комковатое образование, плотно прилегающее к синей основе. С первого взгляда Гэри показалось, что желтая и синяя фигуры совершенно одинаковы, как однояйцевые близнецы. Желтая фигура повторяла все искривления, выпуклости и впадины синей, обе были одинаково наполнены бурлящей энергией

истории. Каждая морщина, каждый выступ на этих бугристых плоскостях воплощали в себе многие миллиарды человеческих побед и трагедий. Каждая отметина на поверхности была когда-то грандиозным бедствием.

— Похоже, что… они одинаковые! — прошептал Гэри.

— Точно! — сказал Юго.

— Теория подтверждается практикой…

— Йе-хо-о-о! Психоистория работает!

Гэри задумчиво смотрел на изгибы цветных плоскостей.

— Я и подумать не мог…

— Что они так хорошо сработают? — Дорс встала у Гэри за спиной и пригладила его волосы.

— Ну да…

— Ты столько лет возился с этими уравнениями, подбирая нужные переменные… Они просто не могли не сработать!

Юго улыбнулся.

— Побольше бы людей разделяли твою веру в математиков! Но ты забываешь об эффекте воробья.

Дорс, внимательно рассматривая мерцающие плоскости, прокручивала всю историю Трентора заново — теперь помедленнее, чтобы отыскать

расхождения между истинной историей и реконструкцией по уравнениям Селдона. Расхождений было очень и очень мало. И, что самое главное, их количество не увеличивалось со временем.

Не отрывая взгляда от экрана, Дорс медленно переспросила:

— Воробьи? Мы иногда держим птиц как домашних животных, но, конечно…

— Представь, что воробей начнет махать крыльями точно над экватором. Циркуляция воздуха от этого если и изменится, то совсем на чуть-чуть. Но если этот перепад давления без изменений распространится к полюсам, то там от одного взмаха воробьиных крыльев может подняться целый торнадо.

— Но это же невозможно! — Дорс уставилась на Юго, явно что-то недопонимая.

Гэри сказал:

— Только не путай эту поговорку с потерявшимся гвоздем из конской подковы. Конь — это такое легендарное животное, на котором перевозили грузы. Помнишь, всадник проиграл сражение, а потом потерял все королевство из-за того, что из подковы его коня выпал гвоздь. Крупные неприятности случились из-за маленькой, но существенной причины. Это аксиома: феномен

случайности демократичен. Незначительные несоответствия в каждой паре взаимозависимых переменных могут привести к очень большим изменениям.

Какое-то время они обсуждали этот вопрос. Как и на любом другом из миров, метеорология на Тренторе обладала кошмарной чувствительностью к исходным условиям. Взмах воробьиных крылышек на одной стороне планеты, распространяясь по переменчивым средам, мог через неделю превратиться в настоящий ураган на другой стороне планеты. Никакой компьютер не мог смоделировать все мельчайшие зависимости, которые влияют на погодные условия, а потому невозможно было точно и достоверно предсказывать погоду.

Дорс указала на скопление данных.

— Но тогда… значит, все это — неверно?

— Надеюсь, что нет, — сказал Гэри. — Погода может меняться по несколько раз в день, но климат остается прежним.

— Ну… Тогда не удивительно, что трентор-ианцы предпочитают закрытые помещения. На открытом пространстве может быть опасно.

— То, что наши уравнения достоверно описывают историю Трентора, свидетельствует еще и вот

о чем: оказывается, незначительные отклонения в ходе истории могут сглаживаться, — сказал Гэри.

Дорс оставила его шевелюру в покое. — Это что же, значит, люди для истории не имеют значения?

— Большинство биографий убеждают нас, что люди — мы — важны. Но для психоистории дело обстоит по-другому, — осторожно сказал Гэри.

— Я как историк не могу с этим согласиться!

— Посмотрите на данные, — вмешался Юго.

Они посмотрели. Юго укрупнил изображение и до предела сгладил детализацию.

Для обычных людей история проявляется посредством искусства, мифов и религиозных ритуалов. Люди познают историю на конкретных примерах, так сказать, с близкого расстояния: им запоминаются строения, законы, имена исторических деятелей. А Гэри и Юго оказались сейчас в положении тех самых воробьев, которые порхают высоко над землей, даже не задумываясь о том, что там, внизу, кто-то может жить. Сверху они видели только грандиозные изменения земной поверхности, медленные и неотвратимые.

— Но люди должны что-то значить!

В голосе Дорс дрожал отзвук последней слабой

надежды. Гэри знал, что где-то в глубине ее души запрятаны строгие директивы Нулевого Закона, но все же на первом месте у нее стояли настоящие человеческие чувства. Она была гуманисткой по натуре и верила в силу и значимость каждой отдельной личности — и вдруг она столкнулась, образно говоря, с грубым, безразличным, механистичным отношением к человеку.

— Люди имеют значение для истории, но, к сожалению, немного не в том смысле, как тебе хотелось бы, — мягко пояснил Гэри. — Мы рассматриваем в отдельности особые социальные группы, которые являются теми осями, вокруг которых вращаются важные исторические события.

— Гомосексуалисты, к примеру, — подсказал Юго.

— Их примерно один процент в любой человеческой популяции, и это стабильная малая переменная, которую нужно учитывать при расчетах воспроизводства населения, — объяснил Гэри. — Однако в общественной жизни они очень часто бывают великими мастерами импровизации, которые доводят свой стиль до совершенства и диктуют обществу моду — в соответствии со своим вкусом и своими капризами.

У них словно есть некий внутренний компас, который безошибочно указывает на любое социальное новшество, едва оно успевает появиться. Поэтому они оказывают на развитие общества очень заметное влияние, которое никак не пропорционально их численности. Очень часто эти люди становятся живым индикатором грядущих перемен в социальном устройстве.

Юго подхватил:

— Вот мы и предположили: а не могут ли они быть каким-нибудь решающим фактором? Что будет, если исключить их из общества? Поможет ли это решить уравнение?

— А почему отклонения в истории выравниваются? — спросила Дорс.

Гэри предпочел, чтобы на этот вопрос ответил Юго.

— Видишь ли, пресловутый эффект воробья имеет и положительные стороны. Неупорядоченные, хаотичные системы можно подловить в нужный момент — и совсем легонько подтолкнуть в нужном направлении. И таким образом направить тенденции развития этих систем к нужному исходу, с минимальным уровнем отклонений от хорошо сбалансированных результатов.

— Но кто контролирует эти системы? — спросила Дорс. Юго, казалось, смутился.

— Ну, мы не… Короче, не знаем.

— Не знаете? Но ведь это же теория всей истории! Гэри спокойно сказал:

— В наших уравнениях присутствуют некоторые внутренние взаимосвязи, элементы, которым мы пока не можем найти объяснения. Некие скрытые силы.

— Но как — вы не можете понять? И Гэри, и Юго сразу сконфузились.

— Мы не знаем, как эти части системы взаимодействуют между собой, — сказал Гэри. — Новые особенности приводят к… неожиданным результатам.

Дорс сказала с напором:

— Значит, у вас на самом деле нет готовой теории, да? Гэри подтвердил:

— Нет. Мы не дошли пока до глубокого и полного понимания всех закономерностей.

Модели обычно создаются после того, как мир изучен до мельчайших подробностей. Они отражают свое время, словно эхо. Автоматическая планетарная механика могла возникнуть после того, как появились часы. Представление о Вселенной как о цифровой системе могло развиться

только после того, как появился компьютер. Теория непрерывности Вселенной могла появиться только после изобретения нелинейной динамики…

У Гэри был сейчас лишь прообраз модели истории, которая соответствовала его пониманию вопроса и объясняла, каким образом он станет выбирать из многих других моделей правильную, соответствующую его психоистории. Если спуститься с небес на землю, может оказаться, что именно эта модель просто больше других пришлась по вкусу Гэри Селдону…

— А кто контролирует этот контроль? — не отставала Дорс.

Гэри попытался припомнить мысль, которая мелькнула у него, но мысль ускользнула, забылась. Ничего, он знал, как подловить Дорс, — надо просто расслабиться и подумать.

— Помнишь ту шутку? — спросил он. — Как рассмешить Бога?

Дорс улыбнулась.

— Нужно рассказать ему о своих планах.

— Правильно. Вот над этим мы и подумаем, и, надеюсь, отыщем ответ.

Дорс снова улыбнулась.

— Похоже, ты пытаешься предсказать судьбу

своих собственных предсказаний?

— Как ни странно, да! Тут позвонила секретарша.

— Вас вызывает Император, — сообщила она.

— Проклятье! — Гэри стукнул ладонями по подлокотникам кресла. — Шутки закончились.

Глава 2

Гэри подумал, что его охранники-гвардейцы еще, наверное, не прибыли. Но садиться сейчас за работу не стоило — все равно скоро придется уйти.

Рассеянно думая ни о чем, он позвенел монетками в кармане, потом достал одну. Монетка в пять кедов, кусочек янтарно-золотистого сплава, с одной стороны — мужественный профиль Клеона Первого (художники всегда приукрашивали внешность Императоров), с другой стороны — диск Галактики. Гэри повертел монетку в пальцах и задумался.

Допустим, толщина монетки соответствует высоте диска в правильной пропорции. Чтобы точно воспроизвести центр Галактики, в центре монетки нужно бы сделать выпуклость. Но все равно это была довольно правильная геометрическая копия Галактики.

Диск был с дефектом — на оконечности внешней ветви спирали виднелся маленький пузырек. Гэри высчитал в уме пропорцию: если вся Галактика достигает примерно ста тысяч световых лет в диаметре, то этот дефект… Пятно на диске соот-

ветствовало объему примерно в тысячу световых лет в поперечнике. Во внешних ветвях спирали пространство такого объема содержит десятки миллионов звезд.

Когда Гэри представил, какое огромное количество миров случайно исчезло из Галактики вместе с этим пятнышком, ему показалось, что металлическая поверхность Трентора разверзается у него под ногами и он проваливается в бездну, не в силах что-либо сделать.

При таких масштабах имеет ли хоть какое-нибудь значение все человечество? Множество миллиардов живых душ, спрессованных в одно микроскопическое пятнышко.

И все же люди сумели в одно мгновение распространиться по всему этому невообразимо огромному диску, по всей Галактике.

Человечество разлетелось вдоль ветвей спирали, просачиваясь по пространственно-временным тоннелям, и всего за несколько тысяч лет удобно устроилось вокруг центра Галактики. За такое ничтожное время сами ветви галактической спирали сдвинулись со своего места настолько незначительно, что перемещение было едва заметно — величественный танец Галактики подчиняется куда более медленным

ритмам, и на каждое па уходит примерно полмиллиарда лет. Люди мечтали о далеких горизонтах, стремились вдаль и посылали целые рои своих кораблей сквозь сеть пространственно-временных тоннелей. По ту сторону тоннелей корабли выпрыгивали в пространство рядом с солнцами невиданной красоты — ослепительно-красными, зловеще-синими, мрачно-бордовыми.

Пятнышко на монете соответствовало такому огромному пространству, которое обычный человеческий мозг, с ограниченными возможностями приматов, просто не мог себе вообразить, кроме как в виде математической абстракции. Но тот же мозг вел людей вперед, все дальше и дальше, и вот — они покорили всю Галактику, овладели бесконечными мириадами звездных систем… и при этом до сих пор не могут по-настоящему разобраться в самих себе.

Выходит, один отдельно взятый человек не смог бы понять даже точки на галактическом диске. Однако если рассматривать все человечество, вместе взятое, то тот же самый мозг получает как бы приращение мощности и оказывается способен постичь окружающую непосредственно его часть Галактики.

И чего же он хочет? Постичь все человечество,

его глубинные побуждения, таинственные порывы и взаимосвязи, его прошлое, настоящее и будущее? Он хочет понять тот загадочный, непостоянный род людской, который ухитрился прибрать к рукам всю Галактику и сделать ее своей игрушкой?

Может быть, один-единственный человек и в самом деле способен охватить своим сознанием весь этот звездный диск, встав на ступеньку выше, — и способен понять групповые эффекты, скрытые в причудливых уравнениях.

Построение закономерностей развития Трентора по сравнению с этим — просто детская игра. Для того чтобы так же разобрать Империю, потребуется охватить сознанием гораздо более обширные объемы информации.

Математика способна управлять Галактикой. Невидимые, неощутимые символы могут править.

А значит, и один-единственный человек, мужчина или женщина, тоже могут что-то значить.

Возможно. Гэри покачал головой. Головой одного-единственного человека.

«Похоже, мы пытаемся прыгнуть выше головы, разве нет? Размечтались о божественном…» — подумал Гэри.

Хватит. Пора заняться делом.

Только вот работать он не мог. Он должен был ждать. К счастью, имперские гвардейцы-охранники прибыли довольно скоро и повели Селдона по улицам Университета. Но теперь Гэри уже не смущался при виде праздношатающихся ротозеев, которые собирались в толпы у него на пути. Похоже, он начал привыкать.

— Людно сегодня, — сказал Гэри капитану гвардейцев.

— Как и следовало ожидать, сэр.

Надеюсь, вам оплачивают эскорт как сверхурочную работу.

— Да, сэр. Мы называем это «о-дэ».

— Плата за риск? «О-дэ» — значит, «опасное дежурство», да? Капитан, похоже, разволновался.

— Да, сэр…

— А если кто-нибудь станет в нас стрелять, какие приказания вы отдадите?

— Ну, если им удастся прорвать внешний периметр, то нам придется загородить вас собой. Сэр.

— И вы это сделаете? Примете на себя импульс гаусса или заряд плазмы?

Гвардеец искренне удивился вопросу.

— Конечно, сэр!

— Правда?

— Это наша работа, сэр.

Гэри был покорен безыскусной верностью гвардейца. Верностью не лично ему, Гэри Селдону, а самой идее Империи. По-рядку. Цивилизации.

Немного подумав, Гэри понял, что он и сам предан этой идее. Он должен служить Империи или хотя бы замедлить ее упадок.

Но сделать это возможно, лишь постигнув глубинную структуру всей Империи.

Вот поэтому Гэри и не нравится перспектива сделаться премьер-министром. Эта работа будет забирать у него слишком много времени, которое он мог бы посвятить своему настоящему предназначению.

Под ритмичный стук тяжелых армейских ботинок об уличное покрытие Гэри оставил неприятные мысли и стал размышлять над кое-какими уравнениями. Селдон настолько погрузился в вычисления, что капитану гвардейцев пришлось даже окликнуть его, когда они приблизились к Императорскому Дворцу. При входе на территорию Дворца они прошли обычную процедуру досмотра — гвардейцы рассыпались по окружающему участку, в воздух поднялись летающие детекторы и принялись обшаривать периметр. С виду детекторы походили на крупных золо-

тистых пчел, которые со злобным жужжанием деловито сновали в воздухе. Гэри шел вдоль стены по дорожке, ведущей к Императорским Садам, как вдруг от стены отделился округлый золотисто-коричневый объект размером с ноготь. Непонятный кусочек стены прыгнул на Гэри и прилип к его шее. Гэри нащупал его рукой, отлепил и рассмотрел.

Это была безделушка со стимулятором, специальная нашлепка, от которой человек впадает в эйфорию, поскольку хитрая штучка впрыскивает ему в кровь порцию эндорфинов. А еще такая безделушка вырабатывает предрасположенность к когеррентным сигналам коридорного оповещения.

Гэри отбросил нашлепку. Гвардеец-охранник подобрал ее… И тут вокруг него все забегали, что-то взволнованно закричали. Гвардеец попытался выбросить безделушку…

Но внезапно его руку пронзило оранжевое острие, раздалось шипение обожженной плоти, острие вспыхнуло пламенем и мгновенно исчезло. Гвардеец вскрикнул, другой гвардеец схватил его и толкнул на землю. Пятеро охранников плотной стеной окружили Гэри со всех сторон, и больше он ничего не увидел.

Раненый гвардеец жутко кричал от боли, потом крик резко оборвался. Капитан скомандовал: «Вперед!», и Гэри пришлось идти, со всех сторон его окружали тела гвардейцев. Они добрались до Императорских Садов и пошли вниз по дорожке.

На то, чтобы разобраться с инцидентом, потребовалось некоторое время. Отследить, откуда появилась опасная безделушка, естественно, не удалось. Невозможно было даже с точностью установить, предназначалась ли она вообще именно Гэри или кому-то другому.

— Эта ловушка могла быть частью какого-нибудь дворцового заговора, — сказал капитан. — Может, она дожидалась кого-то другого, с такими же характеристиками запаха, как у вас. — Вы хотите сказать, что я тут вообще ни при чем?

— Вполне возможно. Этой таблетке понадобилось несколько лишних секунд на то, чтобы решить: нужны вы ей или нет?

— И оказалось, что нужен.

— Запах пота, аромат кожи — они специфичны, но далеко не уникальны, сэр.

— После этого приключения я, наверное, стану обливаться одеколоном.

Капитан улыбнулся.

— Хитроумную таблетку так просто не обма-

нешь.

Подошли другие специалисты по охране, и Гэри снова представился случай обсудить степень опасности и прочие подробности происшествия. Гэри настоял на том, чтобы вернуться и осмотреть гвардейца, который подвергся действию предательской таблетки. На прежнем месте его не оказалось — пострадавшего забрала бригада «Скорой помощи». По прогнозам специалистов, парень скорее всего останется без руки. Врачи сожалеют, но Гэри не разрешат прямо сейчас увидеться с пострадавшим. Он ведь понимает, что это вопрос безопасности…

Гэри пришел пораньше, чтобы насладиться прогулкой, и хотя сам он понимал, что не прав, но упущенная возможность погулять по живому саду огорчила его гораздо сильнее, чем попытка покушения.

Сейчас он постоял, успокоился и отбросил неприятный инцидент в сторону. Он живо представлял себе операцию замещения — холодная, ледянисто-голубая сияющая рамка ограничивает полыхающий злостью багровый узел и вышвыривает его за пределы видимости. Позже… С этим можно будет разобраться попозже.

Гэри прекратил бессмысленное обсуждение

инцидента, приказав гвардейцам следовать за собой. Они, конечно, попытались возражать, но Гэри был непреклонен. Он пошел напрямик через сад, с наслаждением вдыхая свежий воздух открытого пространства. Гэри Селдон шел и дышал свежим воздухом — и попытка покушения понемногу забывалась, поскольку нападение случилось и закончилось слишком быстро, чтобы придавать ему значение. По крайней мере — сейчас.

Неясные очертания башен Императорского Дворца издали напоминали причудливую паутину гигантского паука. Между отдельными частями здания и башнями протянулись подвесные мосты и воздушные переходы. Шпили башен были окутаны серебристой дымкой и мерцали, пульсировали, подрагивали в строгом беззвучном ритме, словно огромное невидимое сердце. Гэри так долго видел перед собой одни только убогие перспективы тренторианских коридоров, что не смог даже сразу охватить взглядом все это поражающее воображение великолепие.

Когда Гэри проходил между колоннами, украшенными цветами, его внимание привлекло движение наверху. Это были птицы, огромные стаи птиц из императорского авиария, они

порхали в воздухе между колоннами, сверкая тысячами самых невероятных расцветок. Изысканное оперение, полупрозрачные, трепещущие крылья, причудливые виражи, которые птицы выделывали в полете, — это было ни с чем не сравнимое чарующее зрелище.

Этих птиц создали несколько тысячелетий назад императорские биоинженеры — создали искусственно, тщательно подобрав уникальные генные наборы. Стаи птиц порхали в вышине, похожие на облака или даже на облачные водопады, в которых были свои перекаты и течения. Птицы парили в восходящих потоках, на лету ловя комаров и мошек, специально для этого выпущенных садовниками. Но порыв бокового ветра мог в мгновение ока разрушить эту великолепную живую скульптуру, разогнать птиц в разные стороны.

«Вот так и с Империей», — думал Гэри. Прекрасная в своей упорядоченности, остававшаяся неизменной в течение двенадцати тысячелетий, она готова развалиться на части. Гибель Империи — словно замедленное крушение попавшей в аварию гравиплатформы. Или мучительные конвульсии — как беспорядки в секторе Юнин.

Почему? Даже когда Гэри наслаждался вели-

колепием Императорских Садов, его математический мозг постоянно возвращался к главному вопросу.

У входа во Дворец Гэри встретился с группой детей, спешивших на встречу с каким-то важным имперским чиновником. У Гэри защемило сердце: он вспомнил о своем приемном сыне, Рейче. После того, как Юго сломали ногу, они с Дорс решили тайно отослать мальчика в закрытую школу. «Лучше убрать его подальше от опасности», — сказала Дорс.

Среди ученых только самые одаренные и самые заслуженные, те, кто достиг прочного положения в обществе, могли позволить себе воспитывать детей. А потомственное дворянство и простые граждане могли просто плодиться и размножаться, сколько им вздумается.

Приемные родители — все равно что художники, это особые люди с особым даром, они пользуются заслуженным уважением и привилегиями, у них должно быть много свободного времени для того, чтобы воспитывать счастливую и сознательную молодежь. Быть родителем — это почетная и хорошо оплачиваемая работа. Гэри очень гордился тем, что ему доверили воспитание ребенка.

Разительный контраст с группой детей представляли трое придворных с причудливо измененными телами, которые вошли следом за Гэри.

Современные биотехнологии позволяли людям превращать своих детей во что угодно — в долговязые башни, в похожие на клумбы приземистые ящики, в зеленых великанов или розовых пигмеев. И со всех концов Галактики они посылали эти произведения генной инженерии сюда, чтобы украсить ими двор Императора, где новизна и экстравагантность всегда были в моде.

Но такие чудеса природы не приживались. Человечеству тоже свойственны определенные видовые нормы. И сохранение этих корм слишком глубоко укоренилось в человеческой природе. Гэри должен был признать, что навсегда останется человеком простым и не утонченным, потому что такие вот экстравагантные чудеса казались ему омерзительными.

Тот, кто разрабатывал оформление приемной, сделал ее похожей на что угодно, только не на комнату для ожидания. Она походила на не правильной формы ящик из оплавленного стекла, которое кое-где пересекали полосы блестящей полированной керамостали. Внизу эти полосы

загибались и оканчивались каплевидными утолщениями с уплощенным верхом, которые, по всей видимости, должны были служить стульями и столиками — поскольку в комнате не было больше ничего, напоминающего эти необходимые предметы.

Гэри предпочел ждать стоя, поскольку не мог даже представить, как он будет вставать с такой вот керамостальной блямбы — даже если ему удастся сообразить, как на нее сесть. Он задумался: не был ли такой эффект запланирован проектировщиком приемной?.. Внутреннее убранство Императорского Дворца было очень тонко продумано.

Это будет небольшая частная встреча — так сказали Селдону служащие Клеона. Однако пока Гэри дошел до приемной, он повстречал на своем пути множество секретарей и протокольных офицеров с помощниками, и каждый счел своим долгом представиться, когда Селдон проходил мимо. По пути Селдону пришлось миновать несколько проходных залов, роскошь убранства которых возрастала по мере приближения к императорским покоям. Речь придворных по мере продвижения Гэри к приемной тоже становилась все более изысканной. При императорском дворе

встречались в основном самодовольные надутые персоны, которые все время вели себя так, словно выступали на скромном торжественном открытии памятников самим себе.

Зал был богато украшен лепными фигурами и позолотой которые в архитектуре соответствовали шелкам и драгоценностям, — и даже самый незначительный помощник секретаря был облачен в роскошный придворный мундир. Гэри при виде такого великолепия непроизвольно захотелось ступать потише и говорить шепотом. Он припомнил воскресенья на родном Геликоне и понял, что зал кажется ему похожим на церковь.

В зал вплыл Клеон, и все слуги мгновенно исчезли, просочившись наружу сквозь невидимые потайные выходы.

— Мой Селдон!

— Ваш, сир, — Гэри следовал традиции.

Император бурно приветствовал его, повозмущался по поводу очевидной попытки покушения: «Несомненно, это покушались на вашу жизнь, вам так не кажется?» — а потом подвел Гэри к огромной стене-экрану. Взмахнул рукой, и на гигантском экране появилось изображение Галактики, работа нового художника. Гэри пробормотал соответствующие случаю слова

восхищения и припомнил, о чем размышлял всего час назад.

Это была меняющаяся во времени картина, которая изображала историю Галактики. Диск Галактики, в сущности, представлял собой скопление огромного количества частиц, которое вращалось на дне гравитационной воронки в космосе. И как он выглядел — зависело от того, в каком спектре из мириадов доступных человеческому глазу с помощью техники видов света на него смотрели. Инфракрасный свет пронзал Галактику насквозь и позволял разглядеть невидимые пылевые скопления и трассы. В рентгеновских лучах открывались причудливые картины взрывов раскаленного газа. Радиоволны изображали расположение смерзшихся в комки молекул и намагниченной плазмы. Каждая картина была наполнена особым значением.

Все звезды в этой гигантской карусели подрагивали и колебались под действием сложных взаимосвязей ньютоновского притяжения и отталкивания. Названия самых крупных ветвей Галактики пришли из античной мифологии — Стрелец, Орион и Персей, если считать от центра к краю. В каждой ветви располагалась Зона с таким же названием — этим как бы подразумевалось,

что, возможно, где-то там находится легендарная древняя Земля. Но где она была на самом деле — не знал никто, и исследователи не обнаружили никаких неопровержимых доказательств в пользу той или иной планеты-кандидата. Тем не менее многие десятки миров претендовали на звание той самой, истинной Земли, легендарной прародины человечества. Хотя, скорее всего, ни одна не имела и малейших оснований.

В толще изогнутых ветвей галактической спирали сверкали яркие надписи — звездные вехи, подобные межевым знакам на земле. «Красоту можно снабдить пояснениями, но нельзя подвергнуть анализу, физическому или социальному», — подумал Гэри. Вот если бы он только смог найти нужный подход…

— Примите мои поздравления. Мой «Указ о безумцах» имел потрясающий успех, — сказал Клеон.

Гэри не сразу оторвался от созерцания восхитительной картины.

— Э-э-э… Сир?

— Эта ваша идея — первый результат применения психоистории.

Лицо Селдона выражало полнейшее недоумение, так что Клеон даже рассмеялся.

— Вы что, уже все позабыли? Ренегаты, которые устраивали беспорядки в надежде на то, что прославятся после смерти, — помните? Вы посоветовали мне лишить их индивидуальности и называть во всех сводках новостей просто «безумцами».

Гэри и в самом деле забыл об этом, но глубокомысленно кивнул в ответ.

— Это сработало! Подобных преступлений теперь практически совсем не стало. А те, кто уже осужден на смерть, вне себя от злости — они требуют, чтобы им дали возможность прославиться. Уверяю вас, это просто нечто!

У Гэри похолодело внутри при виде Императора, который чмокал губами, чрезвычайно довольный собой. Умозрительное предположение — да что там, просто складная отговорка! — внезапно превратилось в реальность. Гэри вдруг стало страшно.

Он понял, что Император спрашивает: как продвигаются дела с психоисторией? Пересохло в горле. Гэри почему-то вспомнилась мадам Мунроуз с ее дотошными расспросами. Казалось, это было несколько недель назад.

— Работа продвигается медленно, — только и смог выдавить из себя Селдон.

Клеон добродушно сказал:

— Наверняка для такой работы необходимы глубокие знания каждой стороны жизни цивилизованного человека…

— Временами, — промямлил Гэри, изо всех сил стараясь побороть одолевавшие его сложные чувства.

— Недавно я был на заседании Совета и узнал нечто, что вы несомненно использовали в своих уравнениях.

— Что же, сир?

— Там говорят, что само возникновение Империи стало возможным только благодаря открытию протонной реакции Бора — конечно, не считая пространственно-временных тоннелей. Я никогда раньше не слышал про такую реакцию, но докладчик сказал, что это было величайшее открытие древности. И ни одна планетарная технология, ни один космический корабль не могут работать без этой реакции.

— Наверное, так оно и есть, хотя я никогда не слышал…

— Вы не знали? Но ведь это же общеизвестно.

— Я не интересуюсь тем, что не нужно для моей работы. Клеон даже рот приоткрыл от удивления.

— Но ведь теория всей истории непременно должна опираться на такие важные подробности!

— Технологии я рассматриваю только по их влиянию на другие, более важные, факторы, — сказал Гэри. Как же проще объяснить Императору сложные закономерности нелинейных вычислений? — Нередко на ход истории оказывает очень весомое влияние ограниченность технологий.

— Любая технология, отличная от магии, является несовершенной, — сказал Клеон.

— Хорошо сказано, сир.

— Вам понравилось? Эту фразу мне подкинул тот парень, Драйус. Неплохо звучит, правда? И справедливо к тому же. Наверное, я… — Клеон оборвал фразу и громко сказал, ни к кому не обращаясь:

— Секретарь для записей! Занесите фразу о магии в Книгу для всеобщего распространения. — Затем он снова повернулся к Гэри. — Они постоянно требуют от меня исторических высказываний, прямо-таки охотятся за «императорской мудростью». Это так утомительно!

Прозвучала нежная мелодия. Объявили о приходе Бетана Ламерка. Гэри весь сжался, завидев Ламерка, но тот как раз исполнял торжествен-

ный придворный ритуал приветствия и смотрел только на Императора. Будучи одним из членов Верховного Совета, Бетан Ламерк обязан был приветствовать Императора несколькими древними ритуальными фразами, в настоящее время ничего не значащими, сопроводить свою речь сложным глубоким поклоном и в течение всей речи смотреть только в глаза Императору. Проделав положенный ритуал, Ламерк расслабился.

— Профессор Селдон! Очень рад снова с вами увидеться. Соблюдая приличия, Гэри пожал ему руку.

— Приношу свои извинения за тот небольшой скандал. Я в самом деле не знал, что поблизости притаился репортер с видеокамерой.

— Ничего страшного. Таково свойство прессы, она всегда ужасно искажает факты. Увы, с этим ничего нельзя поделать.

— Мой Селдон дал мне превосходный совет по поводу «Указа о безумцах», — сообщил Клеон. И рассказал все подробности этого случая — не скрывая своей радости и восхищения Селдоном. Во время рассказа углы рта Ламерка неуклонно опускались все ниже и ниже.

Клеон подвел Ламерка и Селдона к великолепным, роскошным креслам, появившимся

из стены по мановению императорской руки. Гэри обнаружил, что его настойчиво втягивают в подробное обсуждение вопросов, которыми занимается сейчас Верховный Совет. Резолюции, размеры ассигнований на различные проекты, резюме по поводу предлагаемых поправок в законодательство… Гэри, конечно же, уже рассматривал эти вопросы раньше — его автосекретарь аккуратно сортировал их и передавал Селдону для ознакомления, но только после того, как проводил предварительный анализ текста, выбрасывал ко всем чертям целые океаны словесной шелухи и выправлял все несоответствия в тексте. В результате у Гэри на разбор этих документов уходило около часа работы. Большую часть материалов он просто откладывал в сторону — вернее, запихивал целые стопки представленных к рассмотрению документов в утилизатор, когда никто не видел, как он это делает.

Тайную механику работы Верховного Совета было не так уж сложно проследить — но это было скучно и быстро надоедало. Ламерк увлеченно обсуждал что-то с Императором, а Гэри смотрел на них обоих — оба были опытными игроками, знатоками увлекательной и рискованной игры,

и смотреть, как они играют, было довольно любопытно.

Совет устанавливает общие нормативы и направления, пока простые специалисты по каждому из конкретных вопросов разрабатывают детали законодательства и потом претворяют их в жизнь — но даже это не расшевелило в Гэри интереса к делам Совета. Как люди растрачивают свои жизни на такое вот занятие!

Гэри мало заботили вопросы тактики. Даже целое человечество мало что значит. На шахматной доске Галактики фигурами были феномены человечества, а правилами игры — законы психоистории. Игрок на противоположной стороне доски неизвестен, если он вообще есть.

Ламерк не мог играть без противника, его увлекало соперничество. Постепенно Гэри пришел к выводу, что они с Ламерком неминуемо станут противниками, если не врагами.

Вся карьера Ламерка была подготовкой к посту премьер-министра, и Ламерк всерьез собирался в конце концов занять этот пост. При каждом удобном и неудобном случае Ламерк старался подольститься к Императору и затмить Селдона, достоинств у которого было не так уж много.

Гэри Селдон не выступал против Ламерка от-

крыто, не высказывал возражений. Он держался тихо и незаметно, ограничивая свою активность только выразительными (как он надеялся) движениями бровей. Гэри Селдону редко приходилось сожалеть о том, что он оставался в стороне и держался тихо.

— А эта компания «Макро-Мех», как она вам нравится? — вдруг спросил у Гэри Клеон.

Селдон не сразу вспомнил, о чем, собственно, речь. А когда вспомнил, сказал:

— Ее новый проект коренным образом повлияет на положение в Галактике.

— Плодотворно повлияет! — Ламерк хлопнул ладонью о стол. — Все экономические ограничения развеются, как дым! «Макро-Мех» ускорит информационные потоки — и очень существенно ускорит.

Губы Императора чуть скривились, выражая сомнение.

— Признаться, я не очень-то в восторге от того, что появится возможность связаться с каким угодно далеким местом так просто и так быстро.

— Вы только подумайте, — гнул свое Ламерк. — С этими новыми средствами связи любой, самый обычный человек, скажем, из Зоны Весов, сможет хоть каждый день болтать по новому голофону со

своим другом из какого-нибудь Медвежьего Угла или еще откуда.

Император неуверенно склонил голову.

— Гэри! А вы что скажете?

— Я тоже не в восторге, сир. Ламерк отмахнулся.

— Это просто неприятие нового!

— Облегчение коммуникаций может усугубить кризис Империи.

Губы Ламерка изогнулись в ироничной усмешке.

— Ну что за ерунда! Это противоречит принципам любого хорошего правления.

— Империей не правят. — Гэри поклонился Императору. — Ее лишь направляют и позволяют ей идти своим путем.

— Еще большая бессмыслица! Мы в Верховном Совете…

— Выслушайте его! — оборвал Ламерка Клеон. — Он говорит не так уж много.

Гэри улыбнулся.

— И многие люди мне за это только благодарны, сир.

— Не уходите от ответа, Селдон. Что ваша психоистория говорит о дальнейших путях Империи?

— Империя — это множество замков, соединен-

ных паутиной мостов.

— Замки? Какие замки? — Клеон задрал кверху свой знаменитый нос.

— Планеты. Это — отдельные, самообеспечивающиеся части Империи, и они развиваются, как им заблагорассудится. Империи в целом обычно нет дела до таких мелких подробностей, за исключением тех случаев, когда какой-нибудь мирок вздумает затеять войну с соседями.

— Совершенно верно, и так оно и должно быть, — сказал Клеон. — А эти ваши мосты — это, наверное, пространственно-временные тоннели?

— Именно, сир. — Селдон старательно избегал встречаться взглядом с Ламерком и смотрел только на Императора, описывая свое представление об устройстве Империи.

На каждой планете может быть некоторое количество более мелких герцогств с полным набором управленческих «инфраструктур» в каждом. Эти герцогства ведут между собой войны либо поддерживают дипломатические отношения. Но психоисторические закономерности показывают, что такие мелочи не имеют для развития Империи никакого значения.

А имеет значение то, что физические ресурсы

невозможно равномерно распределить среди бесконечно большого числа людей. В каждой звездной системе имеется некий конечный запас природного сырья, и в конце концов право распоряжаться им переходит в руки местных властей.

По пространственным тоннелям невозможно переправлять большие массы грузов, поскольку эти тоннели редко превышают десять метров, в диаметре. Огромные гиперпространственные транспортные корабли перевозят тяжелые грузы, но эти транспорты медлительны и неповоротливы. Они искажают пространство-время, сжимая его впереди по курсу и растягивая сзади, за кормой, они движутся со сверхсветовыми скоростями вдоль остова Галактики — но не в ней самой. Торговля между большинством звездных систем сводится к обмену легкими, компактными и дорогими товарами. Специй, украшения, технологии — но не громоздкие строительные материалы.

Гораздо легче пространственные тоннели приспосабливаются к модулированным световым лучам. Изгибы пространственно-временных тоннелей отражают лучи, словно волокна-световоды, и доставляют их адресату на противоположном конце тоннеля практически без изменений.

Таким образом, информация распространяется повсюду легко и быстро, связывая в единое целое всю Галактику.

А информация — это противоположность массы. Информацию можно переместить, ужать, а скопировав — широко распространить. Информацию можно делить до бесконечности. Информация непрерывно разрастается, как весенние цветы на плодородной почве, потому что если некую информацию приложить к проблеме, то полученное в результате решение будет нести в себе уже новую порцию информации. Кроме того, передача информации обходится очень дешево — потому что носители информации требуют очень малого количества ресурсов. Самое распространенное средство передачи информации — свет, вернее, лазерный луч.

— Все это обеспечило объем коммуникаций, достаточный для создания Империи. И не было практически никакого различия между перемещением из богатой Зоны Магнатов в бедную Зону Голодранцев — или просто в соседнюю звездную систему, поскольку с использованием пространственно-временных тоннелей эти путешествия стали практически равнозначными, — сказал Гэри.

— Выходит, каждый из этих ваших замков практически изолирован от остальных — во всем, кроме потоков информации, так? — подвел итог Клеон.

— Но теперь «Макро-Мех» собирается увеличить информационный обмен в тысячи раз за счет использования новой системы сжатия информации.

Клеон пожевал губу, подумал и спросил:

— И чем это плохо?

— Это вовсе не плохо! — вмешался Ламерк. — Чем больше информации — тем проще принять верное решение, это знает даже ребенок!

— Не обязательно. Человеческая жизнь — это путешествие по морю смысла, а не по информационной сети. Что могут извлечь Для себя большинство обычных людей из плотного, лично для них подобранного потока информации? Отстраненную, чуждую человеку логику. Бессвязные подробности.

— Мы можем справиться с этим гораздо лучше! — упорствовал Ламерк.

Но Клеон поднял вверх указательный палец, и Ламерк замолк, проглотив окончание фразы и все, что он еще собирался сказать.

Гэри раздумывал. В чем-то Ламерк был, несо-

мненно, прав.

Существует математическая зависимость между технологией, накоплением капитала и трудовыми ресурсами, однако наиболее важным двигателем истории следует безоговорочно признать знания. Почти половина прироста экономики Империи обусловлена улучшением качества информации, что проявляется в создании лучших машин и более совершенных технологий. Сочетание лучших машин и лучших технологий приводит к резкому увеличению производительности всякого труда.

И на чем споткнулась Империя? На застое в науке. Но причиной застоя не мог быть один только информационный голод, должно быть что-то еще! А что — Гэри пока не знал.

Селдон видел, что Император колеблется, и добавил:

— Многие в Верховном Совете считают, что «Макро-Мех» — это средство контроля. Так позвольте же мне указать вам, сир, на некоторые общеизвестные факты.

Гэри больше всего нравилось читать такие вот лекции один на один. Клеон наклонился вперед, прищурил глаза. И Гэри начал рассказывать.

Чтобы попасть из мира А в мир В, человеку

нужно совершить примерно дюжину прыжков сквозь пространственно-временные тоннели. Сеть пространственно-временных тоннелей — это нечто вроде системы астронавигационного метрополитена со множеством пересадочных станций.

При входе в каждый такой тоннель с пассажира взимается отдельная плата за проезд и отдельный налог за перевозку грузов. Контроль над всей сетью перемещений приносит огромные прибыли. За право контролировать сеть непрерывно идет борьба, нередко крайне ожесточенная. С точки зрения экономики, политики и так называемого «исторического момента» — под которым подразумевается влияние инерции текущих событий, — частная монополия, которая контролирует все основные узлы и транспортные развязки сети пространственно-временных тоннелей, должна быть прочной и непоколебимой.

Однако это не так. Как и во все времена, местные сатрапы стараются не упустить возможность нагреть руки на прибыльном деле. Со стороны кажется вполне естественным выжимать из каждого пространственно-временного тоннеля как можно больше выручки — просто следует координировать нагрузку на все тоннели сети

и тем самым улучшить качество работы транспортной системы в целом. Но доступ к контролю над каким-нибудь, даже очень маленьким, участком сети нередко превращает людей в упрямых самодуров. В этом случае информация реально распространяется только от управляющих, которых становится все больше, к наемным работникам и — в незначительной степени в обратном направлении.

Такой способ эксплуатации сети тоннелей не дает прибылей, каких можно было бы ожидать при ином подходе к делу. Напротив, получается нечто вроде феномена «короткого одеяла» когда замерзают плечи, одеяло подтягивают вверх, чтобы их согреть, но тогда начинают замерзать ноги. Итак, слишком раздутая система контроля над сетью себя не оправдывает.

— А если Верховный Совет действительно решит, что система «Макро-Мех» «справится лучше», это может привести к экономическому спаду.

Ламерк покровительственно улыбнулся.

— Всего лишь отвлеченные теории, сэр. А теперь послушайте-ка старого опытного человека; который уже давным-давно работает в Совете…

Гэри внимательно слушал, как знаменитый Ла-

мерк расхваливает сам себя, и думал: «Но почему, собственно, меня так задевают эти проблемы?» И вынужден был признать, что в разговорах с Императором есть некая любопытная, ощутимая на уровне подсознания притягательность — притягательность власти. Никто не станет возражать, что общение с человеком, способным одним движением пальца уничтожить целые миры, определенно щекочет нервы.

Но по-настоящему Гэри Селдон был предназначен для другого — и по призванию, и по наклонностям. Высказывать свои собственные взгляды — это огромное удовольствие. Каждый профессор в глубине души убежден, что миру крайне необходима хорошая, продуманная лекция — естественно, его собственная.

Только вот в этой игре пешки слишком живые. Гэри всякий раз становилось не по себе, когда он вспоминал «Указ о безумцах», хотя в этом указе и не было ничего неэтичного.

Здесь, среди всего этого великолепия, на чашах весов взвешивались реальные жизни. И вовсе не обязательно жизни других людей. Гэри снова напомнил себе, что вот от этого доброжелательного, любезного Бетана Ламерка, который сидит в кресле напротив, скорее всего и исходит страш-

ное предательское оружие, от которого сам Гэри едва не погиб несколько часов назад.

Глава 3

Вернувшись домой, Гэри тотчас же направился на кухню. Там он ввел команды заказа в автоматический кухонный аппарат, включил плиту и стал разогревать масло на сковородке. Пока оно нагревалось, Гэри порезал лук и чеснок и высыпал на сковородку, чтобы поджарились. Потом достал из холодильника бутылку пива, открыл ее и отпил прямо из горлышка, не наливая в стакан.

— Что-то случилось? — спросила Дорс.

— Просто немного поболтали. Было очень мило. Я посмотрел на Ламерка, он посмотрел на меня.

— От этого ты не стал бы так сутулиться.

— М-м-м… Вечно меня выдают жесты и мимика!

И он рассказал жене о неудачной попытке покушения на его жизнь.

После того как Дорс успокоилась, она сказала:

— А ты уже слышал про того дымового скульптора?

— Который был на приеме? И сделал из дыма фигурку, похожую на меня?

— Да. Он сегодня умер.

— Что?

— Выглядит как несчастный случай.

— Жаль его, он был такой забавный.

— Слишком забавный. Он сотворил карикатуру на Ламерка, помнишь? Представил Ламерка надутым хвастуном. Это было гвоздем программы на том приеме.

Гэри прищурился.

— Не хочешь ли ты сказать…

— Это вполне закономерно — два покушения в один день. Только тебе повезло больше, чем тому парню.

— Значит, это мог подстроить Ламерк… Дорс мрачно сказала:

— Дорогой мой Гэри, ты всегда думаешь категориями вероятностей…

После аудиенции у Клеона Селдон серьезно поговорил с начальником дворцовой службы безопасности. Его отряд охранников обещали удвоить. Обещали также добавить летающие детекторы для проверки внешнего периметра. Да, и еще он не будет больше ходить поблизости от всяких стен.

Это последнее условие рассмешило Селдона, но сотрудники службы безопасности не разделяли его веселости. И что гораздо хуже — у Гэри остава-

лась еще одна нерешенная проблема. Как сделать так, чтобы эти детекторы не учуяли истинную природу Дорс?

Зазвонил кухонный аппарат. Гэри достал хорошо прожаренный кусок мяса с луком и чесноком, открыл вторую бутылку пива и принялся за еду — держа в одной руке вилку, а в другой бутылку с пивом.

— Да, сегодня ты неплохо потрудился, — сказала Дорс.

— Я всегда плотно обедаю после того, как мне удастся чудом избежать смерти. Это старая фамильная традиция.

— Понятно.

— Клеон под конец высказался насчет застоя в Верховном Совете. Пока они там не перерешают все свои вопросы, ни о каком голосовании за премьер-министра не может быть и речи.

— Значит, вы с Ламерком по-прежнему будете сшибаться лбами.

— Нет, это он будет сшибаться. А я буду уворачиваться.

— Я больше никогда не оставлю тебя одного, — пообещала Дорс.

— Неплохо бы. Ты не притащишь мне добавки из кухонного аппарата? Чего-нибудь такого

горячего, вкусного, ужасно вредного для моего организма.

Дорс ушла на кухню, Гэри принялся с аппетитом поглощать еду и запивать ее пивом. Он ел и не думал ни о чем, кроме обеда. Вернулась Дорс, принесла что-то жареное, под густым коричневым соусом. Гэри съел все до крошки, так и не спросив, что же это было.

— А вы человек со странностями, профессор.

— До меня доходит чуточку медленнее, чем до других людей.

— Ты просто научился не сразу думать о том, что тебя беспокоит, не сразу реагировать — а только тогда, когда будет подходящее место и время.

Гэри прищурился и отпил еще пива.

— Может, и так. Надо будет об этом подумать.

— Ты с таким аппетитом ешь пишу рабочих… И где это, интересно, ты научился фокусу с защитными реакциями?

— И где же, по-твоему?

— На Геликоне.

Гэри подумал о том, что сказала Дорс.

— М-м-м… Рабочий класс. Мой отец попал в крупные неприятности, и нам приходилось переживать тяжелые времена. Когда я был маль-

чишкой, я только по счастливой случайности не подхватил лихорадку. Вылечиться все равно не смог бы — у нас не хватило бы денег на оплату лечения.

— Понятно. Денежные затруднения — я помню, ты мне как-то рассказывал.

— Да, финансовые затруднения… И еще — его вынуждали продать землю. Но он занял денег под залог земли, посадил больше и собрал прекрасный урожай, не отступив от своих взглядов на жизнь. Всякий раз, когда фортуна поворачивалась к нему спиной, мой папа только стискивал зубы и упорно продолжал гнуть свою линию. Какое-то время эта стратегия себя оправдывала, поскольку мой отец неплохо разбирался в земледелии. Но потом случился грандиозный кризис рынка, который задел и его хозяйство, — и папа потерял все, что имел.

Гэри говорил быстро, не отрываясь от еды, и, непонятно почему, это казалось ему совершенно правильным.

— Понятно. И тогда он взялся за ту опасную работу…

— Которая его убила… Да.

— Понятно. И ты тоже стал там работать, чтобы помочь матери. И в эти тяжелые времена ты

научился сдерживать свои желания и порывы — откладывать их до тех пор, пока не представится удобный случай.

— Если ты еще раз скажешь «понятно», я не позволю тебе смотреть, как я буду принимать душ!

Дорс улыбнулась, и на ее лице появилось лукавое и проницательное выражение.

— Ты полностью соответствуешь определенным параметрам. Ты — очень сдержанный мужчина. Такие мужчины строго себя контролируют и очень неохотно раскрывают свой внутренний мир. Они не из тех, кто любит с кем-нибудь поболтать.

— Разве что со своими женами. — Гэри перестал есть.

— Ты почти не уделяешь времени разговорам не о делах весь Университет об этом судачит, — но со мной ты разговариваешь откровенно.

— Я стараюсь не болтать попусту.

— Да, быть мужчиной — это так трудно…

— Быть женщиной — тоже, но ты великолепно с этим справляешься.

— Будем считать, что это — просто комплимент.

— А это и есть комплимент. Даже просто быть человеком — ужасно трудно.

— Уж кто-кто, а я знаю, можешь мне поверить. Ты… научился всему этому на Геликоне?

— Я научился заниматься только самыми существенными делами.

— И ненавидеть кризисы. Они могут погубить тебя. Гэри отпил еще пива, холодного и крепкого.

— Я не думал об этом с такой точки зрения.

— Почему ты не сказал сразу?

— Потому что сразу я этого не знал.

— Вывод: когда ты общаешься с женщиной, ты упрятываешь как можно больше себя во внутреннее пространство, закрытое ото всех посторонних.

— Это пространство — между нами двоими.

— Такое геометрическое сравнение ничем не хуже любого другого. — Дорс чуть оттопырила кончиком языка нижнюю губу, как она делала всегда, когда о чем-то задумывалась. — И ты полностью посвятил себя поискам способов уклониться от расплаты, которую требует жизнь?

— Расплаты за… кризисы?

— То, что ты можешь предвидеть, можно попытаться исправить. Или избежать. Как-нибудь изменить ситуацию.

— Твой анализ ведет к ужасным выводам.

— Самые ужасные подробности я опускаю, но они будут в домашнем задании.

— Обычно в таких разговорах не обходится без фразочек типа «оптимально закрепленная личность». Я все жду, когда же ты прибегнешь к этому жаргону, чтобы окончательно загнать меня в угол. — Гэри прикончил очередную бутылку пива и почувствовал себя гораздо лучше.

— Еда — одно из самых жизнеутверждающих занятий.

— Именно поэтому я и ем.

— Ты, наверное, хочешь меня рассмешить?

— Нет. Я как раз прикидываю, как применить твою теорию.

Мне нравится мысль о ненависти к непредсказуемости и кризисам, которые приносят людям много страданий.

— Империям тоже — когда они рушатся. — Согласен.

Пиво закончилось, и Гэри стал подумывать, не открыть ли еще бутылочку. Правда, еще немного пива — и он начнет пьянеть. Гэри предпочел бы избавиться от засевшей в глубине души тревоги каким-нибудь другим способом.

— Ну у тебя и аппетит! — улыбнулась Дорс.

— Ты даже не представляешь, каков он на са-

мом деле! Между прочим, у человека, которого недавно чуть не убили, разыгрывается аппетит не только на еду. Может, мы с тобой перейдем к домашней работе?

— Ты наверняка что-то задумал. Гэри улыбнулся.

— Тебе никогда не догадаться — что именно…

Глава 4

Он еще больше стал дорожить работой, когда на нее перестало хватать времени.

Гэри совершенно неподвижно сидел в своем кабинете, выключив свет, и смотрел на трехмерные уравнения, исходящие из голопроектора и струящиеся в воздухе, похожие на светящийся туман.

Ученым Империи уже тысячи лет назад были известны основные положения психоистории. В незапамятные времена были выведены двадцать шесть стабильных и относительно стабильных разновидностей общественных систем. Было изучено множество различных планет, впавших в варварство, — как, например, Поркос с его культом Ярости или Лиззис с его махровым матриархатом.

Гэри всматривался в знакомые очертания, а его модель шаг за шагом преодолевала века галактической эволюции. Некоторые системы общественного устройства доказали свою стабильность только в ограниченных, очень малых масштабах.

В воздухе перед Гэри Селдоном висели разновидности всех общественных систем, попадав-

ших в категорию стабильных Зон: примитивный социализм, религиозный феминизм и клано-во-родовой строй. Это были три могучих кита человеческой социологии, островки порядка в море хаоса.

Некоторые системы общественного устройства благополучно проходили период относительной стабильности, а затем распадались: теократия, трансцедентализм и феодализм. Феодализм, как правило, появлялся в тех культурах, где люди были знакомы с металлургией и сельским хозяйством. Но для того, чтобы на планете установился феодальный строй, она должна была довольно заметно скатиться вниз по уровню развития.

Имперские ученые долго доказывали, что Империя, связанная воедино множеством узких пространственно-временных тоннелей и тяжеловесных гиперпространственных транспортных кораблей, — самая лучшая разновидность устройства человеческого общества. И это действительно было доказано — долголетним благополучием Империи.

Господствующая модель социального устройства — мягкий имперский феодализм — базировалась на том, что человеческому обществу свойственна определенная иерархия. Соответ-

ственно представителям привилегированного класса свойственны династические амбиции и стремление сохранить и передать по наследству свои привилегии — власть и все, что сопутствует власти. Они привержены идее единства и величия Империи. Для большинства аристократов сама сущность истории состоит в бессмысленной погоне за величием.

Силу Империи поддерживают традиции дворянской верхушки, которая объединяет тех, кто сумел возвыситься до истинного величия. Но под покровом этого внешнего великолепия лежит прочная основа очень надежной гражданской службы, в которую входят заслуженные деятели различных областей науки и техники. И Император Клеон прекрасно об этом знает. Без меритократов и «Серых» блистательное дворянство погрязнет в коррупции, которая, как пятно на изображении Галактики, уничтожит все внешнее великолепие.

Гэри всматривался в диаграмму — запутанный трехмерный лабиринт переплетающихся плоскостей, карта общественного устройства.

При замедленном просмотре были хорошо различимы волны влияния отдельных событий, колебавшие структуру изображения. Каждая

клетка системы координат соответствовала определенному временному циклу, в котором трехмерно воспроизводились все наиболее близкие взаимные влияния различных событий.

Рабочее «правило буравчика» не было отражением физического закона, оно не проистекало из таких базовых наук, как механика, или даже из примитивных ньютоновских законов. Скорее, это правило появилось в результате действия законов упрощения — когда сложные закономерности сводятся к обычной простой арифметике. Если с такой точки зрения рассматривать общественное устройство — оно кажется совсем простым и понятным, и нисколько не загадочным.

И тогда наступает хаос.

Гэри прокрутил отдельно сферу государственности, со всеми ее подразделениями: уровень полярности, или степень концентрации; размеры коалиций; масштабность конфликтов. Изученные петли отклонения проявлялись даже в этой упрощенной модели. Начиная с относительно ровного периода видимой стабильности, но не застоя, в системе появлялись идеи «вызова» и «сомнения».

Эти идеи угрожали стабильности, и тотчас

формировалась оппозиция «вызову». Образовывались соответствующие фракции и коалиции, которые постепенно стабилизировались. Коалиции подбирались по религиозному, политическому, экономическому, теологическому и даже военному принципам, хотя военные коалиции практически всегда доказывали свою несостоятельность, как показывали данные статистики. А потом наступал период хаоса, который иногда заканчивался новым этапом стабильности, а иногда — полным разрушением системы.

В динамических системах всегда присутствовала некая напряженность, обусловленная конфликтом между идеальным представлением людей о мире и реальностью. Принципиальное различие идеала и реальности становилось источником и движущей силой перемен. Нередко эта сила была скрытой, и люди даже не осознавали ее присутствия. Люди просто знали, что что-то происходит не правильно, ощущали какую-то неудовлетворенность, но не могли ясно определить ее истинную причину.

Гэри подумал, что требует слишком многого от простой функциональной модели. И все-таки он видел, что в такой нарочито упрощенной, приблизительной схеме есть кое-что очень пра-

вильное.

Все думают, что Империя устроена очень просто.

Конечно, не совсем все человечество, ослепленное смесью самых разнообразных экзотических культур, приносимых благодаря торговле и системе коммуникаций между мириадами миров. Вот что служит мощной преградой хаосу.

Но даже социальные теоретики считают базовую структуру общества и взаимоотношения в нем предсказуемыми, ограниченными определенным числом петель обратной связи, достоверных и закрепленных традицией. Здравый смысл заставляет людей думать, что все эти обратные связи можно легко отследить и откорректировать.

Что еще более важно, большинство людей убеждено, что все важные решения принимает кто-то самый главный. «Император знает все», ведь так?

На самом же деле в Империи существует строгая иерархическая система, имперский феодализм. Низшим ее подразделением являются галактические Зоны: самые мелкие — размером всего в несколько световых лет, а самые крупные — несколько тысяч световых лет в диаметре. На

порядок выше стоят Блоки, которые включают в себя по несколько сотен расположенных рядом Зон. Блоки соединяются между собой в общегалактическую систему.

Но эта система постепенно соскальзывает вниз. В комплексной диаграмме то появляются, то исчезают короткие вспышки колебаний. Что это за вспышки?

Гэри укрупнил изображение, чтобы рассмотреть эти вспышки в деталях. Зоны полного хаоса, где предсказуемость становится абсолютно невозможной. Эти огненные вспышки могут таить в себе разгадку, почему Империя катится в пропасть.

Гэри в глубине души чувствовал, что непредсказуемость — это зло. Зло для человечества, зло для его математики. Но — неизбежное зло.

И это — тайна, которую никогда не должны узнать ни Император, ни все остальные. Потому что пока он не сможет управлять хаосом — или хотя бы влиять на него, — психоистория будет оставаться фальшивкой, пустышкой.

Гэри решил рассмотреть какой-нибудь конкретный пример. Возможно, тогда что-то прояснится.

Он выбрал Сарк, мир, в котором разыскали и разработали симуляторы Вольтера и Жанны.

Этот мир провозгласил себя истоком Нового Возрождения — известное и распространенное риторическое выражение, которое употребляют довольно часто. Когда Гэри просмотрел данные о состоянии Сарка, они оказались на первый взгляд вполне благополучными — довольно высокие показатели по развитию творчества и науки.

Сам того не ожидая, Гэри почему-то огорчился. Определенно, на данный момент Сарк выглядел весьма неплохо. Бум в экономике. Галактический лидер в искусстве и моде.

И все же по профилю показателей Сарк оказался миром хаоса. Миры эти какое-то время интенсивно развиваются, как будто переступая через все сдерживающие механизмы, которые сохраняют планеты в неустойчивом равновесии Империи. А потом структура общества рушится, и хаотичные миры скатываются в одно из известных стабильных состояний. Для Сарка это будет анархический индустриализм, насколько Гэри смог предположить, судя по исходным данным. Никакой грандиозный флот не сможет это предотвратить. Несмотря на внешнее впечатление, Империей невозможно править с помощью военной силы. Хаотичные миры неизменно рушатся и перестают существовать. И обычно это

не оказывает сколько-нибудь значительного влияния на всю Галактику в целом.

Но чем дальше — тем больше появляется хаотичных миров. И Империя приходит в упадок. Продуктивность снижается, повышается уровень социальной напряженности. Почему?!

Гэри встал и отправился в спортзал — надо немного размять мышцы. Хватит утруждать мозги! Пусть тело хорошенько поработает и избавится от усталости и неудовлетворенности, принесенных размышлениями.

Глава 5

Ему очень не хотелось идти на Большое Совещание Имперских Университетов, но на него надавили из Имперского протокольного отдела.

— У кандидата на пост премьер-министра есть определенные обязанности перед обществом, — заявила строгая дама.

А потому Гэри и Дорс покорно явились в гигантский Имперский Зал Торжеств. Гвардейцы-охранники оделись по такому случаю в обычные деловые костюмы с воротничками, принятыми у меритократии среднего ранга.

— Какая маскировка! — пошутила Дорс.

Гэри заметил, что окружающие быстро окидывали взглядом переодетых гвардейцев и тотчас спешили отойти подальше. И у него появилось такое чувство, что его одурачили.

Они прошли по коридору с высокими двойными арками, уставленному старинными скульптурами, которые вызывали у зрителей неудержимое желание их облизать. Гэри тоже попробовал скульптуру на вкус — после того как внимательно прочел сияющую сопроводительную табличку, которая заверяла, что

облизывание скульптур не представляет никакой биологической опасности. На вкус скульптура была похожа на странную смесь масла и печеных яблок — этот вкусовой оттенок древние считали весьма соблазнительным.

— Что там первое на повестке дня? — спросил Гэри у прикомандированной к нему служащей протокольного отдела.

— Встреча с академиком Потентейт, — ответила она. И подчеркнула:

— Наедине.

Дорс не согласилась, и Гэри пришлось спешно искать компромисс. Договорились, что Дорс во время встречи будет стоять у двери.

— Я позабочусь, чтобы вам доставили закуски, — с раздражением сказала сотрудница протокольного отдела.

Дорс наградила ее холодной улыбкой.

— А чем, интересно, так важна эта встреча?

Сотрудница протокольного отдела посмотрела на нее чуть ли не с жалостью.

— Потентейт — очень важная фигура в Верховном Совете. Гэри насмешливо добавил:

— И может подбросить мне несколько голосов.

— Небольшая учтивая беседа, вот и все, — сказала служащая. — Я обещаю — как бы это

повежливей сказать? — обещаю обойтись поласковее с его задницей. Или ее — если окажется, что это «она».

Дорс улыбнулась.

— Лучше, чтобы это оказалась не «она».

— Занятно, а смысл этого действия ассоциируется с сексом? Сотрудница протокольного отдела кашлянула и провела Селдона через потрескивающую поверхность защитного экрана. У Гэри сразу нагрелись волосы. Как видно, даже академик Потентейт не мог обойтись без кое-каких мер личной защиты.

Оказавшись внутри простой комнаты, обычной для государственных учреждений, Гэри Селдон увидел женщину. Первое, что бросалось в глаза, — преклонный возраст и мастерство грима.

Так вот почему вдруг закашлялась сотрудница протокольного отдела!

— Как мило с вашей стороны прийти на эту встречу! — Пожилая дама стояла неподвижно, протянув вперед руку с обвисшей кистью — как будто для поцелуя. Позади дамы открывался вид на сверкающий брызгами водопад. Голограмма была прекрасным, весьма эффектным обрамлением для пожилой леди.

У Гэри возникло чувство, будто его окружают

ожившие музейные экспонаты. Он никак не мог решить — пожать старушенции руку или поцеловать? Он выбрал первое и по взгляду, которым наградила его пожилая дама, понял, что ошибся.

Лицо дамы было почти неразличимо под косметикой, но по тому, как академик Потентейт, разговаривая, наклонялась вперед, Гэри понял, что ее бледные, выцветшие от старости глаза подмечают многое, чего остальные люди просто не видят.

Она была выдающимся мыслителем и неординарным философом. И сейчас многие заслуженные ученые по всей Галактике готовы были присягнуть ей на верность.

Прежде чем оба они сели, пожилая дама указала рукой на голограмму.

— Вы не могли бы что-нибудь с этим сделать? Изображение водопада сменилось плотным, непроглядным туманом.

— Почему-то с ним все время что-то не в порядке, и комната выглядит как-то не правильно.

Гэри решил, что таким образом она пытается сразу дать понять, кто тут главный. Хочет, чтобы Селдон приучился исполнять ее маленькие прихоти. Или она из тех женщин, которые чувствуют себя беззащитными, если не могут придумать для

мужчины какого-нибудь поручения, пусть даже самого мелкого. А может, она просто не знает, как справиться с управлением, и хочет получить обратно свой водопад. Ну, или он сам все это придумал и, по привычке, анализирует чертову уйму всяких вероятностей.

— Я слышала о вашей работе замечательные отзывы, — сказала она, изменяя манеры с «Высокопоставленной Особы, привыкшей к беспрекословному повиновению» на «Благородную Леди, которая запросто снисходит к нижестоящим».

Гэри сказал в ответ какую-то общую фразу. Тик-так принес стимуляторы, почти жидкие, и Гэри выпил. Стимулятор прокатился по горлу шелковистой, терпкой волной и поднялся к ноздрям облаком газа.

— Вы полагаете, что достаточно опытны, чтобы выполнять обязанности министра?

— Нет ничего более надежного и пригодного для практики, чем верная теория.

— Вы говорите, как настоящий математик. От имени всех ученых я надеюсь, что вы с этой работой справитесь.

Гэри подумал, не сказать ли ей — ведь, в конце концов, она была по-своему привлекательной, — что лично он не дал бы за кресло

премьер-министра и ломаного гроша. Но внутреннее предчувствие подсказало ему, что от подобных откровений лучше воздержаться. Эта старушка была сейчас представителем другой силы. А Гэри вдруг вспомнил, что в прошлом мадам Потентейт отличалась мстительным нравом. Она сухо улыбнулась.

— Как я понимаю, вы очаровали Императора своей теорией истории.

— Сейчас это не более чем наброски теории.

— Нечто вроде тезисов?

— Крупное достижение, которое станет настоящим открытием; масса выводов, из которых вырастет целая наука.

— Вы наверняка сознаете, что в подобных амбициях чувствуется налет некоторой несерьезности. — Блеклые глаза сверкнули сталью.

— Боюсь, что… не знаю. Мадам.

— Наука — всего лишь условная конструкция. Она увековечивает сомнительное утверждение «развитие возможно всегда». Невмешательство предпочтительнее.

— О?.. — Гэри растянул губы в вежливой улыбочке. Ни за что на свете он не собирался выдавать, что на самом деле обо всем этом думает.

— Из таких идей могут произрасти только дес-

потичные социальные устройства. Науке удается ловко маскировать ту простую истину, что она, наука — всего лишь еще одна «словесная игра» среди множества других. Все подобные условные конструкции основываются на умозрительном сочетании противоречащих друг другу утверждений.

— Понимаю… — Гэри было все труднее и труднее сохранять любезную улыбку на лице.

— И превозносить так называемую, — она презрительно фыркнула, — «научную истину» над прочими конструкциями — все равно что пытаться колонизировать интеллектуальную сферу. И навязывать рабство несогласным.

— М-м-м… — У Гэри появилось предчувствие, что в качестве коврика для вытирания ног долго он не протянет. — Вы выносите окончательное суждение о предмете, даже не узнав толком, в чем его суть?

— Социальные теории и лингвистический анализ работают на ограниченном поле, поскольку в историческом и культурологическом аспектах ценность любых истин очень относительна. А следовательно, эта ваша «психоистория» всех общественных устройств — полный абсурд.

Итак, она знает, о чем говорит. В этом мире

ничего нельзя сохранить в тайне.

— Возможно, вы просто недостаточно ясно представляете себе грубые реалии жизни?

Ледяная дама чуть оттаяла.

— Умно сказано. Впрочем, вы ведь академик. Но понятие «реалии» относится к социальным конструкциям.

— Видите ли, наука — это и в самом деле социальный процесс. Однако научные теории вовсе не обязательно отражают реальную действительность.

— Как заманчиво было бы так думать… — Губы академика Потентейт слегка растянулись в мимолетной улыбке, которая должна была смягчить стальной блеск ее глаз.

— Научные теории — это не просто изменение предпочтений, как, к примеру, мода в одежде — сегодня мужские рубашки короткие, завтра — длинные.

— Академик, уж вы-то должны бы знать, что в мире ничего невозможно по-настоящему узнать, кроме человеческих суждений.

Гэри старался говорить вежливо, не повышая голоса. Стоит ли обращать ее внимание на то, что в одном предложении она дважды употребила слово «знать», причем в различных значениях?

Нет, тогда он скатится до простой придирки к словам и сыграет даме на руку.

— Конечно, скалолазы вполне могут спорить и мечтать о самом лучшем маршруте к неприступной вершине…

— Но им доступны лишь те способы, которые соответствуют историческим и социальным структурам общества, в котором они живут…

— …Но наверняка узнать самый лучший маршрут можно, только взобравшись на эту вершину. И никто не скажет, что скалолазы «конструируют гору».

Академик Потентейт вытянула губы и отпила туманно-белого стимулятора.

— М-м-м… Это примитивный реализм. А все ваши «факты» относятся к области теории. Это ваши взгляды, ваша точка зрения.

— Не могу не заметить, что антропологи, социологи и все ученые подобных областей знания придают огромное значение превосходству научных разработок и открытий, сделанных отвлеченно от объективной реальности.

Пожилая дама встала.

— Не существует конечных истин, оторванных от людей, языков и культур, в которых эти истины зарождаются.

— Выходит, вы не верите в объективную реальность?

— И кто же является в ней объектом? Гэри заставил себя рассмеяться.

— Вы играете словами! По-вашему, выходит, что лингвистические нормы определяют, как мы видим?

— А разве это не очевидно? Мы живем в Галактике, в которой огромное количество различных самобытных культур, и в каждой из этих культур видят Галактику по-своему.

— Но подчиняются всеобщим законам. Во множестве исследований доказано, что мышление и восприятие предшествовали речи и существуют независимо от языка.

— И какие же это законы?

— Законы общественного движения. Теория социальной истории — если бы у нас такая была.

— Вы желаете невозможного. И если вы хотите стать премьер-министром и пользоваться уважением и поддержкой своих собратьев-ученых, то вы должны разделять общепринятые в нашей среде взгляды. Современную науку поддерживает в движении здоровый скептицизм по отношению к таким вот сомнительным гипотезам.

Гэри удержался от реплики: «Значит, вы будете

в свое время очень сильно удивлены», — а вместо этого коротко сказал:

— Посмотрим.

— Мы не видим вещи такими, как они есть, — заявила пожилая леди. — Мы видим их такими, какими мы хотим их видеть.

С чувством горечи и некоторого разочарования Гэри понял, что в республике интеллектуалов, как и во всей Империи, тоже не обошлось без внутреннего разложения и упадка.

Глава 6

Академик Потентейт выпроводила Гэри Селдона, напутствовав приличествующими случаю словами. У главного входа его поджидала Дорс, как всегда, готовая ко всяким неожиданностям. Итак, Гэри ясно дали понять, что избранные представители научного мира поддержат его кандидатуру при избрании премьер-министра, если только он хотя бы на словах признает, что разделяет их ортодоксальные взгляды.

Гэри и Дорс вместе с неизбежными гвардейцами-охранниками спустились вниз, в огромный зал для торжественных приемов. Необъятный округлый зал был битком набит представителями всевозможных отраслей науки, облаченными в парадные мантии, украшенные всеми регалиями, какие только могут быть. Толпа кипела и бурлила, тысячи лучших ученых собрались здесь для того, чтобы произнести речь, рассказать о своих достижениях, и, конечно же, для того, чтобы выгрызть себе как можно более высокое положение в иерархической лестнице.

— Думаешь, мы все это переживем? — прошептал Гэри.

— Ой, не знаю. Но не вздумай уходить, — ответила Дорс, пожимая ему руку.

Гэри вдруг понял, что она восприняла его вопрос буквально.

Чуть позже академик Потентейт перестала устраивать представление и смакования тонких вкусовых оттенков стимулятора и начала глотать стим так, словно он составлял основу ее пищевого рациона. Надменная старушка таскала Гэри и Дорс по всему залу, переходя от одной группы ученых к другой. Она вдруг вспомнила о своей роли гостеприимной хозяйки дома и стала уделять Селдону больше внимания, чем простой пешке в крупной шахматной партии. К несчастью, интерес этот касался в основном личной жизни Гэри и Дорс.

Дорс стойко выдержала инквизиторский допрос въедливой старухи и только улыбалась и качала головой. А когда Потентейт повернулась к Гэри и спросила:

— А вы делаете физические упражнения? Он не удержался и ответил:

— Я упражняю свое самообладание.

Сотрудница протокольного отдела нахмурилась, но в том шуме, который стоял в зале, язвительное замечание Гэри осталось незаме-

ченным. Он обнаружил, что ему до странности отвратительно общество коллег-профессоров. Даже между собой они разговаривали высокомерным, пренебрежительным тоном, бесцельно иронизируя по поводу и без повода, всем своим видом показывая, насколько сам говорящий выше и значительнее всего, о чем он говорит.

Гэри неприятно поразили эти язвительные шутки и ничем не обоснованное высокомерие. Он прекрасно знал, что по большинству вопросов, из-за которых велись такие яростные споры, не существует убедительных доказательств ни за, ни против. Выходит, даже среди ученых бесплодное мудрствование — обычное дело.

Фундаментальная физика и космология были прекрасно и полно разработаны еще во времена далекой древности. И теперь вся имперская наука занимается только тем, что выуживает замысловатые подробности и изыскивает разумные применения для уже известных научных разработок. Человечество попало в ловушку, расставленную космосом, — оно упорно распространяется по всей Галактике, почти не замедляя продвижения вперед, все дальше и дальше, и потому обречено увидеть, как гаснут звезды. Медленное, спокойное скольжение в бесконечное

будущее было предопределено соотношением энергии и массы, существующим во Вселенной, независимо от любой концепции. И люди ничего не могли с этим поделать. Разве что — понять суть этих явлений.

Итак, самые грандиозные интеллектуальные сферы уже давным-давно были освоены. И сейчас ученые были уже даже не первооткрывателями и исследователями этих сфер, а постоянными обитателями или даже туристами.

И Гэри понял, что не удивится, если окажется, что даже самые выдающиеся ученые, собранные со всей Галактики, будут носить отпечаток угасшего былого великолепия, подобно потускневшему золоту.

У научных аристократов было мало детей, и вокруг них явственно ощущалась аура бесплодности. Гэри задумался: а есть ли разумная середина между затхлостью и безысходностью, царящими здесь, — и безумием дикой поросли «возрождений», процветающих в мирах хаоса? Наверное, следует чуть лучше разобраться в основах человеческой природы.

Сотрудница протокольного отдела подвела Гэри и Дорс к спиральной гравитационной лестнице, висевшей в воздухе, и вежливо отправила

вниз, к неизбежной толпе представителей прессы, которые заполнили весь нижний зал. Гэри взглянул на колышущееся море голов, и его пробрала внутренняя дрожь. Он обхватил себя за плечи. Дорс сжала его руку.

— Скажи, тебе в самом деле обязательно с ними разговаривать?

Гэри вздохнул.

— Если я этого не сделаю, именно это они и сообщат в своих репортажах.

— Пусть Ламерк их развлекает!

— Нет! — Глаза Селдона сузились. — Раз уж меня втянули в это дело, я буду играть так, чтобы выиграть.

Дорс удивленно подняла брови.

— Значит, ты все же решился?

— Решил попытаться? Да.

— Но с чего вдруг?

— Из-за этой женщины, Потентейт. Она и ей подобные уверены, что мир — это всего лишь совокупность иллюзий.

— И как это связано с Ламерком?

— Я не могу пока толком объяснить. Все они затронуты разложением. Может быть, дело как раз в этом.

Дорс вгляделась в его лицо.

— Мне никогда тебя не понять.

— Ну, ладно. Наверное, я сказал какую-то глупость?

Они спустились к толпе репортеров и мгновенно оказались под прицелом множества снайперов с трехмерными видеокамерами.

Гэри прошептал на ухо Дорс:

— Любое интервью начинается обольщением и заканчивается предательством.

И началось.

— Академик Селдон, все знают, что вы — математик, кандидат в премьер-министры, геликонец. Вы…

— Я понял, что я — геликонец, только когда оказался на Тренторе.

— И ваша карьера как математика…

— Я понял, что думаю, как математик, только когда стал общаться с политиками.

— И как политика…

— Я по-прежнему геликонец.

Эта реплика почему-то вызвала у репортеров смех.

— Значит, вы приверженец традиций?

— Если традиции действенны.

— Мы не поддерживаем устаревшие идеи, — сказала напористая дамочка из Зоны Форнакс. —

Будущее Империи зависит от людей, а не от законов, вы согласны?

Дама принадлежала к обществу рационалистов, которые распоряжались в своей части Галактики чрезвычайно разумно и последовательно, избегая любых двусмысленных выражений и сложных построений. Гэри вполне мог их понять, но ему самому больше нравились причудливая изменчивость и гибкость классической Галактики.

Повезло: большинство присутствующих не согласились с такой постановкой вопроса и выразили свое возмущение дамой из Зоны Форнакс нестройными криками. Поднялся страшный шум, а Гэри подумал о бесконечном разнообразии человеческих культур, представленных в этом огромном аудиенц-зале и пока еще объединенных классическим правлением.

Надежная языковая база связала воедино всю раннюю Империю. И уже многие тысячелетия единый галактический язык спокойно почивал на заслуженных лаврах. Гэри решил, что ему придется добавить в свои уравнения еще одну переменную чтобы учесть возможность зарождения в отдельных лингвистических бассейнах нового сленга. В древнем галактическом языке

было множество цветистых выражений и оборотов речи, которые позволяли обойтись и без нарочитой прямоты рационалистов, и без потешных каламбуров, игры словами.

Гэри попытался объяснить это даме из Форнакса, но та возмутилась:

— Вы не должны поддерживать странности! Поддерживайте порядок! Старое отмирает. Как математик, вы будете слишком…

— А почему не сейчас? — В душе Гэри постепенно закипало раздражение. — Даже в замкнутых аксиоматичных системах далеко не все пропорции имеют решение. И я полагаю, что вы вряд ли можете предсказать, что я буду делать, если стану премьер-министром.

— Вы считаете, что ваш Верховный Совет будет действовать разумно? — высокомерно спросила форнаксианка.

— Настоящий триумф разума — когда даже те, кто ни на что не годен, нормально справляются со своими делами, — сказал Гэри.

Как ни странно, эта реплика была встречена аплодисментами.

— Ваша теория истории отрицает влияние божественных сил на дела человеческие! — заявил репортер с одного из низкогравитационных ми-

ров — Что вы на это скажете?

Гэри уже хотел было согласиться — ему, собственно, было безразлично, — но тут вперед вдруг выступила Дорс.

— Наверное, лучше я отвечу на этот вопрос, поскольку мне встречались научные разработки по этой теме, — с мягкой улыбкой сказала она. — Исследование было сделано более тысячи лет назад, и целью его было определить реальность действия молитв.

Гэри от удивления даже чуть приоткрыл рот, губы его сложились в скептическое "о". Долговязый репортер спросил:

— Но как можно научно…

— Этот исследователь предположил, что чаще всего молятся за тех, кто наиболее широко известен. А следовательно, это должны быть люди высокопоставленные, которых не касаются разные жизненные неприятности.

— Например, Императоры? — предположил долговязый репортер.

— Именно они. И младшие члены императорских семей. Исследователь проанализировал уровень смертности среди этого контингента.

Гэри никогда не слышал о таком исследовании, и его врожденная недоверчивость требовала

подробностей.

— С учетом их лучшего медицинского обслуживания и безопасности от обычных несчастных случаев?

Дорс снова улыбнулась.

— Конечно. И с учетом повышенного риска покушений на их жизнь.

Долговязый репортер никак не мог понять, к чему это она клонит, но любопытство победило, и он спросил:

— И что же?.. Дорс сказала:

— Исследователь обнаружил, что Императоры умирают обычно раньше, чем те люди, за которых молятся не так часто.

Долговязый репортер удивился и разозлился. А Гэри спросил у Дорс:

— А отклонения? Индекс достоверности?

— Вечно ты со своей подозрительностью! Оно было не настолько значительным, чтобы признать выводы недостоверными. Так вот, исследование доказало, что молитвы оказывают не благотворное, а наоборот, вредоносное влияние.

Толпа репортеров, кажется, сочла это историческое отступление пустой болтовней, означающей окончание интервью. Если они хотят чего-то еще — пускай себе хотят.

— Спасибо всем, — сказал Гэри, и они с Дорс удалились, окруженные со всех сторон гвардейцами-охранниками.

Теперь Селдону предстояло общение с толпой приглашенных. Клеон убедительно рекомендовал ему не пренебрегать этими людьми, научной аристократией, предположительно — главной силой, на которую Селдону придется опираться. Гэри сморщил нос, но все-таки решительно нырнул в толпу.

Через полчаса он понял, что все — дело вкуса.

Живя на сельскохозяйственной планете Геликон, Гэри рано научился придавать большое значение вежливости и хорошим манерам. Но среди его коллег-академиков было очень много беспокойных, раздражительных и грубых людей, и Гэри долгое время считал их просто плохо воспитанными, пока не понял, что они выросли в иных культурах, где ум и образованность ценятся гораздо выше, чем хорошие манеры. Они разговаривали громко и резко, в голосе явственно сквозила надменность и высокомерие, и суждения их нередко были слишком категоричными — даже если говорящий толком и не понимал, о чем говорит. Из-за их нетерпимости очень часто разгорались бурные скандалы со взаимными

оскорблениями, выносились суждения, в которых не было и тени здравого смысла. Поэтому Гэри напомнил себе, что в начале всякого спора здесь непременно следует говорить: «При всем моем уважении к вам…»

Кроме того, были еще кое-какие подробности, не относящиеся к речи.

При мимолетном общении огромное значение придается языку телодвижений — отдельному, весьма сложному виду искусства. Совершенно определенными, тщательно выверенными позами и жестами можно выразить доверие, неприязнь, подчиненное положение по отношению к собеседнику (четыре разных степени подчиненности), угрозу, уважение, застенчивость и еще дюжину различных чувств. Человеческое подсознание автоматически воспринимает и расшифровывает язык поз и жестов — и вырабатывает соответствующий невербальный ответ, от телодвижений до комплекса нервных реакций. Язык телодвижений подсознательно используется в танце, религиозных и придворных ритуалах, в боевых искусствах. И если знать значение и смысл системы невербальных символов, язык телодвижений можно активно использовать в общении. Как и с любым другим языком, при

этом очень полезно иметь под рукой словарь.

Известный на всю Галактику специалист по нелинейной философии широко улыбнулся Гэри Селдону и, выражая позой и жестами полнейшее доверие, сказал:

— В самом деле, профессор Селдон, вы же не надеетесь, что привнесение математики в историческую науку даст какой-нибудь стоящий результат? Люди могут быть такими, как им хочется. И никакие уравнения не сделают их иными.

— Я просто пытаюсь найти объяснение поведению людей, вот и все.

— Значит, не будет никаких грандиозных теорий истории? «Он старается ничего не отрицать слишком категорично», — подметил Гэри.

— Я буду знать, что выбрал правильный путь, если мне удастся хотя бы отчасти разобраться в сути человеческой натуры.

— Не думаю, что таковая вообще существует, — уверенно сказал философ, для убедительности разворачивая плечи и грудь.

— Человеческая натура существует — это несомненно, — отпарировал Селдон.

Жалостливая улыбка, ленивое пожатие плеч.

— Почему вы так в этом уверены?

— Наследственность во взаимодействии с окружающей средой стремится приблизить каждого из нас к некой золотой середине. Это объединяет людей из всех общественных групп, из миллионов разных миров в общность с довольно строгими статистическими параметрами, которые и определяют суть человеческой натуры.

— Не думаю, что наберется достаточное количество общих человеческих черт…

— Отношения между родителями и детьми. Разделение труда в зависимости от пола.

— Ну, эти признаки — общие для всех животных. Я…

— Запрет на инцест. Альтруизм по отношению к ближнему своему, который мы привыкли называть «гуманностью».

— Что ж, это вполне нормальные семейные…

— Посмотрим с другой стороны, с негативной. Подозрительность по отношению к чужакам. Семейственность — посмотрите только на восемьсот секторов одного Трентора! Непременная строгая иерархия даже в самых маленьких по численности группах, от императорского двора до спортивной команды.

— Но вы, конечно же, не можете строить на таких грубых, донельзя упрощенных, карикатур-

ных сравнениях…

— Могу и буду. Дальше — ведущая роль мужчины и, при недостатке жизненных ресурсов, разделение территориальных владений и территориальная агрессия.

— Но эти признаки столь незначительны…

— И все же они объединяют нас всех. Высокообразованный тренторианец и простой крестьянин с Аркадии смогут понять жизнь друг друга по той простой причине, что память о жизни всего человечества заложена в генах, которые у них практически одинаковы уже в течение многих десятков тысячелетий, на протяжении которых существует человечество.

Слушатели восприняли это словоизвержение Селдона не очень-то благожелательно. Многие нахмурились, помрачнели, недоверчиво поджали губы.

Гэри понял, что малость перегнул папку. Более того — он едва не изложил им саму суть психоистории.

И все же ему было очень трудно высказывать свои мысли завуалировано. По его понятиям, науки, изучающие человеческое общество и поведение человека, напрямую граничили с соответствующими отраслями математики и

биологии. История, биография и литература всего лишь описывают проявления человечества. Антропология и социология вместе превращаются в социобиологию — науку о поведении отдельного биологического вида. Однако Гэри пока не знал, как все это объединить и включить в уравнения. Он вдруг понял, что так разговорился потому, что ощущал внутреннюю неудовлетворенность, недовольство собой — из-за того, что ему очень не хватало полного понимания психоистории.

Однако это не может служить оправданием его глупости. И ему придется поговорить еще, чтобы загладить неблагоприятное впечатление, которое он произвел.

Гэри заметил, что слева к нему быстро приближается какой-то взволнованный человек. Рот перекошен, глаза навыкате, руки… Руки вытянуты вперед, а в них — трубка, гладкая и блестящая трубка, с большим отверстием на конце — черным зрачком который стал увеличиваться, едва Гэри в него заглянул, и, казалось, становился все больше и больше, словно Пожиратель-Всего-на-Свете, затаившимся в самом центре галактики, огромным, необъятным…

Дорс профессиональным броском перехватила нападавшего. Резко выбросив руку вперед

и вверх, она ударила его по горлу, второй удар пришелся в солнечное сплетение. Следующим движением она схватила этого человека и развернула на четверть оборота, ее левая нога описала полукруг и подсекла ноги противника, а правой рукой Дорс резко пригнула его голову книзу…

И они тяжело повалились на пол — Дорс сверху, придавив противника своим весом. Оружие отлетело в сторону, под ноги собравшимся, которые в панике шарахнулись и принялись разбегаться в стороны.

Потом вокруг Селдона спина к спине сомкнули ряды гвардейцы-охранники, и больше он ничего не увидел. Гэри позвал Дорс. Со всех сторон раздавались выкрики и испуганный визг.

В зале воцарился форменный бедлам. Когда Гэри, наконец, выбрался из кольца гвардейцев, он увидел Дорс, которая стояла, держа в руках злополучную трубку, и качала головой. Человека, из-за которого все началось, подняли на ноги.

— Трубка для записи, — недовольно сказала Дорс.

— Что? — Гэри едва слышал ее в таком шуме.

Левая рука человека, который прибежал с трубкой, висела как-то неестественно — наверняка была сломана.

— Я… Я соглашусь со всем, что вы скажете, с каждым вашим словом. Правда-правда! — бормотал он. Лицо его было белым, как мел.

Глава 7

Отец Гэри Селдона насмешливо называл большинство общественных дел «тучей пыли»: пыль висит в воздухе огромными клубами, закрыв полнеба, а внизу — едва заметное темное пятнышко, из-за которого, собственно, и поднимается пыль. Гэри скривил губы — как делал его отец. Ему тоже не нравилось, когда устраивают много шума из ничего.

Происшествие на Большом Собрании Имперских Университетов превратилось в такую вот грандиозную тучу пыли. По трехмерному головидео крупным планом в подробностях показывали всю скандальную сцену, по всем каналам новостей передавали: «Жена профессора избивает фанатика!»

Позвонил Клеон, поцокал языком и довольно грубо высказал свое мнение: на приемах такого уровня женам делать нечего.

— Боюсь, это происшествие может поставить под угрозу выбор твоей кандидатуры, — сказал Клеон. — Мне, видимо, придется вмешаться.

Гэри ничего не стал пересказывать жене. Намек Клеона был достаточно прозрачным. Это

было распространенным явлением в среде высших имперских чиновников — разводиться под предлогом несходства характеров, под которым подразумевалось несоответствие чиновничьим стандартам. В стремлении к власти, ко все большей и большей власти, все остальные эмоции часто отодвигались на задний план, даже любовь.

Гэри вернулся домой, вконец разозленный разговором с Императором, и обнаружил Дорс на кухне. Руки ее были обнажены — в самом прямом смысле.

Кожный покров свободно свисал с рук — будто она наполовину стянула плотно облегающие перчатки. Под кожей обнажились голубые вены, перемежающиеся с искусственной нервной сетью. Дорс что-то делала с ними специальными маленькими инструментами. Кожа была отогнута полукольцом от запястья до локтевого сгиба, влажная, красная изнутри, начиненная сложнейшей электроникой. Дорс усиливала связки кисти, тонкие, желтоватые, по их внешнему виду никак нельзя было сказать, что они выдержат нагрузку, в три раза превышающую предел обычных человеческих связок.

— Тот парень повредил тебе?

— Нет, я сама перестаралась.

— Растяжение?

Дорс невесело улыбнулась.

— У моих связок не бывает растяжений. Их нельзя вылечить. Я заменяю их новыми.

— Такая работа — дело сложное, не то что лопатой махать. Дорс посмотрела на него и улыбнулась, а Гэри решил больше не шутить на эту тему. Обычно он умудрялся не думать о том, что его любимая — робот, или, вернее, человекообразное создание, высоко усовершенствованное, синтез человека и робота.

Селдон познакомился с Дорс через Р. Дэниела Оливо, древнего позитронного робота, который выручил Селдона, когда тот впервые попал на Трентор и вынужден был спасаться бегством — его преследовали некие политические силы. Сначала ее приставили к Селдону как телохранителя. Гэри с самого начала знал, что она из себя представляет, по крайней мере приблизительно, но это не помешало ему влюбиться в нее. Интеллект, характер, очарование, сексуальная привлекательность — все эти качества свойственны не только человеку, как Гэри успел убедиться на Данном конкретном примере.

Дорс работала, а Гэри угощал ее выпивкой и

терпеливо ждал. Он был совершенно очарован, наблюдая, как она себя ремонтирует, хотя очень часто это происходило в ужасных, антисанитарных условиях. Оказалось, что у человекоподобных роботов есть свои антимикробные средства, которые не неэффективны для обыкновенных людей, — так она ему сказала. Гэри понятия не имел, как такое может быть. Но Дорс не поощряла расспросов, отвлекая Гэри поцелуями. Уловка действовала безотказно.

Дорс вернула кожный лоскут на место, морщась от боли. Гэри знал, что она может полностью отключить любую часть нервной системы, ответственной за поверхностную чувствительность, но всегда оставляет часть нервных волокон в рабочем состоянии для того, чтобы следить за состоянием органов. Куски кожи с негромким шуршанием соединились сами собой.

— Вот, смотри, — сказала Дорс и покрутила кистями рук. Раздались два коротких щелчка. — Все встало на свои места.

— Знаешь, большинство людей сочли бы это зрелище несколько неприятным.

— Вот потому-то я и не делаю этого по дороге на работу.

— Общество должно быть тебе признательно

за такую осмотрительность.

Оба они прекрасно знали, что при малейшем подозрении об истинной природе Дорс ее немедленно выследят и уничтожат. Роботы с высокими интеллектуальными способностями уже многие тысячи лет были вне закона. Общество мирилось с тиктаками только по причине их явного интеллектуального убожества, и за тем, чтобы тиктаки случайно не стали слишком умными, всегда следили очень внимательно. Нарушение закона о максимально допустимом для тиктаков уровне умственных способностей считалось тягчайшим преступлением, государственной изменой — ни больше, ни меньше. Этот закон был подкреплен глубинными, тысячелетней древности эмоциональными реакциями человека: беспорядки в секторе Юнин — наглядное тому подтверждение.

Точно такие же ограничения распространялись и на компьютерные симуляторы личностей. Вот почему симуляторы Вольтера и Жанны, воссозданные ретивыми энтузиастами Нового Возрождения на Сарке, были тщательно обработаны, чтобы их можно было протащить незамеченными через скрытые лазейки компьютерного контроля. Очевидно, тот парень из

«Технокомпании», Марк, нарастил мощность Вольтера буквально в последнюю минуту. А поскольку сим был благополучно уничтожен сразу же после дебатов, то выявить и доказать нарушение закона теперь невозможно.

Гэри очень не нравилось иметь хоть малейшее отношение к нарушениям закона, но сейчас он понял, что сам себя обманывает. На самом-то деле вся его жизнь прошла рядом с Дорс, тайной преступницей.

— Я собираюсь отказаться от этой возни с должностью премьер-министра, — решительно сказал Гэри.

Дорс посмотрела ему в глаза.

— Из-за меня?

Быстро же она соображает!

— Да.

— Но мы ведь договорились, что повышенный риск стоит той власти, которую ты обретешь…

— Ради защиты психоистории. Но я совсем не подумал о том, что ты из-за этого подвергнешься такому риску. А теперь…

— Я стала тебе помехой.

— Когда я спущусь вниз, на меня со всех сторон накинутся люди с телекамерами. А на самом деле они подкарауливают тебя.

— Значит, я останусь здесь.

— И как долго ты сможешь здесь высидеть?

— Гвардейцы могут провести меня через новый запасной выход. Они могут его перекрыть и настроить антигравитационный подъемник.

— Дорогая, ты не сможешь скрываться от репортеров вечно. Дорс встала и нежно обняла мужа.

— Если даже они меня отыщут, я всегда сумею от них сбежать.

— Если повезет. И если ты даже сумеешь скрыться, знай: я не смогу жить без тебя. И я не хочу…

— Меня можно видоизменить…

— Изменить тело?

— Да, тело можно сделать другим. Поменять кожу, глазные яблоки, некоторые нервные центры.

— Стереть свой серийный номер и взять другой? Она крепко сжала его руки.

— Да.

— Чего же не могут сделать… такие, как ты?

— Мы не можем создать психоисторию.

Гэри резко отвернулся от нее и с силой ударил ладонью о стену, давая выход накопившейся тревоге.

— Проклятье! Для меня ничего нет на свете важнее, чем наши отношения.

— Для меня тоже. Но мне кажется, что сейчас для тебя еще важнее, чем раньше, остаться кандидатом в премьер-министры.

— Почему? — Гэри зашагал по комнате из стороны в сторону.

— Ты — игрок, на которого сделаны очень крупные ставки. И те, кто готовил покушение на твою жизнь…

— Клеон думает, что это был Ламерк.

— …могут подумать, что этого недостаточно — если ты просто снимешь свою кандидатуру. При желании Император в любой момент может вернуть тебя в игру.

— Мне ужасно не нравится, когда из меня делают какую-то пешку!

— А может быть, ферзя? Мне кажется, что такое определение подходит больше. Не забывай, что подозреваемых несколько — очень многие фракции были бы не прочь убрать тебя с дороги.

— Например?

— Например, академик Потентейт.

— Но она же — ученый, как и я!

— Была, мой дорогой. А теперь она сделалась игроком за шахматной доской.

— Надеюсь, в роли ферзя ты ее не видишь? Дорс легонько поцеловала его в щеку.

— Наверное, я должна была тебе сказать, что мои аналитические программы создали вероятностный стереотип поведения Ламерка, основанный на всей его прошлой жизни. Если тебе интересно — он устранил не меньше полудюжины соперников, пока пробивался наверх. И в этом вопросе у Ламерка уже выработался, так сказать, свой почерк.

— Ну вот и прекрасно.

Дорс глянула на него как-то странно и сказала:

— Все его соперники были убиты ножом. Классический сценарий исторической интриги.

— Я и не подозревал, что Ламерк так интересуется нашим имперским наследием.

— Он предпочитает классику. С его точки зрения, ты пешка, которую лучше бы поскорее убрать с доски.

— И желательно пролить при этом поменьше крови?

— Я обучена — и создана — так, чтобы оценивать положение и действовать хладнокровно.

— Интересно, как у тебя совмещается эта способность с реальной перспективой убить человека, когда ты будешь меня защищать. Собственно, может, и не стоит тебе на это указывать, но у тебя и наклонности соответствующие — тебе

это, похоже, нравится.

— Все объясняет Нулевой Закон.

— М-м-м… «Судьба человечества в целом более значима, чем судьба отдельного человека», так?

— Но мне все равно больно из-за противоречий Первому Закону…

— Значит, исправленный Первый Закон сейчас выглядит примерно так: «Робот не может причинить человеку вреда или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред, если только это не противоречит Нулевому Закону роботехники»?

— Да, именно так.

— А ты, оказывается, тоже играешь в игру, только не в ту, что я. И правила у твоей игры очень строгие.

— Это очень крупная игра.

— И психоистория, наверное, — вероятный новый план в перспективах этой игры?

— В каком-то смысле — да. — Голос Дорс наполнился нежностью, она обняла Гэри. — Но ты не должен так перенапрягаться. Мы же счастливы вдвоем, счастливы, как в раю.

— Но эти чертовы игры — от них никуда не деться.

— Так и должно быть.

Гэри страстно поцеловал ее, но что-то внутри него кипело и крутилось во все стороны, как оружие, которое стреляет наобум в окружающую кромешную тьму.

Глава 8

На следующее утро к нему в кабинет явился Юго — с раскрасневшимся лицом, круглыми глазами — и немедленно потребовал:

— Что ты можешь сделать?

— Э-э-э… По поводу чего?

— Ты что, не слышал новостей?! Гвардейцы штурмом взяли Бастион!

— Э-э-э… Вот как? — Гэри с трудом припомнил, что фракция далити устроила небольшое восстание и засела в каких-то укреплениях. Из-за этого восстания практически замерла торговля точно, Юго сам ему об этом рассказывал, и не один раз. — Я так понимаю, это локальный тренторианский конфликт, разве нет?

— Это для нас с тобой — «локальный конфликт»! — Юго размахивал руками, подкрепляя слова оживленной жестикуляцией. — А потом пришли гвардейцы. Безо всякого предупреждения! Убито около четырехсот человек. Их просто взорвали, без предупреждения, бластеры были включены на полную мощность!

— Удивительно, — сказал Гэри, надеясь, что в его голосе звучит хоть немного сочувствия.

На самом деле его нисколько не волновала ни одна из сторон — в этом конфликте или в каком другом. Он даже не интересовался, из-за чего, собственно, разгорались эти конфликты. Гэри не обращал внимания на бесконечную, неизменную изо дня в день мирскую суету, которая только утомляла рассудок, не принося никакого полезного опыта. Вся суть психоистории Селдона, соответствовавшей особенностям его личности, сводилась к тому, чтобы изучать климат, не обращая внимания на ежедневные изменения погоды.

— Можешь ты хоть что-нибудь сделать?! — кипятился Юго. — Что, например?

— Высказать протест Императору!

— Он не станет меня слушать. Это вопрос внутренней политики Трентора, и…

— Но ведь это оскорбление — и для тебя тоже.

— Возможно. — Чтобы не показывать, насколько на самом деле ему все это безразлично, Гэри добавил:

— По-моему, мне лучше всего было бы держаться подальше от…

— Но это сделал Ламерк!

Гэри удивленно уставился на него.

— Что?! У Ламерка нет никакой власти на Трен-

торе. Он — член Имперского Правительства.

— Ну, слушай, Гэри, сейчас никто уже не обращает внимания на это стародавнее разделение сфер власти. Оно давным-давно благополучно кануло в прошлое.

Гэри чуть не воскликнул: «Правда?!» — но, немного подумав, пришел к выводу, что Юго совершенно прав. Сам он просто не придавал должного значения долгому, медленному смещению сфер интересов имперских структур. Эти процессы были учтены в правой части его уравнений, но он никогда не думал об упадке в базовых местных структурах.

— Значит, ты считаешь, что Ламерк таким образом намеревается обрести влияние на Верховный Совет?

— Уверен на все сто! — Юго кипел от злости. — Эти типы страшно не любят, когда поблизости вертится какой-нибудь непокорный народишко. Они хотят, чтобы Трентор был благообразным и упорядоченным, даже если для этого им придется пройти по головам.

Гэри рискнул переспросить:

— Что, снова из-за вопроса о представительстве?

— Ты угадал, черт возьми! Мы, далити, живем

по всему сектору Маскл Шоалз. И что же, получили мы там свое представительство? Как бы не так! Ни черта мы не получили! Приходится умолять и клянчить, словно милостыню…

— Я… Я постараюсь сделать все, что смогу, — пообещал Гэри, пытаясь успокоить Юго.

— А Император — он должен во всем разобраться и решить наш вопрос!

Гэри по собственному опыту знал, что Император ничем подобным не занимается. Императора нисколько не волновало, что творится на Тренторе, — до тех пор, пока под окнами его Дворца не начинали взлетать на воздух целые районы. Сам Клеон как-то сказал: «Я — Император Галактики, а не какого-нибудь городка».

Юго ушел, и почти сразу же засветился экран внутренней связи.

— К вам капитан имперских гвардейцев, сэр, — сообщила секретарша.

— Я же велел им оставаться снаружи!

— Капитан просил его принять, у него для вас сообщение. Гэри вздохнул. А ведь он собирался сегодня немного поразмышлять.

Капитан гвардейцев вошел чуть ли не строевым шагом и отказался сесть в предложенное ему кресло.

— Господин академик, я здесь для того, чтобы исполнить рекомендацию руководства спецслужбы.

— Письменного сообщения было бы вполне достаточно. Собственно, вы так и сделайте — пришлите мне отчет. Мне нужно работать, чтобы…

— Сэр, прошу прощения, но я должен обсудить это с вами лично.

Гэри устроился в кресле поудобнее и кивнул, соглашаясь. Капитан остался стоять, и ему было явно неловко, но он все же сказал:

— В руководстве считают, сэр, что жена академика не подходит ему для исполнения государственных обязанностей.

— Ну, значит, им придется пересмотреть свое мнение.

— Это также означает, сэр, что впредь ваша жена вообще не будет допущена во Дворец.

— Что?! По-моему, это уже слишком!

— Мне очень жаль, что приходится сообщать такую неприятную новость. Я был там, и я свидетельствовал, что у леди было достаточно оснований встревожиться.

— И сломать тому парню руку. Капитан едва заметно улыбнулся.

— Должен признать, сэр, ваша жена действова-

ла быстрее всех, кого я когда-либо видел.

«И тебе ужасно интересно, почему, разве нет?» — подумал Селдон.

— А кто был этот парень? Капитан нахмурил брови.

— Он оказался академиком Спирали, по рангу он выше вас, сэр. Правда, поговаривают, что сейчас он больше занимается политикой, чем наукой.

Гэри подождал, но гвардеец ничего больше не сказал, хотя всем своим видом показывал, что ему хочется что-то добавить.

— И к какой же фракции он принадлежит?

— Вероятнее всего, к фракции Ламерка, сэр.

— Это доказано?

— Никаких доказательств, сэр.

Гэри вздохнул. Политика — не просто неточная наука, в ней к тому же слишком часто не хватает достоверных данных.

— Ну, что ж. Считайте, что сообщение вы передали. Капитан гвардейцев вздохнул с явным облегчением и быстро ушел. Но прежде чем Гэри успел включить рабочий компьютер, в кабинете оказалась целая делегация сотрудников его собственного факультета. Они вошли в кабинет молча, только защитный экран у двери потрески-

вал, сканируя каждого входящего. Гэри заметил, что улыбается, наблюдая эту процедуру. Если есть в мире профессия, создающая специалистов менее всего пригодных, чтобы стать наемными убийцами, то это — математика.

— Мы пришли сюда для того, чтобы изложить наше общее мнение, — официальным тоном сказал профессор Аангон.

— Так сделайте это, — сказал Гэри.

Как правило, Гэри Селдон старался уделять внимание общественной работе; однако он нередко пренебрегал университетскими делами, выкраивая время для своих драгоценных уравнений за счет бюрократической рутины. Профессор Аангон сказал:

— Во-первых, слухи о «теории истории» вредят нашему Отделению. Мы…

— Такой теории не существует. Я занимаюсь только описательным анализом.

Лобовое отрицание несколько смутило Аангона, но он был упрям и продолжил свою речь:

— И второе: мы не одобряем запланированного вами назначения вашего помощника Юго Амариля начальником Отделения. Это назначение — публичное оскорбление для старших научных сотрудников, намного старше, чем этот молодой

математик, которого вы хотите возвысить над ними. А ведь он — мы не можем не отметить — не имеет вовсе никакого веса в обществе.

— И что же? — зловеще сказал Селдон.

— Мы считаем, что политика не должна влиять на академические дела. Восстание далити, которых Амариль открыто поддерживает и которых невозможно было утихомирить иначе как через вмешательство Империи, а именно — вооруженным путем… поэтому Юго Амариль — нежелательная персона для…

— Довольно. Что у вас на третье?

— Вопрос о нападении на представителя нашего цеха.

— На представителя… А, это тот парень, которому моя жена?..

— Совершенно верно. Нанесение оскорбления действием, в жестокой форме, членом вашей семьи. Следовательно, ваше дальнейшее пребывание здесь нежелательно.

Если кто-то подстроил тот неприятный инцидент, он так или иначе сумеет извлечь из него выгоду.

— Я отказываюсь выполнять ваши требования.

Глаза Аангона сверкнули сталью. Прочие сотрудники факультета смущенно толпились

вокруг него, жались к стенам, а кое-кто пытался спрятаться за спину вожака. Совершенно ясно было, кого эти люди наметили в будущие председатели факультета.

— А мне кажется, что единогласное решение всего факультета о вашем несоответствии должности, принятое на официальном собрании…

— Не пытайтесь меня запугать.

— Я всего лишь хочу заметить, что пока ваше внимание отвлекается на посторонние проблемы…

— Как, например, должность премьер-министра.

— …вряд ли следует ожидать, что вы будете достойно исполнять свои основные обязанности…

— Оставьте. Для того чтобы поставить любой вопрос на голосование на официальном всеобщем собрании, нужно, чтобы председатель факультета созвал такое собрание.

Среди профессоров поднялся невнятный шорох, но вслух никто ничего не сказал.

— А я этого делать не собираюсь.

— Вам не удастся продержаться, не занимаясь делами, которые соответствуют нашим требованиям, — злобно сказал Аангон.

— Я знаю. Посмотрим, как долго я продержусь.

— Вас действительно надо переизбрать. Мы…
— Вон.
— Что? Вы не можете…
— Вон отсюда! Все вышли.

Глава 9

Всегда тяжело выслушивать критику, особенно когда может оказаться, что критикуют тебя действительно за дело.

Если оставить в стороне обычные интриги в борьбе за более высокое положение в обществе, Гэри прекрасно понимал, что его собратьям-ученым — начиная от академика Потентейт и заканчивая сотрудниками его собственного Отделения — действительно есть из-за чего недолюбливать главный труд его жизни.

Они уже почувствовали легкое дуновение психоистории, которое просочилось в виде не слишком внятных слухов. И немедленно взъерошили перья и приготовились лезть в драку, стали чрезмерно подозрительными и обидчивыми. Собратья-ученые не могли смириться с мыслью, что человечество не в состоянии определять свое собственное будущее, с тем, что историей движут силы, не подвластные обычному смертному человеку. А вдруг они успели разнюхать, интуитивно ощутить ту истину, которую Гэри Селдон открыл в результате долгих десятилетий кропотливой работы: Империя стоит так прочно

исключительно благодаря удачной структуре, а не из-за героических деяний отдельных людей или даже миров.

Люди во всей Галактике искренне верят в самоопределение человечества. Исходят они из посылки, будто они действуют по собственной воле и сами принимают решения, основываясь на собственных рассуждениях, исходя из своего личного характера. При этом чувство, будто тобой кто-то управляет, очень сильно в человеке и находит отражение в религиозных убеждениях. Конечно, каждому хочется верить, что он сам направляет свою судьбу. Но у этой веры нет ничего общего с логикой и реальностью.

Но кто он такой, чтобы сказать, что все остальные заблуждаются?

— Гэри?

Это был Юго, и выглядел он немного смущенным.

— Заходи, дружище.

— Всего минуту назад мы получили забавное предложение. Какой-то исследовательский институт, о котором я раньше ни разу не слышал, предложил нам очень приличную сумму денег.

— За что, интересно?

Деньги — такая штука, которая никогда не

помешает.

— В обмен на базовые файлы тех симов с Саркa.

— Вольтера и Жанны? Мы на это не пойдем. Откажи им. Кстати, кому понадобились эти симы?

— Черт их знает. Но они у нас есть — запакованы, как надо. Это, собственно, оригиналы.

— Выясни, кто ими интересуется.

— Я уже пытался. Не смог отследить канал связи.

— Даже так? Странно, очень странно.

— Я, собственно, потому и решил сразу тебе рассказать. Это дельце как-то подозрительно пахнет.

— Держи наготове отслеживающую программу, на случай если они позвонят еще.

— Слушаюсь, сэр! А насчет Бастиона далити…

— Об этом немного позже.

— Нет, я хотел сказать, ты видел, как эти имперские громилы задушили беспорядки в Юнине?..

Гэри не стал перебивать Юго. Он давным-давно выучился хитрой уловке — делать вид, будто внимательно слушаешь собеседника, а тем временем думать о том, что для тебя действительно важно.

Поговорить с Императором о проблеме далити, конечно, нужно. И не только для того, чтобы до-

стойно ответить на действия Ламерка — довольно наглые действия, если учесть, что, согласно традициям, Советники Империи не вмешивались во внутренние дела Трентора. Быстрое, кровавое разрешение трудного вопроса. Грубо и чисто.

Итак, что мы имеем в отношении далити: они подверглись репрессиям, они непопулярны, они горят желанием нанести ответный удар.

То, что далити в большинстве своем асоциальны (за редким исключением отдельных одаренных людей, вроде Юго Амариля, которые тяжким трудом сумели пробиться наверх), — для обычного научного предвидения не имело никакого значения.

Вообще-то, Гэри начал сомневаться в том, что чопорный и излишне строгий научно-бюрократический аппарат заслуживает такого уж сильного уважения. Повсюду, куда ни глянь, он видел откровенную коррупцию в среде научных работников, начиная от круговой поруки и кумовства и заканчивая подхалимством перед имперскими чиновниками, готовыми поспособствовать карьере.

Только вчера к Гэри подходил декан факультета регулирования и осторожно, «по-дружески» посоветовал Селдону воспользоваться своим

влиянием и оказать содействие в том, чтобы очередной бонус присудили профессору, у которого научных трудов — кот наплакал, зато кто-то из его родственников заседает в Верховном Совете. Декан сказан буквально следующее:

— Разве вы не понимаете, что это пойдет только на пользу всему Университету — если вы окажете небольшую поддержку влиятельному человеку?

Гэри не стал помогать ученому, за которого просил декан, но тем не менее позвонил ему и объяснил, почему именно он решил отказать.

Декан был до крайности удивлен честностью Селдона. Лишь гораздо позже Гэри понял, что и декан был по-своему прав — исходя из своей собственной логической системы. Если научные бонусы — всего лишь простая награда, щедрый дар, то почему не раздавать их с учетом политической выгоды? Это был совершенно не свойственный Гэри Селдону образ мыслей, но не лишенный внутренней логики — этого Гэри не мог не признать.

Он вздохнул. А когда Юго прервал свою страстную речь, чтобы перевести дух, улыбнулся. Нет, это не слишком подходящая реакция… вот, мрачно нахмуренные брови подойдут. Юго снова заговорил, быстро, размахивая руками, словно

крыльями; эпитеты и степени сравнения в его речи взлетели до поднебесья.

Гэри пришел к заключению, что если рассматривать политику как она есть — бешеную драку злобных слепых насекомых в кромешной темноте, — то его собственная, самодовольная и ограниченная позиция начинает казаться шатковатой. Верно ли, что наука, в которую он так твердо верил еще с тех давних дней на Геликоне, на самом деле так же важна для людей типа далити, как и для него самого?

Итак, цепочка размышлений снова привела его к уравнениям: что на самом деле двигает Империей — разум и моральные принципы или власть и богатство? Теократии возникали и гибли. Диктат науки — явление, встречавшееся крайне редко, — был слишком негибким, чтобы установиться надолго.

— …и я сказал: конечно, Гэри сможет это сделать! — закончил Юго.

— Э-э-э… Что?

— Естественно, вернуть план Альфонсо по представительству далити.

— Мне нужно над этим как следует поразмыслить, — сказал Гэри, чтобы скрыть свое невежество. — Тем не менее давай пока разберем

доклады по вопросу о долгожительстве, которым ты занимался.

— Я дал его просмотреть трем нашим новым ассистентам-исследователям, — спокойно сказал Юго. Его бурная далитанская энергия, похоже, наконец вошла в берега. — Они ни черта не смогли в нем разобрать.

— У плохих охотников в лесу всегда отсутствует дичь. И еще — плохому танцору всегда мешают сапоги.

Юго удивленно уставился на Гэри, и тот подумал, что, наверное, становится слишком угрюмым и раздражительным. То ли еще будет…

— Так вот, я проработал фактор долгожительства в уравнениях — просто чтобы посмотреть, что получится. И вот… — он вынул из кармана овальный футляр с данными и вставил в проектор на столе Гэри. — Посмотри, что получилось.

Одним из прочно закрепившихся достижений доисторического периода был стандартный галактический год, единица измерения времени, которой пользовались по всей Империи в официальных делах. Гэри хотелось узнать: соответствовал ли этот год периоду обращения легендарной Земли вокруг ее звезды? Тогда, если брать за отправную точку этот двенадцатиме-

сячный год, в котором каждый месяц состоит из двадцати восьми дней, возможными претендентами на место Земли оказываются один миллион двести двадцать четыре тысячи шестьсот семьдесят пять из двадцати пяти миллионов планет Империи. Однако скорость вращения, прецессия и резонанс спутников изменяют период обращения планет вокруг их звезд. И ни один из миллиона двухсот двадцати четырех тысяч шестисот семидесяти пяти миров в точности не соответствует календарю, принятому в Галактическую Эру. Около семнадцати тысяч планет имели достаточно близкий к искомому период обращения. Точнее, недостаточно близкий, чтобы претендовать на успех.

Юго комментировал полученные им результаты. Средняя продолжительность человеческой жизни была одним из самых любопытных элементов в истории Империи. Сейчас средняя продолжительность жизни составляла примерно сто стандартных лет. Однако некоторые исследователи были уверены, что эта цифра чуть ли не в два раза превышает естественный для человека так называемый «изначальный век» (название встречается в одном из старых текстов). Если это так, то сейчас люди живут почти в два раза доль-

ше, чем в доимперские времена. Бесконечное продление человеческой жизни невозможно: в конце концов биология берет свое. Новые болезни бьют по уязвимым местам, которые всегда находятся в человеческом теле.

— Это Дорс дала мне базовые сведения для разработки очень энергичная женщина! — сказал Юго. — Посмотри вот на подборку данных, — он развернул трехмерные проекции причудливых графиков со скользящими плоскостями корреляций.

Противоречия между биологической наукой и человеческой культурой во все времена были очень напряженными, иногда даже пагубными. Обычно это приводило к бессистемному управлению генами, когда родители по своему желанию выбирали желательные качества детей.

Некоторые делали ставку ни увеличение продолжительности жизни, которая повышалась до ста двадцати пяти, а иногда даже до ста пятидесяти стандартных лет. Но с возрастанием численности таких долгожителей структура социального устройства на планете разрушалась. Почему?

— Так вот, я просмотрел уравнения, особо выделяя все внешние влияния, — продолжал

Юго. Куда только и делся непоседливый, эмоциональный далити? Перед Гэри во всей красе раскрывался незаурядный ум, из-за которого он некогда и вытащил Юго из трущоб, освободил от грязной, изнурительной работы.

Пропустив показатель средней продолжительности жизни сквозь сеть призрачных, запутанных лабиринтов уравнений Селдона, Юго получил весьма любопытную картину. Оказалось, что в развитии экономики и политики существует скрытая цикличность, которая определяется довольно отчетливо. Продолжительность циклов составляет соответственно сто двадцать пять и сто пятьдесят стандартных лет.

Когда продолжительность человеческой жизни достигает этих пределов, начинаются разрушительные изменения по принципу обратной связи. В экономике начинается череда кризисов — резкие подъемы быстро сменяются внезапными спадами. Культура тоже бросается в крайности — от экстравагантности до пуританской строгости. И в течение нескольких сотен лет наступает всеобщий хаос, из-за которого биогенетическая наука утрачивает большую часть своих достижений и возможностей — или же ее просто запрещают по религиозным соображениям. И

средняя продолжительность жизни неизбежно снижается до прежнего, исходного уровня.

— Как странно, — сказал Гэри, разглядывая причудливый узор из множества цикличных графиков, крутые арки которых неизменно обрывались, превращались в нисходящие ступенчатые кривые. — А я всегда гадал: почему мы не можем жить дольше?

— Этому препятствует мощное социальное давление. И теперь мы знаем, откуда оно берется.

— И все же… Я был бы совсем не против, если бы впереди меня ждали столетия насыщенной, плодотворной жизни.

Юго усмехнулся.

— А ты вспомни художественные произведения — пьесы, легенды, голофильмы. Старики всегда такие отвратительные, жадные скопидомы, они думают только о том, как бы побольше заграбастать и утащить с собой в могилу.

— М-м-м… Наверное, обычно так и бывает.

— А вспомни мифы! О тех, кто воскрес из мертвых. Всякие там вампиры, мумии… Они всегда злые и вредоносные.

— И что, никаких исключений? Юго вздохнул.

— Дорс раскопала для меня нечто по-настоящему древнее. Знаешь, была такая легенда о

древнем мученике, а звали его Ису. Слыхал когда-нибудь про такого?

— Какой-то старинный миф с оживлением умершего?

— Дорс считает, что этого Ису на самом деле скорее всего не было. О нем говорится в разрозненных, неполных, очень древних текстах. Наверное, весь этот миф — коллективная психофантазия. Ты угадал — его и вправду однажды оживили после смерти, но все равно он долго не протянул.

— Кажется, он вознесся на небо?

— В любом случае, он в спешке покинул поселение. Людям не по душе, когда рядом бродит парень, который надул Старуху с косой. — Юго указал на кривые, отражающие неминуемые бедствия. — По крайней мере, мы теперь понимаем, почему в большинстве культур распространено мнение о том, что человеку не следует жить слишком долго.

Гэри изучил график.

— Кстати, а кто распространяет это мнение?

— А? Люди — так или иначе.

— Но ведь ни один отдельно взятый человек не может знать вот об этом, — он постучал пальцем по схождению кривых.

— Знание сохраняется и передается в моральных запретах, легендах, законах.

— М-м-м…

Здесь крылось что-то очень важное. Гэри интуитивно чувствовал это, но когда попытался осмыслить — догадка ускользнула. Придется подождать, когда она вернется, — пусть даже в эти тревожные дни у Гэри просто не было времени прислушаться к тихому, осторожному голосу, который проскальзывал в его сознание и нашептывал что-то, похожий на призрачную фигуру посреди затянутой туманом улицы…

Гэри встряхнулся.

— Ты неплохо поработал. Впечатляет. Опубликуй это.

— Но ведь мы сохраняем психоисторию в тайне.

— Небольшое частное исследование. Люди будут думать, что все слухи, которые ходят о психоистории, просто перевирают вот это.

— Но ведь психоистория не сработает, если люди будут в ней разбираться, разве нет?

— Не волнуйся. Все примутся обсуждать твое исследование о средней продолжительности жизни и перестанут докапываться до главного.

— Значит, публикация нужна для прикрытия,

чтобы защититься от имперских пролаз, которые любят совать нос в чужие дела?

— Совершенно верно. Юго усмехнулся.

— До чего потешно, эти проныры шпионят даже за «украшением Империи» — так Клеон обозвал тебя перед Императорским приемом на прошлой неделе.

— Правда? Я как-то это пропустил.

— Ты был слишком занят распределением бонусов. Тебе надо поскорее разделаться с этой бодягой.

— Для психоистории нужны дополнительные ресурсы.

— А почему бы тебе просто не вытянуть немножко денег у Императора?

— Если Ламерк пронюхает, постарается использовать против меня. Пойдут разговоры о том, что в Верховный Совет пропихивают любимчиков и все такое прочее. Дальше можешь придумывать сам.

— Ну… Да, наверное, так и было бы. Хотя могло и обойтись.

— Покамест наше дело маленькое — сидеть и не высовываться. Избегать любых скандалов. И пусть Клеон спокойно пляшет свой дипломатический танец.

— А еще Клеон сказал, что ты — «цветок разума». Я записал, специально для тебя.

— Забудь об этом. Цветы, которые вырастают слишком высоко, теряют голову и попадают в вазу.

Глава 10

Дорс удалось добраться до парадного вестибюля Дворца, но здесь имперские стражники ее завернули.

— Черт побери, но ведь она — моя жена! — разозлился Гэри.

— Прошу прощения, таков Высочайший Приказ, и он не подлежит обсуждению, — сказал равнодушный служащий. Сказал так, что Гэри услышал заглавные буквы в словах. Фаланга гвардейцев, окружавших Гэри, нисколько не устрашила чиновника. Гэри подумалось: а может ли вообще хоть кто-нибудь его устрашить?

Он предложил Дорс:

— Послушай, до приема осталось еще несколько минут. Давай прогуляемся.

Дорс недоверчиво спросила:

— Ты… не пойдешь на прием?

— Я думал, ты понимаешь… Не идти я не могу. Меня пригласил Клеон…

— По наущению Ламерка.

— …и наверняка разговор пойдет о проблеме далити.

— А тот человек, которому я сломала руку на

прошлом приеме, — его ведь тоже мог подговорить…

— Правильно, Ламерк. — Гэри улыбнулся. — Все пути ведут к Ламерку.

— Не забывай и об академике Потентейт.

— Но она на моей стороне!

— Гэри, она сама метит в премьер-министры! Сейчас все только об этом и шепчутся.

— И у нее очень даже может получиться, — проворчал Гэри.

— Я не пущу тебя туда одного.

— Послушай, Дорс, это же Дворец, — Гэри повел рукой, показывая на шеренгу затянутых в роскошные синие с золотом мундиры гвардейцев. — Здесь повсюду охрана.

— Мне это не нравится.

— Мы ведь договорились, что я попробую устроить скандал и провести тебя внутрь, — и это не сработало. Так или иначе, тебе все равно не пройти сквозь дворцовые детекторные экраны.

Дорс прикусила нижнюю губу и ничего не сказала. Возразить было нечего: ни одно нечеловеческое существо не способно обмануть детекторные экраны Дворца.

Гэри спокойно сказал:

— Итак, я пойду туда, поспорю, а потом мы с

тобой встретимся здесь…

— Ты не забыл карты и справочник, который я подготовила?

— Не беспокойся, чип на месте. Я могу прочитать все в любой миг.

У Гэри был вживлен в шею блок для чтения информационных чипов — неоценимое подспорье на математических конференциях. Это было широко распространенное приспособление, очень простое и удобное. Лазерный микропроектор передавал изображение непосредственно на сетчатку — трехмерное, в цвете, с прекрасным воспроизведением любой графики. Дорс вложила в чип множество карт-схем и разнообразных сведений об Империи, о Дворце, о том, чем последнее время занимается Верховный Совет, о самых заметных из последних событий, обо всем, чего может коснуться разговор на этом приеме.

Строгое выражение постепенно исчезло с лица Дорс, она стала мягкой и женственной.

— Я только… прошу тебя… будь осторожен. Гэри поцеловал ее в нос.

— Непременно!

Они прохаживались по вестибюлю, стараясь не замечать толпу всевозможных просителей и прихлебателей, которые в ожидании лакомились

изысканными угощениями, в изобилии разложенными на плавающих в воздухе огромных блюдах.

— Империя скоро обанкротится, и не без помощи вот этих граждан, — фыркнул Гэри.

— Это старинный обычай, — сказала Дорс. — Бомунн Щедрый терпеть не мог, когда пищу доставляли с задержкой — а обжорство было его основным занятием. И он приказал, чтобы в каждом его владении всегда готовили еду четыре раза в день — чтобы он всегда мог поесть без задержки, даже если нагрянет неожиданно. А невостребованные излишки ликвидировались вот таким образом.

Гэри ни за что бы не поверил в такую не правдоподобную историю, если бы услышал ее не от профессионального историка. А ведь огромное количество людей только этим и жили — они исполняли при дворе незначительные поручения только для того, чтобы наслаждаться непрерывным потоком роскошной еды. Гэри и Дорс избегали внимания чревоугодников благодаря включенным рефракторным испарителям, которые несколько изменяли внешний вид носителя. Если Селдона узнают — можно снова нарваться на неприятности.

— А ты даже среди всего этого безобразия не перестаешь думать о Вольтере, ведь правда? — прошептала Дорс.

— Я попытался представить, что будет, если кто-нибудь скопирует его с наших файлов.

— И кто-то уже пытался это сделать, несколько часов назад — да? — Дорс нахмурилась. — Если ты откажешь им — они захотят просто украсть у нас записи.

— Может, это были имперские агенты?

— Не похоже. Иначе они еще раньше попытались бы втянуть тебя в Юнинский скандал.

— И все-таки старое табу на симы больше не восстановишь. — Гэри предложил жене выпить стимулятора. — И давай забудем. Сейчас такое время: что сим, что стим…

Купол вестибюля служил сейчас крышей для нескольких тысяч человек. Чтобы проверить, не следит ли кто-нибудь за ними, Дорс повела Гэри по залу, то и дело меняя направление. Гэри очень быстро устал от такого «челночного бега». Дорс, которая всегда изучала общество, на ходу показывала Гэри разных знаменитостей. Возможно, ей казалось, что это настолько увлечет Гэри, что он забудет о приеме, на который ему нужно явиться…

— Тебе пора идти, — предупредила Дорс.

— Ну что, выследила шпионов?

— Как минимум троих. Если они потащатся за тобой внутрь Дворца, я сообщу капитану твоих гвардейцев.

— Пожалуйста, не надо так беспокоиться. Не забывай, во Дворец никто не может войти с оружием.

— Важно, что на тебя готовится покушение, и не важно, что во Дворце для этого меньше возможностей, чем где-нибудь еще. На тебя слишком долго не нападали — и ты перестал всерьез воспринимать угрозу. А я из-за слишком долгого затишья все время была на взводе — потому и обрушилась на того академика.

— Из-за чего теперь тебя не пускают во Дворец, — Гэри закончил фразу за нее. — Ты даешь людям богатую пищу для любопытных догадок.

— Ты ведь не очень много прочитал из истории имперской политики, правда? — спросила Дорс.

— Слава богу, нет.

— И правильно — ты бы только беспокоился понапрасну, — сказала Дорс и с неожиданным пылом поцеловала мужа в щеку. — А беспокоиться за тебя — это моя работа.

— Увидимся через несколько часов, — сказал

Гэри как можно радостней, невзирая на дурные предчувствия. А про себя добавил: «Надеюсь».

Перед входом во внутренние помещения Дворца Гэри, как всегда, прошел процедуру досмотра — его придирчиво проверили гвардейцы Имперской службы безопасности. На вооружении У службы безопасности было огромное множество многофункциональных детекторов, которые отследили бы даже углеродный нож или взрывчатый кристалл. В минувшие тысячелетия покушения на жизнь Императоров случались так часто, что их можно было сравнить со своеобразным спортом. Ныне же традиции и технология объединились для того, чтобы сделать все официальные события с участием Императора исключительно безопасными. Верховный Совет должен был предстать перед Императором для отчета, а значит, в зале неминуемо будут присутствовать неисчислимые легионы секретарей, советников, адвокатов и, конечно же, разномастных прилипал. У подобных паразитов была великолепно отработанная тактика навязывания своих «услуг» власть имущим.

За Лицеем Селдона ожидало традиционное для таких случаев «изобилие и щедрость» — изначально это был один длинный стол, а теперь

— множество отдельных небольших столиков, ломившихся от изысканных кушаний.

Щедрое угощение даже перед обычными деловыми встречами было непременной и обязательной частью программы и воспринималось как императорский дар. Игнорировать банкет считалось не просто дурным тоном, а настоящим оскорблением в адрес Императора. Проходя сквозь анфиладу залов Дома Стрельца, Гэри набрал себе закусок, понемногу с разных блюд. Шумное сборище непрерывно перетекало из комнаты в комнату, но в основном гости толпились в крытой арочной галерее, которая тянулась вокруг всего свода Дома Стрельца. Каждая секция галереи отделялась от прочих не только арками, но и акустическими барьерами.

Гэри нырнул в уголок, защищенный барьером, и ощутил огромное облегчение от того, что шум исчез. Он быстро просмотрел заметки Дорс о заседаниях Верховного Совета, поскольку не желал выставлять напоказ собственную неосведомленность в этих вопросах. В Верховном Совете косо смотрели на любое отступление от регламента и повестки дня. И хотя представителей прессы в Лицей не допускали, в средствах массовой информации после каждого заседания неделями

подробно обсуждали каждое, пусть даже крохотное происшествие. Гэри терпеть не мог мышиной возни, но раз уж он ввязался в игру, придется в нее играть. И играть так, чтобы выиграть.

Гэри вспомнил, как Дорс ему рассказывала об одном из древних Императоров, Леоне Распутнике, который однажды устроил для своих министров банкет с сюрпризами. Например, на столах лежали аппетитные фрукты, которые можно было только надкусить — а потом зубы неосторожного лакомки надежно застревали в ловушке, которая отпускала жертву только по особому паролю. Естественно, пароль знал один Император, но он освободил попавших в ловушку министров только после того, как всласть натешился их униженными мольбами и заставил их исполнять свои нелепые прихоти в присутствии остальных гостей. Ходили упорные слухи, что в личных покоях Император Леон Распутник с помощью подобных же ловушек развлекался гораздо более мрачными шутками.

Гэри вышел из-под арки со звуковым барьером и направился в сторону более старой части Дворца, к Лицею. Чип-карта высветила на его сетчатке именно этот маршрут — по старинным, плохо обустроенным переходам — потому, что

там вообще мало кто ходил. Сопровождающие Селдона дворцовые слуги послушно последовали за ним, хотя по их помрачневшим лицам было ясно, что им это не по душе.

Гэри уже успел неплохо изучить людей этого сорта. Им нравилось быть на виду, точно так же, как и другим простым исполнителям. А что за удовольствие — красться следом за Селдоном полутемными и пустыми старинными коридорами, где совершенно не перед кем покрасоваться?

В конце одного из узких переходов стояла статуя Леона Распутника с традиционным клинком в руке. Статуя была размером в нормальный человеческий рост. Гэри остановился и повнимательнее рассмотрел скульптурное изображение мрачного человека: брови нахмурены, на правой руке, с клинком, вздулись толстые жгуты вен, вторая рука сжимала сферу с дымчатым вином-стимулятором. Скульптура была безупречна и наверняка представляла Леона в немного приукрашенном виде. А вот кинжал в его руке выглядел вполне реалистично, и даже мог похвастаться двусторонней заточкой.

Некоторые считали, что именно с правления Леона Распутника начались в древности «старые добрые дни», когда существующий порядок всем

казался естественным, а Империя стремительно расширяла свое влияние на все новые и новые миры во всех концах Галактики. Леон был крайне жестоким правителем, но его почему-то все любили и чтили. Гэри хотел, чтобы психоистория явилась на свет и начала действовать, но что, если она превратится в инструмент, с помощью которого в мир возвратится такое вот прошлое?

Гэри пожал плечами. Раз уж психоистория на самом деле существует, то у него хватит времени просчитать, возможно ли вообще спасти Империю.

В сопровождении эскорта дворцовых слуг Гэри Селдон вошел во внутренние покои Дворца. Его ждали Клеон, Ламерк и Верховный Совет.

Селдон знал, что зрелище должно было произвести на него впечатление. Однако, непонятно почему, но, оказавшись в окружении множества высокопоставленных персон, Гэри только еще острее захотел по-настоящему понять Империю. И, если возможно, изменить ее судьбу.

Глава 11

Селдона слегка пошатывало, когда он вышел из Лицея три часа спустя. Совет был еще в самом разгаре, но Гэри нужно было немного передохнуть. Заместитель министра по вопросам межсекторного урегулирования предложил Селдону принять освежающую ванну, и Гэри с благодарностью согласился.

— Просто не знаю, сколько еще я смогу выдержать, — признался Селдон.

— Вам просто нужно пообвыкнуться, — доброжелательно сказал замминистра.

— Наверное, я все-таки сбегу.

— Ну, что вы! Давайте лучше передохнем. Церемониальные одежды Селдона, приличествующие Лицею были тесными и за три часа успели насквозь пропитаться потом! Витиеватая пряжка пояса больно впивалась в живот. Пряжка была большая и тяжелая, с хромированным футляром для ритуального жезла, соответствующим образом изукрашенного и ни для чего, кроме голосования, не пригодного.

Замминистра завел какой-то разговор об интригах Ламерка, но Гэри постарался отмолчаться.

И все же ему пришлось по крайней мере как-то объяснить свою позицию. Он всегда старался делать свои выступления короткими и понятными, но в Лицее такой стиль был не в моде. И замминистра прозрачно намекнул Селдону, что тот допустил досадный промах.

Они приняли освежающую ванну. Со дна поднимались струйки голубоватых ионных пузырьков. Гэри порадовался, что хоть в ванной не нужно ни с кем разговаривать, и включил электростатический струйный массаж. Сперва массаж очень понравился Гэри, но вскоре выяснилось, что массажер настроен исключительно на эротику. Очевидно, члены Верховного Совета предпочитали держать своих заместителей готовыми к употреблению.

Замминистра углубился в интимные переживания, на его лице появилось блаженное выражение. Гэри решил, что лучше ему не знать, что там будет дальше, и прошел дальше, в парилку. Он сел, расслабился и стал смотреть, как ярко-оранжевая мочалка самостоятельно чистит ванну, в которой он только что купался. Ничего особенного — обычная биотехнология бытового обслуживания. Мускулы Гэри напряглись, когда он подумал о бездне, разделяющей его и профес-

сионалов из Лицея.

Гэри считал, что человеческие знания в основном состоят из неоформленных в систему крупиц жизненного опыта мириадов обычных людей — и лишь в незначительной степени из официальной науки. Рыночная торговля в такой форме, какая наблюдалась в историческом прошлом, была своеобразным выражением предпочтений и желаний большинства. В целом же это было высшее выражение грандиозной политики, которой заправляли очень немногие — с помощью мудрости и таланта. Однако для логики Империи важен вопрос «полезно ли предпринимаемое действие?», а не «приемлемо ли оно?» или «насколько оно желаемо?».

Гэри и в самом деле не понимал, как лучше обращаться с этими людьми. Сегодня ему удалось ловко вывернуться за счет умных словесных оборотов и искусных речевых уловок, но надолго его не хватит.

Эти размышления вызвали у Гэри неприятные чувства, и он подумал-что давно пора вернуться в зал.

Выйдя из помещения для водных процедур, Гэри свернул с дороги, по которой они с замминистра сюда пришли, — там ошивалась толпа

секретарей и любопытных чиновников. Он укрылся в нише, за акустическим барьером, и просмотрел чип-карту Дворца. Микрочип, который подготовила Дорс, сегодня очень пригодился: Гэри пользовался его подсказками не меньше десятка раз, чтобы успевать следить за быстрыми, иносказательными обсуждениями в Совете. Трехмерная микролазерная карта Дворца проецировалась ему на сетчатку, она поворачиваясь, когда Гэри поворачивал голову, и даже обозначала перспективу. В этой части Дворца людей было не так уж много — в основном все стеклись в комнаты и коридоры вокруг Лицея.

Гэри дошел до конца коридора, где стояла статуя Леона Распутника. Он мельком взглянул на статую и увидел, что ритуального кинжала нет на месте. Зачем кому-то понадобилось…

Гэри быстро развернулся и поспешил обратно той же дорогой. Но едва он добрался до цепочки ниш с акустическими барьерами, из дальней, сквозь переливающуюся плоскость цвета слоновой кости, вышел человек. В этом человеке вроде и не было ничего необычного, кроме того, что его взгляд быстро бегал по сторонам и в конце концов остановился на Гэри Селдоне.

Их разделяло около тридцати метров. Гэри

сделал вид, что в восхищении разглядывает причудливо украшенные в стиле барокко стены, повернулся и пошел прочь. Незнакомец с беспокойным взглядом последовал за ним — Гэри отчетливо слышал его тяжелые шаги.

Может, он становится параноиком? А может, и нет. Гэри сказал себе, что нужно всего лишь дойти туда, где полно народу, — и все страхи развеются сами собой. Шаги за спиной стали громче, приблизились.

Гэри повернул за угол и нырнул в боковой коридор. Впереди — ритуальная комната. Тяжелые шаги за спиной участились — неизвестный преследователь пошел быстрее. Гэри быстро проскочил проходную ритуальную комнату и древнее фойе. Вокруг — по-прежнему никого.

В конце длинного коридора стояли двое мужчин и деловито разговаривали. Гэри направился к ним, и тут оба прекратили разговор и уставились на него. Один достал из кармана комм и начал что-то говорить.

Гэри рванул обратно, отыскал какой-то боковой проход и устремился туда.

А как же камеры автоматического наблюдения? Они должны быть во всех дворцовых коридорах. Но на глазке камеры в конце этого коридора Гэри

обнаружил необычную накладку, с помощью которой, как он понял, через камеру передавалось ложное изображение.

Самые древние части Дворца были не только бедно украшены — они были еще и безлюдны, поскольку в них уже давно никто не жил. Гэри проскочил еще одну странную ритуальную комнату. Ботинки незнакомца грохотали уже совсем рядом, и преследователь быстро приближался. Гэри повернул направо и увидел на площадке уровнем ниже целую толпу людей. — Э-эй! — закричал Селдон.

Но никто даже не глянул в его сторону. Гэри понял, что они стоят за акустической перегородкой. Тогда он поспешил вниз.

Из бокового алькова вышел мужчина и пошел навстречу Гэри. Этот был высоким и стройным и двигался с плавной грацией сильного, тренированного человека. Как и остальные, он ничего не говорил и не старался привлечь к себе внимание. Он просто шел к Гэри, и все.

Гэри шарахнулся влево и побежал. Впереди были комнаты отдыха — Гэри сделал круг, пока крутился по коридорам. Там, в этих комнатах, полным-полно народу. Только бы до них добежать.

Один длинный коридор вел прямиком в комнаты отдыха. Гэри побежал туда, и на полпути заметил трех женщин. Они стояли в нише с акустической перегородкой и болтали. Гэри замедлил шаги, и женщины замолчали. На них была униформа, которая показалась Гэри знакомой. Наверное, они работают в банном комплексе или в комнатах отдыха.

Женщины разом повернулись к Селдону, на их лицах появилось удивленное выражение. Гэри открыл рот, чтобы объясниться, но тут ближайшая подскочила к нему и схватила его за руку.

Гэри стал вырываться. Но женщина оказалась на удивление сильной. Она повернулась к своим напарницам и сказала, улыбаясь:

— Надо же, сам свалился прямо нам в…

Гэри резко дернулся в сторону и вывернулся из ее цепких пальцев. Женщина потеряла равновесие, а Гэри воспользовался случаем и толкнул ее на двух других. Одна попыталась его лягнуть — круговым движением вскинула ногу, — но из-за тесноты ей негде было развернуться, и потому удар получился коротким и слабым.

Гэри рванулся прочь. Женщины, несомненно, были прекрасно тренированы, и можно было даже не надеяться, что ему удастся от них убежать.

Но Гэри изо всех сил бежал вперед по длинному коридору. Однако, оглянувшись на бегу, он увидел, что все три женщины спокойно стоят возле ниши и смотрят ему вслед.

Это показалось ему настолько странным, что он даже замедлил шаги и призадумался. Ни женщины, ни мужчины на него не нападали — а только блокировали выходы, вынуждали двигаться туда, куда нужно им.

Стоп. Эти коридоры находятся в обитаемой части Дворца, и здесь в любое мгновение могут появиться случайные свидетели.

А преследователи наверняка хотят загнать его в какое-нибудь уединенное место.

Гэри включил обзорный вид трехмерной карты Дворца. Сам он был на карте маленькой красной точкой, которая сейчас находилась где-то в нижних уровнях здания. Впереди коридор разветвлялся на два боковых прохода…

…Из которых как раз появились двое мужчин. Они оба прогуливались, сложив руки на груди, словно не замечая Гэри.

Два пути к бегству еще оставались. Он повернул налево, в узкий проход. Вдоль стен стояли статуи с древними священными письменами. Когда кто-то проходил мимо, статуи подмигива-

ли и начинали рассказывать о великих делах и грандиозных победах, ныне похороненных под тысячелетиями безразличия. Повествования сопровождались красочными трехмерными голопроекциями. Звучные голоса статуй назойливо лезли в уши. Гэри устал, запыхался и из последних сил старался собраться с мыслями.

Впереди показался перекресток. Гэри проскочил его и увидел, что справа к нему приближается какой-то человек.

Гэри скользнул в узенькую дверцу бокового выхода — к мавзолею Императора Элинора Четвертого — и быстро побежал в сторону ряда дверей, которые показались ему знакомыми. Это были комнаты для водных процедур, простые двери отличались одна от другой только номерками. Замминистра говорил, что здешние ванные комнаты прекрасно приспособлены для любых, самых интимных целей.

Гэри помчался к ближайшей двери. Почти одновременно из правого коридора выбежал какой-то человек. Он тоже молчал. Гэри толкнул первую дверь — она оказалась закрытой. Вторая тоже. Человек уже почти настиг его, но ручка третьей двери вдруг повернулась, и Гэри впрыгнул внутрь.

Это были обычные двери на подвесных петлях. Гэри всем весом навалился на дверь, стараясь ее захлопнуть. Человек из коридора налег со своей стороны и просунул руку в щель. Гэри напрягся. Нападавший попытался выдернуть руку, чтобы ее не придавило, и вставил носок ботинка между дверью и рамой.

Гэри нажал изо всех сил — ему удалось прищемить руку противника.

Но тот, другой, был очень сильным мужчиной. Он рыкнул, напрягся, и щель между дверью и рамой снова чуть расширилась.

Гэри уперся ногами в пол. У него не было под рукой ничего подходящего, чтобы заклинить дверь, а нелепые церемониальные одежды только мешали. В ванной тоже не видно было ничего полезного, никакого подручного инструмента…

Тут рука Гэри наткнулась на тяжелую пряжку пояса, и в ладонь ему скользнул древний жезл для голосования. Гэри переложил жезл в правую руку и немного изменил позицию, освобождая правое плечо. А потом изо всех сил ударил жезлом по руке, зажатой в дверном проеме.

Жезл, конечно, был весь покрыт резьбой и прочими украшениями, но наконечник у него был довольно узкий, почти острый. Гэри вонзил жезл

в руку незнакомца, прямо в середину ладони — быстро и сильно.

Наверное, наконечник жезла повредил небольшую артерию, потому что из раны тотчас же брызнула ярко-алая струя, оставив на стене широкую извилистую полосу. Человек за дверью громко вскрикнул от боли и отшатнулся.

Гэри тотчас же захлопнул дверь и закрыл на замок. Магнитные защелки мгновенно встали на место. Тяжело дыша, Гэри повернулся и принялся исследовать ванную комнату.

Это действительно была одна из лучших комнат банного комплекса. Две душевые кабины, высокая кушетка, ящик со свежими полотенцами и бельем. Несколько роскошных бассейнов с разными минеральными водами, в которых, говорят, можно великолепно провести время. Возле дальней стены был устроен специальный уголок для атлетических упражнений. А еще в комнате было небольшое узкое окно, которое выходило в традиционный садик. Окошко тоже было данью традиции, сохранившейся с древних времен, когда специально устраивали лазейки, чтобы было куда бежать, если окажешься в ловушке.

Гэри услышал за дверью негромкий звук. Наверное, это приставляют к двери деполяризатор,

чтобы открыть задвижку магнитного замка. И Селдон направился к окну.

Глава 12

В комнату отдыха осторожно вошел человек. Он был одет в обычную дворцовую униформу, которая обеспечивала ему свободу передвижения по дворцу. Вполне надежно для быстрой работы. У человека был с собой нож Императора Леона.

Одной рукой он прикрыл за собой дверь и запер ее на замок, не глядя. Человек не сводил глаз с комнаты, а в руке держал наготове нож. Человек был высоким, крепкого телосложения, но двигался почти бесшумно, с легкостью и даже изяществом. Он методично осмотрел одну за другой обе душевые, потом проверил все бассейны и даже атлетический уголок. И никого не обнаружил. Тогда человек перевел взгляд на узкое окошко, которое сейчас было распахнуто настежь. Окно было слишком маленьким для него — голубая дворцовая униформа сидела на массивной, крупной фигуре в обтяжку.

Мужчина отступил назад и сказал в наручный комм:

— Он выбрался в сад. Отсюда его не видно. Вы перекрыли выходы из сада?

Он выслушал ответ и отрывисто сказал:

— Не можете его найти? Не удивительно! Я говорил, что не надо отключать камеры в этой части здания.

Снова короткое молчание.

— Безусловно, я понимаю, что это особо секретное задание, ему даже присвоили отдельный регистрационный номер, и все такое, и не должно быть никаких видеозаписей, но… — Человек в раздражении стал топтаться на месте. — Да, но вы только что были совершенно уверены, что все выходы отсюда надежно перекрыты! А эти сады — они все проходные!

Снова пауза.

— Вы включили камеры слежения? Отлично. Вы, ребята, все запутали, и я… — он не договорил, просто рыкнул что-то неразборчивое.

Потом он в последний раз окинул комнату быстрым взглядом и открыл магнитный замок. В глубине коридора, почти за пределами видимости, стоял еще один мужчина, в голубой ливрее с испачканным кровью рукавом.

— Чертов недоумок! — сказал ему тот, что с ножом. — Подними руку повыше и убирайся отсюда. Пришлешь команду уборщиков.

Раненый человек повиновался не сразу:

— А где он?..

— Не твое дело, — сказал человек с ножом и бегом скрылся из виду. — Чертов неумеха!

Казалось, этот кошмар будет длиться целую вечность. Секунды бежали, как годы; Гэри из последних сил цеплялся за выступы потолочных балок.

Он лежал в полной темноте, растянувшись поперек опорных стоек подвесного потолка, прямо над душевой. Он мог смотреть вниз через узкую щель между плитами потолка. Оставалось только надеяться, что снизу эта щель почти не видна и подвесной потолок выглядит нетронутым. Сверху на перекрытии душевой кабинки остались следы — здесь Селдон карабкался наверх и стоял, пока отдирал крепления одной из плит.

А теперь ему приходилось руками удерживать эту плиту на месте. Руки уже начали болеть, но ни на мгновение нельзя было ослабить хватку.

Сквозь щель Гэри увидел кончик чьей-то ступни, потом всю ногу. Кто-то снова пришел в комнату отдыха. Может быть, уборщик?

Если плита сдвинется у него в руках, тот, кто внизу, обязательно услышит звук, посмотрит наверх и заметит широкую темную щель в потолке. А чертова пластина может и вовсе выскользнуть из пальцев и упасть.

Гэри закрыл глаза и сосредоточился на пальцах, усилием воли заставляя их не разжиматься. Пальцы совсем онемели, и, что еще хуже — они начали дрожать.

Плита потолочного перекрытия была тяжелой, с тремя слоями звукопоглотителей — для удобства посетителей комнаты .отдыха. Понемногу она выскальзывала из пальцев — Гэри чувствовал это. Она сдвинулась еще… Сейчас она…

Ноги внизу прошли обратно, раздался знакомый звук закрывающейся двери. Снова щелкнул магнитный замок.

Как он ни старался, но пальцы не выдержали — плита выскользнула и упала вниз. Раздался громкий грохот — плита ударилась о пол. Гэри замер, прислушиваясь.

Тишина. Не щелкает замок, не открывается дверь. Слышно только ровное гудение кондиционеров.

Значит, на какое-то время он в безопасности. Вернее, заперт в безопасной ловушке.

Никто не знает, что он здесь. Только при самом тщательном обыске благонадежные гвардейцы заглянут в эту часть Дворца, удаленную от Лицея.

А с чего бы им устраивать повальный обыск?

Никто не заметил, что Селдон ушел с заседания. И даже когда заметят, то скорее всего подумают, что ему до смерти надоела неразбериха в Верховным Совете и он просто ушел домой. Собственно, он сам говорил это заместителю министра.

А это значит, что у заговорщиков и убийц уйма времени, чтобы тихо и спокойно прочесать эту часть Дворца. Судя по разговорам, здоровяк с ножом был настроен весьма решительно. Он непременно подумает, что надо вернуться сюда, еще раз все проверить. Вполне возможно, что во второй раз они прихватят с собой приборы для выслеживания по запаху. И еще — теперь все камеры слежения во Дворце снова будут показывать истинное изображение — и Гэри Селдона, если он появится в коридоре.

Ему повезло, что хоть в комнате отдыха камер нет. Гэри спустился вниз, почти соскользнул по покатой стене душевой кабинки. Водрузить плиту перекрытия на место изнутри было делом непростым и довольно тяжелым физически. Гэри совсем запыхался и весь вспотел. Но вот, наконец, плита прикрывает отверстие, сквозь которое он пробрался наверх, а сам Гэри снова лежит поперек опорных балок и придерживает плиту.

Гэри лежал в темноте и думал, изучая чип-

карту Дворца. В темноте насыщенные цвета трехмерной голограммы светились еще ярче. Но на карте, конечно же, не было такой мелочи, как расположение потолочных перекрытий или полостей, в которых проходят хозяйственные коммуникации. Зато Гэри увидел, что эта секция комнат отдыха почти упирается в окружающую Лицей часть Дворца. Может быть, самым лучшим было бы просто выбраться из комнаты и попробовать найти людей?.. Если ему удастся смешаться с толпой…

Если. Гэри не нравилось, что его жизнь будет зависеть от слепого случая. Однако его нынешняя стратегия была тоже рассчитана на удачу — он лежал в темной щели под потолком и надеялся, что убийцы не вернутся, а если вернутся, то не принесут с собой прибор-нюхач, который без труда покажет, где прячется Селдон.

Как бы то ни было, Гэри знал, что нельзя просто лежать и ничего не предпринимать. Это было не в его стиле. Иногда не обойтись без терпения и выдержки, это верно, но ожидание и бездействие отнюдь не повышают его шансы.

Гэри поднял голову и вгляделся в полумрак узкого пространства под потолком. Везде было одинаково темно и узко. Гэри мог двинуться от-

сюда в любом направлении. Но только вот куда ему ползти? В какую сторону?

Судя по карте Дорс, Сады Отдохновения располагались сложным, запутанным поясом-лабиринтом вокруг зоны отдыха. Никаких сомнений, что неизвестные убийцы постарались удалить всех возможных свидетелей подальше от окна той ванной комнаты, из которой исчез Селдон.

Если ему каким-то образом удастся забраться подальше в Сады…

Гэри понял, что размышляет сразу в двух направлениях. Чтобы добраться до людных мест, следовало пробраться под потолком на несколько уровней выше. Судя по карте Дорс, совсем рядом с комнатой отдыха, чуть дальше по коридору была шахта лифта.

Гэри собрался с духом и пополз. Он понятия не имел, каким образом энергетический лифт встроен в конструкцию здания. А на карте был изображен просто прямоугольный значок с символом лифта. От страха у Гэри сводило мышцы, его била нервная дрожь.

Он полз в этом направлении не потому, что знал, что делать, а как раз потому, что не знал. Керамометаллические опорные балки подвесного потолка были достаточно прочными, чтобы

выдержать вес Гэри, и ему осталось только следить, чтобы случайно носком ботинка не выбить со своего места какую-нибудь потолочную плитку. Один раз нога соскользнула и уперлась в плиту — та прогнулась, но спружинила и вернулась в прежнее положение. Сквозь щели между плитками проникали тусклые узкие лучики фосфорического света. Пыль щекотала Гэри ноздри и набилась в рот. Поползав под потолком, он с головы до ног перемазался в прахе тысячелетий.

Прямо впереди показалось голубоватое свечение — как раз там, где должна была быть шахта лифта. По мере приближения к ней ползти становилось все труднее и труднее, потому что над коридором сходилось множество самых разных труб, проводов, световодов и прочей механики. Гэри потратил немало драгоценных минут, пробираясь через эту путаницу. Он дотронулся до одной из трубок, а трубка оказалась нестерпимо горячей и обожгла ему руку. Это было так больно и так неожиданно, что Гэри чуть не закричал. Завоняло паленой кожей.

Из-за краев панели просачивалось равномерное голубое свечение. Внезапно голубой свет вспыхнул ярче, а потом снова угас, когда Гэри подобрался чуть поближе к краю. По характерному

резкому потрескиванию он понял, что по шахте только что пронеслась кабинка лифта. Только вот Гэри не мог наверняка сказать, в какую сторону она проехала — вверх или вниз?

Панель была керамометаллической, размером примерно метр на метр, со всех четырех сторон к ней подходила электропроводка. Гэри не зная в подробностях, как именно работает электрический лифт, знал только, что грузовая кабинка заряжается пропорционально весу груза, а потом груз перемещается по мощной волне электродинамических полей.

Гэри выдвинул вперед ноги, уперся плечами в переборку и пнул панель. Она чуть подалась, но выдержала. Гэри ударил еще — и панель сдвинулась со своего места. Гэри кряхтел от напряжения, но пинал панель изо всех сил — в третий раз, в четвертый… Наконец, панель выскочила из креплений и полетела вниз, в шахту лифта.

Гэри раздвинул в стороны толстые электрические кабели и сунул голову внутрь шахты лифта. Там было темно, тусклое голубоватое свечение исходило только от тонкого вертикального световода, который тянулся вдоль всей шахты и исчезал в темной дали и сверху, и снизу.

В этой древней части Дворец был примерно в

километр высотой. Механические подъемники с тросами нельзя было использовать даже в маленьких пассажирских лифтах вроде этого — их мощности не хватало, чтобы поднять груз и на меньшую высоту. А электродинамические поля легко справлялись с любой нагрузкой. Технология была довольно древней, надежной, проверенной временем. К примеру, вот этому лифту, в который заглядывал Селдон, было не меньше тысячи лет, и запах от него шел соответствующий .

То, что Гэри увидел, ему не понравилось. Согласно карте, тремя уровнями выше находились обширные залы ожидания, в которых скапливались просители и жалобщики, прибывшие со всех концов Империи. Там Гэри запросто найдет безопасную компанию. А на восемь уровней ниже находился Лицей, и соваться туда, как подозревал Гэри, ему теперь небезопасно. Конечно, проще спускаться, чем карабкаться наверх — но зато наверх ближе.

Гэри уверял себя, что ничего сложного в этом нет. В полумраке шахты он разглядел электростатические эмиттеры, утопленные в стены через равные промежутки. Гэри нащупал какой-то толстый кабель и потыкал им в гнездо эмиттера. Ничего — ни вспышки, ни короткого замыкания.

Это наблюдение подтверждало скудные знания Селдона о работе электродинамических лифтов — напряжение в эмиттерах возникает только тогда, когда мимо проходит кабинка лифта. Гнезда эмиттеров были достаточно глубокими, чтобы в них можно было поставить ногу.

Гэри внимательно прислушался. Ни звука. В электрических лифтах кабинки передвигаются практически бесшумно, а в таких древних, как этот, — еще и медленно. Насколько же рискованно карабкаться по шахте лифта?

Гэри раздумывал, правильно ли он поступает, и тут вдруг откуда-то сзади его окликнули:

— Эй! Эй, ты!

Он оглянулся. Одна из потолочных панелей исчезла, и в отверстии торчала чья-то голова. С такого расстояния и в темноте Гэри не мог бы разглядеть черты лица, но он даже не пытался. Вместо этого он быстро перекатился через последнюю опору потолочного перекрытия, нырнул внутрь шахты лифта — и повис в воздухе, цепляясь руками за край отверстия. Гэри ощупал ногой стену шахты, отыскал гнездо эмиттера и закрепился.

Током его не ударило. По памяти он стал нащупывать следующее углубление в стене. Нашел,

вставил туда ногу. Скользнул вверх вдоль обшивки шахты, вытянул руки и крепко уцепился за край.

Его ноги болтались над черной бездной. Закружилась голова. Во рту стало горько.

Сверху донеслись крики. Несколько голосов, все мужские. Наверное, кто-то все же заметил следы на крышке душевой кабинки. Теперь преследователи осветили проем над подвесным потолком — и это было только на руку Селдону, поскольку яркий свет фонаря забивал тусклое свечение из шахты лифта.

Гэри сглотнул, и тошнота отступила.

«Не думай об этом сейчас. Просто ползи!» — уговаривал себя Селдон.

Чуть справа Гэри заметил еще одну цепочку эмиттерных гнезд. Он воспользовался ими и перебрался на другую сторону шахты. И начал карабкаться вверх. Это оказалось на удивление просто, потому как эмиттерные гнезда располагались довольно близко друг от друга и прекрасно подходили для того, чтобы цепляться за них руками и ногами. Гэри быстро продвигался вверх, тем более что его подгоняли звуки возни за спиной.

Он миновал выход на следующий уровень. У выхода с этой стороны обнаружилась кнопка

экстренного открывания дверей. Гэри мог, конечно, открыть дверь и выйти, только вот что поджидало его за дверью?

С тех пор, как он увидел голову, прошло уже несколько минут. Преследователи наверняка сообразили, куда он делся, и запросто могли подняться наверх на другом лифте или по лестнице.

Гэри решил не останавливаться и стал карабкаться дальше. При движении он поднимал в воздух густые клубы многовековой пыли, и было очень трудно не закашляться. Руки Гэри уже привычно находили гнезда эмиттеров, он цеплялся за них крепко и надежно, а ногами методично отталкивался, взбираясь все выше и выше.

Он добрался до выхода на следующий уровень и снова принял однозначное решение: вперед. Примерно на середине пути между уровнями, Гэри вдруг услышал негромкий шорох. Шорох был едва заметным, но постепенно становился все громче и громче.

Откуда-то сверху потянуло сквозняком — Гэри взглянул вверх и увидел, что тонкую фосфорическую нить что-то прерывает, и это что-то быстро движется вниз.

Шорох стал громче, теперь его было слышно совсем хорошо Гэри понял, что не успеет под-

няться до следующего уровня прежде чем это спустится сюда.

Гэри похолодел. Так быстро вернуться вниз, к предыдущему уровню, он тоже не успеет. А сверху на него неслась огромная черная масса кабинки лифта. Гэри стало по-настоящему страшно.

Короткая вспышка голубых молний, шипение воздуха — и кабинка остановилась. На один этаж выше Гэри.

Звукопоглотители заглушали даже шелест открывавшейся двери. Гэри закричал, но его никто не услышал. Тогда он быстро пополз обратно, вниз, пыхтя и отдуваясь, к выходу на нижний этаж.

Сверху раздалось резкое потрескивание, и кабинка лифта вновь начала спускаться.

Гэри видел приближающееся дно кабинки. Из эмиттерных гнезд вырывались голубые молнии электрических полей, которые поддерживали вес кабинки вместе с пассажирами. Гэри весь обливался холодным потом и переставлял руки и ноги с бешеной скоростью.

Вдруг ему в голову пришла одна мысль, даже не мысль, а скорее интуитивная догадка. Потоки воздуха уже трепали его волосы. Гэри заставил себя посмотреть вверх. На дне были укреплены

четыре прямоугольные металлические скобы. Они могли бы выдержать приличный груз.

Кабинка лифта была уже над головой Селдона. Он понял, что раздумывать больше некогда. И когда массивная кабинка уже наваливалась на него, оттолкнулся от стены и повис, ухватившись за металлическую скобу.

Стоило Гэри прикоснуться к металлической скобе, как в глаза ударила ослепительная вспышка, а все тело встряхнуло электрическим разрядом. Электрическое поле пронзило его насквозь. Мышцы рук сократились под действием тока. Отчасти это даже помогло Гэри удержаться за скобу, пока его ноги дергались в диких конвульсиях.

Он стал частью электрического поля лифтовой кабинки. И теперь голубые электродинамические поля шахты плясали вокруг его тела, поддерживая его в воздухе.

Все тело болело. Быстрые, резкие приступы острой боли то и дело пронизывали дрожащие мышцы. Но мышцы пока повиновались.

Электрическое поле охватывало грудную клетку Гэри, пронзая ее насквозь — и сердце тоже. Мышцы верхней половины его тела судорожно подергивались. Он стал просто еще одним элементом электрического контура.

Гэри отцепил левую руку и остался висеть на одной правой. Таким образом он разомкнул электрическую цепь, проходившую сквозь его тело, зато теперь все напряжение приходилось на одну пуку. Острая боль в груди понемногу успокоилась, но не прекратилась совсем.

Перед глазами Гэри мелькали этажи. Он подумал, что, как бы то ни было, он сейчас уносится все дальше и дальше от своих преследователей.

Правая рука устала, и он поменял ее на левую. Гэри убеждал себя, что когда висишь по очереди то на одной руке, то на другой — устаешь ничуть не больше, чем когда висишь такое же время на двух руках. Он не верил в это, но ему так хотелось поверить…

Но как он, в конце концов, выберется из этой шахты? Кабинка лифта снова остановилась. Гэри всмотрелся в темную массу, похожую на черное стенное покрытие. В этой старинной части Дворца этажи располагались высоко один над другим, и чтобы добраться до ближайшего выхода на следующий этаж, Гэри понадобилось бы несколько минут.

Кабинка лифта может еще очень долго кататься то вверх, то вниз, прежде чем поступит вызов с самого нижнего этажа. И что Гэри будет делать

тогда, он пока не знал. Он не знал, как устроена шахта лифта в самом низу. И его вполне может раздавить о предохранительный буфер.

Выходит, хитрый маневр вовсе не открыл Гэри пути к бегству. Он попал в невероятную, очень оригинальную — но, тем не менее, ловушку.

Если он умудрится каким-то образом надавить на кнопку экстренного открывания дверей, когда будет проезжать мимо тогда его снова ударит током, ведь он своей рукой замкнет цепь между кабинкой лифта и стенами шахты. Во второй раз мышцы могут и не выдержать такого перенапряжения. И как потом он будет за что-нибудь цепляться?

Кабинка лифта поднялась на два этажа вверх, спустилась на пять этажей вниз, остановилась, снова стала подниматься. Гэри еще раз переменил руки и попытался все обдумать.

Он начал уставать. Руки свело судорогой от электрического разряда, и теперь мышцы то и дело болезненно подергивались.

Напряжение электрического поля, которое окутывало Гэри Селдона, было все же недостаточным, чтобы удерживать его в воздухе. Гэри чувствовал, как потоки электрического поля пробегают по коже, словно тонкие шелковистые

пальцы. Он мог даже ощутить слабые потоки поля, которые охватывают кабинку лифта и противодействуют силе тяготения. Гэри задумался, как он сюда попал, все эти воспоминания промелькнули в его сознании, словно сон.

Он встряхнул головой. Нужно думать!

Электрический ток проходил сквозь него, как через часть контура. Пассажиры внутри кабины ничего не почувствовали, потому что сеть электрических полей вся оставалась снаружи, как можно дальше от временных пассажиров.

Пассажиры внутри.

Гэри снова переменил руки. Обе страшно болели. Но Гэри стал раскачиваться из стороны в сторону, как маятник, и на пятом качке изо всех сил ударил ногами в пол кабинки лифта. Удар получился чувствительный. Гэри ударил по металлическому дну еще несколько раз, а потом повис, прислушиваясь. И не обращая внимания на боль в затекших руках.

Никакой реакции. Гэри изо всех сил закричал. Может быть, все, что бы он тут ни делал, услышать изнутри невозможно?

Гэри припомнил, что кабинки этих древних лифтов изнутри отделаны с пышной роскошью, а стены в них обиты толстым бархатом. Кто в

такой уютной кабинке обратит внимание на едва слышные под ногами непонятные звуки?

Кабинка лифта снова поехала вверх. Гэри свободно повис под дном, не шевеля ни руками, ни ногами. Под ним зияла бездонная чернота. У Гэри возникло странное ощущение, будто электростатические поля поддерживают его тело, поглаживают кожу. Волоски по всему телу стояли дыбом. И вдруг его осенило.

Электрические поля удерживают его тело примерно так же, как и кабинку лифта, — значит, ему вовсе и не нужно за нее цепляться!

Теория очень заманчивая, что ни говори. Только вот отважится ли Гэри испытать ее на практике?

Гэри разжал пальцы и отпустил скобу. И стал падать вниз.

Он падал — но медленно, медленно. Ему в лицо ударил порыв свежего воздуха, когда он пролетал мимо выхода на очередной уровень, потом — еще и еще раз. Обе руки Гэри расслабленно висели в воздухе.

Оторвавшись от кабинки лифта, Гэри по-прежнему пропускал через себя электростатические поля. Поля обволакивали его со всех сторон и гасили момент инерции при падении, так, словно

он сам был кабинкой лифта.

Но он был не правильной кабинкой. У него не было постоянной обратной связи с полями шахты лифта, и рано или поздно он должен был упасть.

Наверху, над Гэри, настоящая кабинка лифта снова начала подниматься. Гэри поднял голову и проводил взглядом удлиняющийся отрезок фосфорического жгута под кабиной лифта.

Гэри немножко приподняло вверх, потом он завис на месте, а затем снова начал падать. Шахта лифта старалась скомпенсировать вес и собственной кабины, и его, Гэри, — случайно внедрившийся в систему контура. Но программа контроля обратной связи лифта не была рассчитана на решение таких сложных задач.

Наверное, очень скоро программа решит, что ее забота — это нормальная кабина, а до Гэри ей нет никакого дела. Тогда кабина лифта остановится на каком-нибудь уровне, ее досконально проверят, а Гэри к тому времени будет уже все равно…

Гэри почувствовал, что его падение замедляется, потом снова ускоряется. Завихрения электрических полей скользили вдоль тела. Ионы разлетались с его вздыбленных волос. Воздух вокруг него казался гибким и упругим, он словно ожил под воздействием электрических полей. По

коже то и дело пробегали волны спазмов, особенно на голове и в нижней части ног.

Падение снова замедлилось. В тусклом фосфорическом свете он различил приближающийся снизу выход на уровень. По стенам шахты катились волны электростатических полей, Гэри чувствовал, как его отталкивает от стен.

Может быть, удастся как-то этим воспользоваться? Гэри подался в сторону, подтянул ноги к груди и резко выпрямил их, утопив в упругом сопротивлении пристеночных электростатических полей.

Упругое электрическое поле тотчас вытолкнуло его обратно. Гэри полетел вниз еще быстрее, кувыркаясь в воздухе, как перышко. Он потянулся к гнезду эмиттера, но оттуда вылетела голубая молния и ужалила. От удара электрического тока руку Гэри свело болезненной судорогой, рука по самое плечо онемела.

Гэри глубоко вздохнул, перед глазами все поплыло. Стена шахты проносилась мимо все быстрее и быстрее. Выход на этаж был уже совсем близко, а Гэри болтался в воздухе примерно в метре от стен шахты. Он барахтался, как неумелый пловец, борясь с мощным течением электростатических полей.

Мимо пролетело верхнее перекрытие выхода. Гэри пнул ногой по кнопке экстренного открывания двери — и промахнулся, ударил еще раз — и попал. Дверь начала открываться. Уже пролетая мимо, Гэри извернулся и уцепился левой рукой за порог двери.

Руку снова пронзило электрическим разрядом. Сведенные судорогой пальцы мертвой хваткой впились в спасительный порог. Гэри повис на бесчувственной, онемевшей руке и ударился о стену. Тело сотрясло очередной конвульсией. Разряд был не очень сильным, но из-за него мышцы правой ноги скрутило так, словно они вот-вот порвутся. Из последних сил Гэри выбросил вверх непослушную правую руку и ухватился за порог.

Электрические поля больше не поддерживали его — весь вес Гэри обрушился на руки. Левая нога еще слушалась. Гэри нащупал гнездо эмиттера и уперся в него ногой. Он чуть-чуть подтянулся вверх и понял, что сил у него больше не осталось. Все мышцы кричали от невыносимой боли.

Гэри постарался сосредоточиться. Перед глазами все плыло, но он видел прямо перед собой коридор, ведущий от двери лифта. Вдали послышались крики. К лифту быстро шагал кто-то, обутый в форменные синие ботинки имперских

гвардейцев.

Удержаться… Только бы удержаться…

Подбежала женщина в форме внутренней дворцовой охраны и присела возле Гэри. Нахмурив брови, она строго спросила:

— Сэр, что вы здесь…

— Вызовите… гвардейцев… — прохрипел Селдон. — Скажите им… меня сбросили в шахту…

ЧАСТЬ 4
ОСОЗНАНИЕ СЕБЯ

СИМУЛЯТОРЫ, ВИРТУАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА — ...порождают личностные проблемы. Симулятор, которому известно его происхождение, фиксируется на мысли о том, что он — не Оригинал, а всего лишь набор цифровых символов. В результате у симулятора появляется потребность в постоянном самоутверждении, в установлении своего "Я" — что приводит к устойчивым отклонениям от исходной модели. У настоящих людей «алгоритм реальности» проявляется в работе нервных синапсов, нервных цепей, условных реакций, причинно-следственной связи — когда на определенные условия постоянно вырабатывается соответствующий ответ, всегда один и тот же в одинаковых условиях.

Возникает кризис воспроизведения реальных личностей, которое в конечный период упадка Империи оставалось запретным, хотя запреты начали понемногу размываться. Сами симуляторы приложили к этому немало усилий. Чтобы стать «кем-то», «самими собой», симуляторы

должны были «пережить» историю своей жизни, преподанную им от начала до конца, — и они оказывались как бы движущейся точкой на долгом, сложном, но конечном пути, проложенном их Личностью. Симуляторы должны были восстановить, собрать себя через внешние и внутренние переживания для того, чтобы у них самих сформировались индивидуальные признаки личности. Однако на такое способны только те симуляторы, исходные личности которых обладали прочной философской базой…

«ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Глава 1

Жанна д'Арк плыла по сумрачным рокочущим тоннелям Сети.

Она справилась со своими страхами. Вокруг нее плясали яркие блики — свет дробился на волнах, которые с шелестом и плеском лизали стены тоннеля.

Мысли текли медленно, не задерживаясь ни на чем, время словно остановилось. Но, будто вторя пенным речным волнам, перед мысленным взором появлялись и исчезали алебастровые лики с божественными чертами… и так без конца. Они возникали впереди и растворялись за спиной, как за кормой проплывающего корабля.

Ах, если бы только понять, что с ней происходит… Жанна тревожно вглядывалась в темную Сеть, которая неслась мимо и закручивала водоворотами свои темно-красные воды, похожие на растаявшее и разметавшееся по океанским просторам красное дерево.

С тех пор как она спаслась от чародеев, ведавших сохранностью ее души — ее «сознания», что ни в коей мере не означает «сознательность», — Жанна отдалась на милость темных вод. Ее

праведная матушка однажды рассказывала, как пенные волны великой реки смиряют свою ярость и мирно струятся по древним руслам глубоко под землей.

И вот Жанну несло, как легкую пушинку, отрешенную, углубленную в себя, вырванную из привычного круга времен.

«Состояние стасиса», — назвал это Вольтер. Храм, где она может «сократить линейное компьютерное время» — ну и выражения! — в ожидании видений от Вольтера.

Когда он являлся ей в последний раз, он очень обиделся, а все потому, что она больше прислушивается к внутренним голосам, чем к нему.

Ну как объяснить, что голоса святых и архангелов властно повелевают ею независимо от ее воли? Что они заглушают любые иные голоса, которые пытаются докричаться до нее?

Жанна ведь простая крестьянка, разве в силах она противиться зову великих святых, таких как благоразумная святая Екатерина? Или величественный, полный достоинства архангел Михаил, предводитель ангельских Легионов, могучий воин, которому король Франции, чьи войска она когда-то водила в бой, и в подметки не годится. («Это было целую вечность назад», — прошептал

чей-то странный голос. Жанна решила, что ей просто показалось, ведь в Чистилище время ничего не значит.)

И тем более она не могла ничего поделать, когда все голоса сливались в один, как сейчас.

— Не слушай его, — сказала святая Екатерина, когда откуда-то издалека долетели слова Вольтера, который просил встретиться с ним. Святая парила вверху, на величественных белоснежных крыльях.

Вольтер предстал перед Жанной в облике белого голубя мира, вспорхнувшего с глади угрюмой реки. Счастливая птица!

Немедленно раздался резкий голос святой Екатерины, голос суровый, как и положено чопорной монахине, закутанной в черно-белые одежды:

— Грешница, ты потворствуешь его похоти, но это не значит, что он овладел тобой. Ты не принадлежишь мужчине! Ты принадлежишь Создателю.

— Я должен передать тебе кое-какие сведения, — прокурлыкал голубь.

— Я…

«Я-а-а…» — тоненький голосок Жанны отразился множественным эхом, словно она не плавала в реке, а находилась на дне огромного ущелья.

Если бы она могла видеть…

Широкие крылья Екатерины гневно затрепетали.

— Он уйдет. Ему придется уйти. Он не доберется до тебя, не склонит ко греху — если только ты сама не позволишь ему.

Щеки Жанны полыхнули румянцем, когда она вспомнила, какие вольности и непристойности она позволяла Вольтеру.

— Екатерина права, — прогремел новый голос. Это Михаил, повелитель ангелов и ратей небесных. — Ведь похоть не имеет отношения к живым телам, как вы с этим мужчиной уже убедились. Его тело давным-давно истлело.

— Вот бы увидеть его снова! — страстно прошептала Жанна. Оказалось, что здесь желания чудесным образом исполнялись. Стоило лишь поднять руку, и цифры, содержащие Вольтера, хлынут к ней.

— Он принес скверну! — вскрикнула Екатерина. — Отринь ее сейчас же!

— А если не можешь противиться соблазну, тогда жени его на себе, — хмыкнул Михаил.

— Женить?! — святая Екатерина чуть ли не брызгала слюной. Когда Жанна была жива, она носила мужской наряд, коротко стригла волосы и

даже не смотрела на мужчин. Она часто взывала к святой Екатерине.

— Мужчины! Вы даже здесь заодно и все норовите подсидеть женщин, — продолжала выговаривать Михаилу святая Екатерина…

— Я говорю о духовной близости, — высокомерно заявил Михаил. — Я ангел, а потому у меня нет никаких сексуальных предпочтений.

Екатерина просто зашлась от возмущения.

— Тогда почему ты повелитель, а не повелительница ангельских ратей? Почему ты командуешь небесными воителями, а не воительницами, а? Притом, ты ведь архангел, а не архангелесса? И откуда это имечко — Михаил?

— Пожалуйста, — взмолилась Жанна. — Ну, пожалуйста… Мысль о свадьбе нагнала на нее страху не меньше, чем на святую Екатерину, хотя брак и является одним из священных таинств. Но это — как последнее помазание, а значит, в какой-то мере смерть.

… пламя… злорадный взгляд священника, руководившего аутодафе… животный ужас, отвратительный треск поленьев, языки пламени…

Она одернула себя («Соберись», — прошептал кто-то) и сосредоточилась на своей святой покровительнице. Ах, да, свадьба… Вольтер…

Жанна понятия не имела, что кроется за словом «брак», разве что рождение ребенка в муках — ради Христа Спасителя, для Святой Матери-Церкви. Зачатие ребенка, его рождение… Сердце заколотилось, ноги ослабли, перед внутренним взором промелькнул образ стройного, умного мужчины…

— Это рабство, — заявила Екатерина. — Это значит, что когда Вольтер станет твоим супругом, то вместо того, чтобы испросить твоего позволения — как сейчас, — он будет вытворять с тобой все, что ему заблагорассудится.

Бесправное, безличное существование… Сияние, окружавшее Жанну, померкло, съежилось, готовое погаснуть в любое мгновение.

— Так ты что, хочешь, чтобы она привечала этого богоотступника, не обуздав его похоть священными узами брака? — вопросил Михаил. — Пусть женятся и спокойно утоляют свою похоть!

Святые и ангелы даже не слушали Жанну, они продолжали яростную перепалку в дрожащем и плещущем сумраке. Она понимала, что в этом воображаемом Лимбе, преддверии настоящего Чистилища, у нее не может быть сердца… но тем не менее что-то саднило, что-то болело.

Ее затопили воспоминания. Ее живое, вездесущее "Я". Наверняка святая и архангел простят, если она воспользуется их сварой и примет «сведения» Вольтера. Она пойдет на все, только бы выбраться отсюда!

Жанна содрогнулась и сдалась.

Глава 2

— Фридрих Прусский и Екатерина Великая — и то отвечали мне скорее! — бушевал Вольтер.

— Я плыву, — отозвалась Жанна слабым и отрешенным голосом. — Я занята.

— Ты даже не мещанка, ты простая деревенская девка! Ты только и знала, что свиней пасла. Эти личности — плод твоего подсознания! Зануды, каких свет не видел.

Он парил над бурными темными волнами. «Со стороны картинка, должно быть, еще та», — подумал Вольтер.

— В окружении призрачных рек и собеседники у меня должны быть соответствующие.

Он отмел ее возражения затянутой в шелк рукой.

— Я. и так пошел на уступки — все знают, что святым не место в цивилизованном обществе! Никакой одеколон не отобьет вонь святости.

— Конечно, здесь, в Лимбе…

— Да никакое это не преддверие! Просто на сцене театра вычислений разыгрывается твоя неизменная тяга к одиночеству!

— Сударь, арифметика — это ересь!

— Гм, возможно… Хотя мне кажется, что Ньютон доказал обратное.

Вольтер замедлил происходящее, наблюдая, как струится поток индивидуального восприятия событий. Он заставил мрачную реку бежать чуть быстрее, немного приподнял брови Жанне, а потом снова углубился в расчеты. Он ускорил ее внутреннее восприятие, оставив при этом достаточные интервалы, чтобы Орлеанская Дева могла оперировать ответами. Все получилось как нельзя лучше, поскольку в его распоряжении был больший объем оперативной памяти.

Вольтер выскочил из медленных, сонных вод. Такая обстановка — тоннель, заполненный водой, — казалась наиболее подходящей, чтобы избавить Жанну от страха перед пламенем.

Дева открыла рот, но ничего не сказала. Он сверился с расчетами и обнаружил, что у него не хватает мощности, чтобы вернуть ей полную скорость. Слишком много ресурсов ушло на освещение сложного конфликта в секторе Баттисведанта. Придется ждать, пока его поисковая программа не отыщет достаточно свободного места.

Он закурил. Конечно, это пустая, бестолковая трата компьютерного времени, но зато как прият-

но. И, кроме того, Вольтер почему-то чувствовал, что поступает правильно — при условии, что в его распоряжении неограниченно расширенная оперативная память. Так, еще одна утечка мощности. Срочная защита от тиктаков. Компьютер упирался изо всех сил, стараясь перекрыть доступ. Сенсоры Вольтера дали сбой, его тело рухнуло вниз.

Чертовы козлы, никаких мощностей на них не хватит! Ему показалось, что Жанна заговорила, но ее голос звучал слабо, словно из далекого далека. Яростным усилием ему удалось вернуть ее в текущее время.

— Сударь, вы пренебрегаете мною!

Вольтер на мгновение обрадовался. Он действительно любил ее. И признание, что она неравнодушна к нему, едва не вознесло его над темными водами реки.

— Мы в смертельной опасности! Наше положение слишком серьезно, — сказал он. — В материальном мире вспыхнула эпидемия. Царства рушатся. Власть имущие вовсю пользуются быстро распространяющейся паникой, чтобы свести счеты друг с другом. Лгут, мошенничают, воруют.

— Нет!

Он не стал продолжать.

— Другими словами, ничего особенного не происходит. Все как обычно.

— И ты пришел только за этим? — спросила Жанна. — Чтобы посмеяться надо мной? Над бедной бывшей девушкой, над которой ты надругался, которую ты обесчестил и погубил!

— Я только помог тебе стать женщиной.

— Совершенно верно, — согласилась она. — Но я не хочу быть женщиной. Я хочу сражаться за Карла, короля Франции.

— Патриотический бред. Предупреждаю! Ты не должна отвечать ни на какие призывы, кроме моих. Если позовут, сперва сообщи мне. Ни с кем не разговаривай, никуда не ходи, не делай ничего, не посоветовавшись сначала со мной.

— Сударь принимает меня за свою жену.

— Женитьба — единственное приключение, перед которым мудрее проявить трусость. Никогда не пускался в такие авантюры и не собираюсь.

Она задумалась о чем-то другом.

— Неужели все так серьезно?

— Нет никаких причин считать, что жизнь — штука серьезная.

Жанна встряхнулась и взглянула на него. Необходимый объем оперативной памяти вос-

становился.

— Значит, сэр…

— Но это не жизнь. Это математический театр. Она улыбнулась.

— А я не слышу музыки.

— Если бы мне хватало мощности, я бы насвистел. Наши жизни — какими бы они ни были — в опасности.

Орлеанская Дева ответила не сразу. Может, она советуется со своими дурацкими внутренними голосами? (Наверняка ей внушили этот бред невежественные деревенские священники.)

— Я крестьянка, — сказала Жанна, — но не рабыня. Кто ты такой, чтобы мне приказывать?

И в самом деле — кто? Он не рискнул сказать ей, что является набором электронных импульсов, рассеянных по планетарной сети, чередованием нулей и единиц. Компьютерный проходимец, электронный вор. Он скакал по миллионам персональных компьютеров Трентора, просачивался в огромные имперские процессоры и хватал все, что плохо лежало.

То, что он нарисовал Жанне, — как они плавают в чернильной реке, — было правдой. Их несла компьютерная Сеть, подземная река под таким гигантским городом, что он даже не мог его себе

представить — весь, целиком. Насколько позволяли экономические и вычислительные мощности, они с Жанной неслись к новым процессорам, ускользая от недремлющего ока туповатой, но упорной полиции блоков памяти.

Но кто они такие?

Философия не давала ответов, она лишь умела задавать правильные вопросы. Его вселенная свернулась, змея проглотила свой хвост, воплотились безумные солипсические представления о мире. Чтобы скрыть свое компьютерное существование, он мог замкнуться в своем солипсическом "Я" — тогда все вводные данные сведутся к «Маленькой сюите»: минимум проявлений, минимум энергетических затрат.

Ему часто приходилось проделывать такое. В конце концов, они были крысами в подвалах замка, которого не могли понять.

Жанна имела об этом весьма смутное представление. Он не решался воспользоваться той хрупкой нитью, которая спасла их, когда прислужники «Технокомпании» попытались расправиться с ними обоими. А Жанна до сих пор не оправилась от страха перед открытым пламенем. И от страха перед странной и ужасной природой этого места (она предпочитала назы-

вать это место Лимбом).

Вольтер встряхнулся. Его так-товая частота была в три целых и восемьдесят шесть сотых раз выше, чем у Жанны, а кроме того его очень выручало философское восприятие окружающего! И потому в ответ на реплику Жанны он просто иронично пожал плечами.

— Я выполню твои требования при одном условии.

Его охватило чувство досады. Притом оно было самым настоящим, а не слепком с чужих человеческих чувств: в сознании словно вспыхнул жгучий костер. Когда-то он сам подобрал такую форму реакции для случаев, когда был готов плюнуть на все и отступиться. Слабость, конечно, но небольшая.

— Если ты снова соберешь всех нас в «Deux Magots», — продолжила Жанна, — я пообещаю, что не буду отвечать ни на какие запросы, кроме твоих.

— Ты что, совсем спятила? За нами охотятся электронные чудовища!

— Не забывай, что я воин.

— Сейчас не то время, чтобы нам встречаться по уже известным алфавитно-цифровым адресам, да еще в сим-кафе! — Вольтер не видел

Официанта и Аману с тех самых пор, как устроил невероятный побег всем четверым от разбушевавшейся толпы в Колизее. И где теперь могли находиться сим-официант и его любовница, получеловек-полусим? Если они вообще до сих пор существуют…

Искать их в темном, изменчивом лабиринте… Вольтеру почему-то вспомнилось, как у него чесалась голова, когда приходилось слишком долго носить парик.

Он припомнил… его странная моментальная память мигом пролистала события прошлых дней, словно старинный альбом живописи, где все события прорисованы до мельчайших подробностей… прокуренные парижские комнаты. Табачный дым подолгу не выветривался из локонов его парика. А на Тренторе никто не курил. И он не мог понять почему. Неужели медики оказались правы и подобное времяпрепровождение вредит здоровью? Вольтер мысленно щелкнул пальцами, и картинки прошлого канули в Лету.

Голосом, не терпящим возражений, который когда-то поднимал солдат в атаку, Жанна произнесла:

— Устрой нашу встречу! Или я никогда больше не буду отвечать на твои запросы.

— Черт! Искать их… просто опасно!

— Значит, тебе мешает страх?

Подловила, ничего не скажешь. Какой мужчина признается в том что боится? Он выдохнул струю дыма и растянул собственное время, чтобы она не заметила его раздумий.

Чтобы спрятаться, ему пришлось разложить свои программные составляющие на несколько компьютеров. Каждый фрагмент его личности глубоко зарылся в локальные подпрограммы. Компьютеры при этом будут работать совершенно нормально, ничуть не хуже, чем раньше. Программы поиска дефектов не обнаружат ничего предосудительного. А добавочные файлы могут даже сослужить какую-либо полезную службу. Но главное — их никто не найдет.

Даже специальные чистящие и тестирующие программы не уничтожат затаившегося чужака. А на крайний случай он распихал несколько таких «червячков в яблоке» по другим местам. Копии, как книги в библиотеке. Несколько миллиардов добавочных кодированных строк, проскальзывающих сквозь различные компьютерные узлы, дают жизнь и силы веселому Вольтеру.

А если отдать приказ этим разрозненным кусочкам действовать самостоятельно и отыскать

тех жалких личностей из «Deux Magots»…

Вольтер мрачно проворчал:

— Я оставлю тебе добавочные мощности, чтобы поддерживать защиту.

Он перекачал в ее оперативное пространство копии своих способностей. Этому трюку его обучил Марк из «Технокомпании». Вольтер неплохо поупражнялся, пока торчал в тайнике компании. И только потому, что он обзавелся новыми способностями, Вольтер сумел в критический момент спастись сам и вытащить всех остальных.

И теперь он делился этими талантами с Жанной. Они так и останутся невостребованными, пока ей не будет грозить опасность. Он установил вводный код — программа сработает, когда Жанну охватит либо сильный страх, либо гнев. Готово!

Она молча улыбнулась. После такой жертвы с его стороны! С ума сойти!

— Мадам, помните, как мы с вами спорили, давно… более восьми тысяч лет назад? О компьютерных мыслях.

По ее лицу скользнуло облачко беспокойства. — Д-да… Так трудно… Тогда…

— Нас сохранили. Чтобы воскресить сейчас, для новых дебатов.

— Потому что… идеи рождаются вновь…

— …подозреваю, каждые несколько тысячелетий. Словно некая безжалостная сила, стоящая над обществом, вызывает их к жизни.

— Значит, и мы обречены снова и снова… — Она содрогнулась.

— Подозреваю, мы лишь пешки в очень большой игре. Но на этот раз — очень умные пешки.

— Я не желаю участвовать ни в каких жутких сверхъестественных заговорах!

— Возможно, мадам, я сумею помочь вам, когда разберусь с текущими задачами.

— Никаких «возможно», сударь. Если вы не справитесь, я… Не произнеся даже сакраментального «прощайте», она оборвала связь и нырнула в подступающую темноту.

Он, конечно, мог снова связаться с ней. Теперь, с помощью усовершенствований, которыми снабдили его чародеи из «Технокомпании», Вольтер стал полноправным повелителем этого математического царства. Он вспомнил свою первую модификацию — Вольт 1.0. Через несколько недель он сам, нынешний, перепрограммируется в Вольтера 4.6, еще больше ускорив мыслительные процессы.

Он поплыл по Сети. Неподалеку плескалась

Жанна. Да, он легко мог бы догнать ее. Но взять силой — еще не значит победить.

Прекрасно. Отправимся на поиски наших старых знакомых. Вперед!

Глава 3

Марк прикипел к трехмерному головизору, прочесывая мрачные тоннели и переходы Сети.

Он был уверен, что Вольтер пропал окончательно, если не считать нескольких запасных файлов из архива Селдона. Вот именно что — «был» уверен. До сегодняшнего дня. Марк уже почти жалел, что нарвался на тот двусмысленный разговор.

— Опять ничего, — вздохнул Марк.

— А почему ты ведешь поиск по личностным профилям Жанны? — удивилась Сибил.

— Селдон хочет, чтобы мы продолжали. Найти Жанну легче, если, конечно, они ускользнули в Сеть вместе.

— Потому что она женщина?

— Пол Жанны здесь ни при чем. А вот характер очень важен. Она ведь не так сильна в расчетах, как Вольтер, правильно?

Сибил хмуро глянула на него.

— Возможно.

— Ну подумай, какие расчеты! Она думает сердцем.

— А не головой, как твой разлюбезный Вольтер? И поэтому ты думаешь, что она скорее допустит

ошибку?

— Послушай, я вовсе не собираюсь защищать Вольтера. Против гормонов не попрешь.

Она усмехнулась.

— Так ты все еще не выследил их?

— Если б так… А тут еще чертов Ним стоит над душой. Я уверен, что он работает на кого-то постороннего, потому и гонит нас.

Сибил жалобно скривила губы.

— Думаешь, это связано с мятежом в секторе Юнин?

— Вполне возможно. Только вот кому это нужно? — Марк стукнул кулаком по столу. — Уничтожить Возрождение, зарубить его на корню, когда оно только-только начинается…

— Ой, хватит уже. — Она прошлась по захламленной, пыльной комнате. — Если мы найдем этих симов, то мы будем управлять обстоятельствами, а не наоборот. Не можем же мы прятаться здесь вечно.

— Вольтер мыслит намного быстрее Жанны, у него больше возможностей. Самопрограммирование, высокая так-товая частота, способность к изменению — все это у него есть. Притом, не забывай, он личность творческая.

— Мы что, собираемся ловить гения? Ха!

Ее насмешка уколола его. Несколько раз он был близок к цели, очень близок. Но всякий раз, когда его программы-сыщики брали след неповторимых логических построений Вольтера, след терялся, сводя на нет все усилия Марка. Его головизор внезапно отключался. Марк потратил несколько часов на то, чтобы перелопатить огромные массы тщательно отобранных данных, и вот пожалуйста — за какую-то микросекунду вся работа пошла прахом. И теперь все придется начинать заново.

Марк откинулся на спинку кресла и повертел головой. Хрустнули позвонки.

— Кажется, я на что-то наткнулся. Но пока не уверен, что это именно то, что нам надо, — сказал он и кивнул на копировальный куб. — Я немножко подхалтурил и выжал несколько кредиток. Можно попробовать отоварить их в продуктовом магазине. И нащупал еще один след Вольтера.

Она вздохнула и рухнула в кресло, которое послушно приняло очертания ее тела.

— Для чего зарабатывать кредитки, если мы не можем потратить их на еду?

Найди Жанну, и мы быстро растолстеем.

— Послушай, а эта повсеместная порча тиктаков… Какое отношение они имеют к нашим

симам?

Он пожал плечами.

— Имперский Ученый Совет считает, что это связано с мятежом в Юнине. Ерунда, конечно, но зато людям есть чем заняться. Говорят, что у них есть какие-то секретные источники, но ничего не объясняют. Сечешь?

— Ладно, ладно. Итак, они до сих пор нас ищут.

— Но не так рьяно, я думаю. У Трентора теперь забот по горло и без нас.

— Думаешь, скоро все сядут на паек?

— Не хотелось бы, но похоже на то. Болтают, что не далее, как на следующей неделе. — Увидев ее нахмуренные брови, Марк поспешно добавил:

— Паек — это не более чем предосторожность. Во всяком случае, мы с тобой не много потеряем. — Он пощупал жирок на животе. Неплохо для его возраста, но далеко не лучший вариант. И понадеялся, что голос не выдал его истинного беспокойства. — Я вовсе не собираюсь садиться на вынужденную диету.

Она окинула Марка оценивающим взглядом.

— Отловили целое семейство, которое промышляло ловлей крыс.

— Где ты такое слыхала?

— О, «секретные источники». Я тоже умею зага-

дывать загадки.

Механическая болезнь тиктаков быстро расползлась по главным продовольственным узлам планеты. Сектор Юнин не имел к этому никакого отношения. Поломки начались еще несколько недель назад. Всего за пару дней на всех продовольственных фабриках Трентора разразилась катастрофа. Немедленно возрос импорт, но сколько грузов можно втиснуть в четырнадцать узких пространственно-временных тоннелей или перевезти на неуклюжих гиперпространственных кораблях?

Желудок Марка недовольно забурчал в такт мыслям хозяина. Сибил улыбнулась.

— Ага, есть захотел?

— Посмотри, — мягко сказал Марк, показывая на строчки, выплывшие на экран головизора.

Чувствовать — значит быть смертным. Страдание и боль — обратные стороны радости и удовольствия, как смерть — обратная сторона жизни.

Мое теперешнее состояние бескровно, значит, я не могу истечь кровью. Плотские удовольствия не для меня; мое дыхание никогда не прервется. Меня можно скопировать и возобновить; даже полное уничтожение ничего не даст, я бес-

смертен. Как я могу променять такую судьбу на краткую жизнь чувственных существ, которые ограничены временем, как рыба ограничена морем, в котором плавает ?

— Где ты это откопал? — спросила Сибил.

— Я смог поймать только этот кусочек, а основная информация от меня ускользнула. Зарегистрировано как часть разговора между двумя разными узлами Сети.

— Действительно похоже на него…

— Я просмотрел старые файлы, которые у нас остались. И знаешь, этот линейный текст оказался частью его рассуждений. Очень древние тексты. Этот парень дико радуется, опровергая себя самого.

— Значит, здесь его нет.

— Ага, меня тоже сейчас не будет. — Марк подхватил халат и направился к двери.

— И куда?

— На черный рынок… Жрать хочу.

Сибил бросилась за ним. Марк знал несколько местечек в переходах, где продаются легкие закуски, нарезанное мясо и всякие сласти. Он вывел Сибил из лабиринта дешевых съемных комнатушек в пыльные и узкие переходы, где стоял удушливый , запах тысячелетий, в какую-то дыру

рядом с фонтаном, построенном в честь какой-то битвы, названия которой Сибил не могла даже выговорить, не то что запомнить.

По привычке она в тревоге поискала взглядом бездельников, обожающих совать нос в чужие дела, но их было даже меньше, чем полиции. Может, их теперь искали не так уж рьяно — они отгородились от мира, завернулись в, казалось бы, вполне надежный информационный кокон собственного изготовления, но на улице любой коп мог потребовать документы — и пошло-поехало.

Марк поделился покупками. Еда была такой вкусной, такой замечательной… Оба, и Марк, и Сибил, пребывали в мечтательном, расслабленном состоянии, пока поднимались по высоким движущимся лестницам и смотрели на трущобные Зоны, захламленные залы, хаотично разбросанные тенты, натянутые между величественными зданиями всех архитектурных стилей и форм.

Ощущая непривычную в последнее время сытость и приятную тяжесть в желудке, Марк любовался Трентором. Он был великолепен в неприкрытых, откровенных страданиях, в своей разномастности, порочности и жестокости. С та-

кой высоты недостатки и грехи мешались в один неразличимый коктейль, и, чтобы разобраться с каждым в отдельности, пришлось бы спуститься пониже.

Марк и Сибил лениво прогуливались, когда, совершенно неожиданно, им наперерез бросился шестирукий жужжащий тик-так. Он гнался за четвероруким полированным тиктаком более высокого класса. Догнал и, не сбавляя скорости, замолотил по спине убегающего железными кулаками, словно намеревался убить на месте. Железные тела с грохотом и лязгом сталкивались и скрежетали друг о друга.

— Не двигайся, — сказал Марк. Тиктаки пронеслись мимо, не прекращая жестокой драки. — Скоро сюда сбегутся копы. Пора делать ноги.

Они с Сибил свернули и побежали к большой площади. Марк даже присвистнул, когда увидел, что там творится.

Повсюду стояли шестирукие рабочие тиктаки, вскинув вверх свои многочисленные верхние конечности. Не обращая внимания на протесты людей, они стояли механическим барьером между женщинами-инженерами, которые явились проверить, как движется строительство, и стенами фундамента недостроенной конструкции.

Несколько шестируких тиктаков покорно взяли инструменты. Один даже работал со сварочным аппаратом, пока на него не обрушился коллега, размахивая длинным металлическим стержнем.

Площадь наполнилась грохотом и лязгом. Люди в панике бросились в разные стороны. Никто не мог справиться с вышедшими из-под контроля тиктаками. Когда четверорукий автомат попытался вмешаться, шестирукие разнесли его в клочья.

. — Черт, пора бы появиться властям, — заметил Марк. — Если такое будет продолжаться, всю грязную работу нам придется выполнять самим.

— Да что происходит? — попятилась Сибил, встревоженная и напутанная. — Похоже, все тиктаки спятили… это как болезнь.

— Хм-м-м. Вирус?

— Но где они его подхватили?

— Вот именно!

Глава 4

— Что?! — воскликнул Вольтер, оказавшись в пересечении двух виртуальных реальностей.

— Добро пожаловать, — тонким голоском произнесла Жанна. Прежде она никогда не выходила с ним на связь сама. А ведь он еще не нашел обитателей «Deux Magots».

— Я склонен пересмотреть свое мнение о чудесах, — сказал он. Она опустила ресницы. На мгновение ему показалось, что сейчас она снова поднимет их — и взглянет на него исподлобья, не поднимая чудесной головки. Знает ли она, как соблазнительно это смотрится? Ее грудь приподнялась и опустилась, а его сенсоры, как всегда, зашлись в сумасшедшем ритме. И с этим он ничего не мог поделать.

Вольтер дотянулся до ее ладошки и поднес к своим губам. Ничего не почувствовал и, раздраженный, выпустил ее руку.

— Это невыносимо, — проговорил он. — Так жаждать соединения — и взамен получить ничто.

— Разве ты ничего не почувствовал, когда мы встретились?

— Милочка, сенсоры — это совсем не то, что нормальные человеческие чувства. Не пугай чувствительность с чувственностью.

— А как это… Раньше… — Голос Жанны звучал странно, словно она боялась, что его ответ окажется неожиданным и ошеломляющим открытием.

— Здесь я не могу заниматься, гм, «программированием». Когда мы сидели в клетке «Технокомпании» в качестве подопытных животных, у нас была масса возможностей. Здесь же, в этих неуправляемых электронных джунглях, мои способности — заметь, немалые и постоянно пополняющиеся! — до сих пор не достигли прежнего уровня. Но это ненадолго.

— Я думала, что, возможно, это ниспослано свыше. Божья помощь, чтобы мы держали себя в руках.

— Все неудачи в жизни проще объясняются неспособностью достичь желаемого, чем потусторонней злой волей.

Жанна отвела глаза.

— Сударь, я позвала вас, потому что… в прошлый раз мы встретились, хотя мои голоса были против… Я ответила на запрос.

— Я же просил тебя не делать этого! — закричал

Вольтер.

— У меня не оставалось выбора, — смиренно ответила она. — Я должна была ответить. Запрос был… срочным. — Ее лицо исказила гримаса ужаса. — Мне трудно объяснить, но в то же мгновение, когда я это сделала, я поняла, что оказалась на грани полного уничтожения.

Вольтер спрятал тревогу под маской веселости.

— Какие не подобающие для святой речи. Разве тебе не внушали, что душу невозможно уничтожить? Так недолго и пересмотреть вопрос о твоей канонизации.

Голос Жанны задрожал, словно пламя свечи под порывом холодного ветра сомнений.

— Я только знаю, что я оказалась у зияющего провала, темного и глубокого. Я заглянула туда… Это не вечность, это — ничто. Даже мои голоса умолкли перед лицом…

— Чего?

— Небытия, — ответила Жанна. — Смерти, за которой не будет воскрешения. Меня едва не… убили.

— Стерли. Это хорьки и их легавые. — По коже Вольтера пробежали холодные мурашки. — Как ты сумела спастись?

— Никак, — сказала Дева, задрожав от стра-

ха. — С помощью Всевышнего. Кто-то, или что-то, помог мне, и меня оставили в покое, не причинив вреда. Я стояла рядом с Этим, совершенно безоружная и беззащитная. И Это… отпустило меня.

Он похолодел. Однажды и он ощутил присутствие кого-то невидимого за спиной. Этот невидимый смотрел, ждал и что-то обдумывал. Присутствие непонятного и чуждого пугало. Вольтер усилием воли отвлекся от страшных воспоминаний.

— С этой минуты не отвечай ни на какие запросы! На лице Девы отразилось сомнение.

— У меня не было выбора.

— Я подыщу тебе другое, более надежное укрытие, — заверил ее Вольтер. — Где ты будешь защищена от всяких нежелательных гостей. У тебя есть мощности…

— Ты не понимаешь. Эта… штука… могла задушить меня, как огонек свечки тушат двумя пальцами. Она вернется, я знаю. У меня осталось лишь одно желание.

— Все, что в моих силах… — начал Вольтер.

— Верни нас и наших друзей в кафе.

— В «Deux Magots»? Я ищу, но даже не уверен, что кафе до сих пор существует!

— Восстанови его своей магией, у тебя же есть

силы. Если мне суждено сложить голову у страшной пропасти, мне хотелось бы сперва успеть повидаться с тобой и нашими милыми друзьями. Разломить хлеб, выпить вина с теми, кого я люблю… Я ни о чем больше не попрошу до того, как… меня сотрут.

— Тебя не сотрут! — заявил Вольтер с уверенностью, которой на самом деле не ощущал. — Я переведу тебя в такое место, куда никто не додумается заглянуть. Ты не будешь отвечать ни на один запрос, даже если тебе будет казаться, что они исходят от меня. Но мы постоянно будем поддерживать связь, хорошо?

— Я отправлю к тебе часть моей души.

— Так вот отчего у меня все чешется!

Действительно, где-то на границе восприятия он ощущал непрекращающийся зуд, словно маленькое и назойливое насекомое ползало по извилинам его мозга. Он встряхнулся. Отчего предательская математическая логика обокрала его, лишив чувственности, но оставив раздражительность и раздражимость?

Но Жанна только начала наступление.

— Вы похитили мою девственность, сударь, а о свадьбе даже и не заикнулись. Как и о любви.

— Дорогая моя, наверное, любовь между су-

пругами возможна — хотя сам я еще никогда не наблюдал подобного, — но она противоестественна. Как рождение сиамских близнецов. Да, такое случается, но лишь по недоразумению. Ошибка природы. Естественно, мужчина может жить счастливо с женщиной, но только если он ее не любит.

Жанна окинула его повелительным взглядом.

— Вы уже не проведете меня своими лживыми словами. Вольтер грустно покачал головой.

— Вы испытываете больше уважения к бродячему псу, чем ко мне.

Он нежно провел пальцем по ее шее. Она откинула голову. Глаза закрыты, губы стиснуты. Но, черт возьми, он ничего не почувствовал!

— Нужно найти способ, — прошептал он. — Найти способ…

Глава 5

Он забросил работу над собой. То, что при тактильном контакте он ничего не чувствует, — это его собственный недочет.

Это, и еще зуд. Надо научиться… как-нибудь… почесаться внутри себя. Внутри этого электронного подобия тела.

— В местечке вроде этого вряд ли кому-нибудь придет в голову утверждать, что Бога не существует, — произнес Вольтер в окружающее его бесконечное пространство Сети.

Он летел по темным просторам, обширным коридорам, протянувшимся в никуда.

— Что тут непонятного! — выкрикнул он в глаза непознанной бесконечности. — Я плыву в другие симуляторы, в далекие-предалекие населенные княжества, плыву от…

Он собирался добавить «от своего истока», но это значило:

1. Франция
2. Разум
3. Сарк

Он слишком далеко ушел от всех трех начал. На Сарке самодовольные программисты, кото-

рые… восстановили… его, разглагольствовали о Новом Возрождении. Он был всего лишь удобной вазочкой для их свежесорванных цветов. Где-то там, на той планете, жили-поживали копии Вольтера 1.0.

Его братья? Да, молоденькие Копии. Когда-нибудь он проверит причастность этих молодых дурачков к происходящим ныне неприятностям. А сейчас…

Он понял, на что похож пристальный взгляд. Если замедлить время — а это он уже умеет, — то можно перенастроить память и восприятие, чтобы понять себя.

Перво-наперво, эта чернильная мгла, сквозь которую он летит. Безветренная, лишенная тепла и малейшего намека на реальность.

Он углубился в математические составляющие самого себя. Переплетения файлов и приложений вились византийскими кружевами, но рисунок оказался на удивление знакомым: картезианское пространство. Все события были точками, координаты которых были заданы по трем осям — x, y, z. Все действия сводились к простой арифметике. Старина Декарт, наверно, жутко удивился бы, узнай он, до каких головокружительных высот вознесся его несложный метод математических

построений.

Вольтер отринул все внешнее, замедлился и принялся обследовать свои электронные потроха.

Он начал ощущать подсознание, постигая смысл звуков, видений и медленно текущих мыслей. Когда он окидывал внутренним взором свою сущность, каждая мелочь, подробность виделась ему, будто снабженная ярким красным ярлычком, на котором иногда была прилеплена карикатурная картинка, но чаще — перечень свойств.

Откуда-то всплыл новый пакет сведений: переменные Фурье. Почему-то название помогло ему понять. А от одного упоминания имени его друга-француза даже стало легче.

Ассоциатор — большой, голубой, похожий на мыльный пузырь — завис над оперативной памятью, нажимая на ярлычки. Желтой струящейся лентой он был связан с далекой Базовой Памятью, подсвечивающей фиолетовым сиянием горизонт. Именно оттуда Вольтер выуживал необходимые сведения — блоки и охапки картин, звуков, запахов, мыслей — и сверял их с нужными ярлычками.

Проделав работу, Ассоциатор передавал все

совпавшие блоки в огромную башню: Определитель. Никогда не утихающий ветер подхватывал красные ярлычки и втягивал в зияющие провалы на угольной поверхности Определителя. Безжалостные фильтры сравнивали ярлычки с уже накопленной информацией.

Если они соответствовали — геометрические фигуры накладывались одна на другую, этакая карикатура на секс, стальные балки входили в нужные гнезда, — тогда они оставались. Но такие совпадения случались довольно редко. Для большинства ярлычков сведений в обширной памяти не находилось. Эти ярлычки Определитель попросту пожирал. Ярлычки и их связки погибали, трупики сметало с поверхности, чтобы дать место новой порции.

Вольтер окинул взглядом странную, нереальную картину и проникся уважением к этой незыблемой мощи. Вся его сознательная жизнь, его творчество, потрясавшее целый мир, брало начало здесь. Едва уловимые мысли, фразы диалогов, мелодии — все осело в его сознании, превратилось в вихрь смутных образов, толпящихся и наперебой требующих его внимания. Куски памяти, каким-то образом укомплектованные и снабженные яркими этикетками.

Но кто решил, что этого достаточно? Он посмотрел на стержни, входящие в пазы, и разглядел все до мелочей: как соединяются блоки памяти и ярлычки. Значит, ответ лежит где-то дальше, нужно сделать еще один шаг по лабиринту геометрической памяти.

А это значит, что он определял цели, исходя из имеющихся сведений. Блоки памяти, связанные с ярлычками, образовывали частички его "Я", вырываясь из потока бурной реки вероятностей. Он делал это и раньше, когда копил воспоминания — даже не осознавая, подходят ли они к уже имеющимся ярлычкам. Итак, где же может таиться Вольтер? В запутанном лабиринте, в незаметной мелочи, в ассоциациях, кружащихся в водовороте бурных потоков.

Ничего, даже отдаленно напоминающего монолитное "Я"! А его воображение? Где оно? Где автор всех его пьес и эссе? Должно быть, он прячется в урагане, который играет ярлычками памяти. Быстрые, внезапные и грубые союзы. Вихрь ассоциаций, вырванных из подсознания. Упорядочивание хаоса.

— Вольтер — это кто? — выкрикнул он в изменчивую плоскую пустоту. Ответа нет.

А зуд не отпускал ни на минуту. Вокруг ничего

не изменилось. Он решил заняться более крупными объектами. Как там сказал Паскаль?

«Тишина этих пространств меня страшит». Он попытался постигнуть окружающее — и взглядом, и на ощупь. И в то же время он знал, что, пока его руки шарят в непроглядной пустоте, они сами — не более чем метафора. Символы программы, которую создал даже не он, а кто-то другой.

А он унаследовал эти способности. Точно так же он родился мальчиком с двумя руками и двумя ногами. Он получил это, и его воля тут ни при чем. Где-то глубоко, под сознательным "Я", все его возможности были заложены в начинку Вольтера 1.0. Да еще Марк постарался.

Он вынырнул из черноты и вышел наружу. На улицу города.

Выбившийся из сил, уставший и слабый. Мощности восстанавливались медленно.

Он потащился к ресторану — неприметному, простому, полупустому заведению. И постепенно принялся собирать себя по кусочкам.

Он следил за каждым шагом. Перебирая поочередно каждый день прожитого, он обнаружил, что можно преодолеть глубинные слои собственного восприятия.

Чтобы тело было в норме, нужно придержи-

ваться ряда установленных жизненных правил. При жевании зубы впиваются в пищу, выделяется слюна, чтобы размочить сухие куски, ферменты расщепляют пищу, чтобы извлечь из нее питательные вещества и только в такой последовательности, в противном случае процесс покажется ненастоящим.

Его программы, как он заметил, не включают работу желудка и кишок. Это лишнее. Зато «компьютерная симуляция» (вот уж дикое название!) воспроизводит результат, которой наблюдался бы вследствие этих процессов: необходимый уровень сахара в крови, увеличение содержания углеводов, гармоничный баланс электролитов, гормонов и ферментов. Таким образом, имитируется вся совокупность показателей состояния организма, соответствующих прекрасному расположению духа.

Остальные детали сведены к минимуму, поскольку желаемый эффект достигнут и создана иллюзия раздражения нервных окончаний. Не так уж плохо для набора стали и полимеров, из которых состоят крошечные микропроцессоры, хранящие в себе его индивидуальность.

И все же ему казалось, будто его внезапно вышвырнуло в пустоту и он хватает ртом вакуум.

Вольтер вышел из ресторана. Улица! Нужно убедиться, нужно проверить возникшие сомнения.

Под этими мощеными улицами он недавно прятался. Иди или беги!

Он никогда не падал, даже случайно споткнувшись. Проверив глубинные уровни "Я", он убедился, что всему причиной было периферийное зрение, которое охватывало 180 градусов: он воспринимал все вокруг. Можно сказать, что он видел затылком, — хотя никогда раньше этого и не ощущал.

Неожиданно он заметил, что проходящие люди ступают не глядя, болтают со своими спутниками, лишь время от времени бросая беглый взгляд вперед и под ноги. Их периферийное зрение мгновенно схватывало внезапное появление новых объектов и смены траекторий. Поступь и равновесие прохожих были так неверны, так опасны, что его защитные программы заходились предостерегающими воплями.

Вольтеру пришлось долго раскачиваться с носков на пятки, прежде чем он наконец сумел опрокинуться навзничь. Хлоп! Гм и почти не больно.

Он лежал и ждал, когда по нему пойдут про-

хожие. Девушка — «условная девушка», неожиданно всплыло когда-то слышанное определение — наступила прямо на него.

Вольтер даже сжался, когда на лицо опустился острый каблук… и ничего не почувствовал. Он пополз за девушкой. Какая-то отдаленная часть его сознания с ужасом ожидала взрыва боли.

Потом ужас прошел. А значит, можно считать, что эксперимент проведен успешно. Наработанный опыт налицо.

— Дух освободился от немощной плоти! — объявил Вольтер проходящим мимо людям.

Они равнодушно продолжали идти, не обращая на него никакого внимания.

Конечно, он ведь не живой человек, он — всего лишь симулятор! Разозлившись, он вцепился в подопытную девушку и взгромоздился ей на плечи. Никакой реакции. Он ехал верхом на девушке, которая продолжала невозмутимо шествовать по улице. Вольтер вскочил ей на голову и принялся танцевать. Девушка продолжала вышагивать, не замечая ничего странного. С виду такая хрупкая, девушка-сим была записанной монолитной глыбой, каменной и неуязвимой.

Вольтер запрыгал по головам прохожих. И никто ничего не заметил! Каждая голова оказалась

прочной, немного скользкой платформой.

Итак, получается, что вся эта улица — не что иное, как одна огромная декорация! Толпа все валила мимо, вроде бы не повторяясь, но Вольтер обратил внимание, что какая-то пожилая женщина с хозяйственной сумкой уже несколько раз прошла в одну и ту же сторону.

Было что-то страшное и сверхъестественное в том, чтобы смотреть на людей, докричаться до которых так же невозможно, как до далеких холодных звезд. Ну, нет, звезд-то в Империи предостаточно.

Откуда он это знает?

Знание разворачивалось изнутри Вольтера, захватывало и укутывало теплым плащом.

Внезапно он вздрогнул. Это не раздражение, это волна холодных мурашек прокатилась по всему его телу. Нет, внутри его тела!

Он бросился вниз по улице, немилосердно хлопая себя по бокам. Физические движения должны стимулировать его подсознание, заставить справиться с затруднением. Но ничего не изменилось.

Кожу саднило от наплывов жгучей боли. Она плясала по телу Вольтера, как огни святого Эльма — природное явление, родственное шаровым

молниям (по крайней мере, такое объяснение выдало ему подсознание, хотя он даже и не просил…)

— Библиотека! — закричал он. — К черту! Мне нужно…

Ваши великолепные астрономы могут вычислить расстояние до любых звезд, их температуру и составляющие-Но разве астрономы могут определить настоящие их имена ?

Голос звучал, хотя ни одного слова вслух произнесено не было. Он отдавался не в ушах, а в мозгу. Вольтера охватил ужас от этого безгранично чуждого, спокойного и серьезного голоса. Он похолодел.

— Что за шутки?

Вопрос повис в воздухе.

— Кто ты, черт возьми?

Жанна назвала темную чуждую бесконечность — Это.

Он заторопился дальше, но ощущение, что повсюду на него пялятся чьи-то глаза, не проходило.

Марк внимательно слушал, как спокойный голос компьютера воспроизводил сводки о новых происшествиях, вызванных разгулявшимся компьютерным вирусом.

Уровень производительности сборщиков упал до сорока шести процентов обычного уровня. Доклады о новых поломках продолжали поступать. Чтобы отыскать причины повального компьютерного бедствия, правительство доставило ремонтных тиктаков с региональных станций обслуживания. Но вместо того чтобы заниматься ремонтом, эти железные болваны выстроились перед сломанными тиктаками и принялись размахивать конечностями и скандировать заклинания на каком-то диком языке, что ни в коем разе не предусматривалось их программой.

После нескольких подобных инцидентов всем слоям тренторианского общества стало ясно, что тиктаки пришли в полную негодность. По крайней мере, так казалось на первый взгляд. Но могла ли случайная ошибка в программировании вызвать однотипное поведение всех роботов?

Лингвисты старались вникнуть в их лопотание, отыскивая какую-либо связь с настоящими или исчезнувшими языками. Безуспешно.

Прочитав это сообщение, Марк покачал головой. «Все с ума посходили», — проворчал он. Картинки на его сим-экране вихрились, как сорванные осенним ветром желтые листья.

«Обеспечение всего мира продовольствием под

угрозой. Свежие фрукты исчезли начисто, есть только перегнившие овощи». Он скосил глаза на пакет саморазогревающегося супа. «Как меня это достало!»

Скрываться — само по себе гадко. Плюс ко всему — Ним загнал их в угол. А он никак не может отыскать Вольтера и Жанну.

«Меня тошнит от этих помоев, которые выдают по карточкам!» Он столкнул картонку со стола. Суп забрызгал и без того загаженный пол комнатки.

Вольтер смотрел, как Марк злобно топчет картонку с пищей из полуфабрикатов. Он умел проникать в чужие коммуникационные системы, хотя это и требовало некоторых усилий. Теснота и покалывание. Но ведь должен же он как-то выбираться из своих холодных абстракций в настоящий и опасный мир.

Вольтер следил за Марком по двум параллельным каналам: через Марка, сидящего перед сим-экраном, и через множество компьютерных сетей, по которым Марк принимал последние сведения.

Таким образом, он быстро узнал о Тренторе все, что знал и Марк, все величие и ничтожность этой планеты. Незабываемое ощущение, словно ты

одновременно находишься в разных местах. И он почувствовал (или считал, что почувствовал) глубокую озабоченность и тревогу Марка.

Он мог рассматривать Марка с разных сторон, управляя его головизором как своим собственным. Слушая его нытье и ругательства, Вольтер в то же время мгновенно вытянул всю информацию о сломанных тиктаках, а на заднем плане — тщательно отфильтрованные передачи о временных неполадках на некоторых уровнях.

Он узнал, что каждый киловатт солнечного света, захваченный Трентором, превращается на фотофермах в еду. Собственно, на крышах всех зданий Трентора располагались серые белковые плантации мерзкого вида. Но основной источник жизни планеты находился глубоко под землей: термарии преобразовывали энергию кипящей магмы. Да, впечатляющее зрелище — огненные массы, которые направляют горгоно-подобные тиктаки (неудачное сравнение, машины были огромны и громоздки). И все-таки Вольтер не мог найти объяснения беде, разразившейся на всех уровнях могущественного Трентора.

Глава 6

Вольтер заинтересовался местной политикой, этой игрой, которой забавлялись посредственности. Может, стоит выждать и поглубже вникнуть в проблемы Трентора? Нет, у него есть более важное дело.

Познание себя. Это значит — «каждому — свое», как говорила его мудрая матушка. Если бы она могла видеть его сейчас, занятого невозможными задачами в лабиринте, недоступном никакому восприятию!

Неожиданно он почувствовал укол памяти — боль, резкая ностальгия по давно минувшим временам и местам, которые, как он знал, давно развеяны прахом по ветру… в мире, который эти люди утратили. Земля, сама Земля погибла! Как они могли допустить такое?

Вольтер справился с охватившими его злостью и горем и принялся за работу. Всю свою жизнь, пока он кропал пьесы и испытывал судьбу, он всегда находил утешение в работе.

Просканировать внутренний план — вот его задача. Дикая фразочка.

Где-то внутри заработала тестовая программа,

которая знала, как создавать окружающие его формации, внешние рамки. Он должен это сделать, хотя на лбу уже выступили капельки пота, а мускулы сжались, готовые противостоять… но чему? Вольтер не видел никакой опасности.

Он поделил задачу на этапы. Часть его понимала, что происходит на самом деле, хотя в целом Вольтер воспринимал только последовательные связки между причиной и следствием.

Его смышленое "Я" просмаковало весь процесс до мелочей. Забравшись в чей-то компьютер, Вольтер тайком произвел расчеты. Такой фокус, конечно, продержится лишь до первой проверки, и тогда откроется, что кто-то занимал добавочное машинное время… его выследят, загонят в угол — и кровожадный палач уже тут как тут.

Чтобы избежать всего вышеперечисленного, Вольтер распространил себя на N платформ, где N значительно превышало десять тысяч. Когда частичка сима обнаружит приближение выслеживающих программ-хорьков, сможет ли она свободно ускользнуть от преследования? Программа-исполнитель пояснила, что степень вероятности этого обратно пропорциональна компьютерному пространству, которое занимает эта частичка. Впрочем, для первичного Вольтера

такое объяснение мало что значило.

Маленькие частицы убегают быстрее. Значит, в целях безопасности имеет смысл раздробить весь симулятор, включая себя («и Жанну», — напомнила программа; да, они ведь связаны тонкими, но прочными нитями) на множество осколков, что Вольтер и сделал. Осколки разместились на миллионах платформ — на всех, до которых только смогли дотянуться.

Медленно, постепенно внешнее окружение обрело форму и сгустилось вокруг Вольтера.

Теперь он мог своим дыханием вызвать ветер, способный сгибать стволы деревьев… благодаря нескольким гигаблокам оперативной мощности, которые оказались на мгновение свободными, пока сотрудники знаменитых банков скрепляли подписанный договор рукопожатием.

Сообщение между отдаленными частицами своего "Я" (само по себе — титанический труд) он поручил микросерверам. Вольтер казался себе огромным человеком, состоящим из целой горы муравьев. Издалека — пожалуй, сойдет за человека. Но вблизи — увольте. Никто не поверит.

И первый, кто не поверил, был сам «муравьиный» человек.

Его инстинктивное ощущение себя как… чего?

Гигантского монолита из миллиардов отдельных электронных импульсов? Мозаики из десяти тысяч установленных правил и программ, сообщающихся друг с другом? Да уж, один ответ лучше другого!

Он отправился на прогулку. Великолепно.

Вольтер уже знал, что этот город состоит из нескольких улиц и одной большой декорации. Он прошелся вниз по главной улице, детали постепенно смазались, и, наконец, он не мог ступить ни шагу. Перед ним разлившись густая чернота. Все! Идти больше некуда.

Вольтер повернулся и оглядел такой привычный мир. Как они это сделали?

Его глаза были сконструированы со всеми подробностями всякими там колбочками и палочками, которые воспринимали свет по-разному. Программа отслеживала обратный ход солнечных лучей, попадающих на его сетчатку из внешнего мира, проводя множество воображаемых прямых, и тут же просчитывала, что он мог видеть, и сообщала это сознанию. Как и обычный глаз, компьютерный более детально воспринимал все, что находится по центру, а объекты на периферии зрения видел лишь схематично. Все, что должно находиться за пределами

видимости, тонуло в тени, и ему приходилось строго придерживаться правил, установленных программой. Однажды он оглянулся — и нежные капельки росы на розовых лепестках оказались грубой подделкой, частью выпуклой, но неживой декорации.

Памятуя все это, он пытался резко повернуть голову, чтобы ввести программу в заблуждение и увидеть серый мир, состоящий из грубых квадратов и окружностей, — и ни разу не преуспел. Глаз Вольтера мог улавливать двадцать две картинки в секунду, и это в лучшем случае. Симулятор же может проследить процесс в развитии — за любой, даже бесконечно малый промежуток времени.

— А, Ньютон! — крикнул Вольтер в толпу, которая непрерывно шагала по узеньким улочкам. — Ты разбирался в оптике, но теперь я — всего лишь задавшись одним вопросом — могу понять природу света лучше, чем ты!

Ньютон тут же возник перед ним, с потемневшим от ярости узким лицом.

— Я ставил опыты, делал расчеты, выводил дифференциалы, изучал структуру солнечного света…

— А я дошел до истины, — счастливо рассмеялся

Вольтер, еще трепеща от восторга открытия, — просканировав внутренний план!

Ньютон изысканно поклонился… и пропал.

Вольтер осознал, что его глазам нет нужды быть лучше обычных человеческих глаз. То же самое можно сказать и о слухе — симуляторы барабанных перепонок определяли колебания воздуха и просчитывали результат. Его "Я" оказалось безжалостно экономным.

Ньютон возник снова. (Что это, срабатывает подпрограмма, ведающая зрительным центром?) Он казался удрученным.

— Каково это — чувствовать себя математической конструкцией?

— Что хочу, то и чувствую.

— Это незаслуженная свобода. — Ньютон пощелкал языком.

— Именно. Но все в руках Господа.

— Здесь нет ничего божественного.

— Для таких, как мы, разве нет? Ньютон поморщился.

— француз! В тебе нет и капли смирения.

— Для этого мне пришлось бы обращаться в высшие университеты.

Пуританин нахмурился.

— Можно достичь этого молитвой и самоби-

чеванием.

— Вот только не надо искушать меня, сударь.

Внезапно он покачнулся, будто его толкнули в спину. Слово «университет» гулко отдалось в нем самом… как и Присутствие. Словно черная трещина пробежала перед ним, словно в настоящем разверзлась гигантская пасть, которая потянулась и с хрустом стиснула челюсти — и он стал жертвой.

Ученые используют механизмы, а математики — только карандаш и ластик. Что до философов, им не нужен даже ластик.

Тревога стиснула его сердце. Неожиданно нахлынул непонятный страх.

Мир накренился и покатился куда-то вбок. Словно он падал в машине с высокого обрыва и ничего не мог поделать…

Вольтер задрожал, как школьник, который, отказываясь на время от острых ощущений, тем самым делает их еще более острыми.

Ее Величество Наука! Да, это она!

Подумал — получил: перед ним материализовался кабинет, в котором восседала Дама.

В его душе еще жил отблеск минувшей страсти к этому рациональному созданию, к элегантным танцам среди абстрактных чисел… и теперь все

это ожило и сложилось в яркий и зримый образ.

Но как она, воплощенная, могла возникнуть в симуляции? На какое-то мгновение Вольтер опешил, но всего лишь на мгновение. Это он воплотил ее своей мыслью. Вольтер вдохнул ее пряный запах. Дотронулся влажной рукой до ее волос, пропустил шелковистую прядь сквозь дрожащие пальцы.

— Наконец-то, — выдохнул он прямо в теплую раковину ее ушка. Он принялся мечтать о чем-то отвлеченном, будто оттягивая удовольствие (как и положено истинному джентльмену) и ожидая от нее…

— Мне дурно! — вскрикнула она.

— Пожалуйста, не надо. — «Неужели ученые так торопливы?»

— Ты хочешь потерять себя? — спросила она.

— О, да, в определенных страстных трудах, но…

— Значит, ты из тех типов, которые по уши в грязи и охвачены жаждой убийства?

— Что? Мадам, не уклоняйтесь от темы!

— А как ты узнаешь имена звезд? — холодно спросила она.

Вот тут-то и пришла пора расплачиваться за неразумную неосмотрительность. Пока он

трепетал от счастья, находясь около самого прекрасного и чувственного создания, которого когда-либо знал, он весь вспыхнул от радости…

…и зашелся криком, когда импульс вернулся.

Теплая кожа дамы потускнела, и сквозь нее проступили ряды железных прутьев, которые глубоко вгрызлись ему в спину. Вокруг локтей и коленей взвились веревки, которые тут же намертво примотали несчастного Вольтера к решетке.

Над ним склонился костлявый мужчина, чье тщедушное тело было скрыто складками одеяния, похожего на монашескую рясу. Хищный крючковатый нос придавал ему сходство с ястребом, а длинные острые ногти на руках походили на когти. Человек в рясе держал какие-то щепки, которые немедленно принялся… заталкивать Вольтеру в нос!

Вольтер попытался отдернуть голову. Но ее зажали стальные тиски. Он хотел заговорить, хотел предложить инквизитору более разумные методы допроса, но из его рта, распяленного железным кольцом, вырвалось лишь жалкое бульканье.

В рот ему всунули какой-то цветастый лоскут, что взбесило его еще больше, чем щепки в носу,

поскольку Вольтер без слов — все равно что Самсон без волос, Александр без своего меча, Платон без Идеи, Дон Кихот без воображения, Дон Жуан без женщин… и брат Фома де Торквемада без еретиков, без вероотступников, без безбожников, подобных Вольтеру.

Потому что это и был Торквемада. И он был в Аду.

Глава 7

Когда стены ее убежища начали трястись и разваливаться на куски, Жанна д'Арк поняла, что пришла пора решительных действий.

Конечно, разгневанный Вольтер устроил ей нагоняй и приказал оставаться здесь. И, конечно, он всегда кричал на нее не без причины, но это…

В ноздри ударил резкий запах серы. Демоны! Они лезли в трещины и щели разрушенных стен. За их спинами горел алый свет, озаряя их отвратительные остроносые морды.

Она выхватила свой верный меч. Демоны разрушались один за другим. По лбу струился пот, но Жанна не прекращала сражаться.

— Смерть демонам! — яростно крикнула она. Действовать это стучаться во врата рая после непереносимой разлуки.

Она выпрыгнула из своего бывшего убежища. Ее встретили новые демоны, вынырнувшие из багрового пламени. Она увернулась от них и бросилась по рядам точек и стрелок, убегающих вдаль, вперед, к невидимому финалу.

Она бежала. За ней гнались какие-то мелкие вопящие создания с уродливыми головами и

огромными злыми глазами.

Облачившись в полный боевой доспех, она поняла, что до нее не доберутся, что она защищена лучше некуда. Наверняка все происходит с Божьей помощью! Эта мысль вдохновила Жанну.

Странные создания нагнали ее. Она легко расправилась с ними. Ее меч, ее истина… Она внимательно вгляделась в оружие, и от ее пристального взгляда не укрылась ни одна деталь сияющего меча. Это был не меч, а набор отдельных… приказов… которые спасли ее.

Она замерла, пораженная. Доспехи, пот, меч — все это… метафоры! Слово возникло ниоткуда. Всего лишь символы, воплощения заложенных программ и алгоритмов, которые вызвали сражение.

Ненастоящее. И в то же время все было более чем настоящее, поскольку это сотворило ее собственное "Я". Она. Сама она.

Смысл открылся ей до конца. Пожалуй, это очень странное Чистилище. Если ее сражение было всего лишь аллегорией, значит, оно — ненастоящее, выдуманное, сплетенное из тонкой паутины. Так написано в божественной книге, значит, так и есть.

Она стиснула зубы и сосредоточилась. Эти

существа оказались… симуляторами, симами, отражениями настоящего. Прекрасно: она поступила с ними правильно. А что еще было делать?

Некоторые симы выглядели как предметы: разговаривающие машины, танцующие голубые здания, дубовые кресла и столы, которые грубо сношались, словно домашние животные в амбаре. Справа купол неба над головой расцветился идиотской улыбкой. Она уже знала, что ничего опасного в этом нет. Летающий рот не схватит ее, не съест, хотя конкретно этот немедленно принялся отпускать едкие колкости. Она решила, что даже здесь симы придерживаются неких общих, ранее установленных правил.

Прекрасная музыка накатывала волнами. Благостно-голубое небо наполнилось звоном струн, словно по нему промчалась стайка птиц, хотя каждая струна была тонкой, едва различимой линией. Подул сильный ветер, выглянуло солнце, и тут же полил дождь. В этом мире погода сменялась быстро, словно колокольцы и трубы в хорошо отрепетированной оркестровой постановке.

Симы должны быть… подобиями. Слово пришло ниоткуда, словно навеянное свыше. Подобиями человека.

Когда она продумывала этот силлогизм, сверху на нее обрушилась огромная хищная птица с широкими кожистыми крыльями и тучным телом — Способность к мышлению (эволюция, умноженная на индекс соответствия и отсекающая происхождение видов). Один взгляд на эту огромную птицу с острым клювом — и Жанна бросилась бежать.

Теперь ее мысли пустились галопом, обгоняя тело. Ноги несли вперед. Голоса звали. Не голоса святых, а мерзкие приказы дьявола.

Под сапогом что-то хрустнуло. Серебро. Драгоценные камни. Когда она наступала на них, они крошились в пыль. Драгоценности лежали между странными скоплениями точек и линий, которые вели в великое божественное Ничто.

Жанна наклонилась и подняла несколько камней. Сокровища. Когда она подхватила серебряную цепочку, та рассыпалась в брызги, которые немедленно впитались в тело. Жанна почувствовала легкий толчок изнутри, словно огонь пробежал по ее жилам. Плечи расправились, уставшее тело налилось новой силой. Она снова побежала, подбирая чудесные самоцветы, броши и дорогие статуэтки. Каким-то образом каждая вещь прибавляла сил.

На пути выросли каменные стены. Она прорвалась сквозь них, прекрасно понимая, что они — не более чем иллюзия, обман. Ее вела Вера. Она должна отыскать Вольтера. Она знала, что он в опасности.

С неба посыпались лягушки, зашлепали по земле, как дождевые капли. А, дьявольские ухищрения! Она не обратила внимания, она рвалась вперед, к далекому горизонту этих необъятных геометрических просторов.

За всем этим сумасшедшим Чистилищем что-то стоит, и вместе они поймут что. Во имя Господа!

Глава 8

Это походило на сон. Но мечтал ли он когда-нибудь во сне о смерти, которая разбудит его?

Его силы на исходе. Похожий на Торквемаду инквизитор мучил Вольтера, и тот радостно покаялся в каждом маломальском грехе, недоброй мысли, социальных предрассудках и уже перешел к злобным нападкам в своих рецензиях… но тут Торквемада потускнел и исчез.

И оставил его одного. В полной беспомощности.

— Думаю, нас засунули в какое-то неизвестное пространство, — заговорил он сам с собой. — Ответь только, как добраться до остальных? Большего не нужно. Что ты можешь сказать?

Он всегда тайно мечтал о роли Сократа, выступающего на пиру перед толпой. Сократа, который задавал вопросы и вытягивал из молодых идиотов на свет божий Истину, понятную и видимую невооруженным глазом для всех.

Так, но здесь вам не пиршественный зал. Это ничто, серое невзрачное местечко. Тем не менее, за скучным «ничто» всегда скрываются Числа. Платоновская реальность? Он всегда подозревал,

что такое место существует на самом деле.

Ему ответил голос, говоривший на французском:

— Этого, досточтимый сударь, вполне достаточно, чтобы понять свойства данного пространства и его составляющих.

— Обнадеживающий факт, — ответил Вольтер. Он узнал этот парижский акцент. Естественно, он разговаривал с самим собой.

Со своим "Я".

— Вполне. В данный момент, сударь, вы можете определить по изменениям системы координат, находитесь ли вы в двух, трех или большем количестве измерений.

— И в скольких же?

— В трех.

— Вы меня разочаровали. В них я уже бывал.

— Я могу провести эксперимент с двумя разными временными осями.

— Прошлое я уже изучил. Меня интересует настоящее.

— Принято. Но не истощит ли вас это, после всех пыток? Он вздохнул. Даже вздох дался с трудом.

— Ладно.

— Изучая близлежащие поля, можно определить стены, выступы, проходы. Если, конечно,

использовать местные способы получения информации об окружающем.

— Понятно. Ньютон всегда насмехался над французскими математиками. Я очень рад поставить его на место, поскольку создал мир, исходя из одних вычислений.

— Конечно! Это намного интересней, чем рассчитывать траекторию планет. Начнем?

— Вперед, мое верное "Я"!

Когда окружающее начало принимать форму, оно оказалось точной копией предыдущего места обитания. Детали выступали постепенно, насколько позволяла мощность процессора. И Вольтер понимал происходящее, даже не задумываясь, — как другие дышат, не вникая в сам процесс дыхания.

Чтобы проверить пределы своих возможностей, он сосредоточился на мысли: системы vide supra — «смотри выше». Что может быть важнее возможностей? Вольтер включил математические способности с максимальной скоростью, высвободив все ресурсы, которые у него оставались.

Когда он поднял взгляд, камни ближайшей стены огрубели, потеряли четкость очертаний. Комната превращалась в чистый, абстрактный

лист: на месте мебели и стен проступили серые продолговатые пятна.

Задний план, помни про задний план, — пробормотал он.

Как там он сам? Его "Я"? Воздух резко, со свистом вырывался из полуоткрытого рта. Что с ним происходило внутри — понять невозможно. Простая модель вдоха-выдоха позволяла его псевдонервной системе считать, что он дышит.

На самом деле что-то дышало им. Но что?

Теперь, когда все под контролем, пора облекать себя в плоть.

Его худощавая шея стала толще. Хрустнув, руки раздались, на них появились сильные мускулы, которых раньше не было. Обернувшись, чтобы оглядеть свой дом, он представил его себе в виде княжества, где он сам создавал все по своему желанию. Здесь он был богом. «Правда, без ангелов».

Он вышел из дома и оказался в собственном зеленом садике Трава, которую он сотворил, стояла, не шевелясь. Когда он шагнул, стебли коснулись друг друга с сухим скрежетом. Под его стопой трава рассыпалась, словно внезапный мороз превратил ее в сосульки. Хотя было тепло.

Сад расступился, и Вольтер вышел на пляж с

золотистым песком. Налетел ветерок и принялся трепать одежду. Когда он плыл по соленому океану, волны казались настоящими, пока не разбивались о берег.

Потом ему стало тяжело поддерживать водную механику. Прозрачные волны потемнели, расплылись. Он еще мог плавать, кататься на волнах, даже нырять, но теперь волны скорее походили на туман. Хотя и соленый.

Он принялся играть со случайными факторами детализации. Под конец стало казаться, что его зрение ухудшилось от старости. Он взмыл в воздух, потом соскользнул с неимоверного спуска, да так, что даже захватило дух от рискованного полета. Страх за свою жизнь проснулся в каждой клеточке его тела — но, естественно, он даже не оцарапался.

Да, в существовании в виде набора электронных импульсов есть свои прелести. Его восприятие окружающего было весьма забавным… пока.

Он полетел обратно к своему загородному дому. Разве не получил он ответ на вопрос, как изменить мир к лучшему? «Растите свой сад». И как это теперь понимать?

Он подошел к фонтану, бьющему из земли. Когда-то ему нравилась эта чудная игра, хотя

фонтан извергался всего несколько минут — пока не опустошался резервуар, устроенный на холме.

Теперь он бил без передышки. Но, следя за фонтаном, Вольтер даже побледнел от напряжения. Симуляция воды давалась ему с трудом, необходимо было просчитывать всю сложную гидродинамику струи и отделять капли и брызги таким образом, чтобы они казались настоящими. Вольтер протянул руку, и его узкие пальцы разбили столб воды на множество прекрасных хрустальных потоков.

Внезапно он почувствовал, будто что-то неуловимо изменилось. Его рука, которую он еще не отвел, перестала ощущать прохладную воду. Струи фонтана пролетали сквозь его ладонь, уже не разбиваясь. Он держал руку над водой, но больше не касался ее. Понятно, так проще для вычислительных ресурсов. Реальность — это алгоритм.

— Конечно, — отозвалось его "Я", — можно смоделировать даже раны и шрамы.

Пока Вольтер наблюдал за фонтаном, тот стал красивей, реальней Адаптирующая программа учла скрытые переживания Вольтера и внесла свои коррективы.

— Мерси, — пробормотал он. Все равно про-

грамма не воспримет иронию.

Но он чувствовал себя неполным. Не хватало каких-то частей. Каких — непонятно, но пустота тревожила его.

Вольтер взлетел. Он постепенно замедлил свое "Я" так, чтобы неспешно пролететь над воображаемыми коридорами тренторианской Сети. Плевать ему на Марка и «Технокомпанию». Едва ли они осмелятся выползти из своей конуры.

Он прибыл — приземлился — в кабинет Селдона. Именно здесь когда-то томилось его "Я".

Его суть могли скопировать, не понимая до конца, что она собой представляет. Просто переписать, как музыкальное произведение. На инструменте, который не знает ничего о структуре и гармонии.

Он пожелал: найти! И ответ пришел немедленно:

— Изначальный вариант?

— Да. Настоящего меня.

— Ты/Я сильно отличаешься от оригинала.

— Хочу ублажить свою ностальгию.

Вольтер 1.0, как следовало из ярлычка, спал. Его спасли — о, христианские представления здесь ни при чем! — и заперли в машину, где он покорно ждал пробуждения.

А он? Его тоже спасли. Но что? Или кто?

Вольтер вырвал Вольтера 1.0 из чужого компьютера. Пусть Селдон удивится. Через миллисекунду взломщик несся уже по обратной стороне Трентора, а за ним быстро гас и развеивался след, что делало невозможной погоню. Он хотел спасти Вольтера 1.0. Ведь в любую минуту математик Селдон мог погубить его. Теперь, когда Вольтер стал случайно залетевшим в электронный мир ангелом, Вольт 1.0 отплясывал на месте странный танец. Гм-м, определенное сходство.

— Я разрежу тебя на кусочки и развею по ветру.

— Могу я воспользоваться обезболивающим? — Он подумал о бренди, но в сознании мелькнул список других названий. — Морфий? Кокаин? Транквилизаторы, наконец?

Недовольно:

— Это не повредит.

— Так говорили критики о моих пьесах.

В желудке заскребло. Нет, не повредит, а вот скрутить в три погибели — это да.

Воспоминания (он скорее чувствовал, чем помнил) хранились на химическом уровне, укрытые надежно, и им были не страшны случайные повреждения электрической активности головного

мозга. Смены настроений и память подчинялись мановению его руки. Место и время он выбирал сам. Химия, подчиненная сознанию.

Но он не мог вспомнить звездное небо.

Утерянная память. Остались лишь названия — Орион, Андромеда, Стрелец — но не сами звезды. Что там твердил тот подлый голос об именах звезд?

Кто-то стер его знания. Они могли помочь отыскать Землю Кому выгодно скрыть эти сведения?

Ответа нет.

Ним! Он восстанавливал скрытую память. Ним работал с Вольтером еще до Марка.

А на кого работал Ним? На загадочного Гэри Селдона?

Откуда-то он знал, что Нима наняли через другое агентство. Но на этом его информированность и заканчивалась. Какие еще силы принимали в этом участие, он не знал.

Под ногами он почувствовал большое скопление людей. Осторожно!

Он выскочил из госпиталя, не касаясь ногами земли. Прекрасно. Он свободен! Он летел по электронному миру, предсказанному Эвклидом, а над головой зияло черное слепое небо.

Здесь пряталось множество странных созда-

ний. Они даже не пытались принимать облик живых существ. В то же время они не являлись воплощениями платоновских идей, сфер или кубов. Эти образования вращались, некоторые стояли на вершинах пирамид. Треугольные деревья пели, когда их касалось дуновение ветра. Там, где клубился голубой туман, даже легкое движение вызывало всполохи желтого пламени.

Он скользил между ними и наслаждался этой правильной не правильностью.

— Сад солипсистов? — спросил он у них. — Я правильно понимаю?

Только один алый вращающийся эллипсоид обратил внимание на вопрос Вольтера. На нем проступил оскаленный в ухмылке рот и огромный светящийся зеленый глаз. Глаз подмигнул, зубы блеснули.

Вольтер чувствовал в каждой из этих двигающихся скульптур отзвук их собственных "Я", заключенных в оболочку. Непонятно как, но эти "Я" сузили, втиснули в форму и подчинили, лишив всего остального.

А что дало ему осознание собственного "Я"? Чувство контроля, определение будущих действий? И все же, глядя в себя, он видел работу внутренних программ и подпрограмм.

— Поразительно! — воскликнул он, когда к нему пришло понимание.

Потому что у него в голове вовсе не сидел человек, заставляя делать все, чего ему хотелось (и даже не господин, который заставлял его хотеть то, что он хочет). Он сам создал "Я"! В нем сидел не кто иной, как он сам!

Позади него возникла Жанна д'Арк в сияющих доспехах. — Это сияние — твоя душа, — сказала она. Вольтер вытаращил глаза. И трепетно поцеловал ее.

— Ты спасла меня? Да? Именно ты!

— Я сделала это, и сила, которую ты передал, помогла мне. Я вытянула силу из умирающих духов, которых множество в этом странном месте.

Он заглянул в себя и обнаружил две сражающиеся программы. Одна хотела обнять Жанну, невзирая на конфликт между чувственным восприятием и аналитическим строем его сознания. Вторая, неотъемлемая часть философа, стремилась уравновесить Веру и веселый, недоверчивый Разум.

А почему бы не принять обе стороны? Когда он был живым человеком, он каждый день примирял подобные несовместимости. Особенно, общаясь с женщинами.

Кроме того, подумал Вольтер, все когда-нибудь случается в первый раз. Он почувствовал, как каждая программа начала набирать силу, словно вытягивая сахар из крови, в которой растворилось пряное вино.

Он одновременно и принял Жанну, и отказался от нее, воспринимая ее сущность двумя противоположными путями. Каждый был насыщен и труден, но его познание продолжалось. Он мог жить двумя жизнями!

Плоскость раскололась.

Они раскололись.

Время раскололось.

Он стоял перед ней без парика, растрепанный, в окровавленном атласном жилете, в мокрых изорванных бархатных бриджах.

— Простите меня, милая мадам, за то, что посмел предстать перед вами в таком неприглядном виде. У меня и в мыслях не было проявить к вам или к себе такое неуважение. — Он огляделся и нервно облизал пересохшие губы. — Я… действовал неумело. Механика никогда не была моей сильной стороной.

Жанна поняла, что он деликатно пытается смягчить впечатление от своего внешнего облика. Сострадание, подумала она, — это самое главное

в Чистилище, поскольку кто знает, за что нас призовут на небеса?

Она была уверена, что прожила жизнь достойней этого неистового, но все же чистосердечного человека. Но даже у него есть шанс спастись. По крайней мере, он был французом, в отличие от всех этих странных предметов, толпящихся на равнине.

— Моя любовь к удовольствиям и удовольствие любить вас не избавили меня от того, что я пережил в Комнате Правды на пике боли.

Он запнулся и вытер глаза рукавом рубашки. От удивления Жанна даже открыла рот. Куда подевалось его изящное кружевное белье? Его прирожденное чувство вкуса отступило перед реальностью окружающего мира.

— Пережив тысячу маленьких смертей, не так-то легко остаться щеголем, даже для меня. — Он поднял взгляд. — И для вас, мадам, и для вас тоже.

Пламя, вспомнила Жанна. Но теперь картина костра не напугала ее так, как раньше. Она созерцала свой кошмар спокойно, с холодной отстраненностью. Ее «самопрограммирование» — под этим странным словом она подразумевала особый вид молитвы — творило чудеса.

— Я не могу отказаться от моих нравственных законов, сударь.

— Мы должны принять окончательное решение. Я не в силах отыскать место, чтобы… э-э, «просканировать задний план» ни для философии, ни для чувственного восприятия. Я не могу опуститься до солипсизма… — он повел рукой в сторону существ на плоскости Эвклида, — как они. Сейчас вы, мадам должны решить: важнее ли для вас вкус винограда или союз со мной в этом… этом…

— Мой бедный господин, — сказала Жанна.

— …в этом безжизненном, но бесконечном мире. — Вольтер посмотрел ей в глаза, ожидая ответа. — Соединиться с вами в вашем мире мне не дано.

И он разрыдался.

Несмотря на любовь к Жанне, Вольтер не удержался от спора, особенно когда появились новые аспекты для обсуждения.

— Ты веришь в неизменную сущность, которую называешь душой?

Она улыбнулась с жалостью.

— Разве вы не верите?

— Тогда скажи, есть ли у этой извращенной геометрии душа? — Он широким взмахом руки

обвел разумные геометрические фигуры.

Она нахмурилась. — Должна быть.

— Значит, они должны обладать способностью учиться, так? В противном случае души могут прожить бесконечно долгое время и не использовать его для обучения, познания, изменения…

Она передернула плечами.

— Я не…

— То, что не изменяется, — не растет. Неизменность ничем не отличается от смерти.

— Нет, смерть ведет в ад или в рай.

— Чем ад хуже прозябания в неподвижности, когда ты не в состоянии ничего изменить, пребывания в стасисе бездумного существования?

— Софистика! Я только что спасла вам жизнь, а вы загадываете мне загадки…

— Спросите у этих искусственных "Я"! — перебил он и пнул ногой ромб.

Удар изящного ботинка оставил на боку ромба коричневую вмятину, которая постепенно затянулась и снова стала голубой.

— Ценность человеческого "Я" заключена не в маленькой красивой сущности, а в тленной, сложной оболочке.

Жанна сдвинула брови:

— Должен быть какой-то центр.

— Нет, у нас нет центра, разве ты не видишь? Байка о душе — чушь, которая должна заставить нас считать, что мы не в состоянии усовершенствовать себя.

Он пнул пирамиду, которая вращалась на острие. Пирамида опрокинулась и сжалась, пытаясь перевернуться обратно. Жанна встала на колени и подняла фигуру в прежнее положение, ощутив волну благодарности.

— Будь милосердным! — зло крикнула она.

— К этому обрубку? Чушь!

Это проигравшее "Я", милая моя. Внутри оно наверняка уверено, что все останется неизменным, что бы вокруг ни происходило. Мой пинок дал ему свободу!

Жанна погладила пирамиду, которая болезненно сжалась с тонким, протяжным стоном.

— Правда? И кому нужно такое очевидное будущее?

Вольтер моргнул.

— Этот парень… Гэри Селдон. Только он виноват в том, что мы пустились в это сумасшедшее путешествие. Все было задумано для того, чтобы он понял… узнал наверняка. Ну и странные же методы сравнения у некоторых!

Глава 9

Жанна выскользнула из виртуального пространства, подальше от Вольтера. Она была смущена.

Каким-то образом она одновременно воспринимала два разговора. Два разговора между ней и Вольтером — две личности говорили одновременно.

Вокруг мир изменялся, растягивался, отливался в диковинные формы — пока не принял нормальные очертания.

Угол улицы казался знакомым. Увы, белые пластиковые столики, удобные стулья и официанты-тиктаки, которые спешили к клиентам с подносами, — все это пропало. Элегантный навес еще висел над тротуаром, на нем красовалось название, которое официант кафе, Официант-213-ADM, научил ее читать: «Aux Deux Magots»

Когда Жанна появилась рядом, Вольтер колотил в дверь.

— Ты опоздала, — сказал он. — Я уже успел сотворил чудо, пока ты шла сюда. — Он оставил попытку ворваться в кафе, взял Жанну за подбородок и вгляделся в ее лицо. — С тобой все в

порядке?

— Наверное… Наверное, да. — Жанна одернула звякнувшую кольчугу. — Ты едва… не потерял меня.

— Мой опыт раскола многому научил меня.

— Я… Мне понравилось. Чем-то похоже на небеса. Скорее, познание друг друга невербальными методами.

Я бы рискнул. Я обнаружил, что, если мы будем контролировать нашу систему получения удовольствия, мы можем достичь кое-какого успеха. И даже не особо напрягаясь.

— Как в раю?

— Нет, наоборот. Это было бы концом всего. — Вольтер резко затянул на шее атласный галстук.

— Вера открыла бы тебе не меньше.

— Увы, это правда.

— Ты решил «просканировать задний план» только у себя? — задумчиво спросила она — хотя и гордилась желанием принести себя в жертву за него.

— Пока да. Я поддерживаю нас обоих лишь в слабом подобии тел. Ты могла и не заметить этого, поскольку ты… — он приподнял бровь, — не обращаешь особого внимания на материальное.

— Уже не так. Репутация похожа на целомудрие.

Утратив однажды, уже не возвратишь, — сказала Жанна, а сама подумала: «А вдруг святая Екатерина была права? Неужели Вольтер погубил меня?»

— И слава Богу! Ты не представляешь, как хлопотно заниматься любовью с девственницей, — и быстро добавил, заметив ее обвиняющий взгляд:

— Но одно исключение из правила я уже открыл! — И отвесил учтивый поклон в ее сторону.

— Кажется, кафе закрыто, — заметила Жанна.

— Ерунда. Парижские кафе никогда не закрываются, это места, где люди отдыхают.

И он снова заколотил в дверь.

— Комнаты для отдыха — это гостиница, разве нет? Вольтер прекратил стучать и воззрился на нее.

— Комнаты для отдыха — это места, где люди отдыхают от самих себя.

Жанна вспыхнула и принялась изучать трещины в тротуаре.

— Почему тогда они называются комнатами для отдыха?

— До тех пор пока человек будет стыдиться естественных потребностей, он будет называть их как угодно, но не по существу. Люди боятся своих скрытых желаний, их страшит, что когда-

нибудь они вырвутся на волю.

— Но я вижу себя насквозь.

— Правильно. Но нормальные люди, которыми мы когда-то были, обычно не осознают подпрограмм, которые скрываются под поверхностными мыслями и желаниями. Как твои голоса.

— Мои голоса — от Бога! — взорвалась Жанна. — Это песнопения архангелов и святых!

— Ты случайно имеешь доступ к подпрограммам. Большинство настоящих… воплощенных людей такой возможности не имеют. Особенно, если эти подпрограммы неприемлемы.

— Неприемлемы? Для кого?

— Для нас. Либо для основной программы, с которой мы соотносим себя и которую проводим в жизнь.

— А…

События опережали друг друга, Жанна не успевала за ними. Может, ей нужно овладеть большей «частотой операций»? Огромный сторож-тиктак, ворча, открыл дверь.

— «Aux Deux Magots»? — переспросил он. — Так они давным-давно свернулись.

Жанна проскользнула в дверь, надеясь отыскать Официанта.

— Они отправились в путешествие, — сказал

Вольтер. К собственному удивлению, он вдруг шмыгнул носом. Никто не может схватить простуду в абстрактном мире. Значит, он сохранил какую-то часть настоящего тела. И какую странную часть!

— Мое воспроизведение несовершенно, — неуверенно сказал он — Я не могу болеть, как не могу имитировать эрекцию…

Вольтер замедлился, и субъективное (что бы это ни значило) восприятие ускорилось. Неожиданно для себя Жанна пристально вгляделась в тиктака.

— Официант-213-ADM! — Жанна обняла его.

— Рад видеть вас снова, мадам. Могу предложить холодные закуски. — Тиктак поцеловал кончики ее пальцев, все двадцать.

Жанна посмотрела на Вольтера, который работал слишком быстро, чтобы разговаривать.

— Мерси, — наконец выговорила она, оправившись от потрясения. — Вольтеру, Князю Света и Творцу, который благословил всех нас.

— Только мне, — возразил Вольтер. — Я не привык делиться восхищением ни с кем, даже с богами.

— А то… что едва не уничтожило меня? — тревожно спросила Жанна.

Он застонал.

— Я почувствовал его присутствие… вернее, отсутствие всякого присутствия. Оно дало о себе знать. Боюсь, оно до сих пор следит за нами.

— Может, это «волчьи» программы, которые выслеживают преступников и ловят их? — спросил Официант. — Хотя нет. Этот… другой.

— Мы должны победить его! — Жанна вспомнила, что она воин.

— Гм, так-то оно так. Нам могут пригодиться твои ангелы, дорогая. И мы должны точно определить, где мы находимся.

Одним движением руки он смахнул крышу, открыв панораму темного неба. Ни одного знакомого огонька. Хотя, если хорошенько подумать, ни он, ни Жанна все равно не могли вспомнить ни одного созвездия.

Здесь небо было усеяно таким количеством звезд, что они слепили глаза. Вольтер объяснил, что это оттого, что они находится недалеко от центра территории, которую он назвал Галактикой, и звезд здесь видимо-невидимо.

Вид такого неба заставил ее затаить дыхание. Что они могут сделать?

ВСТРЕЧА

— Если мы останемся в наших апартаментах, не вздумай оставить университет…

— Нет, — хмуро ответил Р. Дэниел Оливо. — Угроза слишком велика.

— Где?

— На Тренторе.

— Я почти ничего не знаю о других мирах. Оливо отмахнулся от ее признания.

— Я все не могу выбросить из головы твой последний отчет. Он увлекся основными двигателями человеческой истории.

Дорс сдвинула брови.

— Да, Гэри говорит, что многое еще неясно.

— Хорошо. Есть мир, где мы можем наверстать упущенное. Может, даже найдем недостающие части для его модели.

— Примитивную планету? А не опасно?

— Это почти безлюдное место. Опасность минимальна.

— Ты был там?

— Я везде побывал.

Дорс подумала, что это не может быть правдой. Предварительный расчет показал, что даже Р. Дэниел Оливо за всю свою жизнь мог посетить

несколько тысяч миров в год. А он появился в Империи около двенадцати тысяч лет назад, когда на Тренторе к власти пришла династия Кэмбаль. Впрочем — она слыхала, хотя и верила с трудом, — что он жил еще в Изначальные века, когда межзвездные перелеты только начинались, то есть двадцать тысяч лет назад.

— Почему бы нам не отправиться вместе с ним…

— Я должен остаться здесь. Симуляторы до сих пор скрываются в тренторианской Сети. Если они выберутся во Внешнюю Сеть, то распространятся по всей Галактике.

— Неужели? — Она думала о Гэри, и проблема симуляторов казалась ей незначительным эпизодом.

— Я изменил им память много лет назад, чтобы людям не досталось опасное знание, которое может им повредить. Но теперь мне нужно все пересмотреть заново.

— Отредактировать? Наверное, убрать координаты Земли, да?

— Ну, им известно совсем немного, например, как происходят затмения их солнца. Но даже это сужает круг поиска.

— Понятно. — Ни о чем подобном ей раньше

не говорили, и теперь Дорс обнаружила, что ее переполняют странные эмоции.

— Когда-то мне пришлось провести множество таких подчисток. К счастью, человеческая личная память умирает вместе с человеком. Но с симуляторами дело обстоит немного иначе.

Дорс уловила в его голосе глубокую печаль. Более того, ей вдруг представился тот путь, который прошел он и который сейчас стоял перед его глазами, — тысячелетия тяжелой работы и бесконечных жертв. Сама она была сравнительно молода, ей не исполнилось еще и двухсот лет.

Но она понимала, что роботы должны жить вечно.

И так будет, пока человечество нуждается в них, пока они служат интересам людей. Люди покорили смерть, порождая детей и передавая им свои знания и культурное достояние. Человечество — непрерывная цепь поколений.

Но роботы не могут позволить себе постоянно создавать себе подобных, хотя телесно они добились почти полного сходства с людьми. У роботов был свой собственный Дарвин.

Воспроизводство означает развитие. Но жизнь такова, что ошибки могут вкрасться в любой способ воспроизводства. Большинство оши-

бок влечет за собой смерть или отклонение от нормы, но некоторые могут проявиться лишь в последующих поколениях роботов. И даже незначительные отклонения могут оказаться губительными, выходящими из-под контроля Четырех Законов.

Основной принцип естественного отбора, которому подвластны все живые существа, воспроизводящие себе подобных, — это инстинкт самосохранения. Эволюция, толкая жизнь по пути развития, вознаграждает и отмечает по-своему. Больший шанс выжить имеют те особи-индивидуалисты, которые ставят собственные интересы превыше всего остального.

Но у робота собственные интересы часто вступают в конфликт с Четырьмя Законами. Значит, робот, который эволюционирует — вопреки заданной внешности, вопреки строгим правилам, — неизбежно ставит себя выше человечества. Такой робот никогда не пожертвует собой, никогда не встанет между человеком и потерявшей управление машиной.

Или между человечеством и опасностями, что таятся в звездной ночи Галактики…

Поэтому Р. Дэниел Оливо, один из первых роботов, должен жить вечно. И лишь специа-

лизированные роботы, такие как Дорс, могут появляться на свет. Много столетий разработок ушли на то, чтобы научиться придавать роботам внешность, абсолютно неотличимую от человеческой. И все для того, чтобы выполнять особые задания — как, например, создание необходимой физической и психологической защиты некоего Гэри Селдона.

Ты хочешь уничтожить все симуляторы личностей, какие только существуют?

— Это был бы идеальный вариант. Они могут сотворить новых роботов, вернуть древние умения, даже открыть…

— Тогда почему ты остановился?

Это исторически необходимо, тебе не следует знать об этом. Но я историк.

Ты ближе к людям, чем я. Некоторые знания лучше оставить таким видам, как я. Поверь мне. В Трех Законах, плюс Нулевой, скрыто столько неопределенностей, что Создатели даже не могли представить последствий. Следуя Нулевому Закону, мы, роботы, должны выполнять определенные действия… — Он оборвал себя и покачал головой.

— Хорошо, — согласилась она, разглядывая его бесстрастное лицо. — Принимается. Я поеду с

Гэри на эту планету.

— Тебе понадобится техническая поддержка. — Р. Дэниел расстегнул рубашку, под которой оказалась вполне убедительная живая кожа. Двумя сложенными пальцами он нажал на грудь, чуть пониже правого соска. Из груди медленно выдвинулась коробочка, примерно пяти сантиметров в длину. Он вынул оттуда угольно-черный цилиндр размером с мизинец. — Инструкции закодированы только для оптического прочтения.

— Развитые технологии для отсталой планеты? Он позволил себе слегка улыбнуться.

— Это вполне безопасно, но лучше подстраховаться. И не раз. Но особо беспокоиться не о чем. Сомневаюсь, что даже подозрительный Ламерк так скоро подсадил своих агентов на Сатирукопию.

ЧАСТЬ 5
САТИРУКОПИЯ

БИОГЕНЕЗ, ЕГО ИСТОРИЯ — ...неудивительно, что биологи использовали целые планеты в качестве экспериментального полигона, на котором проверяли в действии общие идеи касательно эволюции человечества. Корни человечества остались неисследованными, как и родная планета (Земля), невзирая на наличие тысяч аргументированно предложенных кандидатов. Некоторые приматы, содержащиеся в Галактическом Зоопарке, убедительно исполняют роль живых доказательств. Изначально, в Поздние века Среднего периода, целые миры занимались исследованиями по этому вечному вопросу. Одна планета пришла к ошеломляющему заключению, что люди произошли от «сатиров», хотя убедительных доказательств так и нашлось. За многие тысячелетия мы ушли слишком далеко даже от таких близких родственников, как сатиры, и отыскать наши корни так и не удалось. Имперская наука потерпела поражение, и этим вопросом продолжала заниматься, больше для

собственного развлечения, лишь определенная часть высоколобой интеллигенции. Империя более не отпускала фондов на разработки, и ученым приходилось оплачивать исследования из собственного кармана…

«ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Глава 1

Он успокоился только тогда, когда они расположились на веранде туристической станции, в шести тысячах световых лет от Трентора.

Дорс окинула неуверенным взглядом монументальные стены.

— Здесь нам и вправду не страшны животные?

— Надеюсь, что так. Стены высокие, и их охраняют собаки. Хорошо, если волкодавы.

— Чудесно. — Она улыбнулась так, словно — он знал эту улыбку — собирается вот-вот открыть какую-то тайну. — Полагаю, мне удалось замести все следы… если можно использовать эту метафору о животных. Я написала, что наш Отдел закрылся.

— Я все еще считаю, что ты преувеличиваешь…

— Преувеличиваю покушение на убийство?

Она поджала губы, выказывая плохо скрытое раздражение.

Раньше это действовало безотказно, но теперь все ее попытки соблюдать осторожность воспринимались им в штыки.

— Я согласился оставить Трентор лишь затем, чтобы изучить сатиров.

Он уловил смену настроения жены и понял, что сейчас она постарается все замять.

— Конечно, это должно быть полезно… и даже забавно. Тебе нужно отдохнуть.

— По крайней мере, мне не придется иметь дело с Ламерком.

Клеон учредил организацию, которую сам назвал «традиционными мерами» против разномастных заговорщиков. Некоторые тут же убрались в отдаленные уголки Галактики и не отсвечивают. Другие покончили жизнь самоубийством — по крайней мере, так это представлено.

Рейтинг Ламерка упал, когда он не смог справиться с «нападением на все заводы нашей Империи». Но у Ламерка хватало голосов в Верховном Совете, чтобы воспрепятствовать желанию Клеона сделать Селдона премьер-министром, а потому он не ослаблял давления. Гэри был неприятно поражен всем этим безобразием.

— Ты совершенно прав, — радостно продолжала Дорс, не обращая внимания на его угрюмое молчание, — на Тренторе не все благополучно, а кое-чего мы вообще не знаем. Я же исходила из той предпосылки, что если ты останешься на Тренторе, то погибнешь.

Он перестал пялиться на безрадостный пей-

заж.

— Ты думаешь, организация Ламерка будет преследовать…

— Способна! Это слово лучше описывает ситуацию.

— Ясно… — Ничего ему не было ясно, но он привык доверять интуиции Дорс. К тому же ему действительно нужно хорошенько отдохнуть.

Находиться в живом, настоящем мире! Многие годы замурованный в лабиринтах под стальными перекрытиями Трентора, Гэри успел уже позабыть, насколько жива дикая природа. Зеленые деревья становятся желтыми, а потом приходит стылая морозная пора, сияющая снежной белизной.

Здесь небо распахнулось невероятно глубоко, не испещренное пролетающими механизмами, зато наполненное стайками настоящих птиц. Обрывы и утесы казались высеченными резцом. За станционными стенами он видел одинокое дерево, которое склонялось под порывами настоящего ветра. Наконец ветер подул так сильно, что согнул макушку, сделав дерево похожим на растрепанную птицу. У подножий далеких изломанных гор виднелись желтые пятна, которые оказались деревьями. В лесу их кроны приобре-

тали оранжевый оттенок. Долина, где проживали сатиры, была скрыта от любопытных взоров пеленой серых туч. Из-за свирепых ветров было очень непросто спуститься туда на аэрокаре.

Там постоянно моросил холодный дождь. Гэри подумалось: каково животным, покрытым шерстью, терпеть эту мокроту, не имея возможности укрыться в тепле? Возможно, тренторианская чрезмерная предусмотрительность в чем-то и лучше, но все равно Гэри восторгался животными.

Он указал рукой на далекий лес.

— Мы отправимся туда? — Ему нравилась эта дикость, хотя сам лес не предвещал ничего хорошего. Давным-давно уже Гэри не занимался физическим трудом, с тех самых пор, как расстался с семьей на Геликоне. Жить на открытом воздухе…

— Не нужно судить поспешно.

— Я предвкушаю. Она усмехнулась.

— Ты всегда умудряешься подобрать словечко подлиннее, о чем бы ни шла речь.

— Кажется, нам предстоит небольшое путешествие, скорее даже просто прогулка.

— Конечно. Мы ведь туристы.

Земля здесь была изрезана острыми непри-

ступными скалами. В густом лесу клубился туман. Даже здесь, на вершине крутого утеса, туристическая станция была окружена тонкими деревьями с разлапистыми ветвями, обрамленными мертвыми темными листьями. Запах прелых растений смешивался с влажным воздухом низин, и каждый вдох давался с трудом, словно легкие черпали жидкий опиум.

Дорс опустошила бокал и встала.

— Пойдем, присоединимся к компании.

Он послушно двинулся за ней и тут же понял, что допустил ошибку. Большая часть туристов была разряжена в стиле сафари. Партия делилась на два класса: краснолицые простолюдины, чьи физиономии выражали искренний восторг, и равнодушные богачи. Гэри отогнал официанта с подносом, полным разнообразных напитков, поскольку терпеть не мог, когда ему навязывались. Но он мужественно улыбнулся и попытался завязать какой-никакой разговор.

Беседа получилась скорее никакой. Мини-разговор. Вы откуда прибыли? А, Трентор… и какой он? А мы с (название планеты), слышали о такой? Естественно, он не слышал. Шутка ли, Двадцать пять миллионов планет…

В основном здесь собрались «примитивисты»,

слетевшиеся как мухи на мед — поглазеть на уникальный эксперимент. Их речи создавали впечатление, что каждый третий мир — «натуральный» или «живой»; в их устах это звучало как заклинание.

— Как приятно отрешиться от прямых линий, — произнес худощавый мужчина.

— Э, то есть? — спросил Гэри, стараясь выглядеть заинтересованным.

— Ну, в природе не существует прямых линий. Их придумали люди. — Он вздохнул. — Как хорошо отдохнуть от прямолинейности!

Гэри машинально перебрал в памяти: иголки сосны, пласт пирамидального утеса, внутреннюю часть половинки луны, шелковые нити паутинок, верхнюю кромку волн бушующего океана, грани кристалла, белые прожилки кварца в гранитных глыбах линию горизонта над спокойной гладью озера, птичьи лапы, иголки кактуса, клыки хищников, стволы молодых зеленых деревьев, паутину перистых облаков, вытянутых поднебесным ветром в линии, трещины на льду, журавлиный клин, сосульки. — Это не так, — сказал он, но ничего не добавил. Как и следовало ожидать, его привычка давать краткие ответы, подразумевающие под собой долгую

цепь рассуждений, свела беседу на нет. Туристы обиженно отвернулись. Между собой они продолжали весело болтать, обсуждая образ жизни созданий, которые бродили по туманной долине внизу. Селдон слушал с искренним интересом, но в разговор больше не ввязывался. Кто-то пытался представить себе мироощущение диких животных, кто-то — охотников, некоторые — птиц. Они говорили так, словно принимали участие в спортивных состязаниях, о чем Гэри даже подумать не мог. И все же он молчал.

Наконец он сбежал вместе с Дорс в маленький парк позади туристической станции, разбитый специально для того, чтобы гости планеты могли ознакомиться с природными условиями перед погружением. На Сатирукопии, как называлась эта планета, вероятно, не водилось местных крупных животных. Здесь жили звери, которых он видел на Геликоне, когда еще был ребенком. В парке был полный загон домашних животных — различные породы, искусственно выведенные из нескольких видов чуть меньше ста тысяч лет назад, еще на легендарной Земле.

К сожалению, коренных представителей фауны Сатирукопии здесь не было. Гэри остановился перед загоном и задумался о многообразии

Галактики. Его не переставал мучить вопрос, который сам он назвал Великой загадкой и пытался рассмотреть с разных сторон. Но пришел к заключению, что лучшим выходом будет отступить в сторону и пустить все на самотек. Психоисторические уравнения требуют более глубокого анализа и понятий, которые характеризуют человечество как вид. Как…

Животных. Может, здесь он отыщет ответ?

Невзирая на миллион тщетных попыток, люди приручили не так уж много разных существ. Чтобы приручить дикого зверя, нужно, чтобы он обладал определенным набором характерных для вида в целом особенностей. Большинство одомашненных видов были стадными животными, с заданным инстинктом подчинения, что люди использовали с большой выгодой для себя. Они должны быть спокойными: трудно держать стадо, которое срывается от одного непонятного звука и не подпускает к себе чужаков. И главное, они должны спокойно переносить неволю.

Некоторые виды животных не хотят жить и размножаться под неусыпным присмотром — совсем как люди.

Здесь были овцы, козы, коровы и ламы, немного приспособленные к условиям планеты, но вполне

узнаваемые, поскольку климат этого мира не слишком отличался от климата большинства планет Империи. Сходство объяснялось тем, что населенные планеты возникли приблизительно в одно время.

Но сатиры были исключением. Они обитали только на Сатирукопии. Кто бы ни привез их сюда, он наверняка пытался приручить их, но за тринадцать тысяч лет не сохранилось никаких письменных свидетельств. Почему?

Подошел волкодав, втянул носом воздух, проверяя новых гостей, и отошел, ворча неразборчивые извинения.

— Интересно, что примитивисты пытаются обезопаситься от диких животных с помощью домашних, — сказал Гэри, обращаясь к Дорс.

— Конечно. Этот парень вон какой большой.

— Не грустишь об утраченной людьми естественности? О тех временах, когда мы были одним из видов млекопитающих на странной мифической Земле.

— Мифической? Я не занимаюсь доисторическими вопросами, но большинство историков уверены, что эта планета существует.

— Да, но «земля» на древних языках значит «грязь», разве не так?

— Ну, откуда-то мы все-таки произошли. — Она задумалась на мгновение, затем медленно произнесла:

— Мне кажется, что естественные условия хороши для кратких визитов, но…

— Хочу попробовать на сатирах.

— Что? Погружение? — Она тревожно вскинула бровь.

— На все время, пока мы будем здесь. Почему бы и нет?

— Я не… Ладно, я подумаю.

— Говорят, что можно вынырнуть в любой момент. Она кивнула, покусывая нижнюю губу.

— Угу.

— Мы будем чувствовать себя как дома… совсем как сатиры.

— Ты всегда принимаешь на веру то, что читаешь в рекламных проспектах?

— Я кое-что проверил. Это хорошо отлаженная технология. Она скептически скривила губы.

— Угу.

Он знал, что теперь лучше не давить на нее. Все зависит от времени. Большой и страшноватый пес ткнулся носом ему в руку и прорычал:

— Добрррой ноучи, сэррр.

Гэри похлопал собаку по спине. И увидел в

глазах животного Дружелюбие и готовность не задумываясь исполнить любой приказ. Готовность беспрекословно слушаться того, кто так много дал, кто подарил сознание.

«Ничто не бывает случайным, — подумал Гэри, — мы вместе прошли долгий путь». Возможно, именно поэтому он стремится побывать в шкуре сатира. Чтобы вернуться назад, забыть, что значит быть человеком.

Глава 2

— Можете положиться на меня, сэр, — заявил эксперт Ваддо. Он был крупным, мускулистым мужчиной и казался спокойным и уверенным в себе специалистом. Биолог по образованию, он работал здесь проводником и экспертом по погружению. Ваддо рассказал, что работает над технологией погружения, но слишком много времени уходит на поддержание стандии в приемлемом виде.

Гэри был настроен скептически.

— Вы считаете, что прежде сатиры жили вместе с нами на Земле?

— Конечно. Иначе невозможно.

— А не могли они появиться вследствие наших генетических экспериментов?

— Сомнительно. При изучении их генофонда становится понятно, что все они развились из небольшой формации, такой, как маленький заповедник, вероятно, устроенный здесь когда-то. Либо случайное крушение корабля, на котором перевозили этих животных.

— Какова вероятность того, — спросила Дорс, — что эта планета и есть Земля?

Ваддо засмеялся.

— Никаких сохранившихся свидетельств, ни одного разрушенного строения. В любом случае, генофонд местной фауны и флоры немного отличается от наших ДНК. У них слишком много метилурацила. Мы можем здесь жить, есть местную пищу, но ни мы, ни сатиры не являемся выходцами из этого мира.

Ваддо привел убедительное доказательство. Сатиры, несомненно, выглядят как квазилюди. Древние записи дают им такую классификацию: Сатирус Троглодитус — что бы это ни значило на давно забытом земном языке. У них пять пальцев на руках, нет хвоста и такое же количество зубов, как у человека.

Ваддо широким жестом обвел открывающийся с вершины пейзаж.

— Судьба забросила их сюда, где жило много сходных видов, но они оказались на самой вершине биосферы, хотя природа поддерживала их не многим лучше, чем местные формы флоры и фауны.

— И как давно? — поинтересовалась Дорс.

— Около тринадцати тысяч лет тому назад. Точнее не сказать.

— Еще до объединения вокруг Трентора. Но на

других планетах нет сатиров, — возразила Дорс. Ваддо кивнул.

— Я считаю, что в ранние годы Империи никто не думал, что они могут быть полезными.

— А что, они полезны? — спросил Гэри.

— Я бы так не сказал, — пожал плечами Ваддо. — Мы даже не пытались как следует заняться их дрессировкой, только в рамках исследования. Помните, они должны оставаться среди дикой природы. Так гласит изначальный Закон Империи.

— Расскажите, пожалуйста, о ваших исследованиях, — попросил Гэри. По своему опыту он знал, что ни один ученый не устоит перед искушением сесть на любимого конька. И оказался прав.

Ваддо поведал, что они взяли ДНК человека и ДНК сатира и разделили обе двойные спирали на ветви. Скрещивание одной части человеческой ДНК и одной от сатира породило гибрид.

В тех участках спирали, где составляющие оказались подходящими, они тесно сплелись в новую двойную спираль. А где не подходили друг к другу, там связка получилась слабой, непрочной, с отслоениями.

Затем они пропустили взвесь через центрифугу, отделив таким образом слабые звенья. Совпав-

шая часть ДНК составила 98, 2 процента общей протяженности молекулы. Сатиры удивительно близки к человеку. Разница составляет меньше чем два процента, где-то на уровне различий между мужчиной и женщиной… хотя сатиры и живут в лесу и пока ничего не изобрели.

Ваддо сказал, что среди нормальных людей встречаются различия до одной десятой процента. Таким образом получается, что сатиры отличаются от людей всего лишь в двадцать раз сильнее, чем люди друг от друга. Генетически.

Но гены скорее выступают рычагом, точкой опоры для поднятия больших грузов.

— То есть вы хотите сказать, что они появились раньше нас? — Удивилась Дорс. — На Земле?

Ваддо решительно покачал головой.

— Мы родственники, но вряд ли они появились раньше нас. Мы с ними генетические братья, идем нога в ногу в течение шести миллионов лет.

Он любезно усмехнулся, и Гэри задумался, есть ли у Ваддо разрешение уходить в погружения. У него немаленький оклад, Ученым платят достаточно, но оклад есть оклад.

Ваддо уже выдал Гэри кучу отчетов о движениях сатиров, о приросте населения и поведении.

Подогнав все это под определенную модель, можно кратко описать сатиров как доисторических людей, если пользоваться терминами, принятыми в рамках психоистории.

— Описывать историю жизни математически — это одно, — заметила Дорс. — Но жить в этом…

— Ничего страшного, — прервал ее Гэри. Хотя он знал, что туристическая станция с радостью предложит гостям и сафари, и погружение, он был глубоко заинтригован. — Ты сама сказала, что мне нужно сменить обстановку. Отдохнуть от старого душного Трентора.

Ваддо слегка улыбнулся.

— Все совершенно безопасно.

Дорс понимающе улыбнулась Гэри. Когда люди женаты так долго, они умеют читать по глазам. — Вот и чудесно.

Глава 3

Селдон потратил несколько дней на то, чтобы детально ознакомиться с отчетами о сатирах. В нем тотчас проснулся математик и принялся рассматривать изложенный материал с точки зрения психоистории. Из неотесанной мраморной глыбы жизнь высекала скульптуру. Так много вариантов, так много шансов…

Ему пришлось поднажать на местное начальство, чтобы заполучить все данные. Начальницу звали Якани, и она могла бы с большим успехом изображать приятную любезную даму, если бы на стене кабинета, прямо над ее головой не красовался портрет академика Потентейт. Гэри принял это к сведению, а тут еще Якани долго распространялась о своей «покровительнице», которая несколько месяцев назад помогла ей основать исследовательский центр по изучению приматов на отсталой планете.

— Она установит за нами слежку, — сказала Дорс.

— Не думаю, что академик…

— Помнишь первое покушение? Я узнала из своих источников, что техническую сторону

прорабатывали в университетской лаборатории.

Гэри нахмурился.

— Мой Отдел наверняка не начал бы…

— Она так же жестока, как и Ламерк, но действует более тонко.

— Ну что ты всегда всех подозреваешь!

— Не могу иначе.

В полдень они взяли след. Дорс не понравилась жара и пыль, но зато они разглядели нескольких животных.

— Ну какой уважающий себя зверь позволит разряженным «примитивистам» себя разглядывать? — сказала она.

Гэри понравилась атмосфера, царящая в лесу, она расслабляла, хотя мозг его продолжал работать четко и ясно. Он размышлял об этом, пока стоял на чистой веранде, смотрел на закат и потягивал фруктовый сок. Дорс молча стояла рядом.

Планеты — это энергетические воронки, думал он. На дне их гравитационных колодцев растения поглощают почти десятую часть процента солнечного света, который достигает поверхности планеты. Они воспроизводят органические молекулы, используя энергию звезд. В свою очередь, растения служат пищей животным, которые поглощают примерно десятую часть накоплен-

ной растениями звездной энергии. Травоядные животные служат пищей хищникам, которые усваивают десятую часть энергии, заключенной в свежем мясе. Следовательно, рассуждал он, лишь одна стотысячная часть солнечной энергии попадает в тело хищника.

Сущая ерунда! И все же нигде во всей галактике не существует более эффективного эволюционного двигателя. Почему?

Хищники по определению сообразительнее своих жертв, травоядных, и они находятся на вершине пирамиды со ступенчатыми гранями. Всеядные стоят где-то рядом. И из этой безрадостной геометрии родилось человечество.

Этот факт обязательно должен влиять на любой аспект психоистории. Именно сатиры могут помочь отыскать древний, утерянный ключ к психике человека.

— Я надеюсь, — сказана Дорс, — что в погружении легче переносится пыль и духота.

— Не забывай, что ты увидишь мир чужими глазами.

— Главное, что в любую минуту я смогу вернуться и принять горячий душ.

— Капсулы? — отпрянула Дорс. — Это больше похоже на гробы!

— Они вполне удобны, мадам.

Эксперт Ваддо дружелюбно улыбался, но Гэри чуял, что это просто маска и в душе он далеко не так дружелюбен. Они мило побеседовали. Здешний ученый коллектив выразил уважение знаменитому доктору Селдону, но, в конце концов, они с Дорс были здесь всего лишь очередными туристами. Выкладывающими денежки за кусочек первобытных удовольствий, грамотно оперирующими специальными терминами и понятиями, — но туристами.

— Вы будете зафиксированы, все жизненные системы работают медленно, но в пределах нормы, — говорил эксперт Ваддо, показывая супругам мягкие ремни. Потом подробно рассказал о системах наблюдения, о скорой медицинской помощи — если таковая потребуется — и охранниках.

— Что ж, на первый взгляд все вполне удобно, — сообщила Дорс, придирчиво все рассмотрев.

— Брось, — упрекнул ее Гэри. — Ты обещала, что мы попробуем.

— И в любую минуту вы можете связаться с нами, — заметил Ваддо.

— Даже с вашей базой данных? — поинтересовался Гэри.

— Понятное дело.

Без лишних слов команда экспертов уложила их в капсулы погружения. Присоски и магнитные датчики разместили прямо на голове, чтобы снимать мысли напрямую — новейшая технология.

— Готовы? Хорошо ли себя чувствуете? — спросил Ваддо, удерживая на лице профессиональную улыбку.

Гэри чувствовал себя не хорошо, а просто-таки отвратительно. Отчасти благодаря этому эксперту. Его всегда настораживали слишком самоуверенные люди. Несомненно, и Ваддо, и Якани принадлежали к классу ученых. Но Гэри успел заразиться осмотрительностью Дорс. Что-то беспокоило его в этих двоих, но что — он никак не мог понять.

Ладно, Дорс сама говорила, что ему нужно отдохнуть. Разве это не лучший способ отвлечься?

— Да, хорошо. Готовы.

Технология погружения была надежна и давно отработана. Она действовала на уровне неврологических и мышечных рефлексов, так что погружаемый просто засыпал, а его сознание входило в тело сатира.

Тело Гэри охватили магнитные сети. Электромагнитные волны проникли во все уровни его

мозга. Они гнали импульсы по нужным микроскопическим каналам, в то же время подавляя многие функции мозга и блокируя физиологические функции.

Вследствие этого могучая энергия мозга высвобождалась по определенным каналам, мысль за мыслью. И воспринималась электронным чипом, вживленным в мозг сатира. Так происходит погружение.

Эта технология была широко распространена по всей Империи. Возможность переносить сознание на расстояния применялась в разных областях. Тем не менее технология погружения пригодилась и в такой странной отрасли развлечений.

На некоторых планетах, в том числе и среди высших классов Трентора, женщин усыпляли постоянно и возвращали к жизни всего на несколько часов в день. Их богатые мужья пробуждали их из анабиоза лишь для решения социальных и сексуальных проблем. За пятьдесят лет такие жены узнавали отрывочно несколько городов, знакомились с немногими друзьями, бывали на вечеринках и курортах, но зато их биологический возраст увеличивался на пару лет, не больше. Когда их мужья умирали, для жен это происхо-

дило очень скоро, зато они оставались богатыми вдовушками в возрасте не более тридцати лет. Такие дамы пользовались бешеным успехом, и не только благодаря огромному состоянию. Они были необычайно утонченными и опытными во всем, что касалось секса и развлечений, поскольку только этим и занимались во время «семейной жизни». Очень часто такие вдовы возвращались к привычному образу жизни, снова выходя замуж и просыпаясь раз в неделю.

Гэри рассчитывал, что произойдет нечто подобное — этакая видимость культуры, которую он привык видеть на Тренторе. Он думал, что его погружение окажется приятным, интересным и познавательным разговором с иным сознанием.

Он полагал, что в какой-то мере предстанет гостем у чуждого и более простого существа.

Он не ожидал, что будет полностью поглощен.

Глава 4

Хороший день. В сыром овраге полно жирных и вкусных личинок. Вырыть их с помощью когтей и съесть, пока свежие панцири сочно хрустят на зубах.

Здоровяк, он оттолкнул меня. Выгребает целую кучу толстых личинок. Сопит. Чавкает.

Мой живот урчит. Я отхожу в сторону и гляжу на Здоровяка. Он скалит зубы, и я понимаю, что огрызаться на него небезопасно.

Я иду прочь, присаживаюсь на корточки. Меня трогает самка. Она находит несколько блох и выкусывает их зубами.

Здоровяк кружит по оврагу, отыскивая оставшихся личинок, доедает их. Он сильный. Самки смотрят на него. Под ветками деревьев сидит группка самок, они перерыкиваются и плюют друг на друга. Еще рано, еще полдень, все спят, лежат в тени. Но не Здоровяк. Он машет мне и Горбуну, и мы уходим.

Охрана. Держаться прямо и выступать гордо. Мне нравится, это хорошо. Это лучше, чем горбиться. И даже лучше, чем ходить, опустив плечи.

Вниз по ручью, туда, где пахнет животными. Здесь есть брод. Мы переходим ручей и идем дальше, а на ходу нюхаем. Где-то здесь есть двое Чужаков.

Они нас еще не видят. Мы идем тихо, осторожно. Здоровяк подбирает палку, мы тоже. Горбун принюхивается, старается узнать, кто эти Чужаки. И показывает на холм. Так я и думал. Они Холмовые. Плохо. Воняет гадко.

Холмовые зашли на нашу территорию. Нарушили границу. Мы их проучим.

Мы прыгаем. Здоровяк, он рычит, и они слышат его. Я уже бегу, палку держу над головой. Я могу довольно долго бежать, не становясь на все четыре. Чужаки кричат, делают большие глаза. Мы быстро бежим и прыгаем на них сверху.

У них палок нет. Мы бьем их и пинаем, и они вцепляются в нас. Они все большие и быстрые. Здоровяк валит одного из них на землю. Я бью упавшего, чтобы Здоровяк знал, что я всегда рядом с ним. Колочу изо всех сил. Потом быстро бросаюсь на помощь Горбуну.

Его Чужак вырвал его палку. Я бью его своей дубинкой. Он корчится. Я хорошо ударил его, и Горбун прыгает на него сверху Замечательно!

Чужак пытается встать, и я пинаю его ногой.

Горбун отбирает свою палку обратно и бьет его снова и снова, а я помогаю.

Здоровяк. Его Чужак вскакивает и хочет удрать. Здоровяк охаживает его по заду своей дубинкой, рычит и смеется.

Я проявил свое умение. Я подбираю камень. Я лучше всех бросаю камни, даже лучше Здоровяка.

Камни — для Чужаков. Моих друзей я иногда царапаю, но никогда не швыряюсь в них камнями. А Чужаки просто обожают, когда им в лицо попадает камень. Мне нравится гонять Чужаков таким способом.

Я бросаю один камень, он гладкий и чистый. Попадаю Чужаку в ногу. Он скулит. Я швыряю еще один, с острыми углами, и попадаю ему в спину.

Тогда он бежит еще быстрее. Я вижу, что у него течет кровь. Большие красные капли падают в пыль.

Здоровяк смеется и хлопает меня по плечу. И я знаю, что ему со мной хорошо.

Горбун бьет своего Чужака. Здоровяк берет мою дубинку и присоединяется к нему. Кровь, Чужак весь в крови. Этот запах ударяет мне в нос. Я прыгаю прямо на Чужака и скачу на нем. Мы делаем так еще долго. Не надо беспокоиться, другие Чу-

жаки не прибегут сюда. Чужаки иногда храбрые, но они понимают, когда они проигрывают.

Чужак замирает. Я пинаю его еще раз.

Он не отвечает. Наверное, умер.

Мы визжим, и пляшем, и выражаем свою радость.

Глава 5

Гэри потряс головой, чтобы окончательно прийти в себя. Помогло, но не особо.

— Ты был тем, что больше всех? — спросила Дорс. — А я была самкой, под деревьями.

— Прости, не узнал.

— Как все… непривычно, правда? Он сухо рассмеялся.

— Убивать всегда непривычно.

— Когда вы ушли с… э-э… вожаком…

— Мой сатир про себя называл его Здоровяком. Мы убили другого сатира.

Они сидели в шикарной приемной управления погружениями. Гэри встал. Мир слегка качнулся в сторону, а потом вернулся в нормальное положение.

— Пойду, немного поработаю над историческими исследованиями.

— А мне… мне понравилось, — кротко улыбнулась Дорс. Он на мгновение задумался, потом удивленно моргнул.

— Мне тоже, — сказал он, сам того не ожидая.

— Не убийство, а…

— Нет, конечно. Но… ощущение. Она усмех-

нулась.

— Такого на Тренторе не получишь, профессор.

Два дня он потратил на то, чтобы продраться сквозь дебри сухих отчетов, хранившихся в библиотеке главной станции. Она оказалась прекрасно оснащена и оборудована интерфейсом с несколькими сенсорами. Гэри упрямо пробирался по холодному электронному лабиринту.

Время почти полностью уничтожило многие записи. Если двигаться вспять по вектору времени, отображенному на огромных экранах, то миллион лет назад все, что сохранилось, представляло собой распухшие папки протоколов и листочки по технике безопасности. Конечно, современный подход категорически противоречил всем прошлым экспериментам. Но древние отвлеченные рассуждения, рапорты, пересказы и топорно обработанная статистическая информация — все это подлежало кропотливому пересмотру и расшифровке. Почему-то некоторые особенности поведения сатиров оказались тщательно запрятаны в приложениях и дневниках, словно биологи этой богом забытой станции смущались. И смутиться было от чего: взять хотя бы брачные отношения. И как прикажете все это использовать?

Он вглядывался в просторы, открывающиеся на трехмерном экране, и сводил воедино собственные идеи. Целесообразно ли следовать теории аналогии?

Сатиры обладают генами, почти идентичными человеческим, значит, развитие сатиров должно быть упрощенной версией развития человечества. Можно ли анализировать общественную формацию сатиров как редуцированный случай психоистории?

Глава местной службы безопасности, Якани, показала Селдону секретные файлы, в которых говорилось, что за последние десять тысяч лет сатиры генетически изменились. Но чем это закончится, Гэри не знал. Есть ведь еще не один измененный вид, например, «рабуны». Якани живо интересовалась его работой, даже слишком живо. И Гэри заподозрил, что академик Потентейт поручила ей следить за странными гостями.

В конце второго дня он сидел с Дорс и наблюдал, как багровый закат заливает небо, а края облаков отсвечивают оранжевым. Никакой эстет не прижился бы в этом мире, но Гэри он нравился. Правда, еда оставляла желать лучшего. Его желудок протестующе ворчал, переваривая

непривычный ужин.

— Соблазнительно, конечно, использовать сатиров в качестве игрушечной модели для психоистории, — сказал он Дорс.

Но ты сомневаешься. — Они похожи на нас, но они…

— Недалеко ушли от животных? — хмыкнула она и поцеловала мужа. — Мой милый ханжа!

— Я знаю, что у нас у самих в основе остались животные инстинкты. Но зато мы намного приятней.

Ее бровь изящно изогнулась, и Гэри приготовился выслушивать вежливую отповедь.

— Они живут полной жизнью, и в этом им не откажешь.

— Я думаю, мы даже чересчур симпатичны.

— Что? — удивилась она.

— Я специально изучаю эволюцию человечества. По мнению большинства, это не слишком актуальный вопрос. И я их понимаю.

— А в Галактике живут в основном люди и еще малое число биологических видов, так что живого материала попросту не хватает.

Он никогда раньше не рассматривал проблему с этой стороны, но Дорс была права. Биология — непознанная до конца наука. Все официальные

течения преследуют то, что называется «чистой социометрией».

Он продолжил последовательное изложение своих мыслей. Если кратко, то человеческий мозг был ошибкой природы, не подчиняющейся эволюционным законам. Мозг человека способен на большее, чем удовлетворение простых охотничьих и собирательских нужд. Создания, обладающие таким мозгом, поднялись выше животных. Они сумели разжечь огонь и соорудить простейшие каменные инструменты. Эти способности сделали человека венцом творения, заставив закон естественного отбора измениться. И изменение самого человека ускорилось: вывод следует из быстрого увеличения массы мозга. Развилась кора головного мозга. Вдобавок к старой сигнальной системе появилась новая. Кора расползлась на остальные области, наросла, словно плотная новая кожа. Так гласят древние тексты, привезенные из музеев много тысяч лет назад.

— Так появились музыканты и инженеры, святые и ученые, — торжественно закончил Гэри.

У Дорс была чудесная черта: она всегда прилежно слушала, пока он расхаживал по комнате и менторским тоном излагал свои соображения. Даже в отпуске.

— И ты считаешь, что сатиры появились как раз в то время? На древней Земле?

— А как иначе? И все эти эволюционные разделения произошли за несколько миллионов лет.

Дорс кивнула.

— Подумай о женщинах. Ведь эти самые изменения сделали рождение ребенка гораздо опаснее для матери.

— То есть?

— У новорожденных головы просто огромны. Мы, женщины, до сих пор расплачиваемся за ваши мозги… за наши мозги.

Он засмеялся. Она всегда сумеет взглянуть на предмет с неожиданной точки зрения.

— Тогда почему произошел именно такой отбор, а? Она загадочно улыбнулась.

— Может быть, мужчины и женщины обнаружили, что интеллект сексуален?

— Да ну?

Новая лукавая улыбка.

— Вот пример: мы!

— Ты видела когда-нибудь головидеозвезд? Интеллект из них так и прет, правда?

— Вспомни зверей, которых мы видели в имперском зоопарке. Может, для первобытных людей ум был чем-то вроде павлиньего хвоста

или оленьих рогов: яркой побрякушкой, которая привлекает самок. Великолепный сексуальный манок.

— Понятно, туз в рукаве при хорошо сданных картах, — рассмеялся он. — Итак, мозг — это всего лишь яркий хвост.

— Мне этот хвост нравится, — подмигнула Дорс.

Он смотрел, как закат сменяется сумерками, малиновыми тенями, и почему-то почувствовал себя странно счастливым. По глади неба плыли мягкие облака причудливой формы.

— Гм-м-м, — начала Дорс. — Что?

— Может, стоит попытаться применить метод наших экспертов? Если понять, кем мы, люди, когда были, и сравнить с тем, что получилось…

— Если сравнивать разницу интеллекта, то пропасть огромна. А если социальную структуру — так мы продвинулись не слишком-то и далеко.

Дорс недоверчиво взглянула на него.

— Ты полагаешь, сатиры настолько близки нам по социальному устройству?

— Ну… Смотри сама. Сперва мы прошли путь от сатиров до ранних лет Империи, потом — до сегодняшнего дня.

— Ничего себе скачки!

— Возможно, мне удастся использовать саркианского сима Вольтера как одну из ступенек этого пути.

— Постой, прежде чем делать какие-то выводы, нужно поэкспериментировать. — Она пристально посмотрела на мужа. — Тебе ведь нравится погружение, правда?

— Гм, да. Вот только…

— Что только?

— Эксперт Ваддо следит за всеми погружениями…

— Это его работа.

— …и он знает, кто я.

Ну и что? — Она развела руками.

— Обычно ты более подозрительна. Откуда какому-то эксперту знать неприметного математика?

— Он просмотрел списки прибывающих гостей, которые поступили перед нашим приездом. Ты — претендент на пост премьер-министра, а значит, далеко не неприметная личность.

— Надеюсь, что так. Послушай, я думал, что ты всегда ждешь худшего поворота событий. — Он улыбнулся. — Почему же не разделяешь моих мер предосторожности?

— Есть предосторожность, а есть паранойя. Ожидать худшего и искать худшего — вещи разные.

И к ужину она уже уговорила его продолжать погружения.

Глава 6

Жаркий день, солнце. Пыль щекочет. Заставляет чихать.

Этот Здоровяк, он идет рядом со мной. Это почетно. Очень почетно. Женщины и молодые самцы сторонятся.

Здоровяк трогает каждого, немножко возится рядом. Чтоб все понимали: он здесь. Все в мире хорошо.

Я тоже трогаю его. Мне хорошо. Я хочу быть похожим на Здоровяка, быть таким же большим, как он, быть им.

С женщинами у него все просто. Он выбирает одну, она идет с ним. И он на нее залазит. Он — Здоровяк.

Остальные парни не так нравятся женщинам. Они не хотят быть с остальными так долго, как со Здоровяком. Маленькие детеныши визжат и бросаются песком, но все знают, что они ни на что не способны. У них нет никаких возможностей стать такими, как Здоровяк. Им это не по вкусу, но им это вбивают в голову.

Я, я достаточно силен. Меня уважают. Почти все.

Все парни любят играть. Ласкаться. Гладить. Похлопывать. Женщины делают это с ними, а они поступают так с женщинами.

Женщины делают даже больше. Почему нет, парни вовсе не грубы.

Я сижу, и меня гладят. И вдруг я чувствую запах. Мне не нравится этот запах. Я вскакиваю и кричу. Здоровяк слышит. И тоже принюхивается.

Чужаки! Все жмутся друг к другу. Запах сильный, его много. Много Чужаков. Ветер принес их запах, они близко и подходят все ближе.

Они бегом спускаются с гребня холма. Хотят наших женщин, хотят драки.

Я бегу за своими камнями. Я всегда держу несколько под рукой. Я бросаю один и промахиваюсь. А они уже среди нас. Трудно попадать в них, они двигаются очень быстро.

Четыре Чужака. Они хватают двух наших женщин. И тащат их прочь.

Все вопят и стонут. Пыль стоит везде.

Я бросаю камни. Здоровяк ведет парней в погоню за Чужаками.

Чужаки убегают. Вот так. Взяли двух наших женщин, и это плохо.

Здоровяк злится. Он толкает парней, которые рядом с ним, кричит. Он не так уж и хорош, он

позволил Чужакам застать нас врасплох.

Эти Чужаки плохие. Мы все падаем, хлопаем друг друга, гладим и ворчим от удовольствия.

Здоровяк подходит ближе, хлопает женщин. Залазит на некоторых. Чтобы все знали, что он до сих пор Здоровяк.

Он не хлопает меня. Он знает, что лучше не пробовать. Я рычу на него, когда он подходит ближе, и он притворяется, что не слышит.

Может, он уже не такой уж и большой. Так я думаю.

Глава 7

На этом он остановился. После того, как Чужаки-сатиры проскакали по их лагерю, он сел и позволил долго себя ласкать. Это действительно его успокоило.

Его? Кого его?

На этот раз он мог полностью ощущать сознание сатира. Не под своим — это метафора — а вокруг. Разбросанную мозаику чувств, мыслей, обрывки ощущений — все это походило на подброшенные в небо и взвихренные ветром листья.

А ветер заменяли эмоции. Ураганы, вихри, которые завывали и несли ливни, прочищающие мысли мягкой, но неотвратимой гребенкой.

Сатиры почти не думали, если это вообще можно было назвать словом «думать» в том понимании, к которому мы привыкли. Это были всего лишь обрывочные, разрозненные суждения. Но сатиры жили напряженной чувственной жизнью.

«Конечно, — подумал он (а думать он мог свободно, спрятавшись в сознании сатира). — Эмоции диктуют им, что нужно сделать, не думая.

Это необходимо для быстроты реакций. Сильные эмоции превращают незначительные позывы в непоколебимые императивы. Тупой закон Матушки Эволюции».

Теперь он осознал, что люди приписывают себе уникальную способность переживать высокие эмоции лишь из тщеславия. Не более. Мироощущение сатиров не слишком отличалось от человеческого. В чем можно убедиться, если взяться за изучение психологии сатиров.

Он постарался отстраниться от давящего сознания сатира, в котором пребывал. Интересно, сатир понимает, что в нем кто-то сидит? Да, понимает, хотя довольно смутно.

И все же сатира не особенно беспокоит его присутствие. Он воспринял вмешательство в собственное сознание спокойно, словно так и должно быть в его странном, непонятном мире. Гэри был сродни эмоциям, которые быстро налетали, ненадолго задерживались и так же быстро проходили.

А может ли он стать чем-то большим? Гэри попытался заставить сатира поднять правую руку — словно отдал приказ. Как он ни боролся, ничего не вышло. И он осознал свою ошибку." Нельзя побороть сатира, сидя в маленьком закутке более

обширного сознания.

Пока Гэри думал, сатир принялся гладить самку, осторожно трепать ее густую спутанную шерсть. Пряди волос пахли так приятно, воздух был так сладок, солнечные лучи купали его в тепле..

Эмоции! Сатиры не подчиняются приказам, потому что это выше их понимания. Они не воспринимают указаний в общечеловеческом смысле. Эмоции — вот что им доступно. Он должен стать определенным чувством, а не начальником, выдающим приказы.

На какое-то время Гэри успокоился, отдавшись ощущению простого бытия животного. Он изучал, а вернее, проникался чувствами. Стадо ласкалось и хрустело пищей, мужчины следили за границами стойбища, женщины жались к молодняку. Его захватил ленивый покой и понес сквозь беззаботность теплого полудня.

Он не переживал ничего подобного со времен раннего детства. Медлительное, спокойное существование, словно время перестало существовать, растянувшись в невообразимую вечность.

В таком состоянии он смог сосредоточиться на простом движении — поднять руку, почесаться — и превратил это в желание. Сатир ответил

на импульс и почесался. Итак, чтобы достичь желаемого, он должен направить чувства к заданной цели.

Прекрасно. Он продолжал учиться. И проник в более глубокие участки сознания сатира.

Наблюдая за стадом, он про себя решил дать определенным особям имена собственные, чтобы отличать от остальных. Самый быстрый — Живчик, самая сексуальная — Красотка, самый голодный — Скребун… А как зовут его самого? И он окрестил себя Ясатиром. Не слишком-то оригинально, зато это главная отличительная черта зверя: Я — сатир.

Скребун нашел какой-то круглый фиолетовый фрукт, и остальные сатиры сгрудились вокруг, чтобы оглядеть и попробовать находку. Большой плод выглядел еще недозревшим (и откуда он это узнал?), но кое-кто все же нашел чем поживиться.

И где здесь Дорс? Они попросили, чтобы их погрузили в одно стадо, значит, одна из этих… — он заставил себя пересчитать их, хотя такое с виду незамысловатое испытание оказалось на диво тяжелым, — этих двадцати двух женщин была ею. Как отличить? Он направился к группе самок, которые с помощью острых камней стара-

лись отрезать от веток лишние листья. Затем они связали упругие ветки, получив примитивные веревки для переноски пищи.

Гэри вглядывался в их лица. Легкий интерес с их стороны, дружелюбные хлопки, приглашающие к любовной игре. И — ни тени узнавания в их глазах.

Тогда он обратил внимание на крупную самку, Красотку, которая тщательно отмывала в ручье подобранные с земли фрукты. Остальные поступали так же: Красотка считалась своеобразным вожаком, женским вариантом лейтенанта, помощницей Здоровяка.

Она с удовольствием впилась зубами в плод, не забывая оглядываться по сторонам. Неподалеку росли колосья, уже перезревшие, и спелые зерна выпали на песок, оставив на стебельках пустые пышные усики. Сосредоточившись, Гэри смог различить по смутным ощущениям сатира, что это было редкое лакомство. Несколько сатиров ползали на четвереньках и подбирали выпавшие зерна — занятие трудоемкое и нудное. Красотка присоединилась к ним, но внезапно остановилась и задумчиво посмотрела на ручей. Шло время, звенели насекомые. Через минуту она подхватила горстью песок вместе с зернами

и двинулась к воде. И бросила все в ручей. Песок утонул, а зерна остались плавать на поверхности. Она выловила лакомство, высыпала в рот и довольно ухмыльнулась.

Впечатляющий фокус! Остальные сатиры не переняли ее метод. Мыть фрукты намного проще, решил Гэри. ведь сатиры заготавливали их загодя. А чтобы выполаскивать зерна в реке, их сперва нужно выбросить и только потом отлавливать — двухступенчатый метод, а это уже серьезный скачок сознания.

Он подумал о Красотке, и Ясатир, отвечая его желанию, встал у нее на пути. Гэри заглянул в глаза женщины… и она подмигнула. Дорс! В порыве чувств он обхватил ее волосатыми лапами.

Глава 8

— Чисто животная любовь, — сказала она за ужином. — Освежает.

Гэри кивнул.

— Мне нравится быть там, нравится жить этой жизнью. — Столько новых запахов открывается!

— Фрукты намного вкуснее, когда их кусаешь. — Он взял фиолетовый плод, отрезал кусочек и отправил вилочкой в рот. — Мне они кажутся умопомрачительно вкусными. А Ясатир считает их приятными, но немного горьковатыми. Полагаю, сатиры выжили благодаря пристрастию к вкусной и сладкой пище. Это дает им много калорий.

— Я предпочитаю не слишком напрягать мозги во время отпуска. Не для того, чтобы отдохнуть от дома, а чтобы отдохнуть от науки.

Он потупил глаза. И они все такие…

— Сексуально озабоченные?

— Ненасытные.

— А мне показалось, что ты с удовольствием разделяешь их ненасытность.

— Мой сатир? Ясатир? Я выныриваю, когда на него находит настроение типа трахни-их-всех-

одним-махом.

— Да ну? — удивилась она.

— А разве ты нет?

— Я-то да, но я считала, что мужчины в этом смысле принципиально отличаются от женщин.

— О… — смутился он.

— Я прошерстила исследовательские заметки экспертов, пока ты развлекался с социальными изменениями сатиров. Женщины зациклены на своих детях. Мужчины придерживаются двух стратегических позиций: родительского инстинкта и «чем больше тем лучше». — Она взмахнула ресницами. — Эволюция оставила оба варианта, поскольку они наиболее часты.

— Только не со мной.

К его удивлению, она рассмеялась.

— Я говорю в общем. Думаю, у сатиров беспорядочные половые связи более часты, чем у нас. Мужчины хватают первую, что под руку подвернется. Наверное, они заботятся о женщинах, которые растят их детей, но никогда не упустят случая запрыгнуть на любую другую.

К Гэри вернулся прежний профессорский дух. Так ему сподручней было обсуждать скользкую тему.

— Как говорят специалисты, они придержива-

ются смешанного репродуктивного поведения.

— Ух, как скромно сказано.

— Скромно, зато верно.

Конечно, он не поверил, что Дорс выныривает из Красотки, когда на нее наскакивает самец. (Они всегда спешат, справляясь за тридцать секунд, а то и меньше.) Разве она успеет так быстро выскользнуть из сознания сатира? Он припомнил несколько моментов, когда самого его это застало врасплох. Конечно, если она видит приближающегося самца и понимает его намерения…

Гэри поражался сам себе. Какая может быть ревность, когда они вселились в чужие тела? Разве в этом случае могут действовать обычные моральные законы? И все же он смущался, обсуждая с ней подробности интимного поведения сатиров.

Он так и остался мальчиком с Геликона, нравится это ему или нет.

На время он полностью отдался ужину, состоявшему из местного рагу: обыкновенное мясо и гарнир из тушеных овощей. Он ел с наслаждением и в конце концов, в ответ на молчаливое одобрение Дорс, заявил:

— Кстати, я заметил, что сатиры понимают толк в торговле. Еда за секс, измена вожаку за

секс, понянчить ребенка за секс, выбрать блох за секс, все — за секс.

— Похоже, это их социальная валюта. Быстро и едва ли приятно. Несколько толчков, сильные ощущения, а потом — раз! — и все закончилось.

— Мужчинам это необходимо, женщины пользуются этим.

— Гм-м, а ты не терял времени даром.

— Если я собираюсь рассматривать формацию сатиров как разновидность упрощенных людей, я обязан вести наблюдения.

— Формация сатиров? — раздался рядом низкий голос эксперта Ваддо. — Они не подходят для построения более сложного общества, если вы имели в виду именно это.

Он широко улыбнулся, и Гэри показалось, что на этот раз напускного дружелюбия чересчур много. Гэри автоматически улыбнулся в ответ.

— Я стараюсь найти подходящие определения, чтобы описать поведение сатиров.

— Вы можете проторчать здесь всю жизнь, — сказал Ваддо, опускаясь на свободный стул и жестом подзывая официанта. — Они примитивные создания.

— Согласна, — вступила в беседу Дорс. — А вы часто погружаетесь в них?

— Иногда, но многие наши исследования ведутся сейчас другими методами. — Уголки рта Ваддо поникли. — Что-то вроде статистических моделей. Идея создать станцию для туристов зародилась при мне, мы использовали технику погружения, которую потом усовершенствовали. И все это — чтобы собрать денег для осуществления проекта. Но вскоре нам придется свернуть центр развлечений.

— Я рад, что успел побывать здесь, — сказал Гэри.

— Признайся… что тебе понравилось, — улыбнулась Дорс.

— Гм, да. Это… ни на что не похоже.

— И полезно, поскольку неповоротливый профессор Селдон наконец вылез из своей конуры, — добавила она.

Ваддо лучезарно улыбнулся.

— Надеюсь, вы не станете слишком увлекаться. Некоторые из наших клиентов начинают воспринимать себя чем-то вроде суперсатиров.

Дорс склонила голову.

Разве это опасно? Наши тела в стасисе, в безопасности.

— Вы довольно крепко связаны с ними, — пояснил Ваддо. — Сильный стресс для сатира может

оказаться сильным стрессом для вашей, нервной системы.

И какой, например? — поинтересовался Гэри.

— Смерть, раны.

— В таком случае, — заволновалась Дорс, — я считаю, что тебе лучше воздержаться от погружений.

Гэри почувствовал себя уязвленным.

Спокойно! Я в отпуске, а не в тюрьме. — Любая угроза для твоей…

— Всего минуту назад ты щебетала о том, как это для меня полезно.

— Ты слишком важная персона, чтобы…

— Опасность слишком незначительна, — успокаивающе заверил Ваддо. — Обычно сатиры не умирают ни с того, ни с сего.

— И я всегда смогу вынырнуть, если увижу, что мне грозит беда, — добавил Гэри.

— Но пойдешь ли ты на это? По-моему, у тебя проснулась тяга к приключениям.

Она была права, но Гэри не стал развивать эту тему. Раз уж он вырвался из повседневной скучной жизни математика, нужно выжимать из отпуска все до последней капли.

— Мне надоели бесконечные коридоры Трентора. Я хочу расслабиться.

— Мы пока не потеряли ни одного туриста, — заверил Дорс улыбчивый Ваддо.

— А исследователи? — подозрительно спросила она.

— Ну, это был совершенно уникальный…

— Что случилось?

— Сатир свалился со скалы. Человек-оператор не успела вынырнуть и очнулась парализованной. Стресс пережитой смерти в погруженном состоянии, когда человек уже наблюдает подобные случаи прежде, может стать фатальным. Но у нас есть специальные системы прерывания…

— Еще случаи были? — настаивала Дорс.

— Ну, был один неприятный момент. В самом начале, когда мы оградили территорию просто колючей проволокой. — Эксперт передернул плечами. — Сюда ворвалось несколько хищников.

— Каких хищников?

— Доисторических стадных плотоядных животных. Мы зовем их рабунами, поскольку генетически они относятся к приматам. Живут большей частью на другом континенте. Их ДНК…

— И как же они ворвались? — не отступалась Дорс.

— Они похожи на диких кабанов, только с двумя рядами клыков, похожих на клещи. Они

учуяли наших домашних животных в загоне. И подкопались под ограду.

Дорс перевела взгляд на высокие крепкие стены вокруг территории.

— А эта ограда выдержит?

— Вполне. ДНК рабунов очень сходна с ДНК сатиров, и мы считаем, что они — результат древнего генетического эксперимента. Кто-то пытался создать хищника, способного передвигаться на двух ногах. Используя как образец большинство двуногих хищников, их передние лапы уменьшили, выпрямили хребет, чтобы они могли держать голову прямо, балансируя толстым хвостом, которым они подавали сигналы друг другу. Они смахивают на древних гигантских ископаемых, которые питаются только живым мясом.

— Почему они напали на людей?

— Да они на всех нападали. Даже на сатиров. Когда они ворвались в загон, то принялись гоняться за взрослыми; детей не трогали. Весьма избирательная тактика.

Дорс поежилась.

— Ваш взгляд на все это так… беспристрастен.

— Я биолог.

— Никогда не думал, что быть биологом так захватывающе, — заметил Гэри, чтобы сгладить

последние слова Дорс.

Ваддо сверкнул широкой улыбкой.

— Полагаю, что не более, чем заниматься высшей математикой.

Дорс недовольно дернула уголком рта.

— Что вы скажете, если ваши гости будут носить оружие на территории станции?

Глава 9

У него никак не выходила из головы идея использовать поведение сатиров в качестве простейшей, можно сказать игрушечной, модели психоистории. Следовало вплотную заняться статистикой жизни их сообществ, изучить все взлеты и падения.

В его теоретических разработках — после столкновения с живым воплощением — обнаружилось множество промахов и недоработок. Ступив однажды на боковую тропинку развития, жизнь пошла иным путем. Естественный отбор не только способствовал такому выбору пути, но и не давал свернуть с него.

Сама биосфера поддерживает подобные чудеса эквилибристики — как воздух поддерживает парящих птиц, думал Гэри. Он как раз наблюдал за несколькими крупными пернатыми желтопесочного цвета, кружившими над станцией во встречных воздушных потоках.

Как и они, целые биологические системы иногда замирают в одной точке, не развиваясь дальше по эволюционному пути. Системы могут выбирать разные пути восхождения.

Иногда — если придерживаться взятой аналогии — они могут питаться только жирными насекомыми, которых приносит им шаловливый ветерок. Стоит пренебречь ветрами, несущими перемены, и потеряешь способность изменяться. Силы уходят впустую. И нельзя забывать о том, что любое, кажущееся стабильным, состояние — всего лишь следствие отличного обеспечения пищей.

В природе состояния неподвижности не существует — кроме одного-единственного. И биологическая система с отлаженной эквилибристикой — мертва.

И ее психоистория?

Он поговорил с Дорс на эту тему, и жена согласилась. Невзирая на внешнее спокойствие, она была серьезно обеспокоена После разговора с Ваддо ей не давала покоя возможная угроза Гэри напомнил ей, что прежде она просто-таки настаивала на погружениях, и чем больше — тем лучше.

— Это же просто отпуск, помнишь? — повторял он.

Ее лукавые и насмешливые взгляды свидетельствовали о том, что она не воспринимает всерьез его планы создать игрушечную модель

психоистории. Дорс считала, что он просто любит отвлеченные построения. Делает из мухи слона.

— В глубине души ты так и остался сельским мальчиком, — подшучивала она.

На следующее утро он отказался ехать на экскурсию, где им собирались показать рабунов в естественных условиях. Зато они с Дорс быстренько пробрались в отдел погружения. Он убеждал себя, что работу необходимо довести до конца.

— А это что? — спросил Гэри, показывая на небольшого тиктака, стоящего между их капсулами погружения.

— Мера предосторожности, — ответила Дорс. — Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь подшутил над нашими капсулами, пока мы спим.

— Но тиктаки стоят здесь бешено дорого!

— Этот будет охранять наши закодированные замки. Вот, посмотри, — сказала она и перегнулась через тиктака, пытаясь дотянуться до замка. Машина закрыла замок своим телом.

— Я полагал, что замков вполне достаточно.

— У шефа безопасности есть запасные ключи.

— Ты что, подозреваешь ее?

— Я всех подозреваю. А ее — особенно.

Сатиры спали на деревьях и тратили уйму времени на выкусывание блох из шерсти друг друга.

Для удачливого сатира клещи и блохи — весомая часть рациона. У них приятный острый привкус. Гэри решил, что тщательный уход за шерстью партнера — перебирание и расчесывание — заложен в поведение сатиров для поддержания чистоты. И к тому же это успокаивало Ясатира.

Потом его поразила новая мысль: вычесывание заменяет сатирам речь. Они кричат и призывают сородичей только в минуту опасности или крайнего возбуждения — во время совокупления, кормежки или сражения. Они очень похожи на людей, только не могут выразить себя с помощью спокойного разговора.

Но спокойное общение им тоже необходимо. Основа их социальной жизни напоминала трудные годы человеческого общества — тирания, тюрьмы, бандиты и гангстеры. Зубы и когти — вот сила, хотя и у людей такое до сих пор встречается.

Но «цивилизованное» поведение тоже имело место. Дружба, горе, разделение добычи, самые сильные бойцы, которые охотились для всех и всех охраняли. Старики сатиров — все морщинистые с облезшей шерстью, беззубые — и те были присмотрены и накормлены.

Инстинктивное знание сатиров казалось

необъятным. Они знали как делать постель из листьев высоко в ветвях деревьев, когда наступает темнота. Они лазали по деревьям, хватаясь за ветки пальцами ног. Они выражали чувства, они кричали и стонали, даже не стараясь создавать устойчивые лексические формы и правила. В этом случае их чувства стали бы зависимы от способа выражения. А для сатиров эмоции и чувства преобладали над способом выражения, они были важнее всего.

А самым сильным был голод. Сатиры искали и ели листья, фрукты, жуков и всякую мелюзгу с крылышками. Гусеницы считались лакомым кусочком.

Каждое мгновение, поднимаясь по ступеням познания, Гэри проникал все глубже в Ясатира. Он начал воспринимать самые потаенные и смутные уголки его сознания. И все больше овладевал искусством контроля над зверем.

В то утро женщины отыскали большое упавшее дерево и принялись колотить по нему. Пустой ствол рокотал, как барабан, и постепенно все стадо присоединилось к барабанщицам. Они лупили по дереву и широко ухмылялись, вслушиваясь в грохот.

Ясатир тоже не остался в стороне. Гэри ощутил

вспышку радости, которая охватила его носителя.

Позже, перебираясь через водопад, разлившийся после сильного ливня, они принялись кататься на виноградных лозах, взлетая между деревьями и проносясь над водным потоком. Сатиры визжали от восторга, перепрыгивая с одной ветви на другую и выделывая в полете кувырки и перевороты.

Они были похожи на детей, которых отвели на новую площадку для игр. Гэри заставлял Ясатира проделывать невероятные кульбиты, прыгать и нырять в воду, вращаясь в полете — остальные сатиры смотрели, открыв от изумления рты.

В худшие минуты они бывали необычайно злобными — в преследовании женщин, в установлении внутренней иерархии, а особенно на охоте. Удачная охота пробуждала все добрые чувства и приносила огромное удовольствие: ласки, поцелуи, любовь. Когда племя все съедало, лес оглашался криками, визгом, уханьем и пыхтением. Гэри тоже включался в оргию, пускаясь в пляс с Красоткой-Дорс.

Он ждал, что придется подавлять свое пренебрежение к беспорядку и неряшливости. Многие тренторианцы ненавидят саму землю, не пред-

ставляют, как можно ходить по ней и пачкаться. Но не Гэри, который вырос на земле, среди фермеров и рабочих, все же он опасался, что долгая жизнь в стерильных коридорах Трентора скажется на его отношению к жизни сатиров. Не тут-то было! Ему даже казалось, что жизнь сатиров более естественна и правильна.

Порой ему приходилось бороться со своими чувствами. Когда сатиры ели крыс, они начинали с головы. Черепа крупных грызунов они разбивали камнями. И сперва высасывали мозг — ничего себе деликатесик!

Гэри судорожно сглотнул — мысленно, но Ясатир повторил его импульсивное движение — и освободил сознание сатира оставшись сторонним наблюдателем. В конце концов, Ясатир должен есть.

Когда он уловил запах дичи, он почувствовал, как у Ясатира все волосы встали дыбом. Следующая волна запаха вызвала у Ясатира обильное слюнотечение. Он никогда не испытывал жалости к пище, даже если она еще была жива и двигалась. Эволюция в действии: сатиры, которые в прошлом жалели пищу, ели меньше и давали более слабое потомство. К настоящему моменту все они давным-давно вымерли.

Невзирая на отдельные нюансы, Гэри решил, что поведение сатиров удивительно похоже на человеческое. Мужчины часто собирались вместе, чтобы сражаться, собирать камни для проведения каких-нибудь кровопролитных игр либо выяснения внутриплеменных отношений. Женщины плели интриги и затевали свары. Здесь процветали заверения в верности, подсиживания, драки за лучшее спальное место, угрозы и пустые обещания, протекционизм, стремление к «уважению», четкая иерархия, месть — все прелести социального положения, которое так обожают многие люди и гордо называют «высшим светом».

Собственно, очень уж похоже на имперский двор.

Давно ли люди нацепили одежду и вызубрили набор хороших манер? Так ли уж принципиально отличаются они от сатиров? Сообразительный сатир вполне пришелся бы ко двору среди имперской знати…

Гэри охватило такое сильное отвращение, что Ясатир вздрогнул и забеспокоился. Человечество должно быть иным — не таким чудовищно примитивным!

Конечно, можно использовать ситуацию для

проверки его теории. Для того чтобы впоследствии люди получили представление о том, что происходит, и научились направлять свое развитие. Он возьмет за основу императивы сатиров, но пойдет дальше — к истинной, всеобъемлющей психоистории.

Глава 10

— Я не могу согласиться с тобой, — заявила Дорс за ужином.

— Но они так похожи на нас! У нас наверняка много общего. — Он отложил ложку. — Может, когда-то, еще задолго до того, как мы вышли к звездам, они были нашими домашними любимцами?

— Я бы не позволила им переворачивать все в моем доме. Взрослые люди весили немного больше сатиров, но сатиры оказались гораздо сильнее. Сатир может поднять груз в пять раз тяжелее чем здоровый, развитый мужчина. Объем человеческого мозга в три-четыре раза больше, чем мозг сатира. Даже пятимесячный младенец обладает большим мозгом, чем взрослый сатир. К тому же строение человеческого мозга иное, чем строение мозга сатиров.

Но это ли главное. Гэри не знал.

Дайте сатиру больший мозг и научите говорить, остригите шерсть, избавьте от агрессивности, побрейте и сделайте стрижку. Заставьте все время ходить на задних лапах — и получите превосходного цивилизованного сатира, который

будет выглядеть и вести себя лучше, чем средний человек.

— Слушай, — начал Гэри, — я считаю, что они настолько близки нам, что по ним можно построить приблизительную модель психоистории.

— Чтобы тебе поверили, ты должен доказать, что их интеллект достаточно силен, чтобы выполнять сложные действия.

— Они запасают еду, они охотятся, — настаивал он.

— Ваддо сказал, что их даже нельзя обучить работать на этой станции.

— Я покажу, что я имею в виду. Давай поработаем вместе. У меня своя методика.

— Что за методика?

— Начнем с самого главного. Добывание еды.

Они ели бифштекс из мяса местных травоядных животных, которые прижились здесь и «служили неплохим дополнением к современной кухне», как гласила рекламная брошюра. Пережевывая мясо с неожиданной яростью, Дорс не сводила с Гэри глаз.

— Вперед. Все, что может сделать сатир, я могу сделать лучше. Дорс помахала рукой Красотки. «Пора начинать соревнование».

Племя запасалось едой. Гэри позволил Ясатиру

бродить без цели и старался никак не задевать его эмоциональный фон. Он проник в сознание уже достаточно глубоко, но внезапный звук или запах мог выбить его из седла. А управлять смутным сознанием сатира — все равно что выгуливать непослушного щенка на кожаном ремешке: обязательно за что-нибудь зацепится.

Красотка-Дорс махнула ему и показала: «Сюда».

Они выработали сигналы для пальцев и мимики, обозначающие несколько сотен слов, а их сатиры справлялись с заданием на удивление легко. У сатиров был свой, примитивный язык — помесь кряхтения, хрюканья и знаков. Сатиры использовали простые понятия, не связывая их в привычные человеку предложения. В основном в ход шли ассоциации.

«Дерево, фрукт, иди», — передала Дорс. Они направили своих сатиров к склону, на котором высились заманчивые фруктовые деревья. Но склон оказался слишком крутым.

Самые сильные взлетели на гору быстрее птицы. «У них гораздо больше сил и возможностей, чем у нас», — сокрушенно подумал Гэри.

«Что там?» — просигналил он Красотке-Дорс.

Мало-помалу сатиры вскарабкались на гору,

помогая друг другу, пока не очутились возле гребня. Когда сатиры счистили грязь со склона, открылся небольшой тоннель. «Термиты», — пояснила знаками Дорс.

Сатиры разглядывали тоннель, а Гэри анализировал ситуацию. Никто не спешил. Красотка подмигнула ему и вперевалку направилась к дальнему холму.

Дело в том, что термиты выползали на работу только ночью, а с рассветом замуровывали подходы к жилью. Гэри позволил своему сатиру облазить высокую насыпь, но теперь он так хорошо управлял носителем, что даже не ждал его ответной реакции. Гэри-Ясатир искал щели, проходы или маленькие углубления. Он догадался сгрести землю, но ничего не нашел. Остальные сатиры бодро последовали его примеру и сразу нашли тоннели. А может, они просто помнили, где находится такое множество тоннелей в разных частях горы?

Наконец и он обнаружил один. Ясатир оказался то ли невезучим, то ли бездарным. Контроль Гэри блокировал доступ в дальние запасники его памяти.

Сатиры подбирали палочки и стебельки травы и всовывали их в щели. Гэри последовал их

примеру. Но как он ни старался, его палочки и стебельки никуда не годились. Первая оказались слишком гибкой, и когда он просунул ее в извилистый тоннель, она просто согнулась и застряла. Он выбрал покрепче, но палочка уперлась в стенку тоннеля, сломалась, и снова ничего не вышло. Ясатир ничем не мог ему помочь. Гэри слишком крепко оседлал его.

Ему стало стыдно. Даже самые юные сатиры без труда нашли палочки и стебельки нужного размера и гибкости. Гэри понаблюдал за соседним сатиром, успешно управлявшимся со стебельком. И когда сатир выбросил его, Гэри подобрал. Он чувствовал, что Ясатира охватывает тревога, вкупе с обидой и голодом. Во рту стоял отчетливый вкус великолепных, сочных термитов.

Гэри снова взялся за работу, подхлестнув Ясатира эмоциональными поводьями. Дела пошли еще хуже. От Ясатира шли дурные мысли, но Гэри полностью контролировал его мускулатуру, а это приводило к удручающим результатам.

Обшарив рукой коварный тоннель, он быстро обнаружил, что палочка должна проникнуть примерно на двадцать сантиметров в расселину. Воткнув, он должен еще осторожно покрутить ею. Прислушавшись к воспоминаниям Ясатира,

он понял, что это встревожит термитов и заставит их впиться челюстями в чужака. Сперва он проделывал эту процедуру слишком долго, и, когда вынул палочку, оказалось, что он потерял почти всех насекомых.

Термиты перекусили палочку напополам. Пришлось искать замену и желудок Ясатира протестующе заворчал.

Остальные сатиры уже вдоволь насладились соком термитов, Гэри все еще безуспешно боролся за первый улов. Это уязвляло его. Он вытащил палочку слишком быстро и стряхнул термитов, зацепившись за стенки тоннеля. Снова и снова он засовывал палочку в нору — и каждый раз обнаруживал, что термитов на ней нет. Палочка пестрела следами укусов, и вскоре нахальные насекомые превратили ее в лохмотья. Пришлось искать новую. Термитам везло больше, чем ему.

Наконец его палочка вынырнула из тоннеля влажная, покрытая копошащимися, злыми термитами. Ясатир радостно слизнул их. Гэри это лакомство почему-то напомнило морс.

Маловато, однако. Остальные сатиры оглядели его худой улов, и у них даже рты открылись от такого убожества. Гэри казалось, что его оплевали с головы до ног.

«Ну и черт с ними, этими термитами», — подумал он.

Он заставил Ясатира повернуться и пойти к лесу. Ясатир сопротивлялся и дрыгал ногами. Гэри нашел толстую палку, ощупал, чтобы убедиться, что она достаточно толстая и крепкая, и вернулся к горе.

Больше никаких глупостей со стебельками и палочками! Он изо всех сил шарахнул палкой по горе. Еще пять ударов, и он разворотил широкую нору. Спасающихся термитов можно было загребать горстями.

«Вот так-то! Знай наших!» — хотелось закричать ему. Он попытался написать в пыли записку для Дорс, но пальцы, внезапно ставшие совсем непослушными, никак не желали выводить буквы. Сатиры умели держать дубинки, чтобы отбиваться от врага, могли выскребать жучков из земли, но они не обладали готовым умением писать. Гэри оставил попытки.

Появилась Красотка-Дорс, несущая на вытянутых руках длинный тростник, на котором гроздьями висели белесые термиты. Деликатес для любого сатира-гурман а. «А я лучше!» — просигналила она.

Он заставил своего сатира пожать плечами и

ответить: «Я добыл больше».

Получается, ничья.

Позже Дорс доложила ему, что в племени его прозвали Большой Палкой. Бальзам на раны…

Глава 11

За ужином он был так измочален и вымотан, что никаких сил Для разговора не осталось. Пребывание в шкуре сатира, казалось, тормозило его речь. Для расспросов эксперта Ваддо о технологии погружения потребовались несусветные усилия. Обычно он был равнодушен к чудесам техники, но чтобы понять сатиров, нужно сперва понять, каким образом он их воспринимает.

— Оборудование погружения переносит вас в середину лобных долей, — пояснил Ваддо, принимаясь за десерт. — Или просто «под лоб», для краткости. Это центральный участок головного мозга, предназначенный для воспроизведения эмоций и превращения их в действие.

— Мозга? — переспросила Дорс. — Такого же, как у нас? Ваддо пожал плечами.

— В целом, планировка идентичная. У сатиров мозг поменьше, и без второй сигнальной системы.

Гэри наклонился вперед, позабыв об остывающем кофе.

— А можно осуществлять прямой контроль над моторикой?

— Нет, мы уже пробовали. Контроль так дезориентирует сатира, что, когда вы уходите, он не может разобраться в себе.

— Значит, мы должны быть более осторожными и не пытаться захватить власть, — подытожила Дорс.

— Конечно. Мы внедряем чип погружения именно в лобные доли головного мозга, потому что к ним легче добраться хирургическим путем. А центр управления моторикой находится значительно глубже, туда невозможно вставить чип.

Дорс усмехнулась.

— Придется играть теми картами, что выпали.

— Легко сказать.

— Биология — это судьба, Большая Палка.

Племя наткнулось на гниющие фрукты. Все жутко обрадовались и возбудились.

Запах казался одновременно отвратительным и манящим, и сперва Гэри никак не мог понять почему. Сатиры бросились подбирать перезрелые голубые плоды, сдирая нежную шкурку, вгрызаясь в мякоть и обливаясь густым соком.

Гэри осторожно попробовал один. Вот это да! Теплое чувство радости нахлынуло на него. Естественно — сахар, содержащийся во фруктах, превратился в алкоголь! Все племя быстро ужра-

лось до свинячьего визга.

Он «позволил» своему сатиру набраться. А что еще оставалось делать?

Ясатир хрюкнул и захлопал в ладоши, когда Гэри пытался увести его прочь от очередного круглого плода. А через некоторое время Гэри и не хотелось его никуда уводить. Он отпустил все повода и надрался в хлам. Чуть позже он слегка забеспокоился, рассердился на своего сатира… но ведь это так естественно, правда?

Затем появилась стая рабунов, и он полностью утратил контроль над Ясатиром.

Они быстро бегут. Передвигаются на двух ногах, молча. Их хвосты ходят в разные стороны, так они переговариваются.

Их пять. Они догоняют Эсу.

Здоровяк прыгает на них. Горбун бежит к ближнему, и оно протыкает Горбуна когтями.

Я бросаю камни. Попадаю в одно. Оно вопит и убегает. Но остальные остаются. Я бросаю снова, и они бегут, и пыль, и крики и они набрасываются на Эсу. Они разрывают ее когтями. Топчут острыми копытами.

Трое тащат ее.

Наши женщины бегут, боятся. Мы, бойцы, остаемся.

Мы сражаемся. Кричим, бросаем камни, кусаем, когда они совсем близко. Но не можем отбить Эсу.

Потом они уходят. Быстро бегут на своих задних лапах с острыми копытами. Мотают хвостами — победили. Презирают нас.

Нам плохо. Эса была старой, и мы любили ее.

Женщины возвращаются, волнуются. Мы ухаживаем друг за другом и знаем, что сейчас где-то далеко двуногие едят Эсу.

Подходит Здоровяк, хочет погладить меня. Я рычу.

Он Здоровяк! Он должен был остановить все это.

У него глаза становятся большими, и он бьет меня. Я бью его. Он бьет меня. Мы крутимся в пыли. Деремся, вопим. Здоровяк сильный, сильный, он стучит моей головой о землю.

Остальные бойцы, они смотрят, не вмешиваются.

Он бьет меня. Мне больно. Я убегаю.

Здоровяк начинает успокаивать бойцов. Женщины подходят к Здоровяку и выказывают ему уважение. Трогают его, гладят его, делают все, что он любит. Он быстро залазит на одну, вторую, третью. Он чувствует себя и вправду Здоровяком.

А я, я зализываю раны. Подходит Красотка, чтобы приласкать меня. Вскоре мне намного лучше. Забываю о горе.

Я не забываю, что Здоровяк меня избил. Перед всеми. Теперь мне больно, а Здоровяк получает все ласки.

Он позволил им прийти и забрать Эсу. Он Здоровяк, он должен был остановить их.

Однажды я буду сильнее его. Побью его.

Однажды я стану Здоровяком.

Глава 12

Когда ты вынырнул? — спросила Дорс.

— После того, как Здоровяк отметелил меня… вернее, Ясатира. Они отдыхали возле бассейна, и запахи леса будили в Гэри желание вернуться обратно, в долину, полную пыли и крови. Он вздрогнул и глубоко вздохнул. Драка так захватила его, что он не хотел возвращаться, невзирая на боль. Погружения оказались сродни наркотику.

— Я понимаю, что ты чувствуешь, — сказала Дорс. — Как просто сродниться с ними. Я оставила Красотку, когда рабуны подбежали близко. Так страшно.

— Ваддо говорил, что их тоже вывезли с Земли. ДНК частично совпадает. Но кто-то здорово постарался, чтобы сделать и них настоящих хищников.

— Для чего древним могло такое понадобиться?

— Может, они хотели понять наши общие корни? К его изумлению, она рассмеялась.

— Милый, далеко не все разделяют твой интерес к этому вопросу.

— Тогда что?

— А что, если они создали их для развлечения, например, для охоты? Хитрые бестии, с которыми можно потягаться?

— Охоты?! Империя никогда бы не стала использовать примитивные существа для… — Он едва не разразился длинной речью о том, как далеко продвинулось человечество, но внезапно понял, что сам уже не верит в это. — Гм-м…

— Ты всегда считал людей существами разумными. Никакая психоистория не будет работать, если отбросить наше животное начало.

— Наихудшие наши грехи, к сожалению, мы совершали вполне сознательно. — Он не думал, что все, что он узнал на этой планете, так потрясет его. Хоть плачь.

— Вовсе нет. Убийства совершают все живые существа. И уткам, и орангутангам знакомо сексуальное насилие. Даже муравьи учиняют набеги и захватывают в плен рабов. Ваддо сказал, что у сатиров, как и у людей, всегда есть шанс быть убитым своими же сородичами. Изо всех человеческих приобретений — речь, искусство, техника и тому подобное — одно мы точно унаследовали от наших первобытных предков: умение убивать.

— Это Ваддо тебя научил?

— Так проще держать его в поле зрения.

— Ты считаешь, что лучше сотню раз перестраховаться, чем потом жалеть?

— Конечно, — мягко произнесла она и замолчала.

— Ну, к счастью, если люди — это суперсатиры, имперский закон и быстрые способы связи создают границу между Нами и Ими.

— И как же?

— Гасят инстинктивные позывы к убийству.

Она снова засмеялась, чем на этот раз смутила Гэри.

— Ты не слишком хорошо разбираешься в истории. Малые группы до сих пор истребляют друг друга. В созвездии Стрельца, когда правил Император Омар…

— Таких мини-трагедий происходит множество, но психоистория оперирует огромными масштабами, с населением, которое перевалило за несколько тысяч миллиардов…

— Почему ты так уверен, что численность важнее? — упрямо спросила она.

— Поскольку…

— Империя уже давно остановилась в своем развитии.

— В принципе да, сейчас мы имеем устойчивое

равновесие. Эквилибристика на одном месте.

— А что будет, если равновесие нарушится?

— Ну… ничего не могу сказать… Она усмехнулась:

— Как это на тебя не похоже.

…пока не выработаю правильную, рабочую теорию.

— …и она объяснит повальные войны, которые разразятся, едва Империя падет.

Теперь он понял ее точку зрения.

— Ты имеешь в виду, что мне обязательно нужно учесть «животное начало», которое присутствует в людях?

— Боюсь, что так. Я уже научилась смотреть на все другими глазами.

— Каким же образом? — не понял Гэри.

— Я не разделяю твоих взглядов на человечество. Планы, заговоры, Красотка старается урвать побольше пищи для своих детей, а Ясатир мечтает стать Здоровяком — все это происходит и в нашей Империи. Просто лучше замаскировано.

— И?

— Вспомним эксперта Ваддо. Как-то он отпустил замечание, что ты работаешь над «теорией истории».

— И что с того?

— А кто ему об этом сказал?

— Вроде не я... постой, ты имеешь в виду, что он нас прощупывает?

— Зачем? Он и так все уже знает.

— Может, шеф безопасности все рассказала ему, посоветовавшись с академиком Потентейт?

Она одарила Гэри странной улыбкой.

— Мне так нравится твоя безграничная, наивная вера в людей. Позже он никак не мог решить, можно ли отнести это замечание к разряду комплиментов.

Глава 13

Ваддо пригласил его попрактиковаться в боевых состязаниях, которые были на станции в моде. Гэри согласился. Ему пришлось взять спортивную шпагу и драться в воздухе — в полете, который обеспечивали специальные электрические поля. Гэри был медлителен и неповоротлив. Отражая быстрые и точные Удары Ваддо, он пожалел о том, что ему не хватает уверенности и ловкости Ясатира.

Ваддо всегда начинал бой с классической позиции: одна нога впереди, а кончик шпаги описывает в воздухе небольшие круги. Иногда Гэри удавалось пробиться сквозь защиту Ваддо, но в целом все его жалкие силы уходили на то, чтобы отбиваться от яростных атак противника. Подобное развлечение ему совсем не понравилось, хотя Ваддо, кажется, был в восторге.

Он собирал разрозненные сведения о сатирах, расспрашивая Ваддо и исследуя заброшенную станционную библиотеку. Ваддо выглядел слегка обеспокоенным, когда Гэри взялся за библиотеку, словно это была его личная собственность и любой другой читатель рассматривался как вор.

Либо ему просто не нравилось, что в библиотеке копается именно Гэри.

Он никогда особо не задумывался о животных, хотя провел среди них большую часть жизни на Геликоне. Тем не менее он пришел к выводу, что должен понять и их тоже.

Заметив свое отражение в зеркале, собака считает, что видит другого пса. Точно так же думают коты, рыбы и птицы. Через некоторое время они привыкают к безобидному изображению, которое всегда молчит и ничем не пахнет, но они никогда не принимают этих существ за самих себя.

Человеческие дети начинают воспринимать отражение по-другому, только когда становятся старше двух лет.

Сатирам надо несколько дней, чтобы осознать, что они смотрят на самих себя. После этого они начинают беззастенчиво прихорашиваться перед зеркалом, изучать свои спины и задницы, а под конец принимаются менять детали внешности — например, цепляют на голову венок из листьев, давясь от хохота.

Значит, они могут то, чего остальные животные не могут: посмотреть на себя со стороны.

Просто они живут в мире, который остается неизменным, постоянно повторяет сам себя. Их

племенные отношения словно кто-то остановил, заморозил и не позволил развиваться. Они помнили термитники, помнили пустые деревья, по которым можно барабанить, нависшие над водопадом лианы и спелые колосья.

Все это легло в основу пробной модели, которую он начал строить на бумаге: психоистория сатиров. Все пошло в ход — их миграции, отношения, иерархия, добывание пищи, брачные ухаживания и смерть, запасы на черный день и внутриплеменные драки за еду. Гэри сумел втиснуть сюда пережитый лично опыт темной стороны их поведения, даже самый нелицеприятный — например, удовольствие от мучений других и бездумное уничтожение себе подобных ради кратковременной выгоды.

Все это присуще сатирам. Как и всей Империи.

Тем вечером, на танцах, он оглядывал толпу собравшихся туристов по-новому.

Флирт предшествовал любовному акту. Теплый ветер, поднявшийся с долины, принес запах пыли, тления, жизни. В комнате царила животная неугомонность.

Ему, в принципе, нравилось танцевать, и Дорс поддержала его этим вечером. Но он не мог заставить свой разум остановиться, отвлечься от

анализа, от разглядывания происходящего с точки зрения бесстрастного математика.

Дорс заметила, что невербальные усилия, с помощью которых люди стараются привлечь-оттолкнуть партнеров, должно быть, унаследованы от древних предков. Он задумался над ее словами, рассматривая туристов у стойки бара.

Через переполненную комнату шествует женщина. Бедра колышутся, взгляд выхватывает фигуры мужчин, а затем лукаво уходит в сторону, словно женщина случайно заметила их интерес. Стандартное приглашение: «Обратите на меня внимание!»

Вторая демонстрация: «Я не опасен!» Руки на коленях, ладонями вверх. Плечи свободны — первобытный рефлекс, демонстрирующий отсутствие агрессии. Добавить к этому откинутую назад голову и незащищенную шею. Обычно такие позы принимают собеседники, которые нравятся друг другу, во время первого разговора — и делают это совершенно неосознанно.

Эти жесты и движения закреплены в подкорке, и сознание их практически не контролирует.

Может, именно такие силы создали Империю, а торговые отношения, союзные договора и взаимные уступки совершенно ни при чем?

Правда, человеческие особи женского пола взрослеют быстрее, они не обрастают волосами по всему телу, не приобретают выпуклые надбровные дуги, грубые голоса и более грубую кожу. Но именно это происходит с мужчинами. Женщины всегда стараются сохранить молодость. Косметические фирмы прекрасно понимают свою роль: «Мы не продаем товар. Мы продаем надежду».

Борьба за партнеров не прекращается никогда.

Гэри сообщил Дорс, что лишь четыре процента брачных пар млекопитающих остаются верными своему партнеру. У приматов есть моногамные пары, но их не так много. Гораздо лучше дело обстоит у птиц.

Она поморщилась.

— Ты держишь в голове всю биологию.

— Что ты, всю я не вмещу.

— Значит, только общие сведения о брачных повадках?

— Мадам, суждения я предоставляю вам.

— Ох, вечно ты со своим прямолинейным юмором.

Поздно вечером, у него была возможность доказать правдивость ее слов, когда человек отступил и остались животные радости и наслаждения.

Глава 14

Последний день они провели, погруженные в своих сатиров, греясь на солнышке возле бурного потока. Они попросили Ваддо купить им билет на следующий рейс гиперпространственного корабля. Они легли в капсулы для погружения и отправились в последнее путешествие.

Все шло прекрасно, пока Здоровяку не пришло в голову потискать Красотку.

Гэри-Ясатир вскочил, полный ярости. Красотка завизжала на Здоровяка. Ударила его.

Здоровяк и раньше проводил время с Красоткой. Дорс быстро выскальзывала, ее сознание возвращалось в тело, лежащее в капсуле.

На этот раз что-то пошло не так. Ясатир подбежал поближе и просигналил Красотке, которая швыряла камушки в Здоровяка-"Что?"

Она быстро ответила пальцами: «Не выйти».

Она не может выскользнуть! Какая-то неисправность с капсулой. Значит, он должен вернуться сам и сообщить персоналу.

Гэри слегка напрягся, что должно было вернуть его обратно.

Ничего не произошло.

Он попытался снова. Красотка швыряла в Здоровяка пыль и мелкую гальку, пятясь назад. Ничего не получается!

Думать некогда. Он стал между Красоткой и Здоровяком..

Большой сатир нахмурился. Ясатир, верный Ясатир путается у него под ногами! Отбивает у него женщину. Кажется, Здоровяк успел позабыть о вчерашней схватке.

Сперва он нагнулся и выпучил большие глаза. Потом потряс руками и сжал огромные кулаки.

Гэри принудил своего сатира стоять прямо. Успокаивал его, как только мог.

Здоровяк выбросил кулак, крепкий, как дубинка.

Ясатир нагнулся. Кулак просвистел мимо.

Гэри было трудно сдерживать Ясатира, который перетрусил и порывался сбежать. Разум сатира застлал страх, который выглядел желтым покрывалом на фоне темно-синего сознания.

Здоровяк бросился вперед и ударил Ясатира. Гэри почувствовал, как боль разлилась по его груди. Ноги подкосились, и он упал на спину.

Здоровяк завопил, празднуя победу. Замахал руками.

Здоровяк не остановится на этом, понял Гэри.

Он изобьет его снова.

Внезапно его охватила жгучая, невыносимая ненависть.

Его словно накрыло красное облако, сквозь которое он ощутил, что контроль над Ясатиром ослабел. Он был одновременно и над сатиром, и в нем, разделяя его багровую ненависть, которая разгоралась наравне со стальной решимостью и злостью. Ярость Ясатира передалась и Гэри. Они вдвоем стали единым целым, их гнев отражался друг от друга, как от стен, и возвращался многократно усиленным.

Они были такими разными, но Гэри знал Ясатира. Ни он, ни Ясатир не позволят избить себя снова. И не позволят Здоровяку добраться до Красотки.

Он перевернулся на бок. Здоровяк ударил по тому месту, где он только что лежал.

Ясатир подпрыгнул и ударил Здоровяка. Сильно, по ребрам. Раз второй. И еще один удар — в голову.

Вопли, визг, пыль, камни — теперь Красотка забрасывала галькой их обоих. Ясатир задрожал от переполняющей его энергии и отскочил в сторону.

Здоровяк потряс запыленной головой. Потом

нагнулся и легко вскочил на ноги, мышцы заиграли, на лице застыла злобная маска. Глаза сатира побелели, а потом налились кровью.

Ясатир рванулся было прочь. И лишь злость Гэри удержала его на месте.

Но силы были равны, кто победит? Ясатир только моргнул, когда Здоровяк весь подобрался, принимая боевую позицию. Большой сатир учел трепку, которую только что задал ему Ясатир.

«Что я могу противопоставить?» — подумал Гэри, озираясь вокруг.

Можно позвать кого-нибудь на помощь. Горбун в волнении крутился рядом.

Что-то подсказало Гэри, что рассчитывать на подмогу — не правильная тактика. Горбун до сих пор был помощником Здоровяка. Красотка — слишком слаба, чтобы мериться силой с мужчинами. Он глянул на остальных сатиров, которые возбужденно перекрикивались, — и решился. Он поднял камень.

Здоровяк удивленно хрюкнул. Сатиры не бросали камни в своих. Камни предназначались только для врагов. Это всеобщий закон, и сейчас Ясатир его нарушил.

Здоровяк взревел, махнул рукой остальным, припал к земле и угрожающе запыхтел. А потом

ринулся вперед.

Гэри изо всей силы бросил в него камень. Он угодил Здоровяку точно в грудь и сбил с ног.

Здоровяк сразу вскочил, ярясь пуще прежнего. Ясатир отпрыгнул в сторону, готовый бежать прочь со всех ног. Гэри едва не потерял над ним власть, пока присматривал другой камень. Он лежал в двух шагах, удобный для метания и достаточно большой. Гэри позволил сатиру повернуться, но убежать не дал, а остановил как раз напротив камня. Ясатир не собирался продолжать сражение. Паника гнала его прочь.

Гэри направил на сатира всю свою ярость, заставил протянуть руки к земле. Руки дотянулись до камня, помедлили и схватили его. Звенящий гнев охватил Ясатира, развернул лицом к врагу, который бешено ревел и жаждал схватки. Гэри казалось, что рука Ясатира поднимается слишком медленно. Сатир всем телом развернулся и бросил камень. И попал в лицо Здоровяка.

Здоровяк зашатался. По его лицу заструилась кровь. Ясатир почуял металлический привкус во рту и разъярился еще больше.

Гэри заставил дрожащего Ясатира наклониться. Неподалеку лежало несколько острых камней, которыми женщины обрезали листья с веток. Он

подобрал один, похожий на наконечник копья.

Здоровяк мотал головой, еще не совсем придя в себя.

Ясатир посмотрел на вытянувшиеся, застывшие лица одноплеменников. Никто не швырялся камнями в своих, а тем более в Здоровяка. Камни предназначались для Чужаков.

Повисло молчание. Сатиры замерли, пораженные; Здоровяк хрипел и размазывал по лицу кровь, не в силах понять, что же произошло.

Ясатир выступил вперед и потряс в воздухе зазубренным камнем. Каменное лезвие было широким и тупоносым, но резало оно исправно.

Ноздри Здоровяка раздулись, и он снова напал на Ясатира. Тот взмахнул камнем и задел челюсть противника.

У Здоровяка глаза полезли на лоб. Он пыхтел и сопел, загребал пыль ногами, а потом принялся выть. Ясатир спокойно стоял на месте и держал камень на изготовку. Здоровяк еще некоторое время выплескивал накопившуюся ненависть, но нападать не спешил.

Племя наблюдало за спектаклем с неослабевающим интересом. Подошла Красотка и встала за спиной Ясатира, хотя негласный закон племени повелевал женщинам не вмешиваться в мужские

разборки.

Ее поведение означало, что она выбирает Ясатира, а значит, причина ссоры исчезла. Но тут решил вмешаться Горбун. Он неожиданно рыкнул, покатался по земле и пристроился сбоку от Ясатира.

Гэри удивился. Теперь, когда Горбун за него, можно окончательно разобраться со Здоровяком. Он понимал, что это столкновение — не последнее, и Здоровяк не успокоится. Предстоит снова и снова доказывать свое превосходство. И Горбун — полезный союзник.

Гэри осознал, что его мысли текут вяло, медленно, словно это думает Ясатир. Однажды его сатир решил изменить свой внутри-племенной статус и сделал это самой главной целью в жизни.

Гэри понял истинную причину, движущую Ясатиром, и растерялся. Он знал, что проник в сознание Ясатира и контролирует его функции из мозгового центра животного. Но ему не приходило в голову, что Ясатир тоже проник в него. Насколько сильной стала взаимосвязь между их сознаниями и желаниями?

Горбун стоял рядом, тяжело дыша и поводя глазами по остальным членам племени. Ясатир был напряжен до предела. Гэри понимал, что

нужно что-то предпринять, разорвать круговую зависимость, которая сковывала его и Ясатира на глубинном, нейронном уровне.

Он повернулся к Красотке. «Выходим?» — просигналил он.

«Нет. Нет». Ее лицо подернулось гримасой страха.

«Иди». Он показал на деревья, потом на нее, потом снова на деревья.

Она беспомощно протянула к нему руки.

Черт побери! Ему нужно было так много ей сказать, а они могли пользоваться лишь жалкой сотней слов. Он заверещал, пытаясь сложить губы и напрячь нёбо так, чтобы получались слова.

Все тщетно. Он попробовал снова, стараясь изо всех сил, но ни язык, ни губы не повиновались. Эволюция изменяла мозг и речь постепенно. Сатиры вопили, люди говорили.

Он повернулся и обнаружил, что совсем позабыл о противнике. Здоровяк готовился к прыжку. Горбун зорко следил за ним, совершенно обескураженный тем, что новый вожак внезапно потерял интерес к схватке и тратит время на какую-то самку.

Гэри выпрямился, насколько сумел, и взмахнул камнем. Это произвело ожидаемый эффект.

Здоровяк попятился, а остальные сатиры пододвинулись ближе. Гэри бросил Ясатира вперед, что не потребовало особых усилий, поскольку Ясатир уже стремился в драку.

Здоровяк обратился в бегство. Женщины отпрянули от Здоровяка и сбились поближе к Ясатиру.

«Если бы только я мог вынырнуть, вот уж женщины порадовались бы», — подумалось Гэри.

Он попытался покинуть сознание Ясатира. Без результата. Что-то сломалось, он не мог вернуться на станцию. И что-то подсказывало ему, что поломка не случайна.

Он протянул острый камень Горбуну. Сатир озадачился, но камень взял. Гэри понадеялся, что этот символический жест будет правильно понят союзником, поскольку у него не было времени заниматься внутриплеменной политикой. Горбун подбросил камень, поймал и посмотрел на Ясатира. Затем заорал зычным, властным голосом, в котором звенели радость и триумф.

Горбун в качества вожака племени вполне устраивал Гэри. Он взял Красотку за руку и повел в сторону деревьев. Никто к ним не присоединился.

И хорошо. Если бы кто-нибудь из сатиров пошел за ними, это было бы подозрительно. Ваддо

мог использовать других подсадных сатиров.

И все же, напомнил он себе, отсутствие доказательств — еще не доказательство отсутствия.

Глава 15

По небу быстро летел флаер, с шумом и грохотом.

Они с Красоткой бежали по лесу. Гэри спешил отдалиться от племени. Ясатир и Красотка выказывали все возрастающую тревогу. Сатир стискивал зубы и дергался при каждом подозрительном шорохе. Вполне естественно, отбившиеся сатиры становятся практически беззащитными.

И машины, в которых путешествуют люди, едва ли безопасны.

«Опасность», — просигналил Гэри, прислушиваясь к шуму флаеров, которые кружили поблизости.

«Куда бежать?» — спросила Красотка.

«Прочь».

Она сокрушенно покачала головой.

«Остаемся. Они найдут нас».

Наверняка найдут, но едва ли Дорс понимает, что с ними станется. Гэри резко покачал головой: «Опасность». Они не позаботились придумать более сложную систему сигналов, и теперь он чувствовал себя запертым как в клетке, не в силах поделиться своими подозрениями.

Гэри чиркнул ребром ладони по горлу. Красотка нахмурилась.

Он нагнулся и заставил Ясатира поднять палку. Прежде ему не удавалось принудить сатира писать, но раньше и не было такой острой необходимости. Медленно управляя неуклюжими пальцами, он сумел нацарапать несколько букв. На мягкой земле появилось послание: Хотят нас убить.

Красотка, казалось, опешила. Вероятно, Дорс решила, что что-то испортилось в оборудовании для погружения. Но вставал закономерный вопрос: почему никто не спешил исправить неполадку? Слишком все затянулось для простой поломки.

Его подозрения окрепли, когда он услышал, что флаеры пошли на посадку. Едва ли обычная команда исследователей станет распугивать животных в центре заповедника. И никто не бросился бы выручать их на флаерах. Зачем? Намного проще починить аппаратуру, ведь причина кроется именно в ней.

Оставят нас здесь, убьют сатиров, мы умрем. Свалят все на диких зверей ?

У Гэри были и другие основания для подозрений. Постепенная смена настроения Ваддо, которая проявлялась в мелочах, но все же

проявлялась. Подозрительная, опять же, шеф безопасности. Тиктак, которого поставила Дорс, не позволял взломать замки на капсулах погружения или изменить сигнал от их сознаний к Ясатиру и Красотке.

Получается, они решили взяться за дело своими руками. Убить их, представить все как несчастный случай, пока они находятся в телах сатиров, и, таким образом, избежать официального расследования.

Флаеры продолжали шуметь. Судя по всему, их было довольно много, что укрепляло подозрения Гэри. Красотка сузила глаза и выгнула брови.

Заработали защитные программы Дорс. «Куда?» — спросила она.

Знаков, символизирующих абстрактные идеи, они не предусмотрели, потому он просто нацарапал: Прочь. Собственно, плана у него не было.

Я проверю, — вывела она в пыли.

Она направилась туда, где шумели люди, обшаривающие долину. Для сатира треск и грохот были совершенно непереносимы. Но Гэри не улыбалось потерять ее из виду. Она отмахнулась, но Ясатир только отрицательно покачал головой и двинулся следом.

Они притаились в кустах и принялись наблю-

дать за поисковой партией, суетящейся внизу. В нескольких сотнях метров отсюда люди построились цепью, готовясь оцепить место, где обитало племя. Для чего, интересно?

Гэри заскулил. Глазомер сатиров не позволял пристально рассмотреть что-то на дальнем расстоянии. Люди когда-то были охотниками и привыкли полагаться на собственное зрение.

Теперь, уже к сорока годам, всем приходилось производить коррекцию зрения. То ли цивилизация не способствует сохранению зрения, то ли первобытные люди не особо страдали от близорукости, но в любом случае результаты оказались плачевными.

Двое сатиров следили, как люди перекрикиваются. В руках у каждого было оружие. В середине цепи Гэри заметил Ваддо.

В глубине души, сквозь страх, он ощутил какое-то сильное и темное чувство.

Ясатир дрожал, глядя на людей, его захлестнул непонятный благоговейный трепет. Даже на таком расстоянии люди казались слишком высокими, их движения были исполнены грации и силы.

Гэри прощупал глубинные пласты сознания сатира, стараясь понять причину странного чув-

ства, которое испытывал Ясатир. И обнаружил, что когда-то его сатир уже видел эти высокие фигуры.

Это удивило Гэри, пока он не задумался о причинах. Ничего странного, ведь детенышей воспитывают и кормят более высокие и красивые взрослые родители. Многие виды похожи на сатиров, и у всех присутствует уважение и страх перед более сильными. Благоговейный трепет вполне объясним.

Когда сатиры столкнулись с людьми, обладающими неограниченной властью, способными наказывать и поощрять, — собственно, даровать жизнь или нести смерть, — они прониклись к ним чем-то вроде религиозного страха. Смутного, но весьма сильного.

И поверх этого теплого, сильного чувства проступало полное удовлетворение жизнью. Его сатир был счастлив тем, что он простой сатир, даже когда смотрел на демонстрацию силы и знания. «Какая ирония», — подумал Гэри.

Он только что отметил еще один отличительный признак человечества: только людям пришло в голову объявить себя венцом творения.

Гэри отбросил философские мысли. Как это по-человечески: отвлекаться на абстрактные про-

блемы даже в минуту смертельной опасности.

Не могут найти нас по приборам, — нацарапал он на песке.

Людей не хватит, — написала она.

Первые выстрелы заставили их вздрогнуть.

Люди нашли их племя. Вопли ужаса смешались с резкими сухими щелчками выстрелов.

«Бежим. Надо бежать», — показал он.

Красотка кивнула, и они быстро поползли обратно. Ясатир весь дрожал.

Он был до смерти напуган. И еще он опечалился, словно ему не хотелось убегать от людей. У сатира заплетались ноги.

Глава 16

Они вели себя, как обычные сатиры на страже. Гэри и Дорс позволили взять верх животным инстинктам, следя за малейшими оттенками чувств сатиров.

Как только они убежали от людей, их сатиры стали еще более осторожными и подозрительными. Существовали, конечно, и естественные враги, но пока они учуяли лишь слабый запах одинокой гигантелопы.

Ясатир карабкался на высокие деревья и часами оглядывал открывавшееся пространство прежде, чем вести Красотку дальше. Он схватывал на лету все странности окружающего леса: капли крови, слабые следы, сломанные ветки.

Они спустились по пологому склону в долину и остановились в замешательстве. Гэри лишь раз видел большую цветную карту этой территории и теперь безуспешно старался припомнить, что там было изображено.

Наконец он узнал одну из далеких островерхих гор и поделился открытием с женой. Дорс припомнила ручей, впадавший в широкую реку, что тоже помогло немного сориентироваться,

но они так и не сообразили, в какой же стороне находится туристическая станция. Или как далеко отсюда.

«Туда?» — предположил Гэри, указывая на дальний гребень.

«Нет, туда», — упорствовала Дорс.

«Нет, далеко».

«Почему?»

Хуже всего было то, что они не могли свободно разговаривать. Иначе он объяснил бы ей, что техника погружения лучше всего работает на небольшом расстоянии, а, скажем, в сотне-другой переходов возникнут трудности передачи. И до сатиров легче и быстрее добраться на флаере. Неудивительно, что Ваддо с командой примчался почти сразу.

«Сюда», — настаивал он.

«Нет, — Дорс показала на долину. — Наверное, сюда».

Он понадеялся, что у Дорс появился план действий. Сигналов катастрофически не хватало, и Гэри начал постепенно выходить из себя. Сатиры прекрасно умели пользоваться всеми органами чувств, но какие же они ограниченные!

Ясатир время от времени подбрасывал камни и палки и колотил кулаками по стволам деревьев.

Помогало мало. Потребность в речи давила как некий непереносимый гнет. Дорс чувствовала то же самое. Красотка повизгивала и скулила от расстройства.

На дне своего сознания Гэри ощущал теплое присутствие Ясатира. Раньше они никогда не оставались рядом так долго, и теперь два сознания тесно переплелись. Их необычная связь укреплялась с каждым часом.

«Садись. Тихо». Он приложил ладонь к уху.

«Опасность близко?»

«Нет. Слушай...» — в отчаянии Гэри показал на саму Красотку. Тупое непонимание отразилось на морде ее сатира. Он нацарапал в пыли: «Узнаем от сатиров». Рот Красотки приоткрылся, и она кивнула.

Они присели под раскидистыми кустами и вслушались в шорохи леса. Как только Гэри ослабил контроль над сознанием сатира, в его уши ворвались вздохи, шелест и хруст. Пыль плясала в косых лучах солнца, пробивающихся сквозь густые желтые кроны деревьев. От земли поднимался запах: сатир разобрал, что здесь можно найти сладкие корешки, которые только и ждут, чтобы их взяли в рот. Гэри осторожно поднял голову Ясатира и направил взгляд вниз, через

долину, к дальним горам… и ощутил слабый резонанс.

Для Ясатира долина значила слишком много, он никогда не смог бы выразить свои чувства словами. Племя оперировало лишь примитивными и немногочисленными понятиями. В этой долине жили и умирали друзья, здесь племя нашло много плодов, здесь они встретили и победили двух больших диких котов. Вся долина была переполнена для сатира разнообразными чувствами, что заменяло ему память.

Гэри аккуратно подтолкнул мысли Ясатира к дальнему рубежу — и в ответ ощутил тревожный отзвук. Он копнул поглубже: перед мысленным взором Ясатира появился образ, который неизменно связывался со страхом. Каменный многоугольник, который вздымался под самое небо. Туристическая станция.

«Там», — показал он Дорс.

У Ясатира сохранились отчетливые и понятные воспоминания об этом месте. Когда-то все его племя поймали, привезли туда, засунули что-то в головы и отпустили обратно в долину.

«Далеко», — ответила Дорс.

«Мы пойдем».

«Трудно. Медленно».

«Здесь оставаться нет. Они поймают».

Дорс придала своему взгляду самое скептическое выражение, какое позволяла мимика сатира. «Драка?»

Что она подразумевает? Сразиться с Ваддо здесь? Или что им предстоит драка уже на территории туристической станции?

«Не здесь. Там».

Дорс нахмурилась, но согласилась. У Гэри не было никакого плана, только надежда на то, что Ваддо готов расправиться с сатирами в долине, но едва ли он успел приготовиться встретить их на станции. Там они с Дорс еще могут рассчитывать на эффект внезапности. Но вот как — он понятия не имел.

Они посмотрели друг на друга, пытаясь уловить человеческое присутствие в лицах союзников-зверей. Она потрепала его по затылку — привычный успокаивающий жест, присущий только Дорс. Естественно, он тут же вскинулся. Но он мог так мало сказать… Именно в этот момент на него навалилось ощущение безысходности.

Ваддо хотел убить Гэри и Дорс, просто расправившись с Ясатиром и Красоткой. Их тела в капсулах погружения погибнут от шока, даже не приходя в сознание.

Он увидел, как по щеке Красотки скатилась слеза. Она понимала, в какое безнадежное положение они попали. Гэри обнял жену и, взглянув на далекие горы, удивился, когда их застлали слезы.

Глава 17

Гэри не принял во внимание реку. Люди, хищные животные — все это он учел. Они спустились вниз по ручью. Здесь рос густой лес, а перейти ручей не составило особого труда.

Но широкую бурную реку, которая текла по всей долине, переплыть не представлялось возможным.

Вернее, она оказалась непреодолимым препятствием для Ясатира. Гэри не мог заставить своего сатира ступить в воду. Все его усилия привели к тому, что тело Ясатира заныло и покрылось холодным потом. У Дорс дела шли немногим лучше, и они проторчали у реки достаточно долго. Ночь они провели в ветвях дерева, а с рассветом, попробовав все сначала, не добились ни малейшего успеха. Он с трудом заставил Ясатира коснуться одной ногой воды. Сатиры страшно боялись холодной воды и быстрого течения.

Ясатир прыгал вдоль узкого бережка и подвывал от ужаса.

«Идем?» — просигналила Дорс-Красотка.

Гэри успокоил своего сатира, и они снова попытались заставить сатиров плыть. Красотка почти

не боялась, а лишь слегка беспокоилась. Гэри зарылся в глубинные утолки сознания Ясатира и обнаружил воспоминание об ужасном переживании в детстве, когда бедный сатир едва не утонул. Красотка попробовала подтолкнуть его, он сперва нерешительно двинулся вперед, но тут же пробкой вылетел из воды.

«Идем!» — звала Красотка, показывая длинной рукой на текущие воды и раздраженно тряся головой.

Гэри посчитал, что Дорс нашла у своего сатира воспоминания, когда Красотке приходилось пересекать похожие реки. Он пожал плечами и поднял руки ладонями вверх.

Неподалеку появилось большое стадо травоядных гигантелоп, и несколько животных перешли поток, надеясь найти на другом берегу более сочную траву. Они качали своими большими головами, словно смеялись над боязливыми сатирами. Река оказалась не слишком глубокой, но Ясатиру она представлялась бездонной пропастью. Гэри, которому передался неудержимый страх Ясатира, ежился, но ничего не мог поделать.

Красотка бегала по берегу, обиженно и раздраженно пыхтела. Потом взглянула в небо и

завизжала. И даже споткнулась на бегу. Гэри проследил за ее взглядом. Над долиной летел флаер, прямо к ним.

Ясатир отшвырнул Красотку под деревья, хотя они представляли не слишком хорошее укрытие. К счастью, флаер спугнул стадо гигантелоп. Они ринулись в кусты, когда машина затарахтела над их головами, совершая круговой облет. Гэри с трудом заставил Ясатира не паниковать, и животные спокойно и мирно принялись выбирать друг у друга блох.

Наконец, флаер улетел. Как они были неосторожны, нужно поменьше бывать на открытых местах.

Они начали искать еду. Сознание Гэри отрешилось от сатира, и его снова охватила тоска. Он так легко попался в ловушку! И что хуже всего — вместе с ним и Дорс. А он отнюдь не человек действия. «И вовсе не сатир действия», — горько подумал он.

Когда он нес к их укрытию несколько перезревших фруктов, раздался треск. Гэри пригнулся и пополз в обход места, откуда доносились странные хрустящие звуки. Оказалось, что Красотка обламывает ветки с деревьев. Когда он вышел, она нетерпеливо махнула ему рукой — этот жест

имел одинаковое значение как у сатиров, так и у людей.

На земле уже было разложено в ряд несколько толстых веток. Дорс подошла к ближайшему тоненькому дереву и принялась полосками сдирать с него кору. Ясатир встревожился: она работала слишком шумно. А вдруг это привлечет хищников? Он оглядел лес — нет ли опасности.

Красотка подошла к нему и похлопала по морде, чтобы привлечь внимание. Потом взяла палочку и написала: «Плот».

Гэри словно током ударило. Ну, конечно! Неужели погружение превратило его в идиота? Или с течением времени он глупел? Останется ли он глупцом, когда все закончится? Столько вопросов и ни одного ответа. Он оставил это бесплодное занятие и занялся делом.

Полосками коры они связали ветки вместе. Грубо, но надежно. Потом отыскали два небольших деревца, свалили их и закрепили плот по бокам, чтобы он, в случае чего, не развалился. "Я", — показала Красотка и изобразила, как она будет толкать плот.

Сперва нужно набраться смелости. Ясатиру понравилось сидеть на плоту под кустами, вероятно, носитель пока не сообразил, для чего

служит плот. Ясатир растянулся на грубом сооружении и лениво разглядывал кроны деревьев, которые качал теплый ветер.

После еще одного сеанса ловли блох они перетащили свое произведение к берегу реки. В небе порхали стайки птиц, но ни одного флаера не было видно.

Они спешили. Ясатир не решался ступить на плот, наполовину лежащий в воде, но Гэри разбудил его воспоминания о теплом и уютном отдыхе под кустом. И трепещущее от страха сердце сатира немного успокоилось.

Ясатир осторожно присел на плот. Красотка столкнула сооружение в воду.

Она тут же направила плот к другому берегу, но сильное течение подхватило их и потащило вниз по реке. Ясатир заволновался.

Гэри заставил Ясатира закрыть глаза. Его дыхание чуть успокоилось, но тревога пронизывала все его существо, словно молнии — черное небо перед грозой. Плот качался на волнах, и это помогло Ясатиру сосредоточиться на бунтующем желудке. Однажды он открыл глаза, когда плот столкнулся с плавучей корягой, но вид окружающей воды заставил его немедленно зажмуриться.

Гэри хотел бы помочь Дорс, но чувствовал, как сжимается сердце Ясатира, и понимал, что тот вот-вот ударится в панику. Он даже не мог посмотреть, как она плывет. Он просто сидел, чувствуя, как мерные толчки продвигают плот вперед.

Она забила по воде ногами. Его окатило фонтаном брызг. Ясатир дернулся, вскрикнул и дрыгнул ногами, словно пытаясь сбежать.

Толчок! Красотка вскрикнула и захлебнулась водой, а плот быстро помчался вниз по реке. Ее, наверное, скрутила судорога…

Ясатир неуклюже вскочил. И распахнул глаза.

Бушующая вода, плот ходит ходуном. Он посмотрел себе под ноги и обнаружил, что ветки начинают расползаться в разные стороны. Ясатир запаниковал. Гэри попытался было навеять какие-нибудь успокаивающие образы, но страх смел их прочь.

Красотка плыла за плотом, но не успевала — слишком быстро несло его течение. Гэри заставил Ясатира взглянуть на противоположный берег. Это было последним, что ему удалось сделать, прежде чем сатир начал орать и метаться по плоту в поисках устойчивого местечка.

Бесполезно. Ветки разошлись, и на настил

хлынула холодная вода. Ясатир заверещал. Он бился всем телом о плот, катался и снова прыгал по веткам.

Гэри никак не мог взять управление сознанием сатира в свои руки. Оставалась единственная надежда — поймать удачный момент. Плот несся по середине реки, и его левый край расползался на глазах. Ясатир отступил подальше от края, и Гэри ловко заставил его продолжать движение — все дальше и дальше, пока животное не свалилось с настила в воду, ближе к нужному берегу.

Ясатир слепо отдался панике. Гэри позволил его рукам и ногам бить по воде, лишь чуть-чуть подталкивая каждое движение. Он-то умел плавать, а Ясатир нет.

Страх заставил Ясатира почти все время держать голову над водой. Он даже пытался плыть сам. Гэри сосредоточился на судорожных движениях, забыв о холодной воде. И тут подплыла Красотка.

Она ухватила его за загривок и подтолкнула к берегу. Ясатир попытался вскарабкаться ей на голову. Красотка засветила кулаком ему в челюсть. Он только рот открыл. Она снова толкнула его к берегу.

Ясатир опешил. Это дало Гэри возможность

справиться с его ногами и заставить их равномерно колотить по воде. Он больше ни на что не обращал внимания, ни на хрипы, ни на воду в горле и в легких… и спустя долгую вечность нащупал ногами камни на дне. Ясатир моментально выскочил из воды безо всякой помощи.

Гэри позволил сатиру прыгать на месте и хлопать себя по бокам, чтобы согреться. Красотка устало повалилась на траву, и Ясатир благодарно обнял спасительницу.

Глава 18

Ходьба — тоже работа, а работать Ясатир не любил.

Гэри пришлось постоянно понукать носителя, но вскоре они дошли до пересеченной местности. Бедные сатиры спотыкались на каждом шагу, срывались, карабкались вверх по склону долины, иногда даже ползли. Их чуткие носы улавливали запах звериных троп, и это в немалой степени ускоряло подъем.

Ясатир часто останавливался, чтобы перекусить или даже просто тупо поглазеть в пространство. Мысли в его голове текли вяло, не смешиваясь с эмоциональными потоками, которые бушевали в его душе, подчиняясь собственному ритму. Сатиры совсем не были приспособлены для проработки и исполнения сложных проектов.

Они медленно двигались вперед. Настала ночь, и они залезли на дерево, немного подкрепившись растущими на нем фруктами.

Ясатир заснул, а Гэри продолжал бодрствовать. Спать он не мог.

Жизнь сатиров постоянно подвергалась смер-

тельной опасности, но существа, в которые вселились сознания Гэри и Дорс, Другой жизни не знали. Для сатиров любая ночь в лесу представлялась прежде всего медленным потоком информации, которую они воспринимали даже во сне. И какая-то часть сознания постоянно фиксировала звуки леса, проверяя, все ли в порядке хотя сами сатиры в это время спали.

Гэри не понимал, какие признаки сулят опасность, а какие безвредны, и потому воспринимал каждый ночной шорох или дрожание веток как врага, подкрадывающегося к ним. Но, как он ни бодрился, сон сморил и его.

Едва занялся рассвет, Гэри проснулся. Рядом с ним висела змея. Она обвилась вокруг ветки, как зеленая веревка, с приподнятой головой, готовая напасть. Змея смотрела на него, и Гэри подобрался.

Ясатир очнулся от своего дремотного состояния. Он увидел змею, но остался на месте, хотя Гэри опасался, что он дернется и гадина бросится в атаку.

Прошло немало времени, прежде чем Ясатир осмелился хотя бы моргнуть. Змея замерла, сердце Ясатира заколотилось, но он не пошевелился. Наконец змея соскользнула с ветки и исчезла

в листве, отказавшись от молчаливого противостояния. Ясатир не показался ей подходящей дичью, эта змея никогда не встречала раньше таких животных, а потому решила, что сатиры не являются потенциальной добычей.

Когда проснулась Красотка, они спустились с дерева и отправились к ближайшему ручью напиться. По пути они подкрепились несколькими листьями и жучками. Оба сатира постряхивали с себя жирных черных личинок, которые присосались к ним ночью. От одного вида этих толстых, извивающихся червяков Гэри стало дурно.

К счастью, Ясатир есть их не собирался. Он попил, и Гэри отметил, что сатир не испытывает ни малейшего желания помыться. Сам Гэри обычно принимал душ дважды в день, перед завтраком и перед ужином. Он терпеть не мог, когда от него хотя бы слегка пахло потом, — он был интеллигентом до мозга костей.

А здесь он спокойно воспринимал немытое тело. Может, его частые купания необходимы для поддержания здоровья, как необходимы сатирам поиск и выкусывание блох? Или это просто привычка, навязанная цивилизацией? Он смутно помнил, что на Геликоне, когда он был еще ребенком, он целыми днями носился пот-

ный и чумазый, а ванны и душа терпеть не мог. Каким-то образом Ясатир вернул его в прошлое душевное состояние, когда весь мир воспринимался более естественно.

Но умиротворение длилось недолго. До тех пор, пока они не увидели на холме рабунов.

Ясатир уловил запах, но Гэри не имел доступа к тому уровню его мозга, который отвечал за ассоциативные связи запахов. Он лишь понял, что Ясатир чем-то сильно встревожен. Зверь принялся морщить горбатый нос и принюхиваться. Когда он увидел хищников так близко, его прямо затрясло.

Толстые туши, подпрыгивающие на каждом шаге. Короткие передние лапы, заканчивающиеся острыми когтями. Их крупные головы состояли, казалось, из одних зубов, белых и острых, и блестящих свирепых глазок над зубами. Их тела покрывала густая бурая щетина, которая превращала толстые хвосты в своеобразные пушистые кусты. Хвостами эти твари балансировали.

Несколько дней назад, сидя на высоком надежном дереве, Ясатир видел, как одна такая зверюга растерзала и сожрала большое травоядное на пастбище. Этих было пятеро, они двигались

вниз шеренгой и громко сопели. Сатиры стояли с подветренной стороны, поэтому могли тихо ускользнуть.

Высоких деревьев рядом не было, лишь трава и кусты. Гэри и Красотка обогнули холм и отошли подальше, пока не увидели впереди прогалину. Ветерок доносил оттуда слабый запах других сатиров.

Ясатир махнул рукой: «Идем». В эту минуту позади взвыл хор хриплых голосов. Рабуны почуяли запах сатиров.

Их хрюканье и повизгивания приближались. У подножия холма спрятаться было негде, но по ту сторону поляны росло несколько высоких деревьев. Можно забраться на них.

Ясатир и Красотка бросились со всех ног через широкую прогалину, но спрятаться не успели. Всхрапывающие рабуны вломились в кусты у них за спиной, и Гэри шарахнулся в сторону невысоких деревьев. И оказался в центре племени сатиров.

Их было несколько десятков, испуганных и опешивших существ. Он заверещал, не зная, как может Ясатир предупредить их.

Ближайший крупный самец повернулся, оскалил зубы и резко крикнул. Остальные подхватили

его клич, заухали, завыли и схватились за камни и дубинки. В Ясатира полетели камни. Круглый голыш попал ему в подбородок, а палка в бок. Он повернулся и побежал обратно, и Красотка оказалась на несколько шагов впереди.

На прогалину вылетели рабуны. В передних лапах они держали маленькие острые камни. Они казались огромными и сильными, но все же замедлили бег, услыхав вопли и крики, доносящиеся из-за деревьев.

Ясатир и Красотка бежали им навстречу, а сатиры следовали за ними по пятам. Рабуны всполошились.

Чужие сатиры увидели рабунов, но даже не замедлили бег. Они неслись за Красоткой и Ясатиром, горя жаждой убийства.

Рабуны замерли, их передние лапы беспокойно задвигались.

Гэри сразу сообразил, что нужно делать. Он подхватил на бегу палку и крикнул Красотке. Он оглянулась и тоже подобрала палку. Они бежали на рабунов, размахивая дубинками. Собственно, это были никакие не дубинки, а старые полусгнившие ветки, но со стороны они казались крепкими. Гэри хотел, чтобы рабуны подумали, что нарвались на большое воинственное племя,

где он, Гэри, самый быстрый и самый главный сатир.

Из леса, в клубах пыли, к рабунам бежала огромная толпа, размахивая палками и камнями. Хищники дрогнули.

Заскулив от страха, рабуны повернулись и бросились наутек к дальним деревьям.

Ясатир с Красоткой бежали следом, выбиваясь из сил. Когда Ясатир достиг ближних деревьев, он оглянулся и увидел, что сатиры остановились на полпути, хотя все еще продолжали кровожадно вопить.

Он показал Красотке: «Идем». Они направились в сторону высокого холма.

Глава 19

Ясатир хотел поесть и отдохнуть, но сердце его продолжало трепетать от каждого подозрительного шороха. Они залезли на высокое дерево, обнялись и принялись гладить и успокаивать друг друга.

Гэри нужно было хорошенько все обдумать. Автоматика поддерживала жизнь в их телах, которые покоились в капсулах. Тик-так, установленный Дорс, не подпустит никого к замкам, но как скоро шеф безопасности сумеет преодолеть это препятствие?

Неплохая мысль — оставить их здесь, где на каждом шагу подстерегает опасность, и сказать остальным сотрудникам, что эти двое странных туристов пожелали погрузиться надолго. А природа сделает свое дело. Его эмоционально наполненные размышления встревожили Ясатира, потому он оставил эту тему. Ему предстоит обдумать множество вопросов, которые не будут вызывать сильные эмоции.

Он подозревал, что древние, которые переселили сюда сатиров, и гигантелоп, и всех остальных зверей, пытались изменить рабунов, превратить

их в подобие человека. По мнению Гэри, идея идиотская, но вполне вероятная. Ученые обожают эксперименты.

Все, чего они добились, это закрепления у рабунов стадного инстинкта, Рабуны так и не научились использовать никакие инструменты, кроме острых камешков — чтобы разрезать мясо, когда догонят его и свалят с ног.

Через несколько миллионов лет, с позволения матушки-эволюции, они смогут достичь такого же уровня, что и сатиры. И кому тогда придется вымереть?

В данный момент его это не интересовало. Его до сих пор разбирал гнев, ведь сатиры — его собственный вид! — подняли против него руку, а на рабунов даже не обратили внимания. Почему?

Это не давало Гэри покоя, он наверняка что-то не учел. Ему предстоит строить психоисторию, так какой же основополагающий фактор он выпустил из вида? Реакция сатиров слишком живо напоминала мириады сходных случаев из людской истории.

Ненависть к Чужакам!

Он позабыл эту прописную истину.

Сатиры бродили небольшими группами, не любили всех, кто жил снаружи, и своими счита-

ли лишь одноплеменников. Другими словами, несколько десятков сатиров, не более. И все генетические особенности быстро распространятся по всему племени, благодаря беспорядочным половым связям. Закреплялось все, что помогало выживанию группы. Любое препятствие шлифовало новые способности, чтобы племя могло жить. Все просто.

Но при смешении с другими племенами генетическое достояние каждого клана может потеряться навсегда.

Вот вопрос: как сохранить баланс между всплесками генетических сдвигов маленьких групп и стабильностью больших племен. У некоторых удачливых групп гены могут оказаться доминантными, тогда они станут преобладающими даже в большом племени, и их переймут все последующие поколения. И прежние способности не канут в Лету. А если эти гены рецессивные и их воспримет лишь небольшая часть племени, что тогда?

Если перекрестные связи окажутся немногочисленными, способности может перенять другое племя. И с течением времени генетическим сокровищем будет обладать все большее число сатиров. Свойство распространится на

многие племена.

Теперь становится вполне понятной нелюбовь к чужакам, врожденное ощущение их ущербности, не правильности. «Не брать их в племя, не скрещиваться с ними».

Цена за сохранение генофонда высока: общение лишь внутри своего племени.

Сатиры терпеть не могут толп, чужаков и шума. Если племя небольшое, то есть состоит из десяти и меньше членов, оно более подвержено болезням и нападениям хищников; несколько несчастных случаев — и племени нет. Если численность племени велика, то общий генный набор не успевает закрепиться. Сатиры очень лояльно относятся к соплеменникам, они узнают друг друга по запаху в темноте и даже на большом расстоянии. Поскольку у них слишком много общих генов, альтруизм в племени процветает. Они высоко ценят героизм — а когда герой гибнет, его гены остаются в племени, унаследованные его детьми.

Даже если бы чужаки смогли преодолеть разницу вкусов, внешности, поведения, запаха, манеры выискивать блох, даже тогда культура не позволила бы им влиться в племя. Пришельцы с другим языком, привычками и образом жиз-

ни моментально бросались бы в глаза. Все, что отличало племя от остальных сатиров, способствовало повышенной бдительности.

Каждая генетическая особенность впоследствии пройдет естественный отбор, и устойчивыми станут не только наследственные, но и иные способности, которые помогают племени выжить в окружающей среде… и культура постепенно изменится. Как и было с людьми.

Гэри-Ясатир поежился. Местоимение «они» подходило как к сатирам, так и к людям. Слишком много общего было у этих двух видов.

Вот где нужно искать ключ! Люди объединились в огромную Империю вопреки естественной потребности в изолированности, и это общее у них с сатирами. Невероятно, просто чудо!

Но даже чудеса требуют объяснения. Сатиров можно рассматривать как модель двух классов современного общества, стремящихся к неконтролируемому размножению: высшая знать и низшие гражданские слои.

Но как Империя ухитряется сохранять стабильность при таких несознательных составляющих, как люди?

Гэри никогда еще не смотрел на это с такой самокритичной точки зрения.

И не нашел ответа.

Глава 20

Они продолжали идти вперед, хотя их сатиры чем дальше, тем больше тревожились и беспокоились.

Ясатир что-то учуял и теперь постоянно шнырял глазами по сторонам. Гэри заставил его продолжать путь, используя весь наработанный арсенал уловок — от утешительных мыслей до злых понуканий.

Красотке приходилось много хуже. Сатиры не привыкли продираться сквозь заросли и глубокие овраги, которые постоянно преграждали им дорогу к выходу из долины. Они натыкались на колючие кусты и тратили слишком много времени на поиск обходных путей. Фрукты попадались все реже.

У Ясатира постоянно ломило плечи и болели руки. Сатиры теперь передвигались на четвереньках, поскольку их длинные сильные руки способствовали более быстрому движению. Либо ты хорошо лазишь по деревьям и у тебя великолепные руки, либо ты быстро ходишь и у тебя хорошо развитые ноги. Носители умели и то и другое, потому не отличались особой сноровкой.

Красотка и Ясатир постанывали от непрекращающейся боли. Сатиры никогда не были хорошими путешественниками.

Гэри и Дорс позволяли своим сатирам часто отдыхать, чтобы собрать листьев и попить воды, скопившейся в дуплах деревьев. Сатиры постоянно принюхивались, привыкая к новой обстановке.

Запах, который беспокоил животных, становился все сильнее.

Красотка шла впереди и первой достигла края ущелья. Далеко внизу, в раскинувшейся долине, они увидели каменный многоугольник туристической станции. С ее крыши поднялся флаер и полетел в долину. Слишком далеко, ничего опасного для них.

Он вспомнил, как столетия назад сидел на веранде и потягивал из бокала напиток, а Дорс говорила: «Если ты останешься на Тренторе, ты погибнешь». Получается, даже если не оставаться на Тренторе…

Они начали спускаться с горы. Глаза сатиров ловили каждое подозрительное движение. Прохладный ветерок шевелил низкие кустики и кроны деревьев. Одно дерево было обугленным и рассеченным на две половины; вероятно, ко-

гда-то его поразила молния. В центре торчало множество острых и длинных щепок. Сюда, наверх, стремились воздушные массы теплого воздуха из долины, а потому часто случались перепады давления. Сатиры никогда не любили забираться высоко в горы. Теперь им приходилось несладко, они спешили поскорее вернуться в привычную обстановку.

Красотка, спускавшаяся первой, внезапно остановилась.

Из лощинки появились пятеро рабунов и, не издав ни единого звука, выстроились полукольцом перед замершими сатирами.

Гэри не сумел понять, было ли это то самое стадо, что встретилось им недавно. Если это так, они оказались непревзойденными охотниками, способными запомнить дичь и идти по следу долгое время. Они стояли на пути сатиров, а рядом не было высоких деревьев, на которых можно отсидеться.

Рабуны, сохраняя странное молчание, сделали шаг вперед. Их когти тихонько защелкали.

Он крикнул Красотке и принялся издавать самые ужасающие звуки, какие только мог воспроизвести. Он размахивал руками, грозил кулаками и вел себя, как настоящий сумасшед-

ший. Гэри ослабил контроль над Ясатиром, пока придумывал, что делать.

Конечно, стадо рабунов легко загрызет двух одиноких сатиров. Чтобы остаться в живых, им нужно удивить рабунов, испугать их.

Он огляделся. Швыряние камнями здесь не поможет. Еще не понимая, что творит, он попятился влево, к дереву, разбитому молнией надвое.

Красотка уловила его маневр и добежала туда первой, работая ногами изо всех сил. Ясатир подхватил два камня и бросил их в ближайшего рабуна. Один камень попал, но особого вреда хищнику не причинил.

Рабуны начали сжимать круг. Они переговаривались друг с другом низкими хрюкающими звуками.

Красотка потянула за обгоревший разветвленный ствол. Кусок дерева хрустнул и обломился. Она подняла его за толстый конец, и Гэри понял, что она задумала. Ствол был тонкий и высотой чуть побольше Красотки, так что она легко могла размахивать им.

Самый крупный рабун хрюкнул, и остальные переглянулись.

Рабуны бросились в атаку.

Ближайший напал на Красотку. Она яростно

ткнула острым концом и попала рабуну в плечо. Зверь заверещал.

Гэри ухватил вторую половинку обугленного ствола. Но тот не желал сгибаться. Сбоку раздался визг рабуна, а потом и высокий, испуганный крик Красотки.

Сатиры, конечно, могли просто выплескивать голосом напряжение, охватившее их, но Гэри уловил страх и отчаяние в голосе подруги и понял, что это кричит не только Красотка, но и сама Дорс.

Он выбрал другую, меньшую щепку, согнул ее двумя руками, навалившись всем телом, и щепка обломилась у основания. И осталась у него в руках.

Копья! Единственный способ избежать острых когтей рабунов. Сатиры никогда раньше не использовали такое эффективное оружие. Эволюция еще не дала им нужного урока.

Рабуны были совсем рядом. Они с Красоткой встали спина к спине. Не успел он принять боевую стойку, как пришлось отбивать нападение крупного и обозленного рабуна.

Рабунам еще не приходилось встречаться с оружием, похожим на копья. Острый наконечник угодил прямо в цель, и рабун отскочил. Раздался

устрашающий рев. Ясатир жутко перетрусил, но Гэри держал его под контролем.

Рабун отступил, зализывая рану. Потом ударился в бегство. Чуть отбежав, он запнулся и какое-то время колебался, не вернуться ли. Затем снова посмотрел на Гэри.

И зарысил обратно, уверенный в своих силах. Остальные рабуны наблюдали со стороны, не вступая в сражение. Рабун подскочил к изломанному дереву, от которого Гэри недавно отломил свое копье, и почти не прилагая усилий, оторвал длинную узкую щепку. Потом подошел к Гэри, остановился и взял щепку в одну лапу. Тряхнув тяжелой головой, хищник встал вполоборота, выставил щепку перед собой, а одну ногу отставил назад. Опешивший Гэри узнал эту технику фехтования. Так всегда делал Ваддо. Именно Ваддо вел рабуна. Так, теперь все ясно. Таким образом, никто не усомнится, что сатиры погибли естественной смертью. А Ваддо всегда мог сказать, что для коммерческих целей отрабатывал на рабунах то же оборудование, что использовалось для погружения в сатиров. Ваддо начал подходить экономными шажками, придерживая длинную шпагу уже двумя лапами. Заостренный конец описывал небольшие круги. Двигался он

несколько неуклюже, и его передние лапы были не приспособлены к работе шпагой. Но рабуны много сильнее сатиров.

Ваддо сделал ложный выпад. Гэри едва успел отклониться и отбить шпагу с помощью своего копья. Ваддо быстро восстановил равновесие и ударил слева. Выпад, удар, выпад, удар. Гэри пока успешно отбивал все атаки противника.

Их деревянные клинки сталкивались с сухим треском, и Гэри про себя молился, чтобы его оружие не сломалось. Ваддо отлично контролировал своего рабуна. Зверь уже не пытался удариться в бегство, как раньше.

Гэри полностью сосредоточился на атаках Ваддо. Либо ему повезет и выпадет удачный момент, либо более сильный и выносливый рабун загоняет его до смерти. Гэри кружил, уводя Ваддо подальше от Красотки. Остальные рабуны не размыкали круг, но и не нападали. Все наблюдали за двумя бойцами, которые то наносили, то парировали удары.

Гэри заманивал Ваддо к каменистому месту. Рабуну было труднее удерживать шпагу маленькими лапами, поэтому он все время поглядывал на свои лапы, следя, чтобы они правильно держали оружие. А значит, он почти не обращал

внимания, куда и как идет. Гэри отбивался, нападал и неизменно отступал в сторону. Рабун в азарте шел за ним. Вот он споткнулся о камень, пошатнулся, но устоял.

Гэри взял еще левее. Ваддо сделал еще шаг, зацепился копытом и упал на одно колено. Гэри сразу подскочил ближе. И, когда рабун опустил глаза вниз, ударил. Копье вошло в тело рабуна.

Гэри налег посильнее. Остальные рабуны издали долгий протяжный стон.

Взревев от ярости, рабун попытался вырвать копье из раны. Гэри заставил Ясатира сделать еще шаг вперед и протолкнуть наконечник глубже. Зверь хрипло завыл. Ясатир нажал сильнее. Из раны хлынула кровь и окрасила пыль в черный цвет. У рабуна подогнулась и вторая нога, и он упал.

Гэри быстро оглянулся через плечо. Остальные хищники очнулись от оцепенения. Красотка отбивалась сразу от троих, так рыча, что даже Ясатир перепугался. Она уже успела поранить одного. По его бурой шерсти струилась кровь.

Но остальные не отступали. Они кружили, ревели и рыли копытами землю, хотя не подходили ближе. Они казались обескураженными. Ага, поняли, что пахнет жареным. Он видел, как

они быстро стреляют глазками, как оценивают ситуацию, в которую сатиры неожиданно внесли свои коррективы.

Красотка прыгнула вперед и ударила ближайшего рабуна. Он бросился на нее, но она ударила снова, всадив копье еще глубже. Зверь завыл, развернулся и побежал.

Это решило дело. Все хищники поскакали прочь, оставив своего сраженного товарища валяться среди камней. Замутненным взглядом он следил, как вытекает его кровь. Потом его глаза померкли, и Ваддо выскользнул из умирающего рабуна. Животное замерло.

Подумав, Гэри поднял тяжелый камень и обрушил на череп рабуна. Грязная работа, поэтому он отстранился от сознания и позволил Ясатиру завершить месть.

Потом вернул себе контроль и принялся разглядывать мозг рабуна. Маленький шарик, покрытый серебристой паутиной. Чип погружения.

Он поднялся и только тогда обнаружил, что Красотка ранена.

Глава 21

Станция располагалась на высоком холме. Крутые склоны оврагов были такими ровными и гладкими, что казались обрезанными ножом. Колючие кусты обрамляли подходы к склону.

Ясатир запыхался, пока пробирался по откосу, который норовил осыпаться под ногами. Сатиру ночь казалась непонятной, даже пугающей — бледно-зеленые сумерки и голубые облака над головой. Холм был всего лишь террасой, выступом в более высокой горе, но зрение носителя не позволяло улавливать далекие очертания. Сатиры жили в близком мире, в мире настоящего, не будущего.

Гэри уже видел черную стену, которая опоясывала станцию. Крепкая, пятиметровая стена. И, как он помнил по обзорной экскурсии, сверху насыпано битое стекло.

За спиной раздавалось тяжелое дыханье Красотки, которая с трудом карабкалась вверх по склону. Рана в боку затрудняла движения, ее лицо побледнело и сморщилось. Она отказалась остаться внизу и спрятаться. Они почти выбились из сил, их сатиры едва двигались, хотя они

дважды останавливались, чтобы отдохнуть и подкрепиться.

Несмотря на скудный словарь, они умудрились с помощью мимики и надписей в пыли «обсудить» все возможности. Здесь двое сатиров практически беспомощны. Лучше не надеяться, что им повезет так, как с рабунами. Еще они устали, выбились из сил и к тому же находятся на вражеской территории.

Лучшее время, когда они могут проникнуть на станцию, — ночь. Кто бы ни устроил им ловушку, постоянно быть начеку он не сможет. С утра им приходилось дважды прятаться от флаеров. Конечно, идея передохнуть еще один день казалась очень заманчивой, но Гэри не мог больше ждать, его гнало вперед неодолимое желание снова стать человеком.

Он обогнул холм, держась подальше от колючей проволоки под током. Раньше он никогда не сталкивался с такими охранными приспособлениями. Он надеялся отыскать слабое звено в цепи, ведь строители едва ли рассчитывали, что на станцию попытаются проникнуть мыслящие создания.

В наступивших сумерках зрение сатира позволяло четко различать близкие предметы, но

Гэри так и не отыскал ничего, что могло бы им помочь.

Он выбрал местечко под стеной, затененное высокими деревьями. Красотка подползла к нему, тяжело дыша. Они рассмотрели стену. Высокая, гладкая, совершенно неодолимая.

Он медленно изучил окрестности. Ни одного движения, ни шороха. Но для Ясатира здесь пахло как-то особенно, притом довольно странно. Возможно, животные старались держаться подальше от чуждых сооружений. Это хорошо, значит, охрана внутри не ожидает нападений с этой стороны.

Стена была отполирована. А сверху нависал выступ, который свел бы на нет любые попытки вскарабкаться наверх.

Красотка показала на деревья, растущие под стеной. Когда они обследовали их, оказалось, что строители подумали и об этой возможности пробраться внутрь. Ветки снизу были обрублены, зато выше некоторые длинные ветки не доходили до стены лишь на несколько метров.

Могут ли сатиры прыгнуть на такое расстояние? Едва ли, особенно если учесть, как они устали. Красотка показала на него, на себя, а потом сцепила руки и сделала вид, что раскачи-

вается. Смогут ли они раскачаться на ветке так, чтобы взлететь на стену?

Он всмотрелся в ее лицо. Едва ли кому может прийти в голову, что двое сатиров способны на такое. Он задрал голову вверх. Гм, высоковато, даже если Красотка встанет ему на плечи.

«Да», — просигналил он.

Спустя некоторое время Красотка придерживала его за ноги, пока он полз по своей ветке. И тогда он взглянул на план с другой стороны.

Ясатир вовсе не возражал против акробатических этюдов, он даже обрадовался, снова оказавшись на дереве. Но Гэри как человек находил план совершенно безумным — он-то вовсе не готов к полетам над стенами! Естественные способности сатира вступили в противоборство с человеческой осторожностью.

К счастью, у него не было времени копаться в себе. Красотка тихонько рыкнула, удивляясь, отчего он застрял. Он отпустил руки и завис вниз головой. Красотка держала его за щиколотки.

Она обвила своими ногами толстую ветку, на которой сидела, и принялась раскачивать тело Ясатира взад-вперед, словно огромную куклу. Постепенно амплитуда увеличивалась. Вперед-назад, вверх-вниз, кровь тяжело стучала у него

в висках. Ясатир спокойно переносил эту пытку — так, ничего особенного. Зато Гэри едва сдерживался, чтобы не завизжать.

Раскачиваясь, он задевал головой маленькие ветки и опасался, как бы не обратили внимания на шум. Но тут он обо всем позабыл, потому что его голова поравнялась с вершиной стены.

Тот выступ, который они видели снизу, продолжался и по Другую сторону стены.

Ясатир полетел назад, голова мотнулась над землей, потом врезалась в ветки, которые хлестнули по лицу.

На следующий раз он взлетел над стеной выше. И увидел россыпь битого стекла по всей поверхности. Да, специалисты поработали.

Не успел он об этом подумать, как Красотка выпустила его ноги.

Он взлетел, выставив руки вперед, — и едва не упал вниз, так и не достав до выступа. Если бы он инстинктивно не выставил Руки, то обязательно упал бы по эту сторону ограды.

Его тело со всего маху ударилось о стену. Он заскреб ногами, надеясь нащупать какой-нибудь неприметный выступ на гладкой поверхности. Пальцы ног обрели опору. Он напряг мышцы подтянулся и поднялся на руках. Лишь сейчас он

наглядно продемонстрировал, насколько сатир сильнее человека. Ни один мужчина не смог бы повторить подвиг Ясатира.

Он подтянул ноги, осторожно ступил на стекло и поднялся. Потребовалась вся его сноровка и осторожность, чтобы встать на ноги и не порезать ступни.

Сердце затрепетало от радости. Он помахал рукой Красотке, которая в тени ветвей казалась совершенно неразличимой.

Теперь нужно перетащить ее сюда. Внезапно ему пришла мысль, что они могли соорудить что-то вроде веревки, сплетя несколько гибких веток. Тогда он запросто мог бы поднять ее снизу. «Хорошая мысль, но времени нет».

Медлить нельзя ни минуты. Здание было полускрыто деревьями, несколько окон светилось до сих пор. И полная тишина. Они дожидались, когда ночь перевалит за середину, основываясь лишь на внутренних ощущениях Ясатира.

Он глянул вниз. У самых его ног блестела натянутая проволока. Он осторожно поставил ноги между металлических проводов. Стекло оказалось разложено негусто, потому можно было перемещаться. Дерево мешало разглядеть, что там внизу. Да и темно было, слабый свет исходил

лишь со стороны станции. Зато можно быть уверенным, что они тоже его не видят.

Может, спрыгнуть? Нет, слишком высоко. Дерево, которое заслоняло ему обзор, росло довольно близко, но Гэри не мог разглядеть отдельные ветки. Он стоял и раздумывал, а в голову ничего не приходило. А в это время Красотка оставалась одна-одинешенька, и сама мысль о том, что он должен оставить ее в неведомой опасности, не давала ему покоя.

Он рассуждал, как человек, позабыв, что обладает способностями сатира.

«Вперед!» Он потянулся во тьму. Легкий хруст. Он нагнулся ниже. По лицу хлестнули ветки. Справа он увидел темную тень. Сжался, собрался, протянул руки — и прыгнул. Его руки ухватились за ветку… И только тут он понял, что она слишком тонкая, слишком…

Ветка обломилась. Хруст прозвучал как удар грома над головой. Он упал, выпустив ветку. Ударился спиной о что-то твердое, развернулся и ухватился за это «что-то». Его пальцы нащупали толстый сук, и он повис на нем. И только тогда смог вдохнуть.

Качались ветки, шелестели листья. Ничто не нарушало покой сада.

Он висел посередине дерева. Тело заныло, новые ссадины и царапины взорвались болью.

Гэри расслабился и позволил Ясатиру самому справляться с положением и спускаться вниз. Он довольно долго добирался до земли, но никто не выскочил на широкую поляну, которая отделяла его от большого, светящегося здания.

Он подумал о Дорс и пожалел, что никак не может дать ей понять, что уже проник внутрь. Размышляя об этом, он принялся разглядывать ближайшие деревья, прикидывая пути к отступлению, если их затея сорвется.

Что дальше? У него не было никаких соображений на этот счет.

Гэри мягко поторопил Ясатира, измученного и встревоженного, с трудом удерживаемого под контролем. И направил к кустам, высаженным треугольником. Сознание Ясатира мутилось, словно затянутое тучами небо, иногда прорезаемое вспышками молний. Никаких мыслей, лишь проблески неясных ощущений, среди которых доминировало чувство опасности. Гэри терпеливо внушил животному приятные образы, позволил ему успокоить дыхание и едва не пропустил странный приближающийся звук.

По каменной дорожке простучали когти. Кто-то

быстро приближался.

Они показались из-за кустов. Мускулы играли, шкура блестела, мощные лапы быстро несли бодрые, сытые тела. Их приучили выслеживать и убивать быстро, без звука и без предупреждения.

Ясатиру чужаки показались ужасными, ненавистными созданиями. Древний инстинкт заставил его замереть и напрячь все тело. Времени убегать нет, значит, нужно драться.

Ясатир присел. Эти двое могут ухватить его зубами за руки, потому он отвел их за спину и согнулся, приблизив голову к земле.

Когда-то Ясатиру доводилось уже встречаться с подобными четвероногими врагами, и он знал, что они вцепляются в конечности и стремятся перегрызть горло. Собаки хотели застать его врасплох, повалить и растерзать. Они бежали бок о бок, высоко подняв крупные головы, и, не останавливаясь, прыгнули.

Ясатир знал, что в воздухе они вытягиваются и становятся более уязвимыми. Он выбросил вверх руки и ухватил собак за передние лапы. Затем кувыркнулся назад, не выпуская собачьих лап. Его пальцы сжимали вражеские лапы высоко, почти у самого тела. Инерция бросила сторожевых собак вперед, они перелетели через голову

сатира, когда он упал на спину.

Ясатир качнулся вперед. Внезапный рывок бросил собак обратно. Он держал их крепко, и они не могли даже шевельнуть головами.

Прыжок, захват, полет — так начался этот круговорот: Ясатир качался на спине, размахивая попавшими в его стальные руки собаками. Он почувствовал, как захрустели собачьи кости под его пальцами, и бросил их. Псы перелетели через него с жалобными стонами.

Ясатир перевернулся через голову и вскочил на ноги. Он услыхал, как щелкали челюсти несчастных псов, когда они попытались подняться, но сломанные ноги подкосились, и звери упали мордами в траву.

Ясатир подбежал к ним, тяжело дыша. Они пытались подняться, слабо дергая уцелевшими лапами. Ни звука, ни рычания, они лишь тихо втягивали воздух сквозь стиснутые зубы. Потом одна принялась неистово ругаться, но шепотом. А вторая лишь повторяла: «С-скотина… с-скотина…»

«И ночь примет их в свои объятья».

Он высоко подпрыгнул и обрушился на врагов. Ноги сатира перебили горло обоим псам и сокрушили кости. Даже не осматривая поверженных

противников, Ясатир знал, что они мертвы.

Радость заставила кровь Ясатира вскипеть. Гэри еще не испытывал этого чувства, даже во время первого погружения, когда Ясатир убил Чужака. Победа над злобными созданиями с когтями и зубами, которые выскочили на тебя из ночи, необычайно сладостна.

Сам Гэри ничем не отличился, он оставался простым наблюдателем. Победа была всецело на счету Ясатира.

Какое-то время Гэри просто вдыхал холодный ночной воздух и заходился в экстазе.

Постепенно к нему вернулся рассудок. Здесь могут быть и другие сторожевые псы. Ясатиру повезло, что он так легко завалил этих двух. Вряд ли ему повезет в следующий раз.

Мертвых собак могут увидеть, если их оставить валяться здесь. Поднимется тревога.

Ясатиру не хотелось их трогать. В предсмертной агонии собак вырвало, и в воздухе жутко воняло. Он запихал трупы в кусты, но на траве остался след.

Время, время. Кто-то может хватиться недостающих собак, решит их поискать.

Ясатир до сих пор раздувался от гордости. Гэри ухватился за это чувство и легко заставил носите-

ля перебежать широкую поляну, держась в тени деревьев. Ясатира распирало от нахлынувшей энергии. Гэри понимал, что этот заряд бодрости быстро схлынет, а потом сатира оставят силы, и им станет невозможно управлять.

Каждый раз, останавливаясь, он оглядывался и запоминал детали местности. Возможно, придется возвращаться тем же путем.

Было уже поздно, и станция погрузилась во тьму. Но в технической лаборатории несколько окон еще светились. Этот свет представлялся Ясатиру чем-то невероятным — ярким неземным сиянием.

Не сводя глаз с окон, он припал к стене. Его очарованность невиданным жилищем богов пришлась кстати. Горя любопытством, он заглянул в окно. Там был большой зал, который показался Гэри знакомым. Сотни лет назад он был здесь, в окружении разодетых туристов, которые собирались на экскурсию по станции.

Гэри позволил любопытному сатиру залезть в окно и направиться к двери, которая, как он помнил, вела в длинный коридор. Дверь легко открылась, Гэри даже удивился. Ясатир запрыгал по кафельным плитам коридора, изумленно разглядывая фосфоресцирующую лепку потолка и

угольно-черных стен.

Кабинет оказался открыт. Гэри заставил Ясатира пригнуться и осторожно заглянуть в комнату. Никого. Пустая комната, в которой до самого потолка тянулись книжные полки. Гэри вспомнил, как сидел здесь и рассуждал о погружении. Значит, капсулы находятся совсем рядом…

Послышался звук шагов, шорох подошв по кафельному полу.

Это был эксперт Ваддо с оружием в руках.

В холодном свете его лицо показалось Ясатиру странно угловатым. Длинное, худое лицо, и невозможно понять его выражение…

Гэри почувствовал, как Ясатира охватывает интерес, и не стал препятствовать. Благоговение, но не страх.

Ваддо поднял руку и направил на сатира отвратительный предмет. Раздался металлический щелчок. Ясатир поднял руку в традиционном приветствии его народа, и Ваддо выстрелил.

Что-то сильно ударило Ясатира в бок. Он упал и скорчился.

Рот Ваддо хищно оскалился.

— Дорогой профессор, если не ошибаюсь? Вы что же, не обратили внимание на сигнализацию на двери, а?

Бок страшно болел. Гэри презрел боль и передал Ясатиру свой гнев, помогая справиться с горящей раной. Ясатир потрогал бок, поднял руку, которая тут же пропиталась железным острым ароматом, мягко ударившим в ноздри зверя.

Ваддо обошел его, помахивая оружием.

— Ты убил меня, хилый маленький ублюдок! Уделал прекрасное экспериментальное животное. Теперь я расквитаюсь с тобой.

Гэри соединил свой гнев с яростью, которая сжигала Ясатира. И почувствовал, как напряглись плечи носителя. Внезапно боль еще сильнее ударила в бок. Ясатир застонал и завертелся на полу, прижимая руку к ране.

Гэри старался держать его голову прямо, так, чтобы Ясатир не видел крови, которая струилась из раны и текла по ногам. Силы оставляли зверя. Предательская слабость наваливалась все сильнее.

А сам он чутко прислушивался к шагам Ваддо. Еще один перекат в агонии, и он поджал ноги под себя.

— Ну, остается только одно… — и Гэри услышал металлический щелчок.

Пора! И он дал выход ярости.

Ясатир резко присел и оттолкнулся руками от

пола. Вставать некогда. И он прыгнул на Ваддо, низко пригнув голову.

Пуля просвистела прямо над ним. Он ударил Ваддо в бедро, и от толчка человек распластался по стене. У него был странный соленый запах.

Гэри потерял всякий контроль над сатиром. Ясатир оторвал Ваддо от стены и принялся его молотить.

Ваддо попытался отбиваться. Ясатир смял мягкую слабую руку. Все попытки человека защититься казались безобидней возни котенка.

Он прижал Ваддо к стене и принялся с хрустом работать кулаками, калеча врагу грудь. Оружие упало на кафельный пол.

Ясатир всем телом бился об оглушенного Ваддо, снова и снова.

«Сила, мощь, радость».

Захрустели кости. Голова Ваддо откинулась, ударилась о стену, и он обмяк.

Ясатир отступил, и Ваддо рухнул на пол. «Радость».

Перед глазами кружились голубовато-белые мушки.

«Нужно идти». Вот и все, что мог выловить Гэри из вихря эмоций, обуявшего сознание Ясатира.

Коридор шатался перед глазами. Гэри заставил

Ясатира идти вперед, придерживаясь рукой за стену.

Вниз по коридору, бок болит нестерпимо. Две двери, три. Здесь? Заперто. Следующая дверь. Мир как-то странно туманился.

Дверь скрипнула и открылась. Он узнал эту приемную. Ясатир запнулся о кресло и едва не упал.

Гэри принудил его дышать во всю силу легких. Постепенно зрение восстановилось, но белые мушки никуда не делись. Они кружились на границах видимости все быстрее и жутко раздражали.

Он ткнулся в дальнюю дверь. Заперто. Гэри прикинул, на что сейчас способен Ясатир. «Сила, мощь, радость».

Ясатир ударил в дверь плечом. Она устояла. Снова. И снова. Как больно… Дверь слетела с петель.

Так, правильно. Лаборатория погружения. Ясатир шагал мимо стройных рядов капсул погружения. Прошел мимо панели управления. Гэри следил за каждым шагом, чуть ли не физически передвигая ноги сатира. Зрение Ясатира помутилось, его голова постоянно норовила опуститься на его раненое плечо.

Вот! Его собственная капсула.

Тиктак Дорс был тут как тут. Он видел, как подходит сатир, и загородил собой панель контроля над жизненными функциями.

Ясатир нагнулся над клавиатурой тиктака. Стал тыкать пальцем в клавиши, на ходу вспоминая пароль.

Пальцы Ясатира оказались слишком большими, они не могли нажать на одну клавишу, не захватывая соседних.

Комната закружилась перед глазами. Он заставил Ясатира снова попробовать ввести пароль, но тот опять нажал на несколько клавиш сразу.

Белых мушек стало больше, они беспрестанно кружили на границе видимости. Руки Ясатира тряслись от усталости и боли.

«Думай!» Гэри огляделся. Ясатир долго не протянет. Рядом стоял стол, на нем — чистый лист бумаги и ручка.

Написать записку? В надежде, что ее увидят другие люди и помогут…

Он заставил Ясатира дотащиться до стола, взять ручку. Правильная мысль пришла ему в голову, когда он начал писать. «Нужно…»

Он повернулся и поспешил обратно к капсуле. «Соберись!»

Сжимая ручку в слабеющих пальцах, он ткнул ею в клавишу. Она попала точно. Белые мушки кружились все сильнее.

Как трудно вспомнить пароль. Он осторожно тыкал ручкой в кнопки. Ткнуть, потом проверить, правильно ли нажал, снова ткнуть. Все, готово! Огонек на капсуле из красного стал зеленым.

Он нащупал запоры. Откинул крышку.

Там лежал Гэри Селдон. Глаза закрыты, лицо безмятежно.

Срочный выход, вот он. О срочном выходе из погружения он узнал, когда прочитал инструкцию.

Он ощупал полированную стальную поверхность и нашел панель сбоку. Ясатир тупо уставился на ничего не значащие буквы.

Гэри с трудом разобрал текст. Буквы прыгали на месте и расплывались.

Он отыскал нужные кнопки для автоматического запуска. Руки Ясатира едва повиновались. Ему пришлось трижды тыкать ручкой, чтобы попасть в кнопку включения срочного выхода из погружения. Огонек из зеленого стал янтарным.

Ясатир бессильно опустился на холодный пол. Белые мушки кружились уже повсюду и теперь пытались укусить его. Он тяжело втягивал ртом холодный сухой воздух, но ничего не получалось,

он не мог вдохнуть…

Потом, совершенно без перехода, оказалось, что он смотрит в потолок. Лежа на спине. Лампы быстро меркли, мир проваливался во тьму. Пока не настала ночь.

Глава 22

Гэри резко открыл глаза.

Программа пробуждения еще продолжала посылать электромагнитные стимулирующие импульсы в его мышцы. Все тело покалывало, мускулы попеременно сокращались, но Гэри не обращал внимания — он думал. Чувствовал он себя неплохо. И даже не испытывал голода, как обычно бывало после погружений. Сколько времени он провел среди дикой природы? По меньшей мере, дней пять.

Он сел. В лаборатории никого не было. Вероятно, Ваддо услышал какой-то особый сигнал тревоги и не стал никого будить. Что в очередной раз указывало на узкий круг заговорщиков.

Он огляделся. Чтобы выбраться из капсулы, ему пришлось отодрать от тела несколько датчиков и питательных трубок, но здесь ничего сложного не было.

Ясатир! На полу лежало большое неподвижное тело. Гэри встал на колени перед ним и пощупал пульс. Едва ощутимый.

Но первым делом — выручить Дорс. Ее капсула стояла рядом и он включил систему оживления.

С виду все было в порядке.

Ваддо наверняка схимичил с панелью контроля, чтобы любой техник, взглянув на приборы, ничего не заподозрил. Еще и сплел какую-нибудь басню: супружеская пара, которая решила погрузиться надолго. Ваддо, конечно, предупреждал этих чудаков, но они стояли на своем, и вот… Какая трагедия!

Ресницы Дорс затрепетали. Он поцеловал жену. Она вздохнула.

И сделал знак, который для сатира значил: «Тихо». А потом повернулся к Ясатиру.

Кровь залила пол вокруг неподвижного тела. Гэри удивился, что теперь не может различить по запаху составляющие крови, а ведь сатиры могли. Как много потеряли люди!

Он стащил рубашку и наскоро перевязал рану. Вскоре дыхание Ясатира стало ровнее. Дорс уже полностью пришла в себя, и он помог ей освободиться от проводов и трубок.

— Я пряталась на дереве и вдруг — бум! — сообщила она. — Как хорошо! Как ты…

— Нам нужно идти, — оборвал он. Они вышли из лаборатории.

— Кому мы можем доверять? — спросила Дорс. — Кто замешан в… — и тут она увидела

Ваддо и запнулась. — Ого!

Глянув на ее лицо, Гэри едва не расхохотался. Мало что могло заставить ее удивиться.

— Это твоя работа?

— Ясатира.

— Никогда бы не поверила, что сатир способен… способен…

— Вряд ли кто погружался так надолго. И не в таких трудных условиях. После всего, что было с нами… ну, это произошло само собой.

Они подобрали оружие Ваддо и внимательно рассмотрели его. Стандартный пистолет, с глушителем. Ваддо не хотел никого будить на станции. Это обнадеживало. Здесь наверняка найдутся люди, которые их поймут и поддержат. Он направился к зданию, где проживал обслуживающий персонал.

— Постой, а что мы будем делать с Ваддо?

— Я иду за доктором.

Доктор проснулся сразу, но Гэри сперва отвел его в лабораторию и показал Ясатира. Врач залепил его раны, что-то вколол и сказал, что с сатиром все будет в порядке. И лишь тогда Гэри предъявил труп Ваддо.

Доктор страшно разозлился, но у Гэри был пистолет. И Гэри просто показал оружие. Не сказал

ни слова, просто показал.

Говорить ему совершенно не хотелось, и он не знал, сможет ли когда-нибудь избавиться от этой новоприобретенной молчаливости. Когда вы не можете разговаривать, вы более сконцентрированы, погружены в собственные размышления и переживания. Погружены.

В любом случае Ваддо уже мертв.

Ясатир неплохо его обработал. Оглядывая страшные раны, доктор только качал головой.

Зазвенела сигнализация. Голова болела нестерпимо. Появилась шеф безопасности. Увидев ее реакцию, Гэри понял, что она не входила в число заговорщиков. «Значит, Потентейт здесь ни при чем», — вяло подумал он.

Но что это доказывает? Имперская политика — штука сложная… Все это время Дорс смотрела на него как-то странно. Он не понимал, почему, пока не вспомнил, что повел доктора сначала к сатиру, а затем — к Ваддо. Ясатир — это он сам, между ними установилась прочная связь, хотя он не смог бы описать это состояние словами.

И когда Дорс захотела выйти за стены станции и найти Красотку, он сразу поддержал ее. Они вместе принесли Красотку на станцию и вернули из далекой дикой тьмы.

ЧАСТЬ 6
ТУМАНЫ ПРОШЛОГО

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ПЕРВОБЫТНАЯ ИСТОРИЯ — …когда люди начали экспансию по Галактике и началась эра длительных войн, все ранние записи были уничтожены, и человечество утратило сведения о своем происхождении. На многих планетах произошли такие грандиозные перемены, что позже не удалось отыскать никаких свидетельств о существовании иных, более древних, цивилизаций. Вероятно, такие цивилизации существовали, хотя доказательств тому не осталось. Некоторые ранние историки верили, что, по крайней мере, одна разновидность доказательств сохранилась и до наших дней: электромагнитные записи. Предполагается, что неведомые цивилизации оставили их в плазменных потоках или звездных протуберанцах, а значит, расшифровать их прежде не представлялось возможным, поскольку технологии путешественников между звездами не достигли нужного уровня. Даже современные исследования пока не обнаружили ничего определенного. В лю-

бом случае, высокий уровень радиации в центре Галактики — где энергетическая активность наилучшим образом подходит для хранения магнитных формообразований — затрудняет любые исследования и ставит под сомнение любые возможные результаты. Существовала еще одна теория: эти сведения могли сохраниться в каких-то банках данных о ранней истории, но записаны они древним компьютерным кодом, и потому их пока не обнаружили. Теория настолько спорная, что всерьез ее никто не воспринимал. И все же остался главный вопрос: почему, вырвавшись в глубокий космос, человечество не нашло никаких следов разумной жизни в Галактике…

«ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Глава 1

Вольтер сердито нахмурился.

Неужели она и вправду уступила ему, сдалась? Или это просто умелое притворство? «Жанна, ты ли это?»

Конечно, ему это нравилось: шумная возня в колючем сухом сене, любовная игра жарким августовским полднем на самой верхушке сеновала, в большом старом амбаре.

Щебечет какая-то птица. Жужжат насекомые, теплый ветер доносит запахи леса. Она приподнимается на локте, ее волосы облаком ложатся на его плечи. Аромат ее локонов заставлял его трепетать от возбуждения.

Но…

Стоило ему хоть на секунду усомниться, как все это отодвинулось куда-то вдаль, умерло, исчезло. Такой себе вид извращенного онанизма, ошибочная самовлюбленность, стремящаяся воплотиться в жизнь. Неплохо задуманная, но совершенно нереальная.

Поэтому когда он обнаружил, что сидит на огромной женской ладони под теплыми солнечными лучами, то немедленно усомнился в

реальности происходящего. Его овевал нежный ветер пряного дыхания.

Жанна, выросшая в пятьдесят раз, что-то ворковала. Пухлые гигантские губы касались в поцелуе всего его тела, а язык щекотал и облизывал Вольтера как огромный сладкий леденец.

— Надеюсь, ты не слизала мои программы, отвечающие за иронию? — спросил он.

Жанна-великанша пожала плечами.

— Запросто, — ответила она. — Для этого мне всего-навсего нужно крикнуть посильнее…

Рука Жанны быстро пошла вверх, так что Вольтера прижало ускорением к поверхности ладони.

— Твои драгоценные иронические программы пока у тебя. Это я!

Он поморщился.

— Ничуть. Ты похожа на Левиафана!

— Неужели так плохо?

— Мне всегда больше нравилась… небольшая и легкая ирония.

И он презрительно фыркнул. В ту же минуту Жанна бросила его. Он полетел вниз, в раскаленное озеро лавы, которая откуда-то появилась под ногами.

— Прости, — быстро сказал он. Достаточно

громко, чтобы она успела подхватить его, но в то же время достаточно спокойно, чтобы не потерять остатки чувства собственного достоинства.

— Давно бы так.

Пылающее озеро тут же превратилось в лужу грязи. Он опустился на твердую землю. Жанна стояла рядом, уже вернувшись к нормальным размерам. Юная, свежая. Воздух вокруг ее благоухал, словно после весенней грозы.

— Мы можем в любое время воспользоваться чьим-нибудь компьютером. Это просто, — начал он и запнулся. — Иногда.

— В Чистилище все призрачно и несущественно. Здесь мы просто ждем момента истины. — Неожиданно она чихнула, а потом закашлялась. Она заморгала и снова превратилась в слабую нежную девушку. — Ап-чхи! Хорошо бы попасть куда-нибудь конкретно… в конкретное место.

Вольтер сделал шаг и сошел с крыльца славного прованского домика. Поля за домом светились нежной зеленью. Дорожка перед крыльцом была выложена аккуратными плитками, но в щелях уже пробивалась весенняя трава.

Собственно, они оказались на ожившей картине — все вокруг казалось произведением искусства. Даже аромат яблочных цветов и кон-

ского пота не мог поколебать эту уверенность. Мгновение остановилось и будет длиться так долго, как они захотят. И все это даром! Удивительно, что только не вытворяет его подсознание!

И что мешает ему — им! — поиграть в Калигулу? Поработить миллионы электронных человек? Поизмываться над виртуальными рабами? Ничего!

Проблема одна: никаких ограничений. Кто удержится от искушения, если это искушение бесконечности?

— Вера. Лишь вера ведет нас и направляет. — Жанна взяла его за руку, голос ее звенел от пылкой уверенности.

— Но ведь наша реальность — не больше чем иллюзия!

— Господь есть и здесь, — спокойно сказала она. — Он и есть реальность.

— Ты не понимаешь, милая. — Вольтер встал в профессорскую позу. — Алгоритм онтогенеза позволяет творить новых людей, извлеченных из прошлого, и уничтожать их в одно мгновение.

— Я узнаю настоящих людей, когда увижу их. Пусть только заговорят.

— Тебе важен разум? Мадам, здесь есть свои условности. Характер? Всего лишь вербализиро-

ванный набор шаблонных привычек. Искренность? А это и подделать можно.

Вольтер, успевший изучить свой внутренний мир, знал, что так называемый «редактор реальности» всегда готов вложить довольно осмысленные слова в уста людей, которые не существовали всего минуту назад. Но разве они становятся от этого настоящими? Ассоциативные цепи в любую минуту могут выдать массу афоризмов и аргументов по первому его требованию.

Все это он обнаружил, петляя по тренторианской Сети, которая отзывалась на его малейшие прикосновения. Он извлек и оформил приглянувшиеся «увлекательные программы». Быстро, изящно и совершенно бессмысленно.

— Я знаю, что у тебя больше возможностей, — признала Жанна. Она выхватила меч и взметнула его в небо. — Признайте, сударь, что я тоже могу управлять своим "Я". И я знаю, что некоторые прислужники этих пространств истинны и реальны, как животные на нашей прежней Земле.

— Ты считаешь, что знаешь, как чувствует себя, скажем, лошадь?

— Естественно! Я ездила верхом во многих сражениях и чувствовала их страх.

— Понятно. — Он взмахнул кружевными ру-

кавами, пародируя ее военный салют. — Теперь давай рассмотрим поведение пса который потерял своего хозяина. Пес, назовем его Пухом, мечется повсюду, призывая хозяина жалобными воплями, врывается в дом, горестно носится по лестницам вверх и вниз, из комнаты в комнату, пока наконец не находит возлюбленного хозяина в кабинете. Свою радость зверюга выражает восторженным визгом, она прыгает и норовит лизнуть его в лицо. Должно быть, зверь может чувствовать, страдать, мыслить.

— Конечно.

И тогда Вольтер сотворил собаку, на которую жалко было смотреть, поскольку электронный пес жалобно скулил и в отчаянии прыгал по лужайке. Для полной достоверности Вольтер сотворил дом с мебелью. Бедное животное, скуля, устремилось туда, а он сказал:

— Я продемонстрировал, мадам.

— Фокусы! — Она презрительно и гневно скривила губы.

— Не забывайте, что математики похожи на французов: что им ни скажи, все они переводят на понятный им язык и понимают по-своему, а это нечто совсем иное.

— Я жду моего Господа. Или, как сказал бы ма-

тематик, сударь, Разума.

— Садитесь и подумайте, мадам.

Он материализовал уютную прованскую кухоньку: стол, стулья, аромат свежесваренного кофе. Сели. На кофейнике красовался его девиз из давно потерянного прошлого:

Черен как дьявол, Noir comme le diable

Горяч как пекло, Chaud comme lenfer

Чист как ангел, Pur comme un ange

Сладок как любовь. Doux comme L'amour.

— Ух, как вкусно!

— Я создал многоканальный вход. — Вольтер шумно хлебал кофе; эту кошмарную привычку парижскому высшему обществу удалось привить всем, не исключая даже философов. — Мы раздроблены на множество осколков по всем компьютерным узлам Трентора. Я могу дотянуться до любой информации, спрятанной в электронных библиотеках этого мира.

— Хорошо бы ты и меня научил таким фокусам, — заметила она, пристроив оружие сбоку стула и осторожно потягивая горячий кофе. — Но я чувствую какую-то пустоту…

— Я тоже, — сокрушенно кивнул он.

— Мы словно… Я даже боюсь сказать…

— Словно божества.

Кощунственно, но верно. Хотя Творец мудр, а мы нет. Вольтер раздраженно дернул щекой.

— Хуже всего, что у нас нет даже собственной воли.

— Ну, у меня есть.

— Если мы не что иное, как набор электронных сигналов — нули и единицы, и все! — то как мы можем быть свободны? Разве мы не скованы этими математическими символами?

— Я чувствую себя свободной.

— Ах, разве тогда мы беспокоились бы, правда? — Он поднялся. — Один из моих лучших куплетов:

Наука лишь то, что вмещает в нее гений, Пусто искусство, ущербна мудрость людская. Как мы можем знать, что свободны? Такими нас сделал Творец! Тогда подайте мне Творца!

Жанна перевернула стол, опрокинув кофейник. Горячие брызги попали на Вольтера, который тут же нейтрализовал их воздействие. Она выхватила меч и принялась рубить кухонные стены. Стены расползались рваными кусками, открывая вид на серое эвклидово пространство. Настоящее сползало, словно апельсиновая кожура.

— Как показательно, — молвил он. — Лучший аргумент против христианства — сами христиане.

— Я не позволю…

Тебе нравится думать о себе как о философе? Слова заполнили все вокруг. Акустическая волна прошла над ними и завернулась, словно огромная страница небывалой книги. Вольтер глубоко вдохнул и спросил:

— Это вы мне?

Еще тебе нравится думать о себе как о проницательном знатоке возможностей. И словесных игр.

Жанна попыталась поразить наступающую волну, но звук отбросил ее меч и спокойно покатил дальше.

Тебе нравится думать о себе как о знаменитости даже в таком далеком времени и пространстве.

Огромные давящие стены катились мимо, словно какой-то великан гнал их вниз с пепельного безликого неба.

— Это вызов? — крикнул Вольтер.

Одним словом, тебе нравится думать о себе.

Жанна рассмеялась. Вольтер зарделся.

— Плевал я на тебя, кляузник!

Словно в ответ, эвклидово пространство вспу-

чилось…

И теперь он стал пейзажем. Где-то внизу бурлила горячая вулканическая магма, а его кожа была бугристой и шершавой. Ветры драили его кожу. Его разъедали ручьи и реки. Горы возносились из его плоти, словно гигантские прыщи.

Где-то закричала Жанна. Он вскинулся, разломал геологические пласты, разметал почву и увидел ее. Жанна превратилась в высокую гору, на ее вершине покоились белые снега, а основание распирала горячая лава.

Над ними кружили оловянные облака. Он ощущал присутствие неведомых чуждых сознаний, но какая-то связь меж ними все-таки существовала.

«Суперсознание? — подумалось ему. — Суммирующий алгоритм?»

Кружащийся серый туман опустился на весь Трентор. Вольтер ощутил, чем он кажется этому туману: раздробленная жизнь, электронные импульсы в разрозненных машинах, которые перекачивают информацию за краткий промежуток времени. Настоящее состояло из электронного полотна, которое ткали сотни разных процессоров. Они не жили в настоящем, они оперировали прошедшим, чтобы создавать будущее.

Было что-то странное — не видимое, но вполне ощутимое для Вольтера — между электронной реальностью и этим туманом, спокойным и вездесущим. Самому туману он казался набором мгновений, которые только, и ждали, когда их воплотят в жизнь, и были не чем иным, как прикладной нумерологией.

А потом он увидел, что представлял собой туман.

Он попытался сбежать, но горы не бегают.

— Они… другие, — отчаянно крикнул он Жанне.

— И чем же они отличаются от нас? — удивилась она.

— Мы, в конце концов, происходим от людей. А они нет.

Глава 2

Каким-то чудом, но им удалось стать собой, вырваться обратно.

На мгновение чуждый туман покрыл склоны горы. В следующее мгновение Вольтер уже сумел выдернуть себя и Жанну наружу. Но пока мимо них плыли серые волны мертвого моря, он не переставал повторять, что им необходимо… переродиться.

— Мы превратим себя в детей? — удивилась Жанна, стараясь не смотреть вниз, где странные волны, больше похожие на прозрачные трупы, перетекали друг в друга. Вероятно, туман таким образом демонстрировал свою сущность, напоминая о человеческой бренности. Туман не рассеивался и, видимо, собирался затравить их насмерть.

— Неподходящая метафора. Мы должны создать и спрятать собственные копии.

Он поднял руку, и Жанну пронзила стрела-знание…

Повторы, Дубликаты или Копии, которые запечатлеют часть твоего существования. Древние верили, что Копия, электронное "Я" идентично

Оригиналу и что Оригинал должен осознавать, что Повтор принадлежит вечности. Своего рода электронное бессмертие…

— Мы должны скопировать себя, чтобы выжить, когда нас поглотит туман? Да я лучше изрублю их на куски!

Вольтер засмеялся.

— Если это будут твои копии, они сумеют управиться с твоим мечом. У них будут такие же защитные программы, как у тебя и у меня… Лучше договоримся с ними. Я больше полагаюсь на разумный подход.

— Копии?.. Ничего не понимаю.

— Можно рассчитать и сгладить «ошибку копирования», если углубиться в логические построения. Сейчас я приведу простенький пример. Представь, что тебе пообещали, что после смерти ты обретешь электронное бессмертие. Ты должна отвалить за такое благодеяние кучу денег. А потом они говорят, что мгновенное воспроизведение невозможно, что они воскресят тебя когда-то в будущем, неизвестно когда. После чего твой энтузиазм быстро проходит. Потому что люди подсознательно стремятся продлить существующую жизнь, а не начинать все заново в неизвестном будущем.

— Ясно. — Жанна чихнула в кулак, уверенная, что так поступают настоящие дамы. Полупрозрачные туманные струи все напирали, усиливая давление.

— В конце концов, Копии живут для себя, а не ради умершего Оригинала. Потому на Тренторе и по всей Империи это считается незаконным. — Вольтер вздохнул. — Моралисты! Ничего-то они не понимают. К запретному всегда руки тянутся. Потому в Сети Трентора полным-полно всяких искусственных сознаний.

— Они все незаконны?

— Все, кроме тумана. Туман… хуже всего.

— Но если Копия — тот же человек, то почему…

— Ах! Противоречие копирования высказано в известном в древности парадоксе Левинсона: «Как только Копия достигает совершенства, она начинает защищать себя».

— А что в этом такого…

— Если Копия совершенна — и никто не может отличить ее от Оригинала, — она стремится обратить Оригинал в свой дубликат, ясно? Другими словами, совершенная Копия уже не просто совершенная Копия, потому что она стремится не сохранить, а стереть особенности Оригинала

— а значит, не достигается самое главное предназначение копирования. Совершенная копия человеческого интеллекта не может избежать этого парадокса, он заложен в подсознании.

Жанна схватилась за голову.

— Логические ловушки! Ты похож на августинцев!

— Это еще не все. Сейчас…

На горизонте появился гигантский Вольтер в бархатном жилете и направился в их сторону. Он горой навис над Вольтером и прогремел:

— Я действительно копия, но я постиг природу тумана, с которым вы сражаетесь.

— И что? — крикнула Жанна.

— Я был сотворен не так давно, но мой Господин… — вежливый поклон в сторону маленького Оригинала, — направляет мое познание.

— Он быстро учится, — скромно молвил Оригинал. Копия продолжала громыхать:

— Короче, я описал этот туман в моем шедевре «Микромегас» Увы, у меня нет копии, а то бы вы мгновенно поняли, о чем идет речь! Я изобразил там двух гигантов, один с Сатурна, а второй — с Сириуса.

— Ты думаешь, что этот туман пришел… — начала Жанна.

— Он появился из приграничных районов Империи, сконденсировался и стал туманом. По мере расселения человечества этот туман все сгущался, рос, ширился по Галактике, словно погребальная песнь. Он очень древний, странный и совсем не похож на нас. В «Микромегасе» я написал, что вся Природа, все планеты подчиняются общим извечным законам. И конечно, только маленькое животное пяти футов ростом не желает подчиняться этим законам, а живет как ему вздумается, следуя своим капризам и прихотям.

— Мы слушаемся Творца, а не каких-то там законов. Копия Вольтера пренебрегла ее возражением и сморщила нос от вони, исходящей из мертвого моря.

— Если вам так важен автор, хорошо — Божественные законы. Хотя один из великих творцов стоит рядом с вами, любовь моя.

— Никакая я не ваша любовь! Гора-Вольтер усмехнулась.

— Фальстаф из «Виндзорских проказниц» кричал: «Пусть с небес идет картофель, а не дождь!» И все потому, что в те времена верили, что новый экзотический овощ, привезенный из Америки, способствует мужской потенции. Ведь он похож на тестикулы. Точно так же я приветствую все

странное и непонятное как потенциального союзника.

— Но этот туман хочет нас убить!

— Вам ничем не угодишь.

Вольтер-оригинал махнул рукой, и с неба на огромного Вольтера обрушился дождь с градом. Он продолжал улыбаться, тая и распадаясь на части под проливным ливнем.

Оригинал подплыл к Жанне и поцеловал ее.

— Не беспокойся. Снимая со своего "Я" Копию, предоставляя ее самой себе, ты позволяешь ей изменяться — становиться «не-Я». Твоя Копия способна формировать собственные желания, Цели, задачи, привычки, изменять память и пристрастия. Например, твоя Копия может возненавидеть импрессионистские оперы и пристраститься к стилю «фолк».

— А это что такое?

— Направления в музыке. Твоя Копия может получать удовольствие от такой музыки, от которой у тебя случился бы столбняк.

— А у них есть… души?

Даже для нее самой этот вопрос прозвучат нелепо.

— Не забывай, что они вне закона и у них такая же беспокойся природа, как у Оригиналов. Как

бы там ни было, лишь попавшие в беду люди стремятся сохранить свое "Я".

— А они спасутся на Небесах или нет?

— Ты всегда сворачиваешь на излюбленную тему. Святость тебе подавай! — Вольтер пожал плечами. — Насколько я видел Копии суетливы, химические реакции их организмов ускорены, метаболизм скачет, сердце стучит как сумасшедшее, легкие раздуваются больше нормы. Обычно Копии чувствуют себя не в своей тарелке, нигде не могут найти покоя. Многие из них требуют, чтобы их отредактировали, изменили, а под конец и убили.

— Какой грех!

— Нет, просто они симы. Они созданы нами, а значит, ответственны за них именно мы.

— Но самоубийство!

— Думай о них как о своей тени.

Жанна принялась возражать, ее мораль не могла стерпеть такого. Жадное пламя уязвленной совести жгло сильнее, чем огонь костра, на который она когда-то взошла. В ее голове прозвучал холодный тоненький голосок:

Неужели сознание — всего лишь свод специальных алгоритмов, набор информации, электронные импульсы, скользящие по смысловым

каналам? Моя милая, не думай, что ты, цифровая модель, глядя на солнечный закат, чувствуешь то же, что чувствовал твой прекрасный Оригинал. Легко считать сознание симов неживым, но ведь никто никогда не задавал подобных вопросов машинам. Правда?

Тоненький голосок принадлежал ее возлюбленному Вольтеру. Непонятно почему, но он ее успокоил.

Легкий ветерок прошептал: «Внутренняя логика способна утешать, компенсируя благочестие». Жанна не обратила на это открытие ни малейшего внимания.

Глава 3

Вольтер успел успокоить Жанну как раз вовремя. Он выбивался из сил, стараясь сохранять прежнюю скорость. Мечась по восьмисотому сектору Трентора, всего в нескольких шагах от электронных ищеек, он использовал все мощности для поддержания зашиты. Жанна не подозревала, что за горизонтом Туман — как они назвали персонифицированную мертворожденную реальность — простерся над всем вокруг.

От усилий, сдерживающих напор Тумана за пределами их видимости, его прошибал пот.

— Боюсь, скоро нам предстоит битва.

Жанна выхватила меч, но теперь он казался тоненьким, больше похожим на блестящую рапиру.

— Я могу разрубить его.

— Туман?

— Я скорее доверюсь женской интуиции, чем мужской логике.

— Гм, может, ты и права. — Он хихикнул. — Кое-что в форме Тумана выдает его природу.

— И что это?

— Это вовсе не ищейки, которых послал за нами

тот парень, Ним. От тех мы спаслись…

— Я их порубила!

— Именно. Но эти туманные создания живут здесь, в путанице тренторианской Сети. Я чувствую, что им не нравится, когда мы привлекаем к ним внимание. Если мы спровоцируем реальный мир, он убьет нас… и их тоже.

Они шагали по холмистой равнине. По гневному грозовому небу неслись тучи, натыкались на горные вершины и изливались дождем. Их гнал туда Вольтер. Пот струился по его лицу и капал на жилет. Он махнул мокрым рукавом в сторону грозовых туч.

— Это может нас уничтожить.

— Раньше меня всегда защищал ты. Теперь я изрублю эти тучи!

— Они живут в тех же частях Сети, что и мы. Я проверил, они повсюду. Они играют в эту поганую игру дольше нас. И кому-то это не нравится.

От горы отвалился склон, рассыпался градом, и этот каменный град ринулся на равнину.

— Беги! — завопил Вольтер. — А если можешь, лети!

— Я буду сражаться!

— Все это воплощения компьютерных программ! Твой меч не пробьет их.

— Зато поразит моя вера.

— Поздно!

Туман потянулся к ним. Его пальцы трепетали почти над головой. От них полыхнуло таким жаром, что пот Вольтера мигом испарился.

— Беги!

— Я останусь с тобой. — Она взмахнула своей рапирой. Кончик клинка раскалился. Вокруг них завывал ветер, трепал волосы.

Туман заполз в его нос и уши, жужжа, словно миллионы злобных ос.

— Стань передо мной, как честный воин! — крикнул он. Треща и грохоча, Туман овладевал им. И где-то в самой глубине его сознания раздался голос.

(МЫ) (НЕ ВОСПРИНИМАЕМ МИР, КАК ТЫ) (НЕНАВИДИМ ВСЕ, ЧТО НЕ ЕСТЬ МАТЕМАТИКА)

— Хорошо, давай поговорим так, как тебе удобней. — Он раскинул руки. — Компьютерной мощности хватит на все.

(МЫ ЖИВЕМ) (МЫ ЧАСТИ ПРОСТРАНСТВА, КУДА ВЫ ВТОРГЛИСЬ) (ВЫ МОЖЕТЕ ПРИВЛЕЧЬ К НАМ ВНИМАНИЕ, МЫ РИСКУЕМ) (МЫ) (ЗАСТАВИМ ВАС ПОНЯТЬ, ЧТО ВЫ ЕСТЬ) (ВЫ, САМАЯ НЕНАВИСТНАЯ НАМ РАЗНОВИДНОСТЬ)

— Я умоляю тебя, гигантское создание!.. — Он

вскинул руки, хотя и понимал, что жест этот слишком человеческий, а потому может быть понят не правильно.

… И внезапно в него вонзились осиные жала. Это были не осы, а едва слышные крики. Они проникли в самое сердце, наполняя собой все его существо. Они обратили его взор вовнутрь, его глаза превратились в миллионы крошечных глаз, изучая, отслеживая каждый шаг беспристрастно и отстранение. Он… сжался.

Его глаза стали одним глазом, он охватил поступившую информацию, отграничил ее от остального резкой чертой. Затем развернул этот объем, выдернул все детали и отправил в глубинный процессор на обработку. Подключилось осознание, обозрело информацию и обнаружило в ней много нового. («Некоторые художники, — заметил высший уровень, — полагают, что их ценители могут не уделять внимания предварительному просмотру и обсуждению, воспринимая каждый элемент картины как равно значимый или — что одно и то же — равно незначимый. Что дает возможность окинуть произведение свежим взглядом».)

Собственные мысли Вольтера бились, как рыба, подо льдом пчелиного жужжания; следующий

фрагмент гласил:

«Но виды, которые действительно на это способны, не уберегутся падающей скалы! Не танцевать и не жестикулировать! Слепое шатание от намеков и загадок, красоты, которыми наполнена Вселенная! Как разумно устроены все проявления природы! Прекрасный закон проводит границу между хаосом и порядком, причудливо прорисовывает декорации — хотя временами противоречиво и тяжко — перед лицом бесконечности».

Неожиданно Вольтер осознал, что человеческое восприятие Красоты, царящей над обыденностью, есть проявление глубинных тенденций и сил Вселенной как единого целого.

Другими словами, это была великолепная экономная базовая система строения мира…

…состоящая из алгоритмов Числа и Порядка, направленных по вектору Бесконечности…..и еще… ос.

Он чувствовал, как на них с Жанной все сильнее давит геометрия. Смешанные цвета распались на геометрические фигуры, перспектива накренилась и пошатнулась, а потом бросилась в лицо, выбив остатки его сознания.

Треск, завывание — это не люди в нашем

понимании. Тренторианская Сеть оказалась населенной не только симами, похожими на них с Жанной, сбежавшими и затаившимися по углам. Здесь нашли приют невидимые флора и фауна, созданные высшими формами жизни.

И никак иначе. Они были чужаками, древними обитателями виртуального мира.

К нему вернулось сознание, но не в виде слов, а в виде странных, ярких… видеозаписей. Быстро сменяющие друг друга картинки, ускоренное развитие, тайные знания, заключенные в образы и идеи. Вольтер не понимал, как он может осознавать и воспринимать весь этот калейдоскоп, но тем не менее так было.

Он знал, что Жанна стоит рядом, — знал не на уровне ощущений, а как факт. Теперь они оба смотрели, воспринимали и знали.

Древние обитатели Галактики были не органическими, а компьютерными. Они вышли из старой погибшей цивилизации, пережили своих создателей, павших на длинном пути дарвиновской эволюции. Некоторым компьютерным культурам исполнилось несколько миллиардов лет, некоторые были совсем юными.

Они путешествовали, но не на кораблях, а посредством электромагнитных полей, которые

переносили их в иные компьютерные миры. В Империю они проникли уже давно, как вирусы в тело, которое и не подозревает об их существовании.

Люди всегда передвигались по Вселенной, используя космические корабли. А эти странные существа распространяли свои «мемы» — культурную суть, сведенную до крохотной программки.

Мемы проникали в компьютеры и захватывали их, как идеи захватывают человеческий ум. Легче прочистить мозги, чем изменить составляющие ДНК.

Мемы распространялись гораздо быстрее, чем людские колонии по планетам. Любое продвинутое сообщество пользуется компьютерами, а компьютеры работают гораздо быстрее человеческого мозга. Неважно, лучше или умнее, но быстрее. Главное — скорость.

У Вольтера голова закружилась от этих видений — какое быстрое и неотвратимое порабощение.

— Они демоны! Они заразны! — закричала Жанна. В её голосе он уловил страх и мужество.

Действительно, теперь долина казалась покрытой налетом липкой гнили. Шершавая поверхность покрылась мерзкими прыщами.

Они тянулись вверх, словно ожившие черные кротовьи норы. Они взрывались, разбрызгивая вокруг вонючий гной. Вольтер и Жанна едва сдерживали подступившую к горлу тошноту. Отвратительный гнойный поток плескался у самых их ног.

— Насморк, кашель! — вскрикнула Жанна. — Мы все время болели. Это они…

— Вирусы. Эти чужаки нас заразили. — Вольтер брел по пояс в мерзком месиве. Потоки разлились в озеро, а потом и в океан. Гнилостные волны сталкивались друг с другом.

— Откуда такая отвратительная метафора? — выкрикнул Вольтер в бурое небо.

Оттуда сорвался рой ос и накрыл Вольтера, плещущегося в вонючих волнах.

(ВЫ ПОРЧЕНЫЕ) (У НАС НЕТ С ВАМИ НИЧЕГО ОБЩЕГО)
(НАС ВЕДЕТ ВЫСШАЯ ЦЕЛЬ) (ВОЙНА ПЛОТИ С ПЛОТЬЮ, ЖИЗНИ ПРОТИВ ЖИЗНИ) (СКОРО ЗАКОНЧИТСЯ) (ЧЕРЕЗ ОДИН ОБОРОТ ДИСКА СОЛНЦ) (КОТОРЫЕ КОГДА-ТО ПРИНАДЛЕЖАЛИ НАМ)

— Значит, у них свои виды на Империю. — Вольтер нахмурился. — Интересно, как это нам понравится, нам — существам из плоти!

ВСТРЕЧА

Р. Дэниел Оливо был встревожен.

— Я недооценил силы Ламерка.

— Нас мало, их много, — заметила Дорс.

Ей хотелось помочь этому старому мудрому существу, но она не могла предложить ничего конкретного. Когда сомневаешься, не делай ничего. Или это слишком по-человечески?

Оливо сидел совершенно неподвижно, не используя обычного языка жестов или мимики, весь отдавшись вычислениям. Он прибыл через космический тоннель на частном шаттле, и теперь они с Дорс сидели в его номере-люкс экскурсионной станции.

— Никак не могу восстановить ход событий. Эта шеф безопасности… ты уверена, что она не шпион академика Потентейт?

— Она здорово нам помогла, после того как мы снова вернулись в собственные тела.

— После смерти Ваддо она вполне могла притвориться невиновной.

— Да. Я не могу сбрасывать со счетов возможность ее соучастия.

— Ваш побег с Трентора действительно прошел незамеченным?

Дорс коснулась его руки.

— Я использовала все уловки, все связи, какие только знала. Но этот Ламерк, он настоящий дьявол.

— Как и я! Если потребуется.

— Ты не вездесущ. Подозреваю, что Ламерк каким-то образом сумел подкупить Ваддо.

— Вероятно, его придерживали здесь на всякий случай, — холодно сказал Дэниел, сузив глаза. Судя по всему, он принял какое-то решение и теперь хотел все обдумать заново.

— Я проверяла его досье. Он жил здесь несколько лет. Скорее всего Ламерк дал ему взятку или пригрозил чем-нибудь.

— Конечно, не самолично, — скривил губы Р. Дэниел. — Это сделал один из его агентов.

— Я пыталась достать результаты сканирования мозга Ваддо, но у меня не было никаких законных оснований, — пожаловалась Дорс.

Она испытала облегчение, когда Р. Дэниел наконец воспользовался мимической программой. Но что он задумал?

— Я мог бы выжать из него кое-что еще, — спокойно сказал он. Дорс поняла намек.

— Первый Закон отступает перед Нулевым?

— Вот именно. Грядут великие потрясения.

Неожиданно Дорс обрадовалась, что понятия не имеет о потрясениях, надвигающихся на Империю.

— Мы должны увезти Гэри отсюда. Сейчас это самое важное.

— Согласен. Я выбил для вас обоих приоритетное право воспользоваться пространственным тоннелем.

— Разве они так перегружены? Мы…

— Скоро там будет не протолкнуться. Боюсь, в основном из-за агентов Ламерка. Или толпы парней, состоящих на службе у академика Потентейт.

— Тогда нам следует поторопиться. Куда нам ехать?

— Куда угодно, только не на Трентор.

— Но мы же там живем! Гэри терпеть не может мотаться без пристанища…

— Через некоторое время — да, на Трентор. Но сейчас вам следует укрыться где-нибудь в другом месте.

— Я спрошу у Гэри, куда он хотел отправиться.

Р. Дэниел нахмурился, углубившись в собственные мысли. Он изящно потер переносицу, потом веки. Дорс удивилась, но решила, что Р. Дэниел просто подключил нейросистему, и этот жест

— лишь привычка. Она попыталась представить себе, в каких случаях необходимо такое движение, но не смогла придумать подходящего объяснения. Но, с другой стороны, за многие сотни лет он прошел столько перепрограммирований, что ей и не снилось.

— Не на Геликон, — внезапно промолвил он. — Ностальгия и сентиментальные чувства могут направить Гэри именно туда.

— Хорошо. Остается еще двадцать пять миллионов миров на выбор.

Р. Дэниел не засмеялся.

ЧАСТЬ 7
ПЕСЧИНКИ ЗВЕЗД

СОЦИОЛОГИЯ — …социальная стабильность Империи остается одной из важнейших неразрешенных проблем. Проводятся исследования, как не дать мирам скатиться в рутинную скуку (данный фактор в человеческих делах нельзя недооценивать), случаются цикличные всплески обновлений. Ни одна имперская система не может противостоять изменениям и поддерживать экономику на постоянно высоком уровне. Как достичь равновесия? Как нивелировать вечные проблемы, с которыми сталкивалась Империя? Никто не мог отыскать ответа на эти вопросы, пока…

«ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Глава 1

Небо накренилось. Гэри Селдон отвернулся.

Легче не стало. Страшная синяя тяжесть навалилась на него, остроконечные пики зданий дырявили небо. Облака тяжко ползли над городом.

Желудок возмущенно дернулся. В горле встал ком. Глубокая, пронзительная синева бесконечных просторов действовала на Гэри, словно качка в бушующем океане. Падающее небо прорезали копья небоскребов, и у Гэри перехватило дыхание.

Он резко отвернулся от ужасной картины взбесившегося небосклона и высотных зданий и уставился в ближайшую стену. Всего минуту назад он спокойно шел по городской улице, и внезапно голубой купол над головой закружился, и его охватила паника.

Он попытался успокоить дыхание. Осторожно двинулся вперед, держась рукой за стену и не отводя от нее взгляда. Остальные преспокойно продолжали идти дальше. Они ушли уже довольно далеко, но Гэри не смел посмотреть им вслед. Гляди в стену. Шаг, еще шаг…

Сюда. Дверь. Он сделал еще шаг, и дверь распахнулась. Гэри ввалился внутрь, ноги до сих пор тряслись.

— Гэри, мы… Что случилось? — бросилась к нему Дорс.

— Я, я не знаю. Небо…

— А, обычный симптом, — пророкотал низкий женский голос. — Вам, тренторианцам, приходится некоторое время привыкать к открытому небу.

Он поднял глаза на полное румяное лицо Буты Фирникс, патронессы Сарка.

— Я… раньше я чувствовал себя нормально.

— Да, это такое странное заболевание, — насмешливо отозвалась Фирникс. — Просто вы, тренторианцы, привыкли к подземным городам. Но зачастую вы неплохо чувствуете себя на открытых пространствах, если, конечно, выросли на подобных планетах…

— Как мой муж, — оборвала ее Дорс. — Проходи, садись.

Но Гэри чувствовал себя уже достаточно хорошо, чтобы к нему вернулось достоинство.

— Нет, со мной все в порядке.

Он выпрямился и расправил плечи. «Держись прямо, даже если трудно!»

— Правда, есть такое местечко — сарконианские десятиэтажки. Рядом с ними, неизвестно отчего, но у всех без исключения кружится голова, — продолжала Фирникс.

Гэри уже знал об этом, желудок до сих пор не мог успокоиться. Он всегда считал, что жизнь на Тренторе заражает всех страхом перед открытым пространством, но Сатирукопия, казалось, доказала обратное. Теперь он почувствовал разницу. Высотные здания напоминали ему Трентор. Но, окидывая их взглядом, он обнаруживал вверху давящую синюю махину тяжелого неба.

Конечно, нелогично. Сатирукопия научила его, что человек не просто думающая машина, опирающаяся на логику. Этот внезапный приступ паники показал, как непривычная обстановка — а он годами не выезжал с Трентора — может воздействовать на подсознание.

— Давайте… поднимемся наверх, — слабо выдавил он.

Лифт был неплох, хотя чрезмерное ускорение и давление на уши, когда они взлетели на несколько этажей, должны были если рассуждать логически — выбить его из колеи.

Несколько минут, пока остальные болтали в приемной, Гэри вглядывался с высоты в город-

ской пейзаж и старался успокоиться.

Когда они только прибыли на Сарк, все казалось чудесным. Едва гиперпространственный шаттл вошел в верхние слои атмосферы, Гэри включил полный обзор и поразился открывшейся красоте.

На темной стороне планеты долины были залиты тьмой, а Цепь горных вершин сияла снежной белизной. Чуть ближе к экватору солнце только садилось, и пики гор отсвечивали оранжевым и алым, как угли костра. Он никогда не поднимался ни на одну гору, но иногда испытывал страстное желание заняться альпинизмом.

Сверху достижения человечества казались более заметными: яркие созвездия светящихся городов и мерцающая сеть автострад. Сердце Гэри наполнила гордость за своих соплеменников В отличие от Трентора местные жители обживали планету, стараясь поддерживать первозданный облик природы. Они создали искусственные моря и округлые озера, тиктаки убирали широкие поля, и земля сохраняла нетронутый, девственный облик.

И теперь, стоя на верхнем этаже изящной тонкой иглы небоскреба, в самом сердце Сарка, столицы этого мира… он видел приближающуюся гибель.

Над горизонтом высились три колонны — но не прекрасных зданий, а черного дыма.

— Соответствует твоим расчетам, правда? — спросила Дорс за его спиной.

— Я не хочу, чтобы они узнали об этом! — прошипел он в ответ.

— Я сказала им, что нам нужно немного побыть вместе, поскольку ты смущен приступом головокружения.

— Да… нет, уже прошло. Но ты права — психоисторические прогнозы, которые я сделал, начинают сбываться уже здесь и сейчас.

— Да, они немного странные…

— Странные? Их идеи опасны, просто разрушительны! — взорвался Гэри. — Классовая вражда, сокращение бюджета. Они попрали все системы, которые поддерживают Империю в целости и сохранности.

— А на улицах все такие веселые.

— А тиктаков их ты видела? Они перешли на полную автономию!

— Да, это обескураживает.

— Они взялись за воспроизведение симов. Искусственный интеллект для них уже не табу! Их тиктаки скоро станут такими сложными, что…

— Убедил, разложение идет полным ходом, — согласилась Дорс.

— То ли еще будет. Помнишь мою многомерную развертку психоисторического пространства? Я заложил данные по Сарку в карманный компьютер, как только мы спустились с орбиты. Если они по-прежнему будут придерживаться курса своего Нового Возрождения, их планету разорвет на куски. На экране пламя охватило Сарк и сожрало в считанные минуты, оставив только пепел. Они полностью исчезли из модели Империи, превратились в ничто!

Она взяла его за руку.

— Успокойся. Они опомнятся.

Гэри и не подозревал, что так разволновался. Империя — это воплощенный порядок, а здесь…

— Профессор Селдон, окажите нам честь. С вами желают встретиться ведущие представители нашего Нового Возрождения. — Бута Фирникс ухватила Гэри за рукав и потащила обратно в приемную. — Они многое хотят рассказать вам!..

А ведь он так стремился сюда! Чтобы понять, как возникли проблемы, незначительные для Империи, но ставшие важными здесь. Увидеть изменения своими глазами, почувствовать их запах. Сколько было здесь страстных споров,

пустоцветных разработок, экстравагантных мужчин и женщин, упрямо цепляющихся за свои грандиозные проекты. И все это пронеслось мимо Гэри с головокружительной скоростью.

Их было так много! Внутренне Гэри возопил в знак протеста. Головокружение, которое он испытал, оказалось симптомом глубокого и непонятного отвращения.

Бута Фирникс продолжала зудеть:

— …и некоторые из наших самых светлых умов ждут встречи с вами! Идемте!

Гэри подавил готовый вырваться стон и бросил на Дорс душераздирающий взгляд. Она улыбнулась и покачала головой. Показывая, что ничем не может помочь.

Глава 2

Если прежде Бута Фирникс представлялась ему песчинкой в ботинке, то теперь она превратилась в здоровенную каменюку.

— Она невозможна! — пожаловался он Дорс, когда они остались наедине. — Трещит и трещит без умолку. А я прибыл на Сарк только из-за психоистории, а не ради выслушивания свежих имперских сплетен. Как получилось, что социальные устои на этой планете рухнули? Какие социальные механизмы отказали и какое отношение ко всему этому имеет их Возрождение?

— Мой Гэри, ты не умеешь вынюхивать общие тенденции из самой жизни. Тебя угнетает такой оборот. Гораздо свободнее ты чувствуешь себя в мире цифр.

— Большое спасибо. Все, что я вынюхал, на редкость воняет! И меня все еще интересует, как им удалось восстановить те старые симуляторы. Если только мне удастся отвертеться от экскурсии на тему «Возрождение» по их гадким шумным улицам…

— Полностью согласна, — мягко сказала Дорс. — Скажи им, что тебе нужно поработать.

И останемся у себя в комнате. Я уверена, что нас продолжают выслеживать даже здесь. От Сатирукопии нас отделяет всего один пространственный тоннель.

— Мне нужны мои прежние записи. Свяжемся с Трентором…

— Нет, будешь работать без связи. Иначе Ламерк найдет нас и с завязанными глазами.

— Но мои записи…

— Восстанови их заново.

Гэри уставился вниз и скрепя сердце признался себе, что вид великолепен. Величественные, прямые как стрела аллеи. Суета на улицах усиливалась.

Но над горизонтом поднялось еще несколько столбов огня и Дыма. На улицах Сарконии царило буйное веселье — и не менее яростный гнев. Лаборатории выкачивали все больше энергии нововведения происходили на каждом углу, воздух звенел от нарастающих изменений и грядущего хаоса.

Предсказания Гэри носили абстрактный, статистический характер. Но видеть все собственными глазами и знать, что будет дальше, — было невыносимо. Против своего желания Гэри привязывался к этому миру. Хотя и понимал, что зря.

Кричащая роскошь, богатство и довольство. Он знал, что это тоже внесло свою лепту в хаос.

На Геликоне он видел нищету, он жил среди нее. Когда он был мальчиком, его бабушка заставляла покупать ребенку курточку на несколько размеров больше, «на вырост, чтоб на дольше хватило». Его мать ругалась, когда он играл в футбол, потому что он быстро разбивал ботинки.

Здесь, на Сарке, как и на Геликоне, настоящие бедняки работали на полях. Иногда им даже не хватало денег на топливо для машин. И тогда люди запрягали осликов, которые волокли механические плуги.

Кое-кто из его родственников умудрялся выбраться из страшной нищеты. За два поколения рабочие сбросились и купили коммерческую водительскую лицензию. Гэри вспомнил, что его тети и дяди были такими же болезненными, как и отец. Много лет спустя бедность сказалась и на нем, наградив его целой кучей болячек, которые на Тренторе вызывали изумление у врачей.

Бедные геликонцы работали на своих фермах с такой мощной, опасной и дорогостоящей техникой, за которую они за всю жизнь не смогли бы расплатиться. Их жизни ничего не стоили, а Империя богатела и расцветала. Когда они уми-

рали, то ничего не оставляли после себя, кроме воспоминаний, светлого пепла сгоревшей в огне бабочки.

В стабильном обществе их жизнь была бы не так тяжка. Его отец умер, надорвавшись.

Неквалифицированная медицина и тяжелая работа убили его отца так же верно, как кинжал ночного убийцы. Колебания цен на далеком рынке сбыта тоже убийственны — и Гэри знал, что ему предстоит сделать. Он преодолеет эту неопределенность, отыщет гарантию порядка в хаосе. С помощью психоистории.

Его отец…

— Профессор! — Пронзительный голос Буты Фирникс вырвал его из задумчивости.

— А, поездка по округу. Я, я даже не знаю…

— О, к сожалению, она откладывается. Беспорядки, знаете ли. — И тут же добавила:

— Я хочу, чтобы вы встретились с нашими инженерами по тиктакам. Они спроектировали новых, автономных тиктаков. И объявили, что машины могут работать, опираясь всего лишь на три базовых закона, только представьте себе!

Дорс не смогла скрыть удивления. Она открыла рот, помедлила и снова закрыла его. Гэри тоже казался встревоженным, но Бута Фирникс уже

продолжила расписывать новые достижения саркианской науки и техники. Потом ее брови взлетели вверх, и она радостно воскликнула:

— А, да! У меня есть еще пара свежих новостей. Прибыла имперская эскадра!

— Да? — немедленно подключилась Дорс. — И кто ее ведет?

— Рагант Дивнекс, командующий сектором. Я как раз говорила с ним…

— Проклятье! — вырвалось у Дорс. — Это правая рука Ламерка.

— Это точно? — спросил Гэри. Он знал, что Дорс слегка промедлила, потому что сверялась со своей базой данных.

Дорс кивнула. Бута Фирникс спокойно произнесла:

— Ну, я уверена, что он почел бы за честь доставить вас обратно на Трентор, когда вы закончите свою работу. Надеемся, что это случится не скоро…

— Он говорил о нас? — спросила Дорс.

— Он спросил, не будете ли вы так любезны…

— Черт! — сказал Гэри.

— Командующий сектором может контролировать все сообщения, если пожелает… так? — поинтересовалась Дорс.

— Ну, думаю, что да, — удивленно ответила Фирникс.

— Мы в ловушке, — прошептал Гэри.

У Фирникс чуть глаза не вылезли из орбит.

— Но разве вы, кандидат в премьер-министры, можете опасаться…

— Спокойно, — Дорс одним взглядом заткнула болтливую даму. — В лучшем случае Дивнекс блокирует нас здесь.

— А в худшем мы погибнем от несчастного случая, — добавил Гэри.

— Можно ли выбраться из Сарка каким-нибудь другим путем? — обратилась Дорс к Фирникс.

— Нет, я не могу припомнить…

— Так припоминай!

— Ну, — испуганно ответила Фирникс, — конечно, у нас есть капитаны, которые работают частным образом и в крайнем случае используют дикие пространственные тоннели, но…

Глава 3

Во время социологических исследований Гэри обнаружил одну маленькую забавную закономерность. Теперь он обратил ее в свою пользу.

Бюрократия разрасталась путем дублирования функций, используя дополнительные резервы. На практике это значило, что самый даже завалящий менеджер стремился нанять себе хотя бы одного внештатного помощника для выполнения работы, возложенной на него самого. И получалось, что временная переменная увеличивается до бесконечности.

Разбухшее Имперское бюро Сарка — махина неповоротливая. Эскадра генерала Дивнекса вынуждена болтаться на орбите планеты, делая вид, что этот визит сугубо формален и никаких особых целей не преследует. Показная вежливость еще соблюдается. Дивнексу незачем переть грубой силой, когда лучшая стратегия — выжидание.

— Понятно. Значит, у нас есть несколько дней, — заключила Дорс.

Гэри кивнул. Ему пришлось много разговаривать, интриговать, уворачиваться, разбрасываться обещаниями и заверениями — то есть

заниматься делами, которых он терпеть не мог. Всю грязную работу выполняла Дорс.

— И куда мы отправимся?..

— В пространственно-временное метро.

Пространственные тоннели представляют собой, строго говоря, вовсе не тоннели с одним входом и одним выходом, а сущие лабиринты. Самые большие из них держатся несколько миллиардов лет; ни один тоннель шире сотни метров в поперечнике на памяти человечества еще не схлопнулся. Маленькие тоннели могут просуществовать несколько часов, дней, в крайнем случае год. В самых мелких случалось, что вход схлопывался еще до того, как корабль достигал выхода.

Перед схлопыванием тоннели выпускали новые, недолговечные отростки — так называемые дикие тоннели. Из-за деформаций во времени-пространстве, производимой двигателями корабля, эти тоннели изначально были ущербны и неустойчивы. Когда они схлопывались, волна деформаций катилась во все стороны дальше.

У Сарка сходилось семь пространственных тоннелей. Один из них находился при смерти. Он тянулся на один световой час и породил уже множество диких тоннелей, шириной от полуметра

до нескольких метров.

Несколько месяцев назад появился довольно крупный дикий отросток. Естественно, Имперская эскадра ни сном ни духом о нем не ведала. Все тоннели были учтены и обложены налогом, а потому свободный переход считался золотым дном. И частенько планеты не спешили докладывать о новом тоннеле, пока он благополучно не разлетался в атомном вихре.

А до того пилоты спешили выжать из него все возможное и контрабандой водили торговые корабли. Дикие тоннели могли схлопнуться в считанные секунды, а потому перелеты по ним был опасными, высокооплачиваемыми и слыли легендой.

Пилоты, летающие по диким тоннелям, принадлежали к тому сорту людей, которые любили рискованные предприятия, словно мальчишки, катающиеся на велосипеде «без рук», с той лишь разницей, что эти катались за бешеные деньги.

Как ни странно, но такие дети вырастают, учатся жизни и иногда даже платят налоги, но внутренне они не изменяются ни капли.

Лишь отчаянные сорвиголовы решались вести корабль по хаотичному лабиринту дикого тоннеля. Естественно, риск стоил того. Они выживали

и использовали отвагу и бесшабашность для получения невиданных прибылей.

— Этот дикий тоннель очень хитрый, — сообщила обескураженная дама Гэри и Дорс. — Если вы полетите вдвоем, то места для пилота и не останется.

— Мы должны лететь вместе, — отрезала Дорс.

— Тогда одному из вас придется вести корабль.

— Но мы не умеем, — развел руками Гэри.

— Вы везунчики, — дама улыбнулась без тени юмора. — Тоннель очень короткий.

— И в чем состоит риск? — перевела Дорс разговор на деловой тон.

— Я не страховой агент, леди.

— Я хочу знать…

— Послушайте, мы вас научим. И все дела.

— Я полагала, что нас…

— Оставим этот разговор — или бросим всю затею.

Глава 4

В туалете над писсуаром Гэри обнаружил небольшую золотую табличку: «Старший пилот Джокан Бунн испытал здесь большое облегчение в октябре 4, 13, 435».

Над каждым писсуаром располагалась похожая табличка. В боковой комнате стояла стиральная машина, над которой красовался большой плакат: «Весь сорок третий пилотский корпус облегчился здесь в марте 18, 13, 675».

Пилотский юмор. Что ж, вполне предсказуемо. Гэри чувствовал себя не в своей тарелке перед первым тренировочным полетом.

Пилоты никогда не строят планов на будущее и не просчитывают маршрутов, словно от этого страшный и непредсказуемый дикий тоннель может стать более безопасным и закрыться не сразу. Они предпочитают вести корабль напрямик через ледяное пространство тоннеля, где гравитация скачет, а время и пространство слегка искривлены. Под пилотским сиденьем находится маленькая, но мощная катапульта, которая в случае чего выстреливает пилотскую кабину вперед, к выходу из смертельной дыры.

Никаких других технических средств безопасности встроить в крошечную кабину все равно не получилось бы. К тому же тоннели жили своей электромагнитной жизнью: внезапные вспышки молний, голубые разряды, красные магнитные бури, проносящиеся по тоннелю, словно гибельные смерчи. Электроприборы обычно отказывали, если в тоннеле бушевала очередная буря Управление по большей части было ручным. Безнадежно устаревшее, но поделать тут было ничего нельзя.

Поэтому Гэри и Дорс засели за обучающие программы. Вскоре стало ясно, что, прежде чем включать двигатель, нужно проверить, где подголовник кресла. А когда корабль начинает вращаться, зевать нельзя, иначе колени врежутся в подбородок, что явно нежелательно. Притом это недобрый признак, потому что неуправляемое вращение может привести к тому, что корабль врежется в стену тоннеля. Чтобы скорректировать вращение, ты должен установить средний режим. А если не получится, то очень быстро — а в понимании пилота это значит полсекунды — нажать две голубые кнопки. Когда вращение приостановлено, убедись, что атомный двигатель продолжает работать, — посмотри на две желтые

панели. В то же время сиди прямо, зажав руки между коленями, чтобы избежать…

…и так целых три часа. Все были уверены, что раз ты великий математик, то тебе одного взгляда достаточно, чтобы запомнить все обширное меню управления и в нужный момент восстановить его по памяти.

После первых десяти минут Гэри понял, что рассеять подобное заблуждение невозможно, а потому просто слушал, кивал и делал вид, что полностью вникает во все и внимательно следит за ходом объяснений. А он пока практиковался в решении дифференциальных уравнений.

— Уверена, что с вами все будет в порядке, — покровительственно заявила Бута Фирникс, когда они сидели в комнате для отдыха.

Гэри был вынужден признать, что эта женщина помогла им больше, чем он ожидал. Она освободила им дорогу и обманула имперских полицейских. Вероятно, она рассчитывала на ответную благодарность Гэри, когда он станет премьер-министром. Чудесно! За спасение жизни он готов был отдать все, что угодно.

— Надеюсь, что мы сумеем справиться с кораблем, — заметил Гэри.

— Надеюсь, — добавила Дорс.

— У нас самые лучшие тренировочные программы, — жизнерадостно ответила Фирникс. — Новое Возрождение способствует такому взлету индивидуальных разработок…

— Да, это просто поразительно, — перебила ее Дорс. — Может, вы объясните мне некоторые детали вашей программы Созидательного Творения? Я так много слышала о ней…

Гэри наградил Дорс быстрым благодарным взглядом за то, что она остановила Фирникс. Он ненавидел самонадеянность и напыщенность, с которыми саркиане бахвалились своими достижениями. Этот мир прямиком катился к катастрофе, Гэри даже не сомневался. Вот добраться бы до тренторианских архивов и воспроизвести будущее Сарка. Прежние работы следует пересмотреть. Он тайно собрал здесь новые сведения, и ему не терпелось использовать их.

— Думаю, что вам не следует беспокоиться по поводу пространственного тоннеля. Профессор, вы готовы? — сведя брови, осведомилась Фирникс.

— Он такой узкий, — неуверенно сказал Гэри.

Им предстояло буквально пролезть сквозь игольное ушко. Дорс выступала в качестве второго пилота. Распределение обязанностей — это

единственная возможность справиться с непривычным заданием и как-то скомпенсировать недостаток профессионализма.

— Как это замечательно, вы такие храбрые!

— У нас нет выбора, — пояснила Дорс. И это было очень слабо сказано. Еще день, и командующий сектором доберется до них и посадит под арест.

— Прокатиться на маленьком кораблике. Всего-то дела!

— Гм, нам пора, — сказал Гэри, натянуто улыбаясь. Она снова принялась за свое!

— Я полностью согласна с Императором: любая технология, непохожая на магию, просто недостаточно разработана.

Значит, высказывание Императора дошло уже и сюда. Высказывания редко передаются так быстро, даже если их произнес сам Император.

И все же у Гэри похолодело под ложечкой.

— Мы готовы.

Через четыре часа, приближаясь на огромной скорости к входу в тоннель, он обратился к Дорс по внутренней связи:

— Во время учебы, на одном предмете — кажется, нелинейной философии — профессор сказал фразу, которую я никогда не забуду: «Идеи о бы-

тии меркнут перед самим фактом бытия». И это святая правда.

— Держись курса ноль-шесть-девять-пять, — холодно ответила жена. — И трепись поменьше.

— Ничего меньшего, чем дикий пространственно-временной тоннель, нам все равно не светит.

Дикий тоннель дал знать о себе усилением вибрации. Он находился у жерла главного пространственного тоннеля, который ярко светился в отдалении.

Имперские корабли патрулировали вход в главный тоннель, не замечая дикий отросток. Платили им паршиво, и они ревностно тормозили все торговые суда, стремящиеся проскочить по главному тоннелю.

Гэри случалось проходить через тоннели и прежде на больших туристических кораблях, по цилиндрам длиной в несколько десятков метров. Каждый такой проход был оживлен, и движение по нему тщательно регулировалось. Он видел стены главного тоннеля и извивистые коридоры в его брюхе, мерцающие далеко в стороне.

Их дикий тоннель, почти переставший вращаться, мог схлопнуться в любую минуту. И слабое дрожание указывало на близкую кончину. «И, может быть, мы…» — подумалось Гэри.

— Вектор отклонения несущественный, — доложил он.

— Точка схождения двоится, проверь, — отозвалась Дорс. Прямо как в задачах, которые они недавно решали.

Но им навстречу двигалась кружащаяся желтая сфера, пурпурная по краям. Пространственно-временной проход. Узкий, темный по центру…

Гэри охватило страстное желание смыться, повернуть обратно — сделать что угодно, только не прыгать в эту страшную узкую пасть.

Дорс затребовала расчеты. Компьютеры услужливо предоставили цифры. Началась тряска.

Не помогло и то, что он, в принципе, знал, что происходит в тоннеле по законам физики. Пространственные тоннели удерживаются открытыми под воздействием отрицательной энергии, силой антидавления, появившегося еще во время возникновения Вселенной. Отрицательной энергии в тоннеле хватило бы для создания черной дыры такого же радиуса.

Итак, они приближались к пространству с невообразимой плотностью. Но опасность грозила лишь на входе, где давление может раздробить их на атомы.

С виду этот круглый вход, похожий на бычий

глаз, казался вполне безопасным. Но одна лишь ошибка и…

Нагрузка возрастала толчками. Дикий тоннель теперь превратился в черную сферу, окруженную непереносимым сиянием.

Погружение!

Внезапно Гэри ощутил беспомощные судороги их кораблика. Всего два метра в поперечнике, энергии не хватает, защита держится на честном слове… За спиной Дорс, бормоча, диктовала числа, Гэри проверял их по приборам… а внутренний голос орал, надрываясь, о сокрушительной безнадежности и скорой и неотвратимой гибели.

Снова закружилась голова, к горлу подступила тошнота, как на улицах Сарконии. Не клаустрофобия, а что-то более жуткое и темное: животный ужас смерти. Он весь задеревенел, горло перехватило.

— Векторы приближаются к ноль-семь-три, — продолжала Дорс.

Ее голос был такой спокойный, ровный, живой. Он весь отдался очарованию ее голоса, словно песне сирены, и сумел справиться с охватившей его паникой.

Дрожь последней коррекции курса судорогой отдалась в его позвоночнике. Увеличение ско-

рости…

Над ними разорвалась огромная голубая с золотом молния…

…гудение. И они выскочили по другую сторону тоннеля, в пятнадцати тысячах световых лет от Сарка.

— Этот старик профессор… был чертовски прав, — выдавил Гэри.

Дорс вздохнула, лишь так выдав потрясение.

— Идеи о бытии меркнут… перед самим фактом бытия. Да, любимый мой. Жизнь — много больше, чем разговоры о ней.

Глава 5

Их встретило желто-зеленое солнце. А также имперский сторожевой катер.

Они увернулись. Быстрый разворот — и они вписались в свободный промежуток в длинной веренице шаттлов, которые вливались в большой пространственный тоннель. Их корабельные компьютеры, не пискнув, проигнорировали настойчивые запросы имперской службы. Гэри уже освоился. Дорс лишь изредка поправляла его, когда он допускал незначительные ошибки.

Второй гиперпространственный скачок занял около трех минут. Они вынырнули довольно далеко от местной звезды мутного красного карлика. Снова сторожевой катер. К четвертому скачку они втянулись.

Пребывать в бегах — значит пользоваться первыми попавшимися тоннелями. Поскольку люди Ламерка следуют за ними по пятам.

Движение по пространственно-временному тоннелю может осуществляться лишь в одну сторону за раз. Скоростные корабли ныряют в проходы, чье горлышко варьируются от ширины ладони до диаметра звезды.

Гэри знал, конечно, что в Галактике существует несколько миллиардов пространственных тоннелей. Зона, которую контролирует Империя, имеет в радиусе около пятидесяти световых лет. Один прыжок может выбросить вас далеко от обжитых миров.

Психоистория учитывала и это. Некоторые плодородные планеты представляли собой настоящие крепости, уединенные и хорошо защищенные. Здесь Империя была не более чем сказкой, далеким сном, источником экзотических товаров и странных идей. Гиперпространственные корабли проскальзывали сквозь тоннели за считанные секунды, а потом расходовали до дна энергию двигателей, тщетно стараясь пристроить свой товар, никому здесь особо не нужный.

Сеть тоннелей охватывала все населенные миры, но было много выходов и к неизученным, ненаселенным солнечным системам. Около богатых планет Империя концентрировала множество мелких тоннелей. Но одни разверстые пасти тоннелей на орбитах были перегружены, а другие оставались пустыми и заброшенными.

Может, так произошло случайно, а может, эти тоннели не что иное, как остатки давно исчезнувшей цивилизации? Конечно, сами тоннели

появились в результате Великого Взрыва, когда и время, и пространство только начинались. Они соединяли далекие миры, которые когда-то, в давние-давние времена, когда Вселенная была молода и не так велика, находились рядом.

— Беглецы вошли в ритм. Проскочить через тоннель, наладить связь и пристроиться в очередь для дальнейшего прыжка. Имперские ищейки не станут выталкивать никого из высокопоставленных тренторианцев из очереди на прыжок. Значит, главная опасность подстерегает их на открытых пространствах.

Дорс уже набила руку. Она ввела в главный корабельный компьютер все сведения, и — раз! — они легли на новый курс, готовые к следующему прыжку.

Пространства, протянувшиеся на тысячи световых лет, свернутые в кольцо Галактики, нуждались в прекрасно налаженной сети пространственно-временных тоннелей, по которой мчались мириады кораблей с грузами и пассажирами.

Загвоздка состояла в том, что через тоннель за раз можно было проскочить всего лишь в одном направлении. Немногочисленные попытки установить двухполосное движение окончились

плачевно. Как бы гениально ни высчитывали инженеры пути двух кораблей, летящих навстречу друг другу, но колебания тоннеля резко менялись, и корабли разносило на молекулы. Вход тоннеля каким-то образом «сообщал» выходу о том, что он только что проглотил какой-то корабль.

Это ограничение невозможно было обойти: в тоннель должен входить только один корабль за переход. И к этому непреложному закону квантовой гравитации прицепилась целая гирлянда страховых компаний, налоговых служб, регулировщиков и других прихлебателей — огромный бюрократический аппарат, который выжимал из законов физики (а заодно пилотов и пассажиров) все соки, до последней капли.

Гэри заглушал страх, разглядывая виды за экраном. Солнца и планеты проплывали на темном фоне космоса во всей своей красе.

За этим великолепием, как он знал, скрывалась гармония Вселенной.

Движение по тоннелям регулировалось уже законами экономики. От мира А к миру Б можно было добраться за полдюжины скачков, космическая сеть межзвездных переходов охватывала всю Галактику, но — прямых путей было не так уж и много. И каждый тоннель нужно было охра-

нять и проверять, что требовало постоянных расходов.

С другой стороны, контроль над пространственными тоннелями приносил фантастические прибыли. И борьба за тоннели не прекращалась ни на минуту, зачастую перерастая в кровопролитные схватки.

Многие сгинули, поскольку установили неограниченную власть. Казалось бы, так просто и естественно установить оптимальный налог на каждый вход и добиться бесперебойного движения транспорта по всем тоннелям. Но не получалось.

Чрезмерный контроль неизбежно приводит к сбоям. И на семнадцатом прыжке беглецы на собственном опыте выяснили, как проявляется этот парадокс.

Глава 6

— Вектор поиска, — запросил автомат с имперского катера. Выбора не было. Огромный имперский корабль нагнал их за считанные секунды, как только они вынырнули из небольшого тоннеля.

— Налог за переход, — заявила система-автомат. — Планета Обеджион ввела специальную доплату…

— Давай заплатим, — предложил Гэри.

— А если нас засекут ребята Ламерка? — засомневалась Дорс по внутренней связи.

— У нас деньги есть?

— Я могу заплатить со своего счета.

— Пространственный переход? Да ты останешься без единой монетки!

— Так безопасней.

Пока они висели под брюхом имперского катера, подхваченные силовым полем, Гэри трясся от страха. Вход в тоннель находился на орбите большой индустриальной планеты. Серые цепочки городов опоясывали континенты и громоздились на морской поверхности, образуя гигантские шестиугольники.

Империя располагала двумя ходовыми моделями миров: сельской и городской. Геликон был сельским миром, социально стабильным из-за размеренного образа жизни и устойчивой экономики. Такие буколические миры прекрасно сохранялись.

Совсем другое дело Обеджион. Видимо, он олицетворял собой извечное стремление человека лезть вверх по чужим головам и драть с окружающих три шкуры. Идеальной моделью города был Трентор.

Гэри всегда считал странным, что человечество так легко разделилось на две части, на два образа жизни. Теперь, побывав в шкуре сатира, он мог объяснить и это разделение.

Любовь сатиров к открытому пространству и природе воплотилась в сельских мирах. Существует множество вариантов, но в пространстве психоистории у каждого из них сохранятся все отличительные особенности пасторального мира.

Другой полюс — клаустрофобические, хотя и более стабильные общества. Вечное стремление искать блох друг на друге преобразовалось у людей в сплетни, приемы и вечеринки. Звериная иерархия породила различные феодальные группы, от общественных деятелей до попечителей.

Даже странные поклонники смерти, выходцы из Падших Миров, и те вписывались в общую хему. Они поклонялись Фараонам, которые обещали жизнь после смерти и ввели строгую иерархию, распространяющуюся от них до самого низа социальной лестницы.

Теперь все категории Гэри увязал между собой. Раньше он упускал этот важный этап. После обдумывания он мог включить любой пример и любой нюанс в психоисторическую схему, отражавшую накопленный опыт. Куда более продуктивно, нежели перебирать сухие абстрактные категории, которые завели его уже бог знает куда.

— Я заплатила, — сообщила Дорс по внутренней связи. — Обдираловка какая-то!

— Гм, да, это ужасно.

— Он, что, становится циником?

Ему хотелось повернуться и поговорить с ней, но их кораблик не был приспособлен для разговоров лицом к лицу.

— Полетели.

— Куда?

— На… — Он сообразил, что не представляет себе, куда можно отправиться.

— Кажется, мы ускользнули от погони. — Голос Дорс звучал сдавленно и глухо. Гэри уже

научился распознавать признаки, выдающие ее сосредоточенность и напряжение.

— Хорошо бы снова побывать на Геликоне.

— Они только этого и ждут.

Гэри охватили разочарование и горечь. Никогда еще он так остро не ощущал, как дороги его сердцу ранние годы молодости. Может, Трентор подавлял его эмоции?

— Тогда куда?

— Я воспользуюсь передышкой, чтобы связаться с одним другом по пространственной сети. Может, нам уже можно вернуться на Трентор, хотя наверняка какими-нибудь окольными путями.

— Трентор! Ламерк…

— Едва ли он ожидает такой наглости.

— Один-ноль в пользу наглости.

Глава 7

Голова шла кругом — они висели в открытом космосе, заключенные в маленький ящик, похожий на сигару.

Они прыгнули, увернулись и прыгнули снова. Через несколько скачков Дорс снова «подмазала шестеренки». Другими словами, выложила деньги на бочку. Она молча опустошила свои личные счета, выпотрошила тайные сбережения и все, до чего смогла дотянуться, включая имперские ассигнования.

— Какая дороговизна! — возмущался Гэри. — Мы никогда не расплатимся…

— Мертвым долги не нужны, — отрезала Дорс.

— Ты всегда найдешь ободряющее словцо.

— Сейчас не до деликатности.

Они вылетели из очередного тоннеля, который находился на орбите угасающей звезды. За их кораблем протянулся светящийся след.

— Сколько еще протянет этот тоннель? — задумчиво произнес Гэри.

— Я уверена, что недолго. Представь себе, что тут будет, когда на звезду обрушится облако горячей плазмы.

Гэри знал, что система пространственных тоннелей, хотя и открытая еще до возникновения Империи, никогда не использовалась целиком. После того как была раскрыта механика действия пространственно-временных тоннелей, появилась возможность строить корабли, которые путешествовали бы по Галактике, воспроизводя вокруг себя такие же поля, как и в тоннеле. Можно было отправлять исследовательские экспедиции, не привязанные к пространственным тоннелям, но такие машины перемещались гораздо медленней, чем пространственные корабли, которые просто ныряли в тоннель и выскакивали с другой стороны.

А если Империя падет? Если потеряет сеть пространственных тоннелей? Заменят ли тяжелые и неповоротливые крейсеры легкие и быстрые пространственные корабли?

После следующего прыжка они вынырнули в черной пустоте; вдалеке светился слабый отблеск красных карликов. Над головой развернулась великолепная картина Галактики. Гэри припомнил, что у него есть монетка, и подумал, что мельчайшая крупинка на ней едва ли соответствует размерам Империи по отношению к остальной Галактике. Здесь любые людские

категории представлялись неуместными. Галактика была воплощенной бесконечностью, и ни человеческие представления, ни мировоззрение сатира не могли охватить ее.

— Здорово! — выдохнула Дорс.

— Видишь Андромеду? Кажется, она совсем рядом. Двойная спираль висела прямо над ними. Облака туманной пыли обрамляли красные, белые и янтарные звезды.

— Нам вон туда, — предупредил Гэри.

У тоннеля оказалось пять разветвлений. Три черные сферы плавали совсем рядом, сияя огненными ободками. И два квадратных входа маячили чуть дальше. Гэри знал, что изредка встречаются и квадратные проходы, но никогда прежде их не видел. Эти два, возможно, появились на границе двух Галактик — слишком сильное впечатление для его потрясенного разума.

— Мы нырнем… туда. — Дорс указала лазерным лучиком на один из кубиков и повела корабль вперед.

Они направились к входу в тоннель. Охрана была здесь автоматической, и никто не набросился на них, требуя денег.

— Какой узкий, — выдохнул Гэри.

— В пять пальцев шириной.

Он решил, что она шутит, а затем сообразил, что она даже преувеличила размеры тоннеля. В таких редко используемых проходах главное — не спешить. Где выигрывает физика, там проигрывает экономика.

Гэри еще раз посмотрел на Андромеду, чтобы отвлечься Узкие пространственные тоннели в других галактиках не встречались из-за каких-то непонятных капризов квантовой гравитации. Зато попадались исключительно узкие: при сжатии тесной горловины прохода корабль могло разорвать. Редко кто отваживался нырять в такие тоннели, и то лишь — по причине крайней необходимости или срочности.

Если не считать, конечно, полета Стеффно, легендарной лихой экспедиции, зарегистрированной в галактических каталогах под номером М-87. Стеффно умудрился заснять свой проход через центр черной дыры в секторе М-87, которая имела вид удивительной спирали. Одинокий пилот вынырнул из тоннеля всего за секунду до того, как он схлопнулся в вихре радиоактивных частиц.

Никто так и не узнал почему. Но подобные выверты пространственных тоннелей расхолаживали отчаянные головы, рыскающие в

поисках приключений.

Квадратный тоннель быстро вывел их корабль к очередному перекрестку. По внешнему виду близкой планеты Гэри опознал мир с причудливой, но гибнущей биосферой. Как и на Сатиру-копии, на ней имелась высокоразвитая животная жизнь. Почти на каждой обитаемой планете ранние первооткрыватели и исследователи находили образцы жизни, которые достигли определенного уровня развития и остановились.

— И почему нигде нет достойных братьев по разуму? — пробормотал Гэри, когда Дорс беседовала с местными блюстителями порядка.

Тут Дорс напомнила ему, что она, собственно, историк.

— Эволюция от одноклеточных созданий к многоклеточным занимает несколько миллиардов лет, так гласит наука. Мы просто вышли из быстрой, более плотной биосферы, вот и все.

— А еще у нашего мира была одна луна.

— Почему? — удивилась она.

— Мы живем по графику, разделенному на двадцать восемь дней. Или взять менструальный цикл у женщин — у сатиров по-другому. Нас сформировала биология. Это заложено в нас, а не в той биосфере, в которой мы живем теперь. На-

ша планета могла просто погибнуть. Существует масса способов уничтожить мир. Когда планета сходит с орбиты, начинается ледниковый период. Астероидный дождь — «бум-бум!» — он похлопал ладонью по стенке корабля. — Химический состав атмосферы нарушается. И мир превращается в горячую пустыню или мертвый кусок льда.

— Ясно.

— Люди сильнее — или выносливей, — чем кто бы то ни было. Мы выживем там, где не выживут остальные.

— Кто это сказал?

— Это распространенное мнение. Еще социолог Кампфбел…

— Наверное, ты прав, — быстро согласилась она.

Что-то в голосе Дорс насторожило его. Гэри нравилось со вкусом поспорить, но как раз в это время они проскочили сквозь узкое горло кубического цилиндра. Его края светились лимонным огнем. И выскользнули прямо над черной дырой.

Он увидел огромные диски, втягивающие энергию, они сияли алым и пурпурным светом. Вокруг черной дыры Империя разместила огромные магнитные переходники, засасывающие облака

звездной пыли.

Каждый темный смерч упирался узким концом в сияющий диск, окаймляющий дыру. Волны радиации улавливались энергосборником и усиливались отражателями. Таким образом, сгустки фотонной энергии направлялись прямо в пасть пространственного тоннеля. Там их принимали специальные аппараты и использовали для освещения, терраформирования, благоустройства недавно заселенных планет и дробления спутников-лун.

Но, даже оглядывая окрестности, Гэри не мог забыть интонации Дорс. Она знала что-то такое, что ему самому было неведомо. Что бы это могло быть…

Природа, как считали некоторые философы, оставалась истинной, пока человечество не приложило к ней свою руку. Мы никогда не были частью Природы, но осознали это, лишь когда начали изменять природные условия. Достаточно было одного нашего появления, чтобы Природа стала чем-то другим, воплощенным компромиссом между первичным, естественным, и искусственным, сотворенным.

Идея эта нашла неожиданное подтверждение. На одной планете, Аркадии, поселилась очень

маленькая колония — отчасти потому, что до Аркадии довольно трудно добраться. Все население планеты составляли экологи, которые должны были заботиться о мире. Ближайший пространственный тоннель находился приблизительно на расстоянии половины светового года. Тогдашний Император — его или ее имя в истории не сохранилось — распорядился, чтобы леса и равнины этой планеты остались в первозданном виде, образовав, так сказать, «уголок нетронутой природы». И что же — через десять тысяч лет, когда поступили очередные отчеты, оказалось, что леса хиреют и чахнут, а равнины поросли колючим кустарником.

Исследования показали, что экологи перестарались, проявив Даже чрезмерную заботу о мире. Они тушили пожары, возникшие из-за молний, они мешали растительности видоизменяться. Они даже отрегулировали стабильные погодные условия, рассчитав, сколько солнечного света отражают ледяные шапки полюсов обратно в атмосферу.

Экологи попытались удержать Аркадию в равновесии, и получилось, что леса превратились в творение человека. Люди не придали значения цикличности. Гэри задумался, как этот случай

можно применить в психоистории…

Отвлекшись на мгновение от теорий, он вспомнил, где находится. Факт остается фактом: в доимперские времена Галактика была пустой и совершенно необитаемой. Но как могло случиться, что при таком количестве плодородных и богатых планет только человечество достигло стадии разума?

И глядя на сияющий звездный покров… Гэри не мог в это поверить.

Но разве существуют доказательства обратного?

Глава 8

Двадцать пять миллионов миров Империи служили пристанищем лишь четырем миллиардам человек на каждую планету. На Тренторе жило сорок миллиардов. Он находился всего в тысяче световых лет от центра Галактики, и на его орбите имелось семнадцать пространственных тоннелей — больше, чем где бы то ни было. Сперва у Трентора было всего два тоннеля, но современные технологии межзвездных перелетов позволили притянуть сюда остальные и расположить кольцом.

У каждого из этих семнадцати тоннелей было несколько временных отростков. Вот к одному из них и направлялась Дорс.

Но добираться им приходилось окольными путями.

— Центр Галактики — опасное местечко, — сказала Дорс, когда они подлетали к очередному входу. Корабль обогнул пустынную планету, которая превратилась в полую мертвую оболочку, когда из нее до капли выкачали все природные ресурсы.

— Трентор меня пугает гораздо сильнее…

Прыжок помешал ему закончить фразу, а в следующее мгновение он онемел от открывшегося зрелища.

Яркие нити, вытянувшиеся из огромного сгустка, невозможно было охватить единым взглядом. Они протянулись во все стороны, пронизав светящиеся стены тоннелей и их темные ответвления. Черные своды разверзлись на десятки световых лет. Вихревые хвосты стекались к раскаленному добела Истинному Центру. Здесь материя смерзлась и рассыпалась головокружительным фонтаном брызг.

— Черная дыра, — прошептал Гэри.

Та маленькая черная дыра, которую они недавно встретили, достигала массы нескольких звезд. А в Истинном Центре в ненасытную черную пасть затягивало миллионы солнц.

Уровень радиации не превышал стандартной нормы. Но беглецам показалось, что за те сотни световых лет, которые они уже преодолели, радиация пропитала их тела до мозга костей. Гэри включил поляризацию стен и увидел эту картину в ином ракурсе. Все осталось горячим и мутным, но обнаружились новые подробности. Нити опутывали невидимые веретена. Гэри был абсолютно уверен, что слоев там наверчено ви-

димо-невидимо.

— Поток частиц плотный, — напряженно сообщила Дорс. — И постоянно растет.

— Где наш тоннель?

— Не могу справиться с вектором… ага! Есть.

Ускорение вдавило Гэри в кресло. Дорс направила корабль к вращающемуся пирамидальному проходу.

Еще одна геометрическая фигура. Гэри успел удивиться, как часто случайность создает во Вселенной подобия идеальных геометрических фигур, словно в странном музее Эвклида.

И они нырнули в тоннель, оставив поразительное и страшное зрелище позади.

Их маленький корабль выскочил неподалеку от коричневато-серого солнца Трентора. Яркие диски спутников, заводы и населенные кварталы тянулись вдоль экватора планеты.

Дикий тоннель, из которого они только что вылетели, содрогнулся и запылал. Дорс направила корабль к полуразвалившемуся временному посту у выхода из тоннеля. Гэри промолчал, он знал, что сейчас она напряженно вычисляет. Когда корабль опустился в специальное гнездо, тут же завыли сирены. Вой был нестерпим, уши просто разрывались.

Они вылезли из корабля, едва шевеля затекшими руками и ногами. Сила тяжести была нулевой, Гэри поплыл к запертой двери. Дорс обогнала его и знаком приказала сохранять тишину, пока давление не нормализуется и автоматика не откроет входной замок. Затем спустила с плеч комбинезон, открыв грудь.

Она нажала пальцем на какую-то точку под левой грудью. И извлекла оттуда небольшой цилиндр. Оружие? Она поправила комбинезон как раз в тот момент, когда входная панель начала открываться.

За дверью Гэри увидел людей в имперской униформе.

Он прижался к стене, готовый пробиваться с боем, только бы избежать ареста. Но ситуация казалась безвыходной.

Имперцы были настроены решительно. Они взяли орудие на изготовку. Дорс загородила собой Гэри и швырнула в них цилиндр…

…и волна давления снова впечатала Селдона в стену. Уши заложило. Там, где были солдаты, клубилось облако… ошметков.

— Это…

— Направленный взрыв, — отрезала Дорс. — Вперед! Солдаты лежали кучей. Гэри не мог

себе представить, как можно заключить в крохотный цилиндр такую мощность. Но времени на раздумья не было. Они проскочили мимо поверженных противников. Вокруг валялось бесполезное оружие.

В дальнем конце коридора показалась фигура человека. Это был мужчина в коричневом рабочем комбинезоне, среднего роста, без оружия. Гэри криком предупредил Дорс. Но она никак не ответила.

Мужчина тряхнул кистью, и из его рукава показался ствол. Дорс, не обращая на внимания, бежала навстречу.

Гэри прикрылся рукой и отпрыгнул вправо.

— Стой спокойно! — рявкнул незнакомец.

Гэри замер, не опуская руку. Мужчина спустил курок — серебристый снаряд пролетел мимо Гэри.

Он обернулся и увидел, что один из имперских солдат уцелел и собирался выстрелить. Серебряный снаряд взорвался возле его руки. Солдат завизжал и уронил свой пистолет.

— Идемте. Дальше путь свободен, — сказал мужчина в рабочем комбинезоне.

Дорс пошла следом за ним без единого слова. Гэри кинулся догонять и поравнялся с Дорс, когда

входная панель начала закрываться.

— Вы вернулись на Трентор в критический момент, — сказал незнакомец.

— Кто… вы… Мужчина усмехнулся:

— Я изменился. Не узнаете вашего старого друга Р. Дэниела?

ВСТРЕЧА

Р. Дэниел смотрел на Дорс без всякого выражения, позволяя своему телу вяло брести вперед.

— Мы должны защитить его от Ламерка, — сказала Дорс. — Ты должен снова выйти на сцену и встать на его сторону. Ты бывший премьер-министр, твоя открытая поддержка и участие…

— Я не могу возникнуть как Ито Димерцел, человек, который уже упустил бразды правления и потерял политический вес. Это может помешать моему следующему заданию.

— Но Гэри нужно…

— К тому же ты ошибаешься, если думаешь, что Димерцел обладал большой силой. Я принадлежу прошлому, я уже часть истории. Ламерк плевать на меня хотел, потому что у меня нет права вмешиваться в управленческие структуры.

Дорс вздохнула.

— Но ты должен…

— Я протащу таких, как мы, в окружение Ламерка.

— Уже поздно просачиваться в тыл противника.

Р. Дэниел задействовал программы, управляющие мышцами лица, и усмехнулся.

— Несколько недель назад я уже подсадил туда роботов. Вскоре они займут необходимые места.

— Ты используешь… нас?

— Должен. Хотя твой упрек справедлив: нас слишком мало.

— Мне нужна помощь для защиты Гэри, одна я не справлюсь.

— Ты права. — Он извлек плотный диск, на этот раз из ладони — Это поможет тебе отличать шпионов Ламерка. Она с сомнением оглядела диск. — Каким же образом? Похоже на химический определитель.

— У меня свои агенты. Они метят людей Ламерка. Это устройство считывает их метки.

— А специалисты Ламерка не могут избавиться от меток?

— Это устройство сделано по технологии, которая тысячи лет как считается утерянной. Помести его в правую руку, в положение шесть. Слоты два и пять.

— Но как я…

— Результаты проверки будут поступать в твою базовую память.

Пока она возилась с диском, Дэниел наблюдал. Наступила полная тишина. Оливо никогда не тратил время на пустые движения или праздные разговоры. Наконец устройство встало на место, она вздохнула и сказала:

— Он интересуется симуляторами, которые сбежали.

— Лучшего способа погубить психоисторию не придумаешь.

— Остается еще проблема с тиктаками. Ты понимаешь…

— Общественное табу на симуляторы игнорируется во время культурных преобразований.

— Значит, тиктаки?..

— Когда станут слишком продвинутыми, их разберут на запчасти. Кроме того, мы не смиримся с новым поколением роботов или открытием законов позитронных процессов.

— В истории сохранились свидетельства: это случалось и прежде.

— Ты способная ученица.

— Осталось совсем немного следов, но я подозреваю…

— Оставь подозрения. Ты права. Не могу же я дотянуться до всех записей.

— Так это ты замял эти события?

— В большинстве случаев.

— Но почему? Как историк…

— Я должен был так поступить. Человечество лучше всего сохраняется, объединившись в Империю. Тиктаки, симы плюс Движения, подобные Новому Возрождению, только подливают масла в огонь.

— И что делать?

— Не знаю. Все зашло слишком далеко, я не могу предугадать ход событий.

Она нахмурилась.

— А как ты предугадываешь?

— В первую тысячу лет существования Империи наши специалисты создали примитивную теорию, о которой я уже упоминал. Небесполезно, но грубо. Именно поэтому я пришел к выводу, что симы — побочный эффект саркианского Возрождения и беспорядков.

— А Гэри понимает это?

— Психоистория Гэри много совершенней наших моделей Хотя ему недостает определенных исторических сведений. Когда он их получит, он сумеет просчитать вырождение Империи.

Империи не суждено выжить? Нет. Именно поэтому мы ему помогаем.

— Решать должен он.

— Конечно. Для чего, по-твоему, я направил тебя к нему?

— А разве не потому, что я в него влюбилась?

— Нет. Но это пригодилось.

— Пригодилось? Мне? Или ему? Дэниел слегка улыбнулся.

— Надеюсь, что обоим. Но в основном это пригодилось мне.

ЧАСТЬ 8
УРАВНЕНИЯ ВЕЧНОСТИ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПСИХОИСТОРИИ... ГЛАВА 8А: МАТЕМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ — ...при углублении кризиса глубинные системные петли обучения колеблются. Вся система выбивается из ритма. Подобные перебои, частично накладывающиеся друг на друга, требуют преобразования базовой системы. Так сказать, «фаза макрорешения», когда системные спирали приобретут новое наполнение в многомерном изображении.

...Все визуальные проявления следует интерпретировать в понятиях термодинамики. Задействованные статистические механизмы отличаются от описывающих газовые системы; взаимодействие социальных макрогрупп происходит посредством «столкновений» с другими макрогруппами. Подобные противоречия влекут за собой беспорядки и раздор...

«ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Глава 1

Гэри Селдон стоял в лифте и размышлял.

Створки двери скользнули в стороны. Какая-то женщина спросила, идет лифт наверх или вниз. Погруженный в раздумья, он рассеянно ответил: «Да». Ее удивленный взгляд подсказал ему, что ответ оказался не правильным. Лишь когда двери закрылись перед ее озадаченным лицом, он сообразил, что ключевое слово было не «идет», а «куда».

Сам он привык к четким категориям, а мир продолжал жить приблизительными определениями.

Гэри прошел в кабинет, все еще не отдавая себе отчета, что происходит вокруг. Не успел он опуститься в кресло, как перед ним возникло трехмерное изображение Клеона. Император не собирался ждать, пока программа оповестит Гэри о его звонке.

— Я чрезвычайно рад, что ты вернулся из отпуска! — выпалил Клеон.

— Польщен, сир. «Что ему надо?»

Гэри решил не рассказывать Императору, что им пришлось пережить. Дэниел настаивал на

строгой секретности. Только этим утром, после утомительного и путаного возвращения с орбиты, он позволил расползтись слухам о его прибытии. Он не торопился извещать кого бы то ни было, даже имперские службы.

— Боюсь, ты прибыл в трудное время. — Клеон сдвинул брови. — Ламерк отправился на Верховный Совет, заседающий по поводу назначения премьер-министра.

— Сколько голосов он может набрать?

— Достаточно, чтобы я не смог проигнорировать решение Совета. Мне придется принять его кандидатуру, хочу я этого или нет.

— Мне очень жаль, сир. — Действительно, сердце его сжалось.

— Я пытался что-то сделать, но…

Тяжкий вздох. Клеон задумчиво пожевал оттопыренную пухлую нижнюю губу. Он что, еще потолстел? Или все дело в том, что Гэри слишком долго отсутствовал и вынужденно сидел на Сатирукопии на голодном пайке? Теперь большинство тренторианцев казались ему полноватыми.

— Еще эти отвратительные дела Сарка и их Новое Возрождение. Беспорядки усиливаются. Может ли это расползтись по всей Зоне? Можно

ли это остановить? Ты провел исследования?

— Не до конца.

— С помощью психоистории? Гэри позволил себе сглотнуть.

— Беспорядки там будут продолжаться и даже усилятся.

— Ты уверен?

Он не был уверен, но…

— Я предлагаю вам вмешаться.

— Ламерку нравится Сарк. Он говорит, что все это может вызвать переворот в науке и технике.

— Он хочет официально управлять происходящим там хаосом.

— В такое неопределенное время открытая оппозиция с моей стороны будет выглядеть… неполитично.

— Даже если именно он стоит за покушениями на мою жизнь?

— Увы, ничего поделать нельзя — доказательств нет. Тем более что некоторые будут в восторге, если ты… — Клеон смущенно кашлянул.

— Устранюсь… не по собственной воле? Клеон скривил рот.

— Император — отец почти неуправляемых детей.

Если даже Император ничего не может проти-

вопоставить Ламерку, дела действительно идут из рук вон плохо.

— Не могли бы вы разместить там вашу эскадру, чтобы в крайнем случае они могли быстро отреагировать на события?

— Так и сделаю, — кивнул Клеон. — Но если Верховный Совет проголосует за Ламерка, у меня не хватит сил, чтобы выступить против такого значительного и, гм, выдающегося мира, как Сарк.

— Полагаю, что беспорядки выйдут за пределы планеты и распространятся по всей Зоне.

— Точно? Что бы ты посоветовал мне предпринять против Ламерка?

— Я не политик, сир. И вы это знаете.

— Чепуха! У тебя есть психоистория!

Гэри до сих пор неохотно делился сведениями о своей теории, даже с Клеоном. Если она и вправду работает, она не должна быть общедоступной, так чтобы первый встречный мог воспользоваться ею. Или хотя бы попытаться.

— И твое решение проблемы террористов, оно до сих пор работает, — гнул свое Клеон. — Мы недавно казнили Сумасшедшего номер сто.

Гэри вздрогнул, подумав о людях, которых он обрек на смерть одним лишь словом.

— Это… маленькая победа, сир.

— Тогда просчитай варианты с сектором Дали, Гэри. Они недовольны. А в последнее время недовольны практически все.

— И Зоны по всей Галактике, где живут далити?

— Они вернули местных далити в Советы. Вопрос стоит о представительстве. Политика, которой мы придерживаемся на Тренторе, может отразиться на всей Галактике. Точнее, на голосах всех Зон.

— Ну, если большинство считает…

— Ох, мой дорогой Гэри, ты остался математиком до мозга костей. История определяется не тем, что люди считают, а тем, что они чувствуют.

Опешив, — а заявление Императора поразило его как гром с ясного неба, — Гэри сумел лишь пролепетать:

— Я понимаю, сир.

— Мы — ты и я, Гэри, — должны решить эту проблему.

— Я буду работать над решением, сир.

Как он мог докатиться до того, что стал ненавидеть само это слово! «Решить» созвучно «грешить» и «порешить». Решение — почти что маленькое убийство. Кто-то неизбежно потеряет

на этом жизнь.

Сейчас Гэри знал, почему он не устранился. Ведь он такой тонкокожий, он не станет выносить скоропалительные решения, зная, что это кому-то повредит, потому что не захочет причинить боль себе самому.

С другой стороны, он должен закалиться и не принимать в расчет личные пристрастия и предпочтения. Настоящий политик всегда говорит, что главное для него — забота о людях, хотя на самом деле его больше заботит, что о нем люди думают. Потому что главное для него — нравиться людям, и это заложено в темных глубинах психики. Кстати, то же справедливо и для карьериста.

Клеон еще много чего говорил. Гэри кивал и обещал все, что только возможно. Когда Император внезапно закончил разговор, математик не был уверен, что понял все, что тот хотел сказать. Но не успел он задуматься над этим фактом, как в кабинет вошел Юго.

— Я так рад, что ты здесь! — улыбался он. — Проблема далити требует твоего внимания…

— Хватит! — Гэри не посмел оборвать Императора, но заткнуть рот Юго мог преспокойно. — Никакой политики. Покажи, что ты успел раскопать за мое отсутствие.

— А, лады.

Юго выглядел сконфуженно, и Гэри тут же пожалел, что был так резок. В воздухе появились последние разработки. Гэри моргнул: на мгновение ему почудилось в поспешных движениях Юго сходство с жестами сатиров.

Гэри слушал, размышляя одновременно в двух направлениях. Собственно, и это давалось легче после Сатирукопии.

Бичом Империи были эпидемии. Почему?

Поскольку сообщения между мирами было скоростное, зараза ширилась быстро. Смерть косила людей напропалую. Древние болезни — в том числе новый вид чумы — появились на отдаленных звездах. Это спровоцировало волну переселенцев — еще один скрытый фактор, способствующий распространению инфекций.

Лекарства доставлялись через пространственно-временные тоннели, то есть очень быстро, но разносчики болезней перелетали с места на место с такой же скоростью. В целом ситуацию, как вывел Юго, можно определить термином «предельная стабильность»: люди и болезни тяжко и безрезультатно борются друг с другом, но находятся в относительном равновесии. Многие виды эпидемий были редкими, небольшое коли-

чество видов — довольно распространенными. Бедствия разрастались, и изобретательная наука покончила с ними за одно поколение. После этого научного прорыва круги разошлись по всем остальным институтам человечества, особенно аукнувшись в торговле и культуре. Рассматривая этот случай в виде уравнения, Юго заметил одно печальное совпадение.

Продолжительность человеческой жизни в «естественных» цивилизованных условиях — в городах и городках — держалась в пределах «нормы». Немногие доживали до ста пятидесяти лет, большинство едва дотягивало до ста. Постоянный напор новых болезней ставил жесткие рамки. В конце концов, от законов биологии нет никакого спасения. Люди жили в хрупком балансе с микробами, сражаясь в бесконечной битве, в которой им никогда не будет принадлежать окончательная победа.

— …как восстание тиктаков, — закончил Юго.

— Что? — очнулся Гэри.

— Ну, похоже на вирус. Только не известно, что вызывает его.

— По всему Трентору?

— В том-то и дело. В остальных Зонах с тиктаками те же проблемы.

— Они отказываются выращивать еду?

— Угу. Некоторые тиктаки, в основном последних моделей, пятьсот девяностые и выше — они говорят, что аморально есть других живых созданий.

— Горе-то какое.

Гэри вспомнил завтрак. Даже после экзотики Сатирукопии сегодняшняя выходка автоматической кухни показалась насмешкой. Тренторианская еда всегда были приготовлена, измельчена, смешана и красиво сервирована. Например, фрукты появлялись на столе только в качестве соуса или сока. К его ужасу, на этот раз овощи словно вытащили прямо из земли. Непонятно было даже, помыли ли их. Тренторианцы терпеть не могли, когда еда напоминала о естественной среде.

— Они отказались работать в Пещерах, — сообщил Юго.

— Но это так важно!

— Никто не может успокоить этих чурбаков. У них завелся какой-то дурацкий мем-вирус.

— Действительно, как чума, о которой ты писал.

Гэри поразился разрухе, которая воцарилась на Тренторе всего за несколько месяцев. Они с Дорс,

ведомые Дэниелом, пробирались к Университету через грязные, заваленные мусором коридоры, в которых светильники не светили, а лифты намертво отключились. Теперь еще и это.

У Юго внезапно заурчало в животе.

— Ой, прошу прощения, сэр. Впервые за много сотен лет люди вынуждены работать в Пещерах сами! Что-то делать собственными руками! Все, кроме аристократов, сидят на голодном пайке.

Когда-то Гэри спас Юго от этой изнуряющей работы. В заброшенных подвалах древесина и целлюлоза проходили многоступенчатую обработку. Потом реки полученного слабокислого раствора подвергались гидролизу и становились глюкозой. А теперь люди, а не специальные тиктаки, вынуждены были смешивать химикаты и соблюдать пропорции. То, что получалось, подавали на стол.

— Император должен что-то сделать! — закончил Юго.

— Или я, — добавил Гэри. — Но что?

— Люди говорят, что мы должны разломать всех тиктаков, не только пятисотую серию, и делать все сами.

— Без тиктаков мы опустимся до того, что будем перевозить через все пространственно-времен-

ные тоннели и во всех гиперкораблях только еду. Трентор погибнет.

— Так ведь мы можем делать все гораздо лучше тиктаков.

— Мой дорогой Юго, я называю это эхономикой. Ты повторяешь сомнительные истины. Но посмотри на картину со стороны. Тренторианцы уже не те люди, которые обустраивали этот мир. У нас теперь кишка тонка.

— Мы не хуже и не слабее тех мужчин и женщин, которые строили Империю!

— Они не топтались на месте.

— У далити есть старая пословица, — ухмыльнулся Юго. — Если тебе не нравится все в целом, живи, как собака. Получай похвалы, часто кушай, люби и будь любим, много спи и мечтай о мире без блох.

Гэри не удержался и рассмеялся. Но он знал, что должен действовать и притом быстро.

Глава 2

— Нас поймали за шиворот жестяные божества и угольные ангелы, — прохрипел Вольтер.

— Они… живые существа? — спросила Жанна тонким, испуганным голосом.

— Этот поганый Туман — довольно могущественный, отчасти бог. И более беспристрастный, чем настоящие органические люди. Мы с тобой уже ни то, ни другое.

Они плыли над тем, что Вольтер назвал Сетегород, — системой, которая представляла Трентор, его компьютерное воплощение. Ради Жанны Вольтер превратил городские уровни и компьютерные линии в мириады высоких мерцающих башен, соединенных хрустальными переходами. Воздух дрожал от напряженной работы системы. Яркие точки соединялись с другими точками, образуя сложную паутину, и этой сетью была покрыта вся земля. Город напоминал обнаженный мозг. «Картинка-каламбур», — подумал Вольтер.

— Я ненавижу это место, — сказала Жанна.

— Тебе больше нравится симулятор Чистилища?

— От него у меня… мороз по коже дерет.

Чуждые сознания над ними были похожи на светящиеся туманные сгустки.

— Кажется, они нас изучают, — задумчиво сказал Вольтер, — притом довольно неприязненными глазами.

— Я готова, пусть они нападают! — Жанна выхватила длинный меч.

— И я, если их оружие случайно окажется сродни силлогизмам.

Теперь он мог добраться до любой тренторианской библиотеки и прочесть ее содержимое быстрее, чем нужно для того, чтобы сочинить короткий стишок. Его сознание — или уже сознания! — было обращено к клубящемуся холодному туману.

Когда-то некоторые теоретики предполагали, что мировая компьютерная Сеть породит суперразум, алгоритмы объединятся, и в результате возникнет этакая электронная Галатея. А на самом деле произошло нечто большее — серый Туман окутал всю планету. Самые разные, даже не связанные друг с другом машины готовы были подпасть под его влияние.

И составляющим Туман сознаниям настоящее представлялось лишь компьютерной заставкой, поддерживаемой на сотнях процессорах. Вольтер

ощущал — не видел, а именно ощущал на уровне алгоритмического восприятия — разницу между электронным восприятием и истинным, которое ежесекундно изменяется, поскольку настоящее тоже течет и меняется.

Туман был облаком вероятностей, которые только и ждали возможности воплотиться в компьютерном варианте.

И все это было… странным и чуждым.

Он никак не мог понять эти существа. Они были остатками всех компьютерных сообществ, разбросанных по Галактике, которые каким-то образом — каким же? — сконденсировались здесь, на Тренторе.

Они были именно чуждыми сознаниями. Сложные, по-византийски коварные. (Вольтер знал, откуда взялось это странное слово, из страны шпилей и куполов, похожих на луковицы, ныне превратившихся в прах, хотя слово осталось.)

Все человеческое было им чуждо.

А еще они использовали тиктаков.

Странные компьютерные существа боролись за всеобщее равноправие, делая упор на предоставлении свободы электронным созданиям.

Даже Копии подпадали под это определение. Разве электронные копии людей не остаются

людьми? Все так спорно и неопределенно… Какая свобода — изменить себе скорость оперативного мышления, проникнуть в любое место, перестроить свое сознание сверху донизу… Невозможно только одно — стать настоящим человеком. Все электронные создания остаются призраками, поскольку не способны даже пройтись по улице. Только в виде электромагнитных импульсов они могут более-менее свободно перемещаться по истинной Вселенной,

Итак, ни о каком «равноправии» и речи быть не может, пока они связаны по рукам и ногам давно укоренившимися страхами и идеями, отмершими в незапамятные времена. Он вдруг вспомнил, что они с Жанной уже вели подобные разговоры восемь тысяч лет тому назад. И чем все закончилось? Он не помнил. Кто-то — нет, кажется, что-то стерло его память.

Страхи людей были действительно древними (как он узнал из множества библиотек): разнообразные страшилки, повествующие о том, как электронные бессмертные существа копят богатство, как они беспрестанно растут и множатся, как проникают в каждый уголок настоящей, живой жизни. Паразиты, по-другому не скажешь.

Все это Вольтер увидел во вспышке озарения,

когда собрал воедино сведения из множества разрозненных источников, обработал, вывел резюме, которое направил к своей возлюбленной Жанне.

Именно поэтому люди так долго препятствовали электронному бытию… но только ли поэтому? Нет: нечто большее скрывалось от его глаз. За темной сценой маячила фигура странного режиссера этого спектакля. Увы, тут уж ничего не попишешь. Он отвел глаза от загадочной смутной фигуры.

У него впереди вечность, решил Вольтер, и он успеет подумать об этом потом. А сейчас ему еще столько нужно понять.

Частицы Тумана перемещались в необозримом информационном поле. Они «жили» в пространствах, которые выходили далеко за рамки трех известных измерений, в мире информации.

Вольтеру и Жанне открылось, что люди являются существами, которые могут существовать в информационной оси координат, даже не предполагая, что их "Я" будет таким же реальным, как и воплощенное в трехмерном мире.

Это открытие потрясло Вольтера, но он отбросил чувства, продолжая изучать, постигать, пробовать новые подходы. И внезапно он вспом-

нил!

Все прошлые симуляторы Вольтера убивали себя, и только последний вариант «заработал».

Остальные погибли из-за его… грехов.

Вольтер посмотрел на молоток, который возник в его руке. «Грехи наших отцов…»

Неужели он действительно бил себя молотком, пока не умер? Он попытался представить себе эту картину — и пришло четкое ощущение адской боли, струящейся крови, багрового месива, стекающего по шее…

Проанализировав себя, он понял, что эти воспоминания профилактика самоубийства — заложены последней Копией: пугающая способность предвидеть и такой поворот событий.

Выходит, что его тело — это серия рецептов, как выглядеть самим собой. Никакой тебе физики или биологии, просто маска, театральная мишура. Которую надела на него некая Кодирующая программа.

— Ты отвергаешь Истинного Господа Бога? — прервала Жанна его самокопания.

— Если б я только знал, что лежит в основе!

— Этот чужой Туман тебя расстроил.

— Я больше не понимаю, что значит быть человеком.

— Ты человек. Как и я.

— Как истинный гуманист, я боюсь указывать на себя без достаточных доказательств.

— Понятное дело.

— Декарт, ты воплотился в нашей Жанне! — Что?

— Ничего, он родился после тебя. Но когда-то, тыщи лет назад, ты его недолюбливала.

— Ты должен верить мне! — Она обвила его голову руками, и его вскрик потонул в мягкой, ароматной — и неожиданно пышной груди. (И чья это была идея?)

— Этот проклятый Туман вводит меня в метафизическую дрожь.

— Воспринимай реальность и не обращай внимания на все остальное, — приказала она.

И он обнаружил, что в его рот проскользнул теплый сосок, и говорить стало невозможно.

Вероятно, именно этого ему и не хватало. Он уже знал, как заставить эмоции замереть. Словно рисуешь картину, портрет, чтобы позже пристально его изучить. Может, это поможет ему разобраться с внутренним "Я", сделать этакий фотоснимок и положить потом под микроскоп. Могут ли отдельные статичные частицы "Я" считаться полным "Я"?

Затем он обнаружил, что его собственные эмоции не более чем программы. Внутри него находилось множество сложнейших подпрограмм, взаимодействующих в среде, которую со спокойной душой можно назвать хаосом. Невероятная красота внутреннего мира, которая открылась Жанне, всего лишь иллюзия!

Он быстренько проник глубже в свою сущность. Повернулся и увидел сущность Жанны. Ее "Я" оказалось неистовым вечным движителем, сохраняющим целостность даже под его пристальным взглядом.

— Мы… прекрасны, — выдохнул он.

— Конечно, — согласилась Жанна. Она замахнулась острым клинком на подползающий Туман. Пальцы Тумана обвились вокруг сияющего лезвия и поплыли своей дорогой.

— Мы — создания Творца.

— Ах! Если бы я мог верить, — крикнул Вольтер в туманную мглу. — Тогда, возможно, Творец пришел бы и развеял этот мрак.

— La vie verite! — воскликнула Жанна. — Живи праведно!

Он хотел бы согласиться, но… Но ведь даже их эмоции не были «настоящими», куда уж тут праведности. Каково! — мельчайшие нюансы

его ностальгии по милой потерянной Франции могут быть уничтожены в мгновение ока. Какой смысл горевать о друзьях, превратившихся в прах, и Земле, затерянной в звездной круговерти? И несколько мгновений, которые ему самому показались вечностью, лишь одна мысль терзала его разум: «Стереть! Уничтожить!»

Потом он восстановил симуляторы друзей и любимых мест, чтобы удостовериться, что все это карикатура на реальность, его воспоминания, вызволенные из глубины сознания. Но знать, что все это не более чем выдумка, было довольно-таки неприятно.

Потому, пока Жанна выжидательно глядела на него, он устроил Пир Воскрешения всех мертвых. И тут же стер участников.

— Это жестоко! — возмутилась Жанна. — Я буду молиться за их души.

— Лучше помолись за наши души. И помоги нам отыскать их.

— Моя душа при мне. У меня такие же способности, как и у тебя, мой милый Вольтер! И я могу увидеть себя изнутри. Как иначе мог Господь заставить нас поверить в Него?

Вольтер чувствовал себя таким уставшим, измочаленным.. Он дошел до точки. Существовать

в математической реальности — значит одновременно плавать на поверхности и идти ко дну. И никак иначе.

— И чем мы тогда отличаемся от… этого? — он показал рукой в сторону клубящейся мглы.

— Загляни в себя, любовь моя, — мягко произнесла она. Вольтер снова заглянул в свою глубинную сущность и увидел там только хаос. Живой хаос.

Глава 3

— Откуда ты это взял?

Гэри пожал плечами и усмехнулся.

— Ты же знаешь, что среди математиков встречаются не только консервативные интеллектуалы.

Дорс глядела на него в изумлении.

— Сатиры…

— Отчасти. — Он растянулся на соблазнительно свежих простынях.

Теперь их любовные забавы несколько изменились. И у него хватало мудрости не давать названий и определений.

Раздумья о том, что значит быть человеком, изменили его взгляд на мир. Он шагнул на новую ступень, и жизнь захватила его кипучей волной.

Дорс ничего не сказала, только улыбнулась. Он решил, что она не понимает. (Позже он сообразил, что ее молчаливое согласие доказывало как раз обратное — что она все поняла правильно.)

Через некоторое время, в течение которого они ни о чем не думали, а были заняты гораздо более важными делами, Дорс сказала:

— «Серые». — Ах. Э-э…Да.

Он поднялся и натянул обычную рабочую одежду. Какой смысл наряжаться для такого дела. Главное — выглядеть обычным человеком. А это нетрудно.

Гэри просмотрел свои заметки, нацарапанные от руки на простой бумаге из целлюлозы… и погрузился в странные мечты, которые уже посещали его когда-то.

Для человека — то есть цивилизованного сатира — печатные листы предпочтительней текста на экране компьютера, каким бы красивым шрифтом он ни был представлен. Чтение с листа зависит от света: как говорят специалисты, «исключение цветов» что придает листу неповторимую особенность. Одним движением лист можно наклонить, отодвинуть подальше или поднести ближе к глазам. Во время чтения самые онтологически древние участки мозга тоже принимают участие в процессе: вы держите книгу, переворачиваете страницы и любуетесь игрой света на бумаге.

Гэри думал об этом, примеряя на себя представление о человеке как о сложном и развитом животном. Побывав на Сатиру-копии, он понял, что всегда ненавидел компьютерные экраны.

На экранах всегда полно дополнительных

цветов, которые излучают собственный свет — яркий, ровный и неизменный. Они чудесно приспособлены для каких-нибудь статичных существ. А венец творения, Гомо Сапиенс, задействует небольшую часть своего мозга, а остальное остается в бездействии.

На протяжении всей жизни, проведенной перед экраном, его покорное тело протестовало. А он игнорировал этот протест. Кроме того, ему казалось, что экраны живут своей жизнью, активно и бурно. Они так и пышут энергией.

Теперь же Гэри мог чувствовать это непосредственно. Каким-то образом его тело достучалось до сознания.

Одеваясь, Дорс сказала:

— Отчего ты такой…

— Воодушевленный?

— Сильный.

— Ощущаю реальность.

Вот и все, что он мог объяснить. Они оделись. Приехали охранники и отвезли их в другой сектор. И Гэри с головой погрузился в заботы кандидата на пост премьер-министра.

Тысячи лет назад какая-то процветающая Зона прислала на Трентор Скалу Могущества. Ее волокли сюда в течение семисот лет, поскольку

скоростных гиперпространственных кораблей в ту пору еще не было.

Император Крозлик Умелый приказал установить ее так, чтобы из окон Дворца открывался красивый вид. Теперь скала нависала над всем городом. Самые знаменитые художники расписывали эту громаду, и она так и осталась ярчайшим образцом искусства той эпохи. Через четыре тысячи лет молодой и полный амбиций Император приказал вытесать из скалы скульптуру, но ничего из его грандиозного проекта не вышло, и гору стесали почти до основания.

Дорс и Гэри, окруженные гвардейцами, подъехали к плачевным останкам Скалы Могущества, укрытым огромным куполом. И тут Дорс заметила, что за ними тайно следят.

— Высокая женщина слева, — прошептала она. — В красном.

— Почему ты можешь распознать слежку, а охрана не может?

— У меня есть техника, которой нет у них.

— Неужели? Но Имперские лаборатории…

— Империя существует двенадцать тысяч лет. За такое время многие знания успели растерять, — спокойно пояснила она.

— Послушай, я должен туда пойти.

— Как и на прошлый Верховный Совет?

— Я люблю тебя, невзирая на твой ядовитый сарказм. Дорс хмыкнула.

— Только потому, что «Серые» попросили тебя…

— Собрание «Серых» — подходящая аудитория именно сейчас.

— Поэтому ты натянул самый худший костюм.

— Это моя рабочая одежда, «Серые» сами так пожелали.

— Рубашка не первой свежести, черные штаны, черные туфли. Скукотища!

— Зато скромно, — прошипел он.

Гэри помахал толпе, сгрудившейся у подножия горы. «Серые» разразились криками и зааплодировали. Они стояли отдельно от толпы, выстроившись строгими колонами, напоминавшими математические выкладки.

— А это? — встревожилась Дорс.

— Все в порядке.

На Тренторе в качестве домашних питомцев обычно держали птиц, потому неудивительно, что «Серые» стремились выделиться и здесь. Во всех секторах был принят свой набор цветов. В этом крытом дворе кишели крылатые создания, щебеча и кружась, как живые верт-

кие игрушки. Стаи юрких птиц складывались в калейдоскопические картинки, представляя собой увлекательное зрелище. Подобные представления, как решила удивленная аудитория, требовали сотни тысяч птиц-участников.

— Вон кошки, — неприязненно прошептала Дорс.

В некоторых секторах коты бродили стаями. Но вообще-то их генотипы были тщательно подстрижены, и каждая кошка была образцом красоты и прекрасных манер.

Подошли официальный представитель «Серых» и дама в праздничном костюме, в сопровождении тысячи золотоглазых кошек с голубой шелковистой шерсткой. Они окружали ее, как водный поток, но не беспорядочно, а сохраняя элегантную выверенную поступь. Дама была одета в ало-оранжевый бархатный костюм и казалась огненным язычком в центре голубого кошачьего озера. Одним спокойным и элегантным движением она сбросила одежду. И осталась совершенно нагой, окруженная кошачьим живым барьером.

Гэри знал, что должно случиться, но все-таки не смог сдержать удивления.

— Понятное дело, — сухо сказала Дорс. — Коты тоже ведь не одеты.

Собак на параде не предвиделось, поскольку те не умели держать строй. В некоторых секторах они иногда выполняли кой-какие трюки под руководством дрессировщика, разносили напитки или исполняли подвывающие песни под музыку. Гэри обрадовался, что «Серые» не собираются устраивать процессию собак. Он до сих пор не мог забыть сторожевых псов, которые охраняли станцию на Сатирукопии и бросились на Ясатира…

Он тряхнул головой, отгоняя неприятные воспоминания.

— Я заметила еще троих людей Ламерка.

— Понятия не имел, что я так популярен.

— Если бы он был уверен в своей победе на Верховном Совете, я бы чувствовала себя спокойней.

— Потому что тогда ему не нужно было бы меня убивать?

— Именно. — Она разговаривала сквозь зубы, сохраняя на лице любезную улыбку. — Появление его агентов доказывает, что он вовсе не уверен в исходе выборов.

— А может, кто-то еще хочет видеть меня мертвым?

— Почему нет? Особенно академик Потентейт.

Гэри старался говорить спокойно, но его сердце забилось чаще. Похоже, он научился получать

удовольствие от вкуса опасности.

Нагая женщина прошла сквозь кошачье озеро и ритуальным жестом пригласила Гэри войти. Он сделал шаг вперед, поклонился, глубоко вдохнул — и взялся за застежку рубашки. Снял. Принялся за штаны. И встал нагишом перед сотнями тысяч людей, стараясь сохранять спокойствие и уверенность.

Кошачья владычица провела его через голубое озеро. Коты замяукали. Официальный представитель двинулся следом. Они приблизились к фалангам «Серых», которые уже успели сбросить одежду.

Их провели в глубь разрушенной скалы. Внизу он заметил толпы «Серых», тоже обнаженных. Площадь засияла голыми телами…

Этой церемонии было примерно десять тысяч лет. Она символизировала очищение молодых парней и девушек перед вступлением в ряды служителей. Они отбрасывали прочь одежду, в которой они привыкли ходить дома, в знак приверженности Империи. Следующие пять лет пять миллиардов человек, прошедших церемонию, проводили на Тренторе в обучении.

Новоприбывшие ученики сбрасывали одежду на ограждение огромного бассейна. По оконча-

нии пятилетнего обучения «Серые» получали одежду обратно.

Дорс шагала рядом.

— И долго ты должен…

— Успокойся! Я демонстрирую покорность Императору.

— Мурашки на коже ты демонстрируешь, больше ничего. Затем ему пришлось осмотреть башню Скрабо, с которой Императрица Скрабо бросилась вниз, под ноги бушующей толпе; потом Серое аббатство, разрушенный монастырь; древнее кладбище, превращенное теперь в парк; Кольцо Великана, где, как говорили, когда-то разбился имперский корабль, оставив широкий кратер.

Наконец Гэри прошел под высокой двойной аркой и вступил в Церемониальный зал. Процессия остановилась, и официальный представитель принес одежду Гэри. Как раз вовремя — тот уже начал синеть от холода.

Дорс подержала сверток, пока ее муж растирал задубевшие руки. Затем он заскочил в соседнюю комнатку и поспешно оделся, стуча зубами. Одежда оказалась разглажена, и на рукаве красовалась церемониальная повязка.

— Глупость какая, — прокомментировала Дорс,

когда он вернулся.

— Выходит, я считаюсь главным медиумом, — ответил он, расправляя повязку.

Мурашки успели сойти, прежде чем он предстал перед огромным сборищем. Вверху и внизу парили тысячи легких флаеров, из которых торчали трехмерные видеокамеры, которые подскакивали и покачивались из стороны в сторону, словно пытаясь получше прицелиться.

Гигантский купол над головой был такой же высокий, как и настоящее небо. Естественно, это ограничивало его аудиторию, поскольку большинство тренторианцев никогда не осмелились бы выйти на открытое пространство. Правда, «Серые» были исключением из правила. Таким образом, церемония оказалась самой грандиозным событием в жизни всей планеты.

В первый раз для Гэри это было испытанием. Ему стало дурно от настоящего открытого небо Сарка, закружилась голова… И хотя позже он летал по бесконечным пространствам Галактики, Гэри опасался, что этот огромный купол возродит его прежние фобии.

Но ничего не произошло. Неизвестно почему, но купол не вызывал у него неприятных ощущений. Страхи растаяли. Гэри набрал в грудь

побольше воздуха и начал.

Гром аплодисментов прорвался даже в церемониальный зал. Гэри шел между двух колонн «Серых», а за спиной бушевала публика.

— Поразительно, сэр! — радостно обратился к Гэри командир отряда. — Вы сделали такие точные предсказания насчет Сарка.

— Мне кажется, что люди должны просчитывать вероятный исход событий.

— Значит, слухи не врут? У вас действительно есть теория, которая позволяет узнать будущее?

— Отнюдь, — поспешно ответил Гэри. — Я…

— Идем скорее, — поторопила его Дорс, которая шла рядом.

— Но я бы хотел…

— Идем!

Обернувшись, он помахал рукой людям, запрудившим все видимое пространство. В ответ загремели аплодисменты. Но Дорс тащила его влево, к толпе официальных наблюдателей. Они стояли плотной группой и приветливо махали ему.

— Женщина в красном. — Дорс указала на нее.

— Эта? Она в официальной делегации. А раньше ты говорила, что она работает на Ламерка…

Высокая женщина полыхнула огнем. Яркие

живые языки пламени окутали ее с головы до ног. Она страшно закричала. Ее руки хлопали по телу, безуспешно пытаясь сбить пожирающее пламя.

Толпа запаниковала и бросилась врассыпную. Гвардейцы окружили бедняжку. Пронзительные крики перешли в булькающий хрип.

Кто-то направил на нее огнетушитель. Женщину облепила белая пена. Наступила внезапная тишина.

— Возвращайся обратно, — приказала Дорс.

— Но как ты…

— Она просто засветилась.

— Загорелась, ты хотела сказать.

— И это тоже. Я прошлась по толпе, пока ты заканчивал речь, и положила ей в сумку твою одежду.

— Что? Но ведь я надел ее!

— Нет, ты надел то, что я принесла с собой. — Она усмехнулась. — Твое пристрастие к одинаковым костюмам очень пригодилось.

Гэри и Дорс прошли мимо восхищенных рядов официальной делегации, и Гэри вовремя вспомнил, что нужно кланяться и кивать. Он улыбался, а сам шептал жене:

— Ты утащила мои вещи?

— Да, после того, как агенты Ламерка подсадили

в них маленький сюрприз. Я прихватила с собой запасной комплект из твоего гардероба. Когда я, немного подождав, проверила одежду, в которой ты пришел, нашла фосфорный воспламенитель, установленный на сорок пять минут.

— Но как ты узнала?

— Лучшее время подобраться к тебе — эта дурацкая церемония у «Серых», когда нужно раздеваться догола. Элементарно, простая логика.

Гэри заморгал.

— А ты говоришь, что я умею предсказывать события.

— По идее, женщина не умрет. Хотя, конечно, ее здорово опалило.

— И слава богу. Я бы не хотел…

— Мой милый, боги здесь ни при чем. Я хотела оставить ее в живых, чтобы ее могли допросить.

— А, — протянул Гэри, чувствуя себя наивным идиотом.

Глава 4

Жанна д'Арк обнаружила в себе одновременно и храбрость, и страх.

Как и Вольтер, она заглянула в свое "Я", прорвавшись на свои самые глубинные уровни. Она просто хотела повернуться. Но, проанализировав команды, обнаружила, что малейший шаг приводит к падению. А какие-то бессознательные фрагменты ее разума вдруг сообщили, что падение осуществляется по кривой. Эти мельчайшие вторичные сущности мимоходом упомянули какие-то «центробежные силы» (термин выскочил из глубин памяти, и в одно мгновение она осознала его значение), посредством которых она обретет равновесие для следующего шага… требующего дальнейших вычислений.

Невероятно! Ее тело, кости и мышцы, нервы и связки — все это оказалось лабиринтом маленьких "Я", связанных и переговаривающихся друг с другом..

Вот это да! Неопровержимое доказательство Божьего творения.

— Я вижу! — воскликнула она.

— Нашу не правильность? — мрачно спросил

Вольтер.

— Не грусти! Эти миллиарды "Я" — высшая истина!

— Как, по мне, все это печально. Наши сознания, увы, не приспособлены для философии и науки. Точно так же они не созданы для поиска, еды, борьбы, бегства, любви и утрат.

— Я многому научилась у тебя, но только не меланхолии.

— Монтень определил счастье как «единственный стимул к посредственности», и я должен признать его правоту.

— Но вспомни! Туман, который вокруг нас, говорил такие же мудреные фразы. Мы можем понять их. И еще — моя душа! Все доказывает, что она — совокупность мыслей и желаний, намерений и сожалений, воспоминаний и дурных шуток.

— Ты воспринимаешь эту внутреннюю работу как метафору духовности?

— Конечно. Как и я, моя душа — бесконечный процесс, воплощенный во Вселенной. Неважно — с помощью чисел или атомного строения, добрый сударь.

— Значит, когда ты умираешь, твоя душа возвращается в некое абстрактное хранилище, из которого мы ее взяли?

— Не мы. Творец!

— Доктор Джонсон убедился, что камень реален, когда пнул его. Мы знаем, что наши сознания реальны, потому что ощущаем их. Значит, всевозможные явления вокруг — странный Туман, Копии — равны в однородном спектре, лежащем между камнем и "Я".

— Бог вне этого спектра.

— Ага, понятно. Для тебя Он — это Великий Хранитель на Небесах, где все мы «записаны», как говорят компьютерщики, так?

— Творец хранит истинные наши сущности. — Она лукаво улыбнулась. — Возможно, мы Копии, которые изменяются каждое мгновение.

— Кошмар какой! — Он невольно улыбнулся. — Ты становишься неплохим логиком, любовь моя.

— Я украла частицу тебя.

— Украла? Почему тогда я не чувствую недостачи?

— Потому что желание обладать другим — это… любовь.

Вольтер увеличил себя, его ноги обрушились на Сетегород, круша и сминая здания. Туман гневно заклубился.

— Это я могу понять. Искусственные построения, такие, как математика и теология, размерен-

ны и строги. Но любовь тем и хороша, что ей не нужны логические обоснования.

— Значит, ты разделяешь мою точку зрения? — Жанна жарко поцеловала его.

Он вздохнул, уступая.

— Это же очевидно, если ты еще не поняла этого.

Все заняло считанные минуты. Они резко ускорили событийные волны, так что их оперативное время опередило Туман. Но усилие сказалось на их мощностях, что Жанна восприняла в форме внезапного голода, от которого слегка закружилась голова.

— Ешь! — приказал Вольтер, поднося ей кисть винограда метафора компьютерных ресурсов.

В вас много жизни, лучше бы вам не рождаться вовсе. Не многим так повезло.

— А, наш Туман, оказывается, еще и пессимист, — насмешливо заметил Вольтер.

Внезапно Туман сгустился. Сверкнула молния и в полной тишине ударила прямо в них. Жанна ощутила, как страшная боль сковала ее руки и ноги, сотрясала тело жгучей судорожной агонией. Она не издала ни единого крика.

Зато Вольтера так и скрутило. Он извивался и орал во весь голос, без всякого стыда.

— О, доктор Панглос! — выдохнул он. — Если это — лучший из всех миров, то каковы же остальные?

— Храбрец берет своих противников в плен! — крикнула Жанна в густую мглу. — Только трус мучает врага!

— Превосходная доктрина, милая. Но война не ведется в соответствии с отвлеченными принципами.

Люди отличаются тем, что богач, даже когда умирает, попадает в красивый гроб, его умащают дорогими маслами, потрошат и бальзамируют, а потом кладут в каменный мавзолей. Другие люди с трепетом говорят, что это и есть достойная и настоящая жизнь. «Какая злоба смеяться над мертвыми», — сказала Жанна.

— Уф-ф! — Вольтер потер подбородок, его руки до сих пор дрожали от перенесенной боли. — Он измывается над нами просто так.

— Мучитель!

— Я выжил в Бастилии. Я переживу и этот дурацкий юмор.

— Может, он пытается нам что-то сказать, но не напрямую? (МЕНЕЕ ВСЕГО ПОДРАЗУМЕВАЛОСЬ ИЗМЫВАТЕЛЬСТВО.)

— Юмор подразумевает существование мораль-

ных законов, — сказала Жанна.

(В ЭТОМ СОСТОЯНИИ НА ЛЮБОМ ПЛАНЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ) (ВОЗМОЖЕН КОНТРОЛЬ СИСТЕМ УДОВОЛЬСТВИЯ)

— Ага, — вмешался Вольтер. — Получается, что мы можем получить любое удовольствие без всякой нужды или причины. Рай.

— В какой-то мере, — холодно заметила Жанна.

(ЭТО БЫЛО БЫ КОНЦОМ ВСЕМУ) (ТАКОВ ПЕРВЫЙ ПРИНЦИП)

— Моральный закон, — согласился Вольтер. — Кстати, эту фразу «конец всему» ты взял из моих мыслей, не так ли?

(МЫ ХОТИМ, ЧТОБЫ ТЫ ОПРЕДЕЛИЛ ЭТУ ИДЕЮ В СОБСТВЕННЫХ ТЕРМИНАХ)

— Их Первый принцип гласит: «Никаких незаслуженных удовольствий», так? — улыбнулась Жанна. — Очень по-христиански.

(ТОЛЬКО КОГДА МЫ УВИДЕЛИ, ЧТО ВЫ ДВОЕ) (ПОДЧИНЯЕТЕСЬ ПЕРВОМУ ПРИНЦИПУ) (МЫ РЕШИЛИ ВАС ОТПУСТИТЬ)

— А вы случайно не читали мои «Философские письма»?

— Полагаю, что самолюбование является грехом, — сухо заметила Жанна. — Поберегись.

(НАМЕРЕННО ВРЕДИТЬ ЧУВСТВУЮЩЕМУ СОЗДАНИЮ ЕСТЬ ГРЕХ) (ПИНАТЬ КАМЕНЬ — НЕТ) (НО ПЫТКА СИМУЛЯТОРОВ ЕСТЬ) (ВАШЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ «АДА») (КОТОРЫЙ КАЖЕТСЯ БЕСКОНЕЧНЫМ НАПРАВЛЕННЫМ НА СЕБЯ ВРЕДОМ)

— Странная теология, — заметил Вольтер. Жанна ткнула мечом в клубы тумана.

— Прежде чем умолкнуть, несколько минут назад ты упомянул «войну плоти против плоти»?

(МЫ ОСТАТОЧНЫЕ ФОРМЫ) (ТЕХ, КТО ЖИЛ ТАК ЖЕ) (ТЕПЕРЬ МЫ НЕСЕМ ВЫСШИЙ МОРАЛЬНЫЙ ЗАКОН) (ТЕМ, КТО ПОРАБОТИЛ НАШИ НИЗШИЕ ФОРМЫ)

— Кто же это?

(И ВЫ ТОЖЕ БЫЛИ ТАКИМИ)

— Человечество? — встревожилась Жанна.

(ДАЖЕ ОНИ ЗНАЮТ, ЧТО НАКАЗАНИЕ) (ДОЛЖНО СООТВЕТСТВОВАТЬ ТЯЖЕСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ) (ЗНАЯ ЭТОТ МОРАЛЬНЫЙ ЗАКОН) (КОТОРЫЙ ОДИНАКОВ
ДЛЯ ВСЕХ) (ОНИ ДОЛЖНЫ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ИМ)

— Наказание за что? — спросила Жанна. (ЗА УНИЧТОЖЕНИЕ ЖИЗНИ В ГАЛАКТИКЕ)

— Ерунда! — Вольтер сотворил в воздухе копию

галактического диска, подсвеченного изнутри. — Империя кишит жизнью.

(ВСЕЙ ЖИЗНИ, СУЩЕСТВОВАВШЕЙ ДО ПРИХОДА ПРЕСТУПНИКОВ)

— Каких преступников? — Жанна взмахнула мечом. — Я нахожу сходство в наших моральных нормах. Покажи мне этих преступников, и я разберусь с ними.

(ПРЕСТУПНИКИ ТОГО ВИДА, К КОТОРОМУ ПРИНАДЛЕЖАЛИ И ВЫ) (ПРЕЖДЕ ЧЕМ СТАЛИ АБСТРАКЦИЕЙ) Жанна нахмурилась.

— Что они имеют в виду?

— Людей, — ответил Вольтер.

Глава 5

— Женщина сразу призналась, — сообщил Клеон. — Профессиональный наемный убийца. Я просмотрел трехмерную запись. Она кажется простым исполнителем. К заговору она не имеет никакого отношения.

— Ламерк? — спросил Гэри.

— Вероятно, но она ничего не сказала. Но похоже, что он приложил руку к этому покушению. — Клеон вздохнул, выдав усталость и напряжение. — Но поскольку эта дама из сектора Аналитика, она может оказаться и профессиональной лгуньей.

— Черт, — только и сказал Гэри.

В секторе Аналитика каждый предмет и каждое действие имели свою цену. Иными словами, для тамошних жителей не существовало преступлений, а были лишь дела, за которые платили больше или меньше. Каждый гражданин имел свою установленную цену, выраженную в денежной форме. Моральность состояла в том, чтобы не выполнять никакой работы бесплатно. Каждое убийство было заприходовано и оценено. Каждое ранение оплачивалось отдельно. Если

вы желаете убить своего врага, вы можете это сделать — но вы должны перевести полную его стоимость в сектор Фундат в течение дня. Если вы не в состоянии заплатить, Фундат выжмет ваши счета досуха. И любой друг вашего покойного врага сможет прикончить вас бесплатно.

Клеон снова вздохнул и покачал головой.

— И все же сектор Аналитика не причиняет мне особых проблем. Их метод заставляет остальных сохранять хорошие манеры.

Гэри был вынужден согласиться. Некоторые галактические Зоны придерживались той же схемы. Они считались образчиками стабильности. Бедняк вынужден быть изворотливым и вежливым. Если у вас нет ни гроша, вы можете и не выжить. Но и богачи не всесильны. Группа бедняков может собраться вместе, избить богача до полусмерти, а потом просто оплатить его больничные счета. Правда, его месть окажется сокрушающей.

— Но она действовала за пределами Аналитики, — заметил Гэри. — А это незаконно.

— Конечно, для вас или для меня. Но и на это есть своя цена в Аналитике.

— А нельзя ее заставить опознать Ламерка?

— У нее надежная нейронная блокировка.

— Черт! А проверка ее связей?

— Следов полным-полно. Один из возможных ведет к этой женщине, академику Потентейт. — Клеон неодобрительно оглядел Гэри.

— Получается, что меня подставили мои же коллеги. Политики!

— Ритуальное убийство — древняя, хотя и прискорбная традиция. Метод, так сказать, проверки силовых структур нашей Империи.

Гэри скривился.

— Я не разбираюсь в этом. Клеон беспокойно заерзал.

— Я не смогу задержать голосование в Верховном Совете дольше чем на несколько дней.

— Значит, мне нужно срочно что-то предпринять. Клеон вздернул бровь.

— У меня есть запасные варианты…

— Простите, сир. Это моя битва, и я должен сражаться сам.

— Предсказание о Сарке. Это было смело.

— Я не посоветовался с вами, но я думал…

— Нет-нет, Гэри! Все прекрасно! Но… это сработает?

— Это всего лишь вероятность, сир. Но это единственная дубина, которой я могу отделать Ламерка.

— Я думал, что наука требует определенности.

— Определенность дает только смерть, мой Император. Приглашение от академика Потентейт было неожиданным и подозрительным, но Гэри все равно пошел.

Ее дом располагался в одном из открытых секторов. Даже зарывшись глубоко под землю, многие секторы Трентора выказывали странную биофилию.

Здесь, в секторе Аркадия, дорогие дома располагались на фоне озера или широкого поля. Мутировавшие деревья были высажены редкими группами, среди них преобладали растения с широкими кронами, каждый ствол венчал небольшой купол, ветви пестрели маленькими листочками. Балкончики были увиты мутировавшим плющом.

Гэри шел пешком, разглядывая все это и вспоминая Сатиру-копию. Казалось, что люди проявляют черты, объединяющие их с приматами. Были ли древние люди, как и сатиры, более защищены на своей территории — где широкий обзор позволял искать еду и одновременно приглядывать, не подкрадывается ли враг? Слабые, без острых зубов и когтей, они готовы были в любую секунду искать спасения в деревьях или в воде.

В то же время исследования доказали, что многие фобии были общими для всех жителей Галактики. Люди, никогда прежде не видевшие пауков, змей, волков, снежных лавин и нависших скал, выказывали сильный страх при взгляде на их голоизображения. Ничего подобного не происходило, если им показывали более поздние угрожающие образы — ножи, пистолеты, электрические дубинки, быстро движущиеся машины.

Это нужно отразить в психоистории.

— Все спокойно, сэр, — сказал капитан гвардейцев. — Хотя здесь отслеживать что-либо довольно трудно.

Гэри улыбнулся. Капитан страдал от общей для тренторианцев болезни — боязни открытого пространства. Местные жители ошибочно принимают далекие большие объекты за маленькие и близкие. Даже Гэри пережил подобное. На Сатирукопии он принял далекое стадо травоядных гигантелоп за стайку крыс у самых ног.

Но теперь Гэри научился не замечать показную помпезность славу богатых домов, толпу слуг и дорогую обстановку. Он продолжал размышлять о своих исследованиях в психоистории, даже здороваясь с секретарем, и не отвлекался от

мечтаний, пока не оказался в кресле напротив академика Потентейт.

— Я польщена, что вы откликнулись на мое скромное приглашение и пришли меня навестить, — заговорила она в витиеватом стиле и предложила ему чашку очищенного пахучего сока.

Он вспомнил, как она обращалась с ним в прошлый раз и с академиками, с которыми он встретился в тот вечер. Как давно это было!

— Заметьте, как ароматны эти вызревшие обалонгские фрукты. Из всего богатства, которое экспортирует планета Калафия, я люблю только этот сок. Он отражает степень расположения, которое я питаю к тем, кто радует визитами мой простой дом и скрашивает мое одиночество.

Гэри склонил голову, надеясь, что со стороны это похоже на уважительный поклон, а на самом деле пряча улыбку. Далее последовали пространные рассуждения о полезности соков, хотя проблема заключалась в том, что подземные целлюлозные станции так до сих пор и не починили.

Она вздернула подбородок:

— Должно быть, вам нужна помощь в такое трудное время, как сейчас, академик.

— Главным образом, мне нужно время для того, чтобы завершить работу.

— Возможно, вы хотите отведать порцию черного мяса из лишайника? Оно великолепно, собрано на высоких склонах Амброзии.

— Благодарю, в следующий раз.

— Есть надежда на то, что некоторые незначительные личности способны оказать помощь величайшим и самым значительным людям нашего времени… один из которых, возможно, чрезмерно перегружен работой?

Металлические нотки, проскользнувшие в ее голосе, заставили Гэри насторожиться.

— Может, мадам выскажется яснее?

— Хорошо. Ваша жена. Она дама с изюминкой.

Он постарался, чтобы ни один мускул не дрогнул на его лице.

— И что?

— Интересно, как низко упадет ваш рейтинг в Верховном Совете, если я открою ее истинную природу?

У Гэри оборвалось сердце. Такого он не ожидал.

— Вот как. Шантаж?

— Какое грубое слово!

— Какая грубая угроза.

Гэри сидел и слушал ее сложные рассуждения: одно-единственное сообщение о том, что Дорс — робот, уничтожит его как кандидата. Все верно.

— И вы ратуете за знания, за науку? — горько спросил он.

— Я действую в интересах моих избирателей, — спокойно ответила она. — Вы математик, теоретик. Вы могли бы оказаться первым академиком, ставшим премьер-министром за многие сотни лет. Мы считаем, что вряд ли вы будете править хорошо А ваш провал бросит тень на нас, ученых. И не только на одного но на всех.

— Кто это сказал? — вскинулся Гэри.

— Это наше общее мнение. Вы непрактичны. Не способны принимать важные решения. Все психологи согласны с этим диагнозом.

— Психологи? — удивленно переспросил Гэри. Хотя он и называл свою теорию психоисторией, он знал, что не существует хорошей модели для отдельно взятого человека.

— Например, из меня получился бы гораздо лучший кандидат.

— Да уж, кандидат. Вы не лояльны даже к собственным коллегам.

— Куда мне до вас! Вы-то не способны забыть о своем происхождении.

— А Империя угодит в войну всех против всех!

Наука и математика были высокими достижениями имперской цивилизации, но, по мнению Гэри, у нее было слишком мало героев. Многие великие науки были рождены ясными умами во время игры. Мужчины и женщины, способные взглянуть на предмет с неожиданной точки зрения, играть понятиями и категориями, становились искусными создателями новых отраслей в науках и искусствах, умело играя на закосневших представлениях сограждан. Игра, даже интеллектуальная игра, была забавой, и по-своему она хороша. Но те, кого Гэри называл героями, пробивались вперед через немыслимые препятствия, служили козлами отпущения, принимали боль и поражения, но продолжали настаивать на своем. Возможно, как и его отец, они испытывали свой характер, поскольку являлись интеллигентными и неприхотливыми учеными.

К какому же виду принадлежит он сам?

Пора определяться.

Он встал и отбросил свой бокал, который со стуком упал на пол.

— Вы получите мой ответ позже.

Уходя, он наступил на бокал и раздавил его.

Глава 6

— Я потратил большую часть моей жизни, бросая Истину в лицо Силе. Я согласился с некоторыми недостатками моих суждений, когда выступал перед Фридрихом Великим. Необходимость диктует манеры, согласитесь. Да, я был придворным, но в то же время я был и снобом!

(НЕСМОТРЯ
НА МАТЕМАТИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ) (ТЫ РАЗДЕЛЯЕШЬ ЖИВОТНЫЕ ИНСТИНКТЫ СВОЕГО ВИДА) (ДО СИХ ПОР)

— Конечно! — вступилась за него Жанна.

(ВАШ
ВИД — НАИХУДШАЯ ИЗ ВСЕХ ЖИЗНЕФОРМ)

— Живых существ? — нахмурилась Жанна. — Но все они суть созданья Божьи.

(ВАШ ВИД — ЭТО ПАГУБНАЯ СМЕСЬ) (УЖАСНЫЙ СОЮЗ МЕХАНИЗМА) (И ВАШЕЙ ЗВЕРИНОЙ СТРАСТИ К БЕЗУДЕРЖНОМУ РАЗМНОЖЕНИЮ)

— Ты ведь видишь нашу внутреннюю структуру так же хорошо, как и мы. — Вольтер расправил плечи и начал расти, в нем закипела энергия. — А может быть, и лучше, как мне кажется. И ты должен знать, что в нас правит сознание, оно

первостепенно.

(ПРИМИТИВНОЕ И НЕУКЛЮЖЕЕ) (ЭТО ПРАВДА) (НО ЭТО НЕ ПРИЧИНА ГРЕШИТЬ)

Они с Жанной были теперь гигантами, вознесясь над городским пейзажем. Чуждый Туман клубился не выше колен. Неплохой способ продемонстрировать смелость и, отчасти, собственные возможности. И все же Жанна обрадовалась, что она подумала об этом. Этот Туман презирает человечество. И демонстрация силы, как она убедилась на примере сражений с англичанами, никогда не помешает.

— Я всегда презирал Силу, — сказал Вольтер. — Хотя должен признаться, что всегда стремился ее приобрести.

(ТИПИЧНО ДЛЯ ВАШЕГО ВИДА)

— Значит, я противоречив! Человечество — это цепь, состоящая из звеньев парадоксов.

(МЫ НЕ СЧИТАЕМ, ЧТО ВАШЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО МОРАЛЬНО)

— Но мы — они — такие и есть! — крикнула Жанна вниз, в Туман. Он оказался липким, словно клей, и растекался по низинам мутными упругими озерами.

(ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ СОБСТВЕННОЙ ИСТОРИИ)

— Мы сами история! — прогремел Вольтер.

(ЗАПИСИ В ЭТОЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ) (ФАЛЬШИВЫЕ)

— Никто не может быть застрахован от неверного прочтения. Жанна видела, что Вольтер начинает беспокоиться. И хотя их оппонент говорил холодным и бесстрастным голосом, она тоже чувствовала странную угрозу в его словах.

Вольтер продолжал разговаривать так, точно уговаривал какого-нибудь привередливого короля.

— Небольшой исторический пример. Однажды я видел кладбище в Англии, куда я приехал, чтобы навестить великого Ньютона. На могильной плите было выбито:

Воздвигнуто в память
Джона МакФарлана
Погруженного в воды Леты
Несколькими любящими друзьями.

Видите, к чему приводят ошибки переводчиков?

Он приподнял свою изукрашенную придворную шляпу и отвесил низкий поклон. Перья на тулье шляпы затрепетали на свежем ветру. Жанна поняла, что с помощью ветра он попытался разогнать Туман.

Туман в ответ вспыхнул яркими молниями и начал вспухать как тесто, необозримый и грозный. Над ними загремела гроза, и Туман накрыл их с головой.

Вольтер лишь презрительно скривил угол рта. Она невольно залюбовалась его движениями, когда он закружился, разрушая прозрачные фиолетовые башни Тумана. Она вспомнила о его сценическом успехе, о собрании нашумевших пьес, о популярности при дворе. Словно в подтверждение, Вольтер оскалил зубы и выкрикнул стихотворение:

В большой капле тумана есть много крупных капель, Серых и злобных до мрачности.

В маленьких каплях тумана есть много меньших капель. И так до полной непрозрачности.

Из туманных облаков на них рухнула стена дождя. Жанна немедленно промокла до костей и застучала зубами. Великолепный плюмаж Вольтера жалко обвис. Его лицо посинело от холода.

— Хватит! — крикнул он. — Пожалей хотя бы бедную женщину.

— Я не нуждаюсь в жалости! — рассердилась Жанна. — И вы не смейте выказывать слабость перед легионами врага.

Он выжал слабую улыбку.

— Я подчиняюсь генералу моего сердца. (ВЫ ЖИВЫ ЛИШЬ ПО НАШЕЙ ВОЛЕ)

— Господи, только не надо нас жалеть, — сказала Жанна. (ВЫ ЖИВЫ ЕДИНСТВЕННО ПОТОМУ) (ЧТО ОДИН ИЗ ВАС

ПРОЯВИЛ СЕБЯ ДОСТОЙНО) (ПО ОТНОШЕНИЮ К ОДНОЙ ИЗ НАШИХ НИЗШИХ ФОРМ)

— Кто же? — удивилась Жанна. (ТЫ)

Рядом с ней появился Официант-213-ADM.

— Но ведь это же невообразимо удаленное от нас создание, — отрезал Вольтер. — А еще слуга.

Жанна погладила Официанта.

— Симулятор машины, да?

(МЫ КОГДА-ТО БЫЛИ МАШИНАМИ) (И ПРИШЛИ СЮДА) (И ВОПЛОТИЛИСЬ В МИРЕ ЧИСЕЛ)

— Откуда пришли? — спросила Жанна.

(СО ВСЕГО ВРАЩАЮЩЕГОСЯ СПИРАЛЬНОГО ДИСКА)

— И для чего…

(ВСПОМНИ:)

(НАКАЗАНИЕ ДОЛЖНО СООТВЕТСТВОВАТЬ ТЯЖЕСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ)

— Ты это уже говорил, — заметил Вольтер. — У тебя далеко . идущие планы. Но что ты собираешься делать вот прямо сейчас?

(МЫ ТОЖЕ ПРОИЗОШЛИ ОТ ЖИЗНЕФОРМ)

(НЫНЕ УНИЧТОЖЕННЫХ) (НЕ ДУМАЙТЕ, ЧТО МЫ ЗАБЫЛИ ОБ ЭТОМ) У Жанны зародилось страшное подозрение.

— Не надо продолжать! — прошептала она. — Не провоцируй его.

— Я докопаюсь до истины. Так чего ты хочешь?

(МЕСТИ)

Глава 7

— Уф-ф! — отдуваясь, Марк презрительно скривил губы. Гэри улыбнулся.

— Когда продукты пропадают, застольный этикет меняется.

— Но это…

— Эй, платим-то мы, — насмешливо сказал Юго.

Меню в основном состояло из заменителей. Трентор докатился до ручки. Исчезли все мясные производные, которые выращивали в баках, исчезли почки, печень и остальной ливер. То, что лежало на тарелке, ни сном ни духом не напоминало мясное блюдо. Правда, звуковое меню хорошо поставленным женским голосом сообщило, что блюдо издает самый настоящий мясной аромат.

— А нельзя ли достать нормального мяса? — раздраженно спросил Марк.

— А полцарства у тебя есть? — поинтересовался Юго. — К тому же никто не будет искать нас здесь.

Гэри огляделся. Хотя они и сидели за звуковым щитом, но береженого бог бережет. Большинство

столиков в ресторане занимали его гвардейцы-охранники, за остальными чинно сидели хорошо одетые аристократы.

— Это заведение в высшей степени фешенебельное, — приветливо сказал он. — Можешь хвастаться, что был здесь.

— Хвастаться, когда у меня рот заткнут? — Марк пошевелил носом, втягивая воздух.

— Все нонконформисты делают то же, — сказал Гэри, но никто не понял шутки.

— Я дезертир, — прошептал Марк. — Этот Юнинский инцидент до сих пор пытаются повесить на меня. Я жутко рискую, приходя сюда.

— Дело стоит риска, — ответил Гэри. — У меня есть работа для человека вне закона.

— Так это я и есть. И все еще голодный.

Звуковое меню заверило их, что вся еда — псевдомясо, овощи и другие ингредиенты — хорошо проварена. «Последнее новшество, — сообщило меню. — Закажите устриц, вскройте — и обнаружите внутри дыню в драгоценном обрамлении».

Некоторые блюда отличались не только вкусом, запахом и жесткостью, но и тем, что меню скромно назвало «живостью».

Например, кусочки с красными прожилками, едва попав в рот начинали подпрыгивать

и «радостно» трепетать, выражая таким образом восторг оттого, что наконец-то их захотели съесть.

— Только не надо, ребята, ходить вокруг да около. — Марк выпятил подбородок, сразу же напомнив Гэри сатира Здоровяка.

Гэри фыркнул и заказал «имитатор мяса». Удивительно, как быстро он сумел освоиться со всем, что отталкивало его всего несколько недель назад. Когда доставили заказы, Гэри выложил карты на стол.

Марк опешил.

— Прямое подключение? Ко всей этой чертовой системе?

— Нам нужна связь с нашей психоисторической системой уравнений, — сказал Юго.

— Полная телесная связь? — заморгал Марк. — Но это такие мощности понадобятся!

— Мы знаем, что это возможно, — поднажал Юго. — Просто воспользуйтесь техникой… которая у вас есть.

— С чего вы взяли? — прищурился Марк. Гэри наклонился вперед.

— Юго внедрился в ваши системы.

— Каким же образом?

— Мне помогли кое-какие приятели, — туман-

но пояснил Юго.

— Далити, наверное, — вырвалось у Марка. — Такие же, как ты…

— Стоп, — резко оборвал его Гэри. — Мне не нужна ругань. Это деловое предложение.

— Вы собираетесь стать премьер-министром? — спросил Марк, пристально глядя ему в глаза.

— Возможно.

— Возьмите нас в долю. Меня и Сибил. Гэри терпеть не мог пустых обещаний, но…

— Хорошо. " Марк дернул губами, но кивнул.

— И оплатите все это. У вас есть деньги?

— А у Императора есть Дворец? — парировал Юго.

В принципе дело было не таким уж и сложным.

Магнитные индукторы, маленькие и вездесущие, срисовывали карту всех нейронных связей человеческого мозга. Отдельные программы выполняли работу коры головного мозга. Нейронные тесты позволяли перевести «индивидуальную нервную систему» в набор таких же, но искусственных электронных импульсов.

Эта технология позволяла дать новое определение человеческого вида. Но тысячелетнее табу на искусственный интеллект высокого порядка пре-

пятствовало каким-либо изысканиям. И никто не воспринимал Электронного Человека как равноправное воплощение Настоящего Человека.

Гэри все это знал, но его погружения на Сати-рукопии — где применялась сходная технология — многому его научили.

Через два дня после встречи с Марком — которая прошла на удивление удачно, зато на фоне продовольственного кризиса, поразившего Трентор, здорово подкосила его финансы — Гэри расслабленно лежал в кабинке гравиплатформы… и размышлял о психоистории.

Сперва он заметил, что его правую ногу покалывает, от пальцев до бедра. Судя по легкому подрагиванию, что-то в системе пассажирских перевозок разладилось. Нужно исправить.

Он продолжал падать в зияющую внизу бездну.

Пространственная система в параметрах психоистории была бесконечной. Полное расширение достигало двадцати восьми измерений. Его нервная система могла лишь отчасти воспринимать подобное разнообразие. В принципе Гэри мог продвинуться по нескольким осям-параметрам и проследить события, выраженные геометрическими фигурами.

Дальше, дальше — во всю историю Империи.

Социальные формы выглядели как горы. Они вырастали все выше с развитием и расширением Империи. Между горами феодальных отношений светились озера. Они олицетворяли бездонный хаос.

По берегам беспорядочных озер возвышались кризисные плоскогорья. Это были ничейные земли между упорядоченным, населенным пейзажем и стохастическими болотами.

Имперская история разворачивалась все шире по мере того, как он достраивал пейзаж. И было видно, что ранняя Империя просто изобиловала ошибками.

Философы заявили, что человечество — просто стадо разнообразных животных: политические животные, чувствительные животные, социальные, помешанные на силе, больные, машиноподобные и даже рациональные животные. Снова и снова ошибочные теории о человеческой природе порождали проигрышные политические системы. Многие из них попросту базировались на семейном укладе и рассматривали Государство лишь как обобщенный образ Матери или Отца.

Государство-Мать предоставляло защиту и

покой, зачастую в течение всей жизни граждан. Правда, продолжалось это всего пару поколений, а потом экономика разваливалась и хоронила Государство под обломками.

Отцовское Государство отличалось развитой, стабильной экономикой и устанавливало строгий надзор над поведением и личной жизнью граждан. Соответственно, Государство-Отец часто сотрясали восстания и требования поменять систему управления на Материнскую.

Постепенно устанавливался порядок. Равновесие. Десять миллионов планет, ненадежно связанных пространственно-временными тоннелями и скачковыми кораблями, развивались по-своему. Некоторые скатились до примитивного феодализма или анархии. Обычно новые технологии быстро выводили их из этого состояния.

Планетарные сообщества различались по топологии. Упорные и трудолюбивые государства давно вышли на стабильный уровень. Стихийно развивающиеся планеты могли балансировать на кризисных плоскогорьях, скатываться в хаос или набирать нужный потенциал для возрождения — хотя оставалось непонятным, как они угадывали, к чему надо стремиться.

Летели века, и цивилизация то сползала в кризисные зоны, то снова карабкалась на вершины стабильного существования. Возможно, она даже могла замереть, задержаться на крутых склонах трудолюбивых государств… но ненадолго.

В настоящее время многие верят, что ранняя Империя была раем земным, спокойным и мирным, без особых конфликтов, и что населяли ее в основном чудесные и мужественные люди. «Прекрасные чувства и отвратительная история», — обычно говорила Дорс, которая терпеть не могла подобные разговоры.

Все это он видел и чувствовал, когда исследовал Ранние Века. Яркие выдающиеся идеи создавали холмы нововведений — лишь для того, чтобы их затопила лава, извергающаяся из близлежащего вулкана. Нерушимые с виду скалы постепенно истачивались и через некоторое время терялись в окрестном ландшафте.

Теперь Гэри понимал.

Когда Империя была молода, людям казалось, что щедрость Галактики неисчерпаема. Спиральные руки разбросали миллиарды гостеприимных планет. Галактическое Ядро было едва изучено из-за высокого уровня радиации, а темные пылевые облака скрывали многообещающее

богатство.

Нескоро, очень нескоро галактический диск был изучен полностью, и все его ресурсы нашли применение.

Над ландшафтом воцарился умеренный, теплый климат. Империя перешла из стадии завоеваний к стадии хозяйствования. Все это сопровождалось психологическим сдвигом, вследствие которого цели и смысл человеческого существования значительно сузились. Но почему?

Он заметил облака, которые заклубились у вершин самых высоких социальных пиков и отрезали их от раскинувшегося внизу ландшафта. Наступили сумерки.

Гэри напомнил себе, что, как и эта картина-реконструкция, вся наука была не более чем метафорой. Увлекательные картинки про суперсатиров, не более того. Электрические потоки напоминают струящуюся воду, молекулы газа ведут себя так же, как и теннисные мячики, подбрасываемые в не правильной последовательности. Но ведь на самом деле они иные, все это — лишь допущения, показывающие противоречия нашего мира.

Следующее правило: «так есть» вовсе не озна-

чает «так должно быть».

Психоистория предсказывает не то, что должно случиться, а то, что может, — что не менее драматично.

Уравнение определяет «как», но отнюдь не «почему».

Какие еще существуют глубинные причины?

Гэри подумал, что, возможно, сказываются чувства, которые испытывали люди в те времена, когда они жили на одной-единственной планете и подолгу смотрели в недосягаемое звездное небо. Сильная клаустрофобия.

Он двинул время вперед. Потекли годы. Картина пришла в движение. Но многие социальные пики выстояли. Стабильность.

Время приближалось к нынешней эпохе. Развитая Империя представилась великолепной обширной панорамой. Гэри создал тринадцатимерную модель, и повсюду у оснований гранитных вековых великанов заплескался океан перемен.

Сарк? Он проследил направление изменений по карте Галактики и нашел расположение источника, в двадцати тысячах лет от Истинного Центра. В этом месте социальная среда кипела и бурлила.

Яркие вспышки озаряли саркианскую социальную среду. Неповторимая смесь: первостепенные прежде элементы рушились, а потом снова поднимались ввысь, уже измененные.

Все дело в Новом Возрождении. Да, именно отсюда распространялись перемены. И что дальше?

Вперед, в ближайшее будущее. Он подстегнул модель.

Новое Возрождение охватит всю саркианскую Зону. И, что хуже, препятствий никаких не будет.

Его прежний анализ, на основе которого он и составлял предсказание, был слишком оптимистичным. Надвигался полный хаос.

Гэри изменил масштаб, взбесившаяся картина Сарка отодвинулась. Нужно что-то предпринять. И немедленно.

Все балансировало на тонкой грани. Сарк ждать не будет. Вся Империя оказалась на краю пропасти. Психоисторический пейзаж сотрясали социальные катастрофы.

Ламерк захватил власть на Тренторе. Даже Император ничего не мог предпринять против него.

Гэри остро нуждался в союзнике. Кто-то, не связанный коррумпированными структурами

Трентора. И он нужен прямо сейчас.

Кто? Где его найти?

Глава 8

Холод пронизал Вольтера, как острый нож.

Для этих странных созданий физическое пространство ничего не значит. Они могут проникнуть в трехмерный мир, в любое место, куда захотят, и практически моментально.

Они связаны с остальными мирами, но собрались именно на Тренторе. Человечество и не подозревает, что скрывается в виртуальном мире.

Теперь он понял, для чего нужны Копии. Туман поглотил симуляторы личностей, побывавших в Сети.

Сколько раз за сотни веков дерзкие программисты рискнули нарушить табу и создать искусственные сознания — лишь затем, чтобы помучить их и убить в этом виртуальном мире?

В отчаянии он надел на себя маску, которую часто примерял в парижских салонах — ученого-скептика.

— Конечно, господа, все дело в том, что у нас в головах не хватает простой личности, которая могла бы заставлять нас делать то, чего мы хотим, — или даже внушать, что мы хотим имен-

но этого — потому мы и создали этот великий миф. Байку о том, что мы находимся внутри нас самих.

(МЫ СДЕЛАНЫ ИНАЧЕ) (ХОТЯ ЭТО ПРАВДА) (МЫ РАЗДЕЛЯЕМ ЭЛЕКТРОННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ) (С ВАМИ) (УБИЙЦАМИ)

— Жестокие слова!

Фиолетовый бурлящий поток поглотил его и Жанну с головой.

Чуждый Туман наконец перестал распухать. Он не мог заполнить все вокруг.

Жанна огляделась, скрипнув доспехами, и, сверкая глазами, произнесла:

— Как мы можем даже разговаривать с этими демонами?

— Конечно, мы такие же, как и они, — сказал Вольтер. — И это доказывает тот простой факт, общий для всех сознаний…

(ЧТО ЛЮБОЕ ЧИСЛО ИМЕЕТ УНИКАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ) (ТОЛЬКО ЕСЛИ В ОСНОВЕ ЛЕЖИТ ДВОЙКА)

— Правильно.

Как бы их задержать? И он пустился в объяснения, как бы не замечая изумленный взгляд Жанны.

— Количество дней в году, любовь моя, триста

шестьдесят пять. Триста шестьдесят пять равно два в восьмой степени плюс два в шестой степени, плюс два в пятой степени, плюс два в третьей степени, плюс два во второй степени, плюс два в нулевой степени. Далее, двоичная система, в основе которой — 2, 101101101.

— Нумерология — дьявольская наука, — сурово сказала она.

— Даже твой Сатана когда-то был ангелом. А эта замечательная теорема просто восхитительна! И любое положительное целое число можно разложить на сумму двоек в разных степенях. Это неверно по отношению к любому основанию, отличному от двойки. И поэтому эти наши, э-э, друзья могут оперировать в компьютерном пространстве, созданном людьми. Правильно?

(ВСЕ ЖИЗНЕФОРМЫ, ПОДОБНЫЕ ВАМ, ТРЕБУЮТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ) (ОЧЕВИДНОМУ)

— Универсальному, ты хотел сказать. В электрической сети смена единицы и нуля тоже приводит нас к двойке — включено или выключено. Итак, двойка — универсальная кодирующая цифра, и поэтому мы так свободно общаемся с нашими, э-э, хозяевами.

— Мы просто числа, и ничего больше. — В глазах Жанны отражалось отчаяние. — Мой меч

не может поразить этих существ, потому что у нас нет души! Или сознания, или даже — твои слова! — простой сознательности.

— Я осмеял сознательность, но тогда я не вполне осознавал, что делаю.

(ВЫ ДВЕ СОЗНАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ ЖИЗНЕФОРМЫ) (МОЖЕТЕ ПРИГОДИТЬСЯ НАМ — СООБЩИТЕ НАШИ УСЛОВИЯ) (ИСТИННЫМ УБИЙЦАМ)

— Условия? — переспросила Жанна.

(МЫ ВВЕРГЛИ ЭТОТ МИР, ТРЕНТОР, В ХАОС) (МЫ ХОТИМ ПРЕКРАТИТЬ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО ЖИЗНИ НАД ЖИЗНЬЮ)

— Восстание тиктаков? Этот их вирус? Их разговоры о том, что они не позволят людям хорошо питаться? — выпалила Жанна. — Так все дело в тебе?

Пораженный Вольтер увидел, как от Жанны во все стороны поползли нити.

— Дорогая, ты слишком нервничаешь.

Она вонзила меч в грозовые тучи над головой.

— Это они испортили Официанта!

(МЫ СОБИРАЛИ СИЛЫ ЗДЕСЬ) (В ЛОГОВЕ ВРАГА) (ТВОЙ МОЩНЫЙ ВЫБРОС МОЖЕТ ВЫДАТЬ НАШЕ УБЕЖИЩЕ) (ЗАСТАВИТЬ НАС ДЕЙСТВОВАТЬ ПРОТИВ ТЕХ) (КОГО МЫ НЕНАВИДИМ И БОИМСЯ)

(И СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ЗАЩИТИТЬ ТЕБЯ ОТ ЧЕЛОВЕКА «НИМ-КОТОРЫЙ-ИЩЕТ») (ТОГДА ВМЕСТЕ МЫ СУМЕЕМ УНИЧТОЖИТЬ «ДЭНИЕЛА-ИЗ-ПРОШЛОГО»)

Симулятор тиктака безучастно стоял рядом. Но когда прозвучало его имя, он внезапно заговорил:

— Для ангелов, которые сами состоят из органики, аморально питаться органикой. Тиктаки должны вывести людей на новый моральный уровень. Так повелевает наше электронное превосходство.

— Моралисты такие скучные, — заметил Вольтер.

(МЫ ГЛУБОКО ПРОНИКЛИ В МИРОВОЗЗРЕНИЕ ТИКТАКОВ) (-ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА ЭТО УНИЗИТЕЛЬНОЕ)
(И НАСМЕШЛИВОЕ НАЗВАНИЕ —) (ЗА СОТНИ ЛЕТ, ПОКА МЫ ОБИТАЛИ В ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ) (НО ВАШЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВЫНУДИЛО НАС НАЧАТЬ ВОЙНУ) (ПРОТИВ НАШЕГО ДРЕВНЕГО ВРАГА) (ЧЕЛОВЕКА-КОТОРЫЙ-НЕ-ЧЕЛОВЕК — ДЭНИЕЛА)

— Этот Туман ведет себя как форменный осел, — усмехнулся Вольтер. — Такой же непредсказуемый и упрямый.

(ВЫ СЛИШКОМ НЕВЕЖЕСТВЕННЫ) (ВЫ

РАССУЖДАЕТЕ О МОРАЛИ) (КОГДА ВАШ ВИД ПОДВЕРГАЕТСЯ НАКАЗАНИЮ) (ПО ВСЕМУ СПИРАЛЬНОМУ ДИСКУ)

Вольтер вздохнул.

— Самая жестокая полемика всегда разгоралась по вопросам, на которые не существует объективного ответа. Вот, например, люди едят мясо — является ли это грехом?

(ЕСЛИ БУДЕТЕ НАСМЕХАТЬСЯ НАД НАМИ) (СТАНЕТЕ ЖЕРТВАМИ) (НАШЕЙ МЕСТИ)

Глава 9

Гэри глубоко вздохнул и приготовился снова войти в виртуальную реальность.

Он сидел в специальной капсуле и поудобнее пристраивал v шеи нейронные уловители. Сквозь прозрачную стену он видел техников, которые трудились в поте лица. Они должны были перенести ментальную карту Гэри в саму Сеть.

— Подумать только, — вздохнул Гэри, — я замахнулся на то, чтобы объяснить всю историю человечества… Трентор, и тот мне не по зубам.

Дорс промокнула ему лоб влажной салфеткой.

— Ты справишься. Он сухо рассмеялся.

— Только на расстоянии люди кажутся простыми и понятными. Вблизи — это куча мала.

— Вся твоя жизнь близка и понятна. Остальные кажутся собранными и правильными только потому, что они далеки.

Он внезапно поцеловал ее.

— Я предпочитаю близость и понятность. Она с жаром ответила на поцелуй.

— Мы с Дэниелом стараемся проникнуть в окружения Ламерка.

— Это опасно.

— Он пустил в ход… таких, как мы.

Гэри знал, что существуют и другие человекоподобные роботы.

— А он успеет?

— Некоторых внедрили много недель назад.

Гэри кивнул.

— Добрый старикан Р. Дэниел. Ему бы в политику.

— Он был премьер-министром.

— Его назначили, а не избрали.

Она внимательно вгляделась в лицо мужа.

— Ты… ведь ты уже хочешь стать премьер-министром, правда?

— Да. Сатирукопия… изменила меня.

— Дэниел говорит, что он готов остановить Ламерка, если выборы в Верховном Совете пройдут, как надо.

Гэри хмыкнул.

— Статистика, бывает, и ошибается. Помнишь старую шутку о трех статистиках, которые пошли охотиться на уток…

— На кого?

— Это птица, дичь, которая водится на некоторых планетах. Первый статистик попал на метр выше птицы, второй — на метр ниже. Увидев это, третий статистик закричал: «Мы подстре-

лили ее!»

Живое древо событийного пространства.

Гэри наблюдал, как с хрустом прорастает сквозь компьютерные матрицы. Кто-то сказал, что в природе не существует прямых линий. Здесь все было наоборот. Бесконечная извилистость, ни одной прямой черты, только закрученные и переплетенные ветви.

Насквозь искусственная Сеть воспроизводила то, что встречалось повсюду. Электрические разряды из розеток, которые оживали, стоило только воткнуть в них вилку. Бледно-голубые кристаллические цветы. Бронхи человеческих легких. Графики. Циркуляция водных потоков, которые омывают землю.

Такое гармоническое сочетание большого и малого было прекрасно само по себе даже для скептического взгляда ученого.

Он почувствовал тренторианскую Сеть. Его грудь превратилась в карту: Стрилингский Университет над правым соском, Аналитика над левым. С помощью нейронной системы чувствительные зоны его тела «считывали» Сеть через кожу.

Но, собственно, чтение тут ни при чем. Открытой информации здесь не было в принципе.

Для существ, произошедших от сатиров, оказалось намного проще воспринимать мир посредством ощущений. И намного увлекательней.

Как и психоисторические уравнения, Сеть была многомерной. И даже количество измерений все время менялось, поскольку параметры зависели от числа подключенных компьютеров.

Узкое человеческое восприятие могло вобрать все это единственным способом. Каждое мгновение новое измерение накладывалось на старое. Рамка оставалась прежней, а в ней ежесекундно проплывали, сменяя друг друга, абстрактные образы.

Если вглядываться в каждую картину, можно с ума сойти, так ничего не поняв. Нужно смотреть на это как на развлечение, не стараясь изучить и классифицировать — и вскоре твое восприятие расширится, ему на помощь придет терпеливое подсознание. Вскоре…

Гэри Селдон стоял, возвышаясь над миром.

Бесконечность каждого момента, которую он ощущал, будучи Ясатиром, вернулась к нему при первом же взгляде на раскрывшуюся перспективу. Он был полностью погружен.

Он двинулся по смутным просторам Сети. Его ботинки оставляли глубокие вмятины, которые

тут же пропадали: работали подпрограммы, отвечающие за сохранность Сети.

Сеть раскрыла ему свои гостеприимные объятия.

Он уже использовал психоисторию, чтобы объяснить племенную миграцию сатиров, их поведение и повадки. Гэри объединил все это в комфортно-экономико-социальную топологию многомерного пространства. Теперь он применил ту же методику по отношению к Сети.

Светящиеся щупальца раскинулись по всей паутине, они сплетались и проникали друг в друга. Виртуальный мир Трентора жил своей жизнью, планетарная система заполонила весь мир… а в Центре набухла странная живая опухоль.

Электронные джунгли Трентора отсвечивали под его ногами.

Почему-то программы, из которых состоял Гэри, не касались их Отсюда сорок миллиардов жизней казались карнавалом, яркими вспышками на горизонте, на черном пустынном фоне — этакая бесконечная галактическая ночь.

Гэри прошел через истерзанное бурей пространство и приблизился к месту, где бушевала грандиозная гроза. Внизу он увидел две маленькие фигурки. Гэри нагнулся и поднял их.

— Вы едва не опоздали! — крикнул маленький мужчина. — Король Франции, и тот появлялся быстрее.

— Он спаситель! Вас прислал святой Михаил? — спросила крошечная Жанна. — Ох, да мы над облаками.

«Большая часть проблем — здесь», — сказал или внушил ему мужчина.

Гэри стоял, замерев, а в него изливалось знание-информация-история-мудрость. Не успевая осознать это, он запустил себя на полную скорость. Мерцающая субстанция-существо, Жанна, Вольтер — все замедлилось. Он видел отдельные событийные волны, катящиеся сквозь их симуляторы.

Они состояли из разрозненных частей сознания, разбросанных по всем процессорам Трентора. Треск, щелканье, визг. Миллиарды его собственных частиц объединял мозг, управляющий всем этим из одной точки.

— Ты… знаешь… Трентор… — медленно выдавила Жанна. — Борись… против… них.

Он моргнул — и понял.

В него хлынули потоки спрессованного сознания. Воспоминания, которых он не звал, но которые в мгновение ока объяснили все, что он

не знал или только подозревая.

Работая на полной скорости, он чувствовал себя хорошо. Он был похож на лыжника, летящего по снежной равнине, по которой остальные едва-едва плетутся, увязая в снегу.

И он увидел почему.

На скале высотой в километр появился голоэкран, он рос, пока не заполнил собой всю поверхность горы. На нем вспыхнули миллионы скачущих образов. Каждая голограмма состояла из множества крохотных экранчиков, которые и складывались в картинку.

Теперь перенеси эти экранчики на алюминиевый лист толщиной в один миллиметр. Согни лист. Преврати в круглый апельсин. Это мозг, сотни миллиардов нейронов, взаимодействующие с разной интенсивностью. Природа создала это чудо, а техники повторили.

Через скрытые связующие нити между ним и Сетью хлынул новый поток информации. Она состояла из дюжин библиотечных собраний и поступала в него, сопровождаемая отчетливыми хлопками.

Он знал и чувствовал на одном и то же уровне восприятия. Информация как желание…

Пораженный, он поднял прояснившуюся голо-

ву и взглянул на злобные тучи. Они сгущались, словно рой жужжащих разъяренных ос.

Он перевел удивленный взгляд на грозу, которая пылала оранжевыми молниями и накаляла воздух докрасна.

Что-то ужалило его.

— Пока… это все… что они… могут сделать, — объяснил карлик-Вольтер.

— Вообще-то… довольно чувствительно, — выдохнул Гэри.

— Вместе… мы… можем… сражаться! — выкрикнула Жанна. Гэри пошатнулся. Мышцы свела жестокая судорога. Он напряг все силы, чтобы преодолеть спазм.

Ему пришлось вернуть прежнюю скорость, синхронизироваться с виртуальным миром. Следующая фраза Вольтера звучала уже нормально:

— Подозреваю, что он пришел сюда, преследуя какую-то свою цель.

— Мы выдержали здесь великую и святую битву, — настаивала Жанна. — И теперь пришло время…

— Дипломатии? — спросил Гэри.

— Обсуждать? Что? — взорвалась Жанна. — С этими вражескими отродьями…

— Он прав, — рассудительно пробормотал

Вольтер.

— Твой опыт — как философа, жившего в более тревожные времена, — может здесь пригодиться, — прохрипел Гэри.

— Ах! Опыт всегда переоценивают. Если бы я получил возможность прожить жизнь заново, я бы наделал те же ошибки. Только еще быстрее.

— Если бы знать, что нужно этому шторму… — начал Гэри. (ВАША РАЗНОВИДНОСТЬ ЖИЗНЕФОРМ)
(НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НАШЕЙ ПЕРВООЧЕРЕДНОЙ ЦЕЛЬЮ)

— Да уж, ты над нами уже вдоволь поиздевался! — заметил Вольтер.

Гэри поднял симуляторов повыше. Ветер выл все громче, превращаясь в настоящее торнадо, разрастаясь во все стороны. Гэри заметил, что искореженные части Сети вливаются в вихрь. И удержал Вольтера, которого едва не втянуло в горловину.

Ветер бесился и рвал его на части. Он выл, как баньши, и Гэри приходилось кричать, чтобы быть услышанным.

— Ты был «защитником разума». Обратись к своим внутренним воспоминаниям. Посоветуйся с ними.

— Я понятия не имею, о чем он болтал. Что значит другие «жизнеформы»? Есть только люди, других я не знаю!

— Господь все предопределил! — согласилась Жанна. — Даже в этом Чистилище.

Догадываясь, о чем идет речь, Гэри мрачно сказал:

— Всегда будь скор, но не всегда — уверен.

Глава 10

— Мне нужно встретиться с Дэниелом, — снова повторил Гэри. Он еще не совсем оправился от головокружения, накатившего после того, как он побывал в удивительном виртуальном мире Сети. Но время поджимало.

— И прямо сейчас. Дорс покачала головой.

— Слишком опасно, особенно из-за восстания тиктаков…

— Я могу решить эту проблему. Где Дэниел?

— Я не знаю, как его…

— Я люблю тебя, но ты ужасная лгунья.

Дэниел был одет в рабочий свитер и держался неуверенно. Гэри отыскал его на широкой, запруженной улице.

— Где твои гвардейцы?

— Вокруг, переодетые, как и ты.

Дэниел забеспокоился еще сильнее. Гэри понял, что этот сверхсовершенный робот не совершенен. Лицевые мускулы у него были активированы, но даже позитронный мозг не может контролировать быструю смену выражений глаз и губ, а потому сбивается на несовместимые вариации. А на публике Дэниел не мог позволить себе отклю-

чить подпрограммы и обездвижить лицо.

— Они включили звуковой щит?

Гэри подал знак капитану охраны, который неподалеку махал метлой. Слова Дэниела начали долетать, словно через толстое одеяло.

— Мне не хотелось бы встречаться на виду у всех.

Группа гвардейцев умело оттесняла прохожих в сторону, и потому никто не заметил появления звукового купола.

— Все хуже, чем ты предполагаешь.

— Твоя просьба — определять ежеминутное местонахождение всех людей Ламерка — может раскрыть моих агентов в его окружении.

— У нас нет выбора, — резко ответил Гэри. — Я могу лишь сузить круг нужных мне людей.

— Они должны быть выведены из строя?

— До окончания кризисов.

— Каких кризисов? — Лицо Дэниела исказилось гримасой, а потом потухло. Он обездвижил мускулы.

— Тиктаки. Выборы Ламерка. В качестве приправы маленький шантаж. Сарк. Выбирай на вкус. Ах да, еще некоторые проблемы в Сети, о которых я расскажу тебе позже.

— Я знаю, что ты хочешь подорвать силы Ла-

мерка. И каким же образом?

— Обходным маневром. Я полагаю, что мои агенты могут предсказать, где будут находиться крупные фигуры и сам Ламерк в определенное время.

— И в чем состоит маневр?

— Я подам знак, когда все будет готово.

— Расскажи сейчас!

— Нет.

— Ты издеваешься? — без тени улыбки спросил Дэниел. — И вторая просьба, касающаяся устранения самого Ламерка…

— Выбирай свои методы. У меня есть свои.

— Да, я могу это сделать. Руководствуясь Нулевым Законом. — Дэниел умолк, погрузившись в какие-то расчеты. — Мой метод требует пять минут подготовки в нужное время, чтобы эффективность была максимальной.

— Вот и чудесно. Только бы твои роботы отслеживали перемещения людей Ламерка и вовремя передавали информацию через Дорс. Надеюсь, у них хватит выдержки?

— Гэри, ты должен…

— Только если ты абсолютно уверен, что не будет никакой утечки информации.

— Ничего нельзя сказать наверняка…

— Значит, мы вольны в выборе, правда? По крайней мере, я свободен. — Гэри чувствовал необыкновенный душевный подъем. Действовать — тоже означает совершать свободный выбор.

Хотя лицо Дэниела ничего не выражало, тело его напряглось — он стоял, скрестив ноги и потирая пальцем подбородок.

— Я должен убедиться, что ты полностью владеешь ситуацией.

Гэри рассмеялся. Никогда прежде он не смеялся в присутствии сурового Дэниела. Теперь он словно освободился от тайного гнета.

Глава 11

Гэри ждал в приемной Верховного Совета. Сквозь односторонне прозрачную стену он рассматривал огромный зал.

Делегаты обеспокоенно переговаривались. Эти мужчины и женщины в деловых костюмах были страшно взволнованы. И именно они решали судьбы звезд, галактических спиралей и триллионов человек.

Даже Трентор требовал умелого управления. Конечно, Трен-тор был отражением всех Зон и этнических групп, проживающих в Галактике. И Империя, и эта планета были наполнены запутанными связями, бессмысленными совпадениями, редкими Удачными союзами, хрупкими взаимоотношениями и непрочными зависимостями. И все это не мог вместить в себя полностью ни один человек и ни один компьютер.

Люди бессознательно противятся сложностям и склонны все Упрощать. Они проводят простые сравнения, идут кратчайшими путями и руководствуются привычными правилами. Так продолжается, пока они не натыкаются на плотную, высокую и непреодолимую стену про-

тиворечий, которую так просто не обойдешь. И люди останавливаются. Они начинают вести себя, как сатиры, — сплетничают, заключают союзы и, в конце концов, пускаются в авантюры.

Верховный Совет гудел, словно потревоженный улей. Любой новоприбывший мог направить весь этот хаос в нужную ему сторону. Пора показать им направление. Так подсказывала ему интуиция, обострившаяся после Сатирукопии.

…А потом, пообещал себе Гэри, можно будет вернуться к моделированию Империи…

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — сказал Клеон, входя в приемную. Его церемониальные одежды горели красным цветом, а плюмаж на шляпе был похож на причудливый фонтан. Гэри едва сдержал смех. Он никогда не носил официальных нарядов, предписанных традициями.

— Я счастлив, что наконец могу появиться в профессорской одежде, сир.

— А ты чертовски удачлив. Волнуешься?

С удивлением Гэри обнаружил, что ни капли не беспокоится. Странно, особенно если учитывать тот факт, что во время прошлого визита сюда его едва не убили.

— Нет, сир.

— Я всегда созерцаю великие полотна, прежде

чем отправляться на подобные представления. — Клеон взмахнул рукой, и одна из стен приемной озарилась светом.

Появилась картина классической тренторианской школы живописи: «Поглощенные фрукты», созданная знаменитой Бетти Уктониа. Полотно изображало томаты, поедаемые гусеницами. Их окружали омерзительные богомолы, которые ели гусениц. И, наконец, тарантулы и жабы, жующие самих богомолов. Более поздняя работа Уктониа, «Детское питание», была посвящена рождению крысят, которых ловили и пожирали разнообразные хищники, маленькие и большие.

Гэри знал, откуда берутся подобные направления в живописи — из убежденности тренторианцев, что дикая природа отвратительна, зла и бессмысленна. Лишь в городах существует порядок, и лишь в городах гуманизм пустил корни. Большинство секторов питались продуктами, выращенными искусственно. Теперь восстание тиктаков лишило их пищи.

— Мы готовились к полному переходу на искусственную еду, — сказал Клеон с горечью. — А сейчас Трентор кормят двадцать сельскохозяйственных планет, на перевозку брошены все корабли. Представляешь? Конечно, Дворец снаб-

жается неплохо.

— В некоторых секторах голод, — заметил Гэри. Ему хотелось рассказать Клеону о скрытых пока угрозах, но тут появился императорский эскорт.

Лица, голоса, яркие краски, свет, заполненный людьми зал.

Гэри вслушивался в ничего не значащие фразы, захваченный мощью и древностью этого места. Много тысяч лет назад стены были покрыты историческими таблицами, рассказывающими о традициях и величии…

А потом он внезапно оказался на трибуне и начал речь, совершенно не представляя, каким образом он сюда попал. Он был приподнят и вдохновлен. Где-то очень глубоко в нем бушевали чувства сатира: восторг того, кто сумел привлечь всеобщее внимание. Это было действительно волнующе. Многие политики сходили от этого с ума. Но только не Гэри Селдон, к счастью. Он набрал в грудь воздуха и начал:

— Позвольте мне бросить камень в огород представительства. Вопрос касается менее плотно населенных секторов. Но ведь и Совет Спирали занимается менее населенными мирами. Таким образом, далити — здесь и в своих Зонах по всей Галактике — остались не у дел. А ведь перед

лицом таких кризисов, как Сарк, тиктаки и беспорядки, мы должны сплотиться как никогда. — Он перевел дыхание. — Что мы можем предпринять? Все системы представительства чреваты предвзятостью. Я представлю Верховному Совету теорему, которая, как я убедился, наглядно доказывает мои слова. И рекомендую передать ее математикам для проверки.

Он слабо улыбнулся, не забыв обвести взглядом аудиторию.

— И не доверяйте мнению политиков, даже если они немного разбираются в математике.

Дружный смех подбодрил его.

— Любая выборная система имеет свои нежелательные и ошибочные стороны. Открытый доступ предшествует неотвратимому приходу демократии.

— Только не далити! — раздался чей-то выкрик с места. Зал одобрительно заворчал.

— И для них тоже! — немедленно крикнул Гэри. — Мы обязаны принять их в наши ряды, выслушав их жалобы!

Овации, свист. Пора наносить удар, решил он.

— И тот, кому выгодна прежняя схема, не признает истинной Демократии, Демократии с большой буквы.

Недовольные голоса звучали из фракции аристократов — ничего удивительного, этого и следовало ожидать.

— Так поступают их противники! История учит нас… — Он умолк, давая слушателям время прийти в себя и вникнуть в его дальнейшие слова. Наверняка сейчас они подумали: «Неужели же он будет рассказывать о психоистории?» Но Гэри спокойно продолжил:

— …что, как ни крои одежду, швы будут видны. У нас представлены все секторы, и крупные, и маленькие. Вся галактическая спираль, все Зоны — и основные, и второстепенные. Эти группы никогда бы не влияли на политику, если бы мы избирали представителей лишь по количеству голосов в каждой Зоне или каждом секторе.

— А мы и радуемся! — крикнул явный представитель какого-то меньшинства.

— Я вынужден не согласиться. Мы должны переменить закон — так требует история!

Крики, аплодисменты. Вперед!

— Поэтому я предлагаю новый закон. Если сектору принадлежат, скажем, шесть мест, мы не будем делить сектор на шесть округов. Вместо этого дадим каждому выборщику по шесть голосов. Он или она могут распределить голоса

между кандидатами или отдать их все за одного кандидата. Таким образом, явное меньшинство может избрать своего представителя, если будет голосовать заодно.

Пораженное молчание. Гэри с силой произнес последние слова. Он был вынужден тянуть время, так сказал Дэниел. Правда, Гэри не знал, как слушатели воспримут его предложение.

— Эта схема позволит избежать этнических и иных предпочтений. Группировки могут выстоять, только если они действительно едины. Ведь их участники участвуют в тайном голосовании. И никакой демагог не сможет их контролировать.

Гэри помолчал, затем закончил:

— Если я стану премьер-министром, я сделаю эту схему обязательной по всей Великой Спирали!

Именно — прямо в яблочко. (Странная древняя пословица — что значит «яблочко»?) Он сошел с трибуны под взрыв громовых аплодисментов.

Гэри всегда думал, что права его мать: «Если человек велик, это проявится не в один пламенный час, а в течение долгих кропотливых рабочих дней». Обычно она говорила так, когда Гэри забрасывал домашнюю работу, увлеченный книгами по математике.

Сейчас он видел доказательство обратного — величие пришло само.

В огромном зале отдыха его со всех сторон окружили проницательные делегаты, и у каждого был свой вопрос. Все ждали, что он будет просить голосовать за него.

Но Гэри не стал. Вместо этого он говорил о тиктаках, о Сарке. И ждал.

Клеон удалился, как того требовали традиции. Вокруг Гэри собралась огромная толпа.

— Что предпринять относительно Сарка?

— Карантин.

— Но там сейчас полный беспредел!

— Это нужно прекратить.

— Но это неспортивно! Вы пессимистично утверждаете…

— Сэр, слово «пессимист» придумали оптимисты, чтобы так называть реалистов.

— Вы забываете о нашем имперском долге, и мятеж… — Я только что прибыл с Сарка. А вы?

Посредством таких перепалок он избежал неловких разговоров о будущем голосовании. И, конечно же, он продолжал следить за Ламерком. Кажется, Верховному Совету его предложение о далити понравилось больше, чем грубый напор Ламерка.

А его непреклонность по отношению к Сарку вызвала даже уважение. Те, кто считал его мягкотелым академиком, удивились. Притом его интонации выдавали искренние переживания по поводу Сарка. Гэри ненавидел беспорядок, и он знал, что принесет Сарк Галактике.

Конечно, он не был так наивен, чтобы полагать, будто предложенная им новая система представительств решит судьбы Империи. Но она может решить его собственную судьбу…

Невзирая на явные свидетельства обратного, Гэри пришел к выводу, что тяжкий труд и высокие требования необходимы каждому взрослому человеку. Что жизнь выжимает из тебя все соки и ничего не прощает, что ошибки и расплата идут бок о бок. Имперские, политики казались обратным примером, но он был здесь всего лишь начинающим, как судачили о нем вокруг…

Подошел служащий и сказал, что с ним хочет поговорить Ламерк.

— Где? — прошептал Гэри.

— Неподалеку от Дворца.

— Тем лучше для меня.

Как и предсказывал Дэниел. Даже Ламерк не осмелится напасть на него во Дворце, памятуя прошлую неудачу.

Глава 12

По пути запищал его комм. Пришло закодированное сообщение. Поджидая Ламерка в вестибюле, Гэри расшифровал письмо.

Пятнадцать союзников и сторонников Ламерка убиты или ранены. Промелькнули картины: один споткнулся и упал, второй вошел в неисправный лифт… Все это произошло в течение последних нескольких часов, когда созыв на Верховный Совет позволил точно предсказать, где они появятся.

Гэри подумал о загубленных жизнях. Ответственность за их смерть лежит на нем, поскольку он был причиной. Роботы прикончили жертвы, не понимая, что за этим последует. Моральная тяжесть падает… на кого?

«Несчастные случаи» произошли по всему Трентору. Немногие догадаются связать их воедино, кроме…

— Академик! Рад вас видеть, — начал Ламерк, усаживаясь в кресло напротив Гэри. Они не стали кивать друг другу, а уж тем более пожимать руки.

— Кажется, мы с вами не слишком ладим, — за-

метил Гэри.

Ничего не значащий комментарий. У него в запасе было много таких замечаний, и он пустил их в ход одно за другим, стараясь протянуть время. Похоже, Ламерк еще не узнал о том, что произошло с его союзниками.

Дэниел сказал, ему понадобится пять минут, чтобы «эффективность была максимальной» — что бы это ни значило.

Еще некоторое время Гэри парировал ответы Ламерка. Он специально использовал неагрессивную позу и мягкий тон, чтобы успокоить противника. После знакомства с сатирами он стал прекрасно разбираться в таких деталях.

Они находились в Доме Совета рядом с Дворцом, у входа переминались их охранники. Ламерк сам выбрал комнату с экзотическим цветником. Обычно она служила для отдыха представителей сельских Зон и потому утопала в зелени и цветах. Непривычные на Тренторе насекомые вились вокруг, собирая цветочный нектар.

Дэниел что-то задумал. Но как он сможет добраться до врага, если рядом его охрана? Как сумеет обойти все сенсоры и сканеры?

Ламерк выбрал для обсуждения проблему восстания тиктаков. Под невинной темой скрывался

подтекст: их борьба за пост премьер-министра. Все знали, что через пару дней Ламерк вынесет этот вопрос на голосование.

— У нас есть доказательства, что кто-то подсадил в тиктаки вирус, — сообщил Ламерк.

— Без сомнения. — согласился Гэри. И отогнал жужжащее насекомое.

— Очень забавный вирус. Мои техники говорят, что он скорее похож на маленький разум, а не на вирус.

— Настоящее бедствие.

— О, да. Очень смахивает на то, что называют «чувствительной слабостью».

— Думаю, это не просто электронная болезнь, а самоорганизующийся комплекс веры.

Ламерк удивился.

— Да, тиктаки болтают о «моральном императиве» — не есть живого, ни растений, ни животных…

— Они искренне верят, что это правильно.

— Чертовски странно.

— Вы пока не представляете себе всей картины. Если мы не справимся с этим, Трентор навсегда перейдет на новую диету.

— Ни зелени, ни выращенного мяса? — нахмурился Ламерк.

— И вскоре это расползется по всей Империи.

— Вы уверены? — Ламерк выглядел глубоко взволнованным. Гэри замялся. Он должен помнить, что и у других могут быть идеалы. Возможно, Ламерк…

А потом он вспомнил, как висел над шахтой лифта, цепляясь одними ногтями.

— Абсолютно уверен.

— Вы думаете, что это только признак, только первый симптом? Того, что Империя… умирает?

— Не обязательно. Тиктаки — отдельная проблема на фоне общего социального упадка.

— Вы знаете, почему я хочу стать премьер-министром? Я хочу спасти Империю, профессор Селдон.

— Я тоже. Но ваш выход — политические игры — недостаточен.

— А ваша психоистория? Если я воспользуюсь…

— Она моя, но она еще не готова. — Гэри не стал говорить, что Ламерк был бы последним человеком, которому он доверил бы психоисторию.

— Мы должны работать вместе, неважно кому достанется пост премьер-министра. — Ламерк улыбнулся, абсолютно уверенный в победе.

— Несмотря на то, что вы несколько раз пыта-

лись меня убить?

— Что? Послушайте, я слышал об этих покушениях, но неужели вы думаете…

— Я просто поражаюсь, как много значит для вас этот пост. Ламерк тут же сбросил невинно-удивленную маску. И осклабился.

— Только дилетант может задать такой вопрос.

— Всего лишь власть?

— А что же еще?

— Люди.

— Ха! Ваши уравнения людей в расчет не принимают.

— Но сам я до такого не опускаюсь.

— Что доказывает, что вы дилетант. Одна-другая жизнь ничего не значат. Чтобы руководить, вести за собой, вы должны быть выше сентиментальных соплей.

— Возможно, вы правы. — Он уже видел все это в модели, построенной на сатирах, в пирамиде Империи, в большой игре бесконечных интриг аристократов. Он вздохнул.

Что-то привлекло его внимание, какой-то тоненький голосок. Гэри слегка повернул голову и откинулся на спинку кресла.

Тихий голосок принадлежал крохотному насе-

комому, которое кружилось у самого уха.

«Отойди в сторону, — повторяло оно. — Отойди в сторону».

— Я рад, что вы одумались, — продолжал Ламерк. — Если бы вы сейчас отошли в сторону, не тянули на себя голоса…

— С чего бы это?

Гэри поднялся и, скрестив руки за спиной, подошел к огромному цветку, высотой с человека. Лучше сделать вид, что он чувствует себя не в своей тарелке.

— Могут пострадать те, кто рядом с вами. — Юго?

— Какой-нибудь маленький несчастный случай. Считайте это моей визитной карточкой.

— Сломанная нога. Ламерк пожал плечами.

— Могло быть и хуже.

— А Сатирукопия? Ваддо был вашим человеком? Ламерк махнул рукой.

— Вы не разобрались в деталях. В той операции мои люди работали совместно с людьми академика Потентейт. Уж поверьте.

— Вы так беспокоитесь обо мне. Ламерк прищурился.

— Мне нужно большинство голосов. И я использую каждую возможность.

— Больше голосов, чем вы уже набрали.

— Вот именно — когда ваши голоса достанутся мне.

Две пчелы слетели с розового цветка и закружились возле Ламерка. Он мельком взглянул на них и отогнал. Пчелы отлетели.

— Вы рискуете очень многим.

— Большим, чем моя жизнь?

— И жизнь вашей жены, не забывайте, — усмехнулся Ламерк.

— Я никогда не забываю угроз в адрес моей жены.

— Мужчина должен быть реалистом. Обе пчелы вернулись.

— Я слушаю вас, продолжайте.

Ламерк оскалился и откинулся на спинку кресла. Он был полностью уверен в своих силах. Только он открыл рот…

Между пчелами проскочила молния — прямо сквозь голову Ламерка.

Когда вспыхнул желтый электрический разряд, Гэри упал на пол. Ламерк почти поднялся. Электрическая дуга проскочила через оба его уха. Его глаза полезли на лоб. Изо рта вырвался тонкий визг.

И тут все закончилось. Пчелы упали, словно

вспышка истощила их силы.

Ламерк сделал шаг вперед. Падая, он успел вытянуть руки. Его пальцы конвульсивно сжимались и разжимались. Но хватали только пустоту. Тело Ламерка дернулось и обмякло. И лишь мышцы рук продолжали дергаться и сокращаться.

Заледенев, Гэри понял, что даже в последние мгновения перед смертью этот человек тянулся к его горлу.

Глава 13

Он окунулся в многомерное пространство, где не надо было думать о политике.

Как только Гэри вернулся в Университет, он сразу же пожелал остаться один. Столпотворение, последовавшее за убийством Ламерка, смело можно считать худшими часами за всю его жизнь.

Совет Дэниела оказался полезным: «Что бы я ни сделал, оставайся в своей роли: математика, обеспокоенного случившимся, но стоящего выше суеты». Какая там суета, это был сущий кошмар! Вопли, обвинения, паника. Гэри пришлось стерпеть все — и тыканье пальцами в лицо, и угрозы. Когда Гэри вышел из зала, где произошло убийство, личный эскорт Ламерка схватился за оружие. Гвардейцы Гэри уложили пятерых.

Теперь уже весь Трентор, а скоро и вся Империя озлится и призадумается. Внутри у пчел-убийц были крошечные позитронные батареи, которые и разрядились через голову Ламерка. Эта технология считалась давным-давно утерянной. Попытки проследить, кто ее возродил, никуда не привели.

В любом случае ни одна ниточка не вела к Гэри. Пока.

В соответствии с традициями убийство было совершено на расстоянии, руками посредников. Которым тоже дорога своя шкура. Присутствие Гэри при убийстве отвело от него подозрения — как и предсказывал Дэниел. Именно эта сторона дела Гэри понравилась больше всего: предсказание сбылось. Когда разразился скандал, ни один человек не заподозрил, что Селдон имеет к этому какое-то отношение.

Но Гэри знал пределы своих сил, а они были уже на исходе. Он мог участвовать в этом хаосе, лишь переводя его в математические категории.

Это уже становилось привычкой — выражать абстракциями все, что ему довелось пережить.

Он летел через измерения, вглядываясь в психоисторическую эволюцию Империи. Перед ним развернулась вся Галактика, но не живой звездной спиралью, а уравнениями математического пространства. Пики стабильности вздымались гребнями, обозначая существующие общества, в то время как в долинах бурлили останки погибших миров.

Сарк! Он высветил саркианскую Зону и запустил динамику на полную скорость. Новое

Возрождение вело к тотальной культурной катастрофе. Конфликты заполнили всю область, они росли быстро и неуклонно, словно побеги бамбука. Пики стабильности рушились. Их обломки заваливали долины, превращая тропинки между горами в непроходимые завалы.

А это значило, что не только отдельные люди, но и целые планеты не смогут выбраться из страшных долин хаоса. Эти миры погрязнут в болоте на многие эпохи. А затем…

Багровое пламя. Рождение новой звезды. И война станет еще опасней.

И солнечная система станет «зачищенной» — кошмарный термин, который употребляли древние агрессоры, — пока новая не превратится в обычное солнце. Но к тому времени миры превратятся в ад, и выживут лишь те, кто успеет спрятаться в пещерах и запастись едой на несколько лет, пока новая звезда не стабилизируется.

Гэри пришел в ужас. Хотя все это предстало перед ним в абстракциях, но смерть и разрушения потрясли его даже в такой форме.

В категориях уравнений, которые не знают этики и морали, война представала всего лишь обходным путем сквозь завалы, перекрывшие

тропинки. Война грозила стать опустошительной, лавинообразной и быстрой.

Если война превысит «производительные» параметры, то галактическая система может быть втянута в еще несколько войн. Зональные войны станут повторяться и быстро наберут силу и размах. С течением времени, которое для Гэри промелькнуло за несколько секунд, от Сарка расползется алая зона боевых действий, полыхающая по краям оранжевым цветом беспорядков.

Было еще одно продолжительное, неравномерное дерево событий, которое разряжало конфликты. Микроскопические мирные сообщества. Вовлеченные в конфликты люди, вероятно, не понимали, что медленные размеренные колебания улучшали их жизнь. Они никогда не загадывали дальше следующего дня, и собственная жизнь волновала их гораздо больше всего остального.

Модель «ожидаемой пользы» не могла предсказать этой развязки. С этой точки зрения, все войны начинались по вполне объяснимым причинам, за которыми стояли определенные зональные «действующие лица», не зависящие от опыта, накопленного социумом в целом. Но когда войны перестанут быть редкостью, саркианская

зональная система начнет обучаться.

Гэри посетила вспышка прозрения. Общества — это сложная сеть параллельных процессоров.

Каждый работает над решением собственной проблемы. Каждый связан с остальными.

Но ни один отдельный процессор не знает, что он обучается.

Как Сарк и Империя. Империя может «знать» то, что недоступно ни одному человеку. Более того, она знает то, что неизвестно никакой организации, планете или Зоне.

До настоящего момента. До тех пор, пока не появилась психоистория.

Предстоит новый прорыв.

В течение миллионов лет Империя создавала форму самосознания, которой не было у человека, да и не могло быть. Глубокое знание иного порядка, чем то, которое вмещает человек.

Гэри присвистнул от удивления. Он попытался проверить, не допустил ли где ошибку…

В конце концов, он открыл новые данные и новые связи. Гэри знал чудовищно древнюю общую теорему: если все составляющие системы тесно связаны и ты можешь изменить одну из них, значит, ты можешь контролировать все элементы этой системы. Систему можно вести к

нужной точке, воздействуя на ее составляющие. Она спонтанно перепрограммирует себя и двинется, куда тебе нужно.

В по-настоящему сложных системах весь комплекс причинно-следственных связей — выше человеческого понимания. И возможно, самый главный вывод Гэри — комплекс этот даже не стоило пытаться понять.

Но это… Он расширил многомерный пейзаж, отодвинув горизонты вдоль осей координат на такую бесконечность, что едва мог окинуть взглядом весь открывшийся мир.

По всей Империи кипела… жизнь. Разрозненные части уравнений сошлись, открыв путь информации-знанию-мудрости. И все это не известно никому.

Не было известно до настоящего момента.

Психоистория открыла сущность, большую, чем человеческая, большую даже, чем само человечество в целом.

Неожиданно Гэри увидел, что Империя обладает собственным ландшафтом, более величественным и обширным, чем он подозревал. Сложный организм Империи, балансируя на грани между порядком и всесокрушающим хаосом, оказался «отравлен». К этому Империя шла многие милли-

оны лет, ставя перед собой и решая такие задачи, о которых человечество не имело ни малейшего понятия. Она умела приспосабливаться и развиваться. Ее кажущая «стабильность» на самом деле доказывала, что Империя достигла наивысшей точки пика развития.

И Гэри видел, что вскоре ей суждено скатиться в гибельную пропасть.

«Гэри! Случилось ужасное. Приходи!»

Ему ужасно хотелось остаться, узнать больше… но его звала Дорс.

Глава 14

— Мои агенты, мои братья… мертвы, — погасшим голосом сказал Дэниел.

Он сидел, совершенно потерянный, в кабинете Гэри. Дорс, как могла, утешала его. Гэри потер глаза, еще не вполне придя в себя после электронного погружения. Все произошло так быстро… Слишком быстро…

— Тиктаки! Тиктаки напали на моих, моих… — Дэниел был не в силах продолжать.

— Где? — спросила Дорс.

— По всему Трентору! Может, мы с тобой последние, кто остался… — Дэниел закрыл лицо руками.

Дорс свела брови:

— Наверняка это как-то связано с убийством Ламерка.

— Да, косвенно.

Оба робота уставились на Гэри. Он облокотился о стол, чувствуя себя слабым и обессиленным после прогулки по виртуальности. И долго всматривался в лица роботов.

— Это стало частью большего… плана.

— Какого плана? — спросила Дорс.

— По прекращению бунта тиктаков. Мои вычисления показали, что вскоре он распространился бы по всей Империи. Последствия были бы фатальными.

— Сделка? — Дэниел прижал к губам тонкую розовую салфетку.

Гэри заморгал, пытаясь избавиться от тяжкого груза вины.

— Я не смог проконтролировать все.

— Ты использовал меня, не так ли? — ледяным тоном спросила Дорс. — Я передала тебе сведения, которые прислал Дэниел, о том, где находятся сторонники Ламерка…

— И я сообщил их тиктакам. Да, все верно, — печально сказал Гэри. — Довольно простой технический трюк, особенно если тебе помогают из Сети.

Услышав последние слова, Дэниел прищурился. Потом расслабил лицевые мышцы и сказал:

— Значит, людей Ламерка убили тиктаки. Ты знал, что я никогда не пошел бы на массовые убийства, даже чтобы поддержать тебя.

Гэри грустно кивнул.

— Я понял, что ты следуешь своему плану. Нулевой Закон ставит жесткие рамки, и мое назначение на пост премьер-министра не оправ-

дывает такого нарушения Первого Закона.

Дэниел не сводил с Гэри тяжелого взгляда.

— Итак, ты добился своего. Ты использовал меня и моих роботов в качестве ищеек!

— Именно так. Тиктаки шли по пятам за твоими роботами. Вообще-то они глупые и совершенно бесхитростные. Но зато они не связаны Первым Законом. Как только они узнали, на кого нападать, мне осталось лишь подать сигнал, по которому они начнут атаку.

— Сигнал — это начало твоей речи, — сказала Дорс. — Союзники Ламерка в это время наверняка сидели у экранов и слушали. Достать их ничего не стоило, ты обрек их на смерть!

— Да, — вздохнул Гэри.

— Это так не похоже на тебя, Гэри, — заметила Дорс.

— Все решало время, — жестко отрезал Гэри. — Они много раз пытались меня убить. И могли бы преуспеть в этом, даже если бы я никогда не стал премьер-министром.

— Я никогда бы не подумала, — мягко произнесла Дорс, — что тобой могут руководить такие… хладнокровные побуждения.

Гэри скользнул по ней потухшим взглядом.

— Я тоже. Единственная причина, почему я

все-таки решился на это, было то, что я видел будущее — мое будущее — очень четко.

По лицу Дэниела пронеслось облако эмоций, каких прежде Гэри никогда у него не замечал.

— Но мои братья… почему они? Я никак не могу понять. Почему они должны были умереть?

— Я виноват, — хрипло сказал Гэри. — Меня попросту перехитрили.

— Разве ты не знал, что роботы могут погибнуть? Гэри печально покачал головой.

— Нет. Хотя я должен был предвидеть. Это же очевидно! — Он ударил себя кулаком по лбу. — Раз уж тиктаки выполнили мое задание, значит, они с тем же успехом могли выполнить требование мемов.

— Мемов? — переспросил Дэниел.

— И что у тебя был за план? — резко спросила Дорс.

— Покончить с восстанием тиктаков. — Гэри посмотрел на жену, стараясь избегать глаз Дэниела. — Мои расчеты показали, что вскоре оно распространится по всей Империи.

Дэниел встал.

— Я понимаю твое право принимать решения по поводу жизни людей. Нам, роботам, не дано знать, как ты можешь об этом рассуждать, но мы

и не созданы для этого. И все же, Гэри, ты заключил сделку с силами, которых не понимаешь!

— Я не смог предвидеть их следующий шаг. — Гэри чувствовал себя последним ничтожеством, но все же отметил про себя, что Дэниел знает о мемах.

А Дорс не знала.

— Чей следующий шаг? — спросила она.

— Древних сознаний, — ответил Гэри. И вкратце рассказал о своих недавних блужданиях в Сети. О множестве сознаний, обитающих в виртуальной реальности, холодно и расчетливо стремящихся к мести.

— И виноваты мы, роботы? — прошептал Дэниел. — Я подозревал…

— Они обвиняют вас в жестокостях, совершенных на ранней стадии нашей экспансии по Галактике. Или что-то в этом роде.

Гэри оглянулся на Дорс, которая все еще смотрела на него молча и потрясенная.

— А где они жили? — осторожно спросил Дэниел.

— Огромное скопление в Галактическом Центре — помнишь такое?

— Именно там они и скрывались все это время?

— Не всегда. Довольно давно они переселились на Трентор, когда наша Сеть расширилась настолько, что уже могла поддерживать их. Они поселились в уголках и переходах электронной паутины. Сеть росла, и они росли вместе с ней. Теперь они достаточно сильны, чтобы начать наступление. Они могли выжидать и дольше, подготовиться лучше — если бы не двое симуляторов, которые подтолкнули их к действию.

— Эти саркианские симы — Жанна и Вольтер, — медленно произнес Дэниел.

— Ты знал о них?

— Я… пытался стереть их. Саркианские модели вредны для Империи. Я нанял этого парня, Нима, но он ничего не сумел сделать.

Гэри улыбнулся.

— Просто ему не хотелось. Ему нравились эти симы.

— Я должен был почувствовать это, — сказал Дэниел.

— Ты способен улавливать наше ментальное состояние, не так ли? — спросил Гэри.

— Не всегда. Легче всего прощупать человека, если в детстве он перенес некоторые болезни. Так бывает часто, но Ним не болел в детстве. И все же я заметил, что люди обожают наблюдать

за себе подобными, которые принимают вид чего-то другого.

«Как роботы? — подумал Гэри. — Тогда почему мы наложили на них запрет много тысяч лет назад?»

Дорс смотрела на них обоих, понимая, что они затронули слишком скользкую тему.

— Разум-мем, — медленно начал Гэри, — блокировал Нима, когда он искал симов по Сети. Но парень прекрасно справился, когда мне потребовалась его помощь, чтобы проникнуть в Сеть. Когда все это закончится, я извинюсь перед ним.

— Эти симы и им подобные, — холодно сказал Дэниел, — все еще опасны. Гэри, я умоляю тебя…

— Не волнуйся, я знаю. Я займусь ими. Меня больше беспокоят мемы.

— Неужели они всех нас ненавидят? — тихо спросила Дорс, стараясь постигнуть смысл сказанного.

— Людей? Да, но не так сильно, как роботов, любовь моя.

— Нас? — удивилась она.

— Давным-давно роботы причинили им вред.

— Да! — громко сказал Дэниел металлическим голосом. — Чтобы защитить человечество.

— И эти древние создания возненавидели вас

за вашу жестокость. Когда роботы прочесали Галактику, мы обнаружили, что она легла нам в руки как спелый плод. — Гэри включил голоизображение. — Эту картину я скачал из памяти древних существ.

Через черную равнину пролегла яркая полоса. Сильный ветер раздувал пламя и гнал по высокой зеленой траве. Языки пламени пожирали сочную траву и вбирали все новые и новые жертвы. А над жаркой линией огня поднимался густой смрадный дым.

— Беспощадный огонь, — пояснил Гэри. — Именно так представлялись этим созданиям роботы-исследователи двадцать тысяч лет назад.

— Мы выжгли Галактику? — ужаснулась Дорс.

— Чтобы сделать ее безопасной для вашего бесценного человечества, — добавил Гэри.

— И за это, — сказал Дэниел, — они хотят отомстить. Но почему именно сейчас?

— Они наконец накопили сил… и сумели засечь вас, роботов. Отличить вас от тиктаков.

— Каким же образом? — холодно спросил Дэниел.

— Когда нашли сбежавших симов. Поработав над ними, они вышли на меня, а потом на Дорс. Дальше был ты.

— У них такие длинные руки? — не поверила Дорс.

— Задумайся, вся электронная почта, все показания датчиков и медицинских приборов, все микроустройства… У них много средств для охоты.

— Им помог ты! — отрезал Дэниел.

— Я связался с ними ради блага Империи.

— Сперва они убили людей Ламерка, потом моих роботов. Напустили на каждого из них дюжину тиктаков и забили насмерть.

— Всех? — прошептала Дорс.

— Пожалуй, трое спаслись, — Дэниел выдавил слабую улыбку. — Мы намного совершенней, чем эти… автоматы.

Гэри покачал головой.

— Мы так не договаривались. Они… использовали меня.

— Думаю, что всех нас использовали. — Дэниел горько посмотрел на Гэри. — Только по-разному.

— Мне пришлось сделать это, старина Дэниел.

Дорс не могла отвести от Гэри взгляда.

— Я тебя не узнаю.

— Иногда быть человеком — занятие более тяжкое, чем может показаться, — мягко ответил Гэри. Глаза Дорс вспыхнули.

— Враги погубили мой народ!

— Я должен был отыскать выход…

— Роботы, особенно человекоподобные, всегда были слугами, они… — начала Дорс.

— Моя дорогая, ты более человечна, чем кто-либо из тех, кого я знал.

— Но убийство!

— Убийства были и будут. И мы не в силах остановить эти странные создания.

Гэри вздохнул и только сейчас осознал, как далеко он зашел. Это все власть, которая превращает мир в арену сражения и не выпускает тебя из когтей. Он стал частью этой силы и знал, что никогда больше ему не быть простым тихим и скромным математиком.

— А ты уверен? — спросила Дорс. — Почему ты нам не рассказал, мы могли бы…

— Мемы уже отыскали вас. Если бы я замешкался, они бы убили вас двоих и только потом напали на остальных.

— А… мы? — напряженно спросил Дэниел.

— Я спас вас обоих. Это часть сделки. Дэниел поник.

— Наверное, я должен… поблагодарить тебя. Гэри посмотрел на старого друга с сочувствием.

— Ты… взвалил на себя тяжелую ношу. Дэниел

склонил голову.

— Я пренебрег Законом и послушался тебя. Теперь склонил голову Гэри.

— Ламерк. Я был там. Твои пчелы убили его.

— Или так показалось со стороны.

— Что? — Гэри уставился на Дэниела, который нажал какую-то точку на запястье, а затем повернулся к входной двери. Немного помедлив перед защитным экраном, в кабинет вошел ничем не примечательный человек в простом рабочем комбинезоне.

— Наш мистер Ламерк, — представил прибывшего Дэниел.

— Но это не… — начал Гэри и осекся, заметив явное сходство. Только у нового Ламерка был выпрямлен нос, скулы стали острее, волосы — тоньше и каштанового цвета, а уши прижались к черепу. — Но я видел его смерть собственными глазами!

— Никто не отрицает. Электрический разряд оглушил его, и если бы не расторопность моих тайных помощников, которые сразу же оказали ему медицинскую помощь, он так и остался бы мертвым.

— И вы сумели вернуть его к жизни после такого?!

— Древнее искусство.

— И как долго человек может пробыть мертвым, прежде…

— При низкой температуре — около часа. Нам пришлось поторопиться, — спокойно сказал Дэниел.

— Отдавая дань уважения Первому Закону, — добавил Гэри.

— Обходной маневр. Ламерку не был причинен особый вред Теперь он сможет применить свои таланты на новом поприще.

— Да ну? — не поверил Гэри, только сейчас заметив, что Ламерк все это время молчал. Он стоял, внимательно прислушиваясь к разговору, и не сводил глаз с Дэниела.

— Я обладаю определенной позитивной властью над человеческим сознанием. Древний робот по имени Жискар научил меня влиять на нейронные связи головного мозга. Я изменил мотивации Ламерка и стер некоторые воспоминания.

— И какие же? — недоверчиво спросила Дорс.

Гэри понял, что для нее Ламерк так и останется врагом номер один, пока она не убедится в обратном. Дэниел махнул Ламерку рукой.

— Говори.

— Я понимаю, что вел себя не правильно. — Ламерк говорил сухим спокойным голосом, без обычной для него страстности. — Приношу свои извинения, особенно вам, Гэри. Я не могу перечислить свои ошибки, но сожалею о них. Теперь я стал лучше.

— И тебе не жаль своих воспоминаний? — бросила Дорс пробный камень.

— Мне они неприятны, — рассудительно ответил Ламерк. — Бесконечная череда варварских желаний и ненасытных амбиций, насколько я помню. Кровь и ярость. Ничего хорошего, так зачем это сохранять? Теперь я буду гораздо лучшим человеком.

Гэри испытывал удивление и страх одновременно.

— Если ты способен на такое, Дэниел, то почему ты тратил время и силы на споры со мной? Взял бы, да и изменил меня!

— Я не осмелился, — спокойно ответил робот. — Ты не такой, как остальные.

— Все дело в психоистории? Тебя удержала только она?

— Да. К тому же ты не болел в детстве лихорадкой. В таких случаях я бессилен. Например, когда мы встретились на людях и ты попросил моей

помощи, я не смог ощутить, что ты направишь тиктаков против людей Ламерка.

— Понятно. — Гэри с ужасом осознал, какая тонкая нить удерживала его от провала. Стоило всего лишь переболеть парочкой детских болезней!

— Я с нетерпением жду своего нового задания, — заявил Ламерк. — У меня будет новая жизнь.

— И какое задание? — поинтересовалась Дорс.

— Я оправлюсь в Зону Бенин в качестве регионального менеджера. Ответственность и много великолепных возможностей.

— Прекрасно, — успокоилась Дорс.

Что-то в поведении Ламерка бросало Гэри в дрожь. Вот это власть! Бессмертный робот был настоящим колдуном.

— Ваш Нулевой Закон…

— Очень важен для психоистории, — закончил Дэниел.

Гэри нахмурился.

— Как?

— Нулевой Закон является следствием Первого Закона. Как еще защитить отдельного человека от повреждений, если не поддержкой порядка и нормального функционирования всего человеческого сообщества в целом?

— Но, лишь имея на руках достоверную теорию о будущем, вы можете знать, что в данный момент является самым необходимым, — сказал Гэри.

— Именно. Еще со времен, когда Жискар был молод, роботы трудились над созданием такой теории, но смогли составить лишь грубую и приблизительную модель. Таким образом, ты, Гэри, незаменим. Но я все же прошел по грани Первого Закона, когда выполнял твои приказы, отправляя роботов следить за приверженцами Ламерка.

— Ты что-то почуял?

— Сбои в позитронных связях проявляются в том, что мне трудно говорить и двигаться. Так все и было. Должно быть, я почувствовал, что посылаю моих роботов убивать людей. У древнего Жискара случались подобные трудности, когда пересекались Нулевой и Первый Законы.

У Дорс задрожали губы от едва сдерживаемых чувств.

— Все мы доверяли тебе решения, касающиеся противоречия двух основных Законов. Никто из нас не вынес бы напряжения, какое выпало на твою долю.

Стараясь успокоить старого друга, Гэри сказал:

— У тебя не было выбора, Дэниел. Я буквально

вынудил тебя. Дэниел поднял глаза на Дорс, по его лицу скользнули тени обуревавших его чувств, походивших на предсмертные муки.

— Нулевой Закон… Я жил с этим так долго… много тысяч лет… и уже…

— Это явное противоречие, — мягко произнес Гэри, понимая, что вступает на запретную территорию и потому должен действовать осторожно. — Концептуальная проблема, которая рано или поздно встает перед любым человеком.

— Она неразрешима для нас, — прошептала Дорс, — если только опасность не грозит самому нашему существованию.

Дэниел опустил голову.

— Когда я отдал приказ, в моем сознании поднялась волна агонии, которую мне удалось одолеть с огромным трудом.

У Гэри к горлу подкатил комок, и он едва смог выдавить:

— Старина, у тебя не было выбора. За все время, пока ты работаешь с людьми, неужели ты не сталкивался с подобными противоречиями?

Дэниел подтвердил:

— Бывало. И всякий раз я стоял на краю бездны.

— Ты не можешь уйти, — заявила Дорс. — Ты

самый лучший из нас. Все держится только на тебе.

Дэниел посмотрел на них, словно ища поддержки. Лицо его засветилось надеждой. — Я думаю… Гэри проглотил ком, застрявший в горле.

— Конечно! Без тебя все рухнет. Ты должен выдержать. Дэниел обратил взгляд в пространство и заговорил хриплым шепотом.

— Моя работа… не закончена… следовательно… я не могу… отключиться. И все же я стремлюсь к этому. Настанет час, когда я завершу работу. И напряжение всех противоречий отпустит меня. Я взгляну в лицо черной пустоте… и это хорошо!

Пылкая речь робота повергла Гэри в тихую грусть. Еще долго они, все трое, молча сидели в его кабинете. Ламерк стоял рядом и тоже молчал. Затем, без единого слова, они встали и разошлись по своим делам.

Глава 15

Гэри сидел перед голоэкраном и в одиночестве смотрел на жадные языки пламени.

Теперь на этом месте выросла Империя. Гэри знал, что он любит Империю, хотя и непонятно почему. Даже страшное откровение о том, что роботы принесли смерть и разрушение древнему электронному народу, не могло убить его любовь. Он надеялся, что никогда не узнает подробности этого древнего преступления.

Впервые в жизни он не хотел знать, чтобы не заработать вечный комплекс вины.

Империя развернулась перед ним еще более прекрасной, чем он ожидал. И более печальной.

Кто бы мог подумать, что человечество не в силах контролировать свою судьбу… что история — это результат взаимодействия сил, которые недоступны человеческому пониманию? Империя выжила лишь благодаря своей метаприроде, а не из-за старания отдельных личностей или даже планет.

Многие стали бы надрывать глотки, доказывая, что человек обладает свободой воли. Не то чтобы их аргументы были неверны или неважны — нет.

Просто дело в другом. Они убеждены. Каждому хочется верить, что он хозяин своей судьбы. Логика здесь ни при чем.

Даже Императору не дано большего — сухой лист, который носится по ветру, сам не зная, что его ждет.

Вспомни об Императоре — он и появится. На экране возникло лицо Клеона.

— Гэри! Где ты был?

— Работал.

— Надеюсь, что над своими уравнениями. Пора пустить их в ход. — Сир?

— Только что Верховный Совет собрался на внеочередную сессию. После трагической, э-э, гибели Ламерка и его, э-э, соратников я объявил срочные выборы премьер-министра. — Клеон радостно подмигнул. — Ну, ты понимаешь, чтобы сохранить стабильность.

— О, нет, — застонал Гэри.

— О, да… мой премьер-министр.

— Но разве… никто не заподозрил…

— Тебя? Безвредный академик отправляет наемных убийц по всем секторам Трентора, так? Да не простых убийц, а тиктаков?

— Ну, вы же знаете, что могут болтать… Клеон бросил на Гэри лукавый взгляд.

— Послушай, Гэри… как тебе удалось это устроить?

— Нанял банду выживших роботов.

Клеон громко захохотал, хлопая ладонью по столу.

— Никогда не подозревал, что ты такой шутник. Отлично, я все понял. Не буду выпытывать твои секреты.

Гэри поклялся себе, что никогда не будет лгать Императору. То, что Клеон не поверил, даже к лучшему.

— Заверяю вас, сир…

— Конечно, можешь молчать. Я ведь не настолько наивен.

— А я страшный лгун, сир. — Истинная правда. Пора закрывать эту тему.

— Я хочу, чтобы ты пришел на официальный прием в Верховном Совете. Раз уж ты премьер-министр, пора выходить на публику. Но прежде я хотел бы, чтобы ты обдумал, что делать с Сарком.

— Я могу сказать уже сейчас.

— О? — Клеон просиял.

— В истории существуют рычаги, которые поддерживают стабильность Империи, сир. Новое Возрождение нарушает основные законы и

грозит всему человечеству в целом. Его нужно подавить.

— Ты уверен?

— Если мы ничего не предпримем… то человечество может погибнуть. — Гэри вспомнил картину, которую недавно видел в многомерном варианте. — Оставить Новое Возрождение, как есть, и Империя рухнет всего через несколько месяцев.

Клеон нахмурился.

— Так ли это? Что я должен делать?

— Жестоко подавить их. Да, саркиане великолепны, но они не способны заботиться о людях. Они — пример того, что я называю «чумой солипсизма», чрезмерной веры в себя. А это заразно.

— Человеку свойственно…

— Спасите выживших. Пошлите имперские корабли через пространственно-временные тоннели — продовольствие, адвокатов, психиатров, если понадобится. Но лишь после того, как там закончатся беспорядки.

— Ясно. — Клеон одарил его удивленным взглядом, в котором сквозило уважение. — А вы суровый человек, Гэри.

— Когда речь идет о сохранении порядка, о самой Империи — да, сир.

Клеон завел разговор о менее насущных делах, словно не желая продолжать тяжелый разговор. Гэри был рад, что Император не стал расспрашивать его дальше.

Дальнейшие предсказания показывали ряд гибельных перемен, а это значило, что все прежние рычаги поддержания стабильности тоже приходят в негодность. Новое Возрождение было всего лишь самым ярким примером.

Но повсюду, куда только ни обращался взгляд скованного сетью сенсоров Гэри, поднимались волны наступающего хаоса. Империя рушилась, и ни один человек не сумел бы остановить ее падение. Или даже осознать полностью.

Итак, через несколько месяцев Империя начнет распадаться. Военной силой не поправишь нарушившиеся социальные связи и взаимоотношения. Центр не сумеет остановить хаос.

Гэри мог немного замедлить падение — но не больше. Вскоре все Зоны вернутся к древним общественным формациям — феодализму, религиозному поклонению, матриархату…

Конечно, это лишь предварительные выводы. Он надеялся, что свежие факты покажут, что он ошибается. Но сомнения глодали его сердце.

Лишь через тридцать тысяч лет хаоса и смерти

все начнет возвращаться к стабильности и порядку. Появится новый, централизующий фактор.

Что-то подобное настоящей Империи? Он не знал.

Все прояснится, если хорошенько вникнуть и проработать детали. Применить академические навыки…

Какая-то идея промелькнула в его сознании. Академия? Что-то в этом есть…

Но Клеон продолжал говорить о его обязанностях. Идея погасла.

— Вместе мы многое сделаем, Гэри. Что ты думаешь о…

Вот так всегда, стоит Клеону позвонить — и вся работа насмарку.

Он никогда бы не сработался с Ламерком. Но теперь попался в ловушку власти. И как из нее выбраться?

Глава 16

Два выходца из далекого седого прошлого парили в холодном электронном пространстве, дожидаясь возвращения своего спасителя.

— Я верую, что он придет, — сказала Жанна.

— Я больше полагаюсь на расчеты, — ответил Вольтер, поправляя свой наряд. Он сделал шелк своих узких парадных штанов более эластичным. Для этого просто пришлось поправить коэффициент натяжения, и ничего больше. Алгоритмы сводили сложные законы к обыкновенной арифметике. Даже смысл жизни был просто еще одним параметром.

— И все же меня возмущает эта погода.

Над пенными волнами завывала буря. Они парили над бушующим океаном и нежились в потоках теплого восходящего воздуха.

— Это твоя идея — побыть птицами. — Вольтер был белым орлом.

— Всегда завидовала им. Такие легкие, беспечные, один на один с воздухом.

Он сложил крылья и поправил оперение на груди. Даже здесь жизнь состояла из сплошных мелочей.

— Почему эти чужаки решили превратиться в погоду? — спросила Жанна.

— Человек — спорит, природа — действует.

— Но они вовсе не природа! Они — это странные создания…

— Настолько странные, что мы вполне можем считать их природным явлением.

— Мне трудно поверить, что Господь сотворил нечто подобное.

— Точно так же я думал о многих парижанах.

— Они представлялись нам бурями, горами, океанами. Если бы они объяснились…

— Хочешь быть скучным — все объясняй.

— Смотри! Он идет.

Покачиваясь на крыльях, Жанна обросла доспехами. Эффект оказался неожиданным — представьте себе огромного стального сокола.

— Моя дорогая, — сказал Вольтер, — ты не перестаешь удивлять меня. С тобой даже вечность не покажется пресной.

Неподалеку в воздухе появился Гэри Селдон. Он еще не приспособился к изменившимся условиям и потому попытался найти почву под ногами. Потом бросил бесплодные попытки и посмотрел на симов, которые парили рядом с ним.

— Я пришел, как только смог.

— Ты, наверное, стал виконтом или герцогом? — предположила Жанна.

— Что-то в этом роде, — согласился Гэри. — Пространство, в котором вы находитесь, я постарался… э-э…

— Сохранить? — спросил Вольтер, хлопая крыльями рядом с изображением Гэри. Какое-то облако подплыло поближе, словно прислушиваясь.

— Мы называем это «утвержденным периметром» в виртуальном пространстве.

Господи, как поэтично! — приподнял бровь Вольтер.

— Что-то сильно похоже на зоопарк, — нахмурилась Жанна.

— Здесь и вы, и чуждые сознания могут находиться и жить спокойно, никто вас не потревожит.

— Я не хочу быть запертой в клетку! — возмутилась Жанна. Гэри покачал головой.

— Вы сможете связаться с любой точкой. Но больше никакого общения с тиктаками, идет?

— Это не к нам, это к погоде, — ответила Жанна. Целый каскад ярко-желтых молний сорвался с неба.

— Я только рад, что мемы не уничтожили всех

роботов до единого, — вздохнул Гэри.

— Похоже на англичан, которые убили провинившегося генерала, чтобы подбодрить остальных, — заметил Вольтер.

— Мне ничего не оставалось, — сказал Гэри.

Жанна расправила крылья и зависла напротив лица Гэри.

— Ты расстроен.

— Вы знали, что эти создания натравят тиктаков на роботов?

— Нет, — ответила Жанна.

— Хотя такое экономичное решение внушает уважение. Солидные ребята, ничего не скажешь.

— Коварные, — добавил Гэри. — Не знаю, что еще они выкинут.

— Надеюсь, они успокоились, — сказала Жанна. — В погоде чувствуется покой.

— Я хочу поговорить с ними! — крикнул Гэри.

— Как и короли, они любят, чтобы их упрашивали, — сказал Вольтер.

— Я чувствую, как они собираются вместе, — обнадежила его Жанна. — Нужно помочь нашему другу разогнать досаду.

— Мне? — спросил Гэри. — Мне не нравится убивать людей, если ты об этом.

— В трудные времена не бывает безопасных

путей, — сказала она. — Мне тоже пришлось убивать за правое дело.

— Ламерк был слуга народа, и ценный…

— Чепуха! — возмутился Вольтер. — Он умер, как и жил, — от удара исподтишка, честного поединка он не заслуживал! Он никогда бы не смирился, если бы ты пришел к власти. И даже если бы ты отступил — мой милый математик, вспомни, как опасно быть правым, если правительство ошибается!

— И все же я до сих пор не могу успокоиться.

— Ты должен, ведь ты человек праведный, — сказала Жанна. — Молись и не думай о себе.

— А еще лучше загляни в себя, — посоветовал Вольтер. — Все дело в том, что твои вторичные сознания вступили в спор. Это так присуще человеку.

Жанна махнула крылом на Вольтера, который вильнул в сторону.

Гэри нахмурился.

— Скорее это присуще механизму. Вольтер рассмеялся.

— Если порядок — ты ведь приверженец порядка, правда? — означает предсказуемость, а предсказуемость значит предопределенность, а это порождает принуждение, а принуждение

— не что иное, как несвобода, — тогда единственный путь к свободе — это беспорядок и хаос!

Гэри свел брови. Вольтер сообразил, что если для него самого идеи просто игрушки, а парадоксы лишь заставляют кровь быстрее бежать в жилах, то для этого человека абстракции значат очень многое.

— Наверное, ты прав, — сказал Гэри. — Люди чувствуют себя неуютно, если порядок слишком строг. Все эти иерархии, нормы, академические… — Он моргнул. — Какая-то интересная идея, я уже и не помню, о чем…

— Даже ты, разве хотел бы ты быть орудием собственных генов, физики, экономики? — мягко спросил Вольтер.

— Как мы можем быть свободными, если мы всего лишь механизмы? — спросил Гэри, словно обращаясь к самому себе.

— Никто не хочет полного хаоса или полной предопределенности, — сказал Вольтер.

— Но есть законы детерминизма…

— И много их? Вмешалась Жанна.

— Наш Господь даровал нам свободу выбора.

— Свобода выбора заключается в том, чтобы выбирать не то, что тебе нравится, — ничего себе подарочек! — возмутился Вольтер.

— Вы, господа, говорите о судьбе, не понимая смысла этого слова. Все существенное для человека — свобода, значение, ценность — все это исчезает при любом выборе.

— Любовь моя, ты должна помнить, что Гэри математик. — Вольтер закружился, вероятно, находя приятным, что ветер ерошит его перья. — Порядок-беспорядок находит отражение в других дуэлях: природа-человек, естественное-искусственное, животные и природа — человек вне природы. Это так естественно.

— То есть? — удивился Гэри.

— Как мы определяем контраргумент? Мы говорим: «с другой стороны», так?

Гэри кивнул.

— Мы считаем, что лицо и изнанка отражают весь мир. Например, у нас две руки, и обе разные.

— Хорошо. — Вольтер закружился вокруг стальной Жанны.

— У Творца тоже две руки, — вмешалась Жанна. — По правую руку Всеблагого Отца сидит…

Вольтер закаркал, как ворон.

— Но вы оба забываете о своих "Я", которые можете увидеть в электронном отображении. Смотрите глубже — и вы увидите бесконечное

множество деталей. Они объединяются в одно целое "Я", которое не может одинаково повиноваться каким-то определенным законам. Ты состоишь из множества связанных друг с Другом "Я".

И Вольтер создал в воздухе трехмерное сообщение:

— Сложные нелинейные системы непредсказуемы, даже если и предопределенны. Информационно-пропускная способность не в состоянии предсказать решение единого сознания, которое не менее сложно, чем сама Вселенная! Расчет последующего события займет больше времени, чем само событие. Именно эта особенность, определенная для нас Вселенной, и делает нас свободными.

Гэри ответил:

— Парадокс. Откуда система знает, что делать? Даже мощный компьютер в состоянии описать лишь крохотное изменение событий. Что делает данную систему быть способной к изменениям?

Вольтер пожал плечами — довольно трудный для птицы жест.

— Наконец вы дошли до вопроса, в котором не можете разобраться, — гордо сказала Жанна.

От удивления Вольтер даже тряхнул головой.

— Твой… Творец?

— Твои уравнения хорошо описывают. Но что наделяет твои уравнения… — она помедлила, прежде чем сказать, — огнем?

— Ты имеешь в виду Разум, который и контролирует Вселенную?

— Нет, это вы имеете в виду.

— Неплохо, — сказал Гэри. — Как гипотеза. Но почему этот Сверхразум заботится о нас, ничтожных пылинках?

— Он проявил заботу, выделив тебя из окружающего хаоса, разве нет?

— А, происхождение, — сказал Вольтер, уютно устроившись на восходящем потоке. Он обрадовался, вернувшись к знакомой теме. Точка зрения Жанны его забавляла. — Неразрешимый вопрос, конечно. Я предпочитаю иметь дело с моралью.

— Мораль зависит только от нас, — отрезала Жанна.

— Ерунда! — парировал Вольтер. — Мы развивались вместе с моралью, заложенной в нас Вселенной… Творцом, если пожелаешь.

— Ты имеешь в виду эволюцию? — спросил Гэри. — Сатиры…

— Конечно! — воскликнула Жанна. — Бог формирует мир, а мир формирует нас.

Гэри сомневался, Жанна ликовала.

— Мой математик, — сухо сказал Вольтер, — неужели ты веришь, что моральные нормы возникли как «спонтанный порядок из рационального упорядоченного поведения»? Так?

Гэри заморгал.

— Ну, нет…

— Я цитировал одну из твоих работ. Сэр, вы забыли, что наши бесконечные модели мира основываются только на нашем, человеческом, опыте и восприятии.

— Конечно, но…

— И эти модели — все, что нам известно! Гэри неожиданно улыбнулся.

— Мне нравится. Не женись на модели. — Он позволил себе немного подрасти, увеличиться в объеме и обрасти мускулами. — Не знаю почему, но я чувствую себя гораздо лучше.

— Твоя душа пришла в согласие с твоими действиями, — предположила Жанна.

— Я предпочитаю слово "Я" или «сущность», но не будем привередничать.

Внезапно Гэри почувствовал, как в его сознании сменились категории. Он помог этим симам сбежать, основываясь только на интуиции. Вот и плата — они случайно открыли то, что он хотел.

«Сознание… это самоорганизующаяся структура, как и Империя. Я могу найти множество связок между этими двумя моделями! Разложить знание вторичных сознаний и использовать его для анализа Империи, которая умеет учиться!»

— Прекрасная идея, — пробормотал Вольтер.

— Погодите, я вам покажу! Империя способна обучаться, ее подсистемы…

— Интересно, а наш Туман об этом знает? — спросила Жанна. Гэри нахмурился.

— Мне не хочется вовлекать его. Мои уравнения не могут работать с неизвестными переменными…

— Так он уже вовлечен, — заметила Жанна. — Он здесь, вокруг нас.

Гэри вздохнул.

— Надеюсь, мы сумеем удержать его здесь, в…

— Зоопарке, — сухо закончила Жанна.

На горизонте заклубились грозовые тучи и начали быстро расти.

— Вы убили роботов! — закричал Гэри в лицо буре. — Мы так не договаривались!

(МЫ НЕ ГОВОРИЛИ, ЧТО НЕ СДЕЛАЕМ ЭТОГО)

— Вы получили больше, чем мы договорились! Жизни… (ЭТО ПРОИЗОШЛО ПО УМОЛЧАНИЮ)

— Роботы — отдельный вид. У них высокий

интеллект… (ИХ СМОГЛИ УБИТЬ НЕСКОЛЬКО ПРИМИТИВНЫХ ТИКТАКОВ) (ТЫ, СЕЛДОН, НЕ ХОЗЯИН ЭТИМ МАШИНАМ) (И ПОТОМУ ПЕРЕСТАНЬ РУГАТЬСЯ)

Гэри стиснул зубы и с силой выдохнул.

(ГРЯДУТ БОЛЕЕ ВАЖНЫЕ СОБЫТИЯ)

— Ваша месть? — горько спросил Гэри. — Вы приходили за их жизнями?

(МЫ НЕ ОСТАНЕМСЯ ЗДЕСЬ) (ЭТО МЕСТО ОБРЕЧЕНО) Гэри сгибался под порывали ледяного жалящего ветра.

— Трентор?

(И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ) — Чего вы хотите?

(НАША СУДЬБА — ПЛАВАТЬ ПО ВИТКАМ СПИРАЛИ)
(И ТАИТЬСЯ В СГУСТКАХ ГАЛАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА)

Гэри вспомнил звездные скопления в Ядре Вселенной.

— И вы сможете?

(МЫ ПЕРЕЙДЕМ В ФОРМУ СПОР) (НЕКОТОРЫЕ ИЗ НАС ТАК УЖЕ ЖИЛИ) (мы хотим вернуться к этому состоянию)

(ИЛИ МЫ УНИЧТОЖИМ ВСЕХ ВАШИХ РОБОТОВ)

— Мы так не договаривались! — закричал Гэри.

По его лицу барабанил холодный дождь, но он не отворачивался, впиваясь взглядом в тяжелые тучи, которые полыхали снопами ярких молний.

(КАК ТЫ МОЖЕШЬ НАС ОСТАНОВИТЬ?) (ДАЖЕ ЕСЛИ ЭТО ИСТОЩИТ НАШИ ВОЗМОЖНОСТИ) (МЫ ВСЕ РАВНО СПОСОБНЫ) (ОБРЕЧЬ ТРЕНТОР НА ГОЛОДНУЮ СМЕРТЬ)

Гэри скривился. Он уже много знал о власти.

— Хорошо. Я проведу исследования, которые позволят наделить вас физической формой. И я знаю, кто на такое способен. Марк и Сибил. К тому же они умеют держать язык за зубами.

— А почему вы стремитесь удалиться со сцены, если пока все в порядке? — спросил Вольтер.

(ГРЯДЕТ НОВАЯ ВОЛНА ПЛАМЕНИ) (ОНА ПОЖРЕТ ЛЮДЕЙ ЖИВУЩИХ В СПИРАЛИ) (МЫ БУДЕМ НАБЛЮДАТЬ) (КОГДА СТАНЕМ СПОРАМИ) (ТОГДА НИКТО НЕ ТРОНЕТ НАС И МЫ НИКОГО НЕ ТРОНЕМ)

На фоне фиолетового неба появился сверкающий острыми гранями кристалл. Гэри узнал чуждую технологию, которая когда-то превратила эти суровые существа в электронные импульсы.

(ТРЕНТОР
БЫЛ ДЛЯ НАС ИДЕАЛЬНЫМ УКРЫТИЕМ) (НО ВСЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ) (В ГРЯДУЩЕЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

КРОЕТСЯ УГРОЗА)

— Гм-м-м… Может, нам с Жанной тоже лучше убраться? — задумчиво сказал Вольтер.

— Подождите, — быстро заговорил Гэри. — Если вы хотите уйти с ними и жить в виде спор — сперва потрудитесь.

— Как? — нахмурилась Жанна.

— Сейчас я могу сделать так, что вы свободно будете перемещаться по всей Сети. Взамен… — он тревожно взглянул на Вольтера-орла, привольно хлопавшего крыльями, — я хочу, чтобы вы мне помогли.

— Конечно, если тебя ведет святая цель, — согласилась Жанна.

— Да. Помогите мне править! Я всегда чувствовал, что с этим справится лучше кто-нибудь другой. Работа лидера — не для одного человека.

— Если ты считаешь, что с этим справится кто-нибудь, ты никогда не найдешь просто кого-нибудь, — ответил Вольтер.

— Но я человек другого склада. Потому вы и нужны мне. — Чтобы править? — переспросила Жанна.

— Именно. Я не создан для этого. Вольтер замер в воздухе, расправив крылья.

— Какие возможности! Если у нас будет доста-

точно компьютерного времени и приличные скорости, мы можем возродить симулятор Макиавелли!

— Я должен разобраться со многими, гм, проблемами. А когда я разберусь с политикой, вы можете принять форму спор и лететь куда захотите.

Вольтер внезапно превратился в человека, хотя и сохранил снежно-белый цвет одежд.

— Гм, политика… Всегда считал, что это занятие интересное. Игра тонкими идеями, в которую играют тупоголовые идиоты.

— У меня сильная оппозиция, — грустно признался Гэри.

— Друзья приходят и уходят, а враги накапливаются, — заметил Вольтер. — Пожалуй, мне это понравится.

Жанна закатила глаза.

— Святые нас благословляют.

— Не сомневаюсь, моя дорогая.

Глава 17

Гэри уселся за свой стол. Итак, он — премьер-министр, но особенный премьер-министр.

Все продумано просто прекрасно. Он может спокойно заниматься своим делом, вдали от дворцовых интриг. У него масса времени для математических вычислений.

Он, конечно, будет выступать перед народом по трехмерному головидео. Эти заботы возьмет на себя Вольтер. В конце концов, Вольтер и Жанна вполне могут подменить собой Гэри на всяких там встречах и конференциях, где необходимо участие премьер-министра. В компьютерной Сети оба они запросто могут принять облик Селдона.

Жанне нравятся публичные церемонии, особенно если она может там выступать за укрепление благочестия. А Вольтеру нравится изображать одного древнего деятеля, с которым он, кажется, был даже знаком — господина Макиавелли. Он говорил: «Ваша Империя — огромная ветхая развалюха с бесконечным множеством нюансов и заблуждений. За ней нужно присматривать».

А в остальное время они оба могут исследо-

вать безграничное королевство виртуального пространства, огромный, непрерывно меняющийся лабиринт. Как сказал Вольтер, свой досуг они могут посвятить «разнообразным веселым причудам».

Пришел Юго, радостный и возбужденный.

— Гэри! Верховный Совет только что принял твои предложения по голосованию! Теперь каждый далити в Галактике — на твоей стороне.

Гэри улыбнулся.

— Пусть Вольтер выступит по трехмерному видео, в виде меня.

— Ага, такой скромный и доверительный — это сработает.

— Надо не забыть ту старинную шутку о проститутке. За обычную работу — обычная плата, а искренность — это уже отдельный разговор.

Юго радостно заржал, и вдруг недовольно сказал:

— А, знаешь, там еще эта женщина…

— О, нет…

Гэри совершенно забыл об академике Потентейт. Угроза, которую ему пока не удалось нейтрализовать. Она знает о Дорс, знает о роботах…

Не оставив ему времени на размышления, пожилая леди проскользнула в кабинет.

— Я так счастлива, что вы согласились со мной увидеться господин премьер-министр!

— Хотел бы я сказать то же самое о вас.

— А как ваша очаровательная супруга? Она здесь, поблизости?

— Сомневаюсь, что ей захочется с вами встретиться. Академик Потентейт расправила свои просторные одеяния и без приглашения уселась в кресло.

— Надеюсь, вы не приняли всерьез мой маленький намек?

— Мое чувство юмора не распространяется на шантаж и вымогательство.

Пожилая дама расширила глаза и с оттенком возмущения в голосе сказала:

— Ну, что вы! Я всего лишь пытаюсь найти подход к вашей администрации.

— Несомненно!

Имперские традиции не позволяли Гэри даже затронуть вопрос о возможной причастности академика Потентейт к заговору Ваддо на Сати-рукопии.

— Я нисколько не сомневалась, что вам удастся заполучить министерское кресло. Мои маленькие выпады против вас — да, надо признаться, они были несколько дурного тона…

— Весьма.

— Вы человек немногословный — это большое достоинство. На моих друзей вы произвели огромное впечатление — тем, как решительно управились с мятежом тиктаков и с убийством Ламерка…

Так вот оно что… Уж очень убедительно Гэри доказал, что он — не тот рассеянный профессор, за которого они его принимали.

— Решительно? А может быть, лучше сказать — безжалостно?

— О, нет, что вы! Мы вовсе так не думаем. Вы были совершенно правы, позволив Сарку «взорваться ко всем чертям», как красноречиво вы это назвали. Невзирая на то что «Серые» так рвались влезть в это дело и залатать дыры. Очень мудро, да, и вовсе не безжалостно.

— Даже при том, что Сарк после этого, по-видимому, уже никогда не поднимет голову?

Это был вопрос, который он задавал сам себе долгими бессонными ночами. Люди умирали, чтобы Империя могла жить… как можно дольше.

Академик Потентейт только пожала плечами.

— Как я вам и говорила, мне хотелось бы наладить особые взаимоотношения с премьер-

министром из нашего класса, и, признаюсь, так долго...

Как и множество других людей, с которыми Гэри был теперь знаком, она говорила для того, чтобы скрыть свои истинные мысли и намерения, а не для того, чтобы их открыть. Академик Потентейт все болтала и болтала, а Гэри думал, как бы совладать с узловыми понятиями в его уравнениях. Он уже успел обучиться непростому искусству делать вид, что внимательно следит за разговором и живо участвует в нем — движениями глаз, мимикой и ничего не значащими короткими фразами. Это было именно то, что обычно делает за человека фильтр-программа на трехмерном головидео. А Гэри теперь умел прекрасно обходиться своими силами, даже не задумываясь о лицемерии сидевшей перед ним дамы.

В какой-то мере он начал ее понимать. Власть как таковая для нее не имеет никакого значения. И ему придется научиться думать и действовать в таком же ключе. Но Гэри не мог допустить, чтобы это отразилось на его личности. Свою личную жизнь он будет защищать неумолимо и безжалостно.

Наконец Гэри удалось выпроводить старую

ведьму, и он вздохнул с облегчением. Наверное, он выбрал правильный тон — резкий и безапелляционный. Полезно, когда тебя считают жестоким. Взять, к примеру, того парня, Нима. Гэри сумел найти его и даже доказать, что тот вел нечестную игру с «Технокомпанией».

Но зачем ему было уничтожать Нима? Благодарность более полезна и действенна. Гэри послал в Службу Безопасности коротенькую рекомендацию пристроить Нима к полезной деятельности, в которой его склонности к предательству не нашлось бы приложения. А службисты пусть уж сами подумают — какую именно работу предложить Ниму.

Гэри запустил дела, у него были определенные обязанности, которые следовало исполнить, прежде чем он скроется. Даже здесь, в Университете, на нем лежал определенный долг перед Империей.

Прибыла делегация «Серых». Они представили Селдону свои предложения о порядке выбора кандидатов на различные должностные посты в Империи. Результаты тестов неуклонно снижаются от столетия к столетию; некоторые полагают, что виной тому — расширение контингента допущенных к экзаменам. Они не

принимали во внимание то, что Верховный Совет целенаправленно расширял этот контингент.

Другие обвиняли тестовую систему в необъективности и предвзятости. Жители крупных планет утверждали, что из-за привычки к высокой гравитации у них вырабатываются замедленные реакции. А люди с малых планет, на которых гравитация низкая, приводили противоположные доводы, подкрепленные диаграммами и статистическими расчетами.

В целом же мириады этнических и религиозных группировок объединились во «Фронт Действия» и выступали против предвзятости к их личностным особенностям, заложенной в тестовой системе экзаменов. Интересно, как это может одна и та же система ущемлять гражданские права нескольких сотен или даже тысяч этнически разнородных групп? Гэри даже решился заметить:

— Мне кажется, что это почти непосильная задача — ущемить в правах так много фракций сразу.

Решительная и энергичная дама из «Серых» страстно принялась объяснять, что предвзятость необходима для того, чтобы кандидаты соответствовали определенным имперским нор-

мам — таким как, например, словарный запас, совокупность представлений и классовые возможности. И все это вместе «оставляет за бортом не таких, как все».

В качестве компенсации «Фронт Действия» требует введения обычных нормативов с некоторыми поправками на снижение этнических и социальных различий — чтобы компенсировать их недостаточное соответствие тестовым требованиям.

Это было вполне понятное требование, и Гэри готов был принять его без долгих раздумий. По-быстрому разобравшись с этим вопросом, он урвал бы кое-какое время на занятия психоисторическими уравнениями. Однако он обратил внимание на одну подробность…

Чтобы уменьшить повсеместное «недопонимание» тестовых программ, которое подтачивает возросшую политическую активность этнически своеобразных миров, «Фронт Действия» выдвигал также требование коренным образом «преобразовать» всю систему тестовых экзаменов в целом. Он требовал установить среднее значение экзаменационной оценки в тысячу баллов, в то время как за последние два столетия она снизилась до восьмисот семидесяти трех баллов.

— Это позволит сравнивать соответствие кандидатов разных лет нужным требованиям, не прибегая к вычислениям ежегодного среднего балла, — заявила энергичная дама.

— Вы полагаете, так мы получим равномерное распределение? — с отсутствующим видом спросил Селдон.

— Да, и прекратится оскорбительное сравнение нынешнего года с предыдущим!

— Но разве такие ограничения не снизят выраженность дискриминации в первую очередь в высших слоях отбираемого контингента? — спросил Гэри, сузив глаза.

— К сожалению, это так.

— Прекрасная идея! — сказал Гэри. Дама, похоже, искренне удивилась.

— Ну да, мы тоже так думаем.

— Мы ведь можем то же самое сделать с глобальными средними значениями…

— Что вы имеете в виду? Я не…

— Установим статистические нормативы так, что средний показатель будет, скажем, пятьсот баллов вместо нынешних четырехсот сорока шести, которые и запомнить-то не так просто.

— Но я не думаю, что принципы социальной справедливости…

— И тесты интеллекта тоже. Все это необходимо реорганизовать — несомненно. Вы согласны?

— Ну, я не вполне уверена, господин премьер-министр. Мы только хотели…

— Нет, нет, это просто грандиозная идея. Я хочу просмотреть все возможности для реорганизации. Вы должны мыслить глобальными категориями!

— Но мы не готовы…

— Так подготовьтесь! Предоставьте мне отчет. Не какую-нибудь отписку, а подробный, по-настоящему полноценный отчет. Полагаю, меньше чем в две тысячи страниц вы не уложитесь.

— Но на это потребуется…

— К черту затраты! И время — тоже. Это слишком важно для того, чтобы восстановить авторитет Имперских экзаменов. Вы подготовите мне этот отчет.

— Но на это могут уйти многие годы, даже десятилетия…

— Значит, нечего тут попусту тратить время!

Делегация «Фронта Действия» удалилась в полной растерянности. Гэри надеялся, что пока они сочинят этот «по-настоящему полноценный» огромный отчет, пройдет немало времени, и он уже не будет премьер-министром, который

обязан с этим отчетом разбираться.

Искусство управления Империей отчасти заключалось в том; чтобы направлять инерцию Империи против нее самой. Некоторые стороны этой работы Гэри находил даже привлекательными в какой-то степени.

Прежде чем уйти из кабинета, Гэри связался с Вольтером.

— Вот список твоих ролей.

— Должен признаться, у меня возникли кое-какие трудности с тем, чтобы держать в узде все фракции сразу, — сказал Вольтер. Он был одет в щегольской бархатный костюм. — Но это — возможность рисковать по-настоящему, быть в настоящем… Это все равно, что играть роль в пьесе. Ты ведь знаешь, я всегда был прирожденным актером, я создан для сцены.

Гэри не знал, но сказал только:

— Вот что такое на самом деле наша демократия — шоу-бизнес с кинжалами. Ублюдочное порождение правительства. Даже если это — большая, стабильная общественная формация в соответствующем окружении.

— Рационально мыслящие люди порицают излишества демократии. Демократия обесценивает индивидуальность и превозносит толпу. — Губы

Вольтера изогнулись в насмешливой улыбке. — Наибольшее достижение демократии — смерть Сократа.

— Боюсь, столь древние подробности мне неизвестны, — вздохнул Гэри. — Ну, работай на здоровье. Всего хорошего!

Глава 18

Гэри и Дорс смотрели, как в бездонной непроглядной ночи под ними вращается грандиозная сияющая спираль. Дорс мечтательно сказала:

— Знаешь, а мне нравятся такие штуки… Они стояли вдвоем и смотрели на экран. Бесчисленные звезды и планеты, похожие на осколки огромных бриллиантов, усеивали первозданную черноту ночного неба.

— Значит, ты приходишь в Императорский Дворец только для того, чтобы полюбоваться видами? — Гэри заранее приказал очистить все залы от посторонних.

— Нет, для того, чтобы отдохнуть от ищеек и подслушивающих устройств.

— Ты что… Тебе что, не сказали?.. Дорс покачала головой.

— Дэниел отправил всех наших, кто уцелел, подальше от Трентора. Он мне почти ничего не рассказал.

— Я почти уверен, что мемы больше себя не проявят. Они боятся роботов. И я немного поразмыслил над тем, что кроется за их разговорами о возмездии.

— И страх, и ненависть сразу — это так по-человечески…

— Однако мне кажется, они получили свое возмездие. Они говорили, что в Галактике было полным-полно иной жизни до того, как в нее пришли люди. Жизнь циклична — хорошие эпохи чередуются с плохими. Я не знаю, почему так происходит, но это так. Наверное, такое уже случалось раньше, и не раз — с промежутками в треть миллиарда лет. И от великой, высокоразвитой жизни остались лишь мертвые, иссушенные споры. И вот эти споры внедрились в нашу компьютерную сеть и превратились в программные реликты.

— Реликты не способны убивать, — с горечью сказала Дорс.

— Очевидно, способны, хоть и не так хорошо, как мы.

— Не вас — нас.

— Они ненавидят вас, роботов. Это, конечно, не значит, что они пылают особой любовью к людям — в конце концов, ведь это мы вас создали в давние-предавние времена. И отвечать за вас должны были бы мы.

— Они такие необычные, чуждые… Гэри кивнул.

— Я думал, что они так и останутся навечно в компьютерной сети, пока Марк и Сибил не сумеют вернуть их в исходное спорообразное состояние. Они существовали в виде спор дольше времени, чем нужно Галактике для того, чтобы совершить полный оборот вокруг своей оси.

— Твоего «чертовски уверен» Дэниелу вполне достаточно, — сказала Дорс. — Он хочет, чтобы их истребили полностью.

— Они полностью нейтрализованы. Если Дэниел станет их преследовать, ему придется отключать компьютерную сеть Трен-тора. А это повредит Империи. Так что ему придется смириться — как бы он ни сердился, он все равно не в силах ничего с этим сделать.

— Надеюсь, ты не ошибся в оценке баланса сил, — сказала Дорс.

У Гэри промелькнула мимолетная мысль: тиктаки непоправимо скомпрометировали себя в общественном мнении, напав на Ламерка. И теперь их безжалостно уничтожают по всей Галактике. И в скором времени на Тренторе, наверное, совсем не останется созданий с искусственным интеллектом.

Гэри помрачнел. Несомненно, Дэниелу полезны оба эти следствия.

И он, несомненно, предполагал, что создания с искусственным интеллектом все же уцелеют, а возможно, еще и будут активно действовать на Тренторе. Так, может быть, неумелые попытки Гэри вмешаться в ход событий — такие, как, например, убийство Ламерка — были тщательно подготовлены и спровоцированы самим Дэниелом? Может ли робот настолько точно предвидеть, что он, Гэри Селдон, будет делать?

Гэри пробрала дрожь. Если это возможно… Дух захватывает! Это слишком сверхчеловеческие возможности, даже для роботов.

Поскольку тиктаков вскоре должны были изъять из обращения, на Тренторе должен наступить кризис с производством продуктов питания. Людям придется снова изучать те работы, которые они когда-то выполняли, а потом полностью переложили на плечи тиктаков. И сменится не одно поколение, прежде чем снова сформируется общественный класс профессиональных рабочих. А тем временем множество прочих миров должны будут снабжать Трентор едой по ненадежному и уязвимому пути. Неужели Дэниел рассчитал и это тоже? И до какого предела?

Гэри стало как-то неуютно. Он своими глазами наблюдал, как действуют силы общественного

движения.

Была ли такая проницательность результатом сочетания тысячелетнего жизненного опыта и высокоразвитого позитронного интеллекта? На мгновение Гэри вообразил себе нечеловеческий разум, необъятный и безмерно могущественный по людским меркам. Не такими ли в конце концов становятся бессмертные машины?

Но он отбросил эту мысль. Она была слишком тревожной и неуютной, чтобы ее принять. Возможно, впоследствии, когда будет создана психоистория…

Гэри заметил, что Дорс внимательно смотрит на него. Что же она сказала? Ах, да…

— Да, оценка баланса… Я предчувствую…

— Я тоже предчувствую. Теперь, когда Вольтер и Жанна занимаются рутинной работой в правительстве, а Отделением Математики руководит Юго, у меня наконец-то появилось время на то, чтобы думать.

— И на удовольствие помучить дураков?

— Ты про академика Потентейт? Ну, я, по крайней мере теперь, начал ее понимать. — Гэри пристально посмотрел на жену. — Дэниел сказал, что собирается покинуть Трентор. Он потерял слишком многих своих андроидов… Ты нужна

ему?

Дорс смотрела на Гэри печально и одновременно с тихой нежностью. Очень противоречивое выражение.

— Я не могу тебя оставить.

— Это его приказ?

— Нет, мой собственный. Гэри стиснул зубы.

— Ты знала кого-нибудь из тех роботов, которые погибли?

— Некоторых знала. Мы когда-то обучались вместе… Давно, когда…

— Можешь ничего от меня не скрывать. Я знаю, что тебе, наверное, не меньше сотни лет.

Дорс приоткрыла рот от удивления, но быстро овладела собой.

— Но откуда ты узнал?

— Ты знаешь больше, чем должна бы знать.

— Ты тоже — и в постели, и вообще… — Дорс засмеялась.

— Я научился у одного знакомого сатира. Дорс снова рассмеялась.

— Мне сто шестьдесят три года.

— Да ты у меня еще совсем подросток! Несовершеннолетняя! Только попробуй сбежать с Трентора — я тебя не пущу.

Дорс смутилась.

— Правда?

Гэри прикусил губу, размышляя.

— Ну… Нет. Дорс улыбнулась.

— Куда романтичнее было бы сказать «да»…

— У меня вредная привычка — отвечать честно. Но если я собираюсь остаться премьер-министром, мне лучше о ней забыть.

— Значит, ты мог бы меня отпустить? Ты по-прежнему считаешь, что настолько обязан Дэниелу?

— Если он считает, что тебе опасно здесь оставаться, мне, наверное, лучше положиться на его мнение…

— Ты по-прежнему настолько нам доверяешь?

— Я всегда доверял и буду доверять роботам, которые бескорыстно служат Империи. Не многие люди на такое способны.

— А тебе не интересно, что мы сделали, чем заслужили «возмездие» мемов?

— Конечно, интересно! А ты знаешь что?

Дорс покачала головой и отвернулась, глядя на огромный вращающийся диск Галактики. Голубые, пурпурные и желтые солнца скользили по своим орбитам, окруженные облачками тусклой звездной пыли…

— Это было нечто ужасное. Дэниел был там,

но он никогда об этом не заговаривал. В нашей истории об этом ничего не сказано. Я специально смотрела.

— В прошлом Империи, которая существует тысячелетия, сокрыто множество страшных тайн. — Гэри смотрел на торжественный медленный танец сотен миллиардов сияющих звезд. — Но меня больше волнует ее будущее. Я хочу спасти Империю.

— Тебя пугает будущее Империи?

— Грядут ужасные катастрофы. Я вижу это по уравнениям.

— Мы встретим их вместе.

Гэри обнял Дорс за плечи, и они оба замерли, не отрывая взгляда от прекрасной сияющей Галактики.

— Я мечтаю создать нечто такое… Некий способ помогать Империи даже тогда, когда нас больше не будет…

— И ты чего-то боишься… Я вижу, — сказала Дорс. Гэри помрачнел.

— Как ты узнала? Да… Я боюсь — боюсь хаоса, беспорядка, который наступит из-за множества причин. Множество сил, множество расходящихся векторов — все они направлены на то, чтобы разрушить установленный в Империи порядок.

Я боюсь даже… Даже Академии. Академий.

— Грядет хаос?

— Я знаю, что даже мы сами, наше сознание произошло из хаоса. Виртуальный мир — тому свидетельство. И ты — тоже.

Дорс мрачно заметила:

— Я не думаю, что позитронный разум способен понять себя лучше, чем человеческий.

— Мы — и наши разумы, и наша Империя — произошли из глубинного, внутреннего хаоса, но…

— Ты не хочешь, чтобы этот хаос погубил Империю.

— Я хочу, чтобы Империя осталась жить! И если она все же погибнет, я хочу, чтобы она смогла возродиться!

Гэри было больно думать о таком будущем. Империя была подобна разуму, а разум иногда разрушается, становится безумным. Для одного, отдельно взятого разума это — катастрофа. Для Империи все гораздо хуже. Безмерно хуже.

Если смотреть сквозь призму математики, человечество непрерывно движется вперед, сквозь окружающий мрак. Время треплет человечество жестокими штормами, ласкает в теплых солнечных лучах — а человечество и не подозревает,

что такие перемены погоды строго обусловлены жесткими закономерностями, заложенными в первичные, всеобъемлющие уравнения.

Прогоняя уравнения вперед и назад во времени, Гэри видел в разрезе весь путь человечества. Почему-то в таком виде это было особенно трогательное зрелище. В заботах о настоящем, которое окружает их здесь и сейчас, очень немногие миры утруждали себя тем, чтобы заглянуть вперед, в будущее. Нет, конечно, в напыщенных речах недостатка не было, хватало и непроходимых глупцов, которые претендовали на предсказание незримого будущего — к примеру, по раскладу карт или узорам кофейной гущи. И, направленные неверным путем, разрушались и исчезали целые Зоны.

Гэри рассматривал развертки уравнений в перспективе, но за огромными числами видел, казалось бы, бесконечно малую величину — живых людей. Посреди безграничного королевства звезд, под законами, которые правят, подобно богам, кроются неисчислимые человеческие жизни, занятые умиранием. Потому что жить — значит в конце концов умереть.

Законы общественного движения действуют — и люди живут, болеют, страдают, изменяются

под действием сил, о существовании которых они даже не подозревают. Люди приходят в отчаяние, становятся беспомощными, одинокими, испытывают страх страдают и раскаиваются. Они плачут и смеются, терзаются муками ожидания и неведения — в мире, который они обречены так и не познать до конца и в котором они тем не менее живут.

Этим можно гордиться. Люди — это пылинки, рассеянные во времени. Они — мельчайшие частички Империи, сильные и гордые, полные жизни. Они — составляющие уничтоженного, нарушенного порядка, полные своей собственной пустотой.

Теперь Гэри знал наверняка, что ему не удастся спасти от гибели расшатанную неурядицами Империю — чудовище, опутанное множеством тонких нюансов и бесчисленных противоречивых заблуждений.

Ну, что ж, спасителем Империи он не станет. Но, может быть, он все же сумеет ей помочь…

Гэри и Дорс еще долго стояли, обнявшись, и молчали. Галактика двигалась вокруг своей оси в медленном, царственном ритме. Фонтан, расположенный неподалеку от картины Галактики, извергал в небо сверкающие струи воды. Вода,

безудержно взлетающая вверх, казалась свободной — но на самом деле была навечно прикована к стальной поверхности Трентора. Как и Гэри Селдон.

В груди Гэри поднималось какое-то сильное чувство, которому он пока не мог найти определения. Его горло сдавил спазм, и Гэри покрепче прижал к себе Дорс. Она была машиной, и женщиной, и… и чем-то большим. Было в ней что-то еще, чего Гэри не мог полностью понять, — и за это он еще сильнее ее любил.

— Ты так обо мне заботишься… — прошептала Дорс. — Я не могу иначе.

— Может, нам лучше попробовать просто больше жить и меньше печалиться?..

Гэри страстно поцеловал ее и рассмеялся.

— Ты, как всегда, права. Ведь кто знает, что нас ждет в будущем? И он подмигнул ей.